Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Т. III

1917

ЧАСТЬ
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

СЕРИЯ I

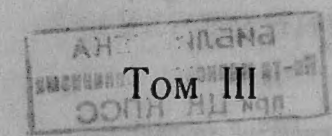
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОДГОТОВЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

Том III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

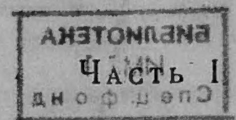
Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Том III

1917

Часть I

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз № 7964. Главлит № 25765. Москва. Напеч. 25.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ

IV. Напор контр-революции.

Уроки Октября.

(Вместо введения.)

Нужно изучать Октябрь

Если нам повезло в Октябрьской революции, то Октябрьской Революции не повезло в нашей печати. До сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты. Более того, даже сырые материалы, непосредственно характеризующие отдельные стороны подготовки переворота, или самого переворота — и притом важнейшие документы,—не изданы до сих пор. Мы много издаем историко-революционных и историко-партийных документов и материалов, относящихся к до-октябрьскому периоду, мы немало издаем материалов по-октябрьской эпохи. Но Октябрю уделяется гораздо меньшее внимание. Совершив переворот, мы как бы решили, что повторять его нам все равно не придется. От изучения Октября, условий его непосредственной подготовки, его совершения, первых недель его закрепления мы как бы не ждали прямой и непосредственной пользы для неотложных задач дальнейшего строительства.

Однако, такая оценка, хотя бы и полусознательная, представляется глубоко ошибочной, да к тому же еще и национально-ограниченной. Если нам не предстоит более повторять опыт Октябрьской Революции, то это вовсе не значит, что нам нечему учиться на этом опыте. Мы—часть Интернационала, а пролетариат всех других стран только еще стоит перед разрешением своей «октябрьской» задачи. И мы имели за последний год достаточно убедительные доказательства того, что наш октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямо-таки неизвестен им с фактической стороны.

Можно, правда, указать на то, что нельзя изучать Октябрь и даже издавать октябрьские материалы, не вороша при этом

старые разногласия. Но такой подход к вопросу был бы слишком уж ничтожным. Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах октябрьского переворота, имеющих международное значение.

Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям доктринерски-фаталистического характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июньского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок. Болгарская революция должна была явиться вступлением к немецкой революции. К несчастью, дурное болгарское вступление нашло еще худшее развитие в самой Германии. Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения. Опять-таки, ни болгарский, ни даже германский опыты прошлого года до сих пор не нашли достаточно полной и конкретной оценки. Автор этих строк дал общую схему развития немецких событий в прошлом году (см. книжку «Восток и Запад», в главах «На повороте» и «Через какой этап мы проходим»). Все, что произошло с того времени, целиком и полностью подтвердило эту схему. Никакого другого объяснения никто другой не пытался представить. Но схемы нам мало, нам необходима конкретная, насыщенная фактическим материалом картина развития прошлогодних немецких событий, которая выяснила бы во всей конкретности причины жесточайшего исторического поражения.

Но трудно говорить об анализе событий в Болгарии и в Германии, когда мы до сих пор не дали политически и тактически проработанной картины Октябрьского переворота. Мы сами для себя не уяснили того, что совершили и как совершили. После Октября казалось сгоряча, что события в Европе развернутся сами собой и притом в такой короткий срок, который не оставит времени для теоретического усвоения октябрьских уроков. Но оказалось, что при отсутствии партии, способной руководить

пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть: даже в высоко-индустриальной и высоко-культурной Германии стихийное восстание трудящихся (в ноябр-1918 года) оказалось способно лишь передать власть в руки буржуазии. Имущий класс способен овладеть властью, выбитой из рук другого имущего класса, опираясь на свои богатства, на свою «культурность», на свои неисчислимые связи со старым государственным аппаратом. Пролетариату же ничто не может заменить его партии. С середины 1921 года только и начинается по-настоящему период оформленного строительства коммунистических партий («борьба за массы», «единый фронт» и пр.). «Октябрьские» задачи отодвинулись. Вместе с тем отодвинулось и изучение Октября. Прошлый год снова поставил нас лицом к лицу с задачами пролетарского переворота. Пора собрать все документы, издать все материалы и приступить к их изучению!

Разумеется, мы знаем, что каждый народ, каждый класс и даже каждая партия учатся, главным образом, на собственной спине. Но это вовсе не значит, что опыт других стран, классов и партий имеет маловажное значение. Без изучения Великой Французской Революции, революции 48 года и Парижской Коммуны мы никогда бы не совершили Октябрьского переворота, даже имея опыт 1905 года: ведь и этот наш «национальный» опыт мы проделывали, опираясь на выводы прежних революций и продолжая их историческую линию. А затем весь период контрреволюции был заполнен изучением уроков и выводов 1905 года. Между тем, в отношении победоносной революции 1917 года нами не проделано такой работы, хотя бы и в одной десятой части. Конечно, мы живем не в годы реакции и не в эмиграции. Зато и силы и средства, какими мы располагаем ныне, не идут ни в какое сравнение с теми тяжкими годами. Надо лишь ясно и отчетливо поставить задачу изучения Октябрьской Революции как в партийном масштабе, так и в масштабе всего Интернационала. Надо, чтобы вся партия и особенно ее молодые поколения проработали шаг за шагом опыт Октября, который дал величайшую, неоспоримую, безапелляционную проверку прошлого и открыл широкие двери будущему. Прошлогодний немецкий урок является не только серьезным напоминанием, но и грозным предостережением.

Можно, правда, сказать, что и самое серьезное знакомство с ходом Октябрьского переворота еще не давало бы гарантий по-

беды нашей немецкой партии. Но такого рода огульное и по существу филистерское резонерство не способно ни на шаг подвинуть нас вперед. Конечно, одного изучения Октябрьской Революции недостаточно для победы в других странах; но могут быть условия, когда все предпосылки для революции налицо, кроме дальнозоркого и решительного партийного руководства, основанного на понимании законов и методов революции. Таково именно было положение в прошлом году в Германии. Оно может повториться и в других странах. Для изучения же законов и методов пролетарской революции нет до настоящего времени более важного и глубокого источника, как наш октябрьский опыт. Руководители европейских коммунистических партий, которые не проработали бы критически и притом во всей конкретности историю Октябрьского переворота, походили бы на военачальника, который, готовясь в нынешних условиях к новым войнам, не изучал бы стратегического, тактического и технического опыта последней империалистской войны. Такой военачальник неизбежно обрек бы в будущем свои армии на поражение.

Основным инструментом пролетарского переворота служит партия. На основании нашего опыта, взятого хотя бы только на протяжении года (от февраля 1917 до февраля 1918), и на основании дополнительного опыта в Финляндии, Венгрии, Италии, Болгарии, Германии можно установить, почти что в качестве непреложного закона, неизбежность партийного кризиса при переходе от подготовительной революционной работы к непосредственной борьбе за власть. Кризисы внутри партии, вообще говоря, возникают на каждом серьезном повороте партийного пути, как преддверие поворота или как его последствие. Объясняется это тем, что каждый период в развитии партии имеет свои особые черты и предъявляет спрос на определенные навыки и методы работы. Тактический поворот означает бо́льшую или меньшую ломку этих навыков и методов: здесь непосредственный и ближайший корень внутрипартийных трений и кризисов. «Слишком часто бывало,—писал Ленин в июле 1917 г.,—что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории» (т. XIV, ч. 2, стр. 12). Отсюда вырастает опасность: если поворот слишком крут или

слишком внезапен, а предшествующий период накопил слишком много элементов инерции и консерватизма в руководящих органах партии, партия оказывается неспособной осуществить своё руководство в наиболее ответственный момент, к которому она готовилась в течение годов или десятилетий. Партия разъедается кризисом, а движение идет мимо нее — к поражению.

Революционная партия находится под давлением других политических сил. В каждый данный период своего развития она вырабатывает свои способы противодействия и отпора им. При тактическом повороте и связанных с этим внутренних перегруппировках и трениях сила сопротивляемости партии ослабевает. Отсюда постоянная возможность того, что внутренние группировки в партии, вырастающие из необходимости тактического поворота, могут далеко перерасти свои исходные пункты и послужить опорой для различных классовых тенденций. Проще сказать: партия, которая не идет в ногу с историческими задачами своего класса, становится или рискует стать косвенным орудием других классов.

Если сказанное выше верно в отношении каждого серьезного тактического поворота, то оно тем более верно в отношении больших стратегических поворотов. Под тактикой в политике, по аналогии с военным делом, мы понимаем искусство ведения отдельных операций; под стратегией—искусство побеждать, т.-е. овладеть властью. Этого различения мы не делали обыкновенно до войны, в эпоху Второго Интернационала, ограничиваясь только понятием социал-демократической тактики. И это не случайно: у социал-демократии была парламентская тактика, профессиональная, муниципальная, кооперативная и пр. Вопрос же о сочетании всех сил и средств—всех родов войск—для одержания победы над врагом, по существу, и не ставился в эпоху Второго Интернационала, поскольку не ставилась практически задача борьбы за власть. Только революция 1905 г. выдвинула впервые, после большого перерыва, основные или стратегические вопросы пролетарской борьбы. Этим самым она обеспечила огромные преимущества за русскими революционными социал-демократами, т.-е. за большевиками. Большая эпоха революционной стратегии начинается с 1917 г., сперва для России, а затем и для всей Европы. Стратегия, разумеется, не устраняет тактики: вопросы профессионального движения, парламентской деятельности и пр. не сходят с нашего поля зрения, но получают ныне новое

значение, как подчиненные методы комбинированной борьбы за власть. Тактика подчиняется стратегии.

Если тактические повороты ведут обыкновенно к внутренним трениям в партии, то насколько же сильнее и глубже должны быть трения, вызываемые стратегическим поворотом! А самый крутой поворот —это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского — меньшевистского,—поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми —у вчерашних противников —оппортунистов. Это явление мы будем еще наблюдать не раз.

В период от февраля до октября, на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах, шел последний осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем. В октябре и после октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии. Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г., значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции, —совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду.

„Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". Февраль и Октябрь

Октябрьская Революция ходом и исходом своим нанесла беспощадный удар той схоластической пародии на марксизм, которая весьма широко распространена была в русских социал-демократических кругах, начиная, отчасти, еще с Группы «Освобождение Труда», и которая наиболее законченное свое выражение нашла у меньшевиков. Сущность этого лже-марксизма состояла

в том, что он условную и ограниченную мысль Маркса,—«передовые страны показывают отсталым образ их будущего развития»,— превратил в некоторый абсолютный, сверх-исторический, по выражению Маркса, закон, и на этом законе пытался обосновать тактику партии рабочего класса. При такой постановке вопроса не могло, разумеется, быть и речи о борьбе русского пролетариата за власть до тех пор, пока экономически более развитые страны не создали для этого «прецедента». Не подлежит, разумеется, спору, что каждая отсталая страна находит *некоторые* черты своего будущего в истории передовых стран, но о повторении развития в целом не может быть и речи. Наоборот, чем больше капиталистическое хозяйство принимало мировой характер, тем своеобразнее становилась судьба отсталых стран, которые сочетали элементы своей отсталости с последним словом капиталистического развития. Энгельс писал в предисловии к своей «Крестьянской войне»: «На известном этапе—*который не везде должен наступить одновременно или на одинаковой ступени развития*— буржуазия начинает замечать, что ее пролетарский спутник перерастает через ее голову». Ходом исторического развития русской буржуазии пришлось сделать это наблюдение раньше и полнее всякой другой. Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. Ленинская постановка вопроса, насквозь революционная, динамическая, была целиком и полностью противопоставлена меньшевистской схеме, согласно которой Россия могла претендовать лишь на повторение истории передовых народов, с буржуазией у власти, с социал-демократией в оппозиции. Но у известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на *диктатуре* пролетариата и крестьянства, а на ее *демократическом* характере, который противопоставлялся социалистическому характеру. Это опять-таки означало: в России, как отсталой стране, мыслима только демократическая революция. Социалистический переворот должен начаться на Западе. Мы сможем стать на путь социализма лишь вслед за Англией, Францией и Германией. Но такая постановка вопроса неизбежно сбивалась на меньшевизм, и это обнаружилось полностью в 1917 году, когда задачи

революции встали не как вопросы прогноза, а как вопросы действия.

Становиться в реальных условиях революции на позицию доведенной до конца демократии *против* социализма, как «преждевременного», означало политически сдвигаться с пролетарской позиции на мелко-буржуазную, переходить на положение левого фланга национальной революции.

Февральская революция, если ее брать, как самостоятельную революцию, была буржуазной. Но как буржуазная революция, она явилась слишком поздно и не заключала в себе никакой устойчивости. Раздираясь противоречиями, сразу же нашедшими себе выражение в двоевластии, она должна была либо превратиться в непосредственное вступление к пролетарской революции — что и произошло, — либо, под тем или другим буржуазно-олигархическим режимом, отбросить Россию в полуколониальное существование. Наступивший после февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития или завершения «демократической» революции, либо как период подготовки пролетарской революции. На первой точке зрения стояли не только меньшевики и эсеры, но и известная часть руководящих элементов нашей собственной партии. Разница была та, что они действительно стремились толкнуть демократическую революцию как можно дальше влево. Но метод, по существу, был тот же: «давление» на правящую буржуазию — с таким расчетом, чтобы это давление не выходило за рамки буржуазно-демократического режима. Если бы эта политика возобладала, развитие революции пошло бы в обход нашей партии, и мы получили бы, в конце концов, восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами — июльские дни гигантского масштаба, т.-е. уже не как эпизод, а как катастрофу.

Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии. Этим дается мера всей глубины разногласий.

Влияние меньшевиков и эсеров в первый период революции не было, разумеется, случайным; оно отражало собою обилие мелко-буржуазных, т.-е. прежде всего крестьянских, масс в народе и незрелость самой революции. Именно незрелость революции, при совершенно своеобразных условиях, созданных войною, вручала мелко-буржуазным революционерам руководство, или,

по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 года. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде, чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелко-буржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войною крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелко-буржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне. В июле 1914 года Петроград сотрясался революционными стачками. Дело доходило до открытых уличных столкновений. В этом движении безусловное руководство принадлежало подпольной организации и легальной печати нашей партии. Большевизм укреплял свое влияние в прямой борьбе против ликвидаторства и мелкобуржуазных партий вообще. Дальнейший рост движения означал бы прежде всего рост большевистской партии. Советы рабочих депутатов 1914 года — если бы дело дошло до Советов — были бы, по всей вероятности, уже на первых порах большевистскими. Пробуждение деревни пошло бы под прямым и косвенным руководством городских Советов, руководимых большевиками. Это не значит непременно, что эсеры сразу были бы обречены в деревне на исчезновение; нет, по всей вероятности, первый этап крестьянской революции прошел бы под народническим знаменем. Но при намеченном нами развитии событий сами народники оказались бы вынуждены выдвинуть вперед свое левое крыло, ища смычки с большевистскими Советами в городах. Непосредственный исход восстания зависел бы, разумеется, и в этом случае прежде всего от настроения и поведения армии, связанной с крестьянством. Невозможно, да и нет нужды гадать задним числом, привело ли бы движение 1914 — 1915 гг. к победе, если бы не грянула война, включившая в цепь развития новое гигантское звено. Но многое говорит за то, что, если бы победоносная революция развернулась по тому пути, началом которого были июль-

ские события 1914 г., низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный приход к власти революционных рабочих Советов, которые, через посредство (на первых порах!) левых народников, вовлекали бы в свою орбиту крестьянские массы.

Война прервала развертывавшееся революционное движение, отсрочила, а затем чрезвычайно ускорила его. Через посредство многомиллионной армии война создала для мелко-буржуазных партий совершенно исключительную, не только социальную, но и организационную базу: ведь особенность крестьянства в том и состоит, что его, при всей его многочисленности, даже когда оно революционно, трудно превратить в организационную базу! Встав на плечи готовой организации, армии, мелко-буржуазные партии импонировали пролетариату, обволакивая и его оборончеством. Вот почему Ленин сразу неистово выступает против старого лозунга «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», означавшего в новых условиях превращение большевистской партии в левый фланг оборонческого блока. Ленин видел главную задачу в том, чтобы вывести пролетарский авангард из оборонческого болота на чистое место. Лишь при этом условии пролетариат мог стать — на следующем этапе — стержнем группировки трудящихся масс деревни. Но как же быть при этом с демократической революцией, или, точнее, с демократической диктатурой пролетариата и крестьянства? Ленин дает беспощадный отпор тем «старым большевикам», которые «не раз уже, — говорит он, — играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности». «Надо равняться не по старым формулам, а по новой действительности» *). Ленин спрашивает: «Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»? «Нет, — отвечает он, — формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее» *).

Правда, Ленин иногда говорил, что Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в первую эпоху февральской революции осуществляли собою *до известной степени* революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьян-

*) *Н. Ленин*, Собрание сочинений, том XIV, ч. 1, стр. 28 и 33.

ства. И это верно постольку, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но, как неоднократно разъяснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть. Они поддерживали власть буржуазии, оказывая на нее полуоппозиционное «давление». Именно это их межеумочное положение и позволяло им не выходить из рамок демократической коалиции рабочих, крестьян и солдат. По формам властвования, эта коалиция, поскольку она опиралась не на урегулированные государственные отношения, а на вооруженную силу и непосредственное революционное усмотрение, тяготела к диктатуре, недорастая, однако, до нее на несколько голов. Именно в этой демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на-нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма, — как тенденция, но не как факт. Дальнейшее движение в сторону власти должно было неизбежно взорвать демократическую оболочку, поставить большинство крестьянства перед необходимостью следовать за рабочими, дать пролетариату возможность осуществлять классовую диктатуру и тем самым поставить в порядок дня, наряду с полной и беспощадно-радикальной демократизацией общественных отношений, чисто социалистическое вторжение рабочего государства в права капиталистической собственности. Кто продолжал в этих условиях держаться за формулу «демократической диктатуры», тот на деле отказывался от власти и вел революцию в тупик.

Основной спорный вопрос, вокруг которого группировались все остальные, был таков: бороться за власть или нет? брать ее или не брать? Уже одно это показывает, что мы имели перед собой не эпизодические расхождения взглядов, а две тенденции исключительного принципиального значения. Одна из этих тенденций, основная, была пролетарской и выводила на дорогу мировой революции; другая была «демократической», т.-е. мелко-буржуазной, и вела в последнем счете к подчинению пролетарской по-

литики потребностям реформирующегося буржуазного общества. Тенденции эти сталкивались враждебно на всех сколько-нибудь существенных вопросах всего 1917 года. Именно революционная эпоха, т.-е. такое время, когда накопленный капитал партии пускается в непосредственный оборот, должна была неизбежно вскрыть и обнаружить на деле такого рода разногласия. В большей или меньшей степени, с теми или другими отклонениями, эти две тенденции будут еще не раз проявляться в революционный период во всех странах. Если под большевизмом, выделяя самое в нем существенное, понимать такое воспитание, такой закал, такую организацию пролетарского авангарда, при которых он становится способен вооруженною рукой захватить власть; если социал-демократизм понимать в смысле реформистски-оппозиционной деятельности в рамках буржуазного общества и приспособления к его легальности, т.-е. фактического воспитания масс в духе признания незыблемости буржуазного государства,— то совершенно ясно, что даже и внутри коммунистической партии, которая ведь не выходит сразу готовой из печи истории, борьба между социал-демократическими тенденциями и большевизмом должна ярче, открытее, незамаскированнее всего обнаружиться в непосредственно-революционный период, когда вопрос о власти становится ребром.

* * *

Задача завоевания власти поставлена была перед партией только 4 апреля, т.-е. после прибытия Ленина в Петроград. Но и с этого момента линия партии отнюдь еще не имеет целостного, неразрывного, для всех бесспорного характера. Несмотря на решения апрельской конференции 1917 года, сопротивление революционному курсу — то глухое, то открытое — проходит через весь подготовительный период.

Изучение хода разногласий между февралем и закреплением Октябрьского переворота представляет не только исключительный теоретический интерес, но и неизмеримое практическое значение. Разногласия, вскрывшиеся на II съезде, в 1903 году, Ленин назвал в 1910 году «антиципацией», т.-е. предвосхищением. Очень важно прослеживать эти разногласия, начиная с их истоков, т.-е. с 1903 г., и даже ранее того, например, с «экономизма». Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда

разногласия подверглись решающему испытанию, т.-е. через Октябрь.

Мы не можем ставить себе задачей, в пределах настоящих страниц, исчерпать все стадии этой борьбы. Но мы считаем необходимым, хоть отчасти, заполнить тот вопиющий пробел, который имеется в нашей литературе по отношению к наиболее важному периоду в развитии нашей партии.

В центре разногласий стоит, как уже сказано, вопрос о власти. Это вообще оселок, на котором определяется характер революционной (и не только революционной) партии. В тесной зависимости от вопроса о власти ставится и разрешается в этот период вопрос о войне. Мы рассмотрим оба эти вопроса по главнейшим хронологическим вехам: позиция партии и партийной печати в первый период после низвержения царизма, до прибытия Ленина; борьба вокруг тезисов Ленина; апрельская конференция; последствия июльских дней; корниловщина; Демократическое Совещание и Предпарламент; вопрос о вооруженном восстании и захвате власти (сентябрь — октябрь); вопрос об «однородном» социалистическом правительстве.

Изучение этих разногласий позволит нам, как мы надеемся, сделать выводы, могущие иметь значение и для других партий Коммунистического Интернационала.

Борьба с войной и оборончеством

Низвержение царизма в феврале 1917 года знаменовало, конечно, гигантский прыжок вперед. Но если взять Февраль только в рамках Февраля, т.-е. не как ступень к Октябрю, он означал лишь, что Россия приблизилась к типу, скажем, буржуазно-республиканской Франции. Мелко-буржуазные революционные партии, как им и полагается, взяли февральскую революцию не как буржуазную, но и не как ступень к социалистической, а как некоторую «демократическую» самоценность. На этом они и построили идеологию революционного оборончества. Они защищали не господство того или другого класса, а «революцию» и «демократию». Но и в нашей собственной партии революционный февральский сдвиг породил на первых порах чрезвычайное нарушение политических перспектив. По существу дела, «Правда» в дни марта была гораздо ближе к позиции революционного оборончества, чем к позиции Ленина.

«Когда армия стоит против армии, — читаем мы в одной из редакционных статей, — самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика не была бы политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции» («Правда», № 9, 15 марта 1917 г., статья: «Без тайной дипломатии»). Речь идет не о классах, господствующих и угнетенных, а о «свободном народе»; не классы борются за власть, а свободный народ стоит «на своем посту». Идеи, как и формулировки, насквозь оборончеcкие! И далее в той же статье: «Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное «долой войну»—наш лозунг. Наш лозунг— давление (!) на Временное Правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией (!), непременно выступить с попыткой (!) склонить (!) все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый (!) остается на своем боевом посту(!)». Программа давления на империалистическое правительство с целью «склонить» его к благочестивому образу действий была программой Каутского—Ледебура в Германии, Жана Лонгэ во Франции, Макдональда в Англии, но никак не программой большевизма. Статья заканчивается не только «горячим приветствием» пресловутому манифесту Петроградского Совета «К народам всего мира» (манифест этот полностью продиктован духом революционного оборончества), но и «с удовольствием» отмечает солидарность редакции с явно оборонческими резолюциями двух петроградских митингов. Достаточно указать, что одна из этих резолюций заявляет: «Если германская и австрийская демократии не услышат нашего голоса (т.-е. «голоса» Временного Правительства и соглашательского Совета. *Л. Т.*), мы будем защищать нашу родину до последней капли крови» («Правда», № 9, 15 марта 1917 г.).

Цитированная статья—не исключение. Наоборот, она вполне точно выражает позицию «Правды» — до возвращения Ленина в Россию. Так, в следующем номере газеты, в статье «О войне», хоть и имеются кое-какие критические замечания по поводу «манифеста к народам», но в то же время заявляется: «Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета Рабочих и Солдат-

ских Депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню» («Правда», № 10, 16 марта 1917 г.). На каком же пути искать выхода из войны? На этот счет дается ответ: «Выход — путь давления на Временное Правительство с требованием заявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры» (там же).

Таких и подобных цитат — скрыто-оборонческих, замаскированно-соглашательских, — можно было бы привести немало. А в то же самое время, даже неделей ранее, Ленин, еще не вырвавшийся из своей цюрихской клетки, громил в своих «Письмах из далека» (большинство их так и не дошло до «Правды») всякий намек на уступку оборончеству и соглашательству. «Абсолютно недопустимо, — писал он 8 (21) марта, улавливая облик революционных событий через кривое зеркало капиталистической информации, — скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистской войны, что оно — агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов» («Пролетарская Революция», № 7 (30), стр. 299). И затем, 12 марта: «Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели» (там же, стр. 243). В то время как «Правда» призывает к «давлению» на Временное Правительство с целью заставить его выступить в пользу мира «перед всей мировой демократией», Ленин пишет: «Обращение к Гучковско-Милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божески», любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой» (там же, стр. 244 — 245).

4 апреля, на другой день после приезда в Петроград, Ленин решительно выступил против позиции «Правды» в вопросе о войне и мире: «Никакой поддержки Временному Правительству,— писал он, — разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов *перестало* быть империалистским» (том XIV, ч. 1, стр. 18). Незачем говорить, что воззвание соглашателей от 14 марта, вызвавшее столь привет-

ственные отзывы со стороны «Правды», Ленин называет не иначе, как «пресловутым» и «путаным». Величайшее лицемерие — призывать другие народы рвать со своими банкирами и в то же время создавать с собственными банкирами коалиционное правительство. „«Центр» весь клянется и божится, — говорит Ленин в проекте платформы, — что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительство, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру»" (том XIV, ч. I, стр. 52).

Но разве революционная партия — можно бы, на первый взгляд, возразить — отказывается от «давления» на буржуазию и ее правительство? Разумеется, нет. Давление на буржуазное правительство есть путь реформ. Марксистская революционная партия не отказывается от реформ. Но путь реформ пригоден в отношении к второстепенным, а не к основным вопросам. Нельзя путем реформ получить власть. Нельзя путем «давления» заставить буржуазию изменить свою политику в том вопросе, с которым связана вся ее судьба. Война тем именно и создала революционную ситуацию, что не оставила места для реформистского «давления»: нужно было либо итти за буржуазией до конца, либо поднимать против нее массы с целью вырвать у нее власть. В первом случае можно было получать от буржуазии те или другие подачки во внутренней политике, под условием неограниченной поддержки внешней политики империализма. Именно поэтому социалистический реформизм с начала войны открыто превратился в социалистический империализм. Именно поэтому действительно революционные элементы оказались вынуждены приступить к созданию нового Интернационала.

Точка зрения «Правды» не пролетарски-революционная, а демократически-оборонческая, хотя и половинчатая в своем оборончестве. Мы низвергли царизм, мы оказываем давление на демократическую власть. Эта последняя должна предложить мир народам. Если германская демократия не сможет оказать надлежащее давление на свое правительство, мы будем защищать «родину» до последней капли крови. Перспектива мира не ставилась как самостоятельная задача рабочего класса, которую он призван осуществить через голову буржуазного Временного Правительства, потому что завоевание пролетариатом власти не ставилось как практическая революционная задача. Между тем, одно неотделимо от другого.

Апрельская конференция

Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня.

Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: «Долой Временное Правительство!». Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного Правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Весь вопрос состоял для него как раз в том, в какой мере Советы продолжают отражать действительное настроение масс, и не обманывается ли партия, ориентируясь по советскому большинству. Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством. Разведка привела к выводу о необходимости длительной подготовительной работы. Мы видим, как Ленин в начале мая сурово одергивает кронштадтцев, которые, зарвавшись, заявили о непризнании ими Временного Правительства... Совсем иначе подходили к вопросу противники борьбы за власть. На партийной конференции в апреле т. Каменев жаловался: «В 19 номере «Правды» товарищами (речь идет, очевидно, о Ленине. *Л. Т.*) предложена была сперва резолюция о свержении Временного Правительства, напечатанная до последнего кризиса, а затем этот лозунг был отвергнут как дезорганизаторский, признан авантюристским. Это значит, что наши т.т. научились чему-то во время этого кризиса. Предложенная резолюция (т. е. резолюция, предложенная Лениным конференции. *Л. Т.*) повторяет эту ошибку»... Эта постановка вопроса в высшей степени знаменательна. Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного Правительства, но снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение

масс против соглашателей. Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой. Во временном отступлении Ленина не было и намека на изменение линии. Он исходил не из того, что демократическая революция еще не закончена, а исключительно из того, что масса сегодня оказалась еще неспособной свергнуть Временное Правительство, и что нужно поэтому сделать все, чтобы рабочий класс оказался способен опрокинуть Временное Правительство завтра.

Вся апрельская конференция партии была посвящена этому основному вопросу: идем ли мы к завоеванию власти во имя социалистического переворота, или же помогаем (кому-то) завершить демократическую революцию. К сожалению, отчет об апрельской конференции не напечатан до сих пор, а между тем вряд ли в истории нашей партии были съезды, которые имели бы столь исключительное и непосредственное значение для судьбы революции, как апрельская конференция 1917 года.

Позиция Ленина была: непримиримая борьба с оборончеством и оборонцами, овладение большинством в Советах, низвержение Временного Правительства, захват власти через Советы, революционная политика мира, программа социалистического переворота внутри и международной революции во-вне. В противовес этому, как мы уже знаем, оппозиция стояла на точке зрения завершения демократической революции путем давления на Временное Правительство, причем Советы остаются органами «контроля» над буржуазной властью. Отсюда вытекает иное, несравненно более примирительное отношение к оборончеству.

Один из противников позиции Ленина возражал на апрельской конференции: «Мы говорим о Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, как об организующих центрах наших сил и власти... Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелко-буржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать... а пролетариат вел бы революционную борьбу против блока... И однако, мы признаем эти Советы, как центры организации сил... Значит буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все мы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата» (речь т. Каменева).

Безнадежный схематизм этого рассуждения совершенно ясен: в том-то и дело ведь, что «полного окончания этой революции» никогда не наступит без перемены носителя власти. В приведенной речи игнорируется классовый стержень революции: задачи партии выводятся не из реальной группировки классовых сил, а из формального определения революции, как буржуазной или буржуазно-демократической. Мы должны итти в блоке с мелкой буржуазией и осуществлять контроль над буржуазной властью до тех пор, пока буржуазная революция не будет доведена до конца. Схема явно меньшевистская. Доктринерски ограничивая задачи революции ее наименованием («буржуазная» революция), нельзя было не прийти к политике контроля над Временным Правительством, к требованию, чтобы Временное Правительство выдвинуло программу мира без аннексий и пр. Под завершением демократической революции подразумевался ряд реформ через Учредительное Собрание, при чем большевистской партии отводилась в Учредительном Собрании роль левого фланга. Лозунг «вся власть Советам» совершенно лишался при такой концепции реального содержания. Об этом лучше, последовательнее и продуманнее всех сказал на апрельской конференции покойный Ногин, также принадлежавший к оппозиции: «В процессе развития самые важные функции Советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. п. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем отрицать, что будет созвано Учредительное Собрание, а за ним Парламент... Таким образом выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают; однако, это не значит, что Советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции. При этих же Советах республика-коммуна у нас не осуществится».

Наконец, третий оппонент подошел к вопросу с той стороны, что Россия не готова для социализма: «Можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия—самая мелко-буржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада». И далее: «Откуда взойдет

солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма».

Не все противники ленинской точки зрения доходили на апрельской конференции до выводов Ногина, — но все они логикой вещей оказались вынужденными принять эти выводы несколькими месяцами позже, накануне Октября. Либо руководство пролетарской революцией, либо оппозиционная роль в буржуазном парламенте—вот как встал вопрос внутри нашей партии. Совершенно очевидно, что эта вторая позиция была по существу меньшевистской или, вернее сказать, той позицией, которую меньшевики оказались вынуждены очистить после февральского переворота. В самом деле, в течение долгого ряда лет меньшевистские дятлы долбили, что будущая революция будет буржуазной, что правительство буржуазной революции может выполнять только буржуазные задачи, что социал-демократия не может брать на себя задач буржуазной демократии и должна будет, «толкая буржуазию влево», оставаться на положении оппозиции. С особенно утомительным глубокомыслием эту тему развивал Мартынов. С наступлением буржуазной революции 1917 года меньшевики скоро оказались в составе правительства. От всей их «принципиальной» позиции остался только тот политический вывод, что пролетариат не смеет посягать на власть. Но совершенно очевидно, что те из большевиков, которые обличали меньшевистский министериализм и в то же время выступали против захвата пролетариатом власти, фактически сдвигались на до-революционные позиции меньшевиков.

Революция произвела политические сдвиги в двух направлениях: правые становятся кадетами, кадеты становятся республиканцами поневоле—формальный сдвиг влево; эсеры и меньшевики становятся правящей буржуазной партией — сдвиг вправо. Такими путями буржуазное общество пытается создать себе новый хребет власти, устойчивости и порядка. Но в то время, как меньшевики с формально-социалистической позиции переходят на вульгарно-демократическую, правое крыло большевиков сдвигается на формально-социалистическую, т.-е. вчерашнюю меньшевистскую позицию.

Та же перегруппировка сил произошла в вопросе о войне. Буржуазия, за вычетом немногих доктринеров, уныло тянула ноту: без аннексий и контрибуций, — тем более, что на аннексии надежда была уже плоха. Меньшевики и эсеры-циммервальдцы, критиковавшие французских социалистов за защиту своего буржуазно-республиканского отечества, сами немедленно же стали оборонцами, как только почувствовали себя в буржуазной республике: с пассивно-интернационалистской позиции они передвинулись на активно-патриотическую. Одновременно с этим правое крыло большевиков заняло пассивно интернационалистскую позицию — «давления» на Временное Правительство в целях демократического мира, «без аннексий и контрибуций». Таким образом, на апрельской конференции формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения: демократическую, прикрытую формальными социалистическими оговорками, и социально-революционную, или подлинно-большевистскую, ленинскую.

Июльские дни, корниловщина, Демократическое Совещание и Предпарламент

Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло, вместе с ходом событий, принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции, — в дни Октября.

Попытка, по инициативе Ленина, устроить демонстрацию 10 июня подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером апрельского выступления. Демонстрация 10 июня не состоялась вследствие запрета со стороны Съезда Советов. Но 18 июня партия получила реванш: общая питерская демонстрация, назначенная по довольно-таки неосторожной инициативе соглашателей, прошла почти сплошь под большевистскими лозунгами. Однако, и правительство попыталось взять свое: началось идиотски-легкомысленное наступление на фронте. Момент решительный. Ленин предостерегает партию от неосторожных шагов. 21 июня он пишет в «Правде»: «Товарищи, выступление сейчас было бы не-

целесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции» (том XIV, ч. 1, стр. 276). Но наступили июльские дни, важная веха на пути революции, как и на пути внутрипартийных разногласий.

В июльском движении момент самочинного напора питерских масс играл решающую роль. Но несомненно, что Ленин в июле спрашивал себя: а не пришло ли уже время? не переросло ли настроение масс свою советскую надстройку? не рискуем ли мы, загипнотизированные советской легальностью, отстать от настроения масс и оторваться от них? Весьма вероятно, что отдельные чисто военные действия во время июльских дней происходили по инициативе товарищей, искренно считавших, что они не расходятся с ленинской оценкой обстановки. Ленин позже говорил: «В июле мы наделали достаточно глупостей». Но по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения. Нам пришлось отступить, и жестоко. Партия, поскольку она готовилась к восстанию и захвату власти, видела, вместе с Лениным, в июльском выступлении лишь эпизод, в котором мы дорого заплатили за глубокое прощупывание своих и неприятельских сил, но который не мог отклонить общую линию наших действий. Наоборот, те товарищи, которые относились враждебно к политике, направленной на захват власти, должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру. Мобилизация правых элементов партии усилилась; критика их стала решительнее. В соответствии с этим изменился и тон отпора. Ленин писал: «Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный и организованный» характер архи-законному недовольству и возмущению масс!!), — либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности» (том XIV, ч. 2, стр. 28). Слово «ренегатство», произнесенное в такой момент, освещало разногласия трагическим светом. В дальнейшем это зловещее слово встречается все чаще и чаще.

Оппортунистическое отношение к вопросу о власти и к войне определяло, разумеется, соответственное отношение к Интернационалу. Со стороны правых сделана была попытка привлечь партию к участию в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Ленин писал 16 августа: «Речь т. Каменева в ЦИК 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать

отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков» (том XIV, ч. 2, стр. 56). И далее, по поводу фразы о том, будто над Стокгольмом начинает развеваться широкое революционное знамя: «это — пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это — вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий, — вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом» (там же, стр. 57).

Путь в Стокгольм был, по существу, путем во II Интернационал, как участие в Предпарламенте было путем к буржуазной республике. Ленин—за бойкот Стокгольмской конференции, как позже — за бойкот Предпарламента. В огне борьбы он ни на минуту не забывает задач создания нового, коммунистического Интернационала.

Уже 10 апреля Ленин выступает за перемену названия партии. Все возражения против нового названия он отметает: «Это довод рутины, довод спячки, довод косности». Он настаивает: «Пора отбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье». И тем не менее, сопротивление верхов партии так сильно, что понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, прежде чем партия могла решиться обновить свое название, вернувшись к традиции Маркса и Энгельса. В этой истории с наименованием партии находит свое символическое выражение роль Ленина в течение всего 1917 года: на самом крутом повороте истории он все время ведет внутри партии напряженную борьбу против вчерашнего дня во имя завтрашнего. И сопротивление вчерашнего дня, выступающее под флагом «традиции», достигает моментами чрезвычайной остроты.

События корниловщины, создавшие резкий сдвиг обстановки в нашу пользу, временно смягчили разногласия: смягчили, но не устранили. В правом крыле обнаружилась в эти дни тенденция к сближению с советским большинством на почве обороны революции, а отчасти и родины. Ленин реагировал на это в начале сентября письмом в Центральный Комитет: «По моему убеждению, — писал он, — в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества *) или (подобно другим большевикам) до *блока*

*) Здесь опущена, очевидно, ссылка на имена, как явствует из дальнейшего построения фразы. *Л. Т.*

с эсерами, до *поддержки* Временного Правительства. Это архиневерно, это—беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату...» А затем далее: «Поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань, ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку событий» (том XIV, ч. 2, стр. 95).

Следующим этапом в развитии разногласий явились Демократическое Совещание (14 — 22 сентября) и выросший из него Предпарламент (7 октября). Задача меньшевиков и эсеров состояла в том, чтобы, связав большевиков советской легальностью, безболезненно перевести эту последнюю в буржуазно-парламентскую легальность. Правые шли этому навстречу. Мы уже слышали выше, как они рисовали себе дальнейшее развитие революции: Советы отдают постепенно свои функции соответственным учреждениям — думам, земствам, профессиональным союзам, наконец, Учредительному Собранию, — и тем самым сходят со сцены. Путь через Предпарламент и должен был направлять политическую мысль масс от Советов, как отживающих свое время «временных» учреждений, к Учредительному Собранию, как увенчанию демократической революции. Между тем, большевики в Петроградском и Московском Советах были уже в большинстве; наше влияние в армии росло не по дням, а по часам. Дело шло уже не о прогнозе, не о перспективах, а о выборе пути буквально на завтрашний день.

Поведение вконец износившихся соглашательских партий на Демократическом Совещании являлось воплощением жалкой подлости. Между тем, вносившееся нами предложение демонстративно покинуть Демократическое Совещание, как явно гиблое место, наталкивалось на решительное сопротивление еще влиятельных в тот момент на верхах правых элементов фракции. Столкновения по этому вопросу были вступлением к борьбе по вопросу о бойкоте Предпарламента. 24 сентября, т.-е. после Демократического Совещания, Ленин писал: «Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов» (том XIV, ч. 2, стр. 144).

Прения в большевистской фракции Демократического Совещания по вопросу о бойкоте Предпарламента имели, несмотря

на сравнительную ограниченность своей темы, исключительное значение. В сущности, это была наиболее широкая и внешне-успешная попытка правых повернуть партию на путь «завершения демократической революции». Стенограммы прений, повидимому, не велось, во всяком случае, она не сохранилась; не обнаружено до сих пор, насколько знаю, и секретарской записи. Некоторые материалы, крайне скудные, найдены редакцией этого сборника в моих бумагах. Т. Каменев развил аргументацию, которая позже, в более резкой и отчетливой формулировке, составила содержание известного письма Каменева и Зиновьева к партийным организациям (от 11 октября). Наиболее принципиальную постановку придал вопросу Ногин: бойкот Предпарламента есть призыв к восстанию, т.-е. к повторению июльских дней. Некоторые товарищи исходили из общих оснований парламентской тактики социал-демократии: «Никто не посмел бы, — так приблизительно говорили они, — предложить бойкотировать парламент; однако, нам предлагают бойкотировать такое же учреждение только потому, что ему дано имя *Предпарламента*».

Основное воззрение правых состояло в том, что революция ведет неизбежно от Советов к буржуазному парламентаризму, что «Предпарламент» является естественным звеном на этом пути, и что незачем уклоняться от участия в Предпарламенте, раз мы собираемся занять левые скамьи в парламенте. Завершить демократическую революцию и «готовиться» к социалистической. А как готовиться? Через школу буржуазного парламентаризма: ведь передовые страны показывают отсталым образ их будущего. Низвержение царизма мыслится революционно, как оно и произошло; но завоевание власти пролетариатом мыслится парламентарно, на основах законченной демократии. Между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти долгие годы демократического режима. Борьба за участие в Предпарламенте была борьбой за «европеизацию» рабочего движения, за скорейшее его введение в русло демократической «борьбы за власть», т.-е. в русло социал-демократии. Фракция Демократического Совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного съезда. Бо́льшая половина фракции высказалась за участие в Предпарламенте. Уже сам по себе этот факт должен был вызвать тревогу, и Ленин действительно бьет с этого момента тревогу непрерывно.

В дни Демократического Совещания Ленин писал: «Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы» (том XIV, ч. 2, стр. 138). Как Ленин оценивал значение участия или неучастия в Предпарламенте, видно из многих его заявлений и в частности из его письма Центральному Комитету от 29 сентября, где он говорит о «таких вопиющих ошибках большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте». Для него это решение было проявлением тех же демократических иллюзий и мелко-буржуазных шатаний, в борьбе с которыми он развил и отточил свою концепцию пролетарской революции. Неправда, будто между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти многие годы. Неправда, будто единственной, или основной, или обязательной школой подготовки к завоеванию власти является школа парламентаризма. Неправда, будто путь к власти лежит непременно через буржуазную демократию. Это все голые абстракции, доктринерские схемы, политическая роль которых одна: связать пролетарский авангард по рукам и ногам, сделать его — через посредство «демократической» государственной механики — оппозиционной политической тенью буржуазии: это и есть социал-демократия. Политику пролетариата надо направлять не по школьным схемам, а по реальному руслу классовой борьбы. Не в Предпарламент итти, а организовать восстание и вырвать власть. Остальное приложится. Ленин предлагал даже созвать экстренный съезд партии, выставив бойкот Предпарламента в качестве платформы. Отныне все его письма и статьи бьют в одну точку: не через Предпарламент, в качестве «революционного» хвоста соглашателей, а на улицы — для борьбы за власть!

Вокруг Октябрьского переворота

Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции Предпарламента. Большевики выходят из него 10 октября. В Петрограде развертывается конфликт Совета с правительством вокруг вопроса о

выводе на фронт большевистски настроенных частей гарнизона. 16 октября создан Военно-Революционный Комитет, легальный советский орган восстания. Правое крыло партии пытается задержать развитие событий. Борьба тенденций внутри партии, как и борьба классов в стране, входит в решающий фазис. Позиция правых полнее и принципиальнее всего освещается в письме «К текущему моменту», за подписью Зиновьева и Каменева. Написанное 11 октября, т.-е. за две недели до переворота, и разосланное важнейшим организациям партии, письмо это решительно выступает против вынесенного Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании. Предостерегая против недооценки врага, а на самом деле чудовищно недооценивая силы революции и даже отрицая наличность боевого настроения масс (за две недели до 25 октября!), письмо говорит: «Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». Но если не восстание и не захват власти, тогда что́ же? Письмо довольно ясно и отчетливо отвечает и на этот вопрос. «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии», и под этим револьвером она не сможет сорвать Учредительное Собрание. «Шансы нашей партии на выборах в Учредительное Собрание превосходны... Влияние большевизма растет... При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном Собрании». Таким образом, письмо открыто держит курс на роль «влиятельной» оппозиции в буржуазном Учредительном Собрании. Этот чисто социал-демократический курс как бы маскируется следующим соображением: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Чрезвычайно любопытно, для характеристики всей линии правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была $1^1/_2$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат.

Письмо «К текущему моменту» возражает против утверждения, что за нас уже большинство народа в России, оценивая

при этом большинство чисто парламентски. «В России за нас большинство рабочих, — говорит письмо, — и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное Собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же это, случайность?» В этой постановке вопроса основная и коренная ошибка, вытекающая из непонимания того, что у крестьянства могут быть могущественные революционные интересы и напряженное стремление их разрешить, но не может быть самостоятельной политической позиции: оно может либо голосовать за буржуазию, через посредство ее эсеровской агентуры, либо примкнуть действенно к пролетариату. Именно от нашей политики зависело, какая из этих двух возможностей осуществится. Если мы идем в Предпарламент, чтобы иметь оппозиционное влияние («треть, а то и больше мест») в Учредительном Собрании, то тем самым мы ставим крестьянство почти механически в такое положение, при котором оно должно искать удовлетворения своих интересов на путях Учредительного Собрания, следовательно, не через оппозицию, а через его большинство. Наоборот, захват власти пролетариатом немедленно же создавал революционные рамки для крестьянской борьбы против помещика и чиновника. Если говорить столь ходкими у нас как раз в этом вопросе словами, то в письме сказываются одновременно и *недооценка* и *переоценка* крестьянства: недооценка его революционных возможностей (под пролетарским руководством!) и переоценка его политической самостоятельности. Эта двойная ошибка, недооценка и переоценка крестьянства в одно и то же время, вытекает, в свою очередь, из недооценки собственного класса и его партии, т.-е. из социал-демократического подхода к пролетариату. Здесь нет ничего неожиданного. Все оттенки оппортунизма сводятся, в последнем счете, к неправильной оценке революционных сил и возможностей пролетариата.

Возражая против захвата власти, письмо пугает партию перспективами революционной войны. «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет». Эта аргументация в высшей степени поучительна. Мы видим здесь

основные доводы в пользу подписания брест-литовского мира. Но здесь эти доводы направляются против захвата власти. Совершенно ясно, что позиция, нашедшая свое выражение в письме «К текущему моменту», чрезвычайно облегчала сторонникам выраженных в письме взглядов приятие брест-литовского мира. Нам остается здесь повторить то, что мы говорили об этом в другом месте: не временная брест-литовская капитуляция сама по себе, изолированно взятая, характеризует политический гений Ленина, а только сочетание Октября с Брестом. Этого не нужно забывать.

Рабочий класс борется и растет в непрестанном сознании того, что противник имеет над ним перевес. Это обнаруживается в повседневной жизни на каждом шагу. У противника — богатство, власть, все средства идейного давления, все орудия репрессий. Привычка к той мысли, что враг превосходит нас силой, является составной частью всей жизни и работы революционной партии в подготовительную эпоху. Последствия тех или других неосторожных или преждевременных действий самым жестоким образом напоминают каждый раз о силе врага. Но наступает момент, когда эта привычка считать врага более сильным превращается в главное препятствие на пути к победе. Сегодняшняя слабость буржуазии как бы укрывается под тенью ее вчерашней силы. «Вы недооцениваете сил врага!» По этой линии идет группировка всех элементов, враждебных вооруженному восстанию. — «Всякий, не желающий только говорить о восстании,— писали противники восстания у нас за две недели до победы, — обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать силы противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных, желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привезти войска с фронта» («К текущему моменту»).

Разумеется, поскольку в гражданской войне дело идет не о простом подсчете батальонов, а о предварительном учете их

сознания, учет этот никогда не может отличаться полной достоверностью и точностью. Даже Ленин считал, что у врага имеются в Петрограде серьезные силы, и предлагал начинать восстание с Москвы, где, по его предположению, оно должно было пройти бескровно. Такого рода частные ошибки предвидения совершенно неизбежны даже при самых благоприятных условиях, и правильнее держать курс на менее благоприятную обстановку. Но что нас в данном случае интересует, это факт чудовищной переоценки сил врага, полного искажения всех пропорций при таких условиях, когда у врага уже не было по существу никакой вооруженной силы.

Вопрос этот, как показал опыт Германии, имеет колоссальное значение. Пока лозунг восстания имел для руководителей немецкой коммунистической партии преимущественно, если не исключительно, агитационное значение, они попросту игнорировали вопрос о вооруженных силах врага (рейхсвер, фашистские отряды, полиция). Им казалось, что непрерывно нараставший революционный прилив разрешит военный вопрос сам собой. Когда же задача придвинулась вплотную, те же товарищи, которые считали вооруженную силу врага как бы несуществующей, сразу впали в другую крайность: они брали на-веру все цифры вооруженных сил буржуазии, тщательно складывали их с силами рейхсвера и полиции, затем округляли сумму (до полумиллиона и выше) и получали, таким образом, компактную, до зубов вооруженную массу, совершенно достаточную для того, чтобы парализовать их собственные усилия. Несомненно, силы немецкой контр-революции были значительнее, во всяком случае лучше организованы и подготовлены, чем у наших корниловцев и полукорниловцев. Но и активные силы немецкой революции иные. Пролетариат составляет подавляющее большинство населения Германии. У нас вопрос, по крайней мере в первой стадии, решался Петроградом и Москвой. В Германии восстание имело бы сразу десятки могущественных пролетарских очагов. На этом фоне вооруженные силы врага выглядели бы совсем не так грозно, как в статистических выкладках с округлением. Во всяком случае надо категорически отвергнуть те тенденциозные подсчеты, которые делались и делаются после провала немецкого Октября с целью оправдания политики, приведшей к провалу. Наш русский пример имеет в этом отношении незаменимое значение: за две недели до бескровной победы нашей в Петрограде,—

а мы могли ее одержать и на две недели раньше, — опытные политики партии видели против нас и юнкеров, желающих и умеющих драться, и ударников, и казаков, и значительную часть гарнизона, и артиллерию, расположенную веером, и войска, надвигающиеся с фронта. А на деле не оказалось ничего, ровным счетом нуль. Теперь представим себе на минуту, что в партии и в ее Центральном Комитете победили бы противники восстания. Роль командования в гражданской войне слишком ясна: революция в таком случае была бы заранее обречена на крушение, — если бы Ленин не апеллировал против Центрального Комитета к партии, что он собирался сделать и что, несомненно, выполнил бы с успехом. Но ведь не всякая партия будет располагать в соответственных условиях своим Лениным... Нетрудно себе представить, как писали бы историю, если бы в Ц.К. победила линия уклонения от боя. Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 года явилось бы чистейшим безумием, и давали бы читателю сногсшибательные статистические подсчеты юнкеров, казаков, ударников, артиллерии, расположенной веером, и корпусов, двигавшихся с фронта. Непроверенные в огне восстания, эти силы представлялись бы несравненно грознее, чем оказалось на деле. Вот урок, который нужно выгравировать в сознании каждого революционера!

Настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября — октября вызывался постоянным опасением его, что мы упустим момент. Пустяки, — отвечали правые, — наше влияние будет расти и расти. Кто был прав? И что это значит: упустить момент? Здесь мы подходим к вопросу, где большевистская оценка путей и методов революции, активная, стратегическая, насквозь действенная, наиболее ярко сталкивается с социал-демократической, меньшевистской оценкой, насквозь проникнутой фатализмом. Что значит упустить момент? Самая благоприятная обстановка для восстания дана, очевидно, тогда, когда соотношение сил максимально передвинулось в нашу пользу. Разумеется, здесь речь идет о соотношении сил в области сознания, т.-е. о политической надстройке, а не о базисе, который можно принять как более или менее неизменный для всей эпохи революции. На одном и том же экономическом базисе, при одном и том же классовом расчленении общества, соотношение сил меняется в зависимости от настроения

пролетарских масс, крушения их иллюзий, накопления ими политического опыта, расшатки доверия промежуточных классов и групп к государственной власти, наконец, ослабления доверия этой последней к себе самой. В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий. Корниловское восстание окончательно подготовило эти условия. Массы, потерявшие доверие к партиям советского большинства, увидели воочию опасность контр-революции. Они считали, что теперь пришел черед большевиков найти выход из положения. Ни стихийный распад государственной власти, ни стихийный прилив нетерпеливого и требовательного доверия масс к большевикам не могли быть длительным состоянием; кризис должен был разрешиться либо в ту, либо в другую сторону. Теперь или никогда!—повторял Ленин.

На это правые возражали: «...глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам... И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления.... Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения» («К текущему моменту»).

Этот фаталистический оптимизм нуждается в самом внимательном изучении. В нем нет ничего ни национального, ни тем более индивидуального. Еще только в прошлом году мы наблюдали ту же тенденцию в Германии. По существу под этим выжидательным фатализмом скрывается нерешительность и даже неспособность к действию, но она маскируется утешительным прогнозом: мы становимся, мол, все влиятельнее, чем дальше, тем больше наша сила будет возрастать. Грубейшее заблуждение! Сила революционной партии возрастает только до известного момента, после чего процесс может перейти в свою противоположность: надежды масс, вследствие пассивности партии, сменяются разочарованием, а враг тем временем оправляется от паники и пользуется разочарованием масс. Такого рода решающий перелом мы наблюдали в Германии в октябре 1923 года. Мы были не так далеки от подобного же поворота событий в России осенью 1917 года. Для этого достаточно было, может быть,

упустить еще несколько недель. Ленин был прав: теперь или никогда!

«Но решающий вопрос, — выдвигают противники восстания свой последний и сильнейший довод, — заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет... Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом» («К текущему моменту»).

Эти строки, писавшиеся 11 октября, получают исключительное и совершенно злободневное значение, если вспомним, что руководившие партией немецкие товарищи, в объяснение прошлогоднего отступления без боя, приводили именно нежелание масс сражаться. Да в том-то и дело, что победоносное восстание становится, вообще говоря, наиболее обеспеченным тогда, когда массы успеют приобрести достаточно опыта, чтобы не бросаться в бой очертя голову, а ждут и требуют решительного и умелого боевого руководства. К октябрю 1917 года у рабочих масс, по крайней мере у их руководящего слоя, сложилось уже твердое убеждение, на основании опыта апрельского выступления, июльских дней и корниловщины, что дальше дело идет не об отдельных стихийных протестах, не о разведке, а о решающем восстании для захвата власти. Настроение масс становится в соответствии с этим более сосредоточенным, более критическим, более углубленным. Переход от жизнерадостной, полной иллюзий стихийности к более критической сознательности и порождает неизбежную революционную заминку. Этот прогрессивный кризис в настроении масс может быть преодолен только соответственной политикой партии, т.-е. прежде всего ее подлинной готовностью и способностью руководить восстанием пролетариата. Наоборот, партия, которая долго вела революционную агитацию, вырывая массы из-под влияния соглашателей, а затем, когда доверие этих масс подняло ее на высоту, стала колебаться, умничать, хитрить и выжидать, — такая партия парализует активность масс, вы-

зывает у них разочарование и распад, губит революцию, но зато создает для себя возможность ссылаться — после провала — на недостаточную активность масс. На этот именно путь вело письмо «К текущему моменту». К счастью, наша партия, под руководством Ленина, решительно ликвидировала такие настроения на верхах. Только благодаря этому она и провела победоносный переворот.

* * *

Теперь, после того как мы дали характеристику существа политических вопросов, связанных с подготовкой Октябрьской Революции, и попытались выяснить основной смысл разногласий, выраставших на этой основе, нам остается хотя бы конспективно отметить наиболее важные моменты внутрипартийной борьбы последних, решающих недель.

Решение о вооруженном восстании было вынесено Центральным Комитетом 10 октября. 11 октября разослано было важнейшим организациям партии разобранное выше письмо «К текущему моменту». 18 октября, т.-е. за неделю до переворота, появилось в «Новой Жизни» письмо Каменева. «Не только я и тов. Зиновьев, — говорится в этом письме, — но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до Съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом» («Новая Жизнь», № 156, 18 октября 1917 года). 25 октября власть была захвачена в Петербурге, создано Советское правительство. 4 ноября ряд ответственных работников вышел из состава Центрального Комитета партии и Совнаркома, выдвинув ультимативное требование создания коалиционного правительства из советских партий. «...Вне этого — писали они — есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора». И в другом документе того же момента: «Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику Ц.К., проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии. Мы складываем с себя поэтому звание членов Ц.К., чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: «Да здравствует правительство из

советских партий! Немедленное соглашение на этом условии!» («Октябрьский переворот»,—«Архив революции» 1917 г., стр. 407—410). Таким образом те, кто были против вооруженного восстания и захвата власти, как против авантюры, после того как восстание победоносно совершилось, выступили за возвращение власти тем партиям, в борьбе с которыми власть была пролетариатом завоевана. Во имя чего же победоносная большевистская партия должна была вернуть власть — а речь шла именно о возвращении власти! — меньшевикам и эсерам? На это оппозиционеры отвечали: «Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного Собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским Съездом С. Р. и С. Депутатов» («Октябрьский переворот»,—«Архив революции» 1917 года, стр. 407—410). Дело шло, другими словами, о том, чтобы через советские ворота найти путь к буржуазному парламентаризму. Если революция отказалась итти через Предпарламент и пробила себе русло через Октябрь, то задача, как ее формулировала оппозиция, состояла в том, чтобы, при содействии меньшевиков и эсеров, спасти революцию от диктатуры, введя ее в русло буржуазного режима. Дело шло не больше и не меньше, как о ликвидации Октября. О соглашении на таких условиях не могло быть, разумеется, и речи.

На следующий день, 5 ноября, было опубликовано еще одно письмо того же направления: «Я не могу, во имя партийной дисциплины, молчать, когда марксисты, рассудку вопреки и наперекор стихиям, не хотят считаться с объективными условиями, повелительно диктующими нам, под угрозой краха, соглашение со всеми социалистическими партиями... Я не могу, во имя партийной дисциплины, предаваться культу личности и ставить политическое соглашение со всеми социалистическими партиями, закрепляющими наши основные требования, в зависимость от пребывания того или иного лица в министерстве, и затягивать из-за этого хотя бы на одну минуту кровопролитие» («Рабочая Газета», № 204, 5 ноября 1917 г.). В заключение автор письма (Лозовский) объявляет необходимым бороться за партийный съезд для решения вопроса о том, «останется ли Р. С.-Д. Р. П. большевиков марксистской партией рабочего класса, или она окончательно вступит

на путь, ничего общего с революционным марксизмом не имеющий». («Рабочая Газета», № 204, 5 ноября 1917 года).

Положение действительно казалось безнадежным. Не только буржуазия и помещики, не только так называемая «революционная демократия», в руках которой оставались еще очень многочисленные верхушечные организации (Викжель, армейские комитеты, государственные служащие и пр.), но и влиятельнейшие работники нашей собственной партии, члены Центрального Комитета и Совнаркома, осуждают во всеуслышание попытку партии остаться у власти, чтобы осуществить свою программу. Положение могло представиться безнадежным, говорим мы, если не глядеть глубже поверхности событий. Что же оставалось? Принять требования оппозиции значило ликвидировать Октябрь. Но тогда незачем было и совершать его. Оставалось одно: итти вперед в расчете на революционную волю масс. 7 ноября в «Правде» появляется решающее заявление Центрального Комитета нашей партии, написанное Лениным и исполненное подлинной революционной страсти, замкнутой в ясные, простые и бесспорные формулы, рассчитанные на партийца-массовика. Воззвание это полагает конец каким бы то ни было сомнениям насчет дальнейшей политики партии и ее Центрального Комитета: «Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени* колебаний в *массах* петроградских, московских и др. рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо как один человек на страже Советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян («Правда», № 182 (113), 20 (7) ноября 1917 года).

Наиболее острый партийный кризис был преодолен. Однако внутренняя борьба все еще не прекращалась. Линия борьбы оставалась той же. Но политическое значение ее все более и более шло на убыль. Чрезвычайно интересное свидетельство находим мы в докладе, прочитанном Урицким на заседании Петроградского Комитета нашей партии 12 декабря по поводу созыва Учредительного Собрания: «Разногласия в нашей партийной среде не новы. Это то же течение, которое наблюдалось раньше в вопросе восстания. Сейчас некоторые товарищи смотрят на Учредительное Собрание, как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не

совершали бестактностей и пр. Они против того, что члены Учредительного Собрания, большевики, контролируют созыв, соотношение сил и пр. Они смотрят чисто формально, не учитывая того, что из данных такого контроля выявляется картина того, что происходит вокруг Учредительного Собрания, а, сообразуясь с этим, мы имеем возможность наметить позицию отношения к Учредительному Собранию... Мы сейчас стоим на той точке зрения, что боремся за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, а те немногие товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным Собранием».

Роспуском Учредительного Собрания можно считать завершенной не только большую главу в истории России, но и не менее значительную главу в истории нашей партии. Преодолев внутренние противодействия, партия пролетариата не только овладела властью, но и сохранила ее в своих руках.

Октябрьское восстание и советская „легальность“

В сентябре, в дни Демократического Совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию: «Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски,—писал он,—т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству»* (том XIV, ч. 2, стр. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии с тем, чтобы затем освятить победу через Съезд Советов. Центральный Коми-

тет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агитационно связывалось со Вторым Съездом Советов. Это разногласие требует подробного объяснения,— тогда оно естественно войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой практической важности.

Выше уже говорилось о том, с какой напряженной тревогой относился Ленин к оттягиванию восстания. На фоне тех колебаний, какие имели место на верхах партии, агитация, формально связывавшая переворот с предстоявшим Вторым Съездом Советов, казалась ему недопустимой отсрочкой, уступкой нерешительности и нерешительным, упущением времени, прямым преступлением. К этой мысли Ленин возвращается с конца сентября неоднократно.

«У нас в Ц.К. и в верхах партии,—пишет он 29 сентября,—есть течение или мнение за ожидание Съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение». В начале октября Ленин пишет: «Медлить—преступление, ждать Съезда Советов—ребяческая игра в формальность, вздорная игра в формальность, предательство революции». В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на Съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно дождаться его» и пр. Наконец, 24 октября Ленин пишет: «Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно», и далее: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять многое завтра, рискуя потерять все».

Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента. Основная, проникающая их мысль, это—возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции, как к какой-то бесконечной ленте. Если время вообще важный фактор политики, то значение его стократно возрастает на войне и в революции. Совсем не все, что можно сделать сегодня, можно будет сделать завтра. Восстать, опрокинуть врага, взять власть сегодня возможно, а завтра может оказаться невозможно. Но ведь взять

власть—значит повернуть руль истории; неужели же такое событие может зависеть от промежутка в 24 часа? Да, может. Когда дело дошло до вооруженного восстания, то события измеряются не длинным аршином политики, а коротким аршином войны. Упустить несколько недель, несколько дней, иногда даже один день—равносильно, в известных условиях, сдаче революции, капитуляции. Если бы не было этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выравняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведение его под прикрытием подготовки Второго Съезда Советов и под лозунгом защиты его дала нам в руки неоценимые преимущества. С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. По существу дела мы здесь имели вооруженное восстание—вооруженное, хотя и бескровное восстание петроградских полков против Временного Правительства—под руководством Военно-Революционного Комитета и под лозунгом подготовки к защите Второго Съезда Советов, который должен будет решить вопрос о судьбе власти. Советы Ленина—начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекали именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине октября. С того момента, как батальоны по приказу Военно-Революционного Коми-

тета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно. Наоборот, в Москве борьба получила гораздо более затяжной и кровавый характер, несмотря на то, что в Питере уже утвердилась власть Совнаркома. Совершенно очевидно, что если бы восстание началось в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом. А неудача в Москве тяжело отразилась бы на Петрограде. Конечно, победа отнюдь не исключена была бы и на этом пути. Но тот путь, каким действительно пошли события, оказался гораздо более экономным, более выгодным, более победоносным.

Мы имели возможность, в большей или меньшей степени, приурочивать захват власти к моменту Второго Съезда Советов только потому, что «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание—по крайней мере в Петрограде—было уже на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом. Мы называем это восстание «легальным»—в том смысле, что оно выросло из «нормальных» условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только продолжили и углубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго Съезда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, подготовляя рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе.

Мы не усыпляли массы советскими конституционными иллюзиями, ибо под лозунгом борьбы за Второй Съезд мы завоевывали и организационно закрепляли за собой штыки революционной армии. А, вместе с тем, нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности на-

ших врагов — соглашателей. Политически хитрить, особенно в революции, всегда опасно: врага, пожалуй, не обманешь, но введешь в заблуждение массы, идущие за тобой. Если нам наша «хитрость» удалась на сто процентов, то это потому, что она не была искусственным измышлением умничающих стратегов, которые хотят обойти гражданскую войну, а потому, что она естественно вытекла из условий разложения соглашательского режима, из его вопиющих противоречий. Временное Правительство хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели итти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель, «легальное» прикрытие. Этим мы обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона и тесно связали его с петроградскими рабочими. Наоборот, наши противники, при безнадежности своего положения и путаности своей мысли, склонны были советское прикрытие принимать за существо. Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность.

Между нами и соглашателями шла борьба за советскую легальность. В сознании масс источником власти являлись Советы. Из Советов вышли Керенский, Церетели, Скобелев. Но и мы были тесно связаны с Советами нашим основным лозунгом: вся власть Советам. Буржуазия вела свою правопреемственность от Государственной Думы. Соглашатели—от Советов, но с тем, чтобы свести Советы на-нет. Мы — от Советов, но с тем, чтобы передать Советам власть. Соглашатели не могли еще рвать советскую преемственность и спешили создать от нее мост к парламентаризму. С этой целью они созвали Демократическое Совещание и создали Предпарламент. Участие Советов в Предпарламенте как бы санкционировало этот путь. Соглашатели пытались поймать революцию на удочку советской легальности и, поймав, втащить ее в русло буржуазного парламентаризма.

Но и мы были заинтересованы в том, чтобы использовать советскую легальность. В конце Демократического Совещания мы вырвали у соглашателей согласие на созыв Второго Съезда Советов. Этот Съезд создавал для них чрезвычайные затруднения: с одной стороны, они не могли противиться созыву, не порывая с советской легальностью; с другой стороны, они не могли не видеть, что Съезд не обещает им, по своему составу, ничего хорошего. Тем настойчивее апеллировали мы ко Второму Съезду, как хозяину страны, и всю нашу подготовительную работу при-

урочивали к поддержке и охране Съезда Советов от неизбежных на него покушений контр-революции. Если соглашатели ловили нас на советскую легальность через Предпарламент, вышедший из Советов, то и мы ловили их на ту же советскую легальность— через Второй Съезд Советов. Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—одно, а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав Съезда Советов—совсем другое. Таким образом, приурочение вопроса о захвате власти ко Второму Съезду Советов не заключало в себе каких-либо наивных надежд на то, что Съезд сам по себе может разрешить вопрос о власти. Такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд. Вся необходимая работа, не только политическая, но и организационная и военно-техническая, для захвата власти шла полным ходом. Но легальным прикрытием для этой работы была все та же ссылка на предстоящий Съезд, который должен разрешить вопрос о власти. Ведя наступление по всей линии, мы сохраняли видимость обороны. Наоборот, Временное Правительство,—если бы оно только решилось серьезно обороняться,—должно было бы покуситься на Съезд Советов, запретить его созыв и тем самым дать наиболее для себя невыгодный повод противной стороне к вооруженному восстанию. Мало того, мы не только ставили Временное Правительство в политически невыгодное положение, но и прямо-таки усыпляли его и без того ленивую и неподвижную мысль. Эти люди верили всерьез, что дело идет для нас о советском парламентаризме, о новом съезде, где будет вынесена новая резолюция о власти— на манер резолюций Петроградского и Московского Советов,— после чего правительство, сославшись на Предпарламент и предстоящее Учредительное Собрание, откланяется и поставит нас в смешное положение. Что именно в этом направлении работала мысль самых мудрых мещанских мудрецов, тому мы имеем непререкаемое свидетельство Керенского. В своих воспоминаниях он рассказывает, как в полночь на 25 октября в его кабинете происходили бурные споры с Даном и другими по поводу шедшего уже полным ходом восстания. «Прежде всего Дан заявил мне,— рассказывает Керенский,—что они осведомлены гораздо лучше меня, и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная «для самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома

настроения в массах»; что эффект ее «уже сказывается», и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиниться воле большинства Советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо их желания, без их санкции». В заключение, Дан, упомянув, что большевики «завтра же» (все завтра!) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только «раздражают массы», и что, вообще, я своим «вмешательством» лишь «мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания»... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как Дан делал мне это замечательное сообщение, вооруженные отряды «Красной гвардии» занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по отъезде из Зимнего дворца Дана и его товарищей, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен тогда же в Смольный, куда Дан вернулся продолжать мирные беседы с большевиками. Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и с не меньшим искусством. В то время, когда восстание было в полном разгаре и «красные войска» действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей «революционной демократии» смотреть, но не видеть; слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы, должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом «переговоров» большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы эсеров и меньшевиков не были вовремя мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось доказать!» (А. Керенский, «Издалека», стр. 197—198).

Вот, именно: что и требовалось доказать! Соглашатели оказались, как мы видим из этой картины, целиком и полностью пойманы на удочку советской легальности. Предположение Керенского, будто специально для этого отряженные большевики вводили в заблуждение меньшевиков и эсеров насчет предстоящей ликвидации восстания, с фактической стороны не верно. На самом

деле в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. Но объективно эти парламентеры несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага. Однако эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и довела его до конца.

Для того, чтобы весь этот широкий обволакивающий маневр оказался победоносным, нужно было стечение совершенно исключительных обстоятельств, больших и малых. Прежде всего нужна была армия, не желавшая более сражаться. Весь ход революции, особенно в первый ее период, с февраля по октябрь включительно,—об этом мы уже говорили,—выглядел бы совершенно иначе, если бы у нас не было к моменту революции разбитой и недовольной многомиллионной крестьянской армии. Только в этих условиях можно было победоносно провести эксперимент с петроградским гарнизоном, предопределивший октябрьскую победу. Не может быть и речи о том, чтобы возвести эту своеобразную комбинацию «сухого» и почти незаметного восстания с защитой советской легальности от корниловцев в какой-либо закон. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что в таком виде этот опыт никогда и нигде не повторится. Но тщательное изучение его необходимо. Оно расширит кругозор каждого революционера, вскрыв перед ним разнообразие методов и средств, какие могут быть приведены в движение при условии ясности поставленной цели, правильности учета обстановки и решимости в доведении борьбы до конца.

В Москве восстание имело гораздо более затяжной характер, сопряженный с более значительными жертвами. Объясняется это в известной мере тем, что московский гарнизон не подвергся такой революционной подготовке, как гарнизон Петрограда—в связи с вопросом о выводе батальонов на фронт. Мы уже говорили и еще раз повторяем, что вооруженное восстание совершилось в Петрограде в два приема: в первой половине октября, когда петроградские полки, подчиняясь постановлению Совета, вполне отвечавшему их собственным настроениям, безнаказанно отказались выполнить приказ главнокомандования, и 25 октября, когда понадобилось уже только небольшое до-

полнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности. В Москве же восстание происходило в один прием. Такова, пожалуй, главная причина его затяжного характера. Но наряду с ней была другая: недостаточная решительность руководства. В Москве мы наблюдали переходы от военных действий к переговорам, чтобы затем снова возвращаться к вооруженной борьбе. Если колебания руководства, ощутимые для руководимых, вообще вредны в политике, то в условиях вооруженного восстания они становятся смертельно опасными. Господствующий класс уже теряет доверие к своей силе (без этого не могло бы быть вообще надежды на победу), но аппарат еще в его руках. Революционный класс имеет своей задачей овладеть государственным аппаратом; для этого ему нужно доверие к своим силам. Раз партия вывела трудящихся на путь восстания, она должна сделать из этого все необходимые выводы. «На войне—по-военному»: там меньше, чем где бы то ни было, допустимы колебания и упущение времени. Война мерит коротким аршином. Топтание на месте, хотя бы в течение часов, возвращает правящим частицу самоуверенности, отнимая ее у восставших. А ведь этим непосредственно и определяется то соотношение сил, которое определяет исход восстания. Под этим углом зрения надо шаг за шагом изучить ход военных операций в Москве в их сочетании с политическим руководством.

Чрезвычайно важно было бы наметить еще несколько пунктов, где гражданская война протекала в особых условиях, осложняясь, например, национальным элементом. Такого рода изучение, на основании тщательной проработки фактического материала, должно чрезвычайно обогатить наше представление о механике гражданской войны и тем самым облегчить выработку известных методов, правил, приемов, имеющих достаточно общий характер, чтобы их можно было бы ввести в своего рода «устав» гражданской войны *). Но и упреждая те или другие частные выводы такого исследования, можно сказать, что ход гражданской войны в провинции предопределялся в огромной степени исходом ее в Петрограде, даже несмотря на заминку в Москве. Февральская революция надломила старый аппарат; Временное Правительство унаследовало его и неспособно было ни обновить, ни укре-

*) См. *Л. Троцкий*, «Вопросы гражданской войны»,—«Правда» № 202, 6 сентября 1924 г.

пить его. В результате этого государственный аппарат между февралем и октябрем действовал лишь остатком бюрократической инерции. Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это сделала в феврале, она повторила это в октябре. Огромным нашим преимуществом являлось то обстоятельство, что мы подготовляли ниспровержение режима, который еще не успел сложиться. Крайняя шаткость и неуверенность в себе «февральского» государственного аппарата чрезвычайно облегчала нашу работу, питая самоуверенность революционных масс и самой партии.

В Германии и Австрии после 9 ноября 1918 года имелось сходное положение. Но там социал-демократия заполнила собою прорехи государственного аппарата и помогла установиться буржуазно-республиканскому режиму, который и сейчас никак не может быть назван образцом устойчивости, но все же насчитывает уже шесть лет от-роду. Что касается других капиталистических стран, то они не будут иметь этого преимущества, т.-е. близости между буржуазной и пролетарской революцией. Их Февраль оставлен уже далеко позади. Конечно, в Англии сохранилось еще немало феодального хлама, но говорить о какой-либо самостоятельной буржуазной революции в Англии совершенно не приходится. Очистка страны от монархии, от лордов и пр. будет произведена первым взмахом метлы английского пролетариата, после того как он возьмет власть. Пролетарская революция на Западе будет иметь дело с вполне сложившимся буржуазным государством. Но это еще не значит — с устойчивым аппаратом, ибо самая возможность пролетарского восстания предполагает далеко зашедший процесс распада капиталистического государства. Если у нас Октябрьская Революция развернулась в борьбе с государственным аппаратом, который не успел еще сложиться после февраля, то в других странах восстание будет иметь против себя государственный аппарат, находящийся в состоянии прогрессивного распада.

Как общее правило, следует предположить — мы высказывали это еще на IV конгрессе Коминтерна,—что сила до-октябрьского сопротивления буржуазии будет в старых капиталистических странах, по общему правилу, значительно выше, чем у нас; победа дастся пролетариату труднее; но зато завоевание власти обеспечит ему сразу гораздо более устойчивое и прочное положение, чем то, какое получили мы на другой день после Октября.

У нас гражданская война развернулась по-настоящему только после того, как пролетариат овладел властью в главных городских и промышленных центрах, и заполнила собою первое трехлетие советской власти. Многое говорит за то, что в странах Центральной и Западной Европы овладение властью дастся с гораздо бо́льшим трудом, но зато после взятия власти у пролетариата руки будут несравненно более свободными. Разумеется, эти перспективные соображения могут иметь только условный характер. Очень многое будет зависеть от того, в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы, каковы будут возможности военной интервенции, какова будет к тому моменту экономическая и военная сила Советского Союза и пр. Но, во всяком случае, основное и, думаем, бесспорное наше соображение о том, что самый процесс завоевания власти будет наталкиваться в Европе и в Америке на гораздо более серьезное, упорное и продуманное сопротивление господствующих классов, чем у нас, тем более обязывает нас отнестись на деле к вооруженному восстанию и вообще к гражданской войне, как к искусству.

Еще раз о Советах и партии в пролетарской революции

Советы Рабочих Депутатов выросли у нас, и в 1905 и в 1917 гг., из самого движения, как естественная организационная форма его на известном уровне борьбы. Но для европейских молодых партий, которые в большей или меньшей степени приняли Советы, как «доктрину», как «принцип», всегда возникает опасность фетишистского отношения к Советам, как к некоторому самодовлеющему фактору революции. Между тем, несмотря на огромные преимущества Советов, как организации борьбы за власть, вполне возможны случаи, когда восстание развернется на основе других форм организации (фабзавкомы, профсоюзы), и только в процессе восстания, или даже после победы его, возникнут Советы, уже как органы власти.

В высшей степени поучительна, под этим углом зрения, та борьба, которую Ленин открыл после июльских дней против фетишизма организационной формы Советов. Поскольку эсеро-меньшевистские Советы стали в июле организациями, открыто гнавшими солдат в наступление и подавлявшими большевиков, постольку революционное движение рабочих масс могло и должно было искать для себя других путей и каналов. Ленин намечал

фабзавкомы, как организацию борьбы за власть (см. об этом, например, воспоминания т. Орджоникидзе). Весьма вероятно, что движение пошло бы именно по этой линии, если бы не корниловское выступление, которое вынудило соглашательские Советы к самообороне и дало большевикам возможность снова вдохнуть в Советы революционную жизнь, связав их тесно с массами через левое, т.-е. большевистское, крыло.

Вопрос этот, как показал недавний опыт Германии, имеет огромное международное значение. Именно в Германии Советы несколько раз строились, как органы восстания—без восстания, как органы власти—без власти. Это привело к тому, что в 1923 г. движение широких пролетарских и полупролетарских масс стало группироваться вокруг фабзавкомов, которые *в основном* выполняли все те функции, какие у нас ложились на Советы в период, предшествовавший непосредственной борьбе за власть. Между тем, в августе—сентябре выдвинуто было некоторыми товарищами предложение: приступить в Германии немедленно к созданию Советов. После длительных и горячих прений предложение это было отвергнуто, и вполне правильно. При наличии того факта, что фабзавкомы уже становились на деле узлами сосредоточения революционных масс, Советы оказались бы в подготовительный период параллельной формой без содержания. Они лишь отвлекали бы мысль от материальных задач восстания (армия, полиция, вооруженные сотни, железные дороги и пр.) в сторону самодовлеющей организационной формы. А с другой стороны, создание Советов, как Советов, до восстания и вне непосредственных задач восстания, означало бы голое провозглашение: «Иду на вас!». Правительство, вынужденное «терпеть» фабзавкомы, поскольку они стали средоточием больших масс, ударило бы по первому же Совету, как официальному органу «покушения» на захват власти. Коммунисты оказались бы вынужденными выступить на защиту Советов, как чисто организационного предприятия. Решающая борьба развернулась бы не ради захвата или защиты материальных позиций и не в тот момент, выбранный нами, когда восстание вытекало бы из условий движения масс,—нет, борьба вспыхнула бы из-за организационной формы, из-за советского «знамени», в момент, выбранный врагом и им нам навязанный. Между тем, совершенно очевидно, что вся подготовительная к восстанию работа могла с полным успехом соподчиняться организационной форме фабрично-заводских комитетов, уже успевших стать мас-

совыми организациями, продолжавших расти и крепнуть и оставлявших партии свободу маневрирования в отношении срока восстания. Разумеется, на известном этапе Советы должны были бы возникнуть. Сомнительно, чтобы они, при указанных выше условиях, возникли как непосредственные органы восстания, под огнем, так как это грозило бы в самый острый момент создать два революционных центра. Не следует,—говорит английская пословица,—пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Возможно, что Советы стали бы строиться повсеместно после победы в решающих пунктах страны. Во всяком случае, победоносное восстание необходимо привело бы к созданию Советов, как органов власти.

Не надо забывать, что у нас Советы выросли еще на «демократическом» этапе революции, были на этом этапе как бы легализованы, нами затем унаследованы и использованы. Это не повторится в пролетарских революциях Запада. Советы там будут в большинстве случаев создаваться по призыву коммунистов, следовательно, как прямые органы пролетарского восстания. Разумеется, не исключена возможность того, что расшатка буржуазного государственного аппарата зайдет достаточно далеко, прежде чем пролетариат сможет захватить власть,—и это создаст условия для создания Советов, как *открытых органов подготовки восстания*. Но вряд ли это будет общим правилом. Весьма вероятны случаи, когда Советы удастся создать лишь в самые последние дни, как непосредственные органы восстающей массы. Наконец, вполне вероятны такие условия, когда Советы возникнут уж после перелома восстания и даже на исходе его, как органы новой власти. Нужно иметь перед глазами все эти варианты, чтобы не впасть в организационный фетишизм и не превратить Советы из того, чем они должны быть—гибкой, жизненной формой борьбы—в организационный «принцип», извне врезывающийся в движение и нарушающий его правильное развитие.

За последнее время в нашей печати раздавались речи в том, примерно, смысле, что мы, дескать, не знаем, через какую дверь придет пролетарская революция в Англии: через коммунистическую партию или через профессиональные союзы. Такая постановка вопроса, щеголяющая мнимой широтой исторического захвата, в корне неверна и опасна тем, что смазывает главный урок последних лет. Если победоносной революции не произошло на исходе войны, то именно потому, что не хватало партии. Этот

вывод относится к Европе в целом. Его можно более конкретно проследить на судьбе революционного движения в отдельных странах. В отношении Германии дело обстоит на этот счет совершенно ясно: немецкая революция могла бы победить и в 1918 и в 1919 гг., если бы ей было обеспечено надлежащее партийное руководство. В 1917 г. мы видели это на примере Финляндии: революционное движение развивалось там в исключительно благоприятных условиях, под прикрытием и при прямой военной поддержке революционной России. Но финская партия оказалась в руководящем большинстве своем социал-демократией и провалила революцию. Не менее ярко тот же урок вытекает из опыта Венгрии. Там коммунисты вместе с левыми социал-демократами не завоевали власть, а получили ее из рук перепуганной буржуазии. Победоносная—без боя и без победы—венгерская революция оказалась на первых же шагах лишенной боевого руководства. Коммунистическая партия слилась с социал-демократической, обнаруживая этим, что она сама не была коммунистической партией и, следовательно, неспособна была, несмотря на боевой дух венгерских пролетариев, удержать в руках столь легко доставшуюся ей власть. Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия. Верно, что английские профсоюзы могут стать могущественным рычагом пролетарской революции; они могут, например, в известных условиях и на известный период даже заменить собою рабочие Советы. Но сыграть такую роль они смогут не помимо коммунистической партии и тем более не против нее, а лишь при том условии, если коммунистическое влияние в профессиональных союзах станет решающим. За этот вывод—относительно роли и значения партии для пролетарской революции—мы слишком дорого заплатили, чтобы так легко от него отказываться, или только ослаблять его.

В буржуазных революциях сознательность, преднамеренность, планомерность играли несравненно меньшую роль, чем они призваны играть и уже играют в революциях пролетариата. Движущей силой революции была и там масса, но гораздо менее организованная и сознательная, чем ныне. Руководство находилось в руках различных фракций буржуазии, которая в целом располагала богатством, образованием и связанной с этими преимуществами организованностью (города, университеты, пресса

и пр.). Бюрократическая монархия защищалась эмпирически, действовала на-ощупь. Буржуазия улучала момент, когда она могла, использовав движение низов, бросить свой социальный вес на чашу весов и овладеть властью. Пролетарская революция тем и отличается, что пролетариат выступает в ней не только, как главная ударная сила, но—в лице своего авангарда—и как руководящая сила. Ту роль, которую в буржуазных революциях играли экономическое могущество буржуазии, ее образованность, ее муниципалитеты и университеты, в пролетарской революции может сыграть только партия пролетариата. Роль ее тем больше, что и на стороне врага сознательность стала неизмеримо выше. Буржуазия в течение веков своего господства выработала политическую школу, несравненно более высокую, чем школа старой бюрократической монархии. Если парламентаризм был для пролетариата, до известной степени, подготовительной школой к революции, то для буржуазии он был в еще большей степени школой контр-революционной стратегии. Достаточно сказать, что через посредство парламентаризма буржуазия воспитала социал-демократию, главный ныне оплот частной собственности. Эпоха социальной революции в Европе, как показали первые ее шаги, будет эпохой не только напряженных и беспощадных, но и продуманных и рассчитанных боев,—в гораздо большей степени продуманных, чем у нас в 1917 году.

Вот почему нам нужен совсем иной подход к вопросам гражданской войны и, в частности, вооруженного восстания, чем тот, какой наблюдается до сих пор. Вслед за Лениным мы часто повторяем Марксовы слова о том, что восстание есть искусство. Но эта мысль превращается в голую фразу, поскольку Марксова формула не заполняется изучением основных элементов искусства гражданской войны на основании накопившегося гигантского опыта последних лет. Надо прямо сказать: в поверхностном отношении к вопросам вооруженного восстания сказывается еще непреодоленная сила социал-демократической традиции. Партия, которая глядит поверх вопросов гражданской войны, надеясь, что в нужную минуту все это как-то само собою устроится, наверняка потерпит крушение. Нужно коллективно проработать опыт пролетарских боев, начиная с 1917 г.

* * *

Намеченная выше история партийных группировок в течение 1917 г. составляет тоже существеннейшую часть опыта гражданской войны и имеет, как мы думаем, непосредственное значение для политики Коммунистического Интернационала в целом. Выше уже сказано, и мы повторим это снова, что изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться, как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику. Но было бы, с другой стороны, недопустимым вычеркивать из истории партии величайшую главу только потому, что не все члены партии шли в ногу с революцией пролетариата. Партия может и должна знать *все* свое прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место. Традиция революционной партии создается не из недомолвок, а из критической ясности.

История обеспечила нашей партии совершенно несравненные революционные преимущества. Традиции героической борьбы с царизмом, навыки и приемы революционного самоотвержения, связанные с условиями подполья, широкая теоретическая переработка революционного опыта всего человечества, борьба с меньшевизмом, борьба с народничеством, борьба с примиренчеством, величайший опыт революции 1905 г., теоретическая проработка этого опыта в течение годов контр-революции, подход к проблемам международного рабочего движения под углом зрения революционных уроков 1905 г.,—вот что, в совокупности, дало нашей партии исключительный закал, высшую теоретическую проницательность, беспримерный революционный размах. И, тем не менее, даже в этой партии, на верхах ее, перед моментом решающих действий, выделилась группа опытных революционеров, старых большевиков, которая встала в резкую оппозицию к пролетарскому перевороту и в течение наиболее критического периода революции с февраля 1917 г., примерно, по февраль 1918 г. занимала во всех основных вопросах социал-демократическую, по существу, позицию. Чтобы охранить партию и революцию от величайших замешательств, вытекавших из этого обстоятельства, нужно было исключительное, беспримерное уже и тогда влияние Ленина в партии. Этого нельзя забывать ни в каком случае, если мы хотим, чтобы от нас чему-нибудь научились коммунистические партии других стран. Вопрос об отборе руководящего персонала получает для западно-европейских пар-

тий совершенно исключительное значение. Об этом вопиет опыт несостоявшегося немецкого Октября. Но отбор этот должен происходить под углом зрения *революционного действия*. Германия дала за эти годы достаточно случаев проверки руководящих членов партии в моменты непосредственной борьбы. Без этого критерия все остальные ненадежны. Франция была за эти годы гораздо беднее революционными потрясениями, хотя бы только частичными. Но все же и ее политическая жизнь дала несколько вспышек гражданской войны, когда Центральному Комитету партии и руководителям профессиональных союзов приходилось действенно реагировать на неотложные и острые вопросы (например, кровавый митинг 11 января 1924 г.). Внимательное изучение таких острых эпизодов дает незаменимый материал для оценки партийного руководства, поведения отдельных органов партии и отдельных ее руководящих работников. Игнорировать такие уроки, не делать из них необходимого вывода в смысле отбора людей—значит итти навстречу неминуемым поражениям, ибо без проницательного, решительного и мужественного партийного руководства победа пролетарской революции невозможна.

Партия, даже самая революционная, неизбежно вырабатывает свой организационный консерватизм: иначе она была бы лишена необходимой устойчивости. Все дело здесь в степени. У революционной партии жизненно необходимая доза консерватизма должна сочетаться с полной свободой от рутины, с инициативностью ориентировки, с действенной отвагой. Резче всего эти качества проверяются на поворотах исторического пути. Мы слышали выше слова Ленина о том, что часто даже самые революционные партии, при резком изменении обстановки и вытекающих из нее задач, продолжают итти по вчерашней линии и тем самым становятся или угрожают стать тормозом революционного развития. И консерватизм партии, и ее революционная инициативность находят наиболее сосредоточенное свое выражение в органах партийного руководства. Между тем самый крутой «поворот» европейским коммунистическим партиям еще только предстоит—поворот от подготовительной работы к захвату власти.—Это поворот наиболее требовательный, неотложный, ответственный, грозный. Упустить момент его—величайшее поражение, какое вообще может постигнуть партию.

Опыт европейских, прежде всего германских боев последних лет, взятый в свете нашего собственного опыта, говорит нам, что

двоякого типа вожди склонны бывают тянуть партию назад в тот именно момент, когда ей необходимо совершить величайший прыжок вперед. Одни вообще склонны видеть на путях революции преимущественно затруднения, препятствия, помехи и оценивать каждую обстановку с предвзятым, хотя и не всегда сознательным намерением уклониться от действия. Марксизм превращается у них в метод обоснования невозможности революционного действия. Наиболее чистую культуру этого типа представляли русские меньшевики. Но сам по себе тип этот шире меньшевизма и в самый критический момент обнаруживается вдруг на ответственном посту в наиболее революционной партии. Представители другой разновидности отличаются поверхностно-агитаторским характером. Эти вовсе не видят препятствий и затруднений, пока не стукнутся в них с размаху лбом. Способность обходить реальные препятствия при помощи словесных оборотов, проявлять во всех вопросах величайший оптимизм («море по колено») неизбежно переходит в свою противоположность, когда наступает час решающего действия. Для первого типа, для крохоборчески настроенного революционера трудности захвата власти представляются лишь нагромождением и возведением в степень всех тех трудностей, какие он только и привык видеть на своем пути. Для второго типа, для поверхностного оптимиста, трудности революционного действия возникают всегда внезапно. В подготовительный период поведение того и другого различно: один представляется скептиком, на которого в революционном смысле нельзя слишком полагаться; зато другой, наоборот, может казаться неистовым революционером. Но в решающий момент и тот и другой идут рука об руку, — восстают против восстания. А, между тем, вся подготовительная работа имеет ценность лишь постольку, поскольку она делает партию и прежде всего ее руководящие органы способными определить момент восстания и руководить им. Ибо задачей коммунистической партии является овладение властью в целях переустройства общества.

В последнее время нередко говорили и писали о необходимости «большевизации» Коминтерна. Это—задача, совершенно бесспорная и непреложная; она особенно резко выдвигается после жестоких прошлогодних уроков в Болгарии и Германии. Большевизм не доктрина (т.-е. не только доктрина), но система революционного воспитания для пролетарского переворота. Что такое большеви-

зация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. «Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей!..»

Два слова об этой книге

Первая полоса «демократической» революции тянется от февральского переворота до апрельского кризиса и его разрешения 6 мая путем создания коалиционного правительства, с участием меньшевиков и народников. Во всей этой первой полосе автор настоящей книги не принимал участия, так как прибыл в Петроград лишь 5 мая, как раз накануне создания коалиционного правительства. Первый этап революции и ее перспективы освещены в статьях, написанных в Америке. Думаю, что во всем существенном они вполне согласуются с тем анализом революции, который дан Лениным в его «Письмах из далека».

С первого дня приезда в Петроград работа моя шла совершенно согласованно с Центральным Комитетом большевиков. Ленинский курс на завоевание власти пролетариатом я поддерживал, разумеется, полностью и целиком. В отношении крестьянства у меня не было и тени разногласий с Лениным, который завершал тогда первый этап борьбы против правых большевиков, с их лозунгом «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». До формального вступления в партию я участвовал в выработке ряда решений и документов, исходивших от имени партии. Единственным соображением, которое отодвинуло формальное вступление мое в партию на три месяца, было желание ускорить слияние с большевиками лучших элементов межрайонной организации и вообще революционных интернационалистов. Эту политику я вел опять-таки в полном согласии с Лениным.

Редакция этой книги обратила мое внимание на встречающееся в одной из моих тогдашних статей в пользу объединения указание на организационную «кружковщину» у большевиков. Какой-нибудь из глубокомысленных дьячков, вроде т. Сорина, не замедлит, конечно, вывести эту фразу прямым сообщением из разногласий по поводу § 1 устава. Вступать по этому поводу в споры — после того, как свои действительные и большие организационные ошибки я признал и словом и делом, — не вижу нужды. Но менее поврежденный читатель найдет гораздо более

простое и непосредственное объяснение приведенному выражению моему в конкретнейших условиях момента. Среди рабочих - межрайонцев оставалось от прошлого еще очень сильное недоверие к организационной политике Петроградского Комитета. Доводы от «кружковщины» — со ссылками, как всегда в таких случаях бывает, на всякие «несправедливости» — были среди межрайонцев в большом ходу. Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование.

Мое чисто полемическое «предложение» первому Съезду Советов составить правительство из двенадцати Пешехоновых толковалось кое-кем — кажется, Сухановым — не то как личное благоволение мое к Пешехонову, не то как особая линия, отличная от ленинской. Это, конечно, чистейший курьез. Когда наша партия требовала, чтобы Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, взяли власть, то этим самым она «требовала» министерства Пешехоновых: в конце концов, между Пешехоновым, Черновым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату. Разве что Пешехонов несколько лучше знал статистику и производил чуть более деловое впечатление, чем Церетели или Чернов. Дюжина Пешехоновых означала правительство из дюжинных представителей мелко-буржуазной демократии, вместо коалиции. Когда питерские массы, руководимые нашей партией, выдвинули лозунг: «Долой десять министров-капиталистов», то этим самым они требовали, чтобы места этих последних заняли меньшевики и народники. «Выкиньте вон кадетов, возьмите, господа буржуазные демократы, в руки власть, посадите в правительство двенадцать (или сколько там) Пешехоновых, и мы вам обещаем по возможности «мирно» снять вас с постов, когда пробьет час. А пробить он должен скоро». Никакой особой линии тут не было, — это была линия, которую Ленин формулировал не раз.

Считаю необходимым сугубо подчеркнуть предупреждение, сделанное редактором настоящей книги, т. Ленцнером: значительная часть речей, вошедших в этот том, приведена не по стенограмме, хотя бы и плохой, а по репортерским отчетам соглашательской прессы, полуневежественным и полузлостным. Беглое ознакомление с несколькими документами такого рода заставило

меня махнуть рукой на первоначальный план хоть сколько-нибудь исправить и дополнить их. Пусть живут, как есть: они тоже в своем роде документы эпохи, хоть и «с другой стороны».

Настоящая книга не могла бы появиться в печати без внимательной и компетентной работы над нею т. Ленцнера, которому принадлежат и примечания, и его помощников: тт. Геллер, Крыжановского, Ровенской и И. Румера.

Всем им я здесь выражаю товарищескую благодарность.

Особо я хотел бы сказать о громадной работе по подготовке этого тома, как и других моих книг, которую выполнил мой ближайший сотрудник М. С. Глазман. Я дописываю эти строки с чувством величайшей скорби по поводу беспримерно трагической гибели этого прекрасного товарища, работника и человека.

Л. Троцкий.

Кисловодск,
15 сентября 1924 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Материалы, помещенные в настоящем томе, охватывают период от февральской революции до января 1918 года. В начале января происходил третий Съезд Советов, который, по выражению Ленина, завершил собой первые месяцы закрепления власти Советов. Обилие материала заставило разбить том на две части. Первая часть заканчивается 9-ым октября. Эта дата выбрана не случайно. Ею заканчивается семимесячный период агитационной и организационной работы партии в деле подготовки рабочего класса к завоеванию власти. Санкционирование Петроградским Советом выхода нашей фракции из Предпарламента означало его согласие на непосредственную и немедленную борьбу за власть. Именно около этого же числа выносится решение Исполнительного Комитета Петроградского Совета о создании Военно-Революционного Комитета, органа, руководящего массами в непосредственной борьбе за власть. Вся деятельность нашей партии в дни, следующие за 9-ым октября, проходит под знаком непосредственной подготовки к восстанию.

Материал в данном томе, особенно в первой его части, не всегда расположен хронологически. Мы считали, что в интересах читателя—сгруппировать этот материал по отдельным темам. Поскольку последние соответствуют крупнейшим событиям эпохи, постольку такой группировкой будет облегчено сосредоточение внимания читателя на этих событиях.

Первые три отдела первой части не требуют особых коментариев. Необходимо лишь остановиться на последних двух. Отдел «Напор контр-революции» охватывает период с 3 июля по 1 сентября. Хотя кампания контр-революции против революционного авангарда началась до июльских дней, но систематический, а главное, практически-действенный характер она при-

обрела лишь после событий 3 — 5 июля. Конечным пунктом этого наступления нужно считать корниловский мятеж, который сразу же произвел перегруппировку на политической арене: контрреволюция была временно подмята, а для пролетарского авангарда снова открылось широкое поле революционной деятельности. Последний отдел «Агония мелкобуржуазной демократии» озаглавлен нами так потому, что сентябрь и почти весь октябрь представляют картину непрерывного разложения соглашательских партий и крушения последних коалиционных попыток. Ярким выражением бесплодия и беспомощности мелкобуржуазной демократии явился Предпарламент.

Из отделов второй части требуют пояснения лишь некоторые. Затруднительным представлялось указание точной даты, с которой начинается отдел «Октябрьское восстание». С точки зрения формальной можно по-разному указать эту дату. И 7 октября—день выхода фракции из Предпарламента, и 16 октября—когда пленум Петроградского Совета постановил создать Военно-Революционный Комитет, и 22 октября — когда собрание полковых комитетов официально встало на точку зрения восстания, и, наконец, 24 октября, когда это восстание началось, — почти в одинаковой степени могут претендовать на роль начальной даты этого периода. Мы отказались от первых трех дат, ибо, в общем, они относятся к пред-октябрьскому периоду и характерны скорее, как вехи подготовки восстания. Начальным пунктом нами было взято 24 октября, поскольку в этот день фактически началось октябрьское *восстание*. Но и 24 октября не целиком относится нами к этому периоду. Мы сознательно оставили в отделе «Перед Октябрем» речь Л. Д. Троцкого на заседании ЦИК от 24 октября, ибо, по своему содержанию, она скорее относится к дням, предшествовавшим восстанию, как таковому.

Отдел девятый: «Воспоминания об октябрьских днях» составлен из материалов более позднего происхождения. Они представляют собой, как показывает уже заголовок, воспоминания, а не документы октябрьской эпохи. Мы включили их в отдел, следующий за октябрьскими днями, в целях более детального освещения этого замечательного периода.

Следующий, десятый отдел: «Борьба за мир» не охватывает всех документов, по этому вопросу написанных Л. Д. Троцким за ноябрь 1917 — январь 1918. Ввиду того, что материалы, относящиеся к Брест-Литовским переговорам, будут помещены в томе

«Советская Республика и капиталистический мир», мы решили, в интересах цельности, перенести в этот последний том и все те документы, которые хронологически хотя и относятся к третьему тому, но по своему содержанию непосредственно примыкают к брест-литовским материалам. В третьем томе оставлены лишь те документы, которые посвящены общим вопросам мира.

По тем же соображениям, нами изъята та часть брошюры «Октябрьская Революция» (11 отдел), которая освещает Брест-Литовские переговоры. Несмотря на то, что работа эта охватывает период с февраля 1917 г. до Бреста, она помещена нами в конце тома, как сжатое резюме всех материалов, помещенных в томе.

При оценке материалов, помещенных в данном томе, необходимо принять во внимание тот факт, что значительная их часть сохранилась в крайне неудовлетворительном виде. Достаточно указать на то, что нет почти ни одной речи, которая сохранилась бы в стенографической записи. За исключением последних двух месяцев, все речи пришлось перепечатывать из соглашательских газет. Не говоря уже о том, что они записаны меньшевистскими хроникерами и исправлены меньшевистскими редакторами (т.-е. нередко фальсифицированы), эти записи часто вообще не дают ясного представления даже о содержании выступления. Мы не считали, однако, себя в праве изменять их текст даже в тех случаях, когда имелись точные сведения о тех положениях и формулировках, которые были даны Л. Д. Троцким в его речи. Мы ограничились лишь стилистической правкой, устранением явных недоразумений в построении фраз, как они даны в отчетах. Только там, где мысль оратора была явно искажена политически, нами сделаны в примечаниях соответствующие указания. Но и позднейшие материалы, которые относятся непосредственно к октябрьскому и по-октябрьскому периоду, в смысле формы оставляют также желать многого. Как известно, ни заседания Второго Съезда Советов, ни заседания сессии ЦИК второго созыва не стенографировались. Мы не говорим уже об учреждениях и съездах меньшего масштаба. Хроникерская запись речи часто лишь туманно передает мысль оратора. Не были исключены и моменты совершенной бессмыслицы.

В первые месяцы Октябрьской Революции было не до создания такого аппарата, который регистрировал бы подробнейшим образом жизнь новых организаций. Это и отразилось на качествах

материалов, особенно первой части. Не осталось почти никаких документов и отчетов о важнейших моментах в жизни партии, например, о совещании большевистской фракции Демократического Совещания, о заседаниях Ц.К. и т. п. Такие крупные даты в истории нашей партии, как июльские дни, заседания различных секций Петросовета и др. организаций, реагировавших на события 3 — 5 июля, почти совершенно не зарегистрированы в печати или других документах. Указанной выше причиной объясняется и тот факт, что разногласия по вопросу об участии в Демократическом Совещании и Предпарламенте отражаются недостаточно полно в настоящем томе. Отголоски этих разногласий читатель найдет в тех обрывочных документах, которые найдены в архиве Л. Д. Троцкого.

Трудность подбора материалов состояла не только в том, чтобы найти документы, разбросанные по разным архивам, но главным образом в определении их авторства. Большинство официальных документов, написанных Л. Д. Троцким, оглашалось другими лицами и опубликовывалось анонимно. Особенную трудность в этом отношении представляют документы Военно-Революционного Комитета, которые не только опубликовывались без подписи, но иногда, возможно, и составлялись коллективно. Редакция принимала все доступные ей меры для точного выяснения авторства всех этих материалов. Те документы, авторство которых осталось неясным, нами совсем не включёны в том, или же помещены в приложении. Естественным, поэтому, является заключение о неизбежных пробелах в подборе материалов. Пробелы несомненны уже и потому, что ряд номеров тогдашних газет, в которых могли и должны были быть работы Л. Д. Троцкого (например, петроградской газеты «Рабочий и Солдат» и др.) до сих пор не найдены. Не исключена также и принадлежность перу Л. Д. Троцкого некоторых передовиц и других статей в «Рабочем Пути», «Рабочем» и т. д. до Октября, а также в «Правде» и в «Известиях» конца 1917 года, особенно, посвященных вопросам мира. Оказались также ненайденными две брошюры Л. Д. Троцкого: «Клеветникам» и «Годы великих потрясений», исчезнувшие в июльские дни. Первая из них была посвящена злободневному вопросу того времени, опровержению буржуазной клеветы на Ленина и большевиков; она погибла при разгроме партийной типографии. От целого ряда важнейших речей, произнесенных в ЦИК, Петроградском Со-

вете и т. д. остались такие краткие отчеты, что редакция вынуждена была отказаться от помещения их в текст. О некоторых же речах нет и репортерского отчета. Не осталось почти никаких следов от заседаний таких исторических организаций, как Исполнительный Комитет Петроградского Совета за период Октября и Военно-Революционный Комитет. Не могли поэтому войти в издание все те выступления Л. Д. Троцкого, которые имели место на заседаниях этих организаций. Остался также совершенно в стороне чрезвычайно интересный материал той эпохи: многочисленные выступления Л. Д. Троцкого на митингах, военных собраниях, советских и профессиональных совещаниях, различных секциях Петросовета. С точки зрения точного отражения эпохи, этот материал, пожалуй, даже более ценен, чем более «официальные» речи и статьи. К сожалению, до сих пор не удалось найти почти ни одного отчета, — не говоря уже про стенографическую запись, — о подобного рода собраниях.

Ввиду того, что отражаемая в книге эпоха имеет огромное значение для нашей партии и всего Интернационала, а документы эпохи в большинстве еще не переизданы и потому недоступны пока для широкого читателя, мы решили поместить в приложении и примечаниях наиболее важные и интересные из них, хотя этим значительно расширился общий объем тома.

Несколько слов об отдельных технических вопросах. Ввиду большой путаницы со стилями в эту эпоху мы прибегли к следующему приему: в заголовках приводится только старый стиль; в оглавлении и в конце статей старый стиль помещен повсюду, а новый лишь там, где газета выходила исключительно по этому стилю. Те статьи, которые были подписаны полностью Л. Д. Троцким, нами оставлены без всяких подписей; подписи сохранены лишь для писем.

В заключение необходимо отметить, что работа по подготовке данного тома к печати производилась в исключительно спешном порядке. Издательство, как и редакция, поставили себе задачей выпустить эту книгу с таким расчетом, чтобы она могла дойти до читателя к 7 годовщине Октябрьского переворота. 60 печатных листов были подготовлены в течение каких-либо $2^1/_2$ — 3 месяцев. Это необходимо принять во внимание при оценке редакционной и технической стороны настоящего издания.

В. И. ЛЕНИН.

I

Первый этап революции

У ПОРОГА РЕВОЛЮЦИИ

Улицы Петрограда снова заговорили языком 1905 года [1]. Как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира, свободы. Как и тогда, не движутся трамваи и не выходят газеты. Рабочие выпускают пары из машин, покидают свои станки, выходят на улицы. Правительство выводит своих казаков. И опять, как в 1905 г., только эти две силы и видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска.

Движение вспыхнуло из-за недостатка хлеба. Это, конечно, не случайная причина. Во всех воюющих странах недостаток съестных припасов есть наиболее непосредственная, наиболее острая причина недовольства и возмущения народных масс. Все безумие войны раскрывается им ярче всего из этого угла: невозможно производить средства жизни, потому что необходимо создавать орудия смерти.

Тем не менее попытки официозных англо-русских телеграфных агентов свести все дело к временной недостаче хлеба и снежным заносам представляется одним из наиболее нелепых применений политики страуса, который при приближении опасности прячет голову в песок. Из-за снежных заносов, которые временно затрудняют приток жизненных продуктов, рабочие не останавливают заводов, трамваев и типографий и не выходят на улицы для очной ставки с казаками.

У людей коротка память, и многие—даже в нашей собственной среде—успели позабыть, что нынешняя война застигла Россию в состоянии могущественного революционного брожения. После тяжкого контр-революционного столбняка 1908—1911 г.г. русский пролетариат успел залечить свои раны во время двух-трех лет промышленного подъема, и расстрел стачечников на Лене в апреле 1912 года снова пробудил революционную энергию

русских рабочих масс. Начался стачечный прибой. И в последний год перед войной волна экономических и политических стачек достигла той высоты, какую она имела только в 1905 г. Летом 1914 года, когда французский президент Пуанкаре [2]) приезжал в Петербург (надо полагать, для переговоров с царем о том, как спасать малые и слабые народы), русский пролетариат находился в состоянии чрезвычайного революционного напряжения, и президент Французской республики мог своими глазами видеть в столице своего друга-царя первые баррикады Второй Русской Революции.

Война оборвала нараставший революционный прибой. Повторилось то же, что десять лет тому назад во время русско-японской войны. После бурных стачечных движений 1903 года [3]) мы наблюдали в течение первого года войны (1904) почти полное политическое затишье в стране: для петербургских рабочих масс потребовалось тогда двенадцать месяцев, чтобы осмотреться в войне и выступить на улицу со своими требованиями и протестами. Это и произошло 9 января 1905 года, когда, так сказать, официально началась первая наша революция.

Нынешняя война неизмеримо грандиознее русско-японской. Мобилизовавши миллионы солдат для «защиты отечества», царское правительство не только расстроило ряды пролетариата, но и поставило перед мыслью его передовых слоев новые вопросы неизмеримой важности. Из-за чего война? Должен ли пролетариат брать на себя «защиту отечества»? Какова должна быть тактика рабочего класса во время войны?

Между тем царизм и связанные с ним дворянско-капиталистические верхи обнажили во время войны до конца свою истинную природу: природу преступных хищников, ослепленных безграничной жадностью и парализованных собственной бездарностью. Захватные аппетиты правящей клики росли по мере того, как перед народом раскрывалась ее полная неспособность справиться с первейшими военными, промышленными и продовольственными задачами, порожденными войной. И вместе с тем накоплялись, росли и обострялись бедствия масс—неизбежные бедствия войны, помноженные на преступную анархию «распутинского»—царизма.

В самых широких рабочих толщах, до которых, может быть, никогда раньше не доходило слово революционной агитации, накоплялось под влиянием событий войны глубокое ожесточе-

ние против правящих. А тем временем в передовом слое рабочего класса завершался процесс критической переработки новых событий. Социалистический пролетариат России оправился от удара, нанесенного ему националистическим падением влиятельнейших частей Интернационала, и понял, что новая эпоха призывает нас не к смягчению, а к обострению революционной борьбы. Нынешние события в Петрограде и Москве являются результатом всей этой подготовительной внутренней работы.

Дезорганизованное, скомпрометированное, разрозненное правительство наверху, расшатанная вконец армия, недовольство, неуверенность и страх в среде имущих классов, глубокое ожесточение в народных низах, численно возросший пролетариат, закаленный в огне событий,—все это дает нам право сказать, что мы являемся свидетелями начала Второй Российской Революции. Будем надеяться, что многие из нас явятся ее участниками.

«Новый Мир» [4] *№ 934,*
13 марта (27 февраля) 1917 г.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

То, что сейчас происходит в России, войдет навсегда в историю, как одно из величайших ее событий. Наши дети, внуки и правнуки будут говорить об этих днях, как о начале новой эпохи в истории человечества. Русский пролетариат восстал против самого преступного из режимов, против самого отверженного из правительств. Народ Петрограда поднялся против самой бесчестной и самой кровавой из войн. Столичные войска стали под красное знамя мятежа и свободы. Царские министры арестованы. Министры Романова, повелителя старой России, организаторы всероссийского самовластья, посажены народом в одну из тех тюрем, которые до сих пор раскрывали свои кованые ворота только для народных борцов. Этот один факт дает истинную оценку событий, их размаха и могущества. Могучая лавина революции в полном ходу,—никакая сила человеческая ее не остановит.

У власти стоит, как сообщает телеграфная проволока, Временное Правительство *) [5] в составе представителей думского боль-

*) Телеграммы американской прессы смешивали Комитет Думы и Временное Правительство.

шинства, под председательством Родзянки [6]). Это Временное Правительство—исполнительный комитет либеральной буржуазии,—не шло к революции, не вызывало ее и не руководит ею. Родзянки и Милюковы [7]) подняты к власти первой высокой волной революционного прибоя. Они больше всего боятся, как бы не захлебнуться в нем. Заняв места, которые еще не остыли после министров, переведенных в одиночные камеры тюрьмы, вожди либеральной буржуазии готовы считать революцию законченной. Такова же мысль и надежда всей мировой буржуазии. Между тем революция только началась. Ее движущей силой являются не те, что выбрали Родзянку и Милюкова. И не в исполнительном комитете третье-июньской Думы [8]) найдет революция свое руководство.

Голодные матери голодающих детей негодующе подняли к окнам дворцов свои истощенные руки, и проклятье этих женщин народа прозвучало, как голос революционного набата. Вот где начало событий. Рабочие Петрограда дали тревожный гудок; сотни тысяч высыпали из заводов на мостовые города, которые уже знают, что такое баррикады. Вот где сила революции! Всеобщая стачка потрясла мощный организм столицы, парализовала государственную власть, загнала царя в одну из его золоченых трущоб. Вот где путь революции! Войска петроградского гарнизона, как ближайший отряд всероссийской армии, откликнулись на призыв восставших масс и сделали возможным первые крупные завоевания народа. Революционная армия—вот кому будет принадлежать решающее слово в событиях революции!

Сообщения, какие мы имеем сейчас, неполны. Была борьба. Министры монархии не ушли без боя. Шведские телеграммы говорят о взорванных мостах, о стычках на улицах, о восстаниях в провинциальных городах. Буржуазия, со своими полковниками Энгельгардтами и цензорами Гронскими, стала у власти, чтоб «восстановить порядок». Это ее собственные слова. Первый манифест Временного Правительства призывает граждан к спокойствию и к мирным занятиям. Как будто очистительная работа народа завершена, как будто железная метла революции уже вымела до-тла реакционную нечисть, которая скоплялась веками вокруг покрытой бесчестьем романовской династии!

Нет, рано Родзянки и Милюковы заговорили о порядке, и не завтра еще наступит спокойствие на всколыхнувшейся Руси. Пласт за пластом будет теперь подниматься страна—все угнетен-

ные, обездоленные, обобранные царизмом и правящими классами— на всем необъятном пространстве всероссийской тюрьмы народов. Петроградские события—только начало.

Во главе народных масс России революционный пролетариат выполнит свою историческую работу: он изгонит монархическую и дворянскую реакцию из всех ее убежищ и протянет свою руку пролетариату Германии и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизм, но и войну.

Уже вторая волна революции перекатится через головы Родзянок и Милюковых, озабоченных восстановлением порядка и соглашением с монархией. Из собственных своих недр революция выдвинет свою власть—революционный орган народа, идущего к победе. И главные битвы, и главные жертвы еще впереди. И только за ними последует полная и подлинная победа.

Последние телеграммы из Лондона говорят, что царь Николай хочет отречься от престола в пользу своего сына. Этой сделкой реакция и либерализм хотят спасти монархию и династию. Поздно! Поздно! Слишком велики преступления, слишком чудовищны страдания,—и слишком велик размах народного гнева!

Поздно, слуги монархии! Поздно, либеральные гасители! Лавина революции пришла в движение,—никакая сила человеческая ее не остановит.

«Новый Мир» № 937,
16 (3) марта 1917 г.

ДВА ЛИЦА

(Внутренние силы русской революции)

Присмотримся ближе к тому, что происходит.

Николай низложен и даже находится, по некоторым сообщениям, под стражей. Наиболее видные черносотенцы арестованы, некоторые наиболее ненавистные убиты. Новое министерство составилось из октябристов [9]), либералов [10]) и радикала Керенского [11]). Объявлена всеобщая амнистия.

Это все яркие факты, большие факты. Это те факты, что виднее всего внешнему миру. На основании этих перемен на правительственных верхах европейская и американская буржуазия оценивает смысл событий, объявляет, что революция победила и пришла к концу.

Царь и его черносотенцы боролись только за сохранение власти. Война, империалистические планы русской буржуазии, интересы «союзников»,—все для них отступало на задний план. Они готовы были в любой момент заключить мир с Гогенцоллерном [12]) и с Габсбургом [13]), чтобы освободить наиболее верные полки и направить их против собственного народа.

Прогрессивный блок [14]) в Думе не доверял царю и его министрам. Этот блок составился из разных партий русской буржуазии. У блока были две цели: во-первых, доведение войны до конца, до победы; во-вторых, внутренняя реформа в стране: больше порядка, контроля, отчетности. Победа нужна русской буржуазии для завоевания рынков, для земельных приобретений, для обогащения. Реформа нужна русской буржуазии в первую очередь для победы.

Но прогрессивно-империалистический блок хотел мирной реформы. Либералы стремились оказывать думское давление на монархию и держать ее в узде при содействии британского и французского правительств. Они не хотели революции. Они знали, что революция, которая на передний план выведет рабочую силу, означает угрозу их господству и, прежде всего, угрозу их империалистическим планам. Трудящиеся массы—в городах, в деревнях и в самой армии—хотят мира. Либералы знают это. Оттого они все время были врагами революции. Несколько месяцев тому назад Милюков заявил в Думе: «Если бы для победы нужна была революция, я отказался бы от победы».

Но либералы сейчас встали у власти благодаря революции. Буржуазные газетчики не видят ничего, кроме этого факта. Уже в качестве нового министра иностранных дел Милюков заявил, что революция велась во имя победы над внешним врагом, и что новое правительство берет на себя доведение войны до конца. Нью-иоркская аммуниционная биржа так именно и учла русскую революцию: либералы у власти—стало быть потребуется больше снарядов.

Среди биржевиков есть много умных людей и среди буржуазных газетчиков точно так же. Но все они отличаются полным тупоумием, как только дело касается массовых движений. Им кажется, что Милюков руководит революцией, как они сами руководят банковыми или газетными конторами. Они видят только либерально-правительственное отражение развертывающихся событий, пену на поверхности исторического потока.

Долго сдерживаемое недовольство масс вырвалось наружу так поздно, на тридцать втором месяце войны, не потому, что перед массами стояла полицейская плотина, весьма расшатавшаяся за время войны, а потому, что все либеральные учреждения и органы, кончая своими социал-патриотическими прихвостнями, оказывали огромное политическое давление на наименее сознательные рабочие слои, внушая им необходимость «патриотической» дисциплины и порядка. Уже в последний момент, когда голодные женщины вышли на улицу, и рабочие готовились поддержать их всеобщей стачкой, либеральная буржуазия, как сообщают телеграммы, путем воззваний и увещаний пыталась задержать развитие событий, как одна героиня у Диккенса хотела половой щеткой задержать морской прилив.

Но движение развернулось снизу, из рабочих кварталов. После часов и дней нерешительности, перестрелок, стычек войска присоединились к восставшим снизу, начиная с лучших частей солдатской массы. Старая власть оказалась обессиленной, парализованной, уничтоженной. Черносотенные бюрократы попрятались, как тараканы, по углам.

Тут только наступила очередь Думы. Царь попытался в последнюю минуту разогнать ее. И она бы покорно разошлась, «по примеру прошлых лет», если бы у нее была возможность разойтись. Но в столицах уже господствовал революционный народ, тот самый, что против воли либеральной буржуазии вышел на улицу для борьбы. С народом была армия. И если б буржуазия не сделала попытки организовать свою власть, революционное правительство вышло бы из среды восставших рабочих масс. Третье-июньская Дума никогда не решилась бы вырвать власть из рук царизма. Но она не могла не использовать создавшееся междуцарствие: монархия временно исчезла с лица земли, а революционная власть еще не сложилась.

Очень вероятно, даже несомненно, что Родзянки и в этом положении попытались бы шмыгнуть в подворотню. Но над ними стоял недреманный контроль английского и французского посольств. Участие «союзников» в создании Временного Правительства несомненно. Стоя между опасностью сепаратного мира со стороны Николая и революционного мира со стороны рабочих масс, союзные правительства считали, что единственное спасение состоит в переходе власти в руки прогрессивно-империалистического блока. Русская буржуазия сейчас находится в теснейшей

финансовой зависимости от Лондона, и «совет» английского посланника звучал для нее, как приказание. Против всей своей предшествующей истории, против своей политики, против своей воли либеральные буржуа оказались у власти.

Милюков говорит теперь о продолжении войны «до конца». Эти слова не легко вышли из его горла: он знает, что они должны вызвать негодование народных масс против новой власти. Но Милюков обязан был сказать эти слова для лондонской, для парижской и для... американской биржи. Очень вероятно, что свою воинственную декларацию Милюков протелеграфировал за границу, скрыв ее от собственной страны. Ибо Милюков отлично знает, что он не сможет в настоящих условиях вести войну, сокрушать Германию, расчленять Австрию, захватывать Константинополь и Польшу.

Массы восстали с требованием хлеба и мира. Появление у власти нескольких либералов не насытило голодных и не залечило ничьих ран. Для того, чтобы удовлетворить самые острые, самые неотложные нужды народа, нужен мир. Но либерально-империалистический блок не смеет еще заикаться о мире. Во-первых, из-за союзников. Во-вторых, потому, что русская либеральная буржуазия несет огромную часть ответственности перед народом за войну. Милюковы и Гучковы [15]) вместе с романовской камарильей ввергли страну в эту страшную империалистическую авантюру. Прекращение несчастной войны, возвращение к разбитому корыту поведет к отчету перед народом. Милюковы и Гучковы боятся ликвидации войны не меньше, чем они боялись революции.

Такими вот они стоят у власти: вынуждены вести войну и не могут рассчитывать на победу, боятся народа, и народ не верит им.

«... С самого начала готовая к предательству против народа и компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама принадлежит к старому обществу... не потому у руля революции, что народ стоял за нею, а потому, что народ толкал ее перед собою... без веры в себя, без веры в народ, ворча против верхов, дрожа перед низами, эгоистическая на оба фронта и сознающая свой эгоизм, революционная против консерваторов, консервативная против революционеров, не доверяя своим собственным лозунгам, с фразами вместо идей, запуганная мировой бурей и эксплоатируя мировую бурю,—... пошлая, ибо лишенная оригинальности, оригинальная только в пошлости,—барыш-

ничающая своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без мирового исторического призвания,—проклятый старец, который оказался осужден руководить и злоупотреблять в своих старческих интересах первыми юношескими движениями могучего народа,—без глаз, без ушей, без зубов, без всего—такою стояла прусская буржуазия после мартовской революции у кормила прусского государства» (Карл Маркс).

В этих словах великого мастера—законченный портрет русской либеральной буржуазии, какою она стоит перед нами после нашей мартовской революции у кормила власти. «Без веры в себя, без веры в народ, без глаз, без зубов»—таково ее политическое лицо.

К счастью для России и Европы, у русской революции есть другое подлинное лицо: телеграммы сообщают, что Временному Правительству противостоит рабочий комитет, который уже поднял голос протеста против либеральной попытки обокрасть революцию и выдать народ монархии.

Если б революция сейчас приостановилась, как того требует либерализм, завтра же царско-дворянско-бюрократическая реакция собрала бы свои силы и вышибла бы Гучковых и Милюковых из их непрочных министерских траншей, как прусская контрреволюция выкинула в свое время всех представителей прусского либерализма. Но русская революция не остановится. И в дальнейшем своем развитии она сметет становящихся поперек ее пути буржуазных либералов, как она сметает сейчас царскую реакцию.

«Новый Мир» № 938,
17 (4) марта 1917 г.

НАРАСТАЮЩИЙ КОНФЛИКТ

(Внутренние силы русской революции)

Открытый конфликт между силами революции, во главе которой стоит городской пролетариат, и антиреволюционной либеральной буржуазией, временно вставшей у власти, совершенно неизбежен. Можно, конечно,—и этим усердно займутся либеральные буржуа и обывательского типа горе-социалисты,—подобрать много жалких слов на тему о великом преимуществе общенационального единства над классовым расколом. Но никогда

еще и никому не удавалось такими заклинаниями устранить социальные противоречия и приостановить естественное развитие революционной борьбы.

Внутренняя история развертывающихся событий нам знакома только по осколкам и намекам, проскальзывающим в официальных телеграммах. Тем не менее можно и сейчас уже наметить два пункта, которые будут все больше противопоставлять революционный пролетариат и либеральную буржуазию.

Вопрос о государственной форме уже вызвал первый конфликт. Русский либерализм нуждается в монархии. Мы наблюдаем во всех странах, ведущих империалистическую политику, чрезвычайный рост личной власти. Английский король, французский президент и в последнее время президент Соединенных Штатов сосредоточили в своих руках огромную долю государственной власти. Политика мировых захватов, тайных договоров, открытых предательств требует независимости от парламентского контроля и гарантий от перемен курса, вызываемых частыми сменами министерств. С другой стороны, монархия создает для имущих классов наиболее устойчивую опору в борьбе с революционным настроением пролетариата.

В России обе эти причины действуют с большей силой, чем где бы то ни было. Русская буржуазия не считает возможным отказать народу во всеобщем избирательном праве, понимая, что такой отказ немедленно восстановил бы самые широкие массы против Временного Правительства и дал бы сразу в революционном движении перевес новому, наиболее решительному крылу пролетариата. Даже резервный монарх Михаил Александрович понимает невозможность подойти к трону иначе, как путем «всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права». Тем важнее для буржуазии создать заблаговременно монархический противовес глубоким социально-революционным требованиям трудящихся масс. Формально, на словах, буржуазия соглашается предоставить разрешение этого вопроса будущему Учредительному Собранию. Но по существу октябристско-кадетское Временное Правительство и дополняющее его октябристско-кадетское министерство *) превратят всю подготовительную работу

*) Речь идет о думском Комитете, во главе с Родзянко, и о правительстве Гучкова-Милюкова; наименования того и другого даны на основании первых, крайне путаных американских телеграмм из Петрограда.

по созыву Учредительного Собрания в борьбу за монархию против республики. Решение Учредительного Собрания будет в огромной степени зависеть от того, кто и как будет созывать его. Следовательно, уже сейчас, немедленно, революционный пролетариат должен будет противопоставить свои революционные органы, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, исполнительным органам Временного Правительства. В этой борьбе пролетариат, объединяя вокруг себя поднимающиеся народные массы, должен ставить своей прямой целью завоевание власти. Только революционное рабочее правительство будет обладать волей и способностью уже во время подготовки Учредительного Собрания произвести радикальную демократическую чистку в стране, перестроить сверху донизу армию, превратить ее в революционную милицию и на деле доказать крестьянским низам, что их спасение только в поддержке революционного рабочего режима. Созванное на основе такой подготовительной работы Учредительное Собрание будет действительно отражать революционные, творческие силы страны и само станет могущественным орудием дальнейшего развития революции.

Второй вопрос, который должен непримиримо противопоставить интернационально - социалистический пролетариат либерально-империалистической буржуазии, это—отношение к войне и миру.

«Новый Мир» № 940,
19 (6) марта 1917 г.

ВОЙНА ИЛИ МИР?

(Внутренние силы русской революции)

Главный вопрос, который сейчас интересует правительства и народы всего мира,—какое влияние окажет русская революция на ход войны? Приблизит ли она мир? Или же, наоборот, весь пробужденный революционный энтузиазм народа будет направлен на дальнейшее ведение войны?

Это большой вопрос. От его решения в ту или другую сторону зависит не только судьба войны, но и судьба самой революции.

В 1905 году Милюков, нынешний воинственный министр иностранных дел, называл русско - японскую войну авантюрой и требовал скорейшего ее прекращения. В том же духе писала

вся либеральная и радикальная печать. Сильнейшие организации промышленников высказывались тогда—несмотря на беспримерные поражения—за немедленное заключение мира. Чем это объяснялось? Надеждами на внутреннюю реформу. Установление конституционного строя, парламентский контроль над бюджетом и вообще государственным хозяйством, распространение просвещения и особенно наделение крестьян землею должны были повысить хозяйственный уровень страны, увеличить благосостояние населения и, следовательно, создать громадный внутренний рынок для промышленности. Правда, русская буржуазия еще и тогда, 12 лет тому назад, готова была захватить чужие земли. Но она считала, что раскрепощение крестьянства создаст для нее несравненно более могущественный рынок, чем Маньчжурия или Корея.

Оказалось, однако, что демократизация страны и раскрепощение крестьянства—не такая простая задача. Ни царь, ни его чиновничество, ни дворянство не соглашались поступиться добровольно ни единой частицей своих прав. Получить из их рук государственную машину и земли нельзя путем либеральных увещаний—нужен был могущественный революционный натиск масс. Но этого буржуазия не хотела. Аграрные восстания крестьян, все обострявшаяся борьба пролетариата и рост возмущения в армии отбросили либеральную буржуазию в лагерь царской бюрократии и реакционного дворянства. Их союз был скреплен государственным переворотом 3 июня 1907 года. Из этого переворота вышли 3-я и нынешняя Государственные Думы [16]).

Крестьянство земель не получило. Государственные порядки изменились больше по форме, чем по существу. Создания богатого внутреннего рынка из собственников-крестьян, на манер американских фермеров, не получилось. Капиталистические классы, примирившиеся с третье-июньским режимом, устремили свои взоры на завоевание внешних рынков. Началась полоса нового российского империализма—с беспутным государственным и военным хозяйством и с ненасытными аппетитами. Гучков, нынешний военный министр, заседал в комиссии государственной обороны для скорейшего усиления армии и флота. Милюков, нынешний министр иностранных дел, вырабатывал программу мировых захватов и развозил ее по всей Европе.

На русском империализме и на его октябристских и кадетских представителях лежит очень большая доля ответственности

за нынешнюю войну: на этот счет наши Гучковы и Милюковы не имеют никакого права делать упреки башибузукам немецкого империализма,—это одного поля ягоды.

Милостью революции, которой они не хотели и против которой боролись, Гучков и Милюков стоят сегодня у власти. Они хотят продолжения войны. Они хотят победы. Еще бы! Ведь они именно и вовлекли страну в войну во имя интересов капитала. Ведь вся их оппозиция царизму вытекала из неудовлетворенности их империалистических аппетитов. Пока у власти стояла клика Николая II, перевес во внешней политике имели династические и реакционно-дворянские интересы. Именно поэтому в Берлине и Вене все время надеялись на заключение сепаратного мира с Россией. Теперь же на правительственном знамени написаны интересы чистого империализма. «Царского правительства больше нет,—говорят народу Гучковы и Милюковы,—теперь вы должны проливать кровь за общенациональные интересы». А под национальными интересами русские империалисты понимают возвращение Польши, завоевание Галиции, Константинополя, Армении, Персии. Другими словами, Россия сейчас становится в общий империалистический ряд с другими европейскими государствами и, прежде всего, со своими союзниками: Англией и Францией.

В Англии существует парламентская монархия, во Франции—республика. У власти и там и здесь стоят либералы и даже социал-патриоты. Но это нисколько не меняет империалистического характера войны,—наоборот, только ярче вскрывает его. И революционные рабочие ведут в Англии и во Франции непримиримую борьбу против войны.

Переход от династически-дворянского империализма к чисто-буржуазному никак не может примирить с войною пролетариат России. Интернациональная борьба с мировой бойней и империализмом является сейчас нашей задачей больше, чем когда бы то ни было. И последние телеграммы, сообщающие об антивоенной агитации на улицах Петрограда, свидетельствуют о том, что наши товарищи мужественно выполняют свой долг.

Империалистическая похвальба Милюкова—сокрушить Германию, Австро-Венгрию и Турцию—сейчас как нельзя более на-руку Гогенцоллерну и Габсбургу. Милюков теперь будет играть роль огородного пугала в их руках. Прежде еще, чем новое либерально-империалистическое правительство приступило к реформам в армии, оно помогает Гогенцоллерну поднять патриоти-

ческий дух и восстановить трещащее по всем швам «национальное единство» немецкого народа. Если бы немецкий пролетариат получил право думать, что за новым буржуазным правительством России стоит весь народ и в том числе главная сила революции, русский пролетариат,—это явилось бы страшным ударом для наших единомышленников, революционных социалистов Германии. Превращение русского пролетариата в патриотическое пушечное мясо на службе русской либеральной буржуазии немедленно же отбросило бы немецкие рабочие массы в лагерь шовинизма и надолго затормозило бы развитие революции в Германии.

Прямая обязанность революционного пролетариата России показать, что за злой империалистической волей либеральной буржуазии нет силы, ибо нет поддержки рабочих масс. Русская революция должна обнаружить перед всем миром свое подлинное лицо, т.-е. свою непримиримую враждебность не только династически-дворянской реакции, но и либеральному империализму.

Дальнейшее развитие революционной борьбы и создание Революционного Рабочего Правительства, опирающегося на подлинный народ, нанесет смертельный удар Гогенцоллерну, ибо даст могущественный толчок революционному движению германского пролетариата, как и рабочих масс всех остальных европейских стран. Если первая русская революция 1905 года повлекла за собою революцию в Азии — в Персии, Турции, Китае [17])—, то вторая русская революция послужит началом могущественной социально-революционной борьбы в Европе. Только эта борьба принесет залитой кровью Европе подлинный мир.

Нет, русский пролетариат не даст запрячь себя в колесницу милюковского империализма. На знамени российской социал-демократии сейчас ярче, чем когда бы то ни было, горят лозунги непримиримого интернационализма:

Долой империалистических хищников!

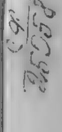
Да здравствует Революционное Рабочее Правительство!

Да здравствует мир и братство народов!

«Новый Мир» № 941,
20 (7) марта 1917 г.

ОТ КОГО И КАК ЗАЩИЩАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ

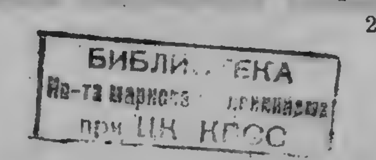
Империализм у нас, как и везде, вытекает из самых основ капиталистического производства. Но развитие империализма крайне ускорилось у нас и обострилось под влиянием контрреволюции. Об этом мы говорили в прошлый раз. Когда испуганная революционная буржуазия отказалась от своей программы углубления внутреннего рынка путем передачи помещичьих земель крестьянству, она перенесла все свое внимание на мировую политику. Антиреволюционный характер нашего империализма выступает, таким образом, со всей наглядностью. Русскому рабочему империалистическая буржуазия сулила—в случае успехов—лучший заработок и пыталась подкупить рабочие верхи привилегированным положением вокруг и около военной промышленности. Крестьянину она обещала новые земли. «Будут ли эти новые земли или нет,—рассуждал мужик-середняк, утративший надежду на помещичьи владения,—а своего-то народу во всяком случае убавится, стало быть, с землей станет свободнее...»

Война, следовательно, явилась в самом прямом смысле слова средством отвлечения внимания народных масс от наиболее острых внутренних вопросов и в первую голову от аграрного. Это одна из причин того, почему «либеральное» и не-либеральное дворянство с таким рвением поддерживает империалистическую буржуазию в деле ведения войны.

Под знаменем «спасения страны» либеральные буржуа пытаются удержать в своих руках руководство над революционным народом и с этой целью тянут за собою на буксире не только патриотического трудовика Керенского, но, повидимому, и Чхеидзе, представителя оппортунистических элементов социал-демократии.

Приостановка войны и уже самая борьба за мир поставят ребром все внутренние вопросы и, прежде всего, земельный... Аграрный вопрос вгонит глубокий клин в нынешний дворянско-буржуазный-социал-патриотический блок. Керенским придется выбирать между «либеральными» третье-июньцами, которые хотят всю революцию обокрасть для капиталистических целей, и революционным пролетариатом, который развернет во всю ширь программу аграрной революции, т.-е. конфискации в пользу народа царских, помещичьих, удельных, монастырских и церков-

ных земель. Каков будет личный выбор Керенского, значения не имеет: этот молодой саратовский адвокат, «умоляющий» солдат на митинге застрелить его, если они ему не доверяют, и в то же время угрожающий скорпионами рабочим-интернационалистам, не имеет большого значения на весах революции. Другое дело— крестьянские массы, деревенские низы. Привлечение их на сторону пролетариата есть самая неотложная, самая насущная задача.

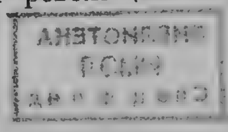
Было бы преступлением пытаться разрешить эту задачу путем приспособления нашей политики к национально-патриотической ограниченности деревни: русский рабочий совершил бы самоубийство, оплачивая свою связь с крестьянином ценою разрыва своей связи с европейским пролетариатом. Но в этом и нет никакой политической надобности. У нас в руках более сильное орудие: в то время, как нынешнее Временное Правительство и министерство Львова [18])—Гучкова—Милюкова—Керенского вынуждены—во имя сохранения своего единства—обходить аграрный вопрос, мы можем и должны поставить его во весь рост перед крестьянскими массами России.

— Раз невозможна аграрная реформа, тогда мы за империалистическую войну!—сказала русская буржуазия после опыта 1905—1907 годов.

— Повернитесь спиною к империалистической войне, противопоставив ей аграрную революцию!—скажем мы крестьянским массам, ссылаясь на опыт 1914—1917 годов.

Этот же вопрос, земельный, будет играть огромную роль в деле объединения пролетарских кадров армии с ее крестьянской толщей. «Помещичья земля, а не Константинополь!» скажет солдат-пролетарий солдату-крестьянину, объясняя ему, кому и для чего служит империалистическая война. И от успеха нашей агитации и борьбы против войны—прежде всего, в рабочих, а во вторую линию, в крестьянских и солдатских массах—будет зависеть, как скоро либерально-империалистическое правительство сможет быть замещено Революционным Рабочим Правительством, опирающимся непосредственно на пролетариат и примыкающие к нему деревенские низы.

Только такая власть, которая не упирается против натиска масс, а, наоборот, ведет их вперед, способна обеспечить судьбу революции и рабочего класса. Создание такой власти есть сейчас основная политическая задача революции.

Учредительное Собрание есть пока что только революционная фирма. Чтó за ней скрывается? Какие порядки учредит это Учредительное Собрание? Это зависит от его состава. А состав зависит от того, кто и при каких условиях будет созывать Учредительное Собрание.

Родзянки, Гучковы, Милюковы приложат все усилия к тому, чтобы создать Учредительное Собрание по образу и подобию своему. Самым сильным козырем в их руках явится лозунг общенациональной войны против внешнего врага. Теперь они будут говорить, конечно, о необходимости отстоять «завоевания революции от разгрома» со стороны Гогенцоллерна. И социал-патриоты будут подпевать им.

— Было бы что отстаивать!—скажем мы. Первым делом нужно обеспечить революцию от внутреннего врага. Нужно, не дожидаясь Учредительного Собрания, выметать монархический и крепостнический хлам изо всех углов. Нужно научить русского крестьянина не доверять посулам Родзянки и патриотической лжи Милюкова. Нужно сплотить крестьянские миллионы против либеральных империалистов под знаменем аграрной революции и республики. Выполнить эту работу в полном объеме сможет только опирающееся на пролетариат Революционное Правительство, которое отстранит Гучковых и Милюковых от власти. Это Рабочее Правительство пустит в ход все средства государственной власти, чтобы поднять на ноги, просветить, сплотить самые отсталые и темные низы трудящихся масс города и деревни. Только при таком правительстве и при такой подготовительной работе Учредительное Собрание явится не ширмой для землевладельческих и капиталистических интересов, а действительным органом народа и революции.

— Ну, а как же быть с Гогенцоллерном, войска которого будут нависать угрозой над победоносной русской революцией?

— Мы уже писали об этом. Русская революция представляет неизмеримо бóльшую опасность для Гогенцоллерна, чем аппетиты и замыслы империалистической России. Чем скорее революция сбросит с себя гучковско-милюковскую шовинистическую маску и откроет свое пролетарское лицо, тем могущественнее будет отклик, какой она встретит в Германии, тем меньше будет у Гогенцоллерна охоты и возможности душить русскую революцию,— у него будет достаточно хлопот у себя дома.

— А если немецкий пролетариат не поднимется? Что́ мы будем делать тогда?

— То-есть, вы предполагаете, что русская революция может пройти бесследно для Германии—даже в том случае, если у нас революция поставит у власти рабочее правительство? Но ведь это совершенно невероятно.

— Ну, а если все же?..

— Нам в сущности незачем сейчас ломать себе голову над таким невероятным предположением. Война превратила всю Европу в пороховой склад социальной революции. Русский пролетариат бросает теперь в этот пороховой склад зажженный факел. Предполагать, что этот факел не вызовет взрыва, значит мыслить наперекор законам исторической логики и психологии. Но если бы случилось невероятное, если бы консервативная социал-патриотическая организация помешала немецкому рабочему классу в ближайшую эпоху подняться против своих правящих классов,—тогда, разумеется, русский рабочий класс защищал бы революцию с оружием в руках. Революционное рабочее правительство вело бы войну против Гогенцоллерна, призывая братский немецкий пролетариат подняться против общего врага. Точно так же, как и германский пролетариат, если бы он оказался в ближайшую эпоху у власти, не только имел бы «право», но и был бы обязан вести войну против Гучкова-Милюкова, чтобы помочь русским рабочим справиться со своим империалистским врагом. В обоих этих случаях руководимая пролетарским правительством война была бы только вооруженной революцией. Дело шло бы не о «защите отечества», а о защите революции и перенесении ее на другие страны.

«Новый Мир» № 942,
21 (8) марта 1917 г.

КТО ИЗМЕННИКИ?

Мы заклеймили воинственные планы и намерения правительства Гучкова и Милюкова. Мы заявили, что революционный русский народ хочет мира. По этому поводу здешняя реакционная газета «Русская Земля» называет нас германофилами и изменниками.

Бывшее царское правительство было германофильским и стремилось к династической, противонародной сделке с Гогенцол-

лерном. «Русская Земля» до последнего дня служила с чисто-собачьей преданностью правительству Николая II, и если б он успел заключить мир с Вильгельмом, «Русская Земля» начала бы снова лизать ботфорты немецкого царя, как делала это вся русская поповско-дворянско-чиновничья реакция до начала войны.

Мы как были, так и остаемся заклятыми врагами Романовых и Гогенцоллернов, обрушивших на русский и немецкий народы ужасы нынешней войны. Мы говорим, что этой войны не хотели и не хотят народы. Мы говорим, что Милюковы обманывают мир, когда заявляют, будто русские рабочие и крестьяне горят желанием проливать свою кровь за Армению, Константинополь и Галицию. Мы говорим, что действительно народное Революционное Правительство в России, одухотворенное стремлением к миру и глубоким социальным преобразованиям, явилось бы смертельной опасностью для правящих бандитов в Германии, ибо вызвало бы революционное восстание немецкого пролетариата. И вот по этому поводу «Русская Земля», которая теперь пытается поступить на содержание к либеральным империалистам, как вчера она была на содержании у царскосельских друзей кайзера, осмеливается говорить о нашей «измене».

Эй, вы там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции!..

«Новый Мир» № 943,
22 (9) марта 1917 г.

ПОКЛАДИСТЫЙ БОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Столько совершается теперь событий на святой Руси, что за всем не усмотришь... Но лучше всего, пожалуй, послание Святейшего Синода [19]) по поводу совершившейся революции. Святые отцы решили признать и благословить Временное Правительство— после того, как два наиболее черносотенных столпа церкви православной были отправлены сажать капусту. Что делали преосвященные и преосвященнейшие в те часы, когда матери голодающих детей вышли на улицу Петрограда с требованием хлеба и мира, мы доподлинно не знаем. Совещались ли они с благочестивыми придворными графинями о том, как спасти праотеческий престол и с ним вместе алтарь, или же попрятались по

подвалам в ожидании конца событий и там питались постненькой рыбкой,—об этом нам когда-нибудь расскажут прилежные историки. Но когда стало ясно, что самодержавнейший и православнейший царь, податель благ, полетел вверх тормашками, когда министры старого режима оказались за прочными решетками Петропавловской крепости, и бывшему председателю совета министров Горемыкину [20]) пришлось почтительно ходатайствовать о том, чтоб ему каждодневно отпускался паек белого хлеба,—тогда члены Святейшего Синода уставили брады и задумались о неисповедимых путях провидения. И в результате их совещаний и справок в святоотеческих творениях появилось окружное послание, в котором разъясняется чадам церкви православной, что революция совершилась «волею божественного промысла», и что всему священству надлежит призвать народ с церковных амвонов к повиновению Временному Правительству. Этот призыв и был сделан в прошлое воскресенье.

Великое искушение для благочестивых душ! Цари наши душегубствовали в течение столетий—«божией милостью». Были всякие цари: кровожадные, развратные, полоумные, пьяницы, отцеубийцы, кровосмесители, но на всех на них без исключения почивала божественная благодать; как только рождался новый лже-Романов от матери немки и неведомого отца (сколько Распутиных занимались на протяжении веков усовершенствованием романовского рода!), так сейчас же божественный промысел касался перстом нового избранника. И Святейший Синод возносил за него моления.

Люди неискушенные могли думать, что так это и пойдет до скончания веков. Но нет. Божественный промысел не дремал. В тех горних сферах, где ведутся приходо-расходные книги божественного промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянке, Гучкову, Милюкову и Керенскому. Так как пути провидения неисповедимы даже для боговдохновенных заседателей Святейшего Синода, то они продолжали возносить усердные мольбы о помазаннике божьем—ровно до того момента, как жалованье им отпускалось именем Николая II. Милюков сидел некогда в Крестах, Керенский—в саратовской тюрьме. Острожные батюшки, читая по воскресеньям проповеди для вразумления заблудшихся арестантов, требовали от них повиновения властям предержащим. А между тем

оказывается, что божественный промысел уже находился в то время в заговоре с Милюковым и Керенским, подготовляя им потихоньку правительственные посты. Не божественный ли промысел вооружил бомбой руку Егора Сазонова [21]), убившего Плеве [22])? Не промысел ли всучил в социал-демократическую программу требование всеобщего избирательного права, на которое теперь ссылается кандидат на божью милость Михаил Александрович?

Вот на какие мысли наводит послание Святейшего Синода. Божественный промысел оказывается покладистым до последней степени: он становится неизменно на сторону сильнейшего и признает всякую уже одержанную победу. Чтоб иметь благодать на своей стороне, рабочему классу нужно только взять своих врагов за горло и наступить им коленом на грудь.

«Новый Мир» № 948,
27 (14) марта 1917 г.

1905 — 1917

(Ближайшие задачи нынешней революции)

Франко-прусской войной 1870—1871 г.г. закончился бурный период образования европейских национальных государств [23]). Началась эпоха политического застоя. В недрах капиталистических обществ накопились антагонизмы, не имеющие себе равных в истории; но ни один из них не обозначился в резкой форме. Великое искусство правящих классов заключалось в том, что они сглаживали противоречия, замазывали все щели и отодвигали в будущее решение всех великих вопросов. Поссибилизм [24]), приспособление к обстоятельствам, сделался могущественной традицией. В такой обстановке складывалась психология двух поколений. Революция считалась устаревшим методом политического «варварства», целиком принадлежащим прошлому. Революционеры казались фантазерами и пережитками миновавших политических форм.

Русско - японская война и русская революция 1905 г. нанесли сильный удар предрассудкам поссибилизма. Эти события отозвались во всем мире. В Австрии русская революция тотчас же привела к завоеванию всеобщего избирательного права. В Германии дрогнул политический консерватизм социал-демократии, и на своем иенском съезде [25]) партия «в принципе»

приняла генеральную забастовку. Во Франции поднял голову революционный синдикализм, как противовес к глубоко оппортунистическому и безидейному французскому парламентаризму. В Англии образовалась рабочая партия [26]). Но до открытого конфликта между пролетариатом и государством в Европе дело не дошло. В то время как на азиатском Востоке, в Персии, Турции и Китае, русские события нашли могучий отклик и прямо повели к государственным переворотам, в Европе они произвели только психологическую встряску, после которой все осталось по-старому. Русская революция была задушена соединенными силами царизма и европейской капиталистической реакции. Ее крушение повсюду оживило дух оппортунизма. Время между 1907 и 1914 г.г. было в рабочем движении временем самого узкого консерватизма и самой мелочной борьбы. Но история приготовила для революционеров блестящий реванш.

Инициативу и на этот раз взяла на себя Россия.

Люди, мыслящие одними формулами или не мыслящие вовсе, полагают, что весь вопрос решается тем, что в России сейчас происходит «буржуазная революция». В действительности же вопрос только поднимается: какая это буржуазная революция? каковы ее внутренние силы и дальнейшие перспективы?

В Великой Французской Революции конца XVIII века главной движущей силой была мелкая буржуазия, державшая под своим влиянием крестьянскую массу. Где у нас в России мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский капитализм с самого начала стал развиваться в своих высших централизованных формах. Русский пролетариат враждебно противостоял русской буржуазии, как класс классу, еще на пороге первой русской революции в 1905 году. Таким образом, есть глубокое различие между русской революцией и французской революцией конца XVIII столетия. С одними историческими аналогиями здесь далеко не уйдешь; необходимо присмотреться к живым силам и определить линию их движения.

Между нашей революцией и восстанием «третьего сословия» во Франции лежит почти как раз по середине немецкая революция 1848 г. Последняя, разумеется, также была буржуазной революцией. Но немецкая буржуазия оказалась уже не в силах выполнить свою революционную миссию. Характеризуя события 1848 года, Маркс [27]) писал:

«Немецкая буржуазия развивалась до такой степени вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она восстала, наконец, против феодализма и абсолютизма, она увидала перед собой угрозу пролетариата и тех слоев буржуазного общества, которые по своим интересам и взглядам близки к пролетариату...

«Прусская буржуазия не была похожа на французскую буржуазию 1789 г., т.-е. на тот класс, который представлял собою все новое общество в его борьбе с господствующими силами старого строя, с королевской властью и с дворянством. Немецкая буржуазия уже упала до степени отдельного класса, который в такой же мере стоял против короны, как и против народа. Она была враждебна обоим и нерешительна по отношению к каждому из своих противников в отдельности, потому что она сама принадлежала к тому же старому обществу... Не потому у руля революции, что народ стоял за нею, а потому, что народ толкал ее перед собою... без веры в себя, без веры в народ, ворча против верхов, дрожа перед низами, эгоистическая на оба фронта и сознающая свой эгоизм, революционная против консерваторов, консервативная против революционеров, не доверяя своим собственным лозунгам, с фразами вместо идей, напуганная мировой бурей и эксплоатируя мировую бурю,—... пошлая, ибо лишенная оригинальности, оригинальная только в пошлости,—барышничающая своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без мирового исторического призвания,—проклятый старец, который оказался осужден руководить и злоупотреблять в своих старческих интересах первыми юношескими движениями могучего народа,— без глаз, без ушей, без зубов, без всего—такою стояла прусская буржуазия после мартовской революции у кормила прусского государства».

Читая эту характеристику, написанную рукою великого мастера, не узнаем ли мы нашу собственную буржуазию и ее вождей? Наша буржуазия выступила на политическую арену еще позже, чем немецкая. Русский пролетариат гораздо сильнее, самостоятельнее и сознательнее, чем был немецкий пролетариат в 1848 г. Обще-европейское развитие уже давно поставило в порядок дня вопрос о социальной революции. Все эти обстоятельства отняли у либеральной русской буржуазии последние остатки веры в себя и доверия к народу.

Нужно удивляться тому, с каким бесстыдством царь третировал либеральную буржуазию. Он созывает Думу, когда ему нужен новый заем; получив его, он распускает депутатов по домам. На их требование «министерства общественного доверия» он немедленно отвечает назначением самых диких реакционеров. Придворная камарилья все время провоцировала Гучковых и Милюковых — лучшее доказательство, что она их не боялась. И со своей точки зрения она была права: она знала, что, как ни сильна ненависть представителей либеральной буржуазии к придворной банде, они все же не решатся начать против нее революционную борьбу из страха перед рабочими массами. «Если бы путь к победе вел через революцию,—заявил в Думе Милюков несколько месяцев тому назад,— то мы отказались бы от победы». Поскольку дело шло о либеральной буржуазии, Николай мог спокойно спать: он знал, что ее слабость парализует ее ненависть к нему.

Совсем иначе обстояло дело с пролетариатом. Накануне войны он находился в состоянии сильнейшего революционного возбуждения. Число рабочих, участвовавших в политических и экономических стачках 1914 года, сравнялось с числом 1905 г. Летом 1914 года, когда Пуанкаре приехал в Петербург, чтобы сделать последние приготовления к назревающему европейскому конфликту, французский президент имел возможность увидеть в столице первые баррикады второй русской революции. Движение 1912 — 1914 г.г. развивалось в гораздо более крупном масштабе, опираясь на опыт самого бурного и содержательного десятилетия в русской истории.

Как и десять лет тому назад, объявление войны тотчас же приостановило развитие революционного движения. Распад Интернационала очень плохо подействовал на авангард пролетариата. Прошел 31 месяц войны, поражений, правительственных скандалов, сухомлиновщины, распутиновщины, общей разрухи, дороговизны, голода, — прежде чем рабочие массы вышли на улицы Петрограда.

Они вышли против воли всей либеральной буржуазии 6 марта, накануне всеобщей забастовки; печать призывала рабочих не нарушать нормальный ход производства, чтобы не повредить военным операциям. Но это не удержало голодающих женщин. Они вышли на улицу с лозунгом «хлеба и мира». Рабочие столицы поддержали их. Всеобщая стачка сразу ото-

двинула на задний план конфликт между Думой и министрами. Пролетарские массы остановили городскую жизнь, заполнили улицы и доказали, что для них дело идет не о демонстрации, а об открытой революционной борьбе с правительством.

Поддержка армии определила судьбу революции в ее первой стадии. Петроградские рабочие были в этот момент еще недостаточно организованы, недостаточно связаны с пролетариатом всей России, чтобы иметь возможность захватить в свои руки власть. Но они были достаточно сильны для того, чтобы первым же ударом выбросить в мусорный ящик царя и его министров. Правительственная власть осталась, таким образом, вакантной. Только в этот момент появляется на сцену «прогрессивный блок».

Родзянки, Гучковы, Милюковы—те самые, которые до последней минуты всеми силами боролись против революции,— были вынуждены протянуть руку к власти в тот момент, когда революция уже опрокинула старое правительство. «Не потому,— как писал Маркс,—встали они у руля революции, что народ стоял за ними, а потому, что народ толкал их перед собою».

К этому присоединялось еще сильное давление из Лондона и Парижа. Опасность, что Россия, парализованная «анархией», выйдет из войны, не только расстраивала планы большого весеннего наступления (третьего по счету), но могла также смутить американскую буржуазию накануне ее вступления в войну. Нужно было сделать так, чтобы в России тотчас же появилось «авторитетное» правительство, которое могло бы объявить от имени революции, что новая Россия берет на себя все финансовые и дипломатические обязательства старого режима и, прежде всего, обязуется продолжать войну до «победного конца». Такое правительство могло быть создано только «прогрессивным блоком».

Министерство Львова ввело свободу печати и собраний и объявило амнистию. Но этим еще не был решен ни один из основных вопросов, вызвавших революцию, а был дан только свободный выход накопившемуся народному гневу. Война осталась. Дороговизна, голод, финансовый кризис остались. И во всей своей остроте остался аграрный вопрос.

Рабочие массы будут теперь подниматься, группа за группой, требуя улучшения условий труда и протестуя против войны. Крестьянские массы восстанут в деревнях и, не дожи-

даясь решения конституционного собрания, начнут изгонять крупных помещиков из их имений. Все усилия устранить классовую борьбу ввиду опасности контр-революционного переворота не приведут ни к чему. Обыватель думает, что революция делается революционерами, которые по своему желанию могут остановить ее на любой точке. Логика классовой борьбы и революционных столкновений остается для обывателя книгой за семью печатями.

Объединить пролетариат всей страны в единстве революционного действия есть главная задача социал-демократии. В противоположность правительству буржуазно-империалистического либерализма рабочий класс борется под знаменем мира. Чем скорее русский пролетариат убедит немецкие народные массы, что революция—за мир и за свободу национального самоопределения, тем скорее гнев немецкого пролетариата разразится открытыми восстаниями. Борьба российской социал-демократии за мир направляется против буржуазного либерализма. Но только такая борьба может укрепить революцию и перебросить ее на европейскую почву.

Конфискация романовских, помещичьих и монастырских земель есть второе условие укрепления революции. Политические филистеры (в том числе и считающие себя социалистами) пробуют учесть шансы республики в России на основании процента крестьян, не умеющих читать и писать. Но этим они доказывают только свою собственную политическую безграмотность. Если революция передаст русским крестьянам землю, принадлежащую царю и помещикам, то крестьяне будут всеми силами защищать свою собственность против монархической контр-революции [28])

«Die Zukunft» [29]
Апрель 1917 г.

Л. Троцкій.

ВЪ ПЛѢНУ У АНГЛИЧАНЪ

Цѣна 15 к.

Издательство „КНИГА“
Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 643-62.
Отд. въ Москвѣ, Б. Садовая д. Пигитъ, 10, кв. 33,
тел. 5-60-22.

Обложка брошюры „В плену у англичан“.

II

В плену у англичан[30])

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Опубликование документов, касающихся моего месячного пленения англичанами, представляется мне сейчас делом политической необходимости. Буржуазная печать—та самая, что распространяла самые черносотенные клеветы против политических эмигрантов, оказавшихся вынужденными возвращаться через Германию,—притворилась глухонемой, как только столкнулась с бандитским набегом Англии на русских эмигрантов, возвращавшихся на родину по Атлантическому океану. Находящаяся в услужении социал-патриотическая, ныне министерская печать поступает немногим более достойно: и у нее нет побудительных мотивов выяснять то щекотливое обстоятельство, что новенькие с иголочки министры-социалисты, расписывающиеся пока еще в глубоком уважении к эмигрантам-«учителям», оказываются ближайшими и непосредственнейшими союзниками Ллойд-Джорджа [31]), который этих самых «учителей» хватает за шиворот на большой атлантической дороге. В этом траги-комическом эпизоде раскрывается с достаточной убедительностью как отношение правящей Англии к русской революции, так и общий смысл того священного союза, на службу к которому ныне поступили граждане Церетели [32]), Чернов [33]) и Скобелев [34]).

Ибо, какие бы заявления ни делали левые министерские группы и партии, министры-социалисты несут всю ответственность за то правительство, частью которого они являются. Правительство же Львова—Терещенки [35]) состоит в союзе не с английскими революционными социалистами, Маклином [36]), Эскью и др., которых правящие империалисты Англии держат в тюрьмах, а с этими именно тюремщиками—Ллойд-Джорджем и Гендерсоном [37]).

Первые два года войны я провел во Франции. Там я имел возможность наблюдать с достаточной полнотой опыт социалистического министериализма в эпоху «освободительной войны». Гед[38]) и Самба[39]) ссылались, разумеется, на совершенно исключительные небывалые обстоятельства, которые заставили их вступить в министерство войны: отечество в опасности, немцы у Парижа, всеобщая разруха, необходимость защиты республики и традиций революции; словом, развивали ту самую аргументацию, которую теперь в несколько более наивной форме пускают в оборот Церетели и Чернов, чтобы доказать, что их министериализм, как небо от земли, отличается от министериализма Геда и Самба.

При благосклонном участии французских «товарищей»-министров я был изгнан из Франции за работу в ежедневной русской интернационалистской газете «Наше Слово»[40]) и за участие во французском «циммервальдском» движении. Правительство Швейцарии, покорное команде царских дипломатов, отказалось принять меня. Французские жандармы, облачившиеся для поддержания чести республики в штатское платье, вывезли меня на границу Испании. Через три дня парижский префект Лоран телеграфировал мадридской полиции об «опасном агитаторе» имя-рек, переехавшем через испанскую границу. Испанские охранники не придумали ничего лучшего, как арестовать меня. Освободив меня после запроса в парламенте из своей «образцовой» мадридской тюрьмы, испанское правительство препроводило меня под конвоем на крайний юго-запад Пиренейского полуострова, в Кадикс. Отсюда власти хотели отправить меня немедленно в Гавану, и лишь после угрозы сопротивлением и после вмешательства испанских социалистов и некоторых республиканцев мне было разрешено выехать с семьей в Нью-Йорк.

Там, после двухмесячного пребывания, нас застигла весть о русской революции. Группа русских изгнанников—в их числе автор этих строк—сделала попытку отправиться в Россию на первом отходящем пароходе. Но русский социалист предполагает, Ллойд-Джорджж располагает. В Галифаксе английские власти сняли нас с парохода и заключили в лагерь для военнопленных. Об обстоятельствах этого ареста и условиях заключения говорит печатаемое ниже письмо на имя г. министра иностранных дел. Это письмо я писал на датском пароходе после освобождения

из английского плена, имея в виду г. Милюкова. Но лидер кадетской партии пал под бременем своей верности лондонской бирже, прежде чем финляндский поезд довез нас до Белоострова. Г. Терещенко со своими коллегами перенял, однако, полностью наследство г. Милюкова, как и этот последний перенял целиком наследство царской дипломатии. Поэтому письмо, предназначавшееся для г. Милюкова, я с полным правом адресую г. Терещенко. Оно переслано ему в оригинале через посредство председателя Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Чхеидзе [41].

Мне остается еще сказать здесь несколько слов о немецких пленных, в обществе которых я провел месяц. Их было 800: около 500 матросов с затопленных англичанами немецких военных кораблей, около 200 рабочих, которых война застигла в Канаде, и около сотни офицеров и штатских пленных из буржуазных кругов. Отношения определились с первого же дня, точнее с того момента, как масса пленных узнала, что мы арестованы, как революционные социалисты. Офицеры и старшие морские унтера, помещавшиеся отдельно, сразу увидели в нас заклятых врагов. Зато рядовая масса окружила нас плотным кольцом сочувствия. Этот месяц жизни в лагере походил на сплошной митинг. Мы рассказывали пленным о русской революции, о причинах крушения Второго Интернационала, о группировках внутри социализма. Отношения между демократической массой и офицерами, из которых некоторые вели кондуитные списки «своим» матросам, чрезвычайно обострились. Немецкие офицеры кончили тем, что обратились к коменданту лагеря, полковнику Моррису, с жалобой на нашу антипатриотическую пропаганду. Английский полковник встал, разумеется, немедленно на сторону гогенцоллернского патриотизма и запретил мне дальнейшие публичные выступления. Это произошло, впрочем, уже в последние дни нашего пребывания в лагере и только теснее сблизило нас с немецкими матросами и рабочими, которые ответили на запрещение полковника письменным протестом за 530 подписями.

Когда нас уводили из лагеря, пленные устроили нам проводы, навсегда врезавшиеся в нашу память. Офицеры и унтера, вообще патриотическое меньшинство, замкнулись в своих отделениях, но «наши», интернационалисты, стали двумя шпалерами вдоль всего лагеря, оркестр играл социалистический марш, руки тянулись к нам со всех сторон... Один из пленных произнес речь, в ко-

торой выразил свой восторг перед русской революцией, послал свое честное проклятие германскому правительству и просил нас передать братский привет русскому пролетариату. Так братались мы с немецкими матросами в Амхерсте. Правда, мы тогда еще не знали, что собственные князя Львова циммервальдцы Церетели и Черновы считают братание противоречащим основам международного социализма. В этом они сошлись с гогенцоллернским правительством, которое тоже запретило братание — правда, с менее лицемерной мотивировкой.

Незачем говорить, что американско-канадская печать объясняла взятие нас в плен нашим «германофильством». Отечественные желто-кадетские газеты встали, разумеется, на тот же самый путь. Обвинение в «германофильстве» мне приходится во время войны выслушивать не впервые. Когда французские шовинисты подготовляли мою высылку из Франции, был пущен слух о моих пангерманистских тенденциях. Но сама же французская пресса сообщила перед тем о моем заочном осуждении в Германии к тюремному заключению за немецкую брошюру «Der Krieg und die Internationale» [42]), направленную против германского империализма и политики официального большинства немецкой социал-демократии. Опубликованная в Цюрихе в начале войны, эта брошюра была провезена швейцарскими социалистами в Германию и там распространялась теми самыми социалистами левого крыла, друзьями Либкнехта [43]), которых немецкая желтая пресса травила, как агентов царя и лондонской биржи. В гнусностях Милюковых и всех его Гессенов [44]) по нашему адресу нет, таким образом, ничего самобытного. Это подстрочный перевод с немецкого языка.

Сэр Бьюкенен [45]), посол Англии в Петрограде, пошел дальше: он прямо сообщил в своем предназначенном для газет письме, что мы возвращались в Россию с субсидированным немецким правительством планом низвержения Временного Правительства. В «осведомленных» кругах, как нам передают, называли даже и размеры субсидии: ровным счетом 10.000 марок. В такую скромную сумму, выходит, оценивало немецкое правительство устойчивость правительства Гучкова-Милюкова!

Английской дипломатии, вообще говоря, нельзя отказать ни в осторожности, ни в декоративном чисто-внешнем «джентльменстве». Между тем заявление английского посла о полученной нами немецкой субсидии явно страдает отсутствием обоих этих качеств: оно низко и глупо в равной степени. Объясняется

это тем, что у великобританских политиков и дипломатов есть две манеры: одна—для «цивилизованных» стран, другая—для колоний. Сэр Бьюкенен, который был лучшим другом царской монархии, а теперь перечислился в друзья республики, чувствует себя в России, как в Индии или Египте, и потому не усматривает никаких оснований стесняться. Великобританские власти считают себя в праве снимать русских граждан с нейтральных пароходов и заключать в лагерь для военнопленных; великобританский посланник считает возможным выступать против русских революционных деятелей с самой низкопробной клеветой. Этому поистине пора бы положить конец. И цель настоящей брошюры—содействовать ускорению того момента, когда революционная Россия скажет г. Бьюкенену и его хозяевам: «Потрудитесь убрать ноги со стола!».

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Милостивый государь!

Настоящим моим письмом я имею честь обратить ваше внимание на совершенно невероятное, чисто пиратское нападение, которому я подвергся, вместе со своей семьей и несколькими другими русскими гражданами, со стороны агентов английского правительства, состоящего, насколько известно, в союзе с тем правительством, которое имеет вас своим министром иностранных дел.

25 марта, опираясь на опубликованную вашим правительством амнистию, я явился в нью-иоркское генеральное консульство, откуда был уже к тому времени удален портрет Николая II, но где еще царила плотная атмосфера старо-режимного русского участка. После неизбежных препирательств генеральный консул распорядился выдать мне документы, пригодные для проезда в Россию. В великобританском консульстве в Нью-Иорке, где я заполнил соответственные вопросные бланки, мне было заявлено, что со стороны английских властей не будет никаких препятствий к моему проезду. Из помещения великобританского консульства я, в присутствии одного из чиновников, телефонировал в русское консульство и получил оттуда подтверждение

того, что все необходимые формальности мною выполнены и что я могу без затруднений совершить свое путешествие.

27 марта я выехал с семьей на норвежском пароходе «Христианиафиорд». В Галифаксе (Канада), где пароход подвергается досмотру английских военно-морских властей, полицейские офицеры, просматривавшие бумаги американцев, норвежцев, датчан и других лишь с чисто формальной стороны, подвергли нас, русских, прямому допросу, в стиле старых отечественных жандармов, насчет наших убеждений, политических планов и пр. Согласно доброй революционной традиции, я отказался вступать с ними в разговоры на этот счет, разъяснив им, что готов дать им все необходимые сведения, устанавливающие мою личность, но что отношения внутренней русской политики не состоят пока что под контролем великобританской морской полиции. Это не помешало господам сыскным офицерам, Мекену и Вествуду после вторичной попытки допроса наводить обо мне справки у других пассажиров, напр., у г. Фундаминского, причем сыскные офицеры настаивали на том, что я terrible socialiste (страшный социалист). Весь, в общем, розыск имел настолько недостойный характер и ставил бывших русских эмигрантов в столь исключительное положение по сравнению с другими пассажирами, не имевшими несчастья принадлежать к союзной Англии нации, что некоторые из нас сочли своим долгом передать через капитана парохода энергичный протест великобританским властям против поведения их полицейских агентов. В тот момент мы еще не предвидели дальнейшего развития событий.

3 апреля на борт «Христианиафиорд» явились английские офицеры, в сопровождении вооруженных матросов, и от имени местного адмирала потребовали, чтобы я, моя семья и еще пять пассажиров, г.г. Чудновский [46]), Мельничанский [47]), Фишелев, Мухин и Романченко, покинули пароход. Что касается мотивов этого требования, то нам было обещано «выяснить» весь инцидент в Галифаксе.

У английских властей не было, по собственному заявлению их офицеров, никаких сомнений относительно моей личности, как и личности остальных, кого они подвергли задержанию. Было ясно, что нас задержали, как социалистов, действительных или предполагаемых, т.-е. как противников войны. Мы объявили требование покинуть пароход незаконным и отказались подчиниться ему. Тогда вооруженные матросы при криках «shame!»

(позор) со стороны значительной части пассажиров снесли нас на руках на военный катер, который под конвоем крейсера доставил нас в Галифакс. Когда матросы держали меня на руках, мой старший мальчик подбежал ко мне на помощь и крикнул: «Ударить его, папа?». Ему 11 лет, господин министр, и я думаю, что у него на всю жизнь сохранится яркое представление о некоторых особенностях правящей английской демократии и англо-русского союза. В Галифаксе нам не только ничего не «объяснили», но даже отказали в вызове местного русского консула, заверив, что консул имеется в том месте, куда нас должны доставить. Заявление это оказалось ложью, как и все остальные заявления великобританских сыскных офицеров, которые по своим приемам и по своей морали всецело стоят на уровне старой русской охранки. На самом деле нас доставили по железной дороге в Amherst, лагерь, где содержатся немецкие пленные. Здесь нас подвергли в конторе обыску, какого мне не приходилось переживать даже при заключении в Петропавловскую крепость. Ибо раздевание до-нага и ощупывание жандармами тела в царской крепости производилось с глазу на глаз, а здесь, у демократических союзников, нас подвергли бесстыдному издевательству в присутствии десятка человек. И те командующие канальи, которые заведывали всем этим, прекрасно знали, что в нашем лице имеют русских социалистов, возвращающихся в свою освобожденную революцией страну. Только на другой день утром комендант лагеря, полковник Моррис, официально изложил нам причины нашего ареста: «Вы опасны для нынешнего русского правительства»,— заявил он нам. И после нашего естественного указания на то, что агенты русского правительства выдали нам проходные свидетельства в Россию, и что заботу о русском правительстве нужно предоставить ему самому, полковник Моррис возразил, что мы «опасны для союзников вообще». Никаких письменных документов о задержании нам не предъявлялось. От себя лично полковник присовокупил, что, как политические эмигранты, которым, очевидно, недаром же пришлось покинуть собственную страну, мы не должны удивляться тому, что с нами сейчас происходит. Русская революция для этого человека не существовала. Мы попытались объяснить ему, что царские министры, превратившие нас в свое время в политических эмигрантов, сами сидят сейчас в тюрьме, но это было слишком сложно для г. коменданта, который сделал свою карьеру в английских колониях и на войне с бурами. Для

характеристики этого достойного представителя правящей Англии достаточно сказать, что по адресу непокорных или неуважительных пленных он имеет обыкновение приговаривать: «Попался бы ты мне на южно-африканском побережье»... Если было сказано, что стиль—это человек, то можно с таким же основанием сказать, что стиль—это система,—великобританская колониальная система... Мы были для полковника Морриса политическими эмигрантами, мятежниками против законных властей, и, стало быть, лагерь для военнопленных являлся для нас самым натуральным местожительством.

5 апреля мы сделали попытку телеграфировать русскому правительству. Наши телеграммы не были пропущены. В течение всего месяца нашего пребывания в плену у англичан, галифакские власти систематически отказывали нам в праве сноситься с русскими министрами. Мы сделали попытку обжаловать это запрещение в телеграмме английскому министру-президенту. Но и эта телеграмма не была пропущена. Пришлось еще раз с признательностью вспоминать о царских тюрьмах, где, по крайней мере, жалобы не задерживались теми, против кого они были направлены. Все, что нам позволялось, это—снестись по телеграфу с российским генеральным консульством в Монреале, г. Лихачевым. Мы получили от г. Лихачева ответ в том смысле, что он уже телеграфировал русскому посланнику в Лондоне и вообще делает все, что может. Всякие последующие наши попытки снестись с генеральным консулом оставались безуспешными. Ни одна из наших телеграмм не была пропущена. Англо-канадские власти приняли все меры к тому, чтобы отрезать нас от русского правительства и его агентов. Более того: когда комендант лагеря хотел разрешить мне свидание с женой, он поставил совершенно невероятное условие, чтобы я не давал ей никаких поручений к русскому консулу. Я отказался от свидания. Это было за два дня до того, как нас посадили на корабль. Таким образом, английские власти считали необходимым до последней минуты хоронить концы в воду даже от местных русских агентов консульской службы. Что именно сделал г. Лихачев, нам неизвестно. Во всяком случае он не дал себе труда явиться к нам в лагерь, чтобы посмотреть собственными глазами, как великобританское правительство содержит русских граждан.

Военный лагерь Amherst помещается в старом, до последней степени грязном и запущенном здании чугуно-литейного завода.

Нары для спанья расположены в три ряда вверх и в два ряда вглубь с каждой стороны. В этих условиях нас жило 800 человек.

Вы можете себе представить, г. министр, какая атмосфера царит в этой спальне по ночам. Среди заключенных, несмотря на героические усилия, которые они непрерывно развивают для своего физического и нравственного самосохранения, имеется пять помешанных. Мы спали и ели с этими помешанными в одном помещении, г. министр!.. Нет никакого сомнения в том, что русский консул, если бы он приложил самые скромные усилия, мог бы добиться для нас, по крайней мере, менее возмутительных условий заключения впредь до решения вопроса о нашей судьбе.

Но русские консулы воспитывались в чувствах глубокого презрения к достоинству русских граждан некомандущего класса и в чувствах ненависти к политическим эмигрантам. Они позачеркивали у себя на конвертах слово «императорский» и считают, что этим их обязательства по отношению к русской революции исчерпаны до конца.

В какой именно момент британские власти решили освободить нас, неизвестно. Во всяком случае, нас продержали без малейшей перемены режима около 10 дней после того уже, как заведывающий нашим делом капитан Мекен заявил моей жене, что мы собственно «свободны», но что ждут подходящего для нас парохода. Полковник Моррис, тот самый, что сделал свою карьеру на войне с бурами и на подавлении индусских восстаний, разговаривал с нами до последней минуты, т.-е. до 29 апреля, как с уголовными преступниками. Нам не заявили ни о том, что мы будем освобождены, ни о том, куда нас направят. Нам просто было «приказано» сложить свои вещи и отправиться под конвоем в Галифакс. Мы потребовали, чтобы нам объявили, куда и с какой целью нас отправляют. Нам отказали. Мы потребовали вызова ближайшего русского консула. Нам отказали. Вы признаете, г. министр, что у нас было достаточно оснований не доверять добрым намерениям этих господ с большой морской дороги? Мы им категорически заявили, что добровольно никуда не поедем, пока нам не скажут о цели нового перемещения. Конвойные солдаты вынесли без нашего участия наш багаж. И только тогда, когда они оказались лицом к лицу перед задачей выносить на руках нас самих, как они сносили нас с парохода месяц перед тем, комендант вызвал одного из нас в контору и в свойственном ему англо-африканском стиле заявил, что нас посадят на датский пароход для отправки в Рос-

сию. Из этого вы можете видеть, г. министр, как г.г. союзники «освобождали» нас после месячного содержания в лагере для военнопленных.

Если Англия взяла нас в плен как политических эмигрантов (this people of political refugees, по выражению полковника Морриса), то по отношению к одному из нас не было налицо и этого признака «преступности». Константин Александрович Романченко прибыл из Черниговской губ. в Нью-Иорк на работу по совершенно легальному документу, не вел никакой агитации и не принадлежал ни к одной партии. Он возвращался на родину с паспортом, выданным ему в свое время царским губернатором. Это не помешало английским властям арестовать г. Романченко вместе с нами и продержать месяц в заключении, очевидно, на основании какого-нибудь ложного доноса или просто в результате ошибки: русские фамилии даются английским чиновникам нелегко, а затруднять себя осторожным отношением к русским гражданам эти господа все еще не видят основания.

Ярче всего это обнаружилось на поведении английских властей в отношении моей семьи. Несмотря на то, что жена моя не была формально политической эмигранткой, выехала за границу с законным паспортом, не выступала за границей на политической арене, она была арестована вместе с двумя мальчиками, 11 и 9 лет. Указание на арест мальчиков не есть риторика, г. министр. Сперва власти пытались поместить мальчиков отдельно от матери в детский приют. Только в результате решительного протеста моей жены мальчики были помещены вместе с нею на квартире англо-русского полицейского агента, который, в предупреждение «незаконной» отправки писем или телеграмм, не выпускал детей на улицу, даже отдельно от матери, иначе как под надзором. И лишь через 11 дней жена и дети были переведены в отель с обязательством ежедневно являться в полицию. Их доставили на датский пароход «Helig Olaf» вместе с нами, причем никто предварительно не спрашивал ни моей жены, ни меня, считаем ли мы такое путешествие достаточно безопасным для жизни наших детей в изменившихся условиях, именно после состоявшегося во время нашего заключения открытия войны между Соединенными Штатами и Германией. Капитан Мекен и его адмирал не усомнились без нашего согласия и ведома распорядиться нашей судьбой и судьбою наших детей, после того уже как они увидели себя вынужденными выпустить нас из «союзной» петли.

На вопрос мой о фактических и формальных основаниях пиратского набега на меня, мою семью и моих спутников, капитан Мекен ответил с сыскной развязностью, что он сам только исполнительный орган, что он действовал по указанию из Лондона и что вообще я преувеличиваю все дело: «Теперь, во время мировой войны, когда целые страны раздавлены, когда Бельгия...» и пр. и пр. Стиль—это система, г. министр!.. Мне оставалось только указать бескорыстнейшему защитнику слабых народов, что, если бы кто-либо взял его за горло и вытащил у него из кармана кошелек, а в оправдание сослался на судьбу несчастной Бельгии, это вряд ли могло бы считаться удовлетворительным разрешением инцидента.

Между тем, вопрос, на который не дал ответа сыскной капитан, остается во всей своей силе: кто и на каком основании нас арестовал? Что общее предписание о задержании русских граждан с неугодным английскому правительству образом мыслей действительно исходило от лондонского правительства — это несомненно, ибо г. Ллойд-Джордж не мог упустить счастливого подвернувшегося случая проявить, наконец, ту титаническую энергию, под знаком которой он встал у власти. Но остается еще вопрос: кто именно указал англо-канадским властям на нас, как на лиц, подлежащих задержанию? Кто доставил в Галифакс в течение трех-четырех дней аттестацию нашего образа мыслей? Целый ряд обстоятельств говорит за то, что эту союзную услугу оказало обновленное русское консульство, то самое, что удалило портрет Николая из приемной и вычеркнуло слово «императорский» в своем титуле. Выдавая нам одной рукой бумаги на предмет проезда в Россию и тем демонстрируя свою лойяльность по отношению к столь ненадежной в его глазах амнистии, консульство могло другой рукой передать свои охранные сведения английским властям—в надежде, что деятельность в этом направлении окажется, во всяком случае, надежнее. Верно или нет это предположение, проверить это у вас, г. министр, есть сейчас больше возможностей, чем у меня. Но и независимо от его верности, независимо вообще от всей закулисной стороны дела, остается во всей своей силе факт, что английские власти арестовали на нейтральном судне 7 русских граждан и 2 детей, ехавших в Россию с документами, выданными русским консульством, продержали в течение месяца этих русских граждан в обстановке, которую нельзя иначе назвать, как постыдной, и «освободили»

их из плена в условиях, которые нельзя иначе назвать, как издевательством над теми, кого освобождали, и над тем правительством, по требованию которого освобождали. Эти факты непреложны. И мне остается, не вдаваясь в область обще-политических соображений и, стало быть, не выходя за рамки моего официального к вам обращения, формулировать следующие вопросы:

Не считаете ли вы, г. министр, необходимым принять неотложные меры к тому, чтобы заставить английское правительство и его агентов относиться в будущем, если не с уважением, то по крайней мере с осторожностью к элементарным правам русских граждан, попадающих в угрожаемую английскими властями зону?

Не признаете ли вы необходимым в этих целях: а) побудить великобританское правительство принести перед пострадавшими извинение в совершенных по отношению к нам правонарушениях и бесчинствах; б) настоять на наказании виновных в бесчинствах агентов великобританского правительства, независимо от занимаемых ими постов; в) добиться от английского правительства возмещения нам убытков от утерянных и расхищенных при перевозках и обысках вещей и от противозаконного месячного задержания?

Уже по прибытии в Петроград я ознакомился с официальным сообщением английского посланника по поводу нашего задержания в Галифаксе. Г. Бьюкенен заявил, что мы, задержанные, направлялись во всеоружии субсидированного германским правительством плана низвергнуть Временное Правительство (первого состава).

Это сообщение о полученных мною от германского правительства деньгах дополняет необходимым штрихом все поведение английского правительства в отношении к русским эмигрантам,—поведение, сотканное из насилия, увертливой лжи и циничной клеветы. Считаете ли вы, однако, г. министр, в порядке вещей тот факт, что Англия представлена лицом, запятнавшим себя столь бесстыдной клеветой и не ударившим после того пальцем о палец для собственной реабилитации?

В ожидании ответа имею честь оставаться с совершенным почтением

Л. Троцкий.

Петроград, 5 мая 1917 года.

Л. Троцкий, «В плену у англичан», Петербург, изд. «Книга» 1917 г.

III

До июльских дней

1. ДО 1-го СЪЕЗДА СОВЕТОВ

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА

(5 мая) [48])

Весть о русской революции застигла нас в Нью-Иорке, далеко за океаном, но и там, в этой могущественной стране, где царит как нигде буржуазия, русская революция оказала свое действие. Американский рабочий класс приобрел худую славу. О нем говорят, что он не поддерживает революции. Но если бы вы видели в феврале американских рабочих, вы бы вдвойне гордились своей революцией. Вы бы поняли, что она потрясла не только Россию, не только Европу, но и Америку. И вам бы стало ясно, как и мне, что она открывает новую эпоху, эпоху крови и железа, но уже в борьбе не наций против наций, а класса страдающего и угнетенного против классов господствующих. (Бурные аплодисменты.) Повсюду на митингах рабочие просили меня передать вам свой пламенный восторг. (Бурные аплодисменты.) Но я должен вам кое-что рассказать и о немцах. Я имел случай притти в близкое соприкосновение с кучкой германских пролетариев. Вы спросите, где?—В лагере военнопленных. Английское буржуазное правительство нас арестовало, как врагов, и посадило в Канаде в лагерь военнопленных. (Крики: позор!) Там было сто офицеров и восемьсот матросов немцев. Они спрашивали нас, как мы, русские граждане, попали в плен к англичанам. И когда мы им сказали, что мы попали в плен не как русские граждане, а как социалисты, они стали нам говорить, что они рабы своего правительства, своего Вильгельма. Мы очень близко сошлись с германскими пролетариями. Это не понравилось пленным офицерам, и они пожаловались английскому коменданту, заявляя, что мы подрываем у матросов верность их кайзеру. Тогда

английский капитан, охраняя верность немецких солдат кайзеру, запретил мне читать рефераты. Матросы по этому поводу заявили свой негодующий протест коменданту. Когда мы уезжали, матросы проводили нас музыкой и кричали при этом «долой Вильгельма, долой буржуазию, да здравствует интернациональное единение пролетариата!» (Бурные аплодисменты.) То, что произошло в мозгах германских матросов, происходит теперь во всех странах. Русская революция, это—пролог к революции мировой. Но я не могу скрыть, что со многим из того, что сейчас происходит, я не согласен. Я считаю, что вхождение в министерство опасно. Я не верю в чудо, которое может совершить министерство сверху. У нас было раньше двоевластие, которое происходило от противоречия двух классов. Коалиционное министерство не избавит нас от двоевластия, а лишь перенесет его в министерство. Но от коалиционного министерства революция не погибнет. Нужно только помнить три заповеди: 1) недоверие к буржуазии, 2) контроль над собственными вождями и 3) доверие к собственной революционной силе. Что же мы рекомендуем? Я думаю, что следующим вашим шагом будет передача всей власти в руки рабочих и солдатских депутатов. Только единовластие спасет Россию. Да здравствует русская революция, как пролог к мировой революции! (Аплодисменты.)

«Известия» № 60,
7 мая 1917 г.

РЕЧЬ НА ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ С.-Д. ПО ДОКЛАДУ Т. УРИЦКОГО ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

(7 мая) [49]

Нашу революцию называют буржуазной. Это значит, что у власти должна была стать в лучшем случае буржуазная демократия, а пролетариат должен находиться в оппозиции *). Та же часть с.-д. партии, которая дала Временному Правительству своих членов Церетели и Скобелева, стала партией правительственной, партией буржуазной революции, значит буржуазной партией. Разница между депутатской массой Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и ее идейными руководителями Церетели и

*) Здесь автор излагает позицию меньшевиков. *Примеч. редакции.*

Скобелевым та, что первые не разбирались и не поняли всей сложности движущих сил революции,—тогда как Скобелев и Церетели, являясь идейными руководителями с.-д., своей тактикой компрометируют не только с.-д. и с.-р., но и то течение социал-демократии (Циммервальд), к которому они себя причисляют и единственно на которое мы возлагаем все наши надежды на восстановление Интернационала.

Мы не исключаем их из партии, они своим поведением сами ставят себя вне рядов с.-д. Мы снимаем с себя даже тень ответственности за них. Войдя в правительство, они стали либо его пленниками, либо его агентами, и единственная задача для нас, революционных с.-д., разоблачить их. Мы ставим себе ясную и определенную задачу—переход всей полноты власти в руки Совета. Для нас этот вопрос не вопрос сегодняшнего дня. Мы знаем, что завоевание власти—процесс длительный и зависит от темпа развертывающихся событий, мы не говорим о захвате власти помимо Совета, ибо он является представительной формой правления всей революционной демократии. Мы должны лишь стремиться создавать в Совете свое большинство, наполняя его работу истинно-революционным содержанием, и организовать широкие народные массы вокруг наших лозунгов.

Захват власти как можно скорее—не в наших интересах, ибо чем больше отдаляется от нас этот момент, тем более организованными и сознательными становятся наши ряды и тем более подготовленными окажемся мы в нужный момент для захвата власти.

Мы категорически отказываемся от всякой поддержки новому Временному Правительству, и его кризис не будет нашим кризисом, ибо мы все время говорим рабочим массам об истинной сущности Временного Правительства, полного буржуазным эгоизмом, прикрывающегося демократической фразеологией, а сейчас и двумя социалистическими трупами. Вхождение социалистов в министерство окончится полным банкротством, так как и Чернов ничего сделать не сможет. Он подготовит материалы к Учредительному Собранию, но не предпримет практических шагов, а тем временем идет оформление власти анти-революционных элементов. А если мы и себя вплетем в этот клубок, то не будет у нас надежды и на будущее. Развал Совета Рабочих и Солдатских Депутатов идет, и справа и слева отваливаются части, но это не последняя глава истории революции. Будет третья и четвертая глава, когда наста-

нет полное отделение от мелкобуржуазных элементов города и деревни. Мы не знаем, выйдем ли мы победителями, но мы знаем, что ничего не переменится от перемещения четырех лиц из Совета в правительство. Классовые взаимоотношения не меняются от соглашений и внутренних пересмотров. Мы должны итти со своим классом; не знаем, будем ли победителями, но знаем, что другого пути нет.

И если ошибся Маркс, предсказывая социальную революцию преждевременно, то это не значит, что и наши предсказания будут преждевременными. После всех сотрясений войны, после воспитания 50 годами социалистической культуры, после всего пережитого народами—какие другие условия могут быть более благоприятными для социальной революции? И если война, заставившая все народы снять с себя всю фальшь, ложь и налет шовинизма, не доведет Европу до социальной революции, то это значит, что Европе суждено экономическое вырождение, что она погибнет, как цивилизованная страна, и будет служить лишь любопытству туристов, а центр революционного движения перенесется в Америку или Японию.

«Новая Жизнь» № 18,
9 мая 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИИ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

(7 мая)

I.

По вопросу об отношении к Временному Правительству

Поскольку Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов является естественным средоточием всего процесса переворота и углубления революции, все капиталистические слои ставят своей задачей подорвать и его авторитет и значение, установив на развалинах народной революции «твердую власть» земельного, финансового и торгово-промышленного капитала.

Естественным этапом на этом пути явилась попытка буржуазии привлечь в состав Временного Правительства представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, обезглавить тем организацию революции и сделать ее ответственной перед народом за военную и социальную политику капитала.

М. УРИЦКИЙ.

При этих условиях согласие Совета Рабочих и Солдатских Депутатов послать своих представителей во Временное Правительство является глубоко ошибочной мерой, которая, будучи бессильной приостановить естественное развитие противоречия между пролетарскими и полупролетарскими массами и имущими классами, может только внести временное замешательство в сознание народа и подорвать авторитет его руководящих организаций.

Первым долгом революционной с.-д., как крайнего левого крыла революции, является поэтому неутомимая критика принятой меры пред лицом народа, бдительный контроль над внешней и внутренней политикой нового Временного Правительства, разоблачение замаскированного буржуазного эгоизма и неизбежной половинчатости всех его шагов и подготовка перехода власти в руки руководящих сил революции.

Считая, что Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов является единственно возможной, единственно-реальной формой народно-революционной власти, конференция считает необходимым всеми доступными ей мерами идейного воздействия и обновления внутреннего состава Советов стремиться к коренному изменению политики Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—от оппортунистического оборончества, проводимого большинством нынешнего Исполнительного Комитета, в сторону последовательной и решительной борьбы за завоевание власти в целях скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций явных и замаскированных, на началах свободного самоопределения народов и развития социальной революции во всем капиталистическом мире.

II

По вопросу об отношении к Церетели и Скобелеву

Принимая во внимание, что, несмотря на уже имеющийся пагубный опыт социалистического министериализма Франции, Бельгии и Англии во время войны—в состав нового Временного Правительства вошли граждане Церетели и Скобелев, в звании социал-демократов и даже интернационалистов, примкнувших в свое время к знамени Циммервальда, конференция обращает внимание всех социал-демократов на этот исключительный даже для нашей эпохи пример идейного отступничества и политической

капитуляции социалистов перед буржуазией. Обязанностью всех работников партии является поэтому выяснение пролетарским массам, что своим вступлением в состав буржуазного министерства граждане Церетели и Скобелев поставили себя вне рядов революционной социал-демократии.

«Новая Жизнь» № 18,
9 мая 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДАМ МИНИСТРОВ-СОЦИАЛИСТОВ

(13 мая) [50])

Товарищи, Скобелев заявил вам, что рабочий класс будет через посредство министерства труда доводить свои требования до государства. До сих пор я думал, что рабочий класс предъявляет свои требования государству через свои боевые классовые организации, а министерство труда само является органом буржуазного государства. Или, может быть, с тех пор как Скобелев стал министром, министерство труда превратилось в классовую пролетарскую организацию?

Скобелев собирается реквизировать всю капиталистическую прибыль. Очень хорошо. Но ведь прибыль—единственная движущая сила капиталистического производства. Как же уничтожить движущую силу капитализма, оставляя власть в руках капиталистического Временного Правительства? Чтобы осуществить это—надо передать власть в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Министр земледелия Чернов выступил перед нами не как министр аграрной революции, а как министр аграрной статистики. Он назвал захват земли неорганизованным способом—неблагополучием. Это—обратная теорема. Пусть же он даст нам прямую теорему и призовет к организованному захвату земли Советом Крестьянских Депутатов.

Обратите внимание на отсутствие Керенского в Совете и на ту рекламу, которую создает вокруг имени Керенского буржуазная пресса: не пытается ли эта пресса использовать Керенского в целях русского бонапартизма [51])? А что делает сам Керенский? Он произносит хорошие речи и в то же время допускает, чтобы главнокомандующий Алексеев на офицерском съезде наносил пощечины Временному Правительству, объявляя

лозунг «без аннексий и контрибуций»—утопией. А ведь ген. Алексеев [52]) командует армией именем Временного Правительства, именем Скобелева.

«Новая Жизнь» № 23,
14 мая 1917 г.

РЕЧЬ *) НА ЭКСТРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ВОПРОСУ О КРОНШТАДТЕ [53])

(26 мая)

С большой речью выступил Троцкий. Речь его прерывалась шумом и протестами одних и бурными аплодисментами других. Он доказывал, что четыре резолюции Кронштадтского Совета, принятые 16, 21, 24 и 25 мая [54]), не противоречат друг другу, не направлены против [55]) Временного Правительства, а являются естественным следствием создавшегося положения, когда ни Временное Правительство, ни Петроградский Совет не обладают властью—положения, которое Троцкий характеризует, как «двоебезвластие».

Далее Троцкий, ссылаясь на статью Рожкова, указывает на контр-революционную деятельность правительственных комиссаров внутри России и недоумевает: почему министры-социалисты тратят время, чтобы укрощать Кронштадт, вместо того, чтобы обратить внимание на организацию местной власти, на устранение черносотенных комиссаров, которые в грядущей контр-революции сыграют роль палачей революции.

Дурная организация местной власти вызвала вполне законное недоверие кронштадтцев к Временному Правительству, и пока правительство не вооружится железной метлой и не начнет выметать всю черносотенную нечисть, конфликты, подобные кронштадтскому, неизбежны.

Троцкий предлагает не разжигать страстей, не обострять конфликтов и принять резолюцию [56]), объявляющую инцидент исчерпанным и указывающую на необходимость немедленной организации революционной власти на местах.

«Новая Жизнь» № 33,
27 мая 1917 г.

---

*) Ввиду того, что стенограммы не сохранилось, а изложения речи по «Новой Жизни» и «Известиям» различны по содержанию, мы приводим ту и другую. Необходимо иметь в виду, что изложения речей в этих газетах часто носили репортерский характер, т.-е. речи излагались и от первого и от третьего лица. *Ред.*

* * *

Тов. Троцкий указывает, что, если принять точку зрения Церетели, получается колоссальное противоречие между заявлениями Кронштадтского Совета и тем, что ему приписывают. Временное Правительство, большинство Исполнительного Комитета и буржуазная пресса, поддерживающая большинство Исполнительного Комитета, утверждали, что Кронштадт отложился от России, а кронштадтцы говорили, что это не так. После поездки граждан Церетели и Скобелева печать истолковала результаты их поездки, как победу Временного Правительства и сдачу Кронштадтом своих позиций. Кронштадтцы же заявили, что они ничего не сдавали, никакой победы Временного Правительства не было, а было достигнуто соглашение, которое газета «Голос Правды» толковала, как победу Кронштадтского Совета над недемократическими принципами Временного Правительства. Несомненно, что соглашение не нарушено.

Резолюцию бюро Исполнительного Комитета нельзя принимать, так как она полна угроз по адресу кронштадтцев. Это старая власть толковала всякое движение, как продукт деятельности агитаторов, а мы говорим, что движение вызывается жизнью, и что движение в Кронштадте вызвано тем, что многие черносотенные представители власти остались на своих местах, чем и объясняется недоверие к министерству. Наши министры-социалисты не борются с черносотенной опасностью, а объявляют войну кронштадтским матросам и солдатам. Если восторжествует реакция, то черносотенные комиссары приготовят для нас веревку, а кронштадтские солдаты будут с нами умирать. Говорят о двоевластии, а у нас двоебезвластие, так как Временное Правительство не имеет сильной власти, а вы не решаетесь ее взять.

Троцкий предлагает принять две резолюции: 1) признающую кронштадтский инцидент, вследствие достигнутого соглашения, исчерпанным, и 2) обязывающую Исполнительный Комитет принять все меры в порядке революционной неотложности для всесторонней демократизации местной власти.

«Известия» № 76,
27 мая 1917 г.

ОТ КРОНШТАДТСКИХ МАТРОСОВ, СОЛДАТ И РАБОЧИХ— РЕВОЛЮЦИОННОМУ НАРОДУ ПЕТРОГРАДА И ВСЕЙ РОССИИ [57])

Граждане, товарищи, братья!

Имя Кронштадта, занесенное на славные страницы истории русской революции, сейчас поносится и шельмуется на страницах всех буржуазных газет. Злобные перья контр-революционных клеветников пишут, будто мы, кронштадтцы, зовем народ к произволу, самосуду и анархии, будто мы подвергаем мучениям арестованных нами насильников и слуг царизма, наконец, будто мы отказались признавать власть Временного Правительства, отложились от России и образовали самостоятельную Кронштадтскую республику.

Какая бессмысленная ложь, какая жалкая и постыдная клевета!

У себя на месте в Кронштадте мы ввели не анархию, а честный и твердый революционный порядок. Наш Совет Рабочих и Солдатских Депутатов взял в свои руки власть во всех местных кронштадтских делах.

Мы против самосуда, против всех видов недостойной мести пленным слугам царизма. Но мы за честный, свободный, беспристрастно-организованный суд революции над преступными врагами народа. Арестованные нами в дни революции офицеры, жандармы и полицейские сами заявили представителям Правительства, что они ни в чем не могут пожаловаться на обращение с ними тюремного надзора. Правда, тюремные здания Кронштадта ужасны. Но это те самые тюрьмы, которые были построены царизмом для нас. Других у нас нет. И если мы содержали в этих тюрьмах врагов народа, то не из мести, а из соображений революционного самосохранения. Мы пришли с представителями Временного Правительства, министрами Церетели и Скобелевым, к соглашению [58]) относительно скорого и беспристрастного суда над кронштадтскими заключенными. И это соглашение остается во всей своей силе.

Говорят, мы не признаем власти Временного Правительства— жалкое измышление! До тех пор, пока это правительство признается волей организованного революционного народа, мы, кронштадтцы, не можем не признавать власти Временного Правитель-

ства во всех общегосударственных делах. Это мы твердо и ясно заявляли в наших резолюциях, в статьях наших руководящих изданий и, наконец, в соглашении с представителями министерства. Это соглашение, в котором мы добились важнейших уступок принципам демократического, народного самоуправления (выборности, местного представителя гражданской власти и контроля над военачальниками), остается и сейчас во всей своей силе.

Мы отложились от России?—Вот где самая низкая, самая подлая клевета.

Разве не во имя России восстали мы, кронштадтцы, против старой власти?

Разве не во имя свободы и счастья всего русского народа проливали свою кровь кронштадтские борцы вместе с борцами Петрограда и всей России? И сейчас, когда мы низвергли власть царя и вступили на путь низвержения всякого гнета и всякого насилия, братская связь всех народных, всех трудящихся масс России дороже и ближе сердцу кронштадтцев, чем когда бы то ни было.

Мы за единство революционной России, за единство трудящегося народа в борьбе с его угнетателями. Мы считаем, однако, и это есть твердое убеждение нашей революционной совести, что нынешнее Временное Правительство, состоящее в своем большинстве из представителей помещиков, заводчиков, банкиров, не хочет и не может стать подлинным правительством демократии, властным вождем народной революции, и что если в стране действительно наблюдаются явления анархии, то виною этому является буржуазная политика Временного Правительства, которое в продовольственном, земельном, рабочем, дипломатическом и военном вопросах не служит подлинным интересам народа, а идет на поводу у имущих и эксплоатирующих классов. Мы считаем, что Петроградский и некоторые провинциальные Советы Рабочих и Солдатских Депутатов совершают ошибку, поддерживая это правительство.

За это наше убеждение мы боремся честным оружием революционного слова. И буржуазные клики, чувствуя, что почва все более и более уплывает у них из-под ног, предвидя, что власть должна будет перейти из рук помещиков и капиталистов в руки народа,—эти клики ведут бесчестную контр-революционную агитацию в стране, поносят, травят и шельмуют все передовые силы

революции и в особенности наш красный Кронштадт. Этим кликам—наше революционное презрение. Их отравленному слову мы противопоставляем слово правды. Но мы в то же время выражаем свое глубочайшее сожаление по поводу того, что министры-социалисты, и вместе с ними большинство Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, подпали под влияние ведущейся против нас травли и объявили нас в своей несправедливой и оскорбительной резолюции отколовшимися от русской революции. Нет, товарищи, кронштадтцы не изменяли и не изменяют знамени, которое развевается на их фортах и на их судах. Нас обвиняют в нарушении того соглашения, которое мы заключили с представителями Временного Правительства. Только искусственно созданной атмосферой сгущенной травли и злобной подозрительности мы можем объяснить такое чудовищное недоразумение.

Мы разъяснили в печати, что достигнутое нами 24 мая соглашение было для нас не отказом от принципов революционного самоуправления, а, наоборот, решительным шагом на пути к их торжеству. Но это разъяснение с нашей стороны не имело ничего общего с отказом от принятых на себя обязательств. Обвинять нас в вероломстве могут только подстрекатели, которым выгодно сорвать уже достигнутое соглашение с представителями центральной власти, чтобы разорить Кронштадт, как революционное гнездо, и облегчить работу контр-революции. Товарищи и братья, никто не смеет бросать кронштадтцам оскорбительные обвинения в недостойных поступках. Мы не нарушаем раз данного слова. Мы, революционеры,—люди чести, и мы твердо убеждены, что настоящее наше обращение рассеет бесследно ложь, клевету, заподазривание и воссоздаст между нами несокрушимую связь взаимного революционного доверия.

Мы, кронштадтцы, остаемся на своем посту, на левом фланге великой армии русской революции. Мы надеемся, мы верим, мы убеждены, что каждый новый день будет все больше раскрывать глаза самым темным и отсталым слоям русского народа, и что близок час, когда объединенными силами трудящихся масс вся полнота власти в стране перейдет в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вам, братья по революции в Петрограде и во всей России, мы протягиваем нашу руку, мы, матросы, солдаты и рабочие Кронштадта. Наша связь нерасторжима. Наше единство несокрушимо. Наша верность незыблема. Долой клеветни-

ков и разъединителей революционного народа! Да здравствует русская революция!

Председатель Исполнительного Комитета С. Р. и С. Д. *Ломанов.*
Секретарь *Приселков.*

27 мая 1917 года.
Крепость Кронштадт.
«Правда», № 69,
13 июня (31 мая) 1917 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА [59])

В течение долгих столетий складывались российские порядки, основанные на подневольном труде, нищете и невежестве масс, произволе и хищничестве правящих. Капитал, острым клином врезавшийся в старый дворянско-крестьянский быт, прибавил свои цепи к цепям крепостничества. Революция 1905 г. могущественно встряхнула цепи рабства, но не разорвала их. Наоборот, они после этого еще глубже врезались в тело русского народа. Война удесятерила все бедствия, но зато и показала самым темным слоям, кто и как ими правит. Разыгралась вторая революция, которая одним ударом смела покрытую преступлениями и проклятиями августейшую банду. Но этим дело революции только началось. Все нужды и бедствия масс, все старые и новые язвы вышли наружу и требуют решительного вмешательства революции.

Имущие буржуазные классы оказались вынуждены, скрепя сердце, усыновить революцию. Гучковы и Милюковы великодушно согласились принять власть из рук народного восстания, которое они всегда ненавидели и поносили. Но в своем буржуазном эгоизме они искренно считали, что вся задача революции сводится к тому, чтобы передать им государственную власть, которая нужна им, прежде всего, для доведения войны до победоносного конца. Этого требует их классовый интерес. С царем или без царя, явно или прикрыто, капиталисты не могут не стремиться к захвату новых земель и к расширению своих рынков. Вчера они требовали от Романова и Штюрмера [60]), чтобы те обеспечили им владение Константинополем, проливами, Арменией, Галицией. Сегодня они требуют, чтобы народная революция выполнила те империалистические *) задачи, пред которыми оказался бан-

*) *Империализм* — погоня капиталистов за внешними рынками и колониями. Самым могущественным орудием этой политики является *милитаризм.*

кротом старый романовский режим. *Мобилизовать революцию в интересах империализма*—такова сейчас задача русской буржуазии, понукаемой на этом пути английским и французским капиталом.

Между тем народная революция выросла из источников прямо противоположных: из голода и страданий рабочих масс, из их возмущения кровавой работой правящих классов, наконец, из их основного стремления выбиться из тисков классовой кабалы. Отсюда неизбежность столкновений между буржуазией и силами революции.

Буржуазия получила в свои руки власть не потому, что шла во главе революции, а потому, что к моменту катастрофы она оказалась вооруженной своими парламентскими, военно-промышленными и земско-городскими организациями и стояла с протянутыми к вакантной власти руками.

Рабочие массы, ниспровергшие старое правительство, только после первой победы стали создавать свое собственное революционное представительство в лице Советов Рабочих, Солдатских, а впоследствии и Крестьянских Депутатов. Значение этой организации в том, что она опирается на действительно движущие силы революции, на пролетариат и солдатско-крестьянскую массу. Именно поэтому Петроградский Совет, несмотря на крайне нерешительную, уклончивую, оппортунистическую политику своих вождей (Чхеидзе, Церетели, Керенского, Чернова, Скобелева и др.), должен был неизбежно сталкиваться с Временным Правительством буржуазии. Из этого возникло так называемое *двоевластие*. А выход из двоевластия вожди буржуазии и вожди Совета увидели в создании коалиционного (объединенного) правительства из капиталистов и социалистов.

Новое правительство должно быть «сильным» правительством, должно применять «крепкую власть». Таковы ожидания и надежды всей буржуазии. «Нужно, наконец, покончить с анархией».

Вся официальная правительственная печать объявляет крестовый поход против «анархии» и в этом походе почерпает доводы в пользу коалиционного министерства.

Под пугающим обывателя именем анархии правительственная печать валит в одну кучу и отдельные проявления уголовщины, и общее расстройство хозяйственной и административной жизни, как наследство царизма и как результат войны, и, наконец, дальнейшее развитие революции снизу: натиск крестьян на помещичье

землевладение, наступление рабочих на капитал и, наконец, самочинную демократизацию чиновничества и офицерства, опять-таки снизу.

Либеральная буржуазия хочет, чтобы революционные массы отказались от дальнейшего углубления революции путем организованных «захватов» земель или национальных и классовых прав. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов должен отречься от роли руководителя дальнейшего революционного движения масс,— от роли второй, неофициальной власти. Вся полнота власти должна сосредоточиться в руках Временного Правительства, которое, опираясь на авторитет революции, хочет сделать попытку поставить на ноги всю армию—для преследования задач, связывающих Временное Правительство с английским и французским империализмом. Милюковско-Гучковская попытка законтрактовать революцию на службу империализму потерпела быстрое крушение ввиду чрезмерной откровенности ее приемов. В эпоху революции приходится воздерживаться от реакционного нахрапа. Имущие классы отстранили Милюкова и Гучкова, чтоб дать «удовлетворение» (персональное, а не классовое) революционной демократии. Они пригласили в состав *своего* правительства нескольких членов Исполнительного Комитета, принадлежащих к оборонцам, и выработали совместно с ними платформу, в которой обещают русскому народу «свободу, равенство и братство», а также мир без аннексий и контрибуций, но требуют от него взамен подчинения единовластному Временному Правительству, сохранения общего фронта с союзниками и наступления против Австрии и Германии.

Если б этот план удался, это значило бы, что в развитии русской революции поставлена точка, и что вся пробужденная энергия народа будет направлена непосредственно на мельницу империализма.

Для этой именно цели вручены Чернову, Скобелеву, Церетели министерские портфели. Партии, из которых вышли эти министры (меньшевики и социалисты-революционеры), становятся, таким образом, правительственными партиями и союзницами великобританского империализма, парижской биржи и американских трестов. Пресса этих партий становится официозной, правительственной прессой. И прежде еще, чем «революционные» министры успели пальцем о палец ударить для улучшения участи трудящихся масс, Керенский грозит бичами и скорпионами ослушникам капиталистического милитаризма.

— Коротки руки! — может сказать революция, обращаясь заодно и к ответственным гасителям, серьезным политикам буржуазии, и к безответственным и полубессознательным их помощникам, вышедшим из социалистических рядов.

Коалиционное министерство не способно задержать дальнейшее развитие революции. Столкнувшись с нею, оно само разобьется в куски. Продовольственная разруха не может быть не только устранена, но и серьезно смягчена без скорейшего прекращения войны и без глубочайшего нарушения прав частной собственности. Ни на то, ни на другое не способно правительство, руководимое капиталистической буржуазией. Аграрный вопрос стоит в стране, как вопрос революционного наступления крестьянского большинства на помещичье меньшинство. Между тем буржуазно-помещичье правительство заручилось министром земледелия Черновым для того, чтобы приостановить это движение, как министр труда Скобелев нужен правительству для того, чтоб «умерять аппетиты» рабочих. При таких условиях крушение коалиционного Временного Правительства так же неизбежно, как и дальнейшее развитие революции.

Надо отдать себе ясный отчет: революция идет навстречу новому, еще более острому кризису власти. Сегодняшнее министерство буржуазных дельцов и социалистических заложников так же бесславно сойдет со сцены, как и вчерашнее министерство бесшабашного империализма. Неделей раньше или неделей позже перед Советом Рабочих и Солдатских Депутатов станет вопрос о завладении властью во всей ее полноте.

Продовольственная разруха, «анархия», аграрный вопрос, ликвидация войны—все эти вопросы сводятся сейчас для пролетариата, как вождя революции, к одной центральной задаче: *завоеванию власти*.

Выяснять рабочим массам неизбежность и необходимость перехода власти к органу революционных масс, воздействовать в этом направлении на состав и политику Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—такова сейчас центральная задача нашей газеты.

ВПЕРЕД [61])

Наше издание будет органом революционного социализма. Еще недавно подобное определение было достаточным. Сейчас эти слова подешевели. К социализму и к революции теперь при-

писываются такие элементы, такие слои, которые по самой своей социальной природе принадлежат к непримиримо враждебному нам лагерю. Желтая уличная пресса называет себя беспартийно-социалистической. Банковские газеты перекрашиваются в защитный цвет «реалистического социализма», как банки для безопасности поднимают над своими зданиями красное знамя революции.

Этот лихорадочный рост социализма и эти подделки под социализм тем более неожиданны, что еще совсем недавно, в первую эпоху войны, весь буржуазный мир говорил о полном крушении социализма. И действительно: в том колоссальном сотрясении, какое принесла с собой война, международный социализм подвергся жесточайшему испытанию. Сильнейшие организации Интернационала капитулировали перед идолом капиталистического государства и под насквозь лживым знаменем «национальной обороны» благословили взаимное растерзание европейских народов. Крушение социализма, последней надежды человечества, казалось трагичнее, чем все убийства и разрушения материальной культуры.

Но социализм не погиб. Он лишь изживает в страшном внутреннем кризисе свою национальную ограниченность, свои оппортунистические иллюзии. В горниле самой кровавой и самой бесчестной войны рабочие массы очищаются от духовного рабства национальной идеологии и закаляются в непримиримой ненависти к капиталистическому государству. На смену вождям Второго Интернационала, Шейдеманам, Гедам, Вандервельдам, Плехановым, оказавшимся банкротами пред лицом величайших событий, поднимаются новые вожди, вырастающие под ударами новой эпохи. Карл Либкнехт, Фриц Адлер [62]), Маклин, Хеглунд [63]) и многие другие—вот провозвестники и строители нового, Третьего Интернационала, который складывается в бурях войны для бурь социальной революции.

Самая низкая точка в кризисе социализма осталась уже далеко позади. Русская революция есть начало великого европейского прибоя. Буржуазия пытается изо всех сил приручить русскую революцию и национализировать ее. Именно с этой целью она сама перекрашивается в защитные цвета социализма. Подголоски буржуазии и ее политические агенты прилагают все силы к тому, чтобы во имя «национального единства» и «обороны» обезличить пролетариат, оторвать его от интернационала и подчинить дисциплине империалистической войны. Эту политику мы считаем

смертельно враждебной интересам социализма. Революционное оборончество есть наша национальная разновидность социал-патриотизма. Под народнической или под «марксистской» маской оборончество несет с собой на деле неизменный отказ от самостоятельной политики пролетариата, отраву шовинизма и идейно-моральное принижение.

Борьба против растлевающего влияния социал-патриотизма за принципы революционного интернационализма явится сейчас важнейшей задачей нашего издания.

Мы выпускаем в свет первый номер «Вперед» в такой момент, когда интернационалистское течение явно преодолевает оборончество в рядах петроградского пролетариата. Наше издание будет, надеемся, содействовать этому спасительному процессу—путем более углубленной постановки вопросов, чем это доступно повседневной прессе, и путем упорной борьбы за объединение всех течений революционного интернационализма.

Друзья-читатели! «Вперед» рассчитывает на ваше сочувствие и на вашу поддержку.

Редакция.

«Вперед» № 1,
15 (2) июня 1917 г.

ДВОЕБЕЗВЛАСТИЕ

(К характеристике современного момента)

Условия войны отклоняют и затмевают действие внутренних сил революции. Но тем не менее ход революции будет определяться именно этими внутренними силами, т.-е. классами.

Война сперва прервала нараставшую с 1912 года революцию [64]), а затем придала ей—благодаря героическому вмешательству ожесточенной армии—небывало быстрый темп наступления. Сила сопротивления старого строя была окончательно подкопана ходом войны. Политические партии, которые могли бы выступить в качестве посредниц между монархией и народом, сразу повисли, благодаря победоносному натиску снизу, над бездной и оказались вынуждены в самый последний момент совершить рискованный прыжок на берег революции. Это придало революции временную видимость полного национального единения. Буржуазный либерализм в первый раз за всю свою историю почувствовал себя «связанным» с массами, — и это должно было сейчас же

внушить ему мысль об использовании «общенационального» революционного подъема в интересах войны.

Условия, участники и цели войны оставались те же. Гучков и Милюков, наиболее яркие империалисты в политическом масштабе старого режима, оказались вершителями судеб революционной России. Таким образом, та же самая по существу война, что при царизме—при тех же врагах, союзниках и международных обязательствах—превратилась в «войну за революцию». Для капиталистических классов задача сводилась к тому, чтобы мобилизовать революцию—пробужденные ею силы и страсти—в интересах империализма. Милюковы великодушно соглашались назвать «красную тряпку» священной хоругвью,—только бы рабочие массы обнаружили готовность восторженно умирать под этой красной тряпкой за Константинополь и проливы.

Но империалистическое копыто Милюкова слишком явно торчало наружу. Для того, чтобы овладеть пробужденными массами и отвлечь их революционную энергию в русло наступления по внешнему фронту, необходимы были более сложные приемы, а главное—нужны были другие партии, с еще нескомпрометированными программами, и другие люди, с еще незапятнанными репутациями.

Они нашлись. За годы контр-революции и особенно в период последнего промышленного подъема, капитал экономически подчинил себе и духовно приручил многие тысячи революционеров 1905 г., нимало не заботясь об их народнических и марксистских «предрассудках». В составе «социалистической» интеллигенции имелись, таким образом, достаточно широкие кадры политических деятелей, у которых давно чесались руки по части обуздания классовой борьбы и патриотического дисциплинирования рабочих масс. Рука об руку с этой интеллигенцией шли выдвинувшиеся в контр-революционную эпоху рабочие ликвидаторы, навсегда запуганные крушением революции 1905 года и развившие в себе один талант—всестороннего приспособленчества.

Оппозиция буржуазных классов против царизма—на империалистической основе—создала уже до революции условия для более тесного сближения социалистических оппортунистов с имущими классами. Керенский и Чхеидзе пристраивали в Думе свою политику к прогрессивному блоку, Гвоздевы [65]) и Богдановы [66]) сближались с Гучковыми в военно-промышленных комитетах [67]). Но существование царизма затрудняло открытый переход на

«государственно»-патриотическую точку зрения. Революция устранила на этот счет всякие препятствия. Капитуляция перед капиталистическими партиями получила теперь имя «единства демократии», дисциплина буржуазного государства сразу превратилась в «революционную дисциплину», наконец, участие в капиталистической войне стало называться защитой революции от внешнего разгрома.

Эта «государственная» интеллигенция, которую Струве [68]) провидел, призывал и воспитывал в своих «Вехах» [69]), нашла неожиданно широкую опору в беспомощности наиболее отсталых народных масс, принудительно организованных в армии.

Только потому, что революция разыгралась во время войны, крестьянские и обывательски-мелкобуржуазные элементы уже в первый момент революции представляли собою автоматически-организованную силу и получили возможность оказывать на состав Советов Рабочих и Солдатских Депутатов такое влияние, какое было бы совершенно не по плечу этим распыленным и отсталым классам в не-военное время. Меньшевистски-народническая интеллигенция нашла в этой провинциальной, захолустной, в большинстве своем только что пробужденной массе совершенно естественную на первых порах поддержку. Увлекая мелкобуржуазные слои на путь соглашения с капиталистическим либерализмом, который снова оказался совершенно неспособен самостоятельно вести за собою народные массы, меньшевистски-народническая интеллигенция давлением этих масс завоевала себе известное положение и в чисто пролетарских слоях, временно оттиснутых на второй план массовидностью армии.

На первых порах могло казаться, что все классовые противоречия исчезли, что все социальные щели законопачены обрывками народнически-меньшевистской идеологии, и что национальное единство осуществлено, наконец, творческими усилиями Керенского, Чхеидзе и Дана. Отсюда неожиданное изумление при виде того, как возрождается самостоятельная пролетарская политика, и дикое, поистине отвратительное улюлюкание против революционных социалистов, как нарушителей вселенской гармонии.

* * *

Мелкобуржуазная интеллигенция, поднятая на неожиданную для нее самой высоту образованием Совета Рабочих и Сол-

датских Депутатов, больше всего испугалась ответственности, и поэтому почтительно предоставила власть капиталистически-помещичьему правительству, вышедшему из недр третье-июньской Думы. Органический страх мелкого обывателя перед святыней государственной власти, весьма откровенно проступавший у народников, прикрывался у меньшевиков-оборонцев доктринерскими рассуждениями о недопустимости для социалистов брать на себя бремя власти в буржуазной революции.

Так сложилось «двоевластие», которое вернее бы назвать *двоебезвластием*. Капиталистическая буржуазия взяла в руки власть во имя порядка и войны до победы; но помимо Совета Депутатов она править не могла, а этот последний относился к правительству с почтительным полудоверием и в то же время боялся, как бы революционный пролетариат не опрокинул неосторожным жестом всей механики.

Цинически-провокационная внешняя политика Милюкова вызвала кризис. Оценив всю силу паники мелкобуржуазных вождей Совета перед проблемой власти, буржуазные партии стали заниматься на этой почве прямым вымогательством: угрожая правительственной забастовкой, т.-е. своим отказом от участия во власти, они потребовали от Совета выдачи им нескольких заложников-социалистов, участие которых в коалиционном министерстве должно было закрепить за правительством в целом доверие массы и упразднить, таким образом, «двоевластие».

Под дулом ультиматума меньшевики-оборонцы поторопились стряхнуть с себя последние остатки своих марксистских предубеждений против участия в буржуазном правительстве и увлекли на тот же путь народнических «вождей» Совета, вообще не отягощенных принципиальными предубеждениями. Последнее ярче всего сказалось на Чернове, который приехал из «Циммервальда-Кинталя», где отлучал от социализма Вандервельда, Геда и Самба,—только затем, чтобы войти в министерство кн. Львова и Шингарева. Правда, меньшевики-оборонцы доказывали, что русский министериализм не имеет ничего общего с французским и бельгийским, являясь продуктом совершенно исключительных обстоятельств, предусмотренных в амстердамской резолюции [70]). Но и тут они лишь повторяли аргументацию бельгийского и французского министериализма, неизменно ссылавшихся на ту же «исключительность обстоятельств». Керенский, под утомительной театральностью которого заложено некоторое чутье действи-

тельности, совершенно правильно поставил русский министериализм в один ряд с западно-европейским и в своей гельсингфорсской речи поставил на вид, что, благодаря его, Керенского, примеру, русские социалисты в два месяца совершили тот путь, на преодоление которого западным социалистам понадобились десятилетия. Недаром же Маркс называл революцию локомотивом истории.

* * *

Коалиционное Правительство было осуждено историей прежде, чем оно успело сложиться. Если б оно было образовано немедленно после низвержения царизма, как выражение «революционного единства нации», оно могло бы еще, может быть, сдерживать в течение известного времени внутреннюю борьбу сил революции. Но первое правительство было гучковско-милюковским. Ему было предоставлено существовать ровно столько, чтобы обнаружить всю ложь «национального единства» и пробудить революционный отпор пролетариата против стремления буржуазии немедленно же обокрасть революцию в империалистических целях. Сшитое белыми нитками коалиционное министерство не могло в этих условиях помочь беде, ему суждено было самому стать центральным вопросом расхождения и раскола в рядах «революционной демократии». Его политическое существование—об его «деятельности» почти не приходится говорить—представляет собою только прикрытую многословием агонию.

Для борьбы с экономической и в частности с продовольственной разрухой экономический отдел Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов выработал план широкой системы государственного руководства важнейшими отраслями хозяйства. Члены экономического отдела отличаются от официальных руководителей Совета не столько политическим направлением, сколько серьезным знакомством с хозяйственным положением страны. Именно поэтому они пришли к практическим выводам глубоко-революционного характера. Чего не хватает их построению—это приводного ремня революционной политики. Капиталистическое в своем большинстве правительство не может воплощать в жизнь систему, целиком направленную против своекорыстия имущих классов. Если этого не понимал министр труда Скобелев, со своими уже вошедшими в пословицу «100 про-

центами», то это прекрасно понял серьезный и деловой представитель торгово-промышленных сфер Коновалов.

Его выход в отставку нанес неисцелимую рану коалиционному министерству. Это дала недвумысленно понять вся буржуазная пресса. Снова началась игра на панической психологии нынешних вождей Совета: буржуазия грозила подкинуть им власть. В ответ на это «вожди» притворились, что ничего особенного не произошло. Ушел ответственный представитель капитала,—пригласим... г. Бурышкина [71]). Но и Бурышкин демонстративно отказался участвовать в хирургических экспериментах над частной собственностью. Тогда начались поиски «независимого» министра торговли и промышленности, т.-е. такого, за которым никто и ничто не стоят, и который мог бы выполнять роль почтового ящика для встречных исков труда и капитала.

Между тем экономический развал идет своим чередом, и деятельность правительства выражается по-прежнему преимущественно в печатании ассигнаций.

Имея своими старшими коллегами г.г. Львова и Шингарева, Чернов оказался лишенным возможности развернуть в области аграрного вопроса хотя бы словесный радикализм, столь отличающий вообще этого типичнейшего деятеля мелкой буржуазии. В сознании отведенной ему роли Чернов сам себя отрекомендовал обществу не как министра аграрной революции, а как министра... аграрной переписи. Согласно либерально-буржуазной конструкции, усвоенной и социалистическими министрами, революция на низах приостанавливается в пассивном ожидании Учредительного Собрания, и с момента вхождения социалиста-революционера в министерство помещиков и заводчиков натиск крестьян на помещичье землевладение получает наименование анархии.

В сфере международной политики крушение возвещенной коалиционным правительством «программы мира» наступило скорее и катастрофичнее, чем можно было ожидать. Г. Рибо, главный министр Франции, не только категорически и без уловок отверг русскую формулу мира, торжественно подтвердив необходимость продолжать войну до «полной победы», но и отказал оборонческим французским социалистам в паспортах на Стокгольмскую конференцию, организуемую при участии союзников и коллег г. Рибо, русских социалистических министров. Итальянское правительство, колониально-захватная политика которого отличалась всегда бесстыдством «священного эгоизма», ответило

на формулу «мира без аннексий» сепаратной аннексией Албании. Президент Соединенных Штатов Вильсон возразил на русскую ноту пространным посланием в свойственном ему ханжески-квакерском тоне—на тему о том, что аннексии, которые могли бы быть совершены союзниками после победы над Германией при бескорыстном участии его, Вильсона, суть не аннексии, а гарантии мира и справедливости. Временное Правительство, а значит и социалистические министры в течение двух недель задерживали опубликование союзнических ответов, очевидно рассчитывая при помощи таких мелких приемов продлить агонию своей политики. В итоге вопрос о международном положении России, т.-е. *вопрос о том, за что именно должен сражаться и умирать русский солдат,* стоит сейчас еще острее, чем в тот день, когда из рук Милюкова был выбит портфель министра иностранных дел.

В военно-морском ведомстве, поглощающем сейчас львиную долю общенародных сил и средств, неограниченно царит политика жеста и фразы. Материальные и психологические причины нынешнего состояния армии слишком глубоки, чтоб их можно было устранить министерскими стихотворениями в прозе. Смена генерала Алексеева генералом Брусиловым [72]) меняет положение этих двух генералов, но не армии. Будоража общественное мнение страны и армии лозунгом наступления, а затем внезапно покидая этот лозунг для менее оформленного лозунга подготовки к наступлению, военно-морское министерство так же мало способно приблизить страну к победе, как ведомство г. Терещенки—к миру.

Эта картина бессилия Временного Правительства находит свое завершение в работе министерства внутренних дел, которое, даже по словам резолюции лойяльнейшего Совета Крестьянских Депутатов, «односторонне» пополнило кадры местной администрации господами помещиками. Усилия активных слоев населения обеспечить за собою местное самоуправление мерами захватного права, не дожидаясь Учредительного Собрания, получают немедленно же на государственно-полицейском языке Данов имя анархии и вызывают неожиданно энергический отпор со стороны Правительства, которое самым своим составом застраховано от энергических мер *творческого* характера.

В последние дни эта политика всесторонней несостоятельности нашла свое наиболее отталкивающее выражение в кронштадтском инциденте. Подлая, насквозь отравленная кампания буржуазной печати против Кронштадта, как символа революционного интерна-

ционализма и недоверия к правительственной коалиции, как знамени самостоятельной политики народных низов, не только подчинила себе правительство и вождей Совета, но сделала Церетели и Скобелева прямыми застрельщиками постыднейшей травли против кронштадтских матросов, солдат и рабочих.

В то время, как революционный интернационализм систематически вытесняет оборончество на фабриках, заводах и в передовых полках, министры-социалисты, повинуясь своим новым хозяевам, делают азартную попытку опрокинуть одним ударом революционный пролетарский авангард и подготовить таким путем «психологический» момент для заседаний Всероссийского Съезда Советов. *Сплотить крестьянско-мелкобуржуазную демократию вокруг буржуазного либерализма*, союзника и пленника англо-французской и американской биржи, *политически изолировать и «дисциплинировать» пролетариат*,—такова сейчас основная задача, на разрешение которой расходуются все силы правительственного блока меньшевиков и социалистов-революционеров. Составной частью этой политики являются наглые угрозы кровавыми репрессиями и провокация открытых столкновений. И эти люди так неистово спешили в течение всего мая, как если бы они твердо решили подготовиться к... «июньским дням» [73]).

Агония коалиционного министерства началась в день его рождения. Революционный социализм должен сделать со своей стороны все, чтоб не дать этой агонии закончиться судорогой гражданской войны. Единственный путь к этому—не уступчивость и не уклончивость, которые только разжигают аппетиты свеже-испеченных государственных людей, а, наоборот, наступление по всей линии. Нужно не позволить им изолировать себя,—нужно изолировать их. Нужно на жалком и плачевном опыте Коалиционного Правительства раскрыть перед самыми темными рабочими массами смысл того противонародного союза, который сейчас выступает от имени революции. В продовольственном, промышленном, аграрном, военном вопросах нужно противопоставить пролетарские методы методам имущих классов и их меньшевистски-эсеровского хвоста. Только таким путем можно изолировать либерализм и обеспечить руководящее влияние революционного пролетариата на городские и сельские низы. Неизбежный крах нынешнего правительства будет вместе с тем крахом нынешних вождей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Спасти авторитет Совета, как представительства революции, и обеспечить за ним дальнейшую руководящую роль, может только нынешнее меньшинство Совета. Это будет становиться яснее с каждым новым днем. Период *двоебезвластия*, когда правительство не может, а Совет не смеет, неизбежно завершится кризисом неслыханной остроты. Наше дело копить к этому моменту силы, чтобы поставить проблему власти во весь рост.

«Вперед» № 1,
15 (2) июня 1917 г.

---

2. ВОПРОСЫ МИРА

ПРОГРАММА МИРА [74])

Временное Правительство второго состава[75]) заявило в своей декларации, что намерено отстаивать мир без аннексий, без контрибуций и с гарантией права на национальное самоопределение. Эта формула могла показаться многим простодушным людям подлинным решением вопроса—особенно после империалистического бесстыдства г. Милюкова. Но кто знаком с формулами англо-французского изготовления (фирмы Ллойд-Джорджа-Бриана[76])-Рибо[77]) или хотя бы с пацифистскими формулами американского президента Вильсона, тот не мог не отнестись к декларации Временного Правительства со спасительным недоверием. Никогда со времени сотворения мира правящие классы не лгали так много, как в эпоху нынешней войны. «Эта война есть война за демократию». «Эта война есть война за мир и союз наций». «Эта война есть последняя война». Под прикрытием этих лозунгов шло и идет дальнейшее натравливание народа на народ. Чем оголеннее и бесстыднее исторический смысл нынешней империалистической бойни, тем более пышными формулами стремятся правящие и услужающие политики прикрыть ее содержание. Буржуазия Соединенных Штатов вмешалась в войну, защищая свое священное право вывозить в Европу аммуницию и наживать миллиарды на европейской крови: тем настоятельнее было для демократического ханжи Вильсона привести в движение все хоругви пацифизма.

Над поставкой усыпляющих сознание формул особенно много потрудились социал-патриоты: в этом собственно и состояла их главная роль в механизме нынешней войны. Ставя перед массами такие цели, как «защита страны», или «установление международного третейского суда», или «освобождение угнетенных наций»,

Л. Троцкій.

ПРОГРАММА МИРА.

Къ Стокгольмской Конференціи.

Цѣна 25 коп.

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, кв. 90.
ОТДѢЛЕНІЯ:
въ Петроградѣ: Стремянная, 11, тел. 648-62,
въ Москвѣ: Б. Садовая, д. Пигитъ 10, кв. 33. тел. 5-60-22.

Обложка брошюры „Программа мира“.

социал-патриоты разрешение этих задач связывали в сознании массы с победою оружия собственной страны. Они неутомимо мобилизовали идеалистические лозунги в интересах империализма.

Безвыходно-затяжной характер войны, всеобщее экономическое расстройство, рост недовольства и нетерпения в низах, уже нашедший свое первое выражение в великолепном прологе русской революции,—все это заставляет правящих обеих коалиций искать путей к ликвидации войны.

Разумеется, самым лучшим способом ликвидации явилась бы так называемая «решительная победа». Германские империалисты доказывают, что без победы и всех вытекающих из нее преимуществ всему общественному режиму грозит опасность. Французские националисты не менее убедительно доказывали то же самое по отношению к Франции. Но чем дальше затягивается война, чем менее осуществимой становится «решительная победа» *), тем тревожнее и неувереннее становится настроение правящих, в том числе и их социал-патриотического фланга. Ликвидация войны путем гнилого соглашения (главным образом, за счет малых и слабых народов) становится такой же задачей для официальной дипломатии, как восстановление «Интернационала» путем взаимного отпущения грехов—для дипломатии социал-патриотической.

Правящие ощущают острую потребность в мире. Но в то же время они боятся мира, ибо день открытия мирных переговоров будет днем подведения итогов. Именно поэтому официальная дипломатия не прочь, чтоб на хрупкий лед мирных переговоров вступили первыми дипломаты социал-патриотизма. Между собою и ими официальные правительства предусмотрительно устанавливают известную дистанцию—на случай провала. В этом полуофициальном нащупывании почвы для мирных переговоров и состоит основная задача предстоящей вскоре Стокгольмской «социалистической» конференции.

Внутренняя противоречивость этой конференции ярче всего вскрывается на политике русского Временного Правительства и

---

*) В этой характеристике военного положения, которую давало «Наше Слово» (как указывается в примечании 74, эта брошюра вначале была напечатана отдельными статьями в парижской газете «Наше Слово» *Ред.*) на основании оценки соотношения сил двух европейских лагерей, не учтена роль С.-Американских Соединенных Штатов, вмешательство которых привело к разгрому Германии. [Примечание к изд. 1922 г. («Война и Революция»). *Ред.*]

его составных частей. Во имя одной и той же программы «мира без аннексий», Терещенко, как нам говорят, убеждает союзных империалистов перейти к честному образу жизни, Керенский, не дожидаясь плодов этого убеждения, готовит русскую армию для наступления, а Церетели и Скобелев—собираются в Стокгольм [78]) для неофициальных переговоров о мире. На увещания г. Терещенко итальянское правительство отвечает объявлением протектората над Албанией, а г. Рибо снова подтверждает необходимость полной победы и отказывает своим социалистам в паспортах для поездки в Стокгольм, куда приглашают их стоящие у власти русские коллеги г. Рибо. Как ни взять программу «мира без аннексий» и пр.,—как тему ли для увещаний по адресу союзников, как лозунг для стратегического наступления или как предмет для переговоров между Церетели, Шейдеманом [79]) и Ренoделем [80])—программа эта не внушает нам никакого доверия. Ренодель уже сейчас выясняет своим политическим господам, т.-е. правящим классам, что он собирается в Стокгольм прежде всего для того, чтобы разоблачить немецких социалистов и доказать французским и союзным рабочим необходимость войны «до конца». Надо думать, что Шейдеман вооружен—на худой конец—подобным же планом. Ничто не обеспечивает нам того, что конференция действительно станет хотя бы вступлением к мирным переговорам капиталистической дипломатии. Она может с такой же вероятностью стать средством разжигания потухающих шовинистических страстей. При таких условиях было бы с нашей стороны преступлением внушать рабочим массам доверие к Стокгольмской конференции и тем отвлекать их внимание от единственно верного, т.-е. революционного, пути к миру и братству народов.

Инициатива созыва Стокгольмской конференции находится в руках Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Это придает всему предприятию величайшую двойственность. Не будучи социалистической организацией, Совет говорит, однако, от имени глубоко-революционных масс. В то же время во главе Совета, опираясь на недостаточную оформленность сознания этих масс, стоят политики, насквозь пропитанные мелкобуржуазным скептицизмом, недоверием к пролетариату и социальной революции.

«Было бы бесцельно,—говорят «Известия Совета» [81]) под давлением критики интернационалистов,—созывать конференцию социалистических дипломатов, которые пытались бы за кабинет-

ным столом притти к полюбовному соглашению насчет перекройки карты Европы. Такая конференция не только не привела бы к положительным результатам, но могла бы сделать еще глубже пропасть, разделяющую социалистов разных стран, пока их кругозор не выходит за пределы национальных задач.

«Действительно плодотворные результаты может дать лишь другая конференция,—конференция, на которой каждая из явившихся групп с самого начала будет себя чувствовать одним из отрядов международной армии труда, собравшихся, чтобы общими силами делать общее дело.

«Так именно,—заключают «Известия»,—и ставит вопрос письмо Исполнительного Комитета».

При этом «Известия» скидывают со счетов то обстоятельство, что сам Исполнительный Комитет теснейшими узами связан с русской капиталистической дипломатией, а через нее—и с дипломатией союзников. Высказываясь «в принципе» за разрыв национального единения, Исполнительный Комитет тем прочнее стремится закрепить национальное единение у себя дома.

Построенная на таких началах конференция, если бы ей даже удалось собраться, не сможет на первых же шагах не обнаружить своей полной несостоятельности. Было бы легкомыслием или слепотой брать на себя ответственность перед массами за предприятие, в самой основе которого заложена двойственность и беспринципность.

Программа мира—для нас—есть программа международной революционной борьбы руководимых пролетариатом трудящихся масс против правящих классов. В Циммервальде и Кинтале [82]) революционные социалисты с достаточной определенностью формулировали общие принципы такой борьбы. У нас сейчас меньше, чем когда бы то ни было, оснований отклоняться от них в сторону «принципов» Керенского или Церетели. Мы вошли в эпоху могущественных революционных потрясений. Политическая половинчатость, а тем более политический авантюризм будут быстро изживаться. Итти в ногу с историческим движением сможет только та партия, которая свою программу и тактику строит в расчете на развитие социально-революционной борьбы мирового, в первую голову—европейского пролетариата.

Петроград,
25 мая 1917 г.

I. Что такое программа мира?

Что такое программа мира? С точки зрения господствующих классов или услужающих им партий, это—совокупность тех требований, осуществление которых должно быть обеспечено силою милитаризма. Так, для осуществления «программы мира» г. Милюкова нужно с оружием в руках овладеть Константинополем. Программа мира Вандервельде требует предварительного изгнания немцев из Бельгии. С этой точки зрения параграфы мира подводят только итоги тому, что сделано оружием войны. Иначе сказать, программа мира есть программа войны. Но так представляется дело до *вмешательства третьей силы* — социалистического Интернационала. Для революционного пролетариата программа мира означает не те требования, которые должен осуществить национальный милитаризм, а те, которые международный пролетариат хочет навязать своей революционной борьбой против милитаризма всех стран. Чем больше развертывается международное революционное движение, тем более независимыми становятся вопросы мира от чисто-военного положения сторон, тем более сводится на-нет опасность, что условия мира могут быть поняты массами, как цели войны.

Это ярче всего раскрывается перед нами на вопросе о судьбе малых наций и слабых государств.

Война открылась сокрушительным натиском германских армий на Бельгию и Люксембург. В отклике, порожденном разгромом маленькой страны, на-ряду с фальшивым и корыстным негодованием правящих классов противного лагеря, слышалось и неподдельное возмущение народных масс, симпатии которых были привлечены судьбою маленького народа, громимого только потому, что он оказался между двумя воюющими гигантами.

В тот начальный момент войны участь Бельгии привлекала внимание и сочувствие исключительностью трагизма. Но тридцать четыре месяца военных операций показали, что бельгийский эпизод был только первым шагом на пути разрешения основной задачи империалистической войны: *подчинения слабых сильным.*

На область международных отношений капитализм перенес те же методы, какими он «регулирует» внутреннюю хозяйственную жизнь отдельных наций. Путь конкуренции есть путь систематического крушения мелких и средних предприятий и торже-

ства крупного капитала. Мировое соперничество капиталистических сил означает систематическое подчинение мелких, средних и отсталых наций крупным и крупнейшим капиталистическим державам. Чем выше становится капиталистическая техника, чем бо́льшую роль играет финансовый капитал, чем более высокие требования предъявляет милитаризм, тем в бо́льшую зависимость попадают мелкие государства от великих держав. Этот процесс, составляющий необходимую составную часть в механике империализма, непрерывно совершался и в мирное время,—через посредство государственных займов, железнодорожных и иных концессий, военно-дипломатических соглашений и пр. Война обнажила и ускорила этот процесс, введя в него фактор открытого насилия. Она разрушает последние остатки «независимости» мелких государств,—совершенно независимо от того, каков будет исход военного состязания между двумя основными лагерями.

Бельгия все еще стонет под гнетом немецкой солдатчины. Но это только внешнее кроваво-драматическое выражение крушения ее независимости. «Освобождение» Бельгии совершенно не стоит перед союзниками, как самостоятельная задача. В дальнейшем ходе войны, как и после нее, Бельгия войдет составной и подчиненной частицей в великую игру капиталистических гигантов. Без вмешательства третьей силы, *революции*, Бельгия может в результате войны остаться в тисках Германии, попасть в кабалу к Великобритании или быть поделенной между великодержавными хищниками обеих коалиций.

Точно то же приходится сказать о *Сербии*, национальная энергия которой послужила гирькой на мировых империалистических весах, колебания которых в ту и другую сторону меньше всего зависят от самостоятельных интересов Сербии.

Центральные империи вовлекли в водоворот войны *Турцию* и *Болгарию*. Останутся ли эти две страны юго-восточными органами австро-германского империалистического блока («Срединная Европа») [83]), или превратятся в разменную монету при подведении счетов, война, во всяком случае, дописывает последнюю главу в историю их самостоятельности.

Отчетливее всего,—до того как развернулась русская революция,—оказалась ликвидированной независимость *Персии*, с которой в принципе покончило англо-русское соглашение 1907 г.

Румыния и Греция достаточно ясно показали нам, какую скромную «свободу» выбора предоставляет борьба империалисти-

ческих трестов мелким государственным фирмам. Румыния предпочла жест свободного избрания, поднимая шлюзы своего государственного нейтралитета. Греция с пассивным упорством стремилась оставаться у себя «дома». Как бы для того, чтобы нагляднее обнаружить всю тщету «нейтралистской» борьбы за самосохранение, вся европейская война, в лице болгарских, турецких, французских, английских, русских и итальянских войск, перенеслась на греческую территорию. Свобода выбора распространяется в лучшем случае на *форму* самоупразднения. В конечном счете Румыния, как и Греция, подведут один и тот же итог: окажутся ставками в руках крупных игроков.

На другом конце Европы маленькая *Португалия* сочла нужным вмешаться в войну на стороне союзников. Ее решение могло бы казаться необъяснимым, если бы в вопросе о вмешательстве в свалку у Португалии, состоящей под английским протекторатом, было много больше свободы, чем у Тверской губернии или у Ирландии.

Капиталистические верхи *Голландии* и трех *Скандинавских стран* загребают, благодаря войне, горы золота. Но тем ярче ощущают четыре нейтральные государства европейского северо-запада всю призрачность своего «суверенитета», который, если ему и удастся пережить войну, подвергнется великодержавному «учету» в условиях мира.

«Независимая» *Польша* в империалистической Европе сможет поддерживать вывеску своей независимости, только ставши в кабальную финансовую и военную зависимость от одной из великодержавных группировок.

Государственная самостоятельность *Швейцарии* раскрыла все свое содержание в принудительной регламентации ее ввоза и вывоза. И уполномоченные маленькой федеративной республики, обивающие, с шапкой в руке, пороги обоих воюющих лагерей, могут составить себе ясное представление о том, что́ означают независимость и нейтралитет нации, которая не может поставить на ноги несколько миллионов штыков.

Если война, благодаря умножению своих фронтов и числа участников, превратилась в уравнение со многими неизвестными, исключающее для любого из правительств возможность формулировать так называемые «цели войны», то мелкие государства имеют то весьма, впрочем, условное преимущество, что их историческая судьба может считаться заранее предопределенной.

Какой бы из лагерей ни одержал победу и каков бы ни был размах этой победы, возврата назад, к независимости малых государств уже не может быть. Победит ли Германия или Англия, это может решить вопрос лишь о том, кто будет непосредственным хозяином над малыми нациями. Но только шарлатаны или безнадежные простофили могут связывать вопрос о свободе малых народов с победой той или другой стороны.

Совершенно такой же результат будет иметь и третий, наиболее вероятный исход войны, *в ничью:* отсутствие явного перевеса одного из воюющих лагерей над другим только заставит ярче обнаружиться перевес сильных над слабыми внутри каждого из лагерей и перевес их обоих—над «нейтральными» жертвами империализма. Исход войны без победителей и побежденных сам по себе никого ни от чего не гарантирует, *побежденными* все равно окажутся все мелкие и слабые государства: как те, что истекали кровью на полях сражений, так и те, что пробовали укрыться от судьбы в тени своего нейтралитета.

Независимость бельгийцев, сербов, поляков, армян и пр. является для нас не составной частью программы войны союзников (как для Геда, Плеханова [84]), Вандервельде [85]), Гендерсона и пр.), а входит в программу борьбы международного пролетариата против империализма.

II. Status quo ante bellum *)

Но может ли пролетариат при настоящих условиях выдвигать свою самостоятельную «программу мира», т.-е. свои решения тех вопросов, которые породили нынешнюю войну или которые вскрылись в ее течении?

Для осуществления такой программы,—говорили нам,—у пролетариата сейчас нет сил. Утопично надеяться, чтоб он осуществил свою собственную программу мира уже в результате нынешней войны. Другое дело—борьба за самое прекращение войны и за мир без аннексий, т.-е. за возвращение к status quo ante bellum, к тому порядку, какой был до войны. Это более реалистическая программа. Таковы были, например, доводы Мартова [86]), Мартынова [87]) и вообще меньшевиков-интернационалистов, которые в этом вопросе, как и во всех других, стоят не на революцион-

*) Тот порядок, который был до войны.

ной, а на консервативной точке зрения (*не* социальная революция, *а* восстановление классовой борьбы, *не* Третий Интернационал, *а* восстановление Второго, *не* революционная программа мира, *а* возвращение к status quo ante bellum, *не* завоевание власти Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, *а* предоставление власти партиям буржуазии...). В каком, однако, смысле можно говорить о «реалистичности» борьбы за прекращение войны и за мир без аннексий? Что война раньше или позже прекратится, это несомненно. В этом *выжидательном* смысле лозунг прекращения войны, бесспорно, очень «реалистичен», ибо бьет наверняка. А в революционном смысле? Не утопично ли надеяться,—так можно бы возразить,—что европейскому пролетариату, при его нынешних силах, удастся приостановить военные действия *против* воли правящих классов? И не отказаться ли поэтому от лозунга прекращения войны? Далее. При каких условиях произойдет это прекращение? Тут могут быть, теоретически рассуждая, три типических положения: 1) решительная победа одной из сторон; 2) общее истощение противников при отсутствии решающего перевеса какой-либо стороны; 3) вмешательство революционного пролетариата, приостанавливающее «естественное» развитие военных событий.

Совершенно очевидно, что в первом случае, когда война заканчивается решительной победой одной стороны, наивно мечтать о мире без аннексий. Если Шейдеманы и Ландсберги [88]), всемерно поддерживающие работу своего милитаризма, выступают в парламенте «за мир без аннексий», то именно в твердом расчете на то, что такого рода протесты никаким «полезным» аннексиям помешать не могут. С другой стороны, наш собственный верховный командующий, генерал Алексеев, объявляющий мир без аннексий «утопической фразой», совершенно основательно заключает, что главное дело—наступление, и что в случае успеха военных операций все остальное приложится само собою *). Для того чтоб вырвать аннексии из рук победоносной стороны, вооруженной с ног до головы, пролетариату, очевидно, понадобились бы, помимо доброй воли, революционная сила и прямая готовность открыто пустить ее в дело. Во всяком случае, в его распоряжении нет никаких «экономных» средств добиться

*) Выход ген. Алексеева в отставку нимало не нарушает основательности его суждения.

от победоносной стороны отказа от использования достигнутой победы.

Второй исход войны, на который и рассчитывают преимущественно сторонники ограниченной программы «мира без аннексий— и только», предполагает, что война, не прерываемая революционным вмешательством третьей силы, исчерпывает все рессурсы воюющих и заканчивается измором—без победителей и побежденных. К этому состоянию, когда милитаризм окажется слаб для завоеваний, а пролетариат—для революции, пассивные интернационалисты и приспособляют свою куцую программу «мира без аннексий», которую они нередко формулируют, как возвращение к status quo ante bellum, т.-е. к порядку, какой был до войны. Но здесь-то мнимый реализм и открывает свою ахиллесову пяту. На самом деле исход войны «в ничью», как мы уже показали выше, вовсе не исключает аннексий; наоборот, *предполагает* их. Если ни одна из двух великодержавных группировок не победит, это вовсе не значит, что Сербия, Греция, Бельгия, Польша, Персия, Сирия, Армения и пр. останутся неприкосновенными. Наоборот: именно за счет третьего, слабейшего, и будут произведены в этом случае аннексии. Чтобы помешать этим взаимным «компенсациям» (вознаграждениям), международному пролетариату нужно прямое революционное восстание против правящих. Газетные статьи, резолюции съездов, парламентские протесты и даже уличные манифестации никогда не мешали и не мешают правящим—путем ли победы или путем соглашения—совершать территориальные захваты и попирать слабые народности.

Что касается третьего исхода, то он яснее всего. Он предполагает, что международный пролетариат еще в разгаре этой войны подымется с такой силой, что парализует и приостановит войну снизу. Совершенно очевидно, что в этом наиболее благоприятном случае пролетариат, у которого хватило сил приостановить войну, менее всего сможет и захочет ограничиться чисто консервативной программой, сводящейся к отрицанию аннексий.

Действительное осуществление мира без аннексий предполагает, как видим, *во всех случаях* могущественное революционное движение пролетариата. Но, предполагая такое движение, указанная программа остается совершенно мизерной по отношению к нему, резюмируясь в требовании восстановления того порядка, какой был до войны и из которого выросла война. Европейский status quo ante bellum—продукт войн, хищений, наси-

лий, легитимизма, дипломатической тупости и бессилия народов остается единственным положительным содержанием лозунга «без аннексий».

В своей борьбе против империализма пролетариат не может ставить себе политической целью возвращение к старой европейской карте; он должен выдвинуть *свою собственную программу государственных и национальных отношений*, отвечающую основным тенденциям экономического развития, революционному характеру эпохи и социалистическим интересам пролетариата.

Изолированно поставленный лозунг «без аннексий» не дает, прежде всего, никакого критерия для политической ориентировки в отдельных вопросах, как они ставятся ходом войны. Если предположить, что Франция в дальнейшем займет Эльзас и Лотарингию, обязана ли германская социал-демократия, вслед за Шейдеманом, требовать возвращения этих провинций Германии? Потребуем ли мы возвращения Царства Польского России? Будем ли мы стоять на том, чтоб Япония вернула Киао-Чао [89])... Германии? Чтоб Италия возвратила по принадлежности занятые ею части Трентино [90])? Это было бы бессмыслицей! Мы оказались бы фанатиками легитимизма, т.-е. защитниками династических и «исторических» прав в духе самой реакционной дипломатии. Да беда в том, что и эта «программа» потребовала бы для своего осуществления—революции. Во всех перечисленных и других подобных случаях, поставленные лицом к лицу с конкретной действительностью, мы сможем, очевидно, выдвинуть только один принцип: *опрос заинтересованного населения*. Разумеется, это критерий совсем не абсолютный. Так, французские «социалисты» из большинства сводят опрос населения (Эльзас-Лотарингии) к постыдной комедии: сперва оккупировать, т.-е. захватить военной силой, затем потребовать согласия быть аннексированными. Совершенно очевидно, что действительный опрос предполагает *революционные условия*, когда население может давать ответ не под дулом револьвера—немецкого или французского, все равно.

Единственное приемлемое содержание лозунга «без аннексий» сводит его, таким образом, к протесту против новых *насильственных захватов*, стало быть, к отрицательному выражению *права наций на самоопределение*. Но мы видели, что это демократически бесспорное «право» неизбежно превращается и будет превращаться для сильных наций в право захвата и попрания, а для слабых—в бессильное пожелание или в «клочок бумаги», доколе

политическая карта Европы замыкает нации и осколки наций в рамки государств, таможнями отделенных друг от друга и непрерывно сталкивающихся в империалистической борьбе. А преодоление этого режима мыслимо только через пролетарскую революцию. *В сочетании пролетарской программы мира с программой социальной революции и лежит центр тяжести вопроса.*

III. Право нации на самоопределение

Мы видели выше, что социал-демократия не может шагу ступить при решении конкретных вопросов в области национально-государственных перегруппировок и новообразований без принципа национального самоопределения, который, в последнем своем выводе, означает признание за каждой национальной группой права определять свою *государственную* судьбу, стало быть, отделяться от данного государства национальностей (напр., Россия, Австрия). Единственно демократический путь узнать «волю» нации—это опросить ее путем референдума. Но этот ответ, демократически обязательный, останется в изложенном виде чисто *формальным*. Он ничего не говорит нам о реальных возможностях, путях и средствах национального самоопределения в современных условиях капиталистического хозяйства. А, между тем, в этом, именно, центр тяжести вопроса.

Для многих, если не для большинства угнетенных наций и национальных групп и осколков самоопределение означает расторжение существующих границ и расчленение нынешних государств. В частности этот демократический принцип ведет к освобождению колоний. Между тем, вся политика империализма направлена на расширение государственных границ, независимо от национального принципа, на принудительное включение слабых народов в таможенную черту, на захват новых колоний. Империализм экспансивен и *наступателен* по существу, и именно этим своим качеством он характеризуется, а не изменчивыми маневрами дипломатии.

Таким образом, принцип национального самоопределения, во многих случаях ведущий к государственной и экономической децентрализации (расчленение, распад), враждебно сталкивается с могущественными централизаторскими стремлениями империализма, имеющего в своих руках государственную организацию и военную силу. Правда, во многих случаях национально-

сепаратистское движение находит поддержку в империалистических происках *соседнего* государства. Но эта поддержка может стать решающей только путем применения военной силы. А как только дело доходит до военного столкновения двух империалистических организаций, *новые* государственные границы определяются не на основе национального принципа, а на основе соотношения военных сил. *Заставить* победоносное государство отказаться от аннексии вновь завоеванных земель так же трудно, как и принудить его дать ранее захваченным провинциям свободу самоопределения. Наконец, если б даже совершилось чудо, и Европа оказалась силою оружия—о чем разглагольствуют полуфантасты-полуплуты типа Эрве [91])—разбита на законченные национальные государства и государствица, этим ни в малой мере не был бы разрешен национальный вопрос. На другой же день после «справедливого» национального передела капиталистическая экспансия возобновила бы свою работу, начались бы столкновения, войны и новые захваты с полным нарушением национального принципа во всех тех случаях, когда на его охране не оказывалось бы достаточного количества штыков. Все вместе производило бы такое впечатление, как если бы азартные игроки были вынуждены посреди игры «справедливо» перераспределять между собою золото, чтобы затем с двойным неистовством возобновить ту же игру.

Из могущества централистических тенденций империализма вовсе не вытекает для нас, однако, обязательство пассивного преклонения пред ними. Национальная общность является живым очагом культуры, как национальный язык—ее живым органом, и это свое значение они сохранят еще в течение неопределенно долгих исторических периодов. Социал-демократия хочет и должна, в интересах материальной и духовной культуры, обеспечить за национальной общностью свободу развития (или растворения),—именно в этом смысле она переняла от революционной буржуазии демократический принцип национального самоопределения, как политическое обязательство.

Право на национальное самоопределение не может быть устранено из пролетарской программы мира; но оно не может претендовать на *абсолютное* значение: наоборот, оно ограничено для нас встречными и глубоко-прогрессивными тенденциями исторического развития. Если это «право» должно быть—путем революционной силы—противопоставлено империалистическим мето-

дам централизма, закабаляющего слабые и отсталые народы и попирающего очаги национальной культуры, то, с другой стороны, пролетариат не может позволить «национальному принципу» стать поперек дороги неотразимому и глубоко-прогрессивному стремлению современного хозяйства планомерно организоваться на всем нашем континенте и, далее, на всем земном шаре. Империализм есть капиталистически-хищническое выражение этой тенденции хозяйства—окончательно вырваться из идиотизма национальной ограниченности, как оно вырвалось в свое время из идиотизма ограниченности деревенской и областной. Борясь против империалистической формы хозяйственной централизации, социализм не только не выступает против самой тенденции, но, наоборот, делает ее своим собственным руководящим принципом.

С точки зрения исторического развития, как и с точки зрения задач социал-демократии, централизующая тенденция современного хозяйства является *основной*, и за ней должна быть обеспечена полная возможность выполнения ее поистине освободительной исторической миссии: *постройки объединенного мирового хозяйства*, независимого от национальных рамок и государственно-таможенных застав, подчиненного только свойствам почвы, недр земных, климата и потребностям разделения труда. Поляки, эльзасцы, далматинцы, бельгийцы, сербы и еще не захваченные малые и слабые европейские нации лишь в том случае могут быть восстановлены или впервые утверждены в тех национальных очертаниях, к которым они тяготеют, и, главное, лишь в той мере смогут в этих очертаниях оставаться и свободно вести свое культурное существование, в какой национальные группировки перестанут быть хозяйственными группировками, не будут связаны с государственными границами, не будут экономически отделены друг от друга и противопоставлены друг другу. Другими словами: для того, чтобы поляки, сербы, румыны и пр. могли создать действительно нестесненные национальные объединения, нужно, чтоб были уничтожены расщепляющие их ныне на части государственные границы; нужно, чтоб рамки *государства, как хозяйственной, а не национальной организации* раздвинулись, охватив всю капиталистическую Европу, изрезанную таможнями и границами и раздираемую ныне войной. Предпосылкой самоопределения больших и малых наций Европы является государственное объединение самой Европы. Только под кровлей

6*

демократически-объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономических антагонизмов, на основе действительного самоопределения.

Эта прямая и непосредственная зависимость национального самоопределения слабых народов от всего европейского режима исключает возможность для пролетариата ставить вопрос, напр., о независимости Польши или объединении всех сербов *вне европейской революции*. Но это, с другой стороны, означает, что право на самоопределение, как составная часть пролетарской программы мира, имеет не «утопический», а революционный характер. Это соображение направляется по двум адресам: против немецких Давидов [92]) и Ландсбергов, которые с высоты своего империалистического «реализма» шельмуют принцип национальной независимости, как реакционную романтику; и против упростителей [93]) из нашего революционного лагеря, которые объявляют этот принцип осуществимым только при социализме и этим избавляют себя от необходимости дать принципиальный ответ на национальные вопросы, в упор поставленные войной.

Между нашим нынешним общественным состоянием и социализмом пролегает еще большая эпоха *социальной революции*, т.-е. эпоха открытой борьбы пролетариата за государственную власть, завоевания ее и применения этой власти в целях полной демократизации общественных отношений и систематического преобразования капиталистического общества в социалистическое. Это эпоха не умиротворения и успокоения, а, наоборот, высшего напряжения социальной борьбы, эпоха народных восстаний, войн, расширяющихся опытов пролетарского режима, социалистических реформ. Эта эпоха потребует от пролетариата практического, т.-е. непосредственно-действенного, ответа на вопрос о дальнейших условиях существования нации и ее взаимоотношениях с государством и хозяйством.

IV. Соединенные Штаты Европы

Мы пытались выше установить, что экономическое и политическое объединение Европы является необходимой предпосылкой самой возможности национального самоопределения. Как лозунг *национальной независимости* сербов, болгар, греков и пр.

остается голой абстракцией без дополняющего его лозунга *федеративной балканской республики*, играющего такую огромную роль во всей политике балканской социал-демократии, так в общеевропейском масштабе принцип «права» на самоопределение может получить плоть и кровь только в условиях европейской федеративной республики.

Но если на Балканском полуострове лозунг демократической федерации стал чисто-пролетарским, то тем более это относится к Европе, с ее несравненно более глубокими капиталистическими антагонизмами.

Непреодолимой трудностью для буржуазной политики является уничтожение «внутренних» европейских таможен,— а без этого междугосударственные третейские суды и кодексы будут обладать не большей прочностью, чем, напр., бельгийский нейтралитет. Стремление к объединению европейского рынка, порождаемое—наравне со стремлением к захвату отсталых не-европейских стран — развитием капитализма, наталкивается на могущественное сопротивление самих же аграрных и капиталистических классов, в руках которых таможенный аппарат в сочетании с аппаратом милитаризма (без которого первый—ничто) является незаменимым орудием эксплоатации и обогащения.

Венгерская финансовая и промышленная буржуазия противится экономическому объединению с капиталистически более развитой Австрией. Австро-венгерская буржуазия непримиримо относится к идее таможенной унии с более сильной Германией. С другой стороны, германские аграрии никогда добровольно не примут уничтожения хлебных пошлин. Что экономические интересы имущих классов центральных империй не так легко согласовать с интересами англо-франко-русских капиталистов и аграриев, об этом достаточно красноречиво свидетельствует нынешняя война. Наконец, несогласованность и несогласуемость капиталистических интересов в среде самих союзников еще более очевидна, чем в центральных империях. В этих условиях сколько-нибудь полное экономическое объединение Европы *сверху*, путем соглашения капиталистических правительств, является чистейшей утопией. Тут дело не может итти дальше частичных компромиссов и полумер. Тем самым экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, становится революционной зада-

чей европейского пролетариата в его борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием—милитаризмом.

Соединенные Штаты Европы—без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии—являются поэтому важнейшей составной частью пролетарской программы мира.

Идеологи и политики германского империализма выдвигали не раз, особенно в начале войны, свою программу европейских или, по крайней мере, средне-европейских (без Франции и Англии, с одной стороны, России—с другой) «Соединенных Штатов». Программа насильственного объединения Европы так же характерна для тенденций немецкого империализма, как для французских тенденций—программа насильственного расчленения Германии.

Если б немецкие армии одержали ту решительную победу, на которую в Германии рассчитывали в первую эпоху войны, германский империализм сделал бы, несомненно, гигантскую попытку осуществить принудительный военно-таможенный союз европейских государств, весь построенный на изъятиях и компромиссах, которые свели бы к минимуму прогрессивное значение объединения европейского рынка. Незачем говорить, что при этих условиях не могло бы быть и речи об автономии наций, насильственно связанных в карикатуру Европейских Соединенных Штатов. Такова именно перспектива, которую выдвигали иные оппоненты против защищаемой нами программы Соединенных Штатов Европы в доказательство того, что эта идея может, при известных условиях, получить «реакционное» монархически-империалистическое осуществление. Между тем, именно эта перспектива является самым ярким свидетельством в пользу революционной жизненности лозунга Соединенных Штатов. Если б немецкому милитаризму удалось в самом деле насильственное полуобъединение Европы, как прусский милитаризм осуществил в свое время полуобъединение Германии, каков был бы центральный лозунг европейского пролетариата? Расторжение навязанного европейского единства и возвращение всех народов под кровлю изолированных национальных государств? Восстановление «автономных» таможен, «национальной» монеты, «национального» социального законодательства и пр.? Разумеется, нет. Программой революционного европейского движения стало бы уничтожение насильственной, антидемократической *формы* осуществленного единства при сохранении и дальнейшем развитии его основ—в виде полного уничтожения таможенных

перегородок, объединения законодательства, прежде всего рабочего и пр. Другими словами: лозунг Соединенных Штатов Европы—*без монархий и постоянных армий*—стал бы в указанных условиях объединяющим и направляющим лозунгом европейской революции.

Возьмем второй случай—исход войны «в ничью». Еще в самом начале войны известный профессор Лист, пропагандист «объединенной Европы», доказывал, что в случае, если бы Германии не удалось победить своих противников, европейское объединение все равно произошло бы—даже еще полнее, по мнению Листа, чем в случае германской победы. При все возрастающей потребности в экспансии (расширении) враждебно противостоящие друг другу, но не способные в то же время друг с другом справиться, европейские государства продолжали бы мешать друг другу выполнить свою «миссию» на Ближнем Востоке, в Африке и Азии и оказались бы повсюду оттесняемы Соединенными Штатами Америки и Японией. Именно при исходе войны «в ничью» выдвинется, по мысли Листа, на передний план необходимость экономического и военного соглашения европейских великих держав—против слабых и отсталых народов и, прежде всего, разумеется, против собственных рабочих масс. Выше мы указали уже, какие огромные препятствия стоят на пути осуществления этой программы. Преодоление этих препятствий, хотя бы только наполовину, означало бы создание империалистического треста европейских государств, хищнического товарищества на паях. И эта перспектива неосновательно выдвигается подчас, как доказательство «опасности» лозунга Соединенных Штатов, тогда как на самом деле является самым ярким доказательством его реалистического и революционного значения. Если б капиталистическим государствам Европы удалось сплотиться в империалистический трест, это, разумеется, означало бы шаг вперед по сравнению с *нынешним* состоянием, ибо прежде всего создавало бы объединенную общеевропейскую материальную базу для рабочего движения. Пролетариату и в этом случае приходилось бы бороться не за возврат к «автономному» национальному государству, а за превращение империалистического треста государств в республиканскую европейскую федерацию.

Об этих широких планах объединения Европы *сверху* говорят, однако, тем меньше, чем дальше подвигается война, обнаруживающая полную неспособность милитаризма справиться с во-

просами, вызвавшими войну. На смену империалистическим «Соединенным Штатам Европы» выступили планы экономического объединения Австро-Германии, с одной стороны, четверного Согласия—с другой, с боевым тарифом и дополняющим его милитаризмом друг против друга. После сказанного выше незачем пояснять, какое огромное значение, при осуществлении этих планов, получила бы в политике пролетариата обоих государственных «трестов» борьба против воздвигнутой ими таможенной и военно-дипломатической стены—за экономическое объединение Европы.

Но сейчас, после столь многообещающего начала русской революции, у нас есть все основания надеяться на то, что еще в течение этой войны развернется во всей Европе могущественное революционное движение. Ясно, что оно сможет успешно развиваться и притти к победе только как *общеевропейское*. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель. Наши социал-патриоты указывают на опасность, грозящую русской революции со стороны германского милитаризма. Эта опасность несомненна, но это не единственная опасность. Английский, французский, итальянский империализм является не менее грозным врагом русской революции, чем военная машина Гогенцоллерна. Спасение русской революции—в перенесении ее на всю Европу. Если б революционное движение развернулось в Германии, немецкий пролетариат искал бы и нашел бы революционный отклик во «вражеских» странах Запада, и если бы в одной из стран Европы пролетариат вырвал из рук буржуазии власть, он был бы вынужден, хотя бы только для того, чтоб удержать эту власть в своих руках, немедленно поставить ее на помощь революционному движению в других странах. Иными словами: установление прочного режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимо только на протяжении всей Европы, стало быть, в форме европейской республиканской федерации. Государственное объединение Европы, не достигнутое ни силою оружия, ни промышленными и дипломатическими договорами, встало бы в этом случае, как неотложная задача победоносного революционного пролетариата.

Соединенные Штаты Европы есть лозунг революционной эпохи, в которую мы вступили. Какой бы ход ни приняли в дальнейшем военные действия; как бы дипломатия ни подвела итоги нынешней войне; каким бы темпом ни пошло в ближайший период развитие революционного движения, лозунг Соединенных Шта-

тов Европы получит во всех случаях огромное значение, как политическая формула борьбы европейского пролетариата за власть. В этой программе находит свое выражение тот факт, что национальное государство пережило себя—как рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы и, тем самым, как государственная форма диктатуры пролетариата. Наше отрицание «защиты отечества», как пережившей себя политической программы пролетариата, перестает быть чисто-отрицательным актом идейно-политической самообороны, а получает все свое революционное содержание лишь в том случае, если консервативной защите устаревшего национального отечества мы противопоставляем прогрессивную задачу создания нового, более высокого «отечества» революции—республиканской Европы, исходя из которой пролетариат только и сможет революционизировать и организовать весь мир.

В этом, между прочим, ответ тем, которые догматически спрашивают: «почему объединение Европы, а не всего мира?». Европа не только географический термин, а и некоторая экономическая и культурно-историческая общность. Европейской революции не приходится дожидаться революции в Азии и Африке, ни даже в Австралии и Америке. А, между тем, победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии,—и наоборот. Настоящую войну называют мировой, но воюет-то, даже и после вмешательства Соединенных Штатов, все-таки Европа. И революционные проблемы стоят, прежде всего, пред европейским пролетариатом.

Само собою разумеется, что Соединенные Штаты Европы станут лишь одной из двух осей *мировой* организации хозяйства. Другой осью явятся Соединенные Штаты Америки.

Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-Демократе» [94]) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уро-

вень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать—так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения,—что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире.

Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках, значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма. Вальян [95]) до конца дней своих считал Францию обетованной землей социальной революции и именно в этом смысле стоял за ее защиту до конца. Ленч [96]) и др.— одни лицемерно, другие искренно — считают, что поражение Германии означает в первую голову разрушение основы социальной революции. Наконец, наши Церетели и Черновы, воспроизводя в наших национальных условиях печальнейший опыт французского министериализма, клянутся, что их политика служит делу революции и не имеет поэтому ничего общего с политикой Геда и Самба. Не нужно вообще забывать, что в социал-патриотизме, на-ряду с вульгарнейшим реформизмом, подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство—по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям—призванным ввести человечество в социализм или в «демократию». Если б победоносная революция, действительно, мыслима была в пределах одной более подготовленной нации, этот мессианизм, связанный с программой национальной обороны, имел бы свое относительное историческое оправдание. Но он его на самом деле не имеет. Бороться за сохранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают интернациональные связи пролетариата, значит фактически подкапываться под революцию, кото-

рая не может не начаться на национальной базе, но которая не может на ней завершиться при нынешней экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств, никогда еще не раскрывавшейся с такой силой, как именно в нынешней войне. Этой взаимозависимости, которая будет прямо и непосредственно обусловливать согласование действий европейского пролетариата в революции, и дает выражение лозунг Соединенных Штатов Европы.

Социал-патриотизм, который принципиально, если не всегда фактически, есть доведение до последних выводов и применение к империалистической эпохе социал-реформизма, предлагает нам в нынешней мировой катастрофе направлять политику пролетариата по линии «меньшего зла», примыкая к одной из воюющих группировок. Мы отбрасываем этот метод. Мы говорим, что подготовленная всем предшествующим развитием европейская война поставила ребром *основные* проблемы современного капиталистического развития *в целом*, и что линия поведения международного пролетариата и его национальных отрядов должна определяться не вторичными политическими и национальными признаками, не проблематическими выгодами военного перевеса той или другой стороны, — при чем за эти гадательные выгоды приходится авансом платить полным отказом от самостоятельной политики пролетариата,—а основным антагонизмом международного пролетариата и капиталистического режима в целом.

Эта единственно принципиальная постановка вопроса имеет по самому существу своему социально-революционный характер. И только она дает теоретическое и историческое оправдание тактике революционного интернационализма.

Отказывая государству—не от имени пропагандистского кружка, а от имени важнейшего класса— в поддержке во время величайшей катастрофы, интернационализм не просто пассивно уходит «от греха», но говорит, что судьба мирового развития не связана для нас больше с судьбой национального государства, более того, что это последнее стало тисками развития и должно быть преодолено, т.-е. заменено более высокой хозяйственно-культурной организацией на более широком фундаменте. *Если бы проблема социализма могла быть совместима с рамками национального государства, то она, тем самым, была бы совместима с национальной обороной.* Но проблема социализма встает пред нами на империалистической основе, то-есть в таких условиях,

когда сам капитализм вынужден насильственно ломать им же установленные национально-государственные рамки.

Империалистическое полуобъединение Европы могло бы быть достигнуто, как мы старались показать, в результате как решительной победы одной группы великих держав над другой, так и самого нерешительного окончания войны. И в том и другом случае объединение Европы означало бы полное попрание принципа национального самоопределения для всех слабых наций и сохранение и централизацию всех сил и орудий европейской реакции: монархии, постоянной армии и тайной дипломатии.

Демократическое, республиканское объединение Европы, действительно способное обеспечить свободу национального развития, возможно только путем революционной борьбы против милитаристического, империалистического, династического централизма, путем восстаний в отдельных странах, путем слияния этих восстаний в общеевропейскую революцию. Но победоносная европейская революция—каковы бы ни были ее перипетии в отдельных странах,—за отсутствием других революционных классов, может передать власть только пролетариату. Следовательно, Европейские Соединенные Штаты прежде всего представляют собою форму—единственно мыслимую форму—диктатуру европейского пролетариата.

Л. Троцкий, «Программа мира», изд. «Книга», Петербург 1917 г.

Послесловие (1922 г.)

«Программа мира» тесно примыкает, по своему содержанию, к работе «Война и Интернационал».

Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-

государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета. Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция [97]) и пр. являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках. До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы.

Что Европа представляет не только географический, но и хозяйственно-политический термин, об этом ярко свидетельствуют события последних лет: упадок Европы, рост могущества Соединенных Штатов, попытки Ллойд-Джорджа «спасти» Европу при помощи комбинации методов империализма и пацифизма.

Сейчас европейское рабочее движение находится в периоде оборонительных действий, собирания сил и подготовки. Новый период открытых революционных боев за власть неизбежно выдвинет вопрос о государственных взаимоотношениях народов революционной Европы. Единственным программным решением этого вопроса являются Европейские Соединенные Штаты. Поскольку опыт России выдвинул советское государство, как наиболее естественную форму диктатуры пролетариата, и поскольку пролетарский авангард других стран принципиально усыновил эту государственную форму, можно полагать, что, при возрождении непосредственной борьбы за власть, европейский пролетариат выдвинет программу Федеративной Европейской Советской Республики. Опыт России в этом отношении крайне поучителен. Он свидетельствует о полной совместимости при режиме пролетариата самой широкой национальной и культурной автономии с хозяйственным централизмом. В этом смысле лозунг Соединенных Штатов Европы, переведенный на язык советского государства, не только сохраняет весь свой смысл, но еще только обещает обнаружить свое огромное значение в предстоящую эпоху социальной революции.

НА ЭТОМ ПУТИ ВЫХОДА НЕТ

В заседании Государственной Думы 3 марта 1916 г. г. Милюков [98]) возразил на критику слева: «Я не знаю наверное, приведет ли правительство нас к поражению... Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению, и недаром этого так жаждет наш враг. Если бы мне сказали, что организовать Россию для победы значит организовать ее для революции, я сказал бы: лучше оставьте ее на время войны так, как она была, неорганизованной». Эта цитата интересна не только как свидетельство того, что в прошлом году г. Милюков не в одном интернационализме, как ныне, но и во всей вообще революции видел агентуру кайзера: для либерального сикофанта такая оценка была в самый раз. Гораздо интереснее пророчество г. Милюкова: «я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению». Откуда такая уверенность? В качестве историка, г. Милюков не мог не знать, что были революции, которые приводили к победам. Но в качестве империалистического политика, г. Милюков не мог не понимать, что идея захвата Константинополя, Армении и Галиции не способна зажечь пламя энтузиазма в груди революционных масс. Милюков предчувствовал и даже твердо знал, что в *его* войне революция не может принести с собой победы.

Правда, когда революция разразилась, г. Милюков попытался немедленно же запрячь ее в колесницу союзного империализма. Именно за это его приветствовали восторженным металлическим лязгом все несгораемые кассы Лондона, Парижа и Нью-Иорка. Но эта попытка наткнулась на полуинстинктивный отпор рабочих и солдат. Г. Милюков оказался выброшен из министерства: революция, как видим, действительно не принесла ему победы.

Милюков ушел, но осталась война. Составилось коалиционное правительство,—из мелкобуржуазных демократов и притаивших до поры до времени империалистические когти представителей буржуазии. Нигде, может быть, эта комбинация не обнаружила в такой мере свой противореволюционный характер, как в области международной политики, т.-е. прежде всего войны. Капиталистическая буржуазия послала в это правительство своих представителей во имя «наступательных действий на фронте

и неизменной верности нашим союзникам» (резолюция кадетской конференции). Мелкобуржуазные демократы, считающие себя социалистами, вошли для того, чтобы—«не отрываясь» от капиталистической буржуазии и ее мировых союзников—закончить войну по возможности скорее и по возможности безобидно для всех участников: без аннексий, без контрибуций и даже с гарантией национального самоопределения.

Капиталистические министры отказывались от аннексий—до более благоприятного времени: за эту чисто словесную уступку они получили от своих демократических сотрудников обязательство не выходить из строя союзников, подтянуть армию и сделать ее способной к наступлению. Отказываясь (пока что) от Константинополя, господа империалисты приносили довольно сомнительную жертву, так как в результате трехлетней войны путь до Константинополя стал не короче, а длиннее. Демократы же, в благодарность за платонический отказ либералов от проблематического Константинополя, перенимали все наследство царской дипломатии, признавали все заключенные его договоры и ставили весь авторитет революции на службу дисциплине и наступлению. Эта сделка означала прежде всего отказ «вождей» революции от самостоятельной международной политики: для мещански-малодушной партии, которая, будучи в большинстве, добровольно отказалась от власти, такой вывод был только естественным. Предоставив князю Львову создавать революционную администрацию, г-ну Шингареву—воссоздавать финансы революции, а г-ну Коновалову—организовать промышленность, мелкобуржуазная демократия не могла не предоставить г.г. Рибо, Ллойд-Джорджу и Вильсону [99]) руководство международными судьбами революционной России.

Если, таким образом, революция в нынешнем своем фазисе не изменила характера войны, зато она произвела глубочайшее действие на живую силу этой войны, армию. Старая принудительная дисциплина исчезла. Солдат спросил себя: во имя чего он должен проливать свою кровь, которую он теперь стал ценить дороже, чем при царизме? Всплыл и стал ребром вопрос о тайных договорах. Воссоздать «боеспособность» армии в таких условиях означало сломить революционно-демократическое сопротивление солдат, усыпить их пробудившуюся политическую совесть и—впредь до возвещенного в принципе «пересмотра» старых договоров—поставить революционную армию на службу все тем же

старым целям. Эта работа оказалась не по плечу октябристскому бурбону Гучкову. Для выполнения ее необходим был «социалист». Такой отыскался в лице «самого популярного» из министров— Керенского.

Теоретический багаж свой гр. Керенский развернул на одном из первых заседаний Всероссийского Съезда. Трудно себе представить что-нибудь более плоское, чем эти самодовольно-провинциальные рассуждения о французской революции и о марксизме. Политические формулы г. Керенского также не отличаются ни яркостью, ни глубиной. Но он обладает несомненным талантом придавать обывательщине революционную декоративность. Интеллигентный и полуинтеллигентный мещанин узнает в Керенском себя самого, только в «стилизованном» виде, и притом не в обыденной обстановке, а всегда на подмостках героической пьесы.

Неэкономно расходуя свою популярность для ускоренной подготовки наступления (по общему империалистическому фронту союзников), Керенский естественно становится излюбленной фигурой имущих классов. Не только г. Терещенко с удовлетворением отзывается о том, как высоко наши союзники ценят «труды Керенского»; не только строгая к левым министрам «Речь» [100]) неизменно подчеркивает свое благорасположение к военно-морскому министру, но и сам Родзянко считает своим долгом отметить «высокую патриотическую деятельность, которую проявляет военный и морской министр Керенский»: «этот молодой человек,— по словам октябристского председателя Думы,—с удвоенной силой каждый день воскресает (?) для блага родины и созидательной работы». Это отрадное обстоятельство, конечно, нисколько не мешает и Родзянке надеяться на то, что, когда «созидательная деятельность» Керенского достигнет надлежащей высоты, на смену ему вернется... Гучков.

Тем временем ведомство г. Терещенко пытается склонить союзников к принесению своих империалистических аппетитов на алтарь революционной демократии. Трудно представить себе работу более бесплодную и при всей своей трагической унизительности—более смехотворную! Когда г. Терещенко в стиле передовиц провинциальной демократической газеты объясняет прожженным дельцам мировых хищений, что русская революция является могучим идейным движением, выявившим волю русского народа в стремлении к равенству... и пр.; когда он дальше «не сомневается» в том, что «тесное единение между Россией и ее

союзниками (прожженными дельцами мировых хищений) обеспечит в полной мере общее соглашение по всем вопросам, на основании выставленных русской революцией принципов», то невозможно отделаться от чувства брезгливости перед этой смесью бессилия, лицемерия и простоватости.

Буржуазия обеспечила, разумеется, за собою и в этом документе все решающие слова: «непоколебимая верность общему союзному делу», неприкосновенность соглашения, исключающего сепаратный мир, и отложение пересмотра задач войны до «благоприятных условий». Это значит, что до «благоприятных условий» русский солдат призывается проливать свою кровь за те самые империалистические задачи войны, которые не подлежат опубликованию, но подлежат пересмотру. И весь политический кругозор Церетели раскрывается в том самодовольстве, с каким он рекомендовал вниманию Всероссийского Съезда этот дипломатический документ, в котором «ясно и открыто, языком революционного правительства сказано о том, к чему стремится русская революция»... Одного нельзя отрицать: трусливо-бессильные увещания по адресу Джорджа и Вильсона выдержаны в тех же самых тонах, что и увещания Исполнительного Комитета по адресу Шейдеманов, Гендерсонов и Тома [101]). В этом есть во всяком случае единство линии и—кто знает—может быть, даже единство пера.

Исчерпывающую оценку последней дипломатической ноты Терещенко—Церетели мы находим там, где на первый взгляд трудно было ее ожидать: в «l'Entente», издающейся в Петрограде газете на французском языке, официозе тех самых союзников, которым Церетели с Черновым клянутся в «непоколебимой верности».

«Мы охотно признаем,—говорит газета,—что в дипломатических кругах этой ноты дожидались с известным беспокойством»... Вообще не легко, по признанию официоза, найти формулы для расходящихся интересов союзников. «Что же касается в частности России, то положение Временного Правительства было крайне деликатно и полно опасностей. С одной стороны, нужно было считаться с точкой зрения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и по возможности отразить ее; с другой стороны, приходилось щадить международные отношения и дружественные державы, которым нельзя ведь навязать законы Совета.

«И вот Временное Правительство блестяще и с честью выбралось из этого пагубного тупика»...

В документе, который мы имеем перед глазами, главные пункты революционного катехизиса надлежащим образом вписаны, зарегистрированы, скреплены авторитетом Временного Правительства. Ни в чем нет недостатка. Все прекрасные мечты, все великие слова из словаря стоят на своем месте. Тут есть и равенство, свобода и справедливость в международных отношениях... Donc tout y est, словом тут есть все... Самые красные товарищи не смогут ничего возразить; с этой стороны Временному Правительству нечего больше бояться...

Но... союзники? — спрашивает газета.—А вот в том-то и и чудо! С помощью исследования и чтения между строк (!), с помощью доброй воли и дружелюбия по отношению к молодой русской демократии, союзники тоже найдут там и здесь в ноте... несколько сладких мотивов, способных укрепить их несколько пошатнувшееся доверие. Они знают хорошо, что положение Временного Правительства не очень легкое, и что его прозу не следует брать слишком строго... Основная гарантия, которую правительство дает союзникам, состоит в том, что... подписанное в Лондоне 5 сент. 1914 г. соглашение не будет пересмотрено. Этого с нас сейчас достаточно!

И с нас также. Трудно в самом деле дать более оскорбительную оценку дипломатической «прозе» Терещенко—Церетели, чем это делает официозная газета, во французском посольстве почерпающая свои внушения. Эта оценка, отнюдь не неприятная для г. Терещенко или для тех, кто стоит за его спиною, поистине убийственна для «созидательной работы» Церетели, который с такой горячностью рекомендовал нам «ясный, открытый язык» своего документа. «Там нет ни одной недомолвки»,—клялся он перед Съездом, выполняя данное ему поручение: «успокоить совесть самых красных товарищей».

Но они ошибаются, эти авторы дипломатической прозы: они никого не успокоят. Как это знаменательно, что на призывы Керенского и на увещания и угрозы Церетели жизнь отвечает таким страшным ударом, как возмущение черноморских моряков. Нам говорили до сих пор, что там—цитадель Керенского и оплот наступательного «патриотизма». Действительность снова дала безжалостное опровержение. Оставаясь на почве старых империалистических соглашений и обязательств во внешней политике, капитулируя перед имущими классами—во внутренней, нельзя связать армию единством революционного подъема и внутренней

дисциплины. А капральская палка Керенского пока еще, к счастью, слишком коротка.

На том пути, который так многословно защищают на Всероссийском Съезде господа министры, выхода нет.

«Вперед» № 3,
28 (15) июня 1917 г.

ПАЦИФИЗМ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИЗМА [102])

Никогда еще не было на свете столько пацифистов, как теперь, когда люди убивают друг друга на всех больших дорогах нашей планеты. У каждой эпохи есть не только своя техника и свои политические формы, но и свой стиль лицемерия. Когда-то народы истребляли друг друга во славу христианского учения о любви к ближнему. Теперь Христа цитируют только отсталые правительства. Передовые народы режут друг другу глотки под знаменем пацифизма. Вильсон во имя Лиги Наций и прочного мира вовлек Соединенные Штаты в войну. Керенские и Церетели призывают к наступлению —во имя «скорейшего заключения мира». Этой эпохе не хватает своего Ювенала [103]), негодующего сатирика. Хотя нужно сказать, что самые могущественные сатирические средства рискуют оказаться бессильными и бледными перед торжествующей подлостью и пресмыкающейся глупостью,— двумя стихиями, разнузданными войной.

Пацифизм—того же исторического корня, что и демократия. Буржуазия сделала огромную историческую попытку рационализировать человеческие отношения, т.-е. вытеснить слепую и тупую традицию построениями критикующего разума. Цеховые стеснения промышленности, сословные привилегии, монархическое всевластие—все это было традиционным наследием средневековья. Буржуазная демократия требовала юридического равенства, свободы конкуренции и парламентских методов управления общественными делами. Она естественно перенесла свой рационалистический критерий и на международные отношения. Здесь она натолкнулась на войну, как на такой метод разрешения вопросов, который представляет собою полное отрицание «разума». Она стала доказывать народам—на языке поэзии, нравственной философии и бухгалтерии,—что им выгоднее установить нормы вечного мира. Таковы логические корни буржуазного пацифизма.

Уже от рождения в него был заложен основной порок, характеризующий буржуазную демократию: острие ее критики скользит по поверхности политических явлений, не смея проникать в их экономическую основу. С идеей вечного мира на основах «разумного» соглашения капиталистическая действительность поступила еще более беспощадно, чем с идеями свободы, равенства и братства. Именно капитализм, который рационализировал (пропитал разумом) технику, не рационализировав общественной организации хозяйства, создал такие орудия взаимоистребления, о которых не смело и мечтать «варварское» средневековье.

Постоянное обострение международных отношений и безостановочный рост милитаризма совершенно вырывали объективную почву из-под ног пацифизма. Но, с другой стороны, эти же условия призвали его на наших глазах к новой жизни, которая отличается от прежней, как кроваво-багряный закат от розового восхода.

Предшествовавшие нынешней войне десятилетия были эпохой так называемого *вооруженного мира*. Все это время совершались, правда, непрерывные походы и шли войны, но—в колониях. Разыгравшиеся на территории отсталых и слабых народов, эти войны привели к разделу Африки, Полинезии и Азии и подготовили нынешнюю мировую войну. Но так как в самой Европе после 1871 г. не было войны,— несмотря на целый ряд острых конфликтов, то общественное мнение мелкобуржуазной улицы систематически приучалось видеть в растущей армии гарантию мира, который в конце концов будет увенчан международнс-правовыми учреждениями. Капиталистические правительства и пушечные короли ничего не имели, разумеется, против такой «пацифистской» оценки милитаризма. А мировые конфликты тем временем накоплялись, подготовляя нынешний взрыв.

Теоретически и политически пацифизм стоит на той же почве, что и учение о гармонии социальных интересов. Антагонизмы между капиталистическими нациями имеют те же экономические корни, что и антагонизм между классами. И если допустить возможность постепенного притупления классовых противоречий, то отсюда рукой подать до постепенного смягчения и регулирования международных отношений.

Очагом демократической идеологии со всеми ее традициями и иллюзиями являлась мелкая буржуазия. За вторую половину XIX столетия она успела внутренне переродиться, но она вовсе

не сошла со сцены. В то время, как развитие капиталистической техники бесповоротно подкопало ее экономическую роль, всеобщее избирательное право и всеобщая воинская повинность придали ей, благодаря ее численности, видимость политического значения. Крупный капитал, поскольку он не стер ее с лица земли, подчинил ее себе при помощи системы кредита. Политическим представителям крупного капитала оставалось подчинить ее себе на парламентской арене, открывши фиктивный кредит ее поизносившимся теориям и предрассудкам. Такова причина, в силу которой мы за последнее десятилетие до войны наблюдали, на-ряду с могущественным напряжением реакционно-империалистической политики, обманчивый расцвет буржуазной демократии с ее реформизмом и пацифизмом. Капитал подчиняет своим империалистическим целям мелкую буржуазию при помощи ее собственных предрассудков.

Может быть, ярче всего этот двусторонний процесс наблюдался во Франции. Это страна по преимуществу финансового капитала, который опирается на наиболее консервативную в мире и еще очень многочисленную мелкую буржуазию деревни и города. Благодаря иностранным займам, колониям и союзу Франции с Россией и Англией [104]), финансовые верхи третьей Республики [105]) оказались вовлечены во все интересы и столкновения мировой политики. Между тем, французский мелкий буржуа—провинциал до мозга костей. Он всегда питал инстинктивное отвращение к географии и всю свою жизнь больше всего боялся войны—уже по тому одному, что у него в большинстве случаев всего один сын, который должен наследовать его дело вместе с его мебелью. Этот мелкий буржуа посылал в парламент радикала, который обещал ему охранять мир—с одной стороны, при помощи «Лиги Наций» и обязательного третейского суда, с другой стороны—при содействии русских казаков, которые должны держать в узде германского кайзера. Радикальный депутат из провинциальных адвокатов приезжал в Париж не только с самыми лучшими пацифистскими намерениями, но и без твердого представления о том, где находится Персидский залив, и кому и зачем нужна Багдадская железная дорога. Парламентское большинство, т.-е. совокупность таких радикально-«пацифистских» депутатов, выдвигало из своей среды радикальное министерство, которое немедленно же оказывалось опутано по рукам и по ногам всеми ранее заключенными дипломатическими и военными обя-

зательствами и финансовыми интересами французской биржи в России, Африке и Азии. Не переставая источать из себя пацифистские фразы, министерство и парламент продолжали автоматически вести мировую политику, которая вовлекла Францию в войну.

Английский или американский пацифизм, при всем различии социальных условий и форм идеологии (или при ее отсутствии, как в Америке), выполняет ту же самую по существу работу: он дает выход опасениям мелкой и средней буржуазии перед мировыми сотрясениями, в которых она может лишь потерять последние остатки своей самостоятельности; он убаюкивает ее сознание бесплотными и бесплодными идеями разоружения, международного права, мирового трибунала, чтобы затем выдать ее в решающую минуту с головой империалистическому капиталу, который все мобилизовал ныне для своих целей: технику, церковь, искусство, мещанский пацифизм и патриотический «социализм».

«Мы всегда были против войны, наши депутаты, наши министры были против войны,—говорит французский обыватель,— следовательно, война нам навязана,—и во имя осуществления наших пацифистских идеалов мы должны довести ее до конца». И председатель французских пацифистов, барон д'Эстурнель де-Констан, скрепляет эту пацифистскую философию империалистической войны торжественным jusqu'au bout (до конца).

Английской бирже для ведения войны понадобились на первом плане пацифисты, как либерал Асквит и радикальный демагог Ллойд-Джордж. «Если эти люди ведут войну,—говорят себе английские народные массы,—стало быть, правда на нашей стороне». Таким образом и пацифизму отведено соответственное место в экономии войны, на-ряду с удушливыми газами и дутыми государственными займами.

Еще ярче служебная роль мелкобуржуазного пацифизма по отношению к империализму обнаружилась в Соединенных Штатах. Действительную политику там более, чем где бы то ни было, делают банки и тресты. Уже до войны Соединенные Штаты, благодаря могущественному развитию индустрии и внешней торговли, систематически двигались в направлении мировых интересов и мировой политики. Европейская война придала этому империалистическому развитию лихорадочный темп. В то время, как многие благочестивые люди (даже Каутский) [106]) надеялись на то, что «ужасы» европейской бойни внушат американской бур-

жуазии отвращение к милитаризму, действительное влияние европейских событий на американскую политику шло не психологическими, а материальными путями и привело к прямо противоположным результатам. Экспорт Соединенных Штатов, достигший в 1913 г. суммы в 2.466 миллионов долларов, поднялся в 1916 г. до совершенно невероятной высоты в 5.481 миллионов *)! Львиную долю этого экспорта доставляет, разумеется, военная индустрия. Внезапное прекращение, после объявления неограниченной подводной войны, вывоза в союзные страны, которые поглотили в 1915 г. американских товаров не менее, как на 3½ миллиарда **), означало не только прекращение притока чудовищных барышей, но и грозило небывалым кризисом всей американской промышленности, перестроившейся на военную ногу. Отсюда обращение капитала к государству: «Ты покровительствовало—под знаменем нейтралитета и пацифизма—развитию военной индустрии: ты обязано теперь обеспечить нам сбыт». Если государство не может обещать немедленного восстановления «свободы морей» (т.-е. свободы наживы на европейской крови), то оно может создать для задыхающейся военной индустрии новый сбыт—в самой Америке. Обслуживание европейской бойни привело таким образом к необходимости сразу, катастрофически милитаризировать Соединенные Штаты.

Эта работа не могла не встретить оппозиции со стороны широких народных масс. Преодолеть их бесформенное недовольство и ввести его в русло патриотического содействия государству и явилось в течение первой четверти нынешнего года центральной задачей внутренней политики Соединенных Штатов. И в том-то и состоит ирония истории, что официальный «пацифизм» Вильсона, как и «оппозиционный» пацифизм Брайана [107]) явились важнейшими средствами для разрешения этой задачи: милитаристического приручения масс.

Брайан поторопился дать весьма шумное выражение естественному отвращению фермеров и вообще «мелких людей» к мировой политике, солдатчине и повышению налогов. Но в то же время, направляя вагонами петиции и депутации к своему пацифистскому коллеге, стоящему во главе государства, Брайан боль-

*) «Monthly summary of origin commerce of the U. S. (December 1916)».

**) В Германию и Австро-Венгрию вывезено менее, чем на... полтора миллиона. В этих цифрах—ключ к распределению «симпатий».

ше всего заботился о том, чтобы заранее сломить революционное острие этого движения: «Если дело дойдет до войны,—телеграфировал Брайан, напр., антивоенному митингу в Чикаго в феврале,—то мы, само собою разумеется, будем все поддерживать правительство; но до этого момента нашим священнейшим долгом является сделать все, что в силах наших, для охранения народа от ужасов войны». В этих немногих словах вся программа мелкобуржуазного пацифизма: «сделать все, что в силах наших, против войны», означает открыть народному возмущению отдушину в форме безобидных манифестаций, давши заранее правительству гарантию в том, что в случае войны оно не встретит со стороны пацифистской оппозиции никаких препятствий.

Ничего другого и не нужно официальному пацифизму, который, в лице Вильсона, успел дать воинствующему капиталу достаточные доказательства своей империалистической «боеспособности». На основании заявления самого Брайана, для того, чтобы справиться с его шумной оппозицией против войны, г. Вильсону нужно было сделать только одно: объявить войну. Г. Вильсон так и сделал, и Брайан целиком перешел в правительственный лагерь. А мелкая буржуазия, и не только она одна, но и широкие рабочие массы говорят себе: «Раз наше правительство с таким общепризнанным пацифистом, как Вильсон, во главе, объявило войну, и раз сам Брайан примкнул в этом деле к правительству, стало быть, это неизбежная война и честная война»... Отсюда понятно, почему ханжески-квакерский пацифизм государственных демагогов так высоко котируется на финансовой и военно-промышленной бирже.

Наш меньшевистски-эсеровский пацифизм, при всем внешнем отличии условий и форм, играет по существу совершенно однородную роль. Вынесенная большинством Всероссийского Съезда Советов резолюция о войне [108]) исходит не только из общего пацифистского осуждения войны, но и из характеристики ее, как империалистической. Борьбу за скорейшее окончание войны Съезд объявляет «важнейшей очередной задачей революционной демократии». Но все эти предпосылки мобилизуются только для того, чтобы притти к выводу: «до тех пор, пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям»...

Пересмотр старых международных договоров Съезд, вслед за Временным Правительством, ставит в зависимость от добровольного согласия союзной дипломатии, которая, по самому существу своему, не хочет и не может ликвидировать империалистический характер войны. «Международные усилия демократии» Съезд, вслед за своими вождями, ставит в зависимость от воли социал-патриотов, теснейшими узами связанных со своими империалистическими правительствами. Добровольно замыкаясь в этот заколдованный круг, поскольку дело идет о «скорейшем окончании войны», большинство Съезда в области практической политики приходит к очень определенному выводу: наступление на фронте. Тот «пацифизм», который оплачивает и дисциплинирует мелкобуржуазную демократию и приводит ее к поддержке наступления, должен, очевидно, встречать самое благожелательное отношение не только со стороны русских, но и со стороны союзных империалистов.

Милюков говорит: «Во имя верности союзникам и старым (захватным) договорам необходимо наступление». Керенский и Церетели говорят: «Хотя старые захватные договоры еще не пересмотрены, необходимо наступление». Аргументы разные, но политика одна. И это не может быть иначе, так как Керенский и Церетели неразрывно связаны в правительстве с партией Милюкова. Фактически, следовательно, социал-пацифизм Данов, как и квакерский пацифизм Брайанов, состоит на службе империализма.

При таком положении главная забота русской дипломатии состоит не в том, чтобы заставить союзную дипломатию от чего-то отказаться и что-то пересмотреть, а в том, чтобы заставить ее поверить, что русская революция вполне надежна и... кредитоспособна. Русский посол Бахметьев в своей речи перед конгрессом Соединенных Штатов, произнесенной 10 июня, именно под этим углом зрения характеризовал деятельность Временного Правительства. «Все эти обстоятельства,—говорил посол,— указывают на то, что власть и значение Временного Правительства растут с каждым днем, что чем дальше, тем больше оно становится способным противодействовать всем тем вносящим разруху элементам, которые проистекают или из попыток реакции, или из агитации крайних левых. В настоящее время Временное Правительство постановило принять самые решительные меры в этом направлении, прибегнуть даже, в случае надобности, к силе,

несмотря на свое постоянное стремление к мирному разрешению вопросов».

Можно не сомневаться в том, что «национальная честь» наших оборонцев остается совершенно спокойной, когда посол «революционной демократии» ревностно доказывает парламенту американской плутократии готовность русского правительства пролить кровь русского пролетариата во имя «порядка», главной составной частью которого является верность союзным капиталистам.

И в те самые часы, когда Бахметьев стоял со шляпой в руке и унизительной речью на устах перед живодерами американской биржи, Церетели и Керенский объясняли «революционной демократии» невозможность обходиться без вооруженной силы против «анархии слева» и грозили разоружением петроградским рабочим и связанным с ними полкам. Мы видим, что эти угрозы пришли как нельзя более во-время: они служили лучшим доводом в пользу русского займа на нью-иоркской бирже. «Вы слышите,—может сказать г. Бахметьев г. Вильсону,—наш революционный пацифизм ничем не отличается от вашего биржевого, и если вы доверяете Брайану, то у вас нет оснований отказать в доверии Церетели».

Теперь остается только спросить: сколько именно потребуется русского мяса и русской крови на внешнем фронте и на внутреннем, чтобы обеспечить русский заем, который должен в свою очередь обеспечить нашу дальнейшую верность союзникам?

«Вперед» № 4,
30 (17) июня 1917 г.

3. I СЪЕЗД СОВЕТОВ [103])

РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ С.-Д. ЧЛЕНОВ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ВОПРОСУ О ВОЙНЕ

(1 июня)

Троцкий указывает на необходимость, прежде всего, поставить вопрос о том, какой классовый характер имеет война, изменила ли она свой характер после русской революции.

—Мы,—говорит оратор,—не боимся кровопролития. Если мы выступаем против войны, то потому, что она была и осталась империалистической. Поскольку русская буржуазия связана с международной биржей и капиталом, война остается борьбой буржуазного класса за мировое господство. При таких условиях усиливать боеспособность армии значит создавать аппарат для империалистических классов новой России. Под всеми градусами широты и долготы, независимо от государственных форм, основная цель нынешней войны остается неизменной. Бессилие нашей буржуазии в том, что она, с одной стороны, еще не овладела аппаратом материальных репрессий,—к ним в настоящее время приступает Керенский,—чтобы подчинить себе армию, а с другой—не усовершенствовала лживую фразеологию, которую западно-европейская буржуазия применяет, чтобы околпачивать массы. Такие речи, какие у нас сейчас произносят Дан, Церетели, Скобелев, но более красноречивые, мы слыхали во Франции в начале войны. Русская буржуазия не имеет опыта в деле обмана масс демократическими выкриками. Так неужели же мы должны взять на себя эту задачу, непосильную для русской буржуазии? Создавать боеспособную армию при таких условиях значит итти против революции. Керенский двигается к этой цели, раскассируя

революционные полки, травя кронштадтцев, делая неизбежным выступление против петроградских революционных полков...

Никто из нас не стоит за сепаратный мир. Но если опасность сепаратного мира существует, то она питается тактикой Временного Правительства. Тайные договоры не опубликованы, союзники отвечают нам одной пощечиной за другой, и армия не видит ответа на вопрос, за что́ она должна проливать кровь. Прошло уже то блаженное время, когда русский солдат умирал по-каратаевски [110]), как «святая скотинка». При таких условиях армия не может не расползаться. Странно думать, что эта материальная и моральная разруха может быть устранена стихотворениями в прозе Керенского. Нам говорят, что надежда на европейскую революцию—утопия. Но возможность создать боеспособную армию при буржуазно-помещичьем правительстве в 200.000 раз гадательнее, чем наступление европейской революции. Нам говорят: «А что, если будет наступление?». Мы отвечаем: Если в Европе не будет революции, то русская свобода все равно будет раздавлена коалиционными силами наших союзников и противников. Все социальные эксперименты, которые навязывает нам ход событий, представляют собою угрозу всему европейскому капиталу. Неужели же он не попытается путем мирового насилия ликвидировать русскую революцию? Кто не верит в возможность европейской революции, тот должен ожидать, что вся наша свобода пойдет прахом.

Троцкий скептически относится к конференции [111]), созываемой Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Дело,—говорит он,—идет о созыве социалистических дипломатов. В Англии, в Германии начинается развязывание революции, и Совет вступает в переговоры с теми «социалистами», которые борются с ней. Наш гость,—английский министр-социалист Гендерсон,—набил три каторжные тюрьмы революционерами. Шейдеман держит в тюрьме Либкнехта. С кем же мы будем совещаться в Стокгольме? С Шейдеманом или с Либкнехтом?.. С Гендерсоном или с Маклиным? Совет должен сказать этим «социалистам»: Потрудитесь прежде всего освободить наших друзей, и только тогда мы будем разговаривать с вами. Мы не можем заседать с палачами. Мы должны быть вместе с их жертвами. Если мы откровенно поставим вопрос, наше слово найдет эхо...

«Новая Жизнь» № 38,
2 июня 1917 г.

НА ПУТИ К РАЗВЯЗКЕ

Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов определился в первый же день: мелкобуржуазные и отсталые рабочие слои представлены на нем элементами кадетского и полукадетского типа; революционный пролетариат представлен большевиками и объединенными интернационалистами. Армия, в которой принудительно организованы самые широкие слои, впервые пробужденные для политической жизни, дала этим обывательски-кадетским политикам неожиданную для них самих опору; но плебейский народный состав этой опоры заставил интеллигентных и полуинтеллигентных мещан—«вождей» на час—усвоить дюжину социалистических выражений и принять страшно подешевевшее теперь имя меньшевика или социалиста-революционера. Таких депутатов на Съезде подавляющее большинство. Они все отражают крайнюю беспомощность обывательски-крестьянской массы, которая оказалась вынуждена, в качестве армии, подавать свой голос прежде, чем революция внесла в ее собственную среду элементы политической организации.

Крестьянско-мещанская масса лишена еще революционного опыта. В вопросе о земле, об организации управления, в продовольственном деле вожди этой массы ведут ее фактически в хвосте кадетских государственных людей, к которым маленькие государственные люди из среды меньшевиков и эсеров преисполнены в глубине души величайшей почтительности.

Социал-демократический авангард пролетариата противостоит сейчас представительству мелкобуржуазной демократии, как непримиримая сила. Руководящие политики мещанства—Церетели, Даны, Чхеидзе—пугают пролетариат призраком изоляции, «как в 1905 г.». Эти люди не понимают, что *никогда русский пролетариат не был так изолирован, как сейчас, в июне 1917 г.*, когда изоляция его совершается при активнейшем пособничестве Данов, Церетели и Чхеидзе... *Вся политическая деятельность министров-социалистов и их инструкторов и помощников выражается сейчас, главным образом, в восстановлении мелкобуржуазной демократии против партии революционного социализма*. Средства, которые пускаются при этом в ход, целиком заимствованы из кадетского арсенала: нужно вести одновременную борьбу не столько против опасности справа, которая, по

словам Церетели, сейчас «не грозна», а против опасности слева, которая подрывает «единство революции». Прикрепляя, насколько хватает сил, крестьянство и мещанство к партии землевладения и крупного капитала, вожди мещанства оказываются бессильными совладать с классовой борьбой пролетариата и ввести ее в русло... «национального единства». В этом и состоит для них опасность слева. Вместо того, чтобы обличать перед крестьянской и мещанской демократией социальное своекорыстие и политическую реакционность крупной буржуазии и указывать народным массам путь революционного единства с передовым пролетариатом,—мещанские лидеры травят дезорганизуемую сверху классовую борьбу пролетариата, как анархию, и пользуются страхом перед этой анархией, как психическим цементом для более тесного сплочения мелкой и крупной буржуазии.

Повторяем. В 1905 г. не было ни одного момента, когда рабочий класс был бы так изолирован политически, как сейчас. В декабре 1905 г. [112]) передовой пролетариат вынужден был принять сражение прежде, чем подоспели тяжелые резервы городских и сельских масс. Но не было и речи о злостной враждебности представительства этих пробуждавшихся низов против пролетариата. Сейчас достигнуто именно это. И если бы были основания предполагать, что политическое развитие пойдет и далее по тому пути, на котором стоят ответственные руководители Всероссийского Съезда,—по пути сплачивания непролетарских масс с буржуазией и изолирования пролетариата, повинного в классовой борьбе,—это значило бы, что высший пункт революции остался позади, что мы систематически вдвигаемся в контр-революционную эпоху, официальным вступлением к которой должен явиться организованный сверху эксперимент гражданской войны.

Но, к счастью, это не так. Было бы величайшей ошибкой судить о дальнейшем движении крестьянских и вообще народных масс по тем насквозь консервативным воззрениям, которые характеризуют подавляющее большинство делегатов Всероссийского Съезда. Условия сильнее воззрений—даже если это воззрения крепколобой мещанской ограниченности. Четвертая Государственная Дума оказалась вынуждена против своей воли выделить из своей среды Временное Правительство. Всероссийский Съезд или Совет, который выйдет из его среды, может оказаться вынужден — наперекор всем своим предрассудкам — снова поста-

вить и коренным образом перерешить вопрос о революционной власти.

Во всяком случае, правительство сделало все, что было в его коалиционных силах, для того, чтобы толкнуть Съезд на этот путь.

В тот момент, когда пишутся настоящие строки, министры-социалисты еще не отчитывались перед Съездом ни по общему направлению правительственной политики, ни по вопросам своей ведомственной деятельности. Можно, однако, не сомневаться, что в этой области социалистические министры не принесут на Съезд никаких приятных сюрпризов. За время существования коалиционного министерства не предпринято ни одной меры, не сделано ни одного шага, которые хоть в отдаленной мере намекали бы на выход из все обостряющегося хозяйственного, финансового, дипломатического и военного кризиса. «Мы приближаемся к пропасти!» Такой фаталистической формулой господа министры привыкают характеризовать общее положение страны, складывающееся не без их участия.

Но тем не менее сюрприз был подготовлен к моменту открытия Съезда: это—высылка Р. Гримма за пределы России. Для характеристики «исторической» роли русского министериализма трудно было придумать историю более символическую и... более скандальную. Мы тут не собираемся входить в ее детали; но не можем не отметить все же наиболее выразительные штрихи.

Чем объясняется телеграмма, посланная швейцарским советником Гофманом для осведомления Гримма, мы не знаем. Весьма вероятно, что те мещански-обывательские отношения, какие существуют между Гриммом и его правительством, не исключали такой компрометирующей для циммервальдца интимности. Но не может быть и речи о том, что Гримм, даже если он дал прямой или косвенный повод для такой телеграммы, действовал как «агент германского правительства», что он руководствовался какими-нибудь иными мотивами, кроме идейно-политических. В сущности в этом не смели сомневаться и Церетели со Скобелевым, которые обмениваются братскими приветствиями с датчанином Стаунингом [113]), состоящим в интимнейших отношениях с германскими империалистами. Но Церетели и Скобелев, открытые перебежчики из лагеря Циммервальда, считали, видите ли, что циммервальдец Гримм должен быть непреклонен к собственному правительству,—они, которые несут сейчас ответственность

за все подвиги союзной дипломатии. И они выслали Гримма из пределов России.

Помимо низости бьет в глаза нервическая глупость этой меры. Только отсутствие почвы под ногами, только полное отсутствие самоуважения, только постоянный страх, как бы чего не подумали старшие буржуазные коллеги,—только эти соединенные чувства могли внушить «министру революции» Церетели помпадурскую расправу над Гриммом.

Во всяком случае министры-социалисты предстали пред своим Съездом не с совершенно пустыми руками. Правда, они еще не провели ни одной серьезной меры для преодоления всех тех зол, которые, по их собственному признанию, ведут страну к гибели. Но зато они обнаружили «твердую власть»: сперва—по отношению к кронштадтцам, затем—на спине Роберта Гримма.

И они нашли свое признание. Мелкобуржуазное большинство Съезда восторженно предоставило своим министрам право административной расправы над «недостаточно твердым» циммервальдцем. Социалистическому министериализму и революционно-демократической обывательщине суждено было пройти и через это—повидимому не последнее—унижение.

Гримма выслали,—Всероссийский Съезд перешел к порядку дня. Но капиталистическая прибыль по-прежнему неприкосновенна для Скобелева и его коллег. Продовольственный кризис обостряется с каждым часом. В дипломатической области правительство получает удар за ударом. Наконец, столь истерически провозглашавшееся «наступление» готовится, повидимому, вскоре обрушиться на народ чудовищной авантюрой.

Мы терпеливы и готовы были бы еще спокойно наблюдать просвещенную деятельность министерства Львова—Терещенко—Церетели в течение ряда месяцев. Нам нужно время—для *нашей* подготовки. Но подземный крот роет слишком быстро. И при содействии «социалистических» министров проблема власти может обрушиться на участников этого Съезда гораздо скорее, чем мы все это предполагаем.

«Вперед» № 2,
20 (7) июня 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

(5 июня) [114])

Товарищи, я думаю, мы все с огромным интересом прослушали речь министра продовольствия [115]), которая многих из нас кое-чему прямо научила, что вряд ли можно сказать о всех речах, здесь произнесенных. Эта речь, если не давала отчета о совершенной организационной работе, что объясняется отчасти тем, что новый министр только недавно вошел в исполнение своих обязанностей, то, во всяком случае, наметила программу деятельности определенной в настоящее время важнейшей области, а это именно то, чего не хватало в остальных министерских речах.

Нам говорили о революциях, о Великой Французской Революции, обменивались по этому поводу суждениями, снова проветривали старые марксистские и народнические споры, но, товарищи, ведь мы здесь стоим перед парламентом революционной демократии, перед которым отчитываются министры относительно того, что́ ими уже сделано и что́ они собираются сделать. И так как вопрос стоит о власти, задача каждого оратора, особенно такого ответственного, как министр, состоит в том, чтобы сказать—я в своей области сделал то-то и то-то, считаю это достаточным и, следовательно, данная организация власти удовлетворительна, или, наоборот, сказать: товарищи, мои планы деятельности таковы, но они встречают сопротивление в организации власти и поэтому необходимо здесь решить вопрос о том, как эту власть реформировать, перестроить. Так подошел к делу министр продовольствия. Вот почему я лично не только внимательно слушал его, но и утверждался в тех выводах, с которыми я явился на собрание, ибо и у идейных противников можно всегда, если они серьезно ставят свою собственную задачу, многому научиться.

То, что нам говорил министр продовольствия, сводит вопрос действительно с высоты отвлеченности на землю, на достаточно истощенную землю русского хозяйства. Нам необходимо организовать продовольствие, нам необходимо расширить и урегулировать производство. Организовать продовольствие—значит орга-

низовать его распределение. Препятствием на этом пути являются трудности транспорта, которые должны быть преодолены и могут быть преодолены только общегосударственным путем. О трудностях транспорта экономический отдел Исполнительного Комитета много говорил — о больных паровозах, о неспособности нынешней промышленности строить новые паровозы и починять старые. В частности, товарищи, вот пример, который я также рекомендую вниманию министра продовольствия.

Один из директоров Петроградского крупного завода [116]), прекрасно оборудованного, говорил, что в Петрограде сейчас выделываются дизеля для подводных лодок на 1920 г. Он утверждал, что известное количество заводов, которые ему, как инженеру, организатору и директору, прекрасно известны, могло бы без серьезных технических переделок выделывать 15 паровозов в месяц. Я не ручаюсь за цифру, беру цифру на веру, но это серьезный техник и организатор и он назвал соответственное количество паровозов. Почему же не делается это? Потому, что необходимо нарушить контракты, заключенные государством с другими заводами или заводом с другими предприятиями. Это нарушит частные интересы, частные прибыли, и государственная власть, при данной конструкции, на это не решается итти. Нам говорят, мы не нашли еще пути. Да о каких путях может еще итти речь, товарищи? Ведь было создано правительство, в которое вошел министр труда—социалист и министр торговли и промышленности, очень серьезный политик торгово-промышленной буржуазии, Коновалов [117]). Очевидно, путем сотрудничества этих двух представителей предполагалось в первую голову ввести организацию, планомерность производства в промышленность. Что же сделал Коновалов? Коновалов ушел, ушел при содействии и сочувствии, открыто выражаемом виднейшими органами торгово-промышленной буржуазии. Он ушел, товарищи, и было бы смешно говорить, что он ушел вследствие своего вредного личного характера.

Я думаю, это—широко распространенное мнение, что Коновалов является одним из наиболее прогрессивных и серьезных представителей русского торгово-промышленного капитала; и, уходя, он саботировал ту задачу организации производства, которая была поставлена и стоит пред нами во весь свой рост. Я спрашиваю, товарищи, дальше, где же выход? Это есть конкретная задача и центральный вопрос всего нашего Правитель-

ства. Это есть вопрос о судьбе нашей промышленности, это вопрос, который обходят, как будто тут есть вопрос о тех или других придирках большевиков или интернационалистов. Сделан был опыт построить коалиционное министерство. Кто там будет—Переверзев [118]) ли, социалист или честный либерал, это нам совершенно безразлично. Но центр всей организации был построен по типу коалиции: министр труда—социалист, министр торговли и промышленности—ответственный представитель капитала. И когда вопрос был поставлен так, Коновалов ушел. И вот, если не ошибаюсь, три недели ищут ему заместителя и не находят, не находят, товарищи... (Рукоплескания.)

Что же это значит, товарищи? Если самый принцип был верен, принцип коалиционного правительства с участием ответственного представителя капитала, то надо себя спросить, чем объясняется его банкротство, его крушение. Ведь у нас сейчас нет правительства, правительство находится в состоянии кризиса, потому что самый ответственный представитель торгово-промышленных сфер вышел из него при поддержке торгово-промышленного капитала.

Это значит, что мы живем в состоянии панического кризиса власти. Теперь говорят о привлечении Третьякова [119]) из Москвы, представителя Московского биржевого комитета, т.-е. лица, ответственного перед теми самыми торгово-промышленными сферами, от имени которых имел полное право говорить Коновалов. Вопрос сводится к перемене лиц, и не можем ли мы, не должны ли мы предсказать, что эта попытка сведется к тому же, к чему сводились все прежние попытки разрешить кризис власти, т.-е. либо Третьяков с успехом будет саботировать организационные творческие революционные начинания власти, либо уйдет. А почему он уйдет, товарищи? И почему он будет саботировать промышленность? Чтобы углублять кризис, чтобы показать, что революционные элементы дезорганизуют хозяйство, чтобы таким образом взять революцию, пролетариат измором. Это есть их тактика. Почитайте речь Кринского в частном совещании. Он говорит: «чего вы пугаетесь, что слишком много ассигнаций в стране! Погодите, когда начнется голод и не хватит денег, когда начнется подлинный голод, все возопиют о твердой крепкой власти, и тогда придет наш черед». Но ведь то, что у Кринского на языке, то у серьезных капиталистов, у помещиков в уме. Они все ждут, что революционный пролетариат и деревенские

низы будут взяты измором и тогда придет их черед. Я говорю, что Третьяков явится только для того, чтобы проводить эту программу (если только его не обратят в социализм); если же он окажется недостаточно преданным своему собственному классу, этот класс повернется к нему спиной, как он поворачивается к Скобелеву и другим министрам-социалистам.

Мы стоим таким образом пред хронической невозможностью разрешать этот вопрос, ибо дело сводится не к техническому плану, а к решительному проведению хотя бы не вполне совершенного плана, а для такого решительного проведения необходимо иметь однородность власти. Вот в чем вся суть, ибо, если вы хотите действовать рука-об-руку с торгово-промышленниками, тогда безразлично, будет ли в правительстве пять социалистов и десять буржуев или, наоборот, если считать, что нужно действовать по соглашению с буржуазией, то вы должны тогда капитулировать перед ней, и вся ее тактика в вопросе хозяйственном сведется к тому, чтобы взять революцию измором.

Представители помещичьего землевладения и крупного капитала занимаются систематическим шантажем и вымогательством по отношению к партиям и революционным силам демократии, и когда мы стоим, товарищи, перед таким вопросом, является товарищ Брамсон [120]) и говорит: «не вините министра или правительство, помните, что им приходится каждый раз пробираться сквозь колючую изгородь всяких препятствий, левых элементов, анархистов, интернационалистов, большевиков и т. д.». Товарищи, разве это серьезная постановка вопроса, разве есть в ней на гран серьезности? Каким образом вы так ставите вопрос, раз власть, существующая в России, есть ваша власть, ведь большинство в Совете Рабочих Депутатов есть ваше большинство, армия стоит за вами, демократия за вами,—и вот являются агитаторы, смутьяны, анархисты, которые парализуют творческие усилия этой государственной власти, опирающейся на все Советы, на армию, на демократию. Товарищи, эта точка зрения глубоко унизительна для вас же самих.

По-моему, неправда, товарищи, будто революционная власть, опирающаяся на большинство народа, может быть парализована в своих творческих усилиях теми или другими смутьянами. Я приведу пример. В Петроградском Совете Рабочих Депутатов один из ораторов, принадлежащий к партии министра Церетели, поставил ему запрос такого рода: «Знаете ли вы, что у вас в мини-

стерстве имеется черносотенное гнездо в одном почтово-телеграфном управлении, чиновники его ходят по деревням и спрашивают крестьян, не правда ли, при царе было лучше?—Не намерены ли вы, — спрашивал интерпеллянт, — разорить это черносотенное гнездо?» Что ответил ему Церетели? Нет, — сказал он, — я не желаю применять меры репрессии, я желаю создать такие условия, что когда явится черносотенный агитатор в деревню и спросит, не было ли лучше при царе, ему бы ответили: лжешь, при царе было хуже... (Рукоплескания.)

Верно, совершенно верно. Я сам рукоплескал этому ответу. Так я и от вас требую, чтобы тот же самый принцип применялся не только к черносотенным агитаторам, но и к агитаторам левого крыла, к которым вы относитесь хуже, чем к черносотенным агитаторам... (Рукоплескания.) Товарищи, то, чего я требую, есть очень скромная программа-минимум.

Эта программа состоит в том, чтобы комиссар Временного Правительства, приехавший в Кронштадт, совершал там такие дела, чтобы кронштадтцы сказали: да, этот правительственный комиссар лучше нашего выборного комиссара. А если этого нет, нужно их в этом убедить, и именно потому, товарищи, что Временное Правительство, при настоящем своем составе, посылает на места комиссаров, которых даже лойяльнейший, очень лойяльный, к министрам дружелюбный Совет Крестьянских Депутатов назвал односторонне подобранными из помещичьего состава. Поэтому, товарищи, и происходят на местах так называемые недоразумения местных Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов с комиссарами.

Это есть, товарищи, результат всей той злосчастной политики: в революционную эпоху, когда социальные интересы особенно обнажены, все классовые страсти обострены, и народные массы, освободившиеся от старых, крепостнических репрессий, предъявляют свои собственные интересы и запросы. Сверху мы имеем власть, расколотую надвое, и не потому, что есть Советы и Временное Правительство, а потому, что Временное Правительство построено не по типу твердой власти, а по типу постоянной конференции, постоянной примирительной камеры между представителями помещиков и крестьян, представителями капитала и представителями рабочих. Примирительная камера в революционную эпоху править не может, и так как у большинства правительства гораздо более твердый спинной хребет, ибо оно представляет классы,

которые в течение десятилетий и столетий привыкли управлять и властвовать, то наши министры по важнейшим вопросам фактически капитулируют пред ними и вся работа приходит к полному застою, справа ее саботируют, и мы не выходим из постоянной дезорганизации.

Товарищи, я совершенно согласен с нашим министром продовольствия. Я не принадлежу к одной с ним партии, но если бы мне сказали, что министерство будет составлено из 12 Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед... (Рукоплескания.)

Я бы сказал: Коновалов ушел—найдите второго Пешехонова, серьезного работника... (Рукоплескания) и уберите из министерства всех тех, которые мешают Пешехонову, создайте там возможность работы... (Голоса: правильно! Рукоплескания.)

Это будет серьезный шаг вперед. Вы видите, товарищи, что я в этом вопросе исхожу не из какой-нибудь фракционной, партийной точки зрения, а из более широкого взгляда на задачи организации хозяйства в настоящий момент. Я совершенно согласен с министром продовольствия Пешехоновым, когда он говорит нам, что необходимо народные массы дисциплинировать. Правильно.

Что наблюдает рабочая масса? Она наблюдает, во-первых, полную дезорганизацию государства, во-вторых, непрекращающиеся хищения представителей капитала, и я вам говорю, товарищи, что каждый рабочий имеет в этих условиях психологическое право сказать себе: раз все в распаде, капиталисты продолжают грабить, почему же я буду молчать? Я предъявлю максимум требований и возьму, что смогу. Это неизбежный результат положения вещей.

Но в тот день, в тот час, когда будет во главе страны стоять такая власть, в которой каждый рабочий, по крайней мере, каждый честный, неразвращенный рабочий будет видеть свою собственную власть, он скажет: эта власть меня не обманет, не обокрадет, Пешехонов меня не предаст,—скажут рабочий, крестьянин, солдат. И когда Пешехонов—не как земский статистик и не как полуминистр, ибо в настоящее время он полуминистр, а как полноправный министр, скажет рабочему классу: у нас столько-то угля, столько-то чугуна, на этом фундаменте могут работать такие-то заводы, в кассах государства столько-то средств, в банках столько-то денег, ты можешь получать такую-то зара-

ботную плату и такое-то количество продуктов, тогда каждый сознательный рабочий будет чувствовать себя по отношению к правительству так, как чувствует себя, скажем, стачечник по отношению к управлению своего союза; он требует увеличения субсидии, а союз говорит: вот моя касса, мои книги, больше не могу дать. Пока же будут сидеть Шингаревы [121]), Терещенко, Львовы и Коноваловы, кадеты или может быть правее кадетов, рабочий класс будет говорить: это ставленники капиталистов, я им не верю и буду добиваться максимума того, что я могу получить. Это вполне естественная психология.

Я должен сказать то же самое и по поводу всех остальных вопросов. Через две недели или через месяц все вопросы станут перед вами еще острее, чем стоят сегодня, и выход нужен будет еще более героический, чем сегодня. Я возьму один пример, товарищи. Представьте себе демобилизацию русской армии при нынешнем правительстве, правительстве примирительной камеры, абсолютно недееспособной, когда русские солдаты, которые участвовали в войне и мечтали о земле, ринутся лавиной в деревню и застанут неразрешенной по существу ликвидацию помещичьего владения, когда русский солдат не сможет доехать до своей деревни, будет сталкиваться с расстройством железнодорожного аппарата, будет голодать, не сможет получить продовольствия, какие могут быть тогда тягчайшие осложнения, тягчайшие конфликты. Вы скажете, нужна дисциплина. Правильно, дисциплина нужна, но кого и над кем?

Когда товарищ Дан [122]) говорил, что будто бы представители социалистов-революционеров интернационалистов отрицали необходимость крепкой революционной власти—это неверно. Никто из нас не отрицает необходимости крепкой революционной власти. Вопрос, чья власть и над кем. Власть ли князей Львовых или тех людей, которые стоят за их спиной, над рабочей демократией, или власть рабочей демократии над всеми ее частями, над всем народом? Вот как стоит вопрос, товарищи. Я говорю, что в момент демобилизации нам нужна будет крепчайшая власть. Когда сейчас солдат дезертирует из армии или устраивает бесчинства на железнодорожной станции или громит хлебный магазин, он чувствует себя бунтарем, до известной степени стачечником против власти, которая стоит над ним.

Если же над ним будет стоять власть, которая вышла из Советов Рабочих Депутатов, крепкая власть, то ослушник будет

иметь психологию не стачечника, а штрейкбрехера, стачколома. Нужно воспитать и создать такое общественное мнение, что вот, рабочие, крестьяне и солдаты, это есть ваша собственная власть,—а сейчас власть в руках Львовых, Коноваловых или завтрашнего Третьякова, и никакими речами, никакими воззваниями, как бы они ни были красноречивы, вы ничего не достигнете, ибо у русского рабочего и мужика крепко стоит в мозгу, что означали для него эти классы в течение столетий, какое рабство и какое унижение, и вы ничего не достигнете, несмотря на посредство всех министров-социалистов, потому что рабочие массы не будут считать это правительство своим правительством ни в одном вопросе.

Поэтому так называемые левые агитаторы, которые подготовляют завтрашний день русской революции, которые поддерживают, несмотря на вашу политику, — которую я считаю ошибочной,—поддерживают весь авторитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, действуют правильно, ибо они говорят: политика Советов сегодня ошибочна, но вся полнота власти должна быть передана им, воздействуйте на них в этом направлении и помните, что у вас нет других революционных организаций, кроме этих Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. И потому, товарищи, что политика половинчатости, политика примирительной камеры оказывается бессильной, она грозит увлечь в бездну непопулярности, враждебности и авторитет Советов. Я смею думать, что мы своей работой не подрываем ваш авторитет, а являемся необходимой составной частью в подготовлении завтрашнего дня.

Тут говорят о захвате власти кружками и кучками. Это неверно. На всяком митинге, на всяком собрании, где я бываю и где спрашивают меня, нужно ли сейчас уходить из Совета, не подчиняться Советам, воевать с ними, рвать с правительством— я отвечаю: нет, мы недовольны правительством, мы недовольны Советами, но нельзя взять власть в свои руки, пока сам Совет Рабочих Депутатов не придет через переработку своего внутреннего сознания к пониманию того, что в эту критическую эпоху на нем лежит долг взять на себя ответственность за все проклятое наследие царизма и за углубление военной разрухи первым либеральным правительством.

Только Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов способны еще внести элемент действительно творческой, рев-

люционной дисциплины в сознание изголодавшейся и уже начинающей отчаиваться массы и только он способен, товарищи, не считаясь с интересами частной собственности, разрешить наиболее неотложные наши задачи. Та политика, которую ведут многие министры, утверждающие, что все разрешит Учредительное Собрание, это, товарищи, политика ложная, это по существу либеральная политика. Учредительное Собрание многое разрешит, но его нужно подготовить, нужно создать условия его осуществимости, а эта обстановка разрухи, обстановка растущего недоверия к недееспособной власти может подкопать самую возможность созыва Учредительного Собрания. И черные вороны четвертой Государственной Думы совсем не так наивны, они стоят на своем классовом посту. Их ставленники в министерстве саботируют творческие усилия Пешехоновых, берут измором русскую революцию, продовольственное дело, аграрное дело, промышленное дело, дипломатическое дело. Во всех областях ведется политика измора, политика истощения, подрыва авторитета власти и доверия к ней. Она идет справа, а те стоят на-чеку в своем Таврическом дворце и ждут, по выражению Кринского, момента, когда массы отчаются и скажут: хотим старого царя, твердой октябристской власти. Тогда явится Родзянко, тот самый Родзянко, на котором есть отблеск русской революции и портреты которого висят в деревнях, как отца нового Временного Правительства; поставит он своего Гучкова, и тогда мы будем иметь подлинную крепкую власть, власть, которая в один куль свяжет вас из правого крыла, и нас—из левого.

Товарищи, я вас не надеюсь сегодня переубедить—это было бы слишком дерзкой мыслью с моей стороны, но то, чего я хотел бы достигнуть сегодня—это пробудить в вас мысль, что если мы делаем вам оппозицию, то не из враждебных, не из вредных, не из каких-нибудь корыстных фракционных побуждений, а потому, что мы, как и вы, болеем теми же болячками, страдаем всеми страданиями революции. Но мы видим другие ответы, чем вы, мы твердо убеждены, что если вы утверждаете сегодняшний день русской революции, то мы подготовляем для вас ее завтрашний день. Мы мобилизуем наиболее революционное левое крыло, и если политика двоебезвластия, безвластия Совета и правительства приведет к контр-революционному кризису, и Гучковы вместе с Родзянками придут выметать революцию вон, то вы, товарищи, увидите, что мы из левого крыла были не

последними в борьбе вместе с вами, что мы также отстаивали развитие и углубление завоеваний революции.

«Вперед» № 3,
28 июня 1917 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ

(5 июня)

Троцкий цитирует ту фразу из речи Милюкова, произнесенную последним в частном совещании Государственной Думы, в которой он сопоставил, говоря о Роберте Гримме [123]), Ленина и Троцкого с Колышко [124]). Троцкий говорит:

«Милюков обвиняет нас в том, что мы—агенты-наемники германского правительства. С этой трибуны революционной демократии я говорю и обращаюсь к честной русской печати (Троцкий поворачивается к столу журналистов) с просьбой, чтобы мои слова были воспроизведены: до тех пор, пока Милюков не снимет с нас этого обвинения, на его лбу останется печать бесчестного клеветника».

Произнесенное с силой и достоинством заявление Троцкого встречает единодушную овацию всего зала. Весь Съезд без различия фракций бурно аплодирует в течение нескольких минут.

«Новая Жизнь» № 41,
6 июня 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ [125])

(9 июня)

Товарищи, вопрос, который сейчас поставлен этими двумя резолюциями, касается не того, есть ли у нас твердая власть, использована ли нами эта твердая власть, надо ли ее создать, а вопрос поставлен так: есть ли в России сейчас какая-нибудь государственная власть, т.-е. народный суверенитет, основанный на принципе демократии; находит ли он себе какое-нибудь конкретное выражение? Вот как вопрос стоит. Мы уже слышали раньше ответ на этот вопрос в том смысле, что Временное Прави-

тельство, революционное правительство, представляет собою нечто юридически неузаконенное, не связанное с прошлым исторической преемственностью. Но если оно представляет собою действительно революционную власть, то тем более она должна в переходный период сосредотачивать в своих руках всю полноту народного суверенитета. Вот как стоит вопрос с точки зрения юридической и революционно-демократической.

Но есть другое учреждение за спиной у Временного Правительства, которое говорит: нет, я, Дума, являюсь матерью Временного Правительства, я ему делегировала законодательные права, но творчество правительства, создание новых правительств, если понадобится, я сохраняю за собой. Вот в чем существо вопроса, вот почему Родзянко призвал депутатов. Стало быть, есть в стране власть, которая считает себя стоящей над Временным Правительством, правомочной создать новое правительство, если то, которое существует сегодня, исторически споткнется. На вопрос о том, имеет ли Дума право создавать новое правительство, мы ответа не имеем. Но на вопрос о том, может ли существующее Временное Правительство упразднить Думу, мы имеем, по крайней мере, по газетным сведениям, в высшей степени правдоподобный ответ, находящий себе полное подтверждение во всех заявлениях министров-социалистов,—ответ князя Львова, что Временное Правительство неправомочно распускать Думу, которая создала его. Таким образом устами кн. Львова, пока это не будет опровергнуто в самой категорической форме министрами-социалистами, Временное Правительство, как таковое, считает себя неправомочным посягать на Государственную Думу,—считает ее, таким образом, стоящей над своею властью. Вчера мы слышали здесь о появлении третьей власти, власти нашего Съезда, который заявил, что он запрещает захватывать частную собственность. И вот мы имеем три категории власти в России. Одна—Временное Правительство, которое якобы управляет страной, но признает себя неправомочным посягать на Государственную Думу; другая—Государственная Дума, которая делегировала законодательные права Временному Правительству, но считает себя правомочной создавать новые временные правительства, если представится возможным, т.-е. если концентрация контр-революционной силы сделает это возможным; и, наконец, третья—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов и Съезд их, который отказался от каких бы то ни было законодательных или испол-

нительных прав и только от случая к случаю выносит решения, вроде того, напр., что он запрещает захватывать частную собственность—не рекомендует, а «запрещает».

Я говорю, товарищи, что если вы для себя отказываетесь от другой власти, кроме власти запрещать захват, то вы отказываетесь, очевидно, не во имя Государственной Думы, а во имя какой-то другой власти, той власти, которую вы делегировали вашим представителям. Я, товарищи, не могу понять психологию тех элементов революционной демократии, которые считают себя представителями революционного народа, пришедшего к самоуправлению, к власти путем разрыва со всеми третье-июньцами,—я не могу понять этих представителей, которые не могут сказать своей власти (ибо вы считаете Временное Правительство представителем вашей власти, выражением народного суверенитета): «Временное Правительство, ты не смеешь признавать никакой власти над собой, никакой власти, которая связывает тебя со старым движением. Временное Правительство, над тобой нет священной родительницы—4-й Государственной Думы—ты родилось из воли революционного народа». А Государственной Думе, которая посягает на новое творчество революционного правительства, они должны сказать: «Руки прочь, ты ликвидирована декретом».

Не историческими формулами, а декретами выражается революционная власть. Если есть у вас власть, если это не обман и не самообман, то эта власть проявится в этом скромнейшем, но необходимейшем акте самообороны и вы скажете: «Я есмь власть и нет другой надо мной».

Стенографический отчет.
I Всероссийского Съезда Советов.

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ВОПРОСУ О ВОЙНЕ [126])

(9 июня)

Товарищи... (Голоса: «какие мы вам товарищи?»..) ...мне представляется, что вопрос о войне и мире, который здесь обсуждается, испытывает ту же судьбу, как и наши прения по вопросу о власти.

Дело ставится так, или почти так, как если бы до настоящего времени мы не имели никакого опыта в этом вопросе, как если бы не было Советов Депутатов, революционной или коалицион-

ной власти и известного отношения к программе министров-социалистов, определенных результатов этой программы. А самые прения развиваются между защитниками коалиционного министерства, как таковыми, и программой интернационалистов, или, в частности, большевиков. Мы называем себя, с основанием или без основания, революционным парламентом. По моему мнению, которое я высказывал не только в печати, но и здесь, здесь есть веяния, которые гораздо ближе к либерализму, чем к революционному социализму... (Голоса: «какие веяния?»...) ...Этим я никому решительно не наношу оскорбления, это есть политическое положение, политическая группировка. Это вопрос принципа... (Голоса: «назовите точно»... Шум.)

... Товарищи... (Голоса: «какие товарищи?»)... Товарищи и граждане, тогда я прошу вас отнестись к этому вопросу с тем спокойствием, с которым пытаемся отнестись мы, меньшинство, находящееся, как и всякое меньшинство, в гораздо менее благоприятных условиях, чем вы, ибо вы определяете порядок дня, существо вопросов, вы имеете большинство в президиуме и за вами обеспечено принятие ваших резолюций. Поэтому я думаю, что вы могли бы на этой основе проявлять несколько больше спокойствия и не вызывать естественной реакции со стороны меньшинства. (*Председательствующий.* «Прошу не мешать оратору. Время ограниченное. Вы отнимаете у него время и все равно я возвращу его».)

Я указал на то, что прения развертываются в странной плоскости. Выступают защитники Временного Правительства и члены Временного Правительства, министры; Керенский, напр., произносит полемическую речь против интернационалистов, или большевиков, как если бы в настоящих условиях задача деятельности Временного Правительства сводилась к тому, чтобы мобилизовать наиболее удачно аргументы против т. Ленина. Казалось бы, с точки зрения военно-морской задача сводится к тому, чтобы мобилизовать наиболее удачно аргументы против немцев. Но все наши прения с начала до конца развертываются в этой фальшивой плоскости. Нам приходится каждый раз приглашать министров и их единомышленников к тому, чтобы они нам сказали, что они думают по существу того положения, в данном случае военного положения страны, которое сложилось в результате более чем трех месяцев революции, и о путях выхода из него. Не думаете ли вы, правящая партия, или коалиция правящих

партий, Временное Правительство, что те методы, которые вы уже испробовали в широком масштабе, вели до сих пор не к вашему усилению и не к нашему общему усилению, а фактически ведут к дальнейшему ослаблению? Не думаете ли вы, что те жалобы, которые идут не с нашей стороны, а, главным образом, с вашей стороны, на так называемое разложение в армии, касаются вопроса, перед которым вы прежде всего, или вместе с нами, должны остановиться? Я беру, например, воззвание группы лиц. Под этим воззванием подписи ряда фамилий военных деятелей и целого ряда деятелей гражданских, как Плеханова, Дейча, Засулич, Лопатина и др. [127]). Все это воззвание, которое было написано три дня тому назад и вчера опубликовано во всей петроградской прессе, говорит о том, что русская армия находится в состоянии хронического разложения, что в ней развивается трусость, шкурные интересы, что наступление неосуществимо; отдельные лица призываются, путем личных героических примеров, увлечь армию на путь наступления. Я считаю эту литературу грубо преувеличенной, но во всяком случае она некоторый факт отражает: тот факт, который вся пресса называет анархией в армии; это термин, который стал шаблонным: «анархия в армии».

Товарищи, вопрос стоит так: это та самая армия, которая совершила победоносную русскую революцию. Разумеется, эта армия не стоит на высоте революционного социалистического сознания. На это я указал в моей цитировавшейся здесь статье. Это есть армия, которая вышла из русских социальных и политических условий со всей их отсталостью, со всем их вчерашним, сегодня еще не вполне ликвидированным варварством. Но это наша армия, та героическая армия, которая совершила русскую революцию. Все объясняют тем, что в армии преобладают шкурные вопросы и личные интересы и что это разлагает армию. Эта постановка вопроса, по-моему, совершенно недостойна ни вас, ни нас. Мы думаем, что наша армия, та самая, которая в лице каждой отдельной воинской части, совершая свое революционное освобождение, подвергалась всему тому риску, который в критические дни был связан с этим революционным актом, когда судьба революции стояла еще под знаком вопроса,—эта наша армия в целом и каждая отдельная ее часть способна и теперь к самопожертвованию и героизму, когда она спаяна единым революционным сознанием, единством политической цели, которую она внутренно

признает. Вот в чем существо вопроса. К счастью для всей русской истории, наша революция раз навсегда ликвидировала старую психологию русской армии, психологию саранчи или воблы, как говорил Глеб Успенский, когда сотни тысяч умирали пассивно, стихийно, не давая себе отчета в существе своей жертвы, и не ставя перед собой вопроса о субъективной и объективной цели этой жертвы. Я говорю: да будет проклят тот исторический период, который мы оставили за собой! Если мы сейчас ценим героизм, так не этот массовый, стихийный, бессознательный, а героизм, который проходит через каждое индивидуальное сознание... (Аплодисменты.) Я говорю, что в этой самой армии, которая вышла через революцию, прошла через нее, могут быть, должны быть и существуют и будут существовать идеи, лозунги, цели, которые способны эту нашу армию, крестьянскую и рабочую армию, сплотить единством энтузиазма. Нам говорят: «Перед армией нельзя демократическим путем поставить вопрос о том, хотите ли вы, братья, итти в наступление за те цели, которые общи вам всем, которые вас объединяют». Неправда! Только буржуазные филистеры могут думать, что если вопрос о наступлении будет поставлен на обсуждение всей армии, то это подорвет ее дисциплину, ослабит ее наступательный порыв. Я утверждаю, что армия Великой Французской Революции, путем голосования или каким угодно другим путем, способна была отвечать и отвечала на призыв к наступлению совершенно сознательно.

В чем же дело? Все дело в том, что такой связующей армию цели в настоящее время нет... (Голоса: «есть»)... Если бы, товарищи, она была, то не было бы жалоб на разложение, на распад, на анархию. Более того, не было бы наших трагических прений здесь, на этом собрании. В чем же дело? Вы знаете сами, что наше Временное Правительство само, перед лицом всего мира и перед лицом русской революционной армии, поставило вопрос о целях войны. Мы получили войну, как наследство. Мы ее сами не затевали. Армия ее протащила на своей спине из старого самодержавного режима. Временное Правительство наше впервые поставило вопрос о целях войны. В какой форме? В форме необходимости пересмотреть старые цели войны перед каждым солдатом русской армии, перед тем солдатом, который, благодарение господу богу, перестал быть святой скотинкой, который мыслит о своей судьбе и о судьбе войны. Перед ним вопрос о целях войны

стал в субъективной форме, в форме, освященной авторитетом революционного правительства и вашим авторитетом, ибо Советы Рабочих и Солдатских Депутатов постановляют, что необходимо пересмотреть старые, унаследованные от царизма, цели войны. Это есть основной факт состояния армии, ее психологии, и от этого основного факта вы никуда не уйдете, никакими софизмами не скроетесь. Каждый мыслящий солдат ставит перед собой вопрос: во имя каких целей он будет наступать, или, если говорить в более субъективной форме, каждый мыслящий солдат говорит себе: из тех пяти капель крови, которые я пролью сегодня, не будет ли только одна пролита за интересы русской революции, а четыре за французскую биржу и за английский империализм.

Вот, товарищи, в чем все существо дела. Вы можете говорить, что те солдаты, которые так рассуждают, ошибаются, но тогда вы сами повинны в том, что они ошибаются, ибо вы сами поставили вопрос, и Временное Правительство взяло этот вопрос под свой высокий авторитет. До тех пор, пока этот вопрос не будет разрешен, наступление не будет иметь необходимой психологической и моральной предпосылки. Временное Правительство само обнаружило, что оно сомневается в закономерности тех целей, во имя которых армия должна сражаться, но вместе с тем оно обнаружило и свою неспособность, или, если хотите, объективную невозможность для себя добиться пересмотра этих целей. Вся дипломатическая деятельность Временного Правительства и дополняющая ее социалистическая деятельность Совета Депутатов есть ничто иное, как растянутое многословное подтверждение того, что мы при данных условиях неспособны добиться радикального немедленного пересмотра тех целей, во имя которых вам, солдаты, рабочие и крестьяне, необходимо немедленно проливать вашу кровь.

При этих условиях вопрос о наступлении армии, об единстве в армии может решаться только нажимом сверху, только карманным авторитетом власти, только грозными окриками. Но сложный психологический аппарат, тончайший инструмент пробужденного революционного сознания армии все равно будет развивать огромную силу сопротивления, в одних случаях в более уродливой форме, в других случаях в формах нормальных, организованных; сопротивление армии, которая взбудоражена, перед которой вопрос о смысле войны поставлен и которой на этот вопрос ответа не дано, будет сказываться всюду и накануне наступления

и во время наступления. И в этой армии как раз не худшие, а лучшие элементы будут говорить: «Вы сами сказали, что цель войны стоит под знаком вопроса. Вы нас посылаете в бой, не давши ответа на вопрос о целях войны. Мы протестуем. Вы нас караете, и тем самым вы создаете дисциплину властвования сверху, дисциплину по отношению к целям, которые нам чужды, к целям, которые вас, Временное Правительство, кандалами связывают с парижской биржей и с английским и американским империализмом». Если есть лозунги ваших собственных действий, вот как они должны отразиться в сознании каждого солдата.

Что предлагает Временное Правительство? (Голос: «что же делать?»..) ...Меня спрашивают, что делать. Прежде, чем вы спросите что делать, вы должны дать отчет в том, что делаете вы сами, ибо вы большинство... (Аплодисменты.) Ибо у вас в руках представители правительства. Вы обязаны дать нам отчет, во имя чего послали вы ваших представителей в правительство, какую политику они способны вести. Я отвечаю, что прежде чем вы получите право поставить нам этот вопрос, вы должны дать нам ответ относительно вашей политики. Здесь на одном фракционном собрании вы говорили, что мы безответственное меньшинство. Это верно в том смысле, что мы не голосовали за Временное Правительство, что мы никого не делегировали, что мы являемся меньшинством, которое занимает критическую позицию со всеми удобными и неудобными последствиями этой позиции. Вы являетесь ответственным большинством. В этом вашем звании вы обязаны указать пути выхода.

Возьмите тот же Черноморский флот. Вы слышали о том, что Кронштадт отделился, провозгласил самостоятельную республику и пр. Черноморский флот является подлинным оплотом дисциплины организованной, сознательного патриотизма, и вот—неожиданная вспышка. (Голоса: «она ликвидирована».) Совершенно верно, но дело в том, что в этом образцовом Черноморском флоте, который разослал по всей стране патриотические депутации, что там, в этом гнезде организованного патриотизма, могла проявиться в такой критический момент такого рода вспышка. Что это показывает? Это показывает глубочайшее противоречие в психическом состоянии нашей армии. (*Председательствующий*: «Время ваше истекло. Угодно предоставить оратору еще 8 минут?»—(Голоса: «просим».)

Нужно отдать себе отчет в содержании последней ноты Временного Правительства, которая является одним звеном в цепи этих переговоров, являющихся ничем иным, как политикой проволочек и топтания на месте. Как эта последняя нота отражается в сознании всего мира, в сознании социалистического пролетариата, лучшим свидетельством этого может служить издающаяся здесь французская газета—«Entente», которая издается, несомненно, при ближайшем участии французского посольства и имеет ближайшую связь и с нашим русским министерством иностранных дел. И вот эта заведомо официозная газета по поводу попыток нашего правительства пересмотреть цели войны по последней ноте, пишет—я могу процитировать прекрасную во всех отношениях, поучительную статью, но я приведу только два-три слова,—она пишет, что, дескать, последней ноты нового правительства мы дожидались с большой опаской, но, слава богу, все прекрасно. Правда, там есть все прекрасные слова из революционного словаря,—свобода, равенство и братство в международных отношениях, весь необходимый парад фраз. Но не это для нас важно, а для нас важно то, что Временное Правительство говорит, что ни при каких условиях не выйдет из соглашения, что оно объявляет, что приносит присягу на верность французским, английским и американским империалистам, независимо от всех условий войны. Вот что является самым существенным для этой официозной газеты. Я, товарищи, говорю, что для нас, как для революционной партии, как для революционной демократии, если она хочет заслужить это почетное высокое имя, нет другого решения, как сказать, что задачи и цели германского империализма нам точно так же ненавистны, как и цели американского и английского империализма. И если мы ищем опоры в сознании русской армии, как таковой, в дисциплине не сверху ей навязанной, а порожденной энтузиазмом; если мы хотим спастись от прогрессирующего разложения, все более и более обостряющегося приемами репрессий, кто бы их ни применял, Керенский или Гучков; если мы хотим итти нашей собственной исторической дорогой,—то мы должны сказать, что русская революция во внешней политике так же независима, как и в политике внутренней. Мы должны сказать, что русская революция, уже не рискуя своей армией, а, наоборот, передав власть во всей стране в руки организации, которая прямо и непосредственно отражает эту армию, в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и

тем создавши армию, ответственную за правительство, и правительство, ответственное за армию, создавши в армии глубочайшее внутреннее убеждение, что это правительство не связано ни с каким иностранным империализмом и поэтому во имя успеха внешнего займа или какой-либо другой цели оно не может оказаться вынужденным к тем или иным стратегическим и дипломатическим шагам,—создав такого рода настроение, мы именем этой армии кликнем клич ко всем европейским народам с призывом, что есть сейчас на карте Европы цитадель революции, постоянная армия революции, которая поддержит всякую попытку революционного народа, в той или иной форме поднявшегося против своего правительства для ликвидации настоящей войны. Товарищи, в таком случае и очень легко, и очень трудно быть скептиком. Полной уверенности в том, что эта революция разразится и что русская революционная армия, русская демократия найдет в Европе союзников, не может быть. Гарантий нам никаких история не дала. Да, история не дала нам, революционной России, никаких гарантий, что мы вообще не будем раздавлены, что наша революция не будет задушена коалицией мирового капитала и что мы не будем распяты на кресте мирового империализма.

Против этой страшной опасности нам не дано другого союзника на карте Европы, кроме пробуждающегося европейского пролетариата. Если он не пробудится, если слова скептиков и их предвидения оправдаются, если мы не вступаем в эпоху социальной революции, то это значит, что русской демократии грозит смерть, ибо та революция, которая у нас совершается, революция демократической армии и пролетариата, который отвоевывает себе в обществе положение, какого он не имел никогда и нигде, революция крестьянства, которое идет к коренной ликвидации помещичьего землевладения,—такая революция есть самая грозная опасность для частной собственности, для капитала во всей Европе и во всем мире.

Если там не развернется революция трудящихся масс, то весь капитал Европы через месяц, год или позже, объединится, чтобы затянуть петлю на шее русского народа. С этой точки зрения для нас стоит вопрос не только о ликвидации войны, не только о ликвидации дела на фронте, но о ликвидации всей судьбы русской революции, вопрос о том, будем ли мы развиваться как свободный демократический народ, или мы превратимся в подавленную распятую колонию европейского или, еще вернее, аме-

риканского империализма. Стало быть, вопрос стоит гораздо глубже. Те скептики, которые не верят в революцию европейского пролетариата, тем самым говорят, что карта русской революции, а может быть и всей страны—бита историей.

Это неправда, трижды неправда. Мы еще не померялись нашими силами. Великая Французская Революция, на которую здесь ссылались, имела перед собою отсталую феодальную Европу. Мы имеем Россию с наиболее острыми противоречиями, несомненно более острыми, чем до войны, в результате потрясающей настоящей войны.

Кто был в Европе во время войны, кто отдает себе отчет в атмосфере Европы,—а я был в одной воюющей стране, во Франции,—тот не мог не вынести убеждение, что эта война в Европе в ближайшую эпоху не пройдет для правящих классов бесследно, безрезультатно, что эта война поднимет глубочайшее революционное сотрясение трудящихся масс. От нас, от русской революции, зависит, станем ли мы таким звеном империалистического блока, останемся ли для того, чтобы подавлять авторитетом русской революции восстание масс против империализма или развяжем наши руки на оба фронта, спаяем свою армию единством революционной дисциплины и сознанием, кликнем клич трудящимся массам.

Если в этом случае Германия не поднимется, или же поднимется слишком слабо, то мы двинем наши полки им навстречу не для обороны, а для революционного наступления... (Голоса: «будет поздно».)

Нет, не поздно. Никогда не поздно покинуть фальшивый путь и встать на путь правильный. (Аплодисменты.)

Стенографический отчет

I Всероссийского Съезда Советов.

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ЗАСЕДАНИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ *)

(12 июня) [128])

9 июня Всероссийский Съезд постановил запретить мирную политическую манифестацию петроградских рабочих и солдат,

*) Это заявление было также оглашено на соединенном собрании Исполнительного Комитета, Президиума Съезда, членов бюро съездовских фракций, представителей Крестьянского Союза 11 июня. *(Ред.)*

руководство которой наша партия взяла на себя. В качестве причин такого исключительного насилия над волей петроградского пролетариата ответственные вожди Съезда указали на непосредственную опасность использования демонстрации организованными силами контр-революции. Мы не имели об этих планах тех сведений, какими располагал Исполком Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Но мы сочли для себя обязательным ввиду такой мотивировки запрещения обратиться с нашей стороны к петроградским рабочим и солдатам с призывом отменить свою манифестацию.

Для вас, после посещения вашими делегатами заводов и полков, не может быть сомнения в том, что если демонстрация не состоялась, то не вследствие вашего запрета, а вследствие отмены ее нашей партией.

После этого можно было рассчитывать и ожидать, что вы поставите в порядок дня расследование того самого контр-революционного заговора, на который вы ссылались в оправдание запрета демонстрации. Но вы на деле бессильны перед притаившимися, по вашим словам, контр-революционерами, связанными с русскими и «союзными» империалистами, порвать с которыми вы не смеете.

Вместо этого вы поставили в порядок ваших работ суд над нашей партией. От имени назначенной вами комиссии гражданин Дан выдвинул проект резолюции, осуждающей нашу партию за «тайные», т.-е. независимые от официального большинства Совета, действия, запрещающей в дальнейшем уличные манифестации без разрешения Совета, т.-е. по сути дела—Временного Правительства, и угрожающей ослушникам исключением из рядов Совета.

По этому поводу мы и считаем необходимым заявить, что, входя в Совет и борясь за переход в его руки всей власти, мы ни на минуту не отказывались в пользу принципиально враждебного нам большинства Совета от права самостоятельно и независимо пользоваться всеми свободами для мобилизации рабочих масс под знаменем нашей классовой пролетарской партии. Мы категорически отказываемся налагать на себя такие анти-демократические ограничения и впредь. Если бы даже государственная власть целиком перешла в руки Совета,—а мы на этом стоим,—и Совет попытался бы наложить оковы на нашу агитацию, это могло бы заставить нас не пассивно подчиняться, а пойти навстречу

тюремным и иным карам во имя идей интернационального социализма, которые нас отделяют от вас.

Но на самом деле вожди Съезда пошли гораздо дальше. Гражданин Церетели объявил резолюцию Дана недостаточной и потому несостоятельной. Церетели обвиняет нашу партию не в нарушении дисциплины, а в прямом рабочем и военном заговоре против Временного Правительства и поддерживающего его Съезда. Это новое, решающее обвинение не только не согласовано с теми доводами, которые официально выдвигались против демонстрации третьего дня, но и находится в резком противоречии с внесенной сегодня резолюцией Дана. Однако сам министр Церетели не смеет сделать из своего обвинения вывод о назначении расследования по поводу мнимого «заговора», который ему понадобился исключительно для того, чтобы выдвинуть программу явно контр-революционного характера. Необходимо, по словам Церетели, отнять оружие из рук тех, которые угрожают при помощи этого оружия правительству «революционной демократии». Другими словами: фикция военного заговора выдвинута членом Временного Правительства для того, чтобы провести обезоружение петроградского пролетариата и раскассирование петроградского гарнизона.

Смысл и значение этих мер говорят сами за себя. Дело идет об обезоружении авангарда революционного пролетариата,— мера, к которой всегда прибегала буржуазная контр-революция, когда чувствовала свою неспособность справиться с выдвинутыми революцией задачами и с нарастанием возмущения трудящихся масс.

Гражданин Церетели и те, которые его направляют, не могут не знать, что рабочие массы никогда в истории не расставались без боя с оружием, которое они получали из рук революции. Стало быть, правящая буржуазия и ее «социалистические» министры сознательно вызывают гражданскую войну на том коренном вопросе, на котором контр-революция всегда мерялась силами с рабочим классом.

В полном сознании всех последствий, к которым ведет такого рода провокационная политика, мы разоблачаем пред лицом Всероссийского Съезда и стоящих за ним народных и, прежде всего, пролетарских масс это подготовляемое за кулисами наступление Временного Правительства против революции. Мы покинули заседание той экстренной комиссии, в которой обсуждаются

меры против свободы агитации и подготовляется обезоружение рабочих.

Революция переживает момент высшей опасности. Мы призываем рабочих к стойкости и бдительности.

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Бюро фракции большевиков на Всероссийском Съезде Советов.

«Правда» № 80,
26 (13) июня 1917 г.

4. ВОКРУГ ИЮНЬСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ЗАСЕДАНИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ВОПРОСУ О НАСТУПЛЕНИИ

(4 июня) [129])

Мы, нижеподписавшиеся, фракции, группы и отдельные делегаты Съезда, считаем необходимым в первую очередь работ Съезда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий Съезда, но—в полном и точном смысле слова — судьба всей русской революции: вопрос о подготовляемом на ближайшее время военном наступлении. Что это наступление есть решенное дело, в ближайшей очереди, об этом открыто свидетельствуют многочисленные непререкаемые факты и заявления, доступные общей проверке, образование баталионов смерти, раскассирование определенных полков и, наконец, прямое указание министра Керенского в разъяснении по поводу запрещения Украинского съезда.

По существу всех условий переживаемого момента наступление на фронте, продиктованное магнатами союзного империализма, преследует чисто политическую цель: отодвинуть назад и совершенно вытравить из сознания широких народных масс результаты дипломатических переговоров с союзниками, обнаружившие глубоко империалистический характер той группировки, в составе которой выступает дореволюционная Россия (вопросы об Албании, Греции, Персии, ответные ноты и заявления союзных дипломатов).

Поставив народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать свою кровь, пред фактом наступления со всеми его послед-

ствиями, контр-революционные круги России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии.

Явно в расчете на такой благоприятный для имущих классов перелом в соотношении сил, Родзянко созывает своих третье-июньцев в Петрограде, рассчитывая на то, что старая Государственная Дума сможет быть с успехом противопоставлена Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и поможет обеспечить курс твердого и решительного империализма, решительного прежде всего против революции и демократии.

«Закулисные контр-революционные инициаторы наступления, не останавливающиеся—по справедливому выражению съезда партии с.-р.—перед «военной авантюрой», сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем, ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим.

В этих условиях на Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов ложится колоссальная историческая ответственность. Съезд не может молчаливо пройти мимо открыто подготовляемого и всесторонне организуемого удара, против международной революционной борьбы за мир, удара против завоеванных и организованных позиций русской демократии. Съезд должен дать немедленный отпор контр-революционному натиску, путь к которому должно расчистить наступление, или взять на себя ответственность за эту политику целиком и открыто.

Предостерегая рабочий класс, армию и крестьянство против нависшей над страной угрозы, мы настаиваем на постановке вопроса в первую очередь работ Съезда.

Делегат Минского Совета Р. и С. Деп. П. Позерн.

Бюро фракции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) на Съезде.

Бюро Объединенных социал-демократов-интернационалистов.

«Правда» № 75, 20 (7) июня 1917 г.

НАСТУПЛЕНИЕ И НАСТУПЛЕНЦЫ

Наступление началось. Продолжается ли оно? Продолжится ли? Об этом мы в настоящую минуту ничего не знаем. Но оно началось,—как раз в день манифестации петроградских рабочих и солдат [130]) *против* политики наступления,—и министры-социалисты получили возможность к концу Всероссийского Съезда «под занавес» возвестить о «поворотном моменте» в русской революции.

Насколько наступление было подготовлено с материальной стороны, мы не знаем. С духовной стороны оно было подготовлено резолюцией Съезда Советов о войне. И в этой резолюции вся фальшь и двойственность позиции партий правительственного социализма нашла свое законченное выражение. По существу дело шло о том, чтобы дать г. Керенскому право сказать солдатам: «Приказываю вам—вперед!». Своей резолюцией меньшевики и эсеры, заранее и полностью, освящали страшные жертвы, связанные с наступлением. Но кто требует от народа таких жертв, тот должен говорить решительным, твердым, ясным языком. Ничего подобного нет в резолюции Съезда. Она уклончива в своем пацифистском многословии, которое служит ей только для того, чтоб прикрыть свой «наступательный» конец. Но именно этот конец и только он имел реальное значение, ибо дал возможность Керенскому провозгласить на его эсеровски-министерско-театральном языке: «Приказываю вам—вперед!». Армия пошла вперед после каких-то внутренних трений, о которых упоминают официальные сообщения. Что это за трения, каковы их размеры и острота, мы не знаем. Но зато мы твердо знаем, что Временное Правительство сделало все, что было в силах его, для того, чтобы подготовить эти трения, расширить и углубить их. Оно поставило—в форме бессильной лицемерно-дипломатической риторики—вопрос о целях войны и пересмотре старых договоров; этим оно окончательно подкопало веру солдат в те старые цели, сражаться за которые они призваны теперь именем так называемой «революционной демократии». И если, после трехлетнего опыта войны и четырехмесячного опыта революции, не все солдаты окажутся убежденными уклончиво-осторожной резолюцией Съезда, или дешевым ораторским фанфаронством полусоциалистических полуминистров,—у благочестивой печати всегда остается в распоря-

жении испытанное средство: призвать «общество» к крестовому походу против революционных социалистов вообще и большевиков в особенности.

«Наступление было продиктовано необходимостью,—объяснял самый кинтальский из министров г. Чернов.—Русская армия не могла пассивно дожидаться наступления Гинденбурга» [131]). Правда, авторитеты разъясняли нам в течение этих трех лет не раз, что при траншейной войне оборона дает несравненно больше шансов, чем наступление. Правда, на французским фронте мы наблюдали—без всякого ущерба для армии—застой в течение долгого ряда месяцев. Но все равно: допустим, что г. Чернов прав. Что̀ это значило бы? Только то, что из политики Временного Правительства—политики хозяйственной, политической и дипломатической прострации—выход один: стратегическое наступление. Но то, что является объективной «необходимостью» для буржуазного правительства вместе с его полусоциалистическими полуминистрами, вовсе еще не является политической необходимостью для действительно революционной демократии. Она не могла брать и не взяла на себя ответственности за наступление 18 июня.

Г. Церетели, политическая ограниченность которого делает его наиболее способным к прямолинейности, заявил на Съезде Советов, что наступление является могущественным ударом империализму русскому, союзному и германскому,—и в качестве такового должно приветствоваться всеми интернационалистами, в том числе и немецкими. Этот «государственный человек» консервативного мещанства и не подозревал, повидимому, что повторял только пошлые фразы, которые были в ходу на политическом рынке Франции в первую эпоху войны. Когда ренегат Бриан утверждал, что солдаты Франции борются за свободу и демократию, мы спрашивали: каким же образом они делают это рука-об-руку с армией царя? И когда «циммервальдец» Церетели сообщает, что русские войска борются против... империализма, мы спрашиваем: каким же образом они делают это рука-об-руку с империалистическими правительствами Англии, Америки, Италии и Франции? Во всяком случае Ллойд-Джордж, Рибо, Вильсон, которых до сих пор никто не считал заклятыми врагами империализма, горячо приветствовали русское наступление, отнюдь не догадываясь, что оно направлено... против них. Вся русская реакция—нововременцы, «республиканский центр», раз-

ные черносотенные «лиги», кадетская пресса—откровенно приветствовали «антиимпериалистическое» наступление, как начало конца революции. Патриотические манифестации, те самые, что избивали социалистов, несли перед собою трехцветные знамена с прикрепленным к ним портретом Керенского. Что̀ это: недоразумение? И вражда петроградского авангарда революции к политике Керенского—тоже недоразумение? Не проще ли сказать, что недоразумением является революционная фразеология полусоциалистических полуминистров, которые на деле служат чужим целям.

Наступление ли было приурочено к демонстрации, или же демонстрация была сознательно назначена Советом на день ожидавшегося наступления—все равно: связь стратегии г. Брусилова с внутренней стратегией Львова—Церетели слишком ясна. И здесь тоже нет ничего оригинального. Только недавно, напр., после массовых антимилитаристских первомайских манифестаций в Милане и других местах, итальянское правительство ощутило острую потребность в наступлении. Вот как об этом рассказывает корреспондент «Новой Жизни»:

«Немедленно после миланских демонстраций пришли в движение интервентистские (оборончеcкие или, вернее, «наступленские») группы, потребовавшие политики «сильной власти» по отношению к внутренним врагам. Одновременно Биссолати [132]) (итальянский Церетели-Керенский) отправился на фронт, и через некоторое время началось наступление в большом стиле: надо было победой «поднять дух». Победу приурочили *ко 2-й годовщине войны*, но фейерверк быстро потух: австрийские контр-атаки почти свели на-нет стоившие огромных жертв завоевания».

Мы еще ничего не знаем об австро-германских контр-атаках на нашем фронте, как ничего не знаем о дальнейшей судьбе брусиловского наступления. Но для нас уже и сейчас несомненно, что революционное «наступленчество» будет самой короткой главой в истории иллюзий русских народных масс и, прежде всего, самой армии. Наступление поставило все вопросы ребром. Мы не боимся того ответа, какой дадут на них рабочие и с ними вместе армия.

«Вперед» № 5,
11 июля (28 июня) 1917 г.

ТЕЗИСЫ О ВОЙНЕ

I. Общий характер войны

Русская революция до сих пор совершенно не изменила характера войны. Признав все старые военные, дипломатические и финансовые обязательства царизма, рука-об-руку с его старыми союзниками, русская революция, руководимая правительством не Милюкова—Гучкова, а Львова—Терещенко, ввела себя, как подчиненную силу, в кровавую свалку двух империалистических группировок.

Поскольку революция подвергла армию процессу глубокого внутреннего брожения и переустройства, она чрезвычайно ослабила ее, *как фактор империалистической войны*. Тем самым роль России в этой войне, не изменяясь по существу, сделалась лишь еще более зависимой от союзников.

Без решительной перемены всего международного положения России, при сохранении власти в руках представителей капиталистических классов, теснейшим образом связанных с очагами европейского империализма, все попытки поднять боеспособность армии, не как самостоятельной революционной силы, а как орудия чуждых и враждебных революционной армии империалистических планов, ключ к которым находится в руках английских и американских капиталистов, все такие попытки естественно выражаются, прежде всего, в стремлении сломить революционно-демократический дух армии и имеют по этому самому своему существу контр-революционный характер.

II. Дипломатическая деятельность

Дипломатическая деятельность Временного Правительства, направленная на то, чтобы внести частичные поправки во внешнюю политику России, опутанной цепями дореволюционных обязательств, уже обнаружила полную свою несостоятельность.

Выдвинутая Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и формально воспринятая Временным Правительством программа мира без аннексий и контрибуций и с гарантией национального самоопределения—могла бы получить серьезное значение только при применении самых решительных революционных средств,

только, как знамя борьбы европейских рабочих масс против империалистических классов. В устах капиталистических правительств подобные формулы звучат, как самая отталкивающая ложь. Ответы союзных держав на ноту Временного Правительства имеют характер прямого издевательства сознательных и последовательных империалистов над демократическими формулами; и если эти формулы не отвергаются начисто г.г. Рибо, Ллойд-Джорджем, Вильсоном и др., то только потому, что они могут еще послужить, как служили уже не раз, для обмана пробуждающихся рабочих масс насчет истинных целей войны. С другой стороны, воззвания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к народам не могут оказывать революционного действия до тех пор, пока Совет сам через Временное Правительство добровольно входит составным звеном в одну из мировых империалистических комбинаций. Политика уклончивых полу-протестов русской дипломатии против насилий над Грецией и Албанией, при продолжении насилий самой России над Персией и при круговой поруке всех союзников за всю их империалистическую работу, способна лишь безнадежно скомпрометировать русскую революцию в глазах трудящихся масс всего мира и задержать развитие европейской революции, вне которой нет средств и путей для демократической ликвидации войны и спасения дела русской демократии.

III. Наступление

Охарактеризованная выше политика Правительства в корне подрывает возможность успешных военных действий, которые Правительство, однако, ставит своей ближайшей целью.

Материальные предпосылки наступления крайне неблагоприятны. Организация продовольствия армии отражает собою общую хозяйственную разруху, против которой правительство нынешнего состава не может предпринять ни одной радикальной меры.

Духовные предпосылки наступления неблагоприятны в еще более высокой степени. Правительство оказалось вынуждено открыто, пред лицом всего народа, поставить вопрос о старых договорах и о целях войны. Вместе с тем оно вскрыло перед армией полную невозможность добиться в этом основном вопросе уступок от союзных правительств и свою неспособность определить политику России независимо от воли империалистических союз-

ников. Результатом не могло не явиться прогрессирующее разложение армии, которой само Правительство всем своим поведением внушало ту мысль, что старые цели войны не могут оправдывать той дани кровью, которой потребовало бы наступление.

Массовое дезертирство, пагубное для самой армии и крайне вредное для революции, перестает, однако, в настоящих условиях быть простым результатом порочной индивидуальной воли, а становится выражением полной неспособности Правительства спаять революционную армию внутренним единством целей.

Останавливаясь в нерешительности пред сопротивлением имущих классов России, которые призывают к войне до конца и в то же время фактически бойкотируют войну, даже не подписываясь на «заем свободы»; безвольно попустительствуя неслыханным хищениям, которые по-прежнему совершаются вокруг войны; не решаясь на немедленное упразднение помещичьего землевладения, т.-е. на единственную меру, которая убедила бы самого отсталого крестьянина, что эта революция есть *его* революция, и что если исчерпаны все другие средства—революцию нужно защищать с оружием в руках,—Временное Правительство, бессильное перед *дезертирством*, переходит к приемам суровой расправы над *дезертирами* и даже над их семьями.

В таких материальных и духовных условиях наступление должно неизбежно получить характер авантюры, которая может остро противопоставить друг другу отдельные части армии и, таким образом, окончательно разрушить ее внутреннюю связь.

Выводы

Разрешение вопроса о войне и мире лежит для революционной России на том же самом пути, что и разрешение всех основных вопросов внутренней жизни страны. Только доведение революции до конца, т.-е. превращение ее в революцию трудящихся масс, с переходом власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, может создать необходимую внутреннюю связь армии и сделать ее жизнеспособным организмом; и только на этом же пути русская революция может дать могущественный толчок революции и на Западе, являющейся единственным верным способом ликвидации войны.

Из всего изложенного вытекает:

1. что дальнейшее признание старых царских сделок с союзными империалистами так же гибельно для интересов революции и так же несовместимо с ее честью, как и заключение сепаратного мира с германским империализмом;

2. что бессильные увещания русского правительства по адресу союзных империалистов неспособны дать какие бы то ни было практические результаты, знаменуют только политику проволочек и топтания на месте, разлагают армию и демократию и подрывают политический и нравственный авторитет русской революции;

3. что все призывы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к народам Европы парализуются тем фактом, что внешняя политика России остается в руках капиталистических классов, связанных с союзной дипломатией, действующей в направлении прямо противоположном призывам Совета Рабочих и Солдатских депутатов;

4. что единственным выходом для русского народа является открытое провозглашение полной независимости всей дипломатической и военной политики русской революции, которая должна немедленно призвать народы не от имени безвластной организации, а от имени революционной власти—к борьбе со своими собственными империалистами во имя демократического мира и обещать всю силу своей поддержки тем народам, которые встанут на этот путь;

5. что только при выполнении указанных предпосылок русская революция создаст несокрушимую внутреннюю связь между армией и народом и сделает армию способной, в случае необходимости, бросить всю свою силу на чашу весов;

6. что только такое выключение России из империалистического круга и превращение ее армии в активную опору европейской революции, где бы она ни вспыхнула, может заставить европейские правительства—перед призраком восстания собственных рабочих масс—поспешить с заключением мира, прежде чем победоносная европейская революция положит конец их преступному господству.

«Вперед» № 5,
11 июля (28 июня) 1917 г.

Я. М. Свердлов.

5. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

ОТ СЛОВ—К ДЕЛУ *)

(К вопросу об объединении интернационалистов) [133])

Прошло уже полтора месяца после конференции Петроградской междурайонной организации, а вопрос об объединении интернационалистов не двинулся ни на шаг с места. Более того: кто присутствовал на конференции и наблюдал господствовавшее там настроение, тот скажет, что тогда объединение стояло как бы ближе перед нами, чем теперь. Тогда оно во всяком случае стояло, как практическая задача. Сейчас оно слишком часто превращается в благочестивую фразу, которая не обязывает ни к каким деловым выводам.

На конференции было установлено, что у нас нет принципиальных разногласий с большевиками. Мы пришли к одним и тем же выводам по всем основным вопросам, поставленным перед нами войной, революцией и кризисом Интернационала. А так как раздельное организационное существование может оправдываться только глубокими программными или тактическими разногласиями, то из отсутствия таковых обязательно вытекает вывод: *полное организационное слияние*.

Правда, на конференции указывалось на затруднения, вытекающие из навыков и приемов большевистской кружковщины. Этих затруднений, конечно, отрицать нельзя, они и сейчас не-

*) Настоящая статья, выражающая позицию меньшинства редакции, была сдана в печать до оформления соглашения МК и ЦК об организационном бюро по созыву съезда и коалиционной газете. Утратив практическое значение, статья тем не менее полезна, как материал при обсуждении вопроса о единстве в низах. *(Ред.)* (Прим. 1917 г.)

редко сказываются в весьма непривлекательной форме, как в организационной политике ЦК, так и на страницах «Правды». Но тогда же, на конференции, т. Луначарский [134]) совершенно правильно указал, что в условиях открытого существования массовой рабочей партии эта кружковщина встречает могущественный противовес. Во всяком случае, при отсутствии принципиальных разногласий, нельзя бороться против методов кружковщины иначе, как противопоставляя ей *в рамках общей организации* более здоровые, т.-е. более демократические, методы ведения партийной работы. Искусственно сохранять сепаратную организацию, в целях борьбы с кружковщиной, значило бы создавать почву для своей собственной кружковщины более мелкого масштаба. Междурайонная организация несомненно стоит перед этой опасностью.

В № 3 «Вперед» т. Юренев [135]), в качестве одного из доводов в пользу затягивания объединительных шагов, приводит ссылку на меньшевиков-интернационалистов [136]).

«*Единство*,—пишет он,—*для нас неприемлемо в форме сепаратного слияния, скажем, с т.т. большевиками*. Несмотря на то, что мы в центральных вопросах, поставленных революцией, с ними вполне сходимся, *было бы ошибкой, не исчерпав всех возможностей создания единой революционной* с.-д., *слиться немедля*. В петербургском масштабе это было бы плюсом: во всероссийском—минусом. Выход мы видим не в таком слиянии, а в подготовке общими усилиями всероссийского съезда с.-д. интернационалистов» (курсив мой).

Ставить вопрос так, значит ставить его в корне неправильно. Вопрос идет не о сепаратном слиянии, «*скажем* (!?), с т.т. большевиками», а об объединении именно с большевиками. Объединение в эту сторону уже предопределено всем предшествующим развитием. Принципиальная основа для него формулирована в наших резолюциях. Вся наша работа в Петрограде ведется в форме «сепаратного» сотрудничества с большевиками. Задача состоит теперь в том, чтоб устранить организационные перегородки, тормозящие и дезорганизующие эту общую политическую работу. Т. Юренев сам признает, что для Петрограда такое объединение будет плюсом; он думает, однако, что оно явилось бы минусом для провинции.

Прежде всего междурайонная организация есть *петроградская* организация и, следовательно, несомненный крупнейший

выигрыш для петроградского движения, какой даст это объединение интернационалистских сил, не может никак итти в сравнение с тем, более чем гадательным, ущербом, какой петроградское объединение будто бы принесет провинции. «Плюс» для Петрограда при настоящих условиях, когда «Петроград» подвергается такой бешеной травле со стороны всех элементов контр-революции, не может не иметь для нас решающего характера.

В чем, однако, мог бы состоять ущерб для провинции? Мысль т. Юренева, очевидно, такова. Провинция отстала от Питера. Политические группировки там еще весьма бесформенны. Откалываясь от оборонцев, провинциальные интернационалисты, может быть, не решатся примкнуть к большевикам; тем охотнее они примкнут к объединенным интернационалистам. Это рассуждение было бы более или менее убедительно, если бы мы были простым блоком «интернационалистов», не примыкающих ни к большевикам, ни к меньшевикам. Но этого нет. Мы сплотились на почве определенной платформы, которая не отличается от большевистской. В этих условиях раздельное существование нашей организации и большевистской способно только сбивать с толку провинцию, а это никак не может считаться «плюсом». Да и вообще было бы наивно думать, что сейчас, когда все вопросы стоят ребром, политические группировки в рабочем классе или в его социалистическом авангарде могут зависеть от второстепенных явлений внутрипартийного характера.

«Но партия с.-д. интернационалистов,—говорит т. Юренев,—не мыслится нами, как секта, организация безусловных единомышленников... И пусть меньшевики-интернационалисты иначе относятся к вопросу об организации (?) власти—с ними у нас возможна общая работа, возможно и необходимо единство».

Что партия не должна быть сектой, это, конечно, совершенно верно. Но, к сожалению, эта общая мысль не дает ответа на стоящий перед нами вопрос. Если б нам предложили на выбор: объединение с большевиками и меньшевиками-интернационалистами, на одной стороне, объединение только с большевиками на другой стороне, и мы выбрали бы эту вторую сторону, можно было бы тогда еще говорить о сектантстве. Но на самом деле никто нам такого выбора не предлагает. *Меньшевики-интернационалисты нигде не заявляли о своей готовности объединяться с нами.* Наоборот, они энергично отмежевываются от общей нам с боль-

шевиками позиции в основном вопросе революции—о завоевании власти. Они не только не спешат порывать со своими оборонцами, чтобы объединяться с нами и с большевиками, но, наоборот, всячески подчеркивая то, что отделяет их от нас, замыкают свою тактику в рамки меньшевистски-оборонческой организации, разрешая себе лишь самостоятельные политические выступления. Если бы мы, в свою очередь, поставили нашу объединительную работу в зависимость от эволюции отношений внутри меньшевистской фракции, это значило бы практически отказаться от объединения элементов, уже единомыслящих, во имя уловления элементов, отнюдь не проявляющих своей готовности объединяться с нами. И во всяком случае, если бы сторонники т. Мартова сочли возможным объединиться с нами и большевиками,—а мы бы это только приветствовали,—для них, для меньшевиков, было бы по существу безразлично, существуем ли мы с большевиками раздельно или организационно объединены на основе общей платформы революционного действия.

Но гораздо важнее для нас вопрос о тех, сравнительно еще широких слоях рабочих, которые шли до настоящего времени за меньшевиками и социалистами-революционерами. Мы имеем полное право рассчитывать, что эти более отсталые массы будут теперь всей логикой положения и всеми экспериментами правительственной политики—и в первую очередь экспериментом наступления!—толкаться в сторону революционного социализма. Точно так же наиболее угнетенные слои крестьянства и мелкой буржуазии, а, стало быть, и армии, будут с каждым днем испытывать все большее разочарование в политике коалиционного правительства и будут искать выхода на революционном пути. Эти массы нуждаются в ясных и простых политических группировках. Лагерю консервативного мелкобуржуазного оборончества должен противостоять сплоченный лагерь революционного социализма. Поэтому и для провинции—если брать не провинцию кружков, а провинцию масс—раздельное существование объединенных интернационалистов и большевиков есть не плюс, а минус.

Пора в деле объединения переходить от слов к делу. На-ряду с совместной подготовкой общего съезда интернационалистов, нужно уже сейчас обеспечить организационным путем возможно полное единство устной и печатной агитации и особенно единство политических действий.

Т. Юренев говорит о том, что единство должно осуществляться не сверху, а снизу. Это верно в том смысле, где нужно давление снизу, чтоб ускорить объединение сверху. И я думаю, что петроградским рабочим, большевикам и междурайонцам, пора нажать поэнергичнее с обоих сторон.

«Вперед» № 5,
11 июля (28 июня) 1917 г.

НУЖНО НЕМЕДЛЕННО ОБЪЕДИНИТЬСЯ НА ДЕЛЕ

(Ответ на запрос)

На ряде последних митингов, где мне приходилось выступать, мне задавали вопросы: имеются ли какие-либо разногласия между объединенной организацией (межрайонной) и большевистской, и если нет, то чем объясняется их раздельное существование.

На эти вопросы я считаю необходимым ответить в печати:

1. Никаких принципиальных или тактических разногласий между «объединенной» и большевистской организацией, по моему мнению, не существует в настоящее время.

2. Стало быть, нет таких мотивов, которые оправдывали бы раздельное существование этих организаций.

3. Товарищи рабочие, члены обоих организаций, насколько я могу судить, прекрасно сознают это и признают неотложность объединения по всей линии.

4. Объединение всей работы в Петрограде должно, на мой взгляд, осуществиться немедленно, не дожидаясь партийного съезда, который нам должен дать полное организационное слияние.

5. В этом именно духе, надеемся, разрешит вопрос об единстве открывающаяся сегодня общегородская конференция объединенной организации [137]). Она должна дать решительный отпор консервативным и сепаратистским кружковым тенденциям, лишенным какого бы то ни было принципиального оправдания.

«Правда» № 97,
15 (2) июля 1917 г.

IV

Напор контр-революции

1. ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ КЛЕВЕТЫ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

Не откажитесь опубликовать в ближайшем номере следующие строки:

Сегодня в «Речи» некий Clemens пишет обо мне:

> ,,А там сам гордый, великий Троцкий, на лбу которого горит извещение английских властей о 10.000 долларов, полученных им от немцев-американцев на поездку в Россию, хотя он, Троцкий, в великолепии своем якобы этого не замечает,—очевидно, из пренебрежения к союзной нам Англии''.

Эта инсинуация появляется в «Речи» в третий раз: сперва в статье г. Милюкова, затем в отделе печати, наконец—у Clemens'а, причем в двух последних случаях указывается на то, что я до сих пор этого «сообщения» не опроверг.

На самом деле я еще 25 мая переслал министру иностранных дел, г. Терещенко, через председателя Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Н. С. Чхеидзе, обширное письмо по поводу задержания меня в Галифаксе. Письмо это заканчивалось следующими строками:

> ,,Уже по прибытии в Петроград я ознакомился с официальным сообщением английского посланника по поводу нашего задержания в Галифаксе. Г. Бьюкенен заявил, что мы, задержанные, направлялись во всеоружии субсидированного германским правительством плана низвергнуть Временное Правительство (первого состава).
>
> Это сообщение о полученных мною от германского правительства деньгах дополняет необходимым штрихом все поведение английского правительства в отношении к русским эмигрантам, — поведение, сотканное из насилия, увертливой лжи и циничной клеветы. Считаете ли Вы, однако, г. министр, в порядке вещей тот факт,

что Англия представлена лицом, запятнавшим себя столь бесстыдной клеветой и не ударившим после того пальцем о палец для собственной реабилитации?".

Свое письмо г. Терещенко я издал особой брошюрой «В плену у англичан» (изд. «Книга», ц. 15 к.). Написанное для брошюры предисловие заканчивается следующими словами:

,,В «осведомленных» кругах, как нам передают, называли даже и размеры субсидии: ровным счетом 10.000 марок *). В такую скромную сумму, выходит, оценивало немецкое правительство устойчивость правительства Гучкова—Милюкова.

Английской дипломатии, вообще говоря, нельзя отказать ни в осторожности, ни в декоративном чисто-внешнем «джентльменстве». Между тем, заявление английского посла о полученной нами немецкой субсидии явно страдает отсутствием обоих этих качеств: оно низко и глупо в равной степени. Объясняется это тем, что у великобританских политиков и дипломатов есть две манеры: одна—для «цивилизованных» стран, другая—для колоний. Сэр Бьюкенен, который был лучшим другом царской монархии, а теперь перечислился в друзья республики, чувствует себя, однако, в России, как в Индии или Египте, и потому не усматривает никаких оснований стесняться. Великобританские власти считают себя в праве снимать русских граждан с нейтральных пароходов и заключать в лагерь для военнопленных; великобританский посланник считает возможным выступать против русских революционных деятелей с самой низкопробной клеветой. Этому поистине пора бы положить конец. И цель настоящей брошюры—содействовать ускорению того момента, когда демократическая Россия скажет г. Бьюкенену и его хозяевам: «Потрудитесь убрать ноги со стола».

К этим цитатам мне нечего прибавить. Читатели не станут требовать от меня моральной оценки действий «Речи»—ее хозяев и ее наемников.

Лев Троцкий.

«Новая Жизнь» № 56,
23 июня 1917 г.

10.000 ДОЛЛАРОВ, „ФЕРЕЙН" И КЛЕВЕТНИКИ

(Письмо в редакцию)

Мое письмо на столбцах «Новой Жизни» (23 июня) имело совершенно неожиданные последствия. Редакция вернопредан-

*) Брошюра вышла до того, как г. Милюков свою инсинуацию перенес в печать. Было ли тут недоразумение или г. Милюков сознательно перевел марки на доллары, чтоб поднять вес своего министерства,—не знаю. *Л. Т.*

ного «Вечернего Времени» [138]) отправила одного из своих сотрудников за разъяснениями к великобританскому послу. Разъяснения эти оказались в высшей степени сенсационными.

«Мое правительство, — сказал г. Бьюкенен, — задержало группу эмигрантов в Галифаксе только для и до выяснения их личностей русским правительством: это было его обязанностью. Как только получился ответ от русского правительства о пропуске задержанных, они были немедленно пропущены.

К этому сводится все дело задержания русских эмигрантов. Что касается истории с 10.000 марок или долларов, то *ни мое правительство, ни я о ней ничего не знали до появления о ней сведений уже здесь в русских кругах и в русской печати*» («Веч. Вр.», 23 июня 1917 г.).

Получив такой ответ, верноподданное «Вечернее Время», разумеется, обвинило меня в инсинуациях по адресу английского посла: «и эти люди жили в Европе и Америке!», возмущается суворинская газета.

Однако, позвольте же! Г. Милюков сообщил, что сведения о десяти тысячах долларов он получил «из английского источника». В качестве министра иностранных дел, г. Милюков мог, очевидно, получить такого рода сведения не от секретаря пиквикского клуба, а из английских правительственных сфер, т.-е., прежде всего, от великобританского посольства в Петрограде. Но нет! г. Бьюкенен заявляет «Вечернему Времени», что ни его правительство, ни он сам ничего не знали о 10.000 до появления об этой истории сведений «в русских кругах», т.-е. до того, как всплыли инсинуации г. Милюкова. Итак, г. Милюков сообщает нам, что о 10.000 долларов он узнал из кругов г. Бьюкенена; а этот последний говорит, что обо всей истории услышал впервые от... г. Милюкова. Почтенные джентльмены оказались, следовательно, и на этот раз связаны круговой порукой. Но кто же из них все-таки является, так сказать, основоположником всего дела? Или же, согласно французской пословице, хорошие умы сошлись на одном и том же... откровении?

Однако с г. Бьюкененом дело обстоит вовсе не так просто. 14 апреля 1917 г., т.-е. в то время, как я сидел еще в канадском лагере для военнопленных, английское посольство разослало русской печати сообщение, в котором говорилось следующее:

«Те русские граждане на пароходе Cristianiafiord были задержаны в Галифаксе, потому что сообщено английскому пра-

вительству, что они имели связь с планом, субсидированным германским правительством,—низвергнуть русское Временное Правительство...» Безграмотно, но ясно! Теперь же, спустя два с половиной месяца, г. Бьюкенен заявляет: «Мое правительство задержало группу эмигрантов в Галифаксе только для и до выяснения их личностей русским правительством... К этому сводится все дело задержания русских эмигрантов». Что же касается немецкой субсидии, то, как мы слышали, ни г. Бьюкенен, ни его правительство ничего о ней не знали до появления сведений в русской печати.

Но ведь в русскую печать сведения проникли впервые как раз из... английского посольства. Выходит, следовательно, что г. Бьюкенен противоречит не только г. Милюкову, но и самому себе. Сперва оповещает печать, что русские эмигранты задержаны вследствие получения ими немецкой субсидии. А затем, как ни в чем не бывало, рассказывает, что о немецкой субсидии он узнал впервые из русской печати. У сэра Бьюкенена, несомненно, из рук вон плохая память. Возможно, что это результат того самого дипломатического «переутомления», на которое ссылается пресса в объяснение слухов о близкой отставке г. Бьюкенена.

После интервью английского посла в «Вечернем Времени» вопрос, казалось бы, ликвидируется сам собою: г. Бьюкенен одним ударом расправился с клеветой г. Милюкова и заодно— со своей собственной. Но думать, что «Речь» смирилась перед очевидностью, значило бы плохо знать ее целомудренных Гамзеев. Один из них, ни словом не откликаясь на убийственное (и самоубийственное) интервью г. Бьюкенена, сделал в обзоре печати попытку передвинуть вопрос на новые рельсы: речь шла о 10.000 «не от германского правительства, а от германского ферейна, от германо-американцев». Какой «ферейн», когда и какие деньги он давал мне, об этом целомудренный Милюков не говорит ни слова. Но зато на сцену снова выводится Колышко. «Речь» пишет:

«Г. Троцкий выражает удивление, что германское правительство рассчитывало свергнуть «правительство Гучкова—Милюкова» за такую скромную сумму». Г. Троцкий прав: именно скромность суммы и заставляет усомниться в назначении этих (?) денег. Г-ну Колышко оказание той же услуги Германии обошлось (?), несомненно, в гораздо более крупную сумму» (24 июня).

Выходит, что о деньгах кадетский Гамзей знает наверное («лопни мои глаза!»), только сомневается насчет их «назначения».

Не знает, от кого, не знает, для чего. Но зато знает, что по-немецки союз называется «ферейн». И еще твердо знает, что г-ну Колышко оказание той же (какой?) услуги Германии «обошлось» (?!) в гораздо более крупную сумму. Бегают у либерального Гамзея раскосые глаза и любострастно подергиваются воровские пальцы. И от клеветнического восторга дыхание спирает в зобу у Гамзея и он не в силах даже совладеть с фразой: не то Германия платит г-ну Колышко, не то Колышко—Германии. Но все равно. Священнодействует Гамзей...

Что это, однако, за «ферейн»? Откуда он взялся? Мы на этот счет хотим предложить свою гипотезу. В Соединенных Штатах существует действительно могущественный немецкий патриотический ферейн, ведший до вмешательства Соединенных Штатов в войну самую ожесточенную и бесчестную,—теперь можно сказать, чисто-милюковскую, — травлю против федерации немецких рабочих-интернационалистов, которых «ферейн» обзывал слугами царя (Zarenknechte) и наемниками Англии. С патриотическим немецким «ферейном» у меня было ровно столько же точек соприкосновения, сколько с кадетской партией.

Но немецким рабочим я не раз читал рефераты в защиту тактики Либкнехта против тактики Шейдемана и половинчатости Каутского. С этими немецкими рабочими-либкнехтианцами нас связывали узы политической солидарности и полного взаимного доверия. За два дня до моего отъезда из Нью-Иорка в Европу мои немецкие единомышленники совместно с американскими, русскими, латышскими, еврейскими, литовскими и финскими друзьями и сторонниками устроили мне «прощальный митинг». На этом митинге производился сбор на русскую революцию. Сбор дал 310 долларов. В счет этой суммы немецкие рабочие внесли через председателя 100 долларов. Сто долларов, г-да кадеты! Сто долларов, целомудренная «Речь»! Отчет о митинге появился во многих нью-иоркских газетах.

Эти публично собранные и публично переданные в мое распоряжение 310 долларов я на другой же день, с согласия организаторов митинга, распределил между пятью возвращавшимися в Россию эмигрантами, которым не хватало денег на проезд. Трое из этих эмигрантов находятся сейчас в Петрограде, один—на фронте, один—в Москве. Остается предположить, что какой-нибудь из малограмотных и пьяных нью-иоркских шпиков Милюкова—Бьюкенена превратил 100 долларов в 10.000, а группу не-

мецких рабочих-интернационалистов смешал с патриотическим ферейном... если не предполагать вообще, что всю эту историю г. Милюков просто-напросто высосал из своего указательного пальца.

Для того, чтобы на будущие времена ввести необходимый коэффициент в «высказывания» обо мне г.г. лжецов, клеветников, кадетских газетчиков и негодяев вообще, считаю полезным заявить, что за всю свою жизнь я не имел единовременно в своем распоряжении не только 10.000 долларов, но и одной десятой части этой суммы. Подобное признание может, правда, гораздо основательнее погубить мою репутацию в глазах кадетской аудитории, чем все инсинуации г. Милюкова. Но я давно примирился с мыслью прожить свою жизнь без знаков одобрения со стороны либеральных буржуа.

Лев Троцкий.

«Новая Жизнь» № 59,
27 июня 1917 г.

ПАРВУС [139]) И ЕГО „АГЕНТЫ“

(Письмо в редакцию)

В «Речи» от 7 июля г. Бурцевым [140]) напечатано письмо, в котором говорится по поводу Парвуса: «Как до, так и во время войны он, Парвус, всюду находил для себя послушных и деятельных помощников, как, например, бывшего члена 2-й Гос. Думы Зурабова [141]), Перазича и Л. Троцкого». И дальше мое имя снова упоминается в том же смысле. По этому поводу считаю нужным установить:

1. В русской социалистической печати я первый разоблачил недостойную связь Парвуса с германским империализмом, констатировал полную политическую и нравственную несовместимость такой политики с революционной честью и призывал всех русских социалистов порвать какие бы то ни было политические связи с Парвусом.

2. Моя статья в этом духе, напечатанная в феврале 1915 года в парижской газете «Наше Слово»[142]), была воспроизведена в петроградском журнале «Современный Мир».

3. Мною же первым были разоблачены в той же газете «Наше Слово» и пригвождены к позорному столбу Скоропись-Елтухов-

ский, Басок-Меленевский, как агенты австрийского генерального штаба.

4. На эти разоблачения последовал в свое время официальный ответ Украинского клуба австрийского рейхсрата, причем в этом ответе я, само собой разумеется, назывался защитником интересов царизма.

5. Ввиду основанного Парвусом научного института, куда были приглашены для работы социалисты, я печатно рекомендовал русским социалистам воздерживаться от работы, дабы не дать лишнего повода для клеветы на таких безупречных людей, как Перазич и Зурабов.

6. В связи со всем сказанным ясно, что за время войны у меня не было и не могло быть ни политических, ни личных, ни прямых, ни косвенных связей с Парвусом. Всякие противные утверждения представляют собою ложь и клевету.

Л. Троцкий.

«Новая Жизнь» № 69,
8 июля 1917 г.

АЛЕКСИНСКИЙ—МИЛЮКОВ

Когда какой-то жандарм сообщил из третьих рук, что в киевской охранке служил когда-то агентом какой-то «Каменев», милюковская «Речь», которая не пьет, не ест, а стоит на страже общественной нравственности, немедленно встрепенулась: «Позвольте, отстранен ли большевик Ю. Каменев от общественной деятельности впредь до выяснения вопроса?».

В Москве, на совещании выступал от второй Думы Алексинский. Что такое Алексинский, знают все. Даже Булат [143]), которого никто не обвинит в излишней брезгливости, счел необходимым уйти с заседания, чтоб протестовать против избрания Алексинского. Но кадеты... они голосовали за клейменого клеветника.

Алексинский подписал прошение Керенскому о предоставлении Плеханову слова вне списка. Под этим прошением подписался Милюков. У Алексинского есть достаточно оснований демонстрировать свою благодарность Плеханову, который не раз вытаскивал его за уши из грязи. А у Милюкова есть достаточно интереса поддерживать ходатайство Алексинского в пользу Плеханова. «Прекрасную речь произнес Алексинский»—пишет газета Милю-

кова и выражает надежду, что г. Алексинский скоро займет место социал-демократического «вождя».

Что такое Алексинский, знают все. Но не мешает напомнить, что в числе многих других подвигов этого профессионала клеветы имеются покушения на парижского корреспондента «Речи» Е. Дмитриева. Вместе с несколькими другими шантажистами Алексинский обвинял Дмитриева в том, что он живет под псевдонимом, тогда как фамилия у него «немецкая», что он—германофил; что он издавал газету на немецкие деньги. Словом все, как полагается. Союз иностранных журналистов в Париже разобрал все дело и объявил Алексинского клеветником. Этот союз (синдикат) состоит не из большевиков и циммервальдистов, а из корреспондентов патриотической буржуазной прессы стран Согласия и сочувствующих Согласию «нейтральных» газет. Все это, значит, единомышленники Алексинского. И вот эти английские, итальянские, русские, американские, бельгийские и пр. патриотические журналисты единодушно признали, что их единомышленник Алексинский—бесчестный клеветник. Это подтвердил особым постановлением союз русских корреспондентов в Париже. Третья парижская организация (литературное общество) исключила Алексинского из своей среды. Г. Милюков прекрасно осведомлен обо всем этом лично от своего корреспондента Дмитриева и в свое время обещал, «в случае надобности», поднять эту историю в «Речи». И можно не сомневаться, что, если бы Алексинский оказался, например—не интернационалистом, нет, а хотя бы союзником Чернова, «Речь» не замедлила бы обличить Алексинского, и все Гессены негодующе трепетали бы от лысины до пят по поводу того, что таких субъектов, как Алексинский, допускают в среду «революционной демократии», Изгоев [144]) непременно выполз бы из-под лавки и тоже предъявил бы свое бессильное жало... Но так как Алексинский состоит неофициальным чиновником особых (т.-е. особо-гнусных) поручений при контр-разведке, то «Речь» не только не разоблачает Алексинского и не требует его отстранения от общественной деятельности, а, наоборот, всячески его поддерживает и даже просовывает в какие-то «вожди».

С одной стороны,—т. Каменев, на политической чести которого нет ни одного пятна, и против него милюковская «Речь» пускает в оборот гнусные никем не проверенные жандармские сплетни. С другой стороны,—Алексинский, осужденный и изгнанный за клевету, сотрудник протопоповской «Русской Воли», че-

ловек, удаленный из социал-патриотического «Призыва» [145]) и из «Современного Мира», человек, не допущенный в Петроградский Совет по мотивам нравственного характера, человек, которого без протестов с чьей бы то ни было стороны члены Центрального Исполнительного Комитета публично называли «негодяем» и «рыцарем политической проституции»,— его, Алексинского, милюковская «Речь», как и вся буржуазная печать, поднимает, как героя, на щит.

Такова мораль буржуазного мира, где лицемерие братается с предательством и где всякого перебежчика из социалистических рядов, как бы презренен он ни был, принимают с распростертыми объятиями и одаряют вещественными и невещественными знаками признательности!..

P. S. Так называемый Центральный Комитет организации так называемого «Единства» признал, что участие его членов в контрразведочном журнале «Без лишних слов» недопустимо, после чего Алексинский выступил из «журнала» и остался в «Центральном Комитете». Что сей сон значит? Можно подумать, что Алексинский случайно попал в какой-то нечестный и неприличный журнал. Но ведь Алексинский создал этот журнал. «Без лишних слов»— это дневник Алексинского. И если журнал бесчестен и неприличен, то только потому, что таков его создатель и редактор. Если Алексинский «выступит» из своего собственного журнала, то бесчестье свое он целиком внесет с собою в «Центральный Комитет». Не место красит человека, господа из «Единства», а человек — место.

«Пролетарий» № 7,
2 сентября (20 августа) 1917 года.
(Помещено под псевдонимом П. Танас).

---

2. ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ 3—5 ИЮЛЯ[146])

(6 июля)

Тов. Троцкий говорит о различии между революционной демократией и революционным пролетариатом.

Не может быть и речи о каком-либо подчинении нашего классового самосознания каким-либо требованиям какого-то непролетарского порядка. Все представители даже демократического порядка сперва пишут: «Свобода, равенство и братство», а потом: инфантерия, кавалерия, артиллерия.

Классовая пролетарская организация не может брать на себя роль палача даже при эксцессах революционного пролетариата. Мы не считаем крестьянство принадлежащим к пролетарскому классу. А поэтому наиболее ясной и верной точкой зрения в оценке развертывающихся событий мы считаем точку зрения пролетарского сознания.

Теперь мы закончили роман мелкой буржуазии с крупной и средней буржуазией и кончили этот роман очень радикально. Неужели весь пролетариат Петрограда, этот цвет рабочего класса России, вышел на улицу только под влиянием провокации? Вызвать его не могли никакие провокации — вызвали его какие-то особо глубокие причины.

«Известия» № 112,
8 июля 1917 г.

ДНИ ИСПЫТАНИЯ

На улицах Петрограда пролилась кровь [147]). В русской революции прибавилась трагическая глава. Кто виноват? «Большевики», отвечает обыватель, руководимый своей печатью. Весь итог трагических событий исчерпывается для буржуазии и услуживающих политиков словами: арестовать вождей, разоружить массы. Цель этих действий — установление «революционного порядка». Социалисты-революционеры и меньшевики, арестовывая и разоружая большевиков, собираются установить «порядок». Вопрос только: какой и для кого?

Революция пробудила в массе великие надежды. В массах Петрограда, игравших в революции руководящую роль, надежды и ожидания отличались особенной остротой. Задачи социал-демократии состояли в том, чтобы эти ожидания и надежды превратить в определенные политические лозунги, направить революционное нетерпение масс на путь планомерного политического действия. Революция ставит ребром вопрос государственной власти. Мы, как и большевистская организация, с самого начала стояли за переход всей власти в руки Центрального Представительства Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Сверху, в том числе и эсерами и меньшевиками, массы призывались к поддержке правительства Милюкова—Гучкова. До последнего момента, т.-е. до часа отставки этих наиболее ярких империалистических фигур первого Временного Правительства, обе названные партии солидаризировались с правительством по всей линии. Только после перестройки правительства массы населения узнали из тех же своих газет, что им не говорили всей правды, что их вводили в заблуждение. Затем им объявили, что доверять нужно новому «коалиционному» правительству. Революционная социал-демократия предсказывала, что новое правительство по существу не отличается от старого, что оно не даст ничего революции и снова обманет ожидания масс. Это подтвердилось. После двух месяцев политики бессилия, призывов к «доверию», многословных увещеваний, замазывания действительности, правда прорвалась наружу. Массы оказались снова и в еще более острой форме — обмануты в своих ожиданиях. Нетерпение и недоверие нарастали в петроградских рабочих и солдатских массах не по дням, а по часам. Эти настроения,

питающиеся затяжной и безвыходной для всех участников войной, хозяйственной дезорганизацией, надвигающейся все ближе приостановкой важнейших отраслей производства, находили свое непосредственное политическое выражение в лозунге: власть—Советам.

Выход кадетов в отставку [148]) и окончательное обнаружение, в связи с этим, внутренней несостоятельности Временного Правительства еще более укрепили массу в том, что она была права *против* официальных вождей Совета. Колебания эсеров и меньшевиков подливали масла в огонь. В том же направлении влиял переходивший в травлю натиск на петроградский гарнизон в связи с наступлением. Взрыв становился неизбежным...

Все партии, и в том числе большевики, принимали все меры к тому, чтобы удержать массы от выступления 3 июля. Но массы выступили и притом с оружием в руках. Все агитаторы, все представители районов сообщали вечером 3 июля, что выступление 4 июля — ввиду длящегося кризиса власти — совершенно неизбежно, что никакими призывами удержать массы невозможно. Только поэтому большевистская партия, а вместе с нею и наша организация, решила: не отходить в сторону, не умывать рук, а сделать все, чтоб ввести движение 4 июля в русло мирной массовой демонстрации. Только этот смысл имел призыв 4 июля. Было ясно, что в случае почти неизбежных атак со стороны контр-революционных банд, могут возникнуть кровавые конфликты. Можно было, конечно, политически обезглавить массу, отказать ей в каком бы то ни было руководстве и предоставить ее собственной участи. Но мы, как рабочая партия, не могли и не хотели проводить политику Пилата. Мы решили быть и оставаться с массой, чтоб внести в ее бурное движение максимум достижимой в этих условиях организованности и тем свести к минимуму возможные жертвы. Факты известны. Кровь пролилась. И теперь «руководящая» пресса буржуазии и пресса, услуживающая ей, пытаются всю тяжесть ответственности за события— т.-е. за нищету, истощение, недовольство и возмущение масс — возложить на нас... И для того, чтобы округлить эту работу контрреволюционной мобилизации против партии пролетариата — выступают анонимные, полуанонимные и клейменые прохвосты, чтобы пустить в оборот обвинение в подкупе: кровь лилась по вине большевиков, а большевики действовали под указку Вильгельма.

Мы переживаем сейчас дни испытания. Стойкость массы, ее выдержка, верность ее «друзей», все подвергается сейчас испы-

танию. Мы пройдем и через это испытание окрепшими и еще более сплоченными, как проходили через все предшествующие. Жизнь с нами и за нас. Новая перестройка власти, продиктованная безвыходностью положения и жалкой половинчатостью руководящих партий, ничего не изменит и не разрешит. Необходимо радикальное изменение всей системы. Нужна революционная власть.

Политика Церетели—Керенского направлена сейчас на разоружение и обессиление левого фланга революции. Если б им при помощи этих методов удалось установить «порядок», они первыми — после нас — оказались бы его жертвами. Но они не будут иметь успеха. Слишком глубоки противоречия, слишком велики задачи, чтоб можно было справиться с ними посредством полицейских мер.

После дней испытания наступят дни восхождения и победы!

«Вперед» № 6,
22 (9) июля 1917 г.

ПИСЬМО ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Граждане министры!

Мне сообщают, что декрет об аресте, в связи с событиями 3 — 4 июля, распространяется на т.т. Ленина, Зиновьева, Каменева, но не затрогивает меня.

По этому поводу считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее:

1. Я разделяю принципиальную позицию Ленина, Зиновьева и Каменева и развивал ее в журнале «Вперед» и во всех вообще своих публичных выступлениях.

2. Отношение мое к событиям 3—4 июля было однородным с отношением названных товарищей, а именно:

а) о предполагаемом выступлении пулеметного и других полков т.т. Зиновьев, Каменев и я впервые узнали на заседании соединенных Бюро 3 июля, причем мы немедленно предприняли необходимые шаги к тому, чтобы это выступление не состоялось; в этом смысле т.т. Зиновьев и Каменев снеслись с центрами большевистской партии, я — с товарищами по «междурайонной» организации, к которой принадлежу;

б) когда демонстрация тем не менее состоялась, я, как и т. т. большевики, многократно выступал перед Таврическим Двор-

цом, выражая свою полную солидарность с основным лозунгом демонстрантов: «Вся власть Совету», но в то же время настойчиво призывал демонстрантов немедленно же возвращаться, мирным и организованным путем, в свои войсковые части и свои кварталы;

в) на совещании некоторого числа членов большевистской и междурайонной организаций, происходившем глубокой ночью (3—4 июля) в Таврическом Дворце, я поддерживал предложение т. Каменева: принять все меры к тому, чтобы избежать 4 июля повторения манифестации; и только после того, как все агитаторы, прибывшие из районов, сообщили о том, что полки и заводы уже решили выступать, и что до ликвидации правительственного кризиса нет никакой возможности удержать массы, все участники совещания присоединились к решению приложить все усилия к тому, чтобы ввести выступление в рамки *мирной* манифестации и настаивать на том, чтоб массы выходили *без оружия*;

г) в течение всего дня 4 июля, проведенного мною в Таврическом Дворце, я, подобно присутствовавшим там т.т. большевикам, неоднократно выступал перед демонстрантами в том же самом смысле и духе, что и накануне.

3. Неучастие мое в «Правде» и невхождение мое в большевистскую организацию объясняются не политическими разногласиями, а условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение;

4. Сообщение газет о том, будто я «отрекся» от своей причастности к большевикам, представляет такое же измышление, как и сообщение о том, будто я просил власти защитить меня от «самосуда толпы», как и сотни других утверждений той же печати.

5. Из всего изложенного ясно, что у вас не может быть никаких *логических* оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту т. т. Ленин, Зиновьев и Каменев. Что же касается *политической* стороны дела, то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного Правительства, как и названные товарищи. Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контр-революционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева.

10 июля 1917 г. *Лев Троцкий.*
Петроград.

«Новая Жизнь» № 73,
13 июля 1917 г.

РЕЧЬ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ЦИК И ИСПОЛКОМА СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ПО ВОПРОСУ ОБ ИЮЛЬСКИХ ДНЯХ

(17 июля) [149])

Докладчик ЦИК Дан сделал мне честь, напомнив о словах, сказанных мною [150]) 12 лет тому назад о том, что, призывая к вооруженному восстанию, мы зовем рабочих умирать, а не убивать. Жалею о том, что Дан не цитировал ответ прокуроров Камышанского и Бальца (последний теперь, кажется, находится в рядах сотрудников Временного Правительства), утверждавших, что мы звали не умирать, а убивать.

Как видите, Камышанский и Бальц отвечали теми же словами, какие употреблял здесь Дан, причем речь Дана настолько подходила к аргументации этих прокуроров, что даже тов. Исув вынужден был сделать поправки к его прокурорскому тону.

Я не знаю, был ли Дан хотя бы на одном митинге в течение июня и первых дней июля, где выступали мы. Я лично выступал 2 июля перед Пулеметным полком, в части которого были особенно деятельны призывы к июльскому выступлению, и, как во всей нашей кампании за переход власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, я заявил, что мы в Петрограде шагнули вперед в сравнении с провинцией, но мы не можем перескочить через собственную голову. Мы должны притянуть к себе крестьянские массы. (Голос: «это невозможно».)

Это возможно. Я верю, что русская демократия была права, призывая к переходу власти к Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Мы знаем, что в Петрограде восстание могло бы в 24 часа устранить министерства и заменить их другими, но это была бы авантюра, ибо министерства должны опираться на поддержку масс. (В зале поднимается сильный шум; председателю с трудом удается установить спокойствие.)— Троцкий обращается к залу и заявляет: Здесь есть ваши непрошенные союзники—представители буржуазной прессы: «Биржевки», «Русской Воли», [151]) «Нового Времени» [152]), «Речи» и других грязных органов, которых мы презираем так же, как и вы. Завтра в этих газетах появятся заметки о том, что в уголовных преступлениях обвиняется большинство демократии. Я просил бы вас обратить внимание на центральный пункт выступления.

Еще 2 июля, когда мы сидели в ЦК, мы узнали, что готовится выступление. Эта весть, как искра, облетела все полки. Мы, несмотря на свою осведомленность, совершенно не знали, откуда идут эти слухи. В то время, как кадеты вышли из министерства, какая-то неизвестная рука пыталась арестовать Керенского и Чернова. (Крики: «это сделали кронштадтцы — краса и гордость русской революции».) Это свидетельствует о черносотенных попытках воспользоваться уходом кадетов. (Шум.)

Эти факты войдут в историю, и мы пытаемся установить их такими, как они были. Я утверждаю, что кто присутствовал при этой попытке, тот знает, что ни матросы, ни рабочие не знали, что делалось около входа в Таврический Дворец. Я выступал с речью и видел, что около входа стоит толпа негодяев. Я об этом говорил тов. Луначарскому и тов. Рязанову. Я говорил им, что это охранники, что они пытаются ворваться в Таврический Дворец. (Луначарский с места: «правда».) Когда Чернов вышел, эти негодяи за спиной массы пытались арестовать Чернова. Когда я выскочил к ним, я заметил, что это была группа из 10 человек, которая пыталась выполнить свою грязную работу. Я мог бы их узнать в десятитысячной толпе. Когда я пытался об этом довести до сведения масс, то оказалось, что ни один из рабочих и матросов не знал их. Банда расстроилась, и — Чернов возвратился во дворец. Никто не знал об отъезде Керенского на фронт, и попытка арестовать его могла исходить только с фронта.

Попытка вызвать Церетели не имела целью его арестовать, ибо рабочие и матросы кричали: пусть Церетели выйдет к нам и расскажет нам об истинном положении вещей. Если были другие крики, то они исходили из той же среды, которая пыталась арестовать Чернова. Три четверти всей конструкции восстания было основано на попытке арестовать министров. (Крики: «ничего подобного».) Пресса последних дней это доказала.

Вооруженное восстание вооруженных людей должно иметь цель, которую эти люди пытаются осуществить. Какая же могла быть у них иная цель? Таврический Дворец был совсем обезоружен. Вооруженными массами не было произведено попытки захватить какие-либо стратегические пункты или политические центры. Если стать на эту точку зрения, то вооруженного восстания не было. Это доказывает стихийность и элементарность движения, в которое вмешались контр-революционные элементы.

Когда Дан говорил о заседании рабочей секции, он не упомянул, что мы настаивали на чистке контр-революционных гнезд, представители которых ведут свою работу в низах рабочих и солдатских масс. 3 июля мы требовали этого от нашего полномочного органа, и это доказывает, что мы не были слепы. Нас обвиняют в том, что мы создаем настроение масс. Это неправда, мы только пытаемся его формулировать.

Когда в мае и июне указывали на то, что буржуазные группы занимаются саботажем, нам говорили, что мы демагоги. А когда ушли кадеты, то тов. Чернов и газеты «Дело Народа» и «Рабочая Газета» [153]) повторяли наши же слова.

Неудивительно, что, когда ушли кадеты, рабочие массы сочли нужным предостеречь демократию от объединения с буржуазными группами. Вот на какой почве создалось движение.

Массы взяли оружие, потому что они знали о контр-революционных попытках.

Мы считаем вместе с вами, что это была ошибка. С этой же трибуны тов. Войтинский говорил, что большевики предостерегали массы от выступления. Когда же массы вышли, мы поняли, что наша роль — ввести планомерность в это движение. Мы говорили этой массе: ваши лозунги справедливы, но все - таки не выступайте и возвращайтесь домой.

Я хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Если революционная диктатура считает, что мы совершили преступление, то она должна расправиться с нами со всей силой революционной власти. Кто-то говорил здесь, что неизвестен мой адрес. Это неправда, он имеется в списках членов ЦК. Вы своим пассивным отношением создали атмосферу, в которой вы задохнетесь вместе с нами. В этой атмосфере грязные обвинения бросают Ленину и Зиновьеву. (Голос: «это правда».—В зале поднимается шум. Троцкий продолжает.)

В этом зале есть люди, которые сочувствуют этим обвинениям. Здесь есть такие, которые только примкнули к революции. (Шум. Председательский звонок долго восстанавливает спокойствие.)

Здесь есть меньшевики и с.-р., наши глубокие, но идейные противники, но есть и другие, которые преследуют другие цели.

Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер. Я был осужден

германским судом к 8 месяцам тюрьмы за борьбу с германским милитаризмом, и это все знают.

Когда в этом зале находятся люди, которые прикладывают свою революционную печать к гнусным обвинениям против меня и моих товарищей, то этим самым они дают возможность контрреволюции говорить своим языком.

Не позволяйте никому в этом зале говорить, что мы наемники Германии, потому что это голос не убежденных революционеров, а голос подлости.

«Известия» № 121,
19 июля 1917 г.

3. КАПИТУЛЯЦИЯ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ ПЕРЕД КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ИСПОЛКОМОВ СОВЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ПО МОТИВАМ ГОЛОСОВАНИЯ

(20 июля) [154])

Товарищи, наше негодование так же глубоко и остро, как и ваше, а может быть и больше, потому что мы вчера и сегодня являемся жертвами клеветников. Мы лишены возможности голосовать за принятие этой резолюции, так как выход тов. Чернова из состава правительства является результатом злостной клеветы, а принятие резолюции есть выдача всем негодяям, всем клеветникам права безнаказанно бросать комья грязи для того, чтобы убрать с арены политической борьбы того или другого представителя революционной демократии. Мы призываем вас воздержаться и наспех не принимать этой резолюции. По поводу неуместного заявления тов. Церетели относительно тов. Ленина должен сказать, что эти два дела возникли в совершенно разных условиях. Атмосфера их возникновения весьма различна. Теперь всякий считает нужным всадить нож в спину Ленина и его друзей, но тот, кто говорит, что тов. Ленин может быть немецким агентом, тот — негодяй. Честное имя тов. Ленина нам так же дорого, как и имя Чернова. Чернов стоит под вашей защитой, но он также защищается и нами. Если, товарищи, в этом деле вам понадобится помощь — можете рассчитывать на нас.

«Известия» № 124,
22 июля 1917 г.

РЕЧЬ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ЦИК И ИСПОЛКОМА СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ПО ДОКЛАДУ ДАНА О СОВЕЩАНИИ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ [155])

(22 июля)

Во всем процессе построения власти, в поисках выхода из кризиса есть одна главная черта — полная, безусловная всесторонняя растерянность. Полное отсутствие политической линии.

На этом нельзя построить нужной власти. Вы впали в положение политической прострации. Три недели безнадежных попыток создать прочную сильную власть компрометирует демократию. Откладывания стали систематическими.

Не может быть более унизительного для нас и наших делегатов факта, как отсутствие революционного творчества.

Чего же ищут? Ищут жизненного министерства. Обращаются к кадетам письменно и в прессе, внушая им любовь к родине. Разве достойно политической партии заниматься таким делом?

Мы прибегаем к старым принципам составления министерства —путем создания блока революционной демократии с землевладельцами и капиталистами.

Когда Коновалов ушел из министерства, я усомнился в том, что его уход есть результат усталости. Скобелев отрицал это. Теперь на месте Коновалова — Пальчинский [156]), деятельность которого охарактеризована перед вами в достаточной мере.

В коалиционном министерстве оказалось разбойничье гнездо. Министры-социалисты вынуждены были работать с теми, кого можно назвать классовыми разбойниками. Их политика — довести массы до крайнего пессимизма — преследовала одну цель: «создать диктатуру землевладельцев и капиталистов».

Когда мы об этом говорили, нас упрекали в демагогии.

Церетели и Пешехонов утверждали, что сопротивление буржуазии сломлено... Я спрашиваю вас: действительно ли оно сломлено, если Скобелев и Церетели борются с анархией, а параллельно Пальчинский дезорганизует всю демократию?

Что же могут нам дать новые министры из среды буржуазии? Что могут нам дать новые Пальчинские? Были кадеты в министерстве, но они ушли, потому что у них вредный характер, они ушли потому, что расшифровали их политику отстаивания классовых вожделений буржуазии.

Мы всегда протестовали против политики коалиции. К чему же это привело?

(Церетели с места: «к событиям 3—5 июля».)

Я отвечаю, — продолжает Троцкий, — что события 3—5 июля есть результат деятельности Временного Правительства. (Шум.)

Скобелев обещал взять с прибыли 100 процентов, а вместо этого мы видим работу Пальчинского.

Разве Чернов не заявлял в мае, что будут запрещены земельные сделки, и разве мы не узнали через два месяца, что ему этот закон не дали провести в жизнь кн. Львов с кадетами?

Разве не ясно, что составлять правительство в виде примирительной камеры — это значит создавать затор государственному творчеству, создавать словопрения, с одной стороны, и репрессии — с другой.

И теперь, когда конфликт разросся, когда выяснилось, что имущие классы подстерегают неуспех революции, это стало особенно очевидным.

Для чего пришел в министерство Ефремов, для чего вышел оттуда Шингарев? Почему же мы должны ждать чего-либо другого от министров-кадетов, чьих имен мы еще не знаем, но чей облик нам достаточно хорошо знаком?

Мы можем не сомневаться, что анархические выступления отражают обостренное недовольство масс.

Мы постепенно отрекаемся от самих себя. Петроградский Совет превратился в 2 исполнительных комитета, от которых мы дошли до одного Керенского. Буржуазная пресса это определенно подчеркивает. Конечно, это ложь.

(Исув [157]) с места: «а вы пользуетесь этой ложью».)

Нет, я только подчеркиваю этот факт и предостерегаю, что в лице Керенского чувствуется начало бонапартизма, но бессознательная попытка итти по бонапартистскому пути будет бита.

Уже крестьянство теперь заявляет, что Чернов — это жертва. И желание поручить Керенскому составление кабинета — не расширение, а сужение революционного базиса.

Далее Троцкий останавливается на росте влияния эсеровской партии, которая совместно с меньшевиками определенно идет на капитуляцию. Но нет уверенности, что революционная масса будет подчиняться этим политическим партиям.

«Единственный исход восстановить силу и организованность армии — это диктатура трудовых масс в лице Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», — заканчивает Троцкий.

«Известия» № 125,
23 июля 1917 г.

СДАЧА ПОЗИЦИЙ

(К отставке Чернова)

Министр земледелия Чернов вышел в отставку [158]). Целую неделю кадетская «Речь» и за нею все органы реакции требовали отставки Чернова. Кадетские кандидаты в министры требовали того же. При всей бесхарактерности своей политики, состоявшей в том, чтобы хорошими эсеровскими словами прикрывать свое бессилие передать землю крестьянам, Чернов стал все же в глазах крестьян, которые принимали его слова всерьез, в своем роде знаменем, на котором написано право крестьян на помещичью землю. Крепнущая за спиною Советов и Временного Правительства контр-революция сейчас же приступила к очищению министерства от таких людей, которые питают в массах «бессмысленные мечтания».

К этому прибавилось еще одно крайне важное соображение. В день своего вступления в министерство, в начале мая, когда министры-«социалисты» (меньшевики и эсеры) раздавали обещания пригоршнями налево и направо, Чернов обещал Совету издать немедленно закон, воспрещающий с 1 марта всякие земельные сделки, дабы не дать помещикам возможности «спрятать» свои земли от народа посредством мнимого раздела их между родственниками и свойственниками или продажи иностранцам. Однако такого закона Чернов не издал ни в мае, ни в июне. Этого не позволяли те самые кадеты и князья Львовы, доверять которым эсеры призывали крестьян. Только после бурного выступления на улицы Петрограда рабочих и солдатских масс, потерявших всякое терпение и всякое доверие, только после крови гражданской войны, вызванной провокацией агентов контрреволюции, Чернов получил возможность издать обещанный закон [159]). Но и тут Временное Правительство не пошло на полное запрещение земельных сделок, а поставило их в зависимость от разрешения министра земледелия. Даже «Воля Народа» [160]),

газета правого крыла эсеров, пишет, что за два месяца, май, июнь, бесплодно упущенные Черновым, помещики не дремали и всякими сделками по купле-продаже запутали местные земельные отношения до крайности. Но несомненно, что при крепком революционном, т.-е. рабочем и крестьянском, правительстве в центре, при крепких крестьянских комитетах на местах, можно будет распутать и рассечь все напутанные помещиками петли и узлы. Разрушить уже существующие народные организации, не дать сложиться новым, такова сейчас важнейшая задача контр-революции. А заодно ей нужно заменить Чернова другим министром, который будет прямо и сознательно служить помещикам, разрешая, на основании черновского закона, дальнейшие земельные сделки, которые должны на-нет свести будущую земельную реформу.

Поход кадетов и черносотенцев против Чернова вызван этими именно соображениями. Можно по совести сказать, что Чернов не заслужил той ненависти, которую питает к нему контр-революция. Но в отстаивании своих интересов эксплоататоры не любят останавливаться на полдороге. Учинив разгром большевистских центров, разоружив питерских рабочих и солдат и часть кронштадтцев, контр-революционные центры приступили теперь к снятию с постов своих бессознательных помощников, эсеров и меньшевиков.

Чтобы облегчить себе эту работу, контр-революционеры прибегли к самому отравленному своему оружию: черносотенно-шовинистической клевете. Бурцев и Алексинский [161]) пустили из-под полы слушок, что Чернов, в качестве «пораженца» и «германофила», находился за границей в каких-то сношениях с немецкими властями, распространял через них революционную литературу среди русских пленных в Германии и пр. «Речь» немедленно же подхватила все это в виде темных намеков, рассчитанных на то, чтоб запугать обывателя. Кадеты, которых Керенский заклинал отказаться от «партийности» и вступить в новое коалиционное правительство, отвечали, что с другом кайзера Черновым им заседать невозможно. Потом соглашались, потом опять отказывались...

Кончилось это позорище так, как вообще кончаются столкновения эсеров и меньшевиков с представителями крупной буржуазии: вожди Совета капитулировали, и Чернов вышел в отставку, чтобы, в качестве «частного лица», очиститься от обвине-

ний и потом «вернуться» на свой пост. Действительно ли единственной причиной отставки является гнусная клевета наемников реакции, или же Чернов своей отставкой «самоотверженно» облегчает Керенскому сделку с кадетами,—это сейчас трудно сказать. Но это все равно. Уйти сейчас эсеру от власти легче, чем вернуться к ней. Керенский может и не позвать. И крестьянские депутаты смутно чувствовали это. Большинство их глухо протестовало против отставки. Но политическая беспомощность, которую эксплоатируют вожаки, сделала свое дело: отставка Чернова была одобрена подавляющим большинством членов Центрального Исполнительного Комитета.

Кто выступил против этого решения?

Большевики, объединенные интернационалисты и группа Мартова. Они поставили собранию на вид, что организаторы похода против Чернова те же самые негодяи, которые пустили в оборот клевету против Ленина, Зиновьева, Каменева и Коллонтай. Но разница та, что эсеры и меньшевики до сих пор пальцем о палец не ударили, чтоб обличить и разрушить гнусный клеветнический заговор против Ленина; наоборот, своим рассчитанным молчанием или двусмысленными оговорками они питали и поддерживали клевету, тогда как большевики единодушно выступили на защиту Чернова и потребовали, чтоб он, не сдаваясь перед кадетскими домогательствами, оставался на своем посту. В борьбе против натиска контр-революции большевики защищали Чернова несравненно более энергично, чем эсеры, крестьяне и меньшевики. Это объясняется не нашими «симпатиями» к Чернову, а потребностями борьбы против контр-революции. Сбитые с толку эсерами крестьянские депутаты выдают своих собственных вождей. Революционные рабочие депутаты, не считая крестьянских вождей своими, защищают их, однако, со всей революционной решительностью. А когда придет час, рабочие будут проливать свою кровь за интересы крестьянской бедноты в открытой борьбе против тех клик, которые сегодня вытеснили Чернова, а завтра собираются открыто и целиком прибрать к своим рукам власть. И мы не сомневаемся в том, что крестьянская беднота вынуждена будет вскоре понять, что спасение—в нашей тактике, а не в тактике Черновых.

«Рабочий и Солдат» [162]) *№ 2,*
25 июля 1917 г.

„РЕВОЛЮЦИЯ В ОПАСНОСТИ!“

Революция в опасности—с той именно стороны, с которой ей только и может грозить опасность: со стороны *контр-революции*. Все разговоры о том, что контр-революция может войти и входит на деле через «большевистские ворота», лишены всякого реального содержания. Самое большее, они могут означать, что контр-революция всегда готова *использовать* те или иные ошибки революционной партии. Но суть дела все-таки в самой контр-революции, в ее классовом составе, в ее интересах, планах и силах.

Контр-революция—это, прежде всего, монархия, бюрократия—светская и духовная, старое офицерство, дворянство, монастыри, наконец, империалистическая буржуазия и родственная ей европейская дипломатия. События 3—5 июля не создали контр-революции: они только вскрыли ее. Слепцы и полуслепцы вынуждены были увидеть, что подлинная опасность грозит революции справа, со стороны тех реакционных сил, социальное могущество которых еще не подорвано революцией и которые надеются вернуть себе и политическую власть.

И первое Временное Правительство и второе, коалиционное, главную свою задачу видели в том, чтобы «довести страну» до Учредительного Собрания. До его созыва откладывалось разрешение всех основных вопросов, породивших революцию. Именно эта политика уклончивости и выжидания обостряла неотвратимо внутренние противоречия и вела к грозному кризису—задолго до созыва Учредительного Собрания.

«В принципе» считалось, что Россия станет республикой. Но Временное Правительство не решалось провозгласить республику и сделать из этого все необходимые выводы в области сословий, титулов и пр.

Сам глава правительства продолжал подписываться князем и официально сохранил за Романовыми титул великих князей и княгинь. Таким образом, государственная форма оставлялась под знаком вопроса. В то же время перспектива провозглашения республики Учредительным Собранием должна была побудить монархические элементы напрячь в остающиеся месяцы все силы и при первом подлежащем случае сыграть ва-банк.

Лозунг передачи помещичьей и пр. земли народу получил официальное полупризнание. Но из этого лозунга не было сделано

никаких выводов в смысле приступа к немедленной ликвидации помещичьего землевладения и фактического обеспечения за народом права на землю. Наблюдая продолжавшееся хозяйничанье помещиков и помещичьей администрации на местах, крестьяне не могли преисполниться отвлеченного доверия к спасительной силе довольно далеких от них центральных органов революции. Это создавало почву для хаотических захватов и разгромов, с одной стороны, для черносотенной демагогии—с другой. А помещики получили не только грозное предостережение, но и значительный срок—до Учредительного Собрания,—чтобы мобилизовать свои силы против опасности и, если окажется возможным, выбить революцию из седла.

То же самое наблюдалось и во всех других областях. Провозгласив сверху принцип демократии, оставили на местах реакционных чиновников и судей. Правительственный аппарат стал в огромной степени орудием сплочения противу-революционных сил или их прикрытием. Это чудовищное противоречие ощущалось с удвоенной остротой народом, на теле которого еще не зажили язвы от цепей царизма. Вместе с тем контр-революционная бюрократия, и черносотенная и кадетская, торопилась всесторонне использовать свои официальные позиции для «срыва» революции.

Революция встряхнула армию до самых глубин. Старая палочная дисциплина рассыпалась прахом. В войсковых частях установился режим демократии: все обсуждалось и критиковалось. Вопрос о войне и мире ребром встал в сознании солдат. Выдвинутая Советом и на словах усыновленная правительством программа: *мир без аннексий и пересмотр старых договоров*—только укрепляла в душе солдат вражду ко всем затягивателям войны, скрытым и явным аннексионистам и проповедникам наступления во что бы то ни стало. Отодвигая все вопросы до Учредительного Собрания, откладывая на неопределенное время вопрос о пересмотре договоров с союзниками, правительство не считало возможным отложить, однако, наступление.

Разложение армии со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями явилось результатом противоречия между пробудившимися надеждами и провозглашенными принципами, с одной стороны, и полным дипломатическим бессилием правительства,—с другой.

Массы на низах самым непосредственным образом чувствовали невыносимость тех противоречий, в какие попала револю-

ция. А попытки массы устранить эти противоречия собственными средствами расценивались сверху, как «анархия». Когда кронштадтцы самочинно сместили назначенного сверху комиссара, кадета Пепеляева, вся пресса «порядка» и прежде всего эсеровски-меньшевистская, завопила об отложении Кронштадта от России. Один из Алексинских даже подделал для «Единства» особый кронштадтский денежный знак. Кронштадтцев стращали всеми карами; дошло до того, что Совет Крестьянских Депутатов грозил им приостановить приток хлеба из деревни. Такими приемами до последней степени обострялся антагонизм между левым крылом революции и ее мещанским центром.

Петроградские рабочие, стоящие в средоточии политической жизни страны, с особенной остротой воспринимали ужасающие явления хозяйственного распада и мобилизации контр-революционных сил при попустительстве внутренне-бессильного правительства. Когда петроградские рабочие все в больших и больших массах требовали перехода всей власти к Совету, эсеры и меньшевики объясняли это «темнотою» массы. Выходило, таким образом, что наиболее темною частью обще-революционной армии является пролетариат Петрограда. Ему противопоставляли авторитет провинции и крестьянства и угрожали, что Россия «справится» с Петроградом. В борьбе за явно-нежизнеспособную «коалиционную» политику руководящие партии Советов оказывались вынуждены опрокидывать на голову все политические представления и клеймить перед крестьянской и крестьянски-солдатской аудиторией петроградский авангард революции, как ее злейшего врага. Революционная бдительность петроградских рабочих превращалась, таким образом, в нервную настороженность. Это и явилось необходимой психологической предпосылкой событий 3—5 июля.

Демонстративный выход кадет в отставку окончательно обнажил всю несостоятельность той правительственной коалиции, которую с самоубийственной слепотою поддерживали в течение двух месяцев меньшевики и эсеры.

Почему кадеты взорвали коалицию именно 2 июля, сейчас трудно сказать с полной определенностью. Украинский вопрос являлся только предлогом. Весьма вероятно, что кадеты получили от американских биржевиков (миссия сенатора Рута!) обязательство не давать денег чисто советскому министерству и с этими козырями в руках решили шантажировать «револю-

ционную демократию». Возможно также, что кадеты, главные провокаторы наступления на фронте, спешили покинуть правительственные ряды в тот час, когда навязанное ими и через них наступление начало превращаться в трагическое отступление... Окончательно раскрыв таким путем свой облик контр-революционных вымогателей, кадеты вместе с тем обнажили противонародный характер той правительственной коалиции, в которой меньшевики и эсеры предлагали трудящимся массам видеть единственное спасение революции.

Когда мы писали и говорили, что коалиционное правительство обречено на бесплодие внутренней борьбой противоположных классовых сил, нас обвиняли в демагогии. Когда мы утверждали, что нельзя серьезно покушаться не только на 100, но и на 50% прибыли путем сотрудничества с Коноваловым и Шингаревым, что невозможно руководить аграрной революцией рука-об-руку с кн. Львовым, нас обвиняли в пробуждении «темных инстинктов» массы, в демагогии и травле. А когда кадеты вышли из правительства, хлопнув дверью, меньшевики и эсеры, защищаясь от кадетов и изобличая их, оказались вынуждены подтвердить все то, что мы неустанно повторяли с самого возникновения коалиционного министерства. Возьмем для примера «Рабочую Газету», как издание, ведшее наиболее ожесточенную борьбу с большевизмом.

«После того,—писал орган меньшевиков 13 июля,—как 2 месяца Временное Правительство отказывалось приступить к борьбе с ужасающим экономическим развалом, Коновалов счел нужным уйти сейчас же, когда новое Правительство объявило о необходимости регулирования экономической жизни. И что же, нужно было удержать Коновалова, нужно было ради него отказаться от единственного средства борьбы с экономической разрухой?»

Разумеется, не нужно было. Это мы и доказывали в свое время.

«Товарищи г. Милюкова по министерству из партии народной свободы,—продолжает «Рабочая Газета»,—всецело поддерживали его внешнюю политику и те же представители министерства всеми своими действиями свидетельствовали о солидарности с г. Коноваловым».

Совершенно верно: именно это мы и говорили.

«Г. Шингарев оставался глух ко всем заявлениям делегации Совета в общегосударственном продовольственном комитете о не-

обходимости регулирования экономической жизни,— продолжает орган меньшевиков.—*А министерство промышленности и торговли*, во главе с кадетом г. Степановым, *продолжало оставаться после ухода г. Коновалова оплотом капиталистов в их борьбе и против рабочих, и против регулирования экономической жизни*».

Совершенно правильно: именно так мы характеризовали роль «министров-капиталистов» в составе коалиционного министерства.

«А затем,—говорит «Рабочая Газета»,—революция встретила у этих же элементов противодействие ее попыткам уладить острые национальные противоречия—в вопросе об Украине, а также попыткам остановить анархическое расхватывание помещичьей земли крестьянами *усилением власти земельных комитетов в распоряжении землей и регулировании земельных отношений*.

«Могла ли она тут уступить кадетам и г. Львову? Должна ли она была вместо уступок украинцам усмирять их оружием или вступить в вооруженную борьбу с крестьянской массой вместо того, чтобы немедленно, *хоть отчасти* (!), пойти навстречу ее стремлениям?»

Таким образом, «Рабочая Газета» откровенно признает, что «министры-социалисты» не могли *хоть отчасти*(!!) пойти навстречу стремлениям крестьянства, потому что им не позволяли этого «министры-капиталисты». Но ведь именно это мы и говорили рабочим массам, и именно за это нас обвиняла в демагогии вся пресса «порядка»: от «Нового Времени» до «Рабочей Газеты».

На Всероссийском Съезде Церетели брал на себя ответственность за все правительство в целом. Официальные докладчики внушали делегатам, что ни одна мера, предлагавшаяся «министрами-социалистами», не отклонялась буржуазным большинством. Пешехонов сообщал, что «сопротивление буржуазии сломлено». Скобелев заверял Съезд, что отставка Коновалова вызвана «личными» мотивами и отнюдь не означает противодействия со стороны организованного капитала экономической политике демократии. Все это было *неправдой*. Делегатов, как и весь народ, вводили в заблуждение. А когда мы пытались раскрыть действительное положение вещей и говорили то, что теперь вынуждены говорить «Рабочая Газета» или «Дело Народа», нас обвиняли в демагогии и подрыве авторитета революционного правительства.

Если под демагогией понимать сообщение массам неверных сведений и заведомое укрывание от них важнейших фактов, с целью создать в массах такими искусственными средствами настроение, благоприятное для политических планов определенных партий и групп, то демагогией была политика центров руководящих групп советского большинства.

И если полагать, вместе с Лассалем [163]), что революционная политика начинается с высказывания «того, что есть», то наша политика была революционной.

* * *

Петроградские массы стучались в двери Совета неоднократно с требованием более решительной внутренней и внешней политики. Они встречали полное невнимание и враждебность. Им отвечали, что они служат делу контр-революции. А между тем массы не могли же не знать, что все органы контр-революции ведут самую ожесточенную травлю против большевиков, петроградских рабочих и кронштадтцев. «Новое Время», «Русская Воля», «Петроградский Листок», «Маленькая Газета» [164]), «Речь» подхватывали каждое слово меньшевиков и эсеров против большевиков, печатали портрет Церетели, как «сокрушителя ленинцев», плели из столбца в столбец паутину отвратительной клеветы против революционных интернационалистов, систематически прикрываясь авторитетом Совета и социалистических министров.

Весьма вероятно, что крайние черносотенные авантюристы примазывались к большевистской организации, чтоб «использовать» ее выступление в том же смысле, в каком царские громилы в старые годы не раз пытались превращать наши революционные манифестации в черносотенные погромы. Но этим еще не создавалось никакой идейной связи между большевизмом и реакцией. Наоборот: одной из задач наемников контрреволюции являлось скомпрометировать крайний левый фланг, как наиболее серьезное препятствие на пути реставрации *). И эти авантюристские покушения в подполье дополнялись не формальным, но тем более действительным политическим блоком всей реакции с меньшевиками и с.-р.—*против* большевиков. Нельзя

*) Реставрация—восстановление монархии.

же в самом деле закрывать глаза на то, что каждая антибольшевистская статья «Рабочей Газеты» или «Дела Народа» немедленно перепечатывалась всей черной и желтой печатью, и что «Маленькая Газета», задолго до «разоблачений» Алексинского и других шантажистов, требовала в каждом номере ареста т. Ленина. Попытки свалить большевиков в одну кучу с «темными силами» тем более возмутительны, что именно большевики, в лице своих официальных представителей, настойчиво указывали центрам демократии на растущую контр-революционную опасность и неутомимо требовали радикальной чистки всех черносотенных гнезд. В этом именно духе рабочая секция Петроградского Совета приняла резолюцию в трагический день 3 июля.

Выход кадет из правительства и немедленно же прорвавшиеся наружу разоблачения о внутренней природе «коалиционного» министерства показали петроградским рабочим и солдатам, что они были правы в *своем* понимании того, что происходило на верхах. Ничего не было предпринято против анархии в производстве, потому что представители локаутчиков в правительстве этого не позволяли. Ничего не было сделано в аграрном вопросе, потому что не позволял Львов. Ничего серьезного не удалось предпринять в деле борьбы за мир, потому что вся внешняя политика революционной России удерживалась на старых империалистических рельсах. Все это подтвердилось 2 июля целиком. Два месяца коалиционного правления стояли перед глазами массы, как черная дыра. Сколько неоценимого времени было упущено, израсходовано на парадное многословие, на скрывание от масс того, что есть, и... на травлю большевиков...

Петроградская рабочая и солдатская масса—именно потому, что она стояла *впереди* всей остальной народной массы и *ближе* ее к событиям—не могла не испытывать стремления немедленно вмешаться в развязку кризиса. У массы не было доверия к тому, что официальные вожди демократии сделают, наконец, необходимые выводы из создавшегося положения и прибегнут к героическим мерам. «Объединяйтесь с нами, а не с капиталистами!» Вот что хотела крикнуть революционная масса ответственному центру революции, заседавшему в Таврическом дворце.

Ни одна из революционных партий или ответственных организаций не вызывала массы 3 июля на улицы, тем более с оружием. Это было официально установлено в объединенном засе-

даний Исполнительных Комитетов докладчиком Войтинским. Наоборот: большевики, как и все другие партии, призывали солдат и рабочих не выходить на улицы. Тем не менее массы вышли, и вышли с оружием в руках.

Какую роль сыграла в этом контр-революционная провокация или германская агентура? Сейчас трудно сказать об этом что-либо определенное. Пресса «порядка» подняла вокруг событий 3—4 июля такие тучи злобного вранья, сквозь которые не видно ни фактов, ни людей. Остается ждать результатов подлинного расследования, не того, конечно, которое двусмысленные жрецы юстиции вели в общей упряжке с Алексинским. Но и сейчас уже можно сказать с уверенностью: результаты такого расследования могут бросить яркий свет на работу черносотенных банд и на подпольную роль золота, немецкого, английского или истинно-русского, либо, наконец, того, другого и третьего вместе; но *политического смысла* событий никакое судебное расследование изменить не может. Рабочие и солдатские массы Петрограда не были и не могли быть подкуплены. Они не состоят на службе ни у Вильгельма, ни у Бьюкенена, ни у Милюкова. Наемные прохвосты могли с бо́льшим или меньшим успехом пытаться сорвать их движение для своих целей; но само движение было подготовлено войной, надвигающимся голодом, поднимающей голову реакцией, безголовьем правительства, авантюристским наступлением, политическим недоверием и революционной тревогой рабочих и солдат...

Буржуазная правительственная пресса говорит о «вооруженном восстании», которое было подавлено «верными революции» войсками. В этой уже ставшей официальным шаблоном характеристике событий 3—4 июля нет ни слова правды. Лозунг демонстрации был «вся власть Совету!». Демонстранты дефилировали перед помещением Совета. Против кого же восстание? Фальсификаторам приходится поневоле говорить о попытке «захватить» власть. Кем? В чем эта попытка выразилась?

В качестве уличающих обстоятельств приводили покушение демонстрантов на арест Керенского, Церетели и Чернова. Кто-то утверждает, будто какая-то группа хотела арестовать Керенского, но слишком поздно пришла на вокзал. Часть путиловцев буйно требовала, чтоб Церетели вышел из дворца и ответил на заданные ему вопросы. Наконец, банда подозрительных субъектов, преднамеренно занявших место у входа в Таврический дворец,

действительно сделала попытку—за спиною массы—задержать Чернова. Но стоило громогласно посвятить в эту попытку демонстрантов, как вся затея ничтожной полу-хулиганской кучки рассыпалась прахом и Чернов получил возможность свободно вернуться во дворец. Вот и все. Десятки тысяч демонстрантов не имели к этому никакого отношения, а руководители демонстрировавших заводов и полков, несомненно, узнали впервые о «покушениях» на арест из газет.

Несмотря на все газетные выдумки, лже-свидетельские показания и контр-разведочные фантазии, остается неоспоримым тот факт, что многие десятки тысяч вооруженных солдат и рабочих, почти безраздельно господствовавших на улицах Петрограда 3—4 июля, *не сделали ни одной попытки захватить какие-либо органы власти или политические учреждения.* И это одно с полной очевидностью показывает, что тут не было и намека на политически подготовленное «восстание». Взбудораженная масса вырвалась на манифестацию, на протест. Если она взяла с собой оружие, то потому, что боялась вооруженной атаки со стороны контр-революции. Отвратительная травля предшествующих месяцев настроила рабочих и солдат крайне подозрительно по отношению к Невскому проспекту и тем вооруженным элементам, которые имеются в его распоряжении. Единственной мыслью демонстрантов было—устрашить видом оружия контр-революционное подполье и расчистить, таким образом, дорогу для своего шествия.

Тем не менее, выстрелы раздались, кровь пролилась, пали жертвы. Какое ружье разрядилось первым, этого не выяснить никогда. Нет, однако, сомнения, что были выстрелы, заранее оплаченные—немецкими марками, английскими шиллингами, или истинно-русскими целковыми. Обнаглевшая подпольная провокация, твердо рассчитывавшая на безнаказанность, сыграла в событиях 3—5 июля роковую роль. Беспощадно осветить эту роль—задача следствия. Но и здесь, опять-таки, следствие, если б оно даже захотело копнуть поглубже, немногое смогло бы изменить в *политической физиономии* событий.

4 июля большевистская партия и примкнувшая к ней междурайонная организация сделали попытку овладеть стихийно развернувшимся движением, ввести его в берега мирного выступления и политически оформить. Мы не считаем нужным оправдываться перед кем бы то ни было—ни даже перед плато-

ническими критиками *) из «Новой Жизни»—в том, что мы не отошли выжидательно к сторонке, предоставив генералу Половцеву [165]) «разговаривать» с демонстрантами. Во всяком случае, наше вмешательство ни с какой стороны не могло ни увеличить количество жертв, ни превратить хаотическую вооруженную манифестацию в политическое восстание. Это слишком ясно из всей картины событий и изо всей их внутренней логики. Против обывательски-полицейского вранья должны были бы, во имя соблюдения элементарной политической добросовестности, первыми восстать вожди эсеров и меньшевиков,—если бы они вместе с социалистическими принципами не растеряли последних остатков революционного чутья.

* * *

Только простаки могут искренно думать, будто события 3—5 июля «сорвали» революцию. Если что действительно сорвала суровая июльская встряска, так только фальшивый покров с политической действительности.

Вскрылась ужасающая пропасть между вождями «революционной демократии» и авангардом рабочего класса. В тот самый момент, когда либеральная буржуазия открыто порвала с эсерами и меньшевиками, обнаружилось, что вожди этих последних, в погоне за либеральной буржуазией, окончательно восстановили против себя наиболее революционное крыло рабочих масс. В лозунге «власть Совету», подводившем итог злосчастному опыту коалиционного правительства, вожди Совета усмотрели, прежде всего, восстание против воли «революционной демократии». Вместо того, чтобы овладеть движением, фактически шедшим по линии развития всей революции, и политически опереться на него, Керенские, Церетели и прочие пришли к полицейскому выводу: разоружить нарушителей порядка. Таким образом, в наказание за порочное поведение были разоружены те рабочие и солдаты, которые—в этом никто не может сомневаться—в ми-

*) Платонические критики—это те, которые критикуют «без последствий», в стороне от движения, для утешения собственной совести. Такие критики, не связанные реальным ходом классовой жизни пролетариата, легко обольщаются мыслью, что они всякую беду могут руками развести. Но нередко бывает, что критикуемые знают все то, что знают платонические критики, и еще кое-что сверх того.

нуту опасности наиболее самоотверженно сражались бы за дело революции.

Но этого мало. Разоружением Петрограда вожди Совета, несомненно, надеялись подкупить либеральную буржуазию, доказав ей на самом ярком примере свою твердость и государственность. Результат получился, однако, прямо противоположный. Либеральная буржуазия еще шла на уступки, поскольку боялась, что иначе мелкобуржуазная демократия порвет с нею и объединится с революционным пролетариатом. Чем глубже политика бесплодного соглашательства вгоняла клин между эсеро-меньшевистским центром и левым флангом, тем неуступчивее становилась буржуазия. Ее неуступчивость превратилась в вызывающую наглость, как только Керенский—Церетели—Чхеидзе обнажили свой левый фланг, разоружив революционный Петроград.

Ко всему этому присоединилась катастрофа на фронте. Еще в самом начале Всероссийского Съезда Советов, т.-е. в начале июня, фракции большевиков и объединенных интернационалистов в своей декларации предупреждали, что проектируемое наступление, не подготовленное ни материально, ни идейно, может стать гибельным для армии, окончательно разрушив ее внутреннюю связь. Трубачи наступленчества объявляли это предупреждение «клеветой» на армию. Однако еще раз обнаружилось, что официальный патриотизм редко сопровождается проницательностью. Наше тогдашнее предсказание осуществляется сейчас в самых ужасающих формах. И те, которые ничего не предвидели, или еще хуже, выполняли требование союзников, закрывая глаза на действительность и на запросы революции, пытаются теперь позорно взвалить ответственность за происходящий на фронте развал на большевиков *). Однако это науськивание не меняет положения. Авантюра наступления привела к катастрофе отступления, которая грозит пожрать и армию, и революцию. И если бы Петроград не пережил даже драмы 3—5 июля, события на фронте все равно

*) Это тот же самый метод мышления, который позволял царским генералам делать ответственными за свои неудачи евреев. Достаточно в речах какого-нибудь Либера вместо «большевики» поставить «жиды», и получится типический образчик прежней военно-погромной словесности. И это не случайность. У Либеров, как и у царских генералов, побудительный мотив один и тот же—отвлечь внимание масс от банкротства своей политики и дать выход их негодованию и отчаянию—на спине третьего. Это политика трусости, бессилия и бесчестия.

сорвали бы политику иллюзий и декламаций, представителями которой в прошлом являлись Церетели и Керенский.

Временное равновесие бездействия беспощадно нарушено. Пред лицом контр-революции и развала армии понадобились исключительные меры. Центральный Исполнительный Комитет объявил формирующееся министерство «правительством спасения революции». Официозы разъяснили, что дело идет о революционной диктатуре. Чьей диктатуре? Над кем? Во имя чего? Диктатура низов над имущими классами? Или диктатура буржуазии над армией, рабочими и крестьянами?

Министры-социалисты, после выхода кадет, продолжали искать сотрудников из среды либеральной буржуазии. За отказом кадет они соглашались на любых буржуа для «комплекта». Карикатурный характер этой новой комбинации заставляет думать, что она была предназначена, главным образом, для успокоения союзнических правительств и бирж. Но ясно, что никакой *революционной* диктатуры в таких условиях получиться не могло. Пролетариат враждебен и полу-придавлен; буржуазия враждебно и выжидательно отошла от власти. В известном смысле это обстановка для «надклассовой» бонапартистской диктатуры. Но для успеха этой последней нужно успокоившееся, консервативное крестьянство и отражающая такое крестьянство «дисциплинированная» армия. У нас же этих условий еще нет на-лицо. Вот почему Керенский и Церетели, именно после того, как их облекли всеми «полномочиями», ярко почувствовали, что они висят в воздухе.

Революционная диктатура немыслима *без*, а тем более *против* пролетариата, единственного принципиально-революционного класса, способного итти «до конца». Бонапартистская диктатура немыслима при отсутствии земельно-удовлетворенного крестьянства и победоносной армии. Оставался третий вид диктатуры—партий «порядка» над пролетариатом, армией и деревенскими низами.

В эту именно сторону и направились усилия Керенского и Церетели. Разгромив центры большевиков, разоружив рабочих и «ненадежных» солдат, восстановив смертную казнь в армии, вожди Совета немедленно вступили в переговоры с кадетской партией и с представителями наиболее влиятельных буржуазных организаций. Правительство «спасения революции» начало с предложения сотрудничества организованной контр-революции.

Общественно-политический съезд [166]) в Москве, с участием Государственной Думы, биржевых комитетов, обществ заводчиков и фабрикантов и пр. должен был открыть новую главу: окончательного разрыва выдвинутых в первую эпоху вождей мелкой буржуазии с пролетариатом, их окончательной капитуляции перед империалистическим капиталом и окончательной ликвидации революции во имя капиталистического порядка.

Но на этом пути выросли затруднения. Требовательность буржуазии вырастала еще быстрее, чем готовность вождей мелкой буржуазии к уступкам. И немедленно же обозначился камень преткновения: *земельный вопрос.*

Министр земледелия Чернов отнюдь не покушался действовать в духе программы с.-р., которая обещает, что партия будет не только отстаивать свои требования в Учредительном Собрании, но и непосредственно проводить их в жизнь в революционный период. Целиком поддаваясь давлению буржуазных партий, Чернов выступал против «сепаратных» (?!) решений, настаивая на отложении всех важнейших вопросов до Учредительного Собрания. Тем не менее и он обещал при вступлении в министерство провести декрет, запрещающий земельные сделки после 1 марта, дабы не дать земельным собственникам и спекулянтам путем действительных и фиктивных сделок вконец спутать земельные отношения и создать безвыходное положение для Учредительного Собрания. Однако Чернов оказался бессилен провести этот декрет через коалиционное правительство, к поддержке которого Советы призывали крестьян. Понадобился развал коалиции, трагическая встряска 3—5 июля, уход Львова, чтобы декрет [167]) мог появиться, хотя и в искаженном виде. В высокой степени показательно, что даже «Воля Народа», стоящая на крайнем правом фланге партии с.-р., считает декрет запоздалым. Вот что говорит газета:

«Видя все это (разгул земельной купли-продажи), население не могло оставаться спокойным и в очень многих случаях принялось разрешать вопрос своими средствами. Последствия этого общеизвестны, и итог им будет подведен при уборке урожая. Есть все основания полагать, что текущий сельско-хозяйственный год будет сведен с большим дефицитом.

Между тем этой земельной и хозяйственной разрухи не было бы, и во всяком случае она не достигла бы таких размеров, если бы Временное Правительство уже в первые дни своего образования проявило достаточную решительность и твердость.

Если бы оно не ограничилось одним декларативным заявлением о том, что вопрос о земле будет разрешен Учредительным Собранием, но немедленно же предприняло ряд мер, гарантирующих эту декларацию! Этого, мы знаем, не было сделано. Только через четыре с половиной месяца, после двух переформирований в составе Правительства, *после того, когда земельная разруха охватила чуть ли не всю Россию, когда по существу все уже кончено*, оказалось возможным опубликовать постановление, на необходимость которого наша партия и многочисленные крестьянские съезды неоднократно указывали. Ясно, что большого значения оно иметь не может уже потому, что сделанного не исправишь» («В. Н.», 16 июля, курсив наш).

Эти строки, подводящие яркий итог деятельности коалиционного правительства, насаждавшего сверху подлинную аграрную анархию, кажутся нам, однако, слишком пессимистическими по своим выводам. Земельные комитеты, получив в свои руки действительную власть над землею, могли бы распутать многие плутни и ликвидировать многие земельные сделки переходного периода. Нужно только, чтоб в центре стояла действительно-революционная власть. Именно, чтоб избежать этого, буржуазия хочет прибрать руководство земельной реформой к рукам и требует устранения даже умереннейшего и терпеливейшего Чернова. А мелкобуржуазные «социалисты», готовые сдать буржуазии распоряжение армией, руководство международными судьбами России и наведение внутреннего «порядка», в нерешительности останавливаются—надолго ли?—перед ликвидацией крестьянских надежд на землю. В этом сейчас ключ ко всему политическому положению.

* * *

«Революция в опасности!» провозгласил Центральный Исполнительный Комитет. И она действительно в опасности: не потому, что петроградские рабочие и солдаты, отчаявшись за судьбы революции, вырвались на улицу с оружием в руках; не потому, что какие-то преступные банды вызвали на улицах бессмысленную стрельбу, а потому, что официальные вожди крестьянства, закончив с периодом шатаний и колебаний, встали на путь контрреволюционного порядка. Когда Керенский, Церетели и Чернов, подвергая полицейскому разгрому Центральный Комитет революционной социал-демократии, вступают в переговоры с Центральным Комитетом контр-революционной партии Милюкова, тогда революция действительно в опасности. В опасности, прежде всего,

от тех, которые устанавливают беспомощную в своей свирепости диктатуру для ее спасения.

При наличности вплотную надвинувшегося хозяйственного краха и внутреннего распада армии, вывести страну на большую дорогу развития может действительно только диктатура, но диктатура *революции*, проводящая коренные административные, хозяйственные и аграрные реформы в порядке неотложности и направляющая свой меч направо, против контр-революционного заговора верхов буржуазии, дворянства и монархического офицерства. Такую диктатуру способен установить только организованный рабочий класс в союзе с трудящимися массами деревни и сознательными частями армии.

Политически задача состоит в том, чтобы, пользуясь опытом последнего времени, освободить крестьянские массы и отсталые слои рабочих из-под опеки «дурных пастырей», которые головою выдают сейчас революцию ее злейшим врагам. Задача пролетарского авангарда состоит в том, чтобы теснее сомкнуть собственные ряды под знаменем борьбы за политическую власть и сквозь толщу клеветы, при помощи которой реакция хочет изолировать партию пролетариата, пробить себе дорогу к сознанию самых широких масс города, фронта и деревни. На этом пути нас не могут остановить никакие преграды и гонения. Мы должны и будем пользоваться всеми методами агитации, сплочения и борьбы, какие вытекают из внутренних потребностей революции и пролетарского социализма. Мы будем всеми мерами отстаивать аппарат рабочих, солдатских и крестьянских организаций, политической и профессиональной печати от погромного натиска реакции. Мы будем укреплять, развивать и расширять этот аппарат.

Какое место в этой борьбе за развитие революции и за утверждение диктатуры трудящихся масс займут нынешние Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, это зависит прежде всего от них самих. Поскольку они, в лице своего большинства, будут содействовать или потакать контр-революции в ее клеветнически-погромном походе против партии пролетариата, они окажутся в кратчайший срок сметены политическим развитием. Поскольку мы остаемся в составе этих Советов, мы будем, разумеется, со всей энергией бороться за их внутреннее обновление и коренное изменение всей их политики. Мы будем стремиться к тому, чтобы Советы, отражающие вчерашний день

революции, сумели подняться на высоту задач завтрашнего дня. Но как ни важен вопрос о роли и судьбе Советов, он для нас целиком подчинен вопросу о борьбе пролетариата и полупролетарских масс города, армии и деревни за политическую власть, за революционную диктатуру.

Во всей этой работе мы будем опираться на развитие революции в Европе. В нашей борьбе за революционное сотрудничество с крестьянством, мы не будем ни на один миг забывать, что нашим прямым и ближайшим союзником является европейский рабочий класс. Мы не сделаем ни одного шага, который грозил бы подорвать или ослабить возрождающиеся связи революционных рабочих всех стран. Именно такой тактикой мы будем лучше, вернее всего служить русской революции, а значит свободе и независимости русского народа.

«Русская революция в опасности!»—Спасти ее может только дальнейшее развитие ее внутренних сил, неотложное разрешение ее задач и превращение ее из русской—в международную.

«Вперед», № 7,
7 августа (25 июля) 1917 г.

4. ИЗ ТЮРЬМЫ

ПРОТОКОЛ[168]) ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ 3—5 ИЮЛЯ

«1917 года, июля 24 дня, в Петроградской одиночной тюрьме (Крестах), судебный следователь 24 уч. гор. Петрограда допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого по ст.ст. 51, 100 и 108 Угол. Улож., причем, удостоверившись предварительно на основании ст. 403 уст. уг. суд. в его самоличности и по предъявлении ему обвинения, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 21 сего июля (л. д. 18—35), обвиняемый показал:

Я, Лев Давыдович Троцкий, 37-ми лет, внеисповедного состояния, при старом режиме был лишен гражданских и воинских прав приговором Петроградской судебной палаты в 1907 г. в качестве обвиняемого по ст. 100 Угол. Улож., по профессии писатель по общественным и социальным вопросам, средствами к жизни является литературный труд, особых примет не имею. По поводу предъявленного мне «Постановления» имею сообщить нижеследующее:

1. Моя позиция за-границей во время войны

Война застигла меня с семьей, в качестве эмигранта, в Вене, откуда я вынужден был выехать в течение 3-х часов 3 августа (н. ст.) 1914 г., бросив на произвол судьбы свою квартиру, мебель, библиотеку и пр.

В Цюрихе, куда я переехал с семьей, я издал немецкую брошюру «Der Krieg und die Internationale», направленную против

империализма правящих классов Германии и политики немецкой социал-демократии, руководимой Шейдеманом и др. Эта брошюра, вышедшая в свет в ноябре 1914 г., была революционными швейцарскими и германскими социалистами («либкнехтианцами») нелегально провезена в Германию, где распространение ее вызвало ряд арестов и в результате их судебный процесс, закончившийся заочным осуждением меня к восьмимесячному тюремному заключению.

По телеграфному предложению редакции «Киевской Мысли» [169]) я в ноябре 1914 года переехал во Францию, в качестве корреспондента названной газеты. Одновременно с этой работой я участвовал в редакции ежедневной с.-д. газеты «Наше Слово» (на русском языке), а также во французском интернационалистическом движении (циммервальдистов, как оно стало позже называться). Вместе с двумя французскими делегатами [170]) я отправился в августе 1915 г. из Парижа в Швейцарию, где принимал активное участие в Циммервальдской конференции.

Хотя «Наше Слово» было подцензурной газетой, но оно дважды (при мне) закрывалось французскими властями—по настоянию русского посольства, как нам передавали парламентарии и сами цензора. Газета «Наше Слово» была органом не большевиков, а «нефракционных интернационалистов»; стояло это издание под знаменем Циммервальда.

Министр внутренних дел Франции, г. Мальви, выслал меня в конце сентября 1916 года из Франции без объяснения причин, но явно за пропаганду в духе идей «Циммервальда». Так как я отказался добровольно покинуть пределы Франции, требуя предъявления мне определенных обвинений, то два полицейских инспектора вывезли меня на границу Испании. После нескольких дней пребывания в Мадриде, я был, на основании агентурных сведений из Парижа, арестован. Освобожден через три дня, после интерпелляции в парламенте, при чем мне предложено было выехать в Америку. В середине января (н. ст.) 1917 г. я высадился с семьей в Нью-Иорке. В течение двух с половиной месяцев вел там пропаганду идей Циммервальда на русском и немецком языках, среди организованных в Америке немецких рабочих, из которых большинство стоит на точке зрения Либкнехта.

После того как разразилась русская революция, я на первом отходящем пароходе отправился с семьей в Европу через Скан-

динавию (в конце марта н. ст.). В Галифаксе (Канада) *английские* военно-полицейские власти задержали меня и еще пять пассажиров, русских эмигрантов, на основании «черных» списков, составлявшихся русскими охранно-дипломатическими агентами. После месячного заключения в Канаде я был освобожден по требованию Временного Правительства и прибыл в Петроград через Христианию—Стокгольм в первых числах мая по ст. стилю.

2. Моя политическая работа в России

В Петрограде я сразу примкнул к организации объединенных социал-демократов-интернационалистов («Междурайонный Комитет»). Отношения этой организации, имевшей совершенно самостоятельный характер, к партии с.-д. большевиков, были вполне дружественными. Я считал, что принципиальные разногласия, отделявшие нас раньше от большевиков, изжиты, и потому настаивал на необходимости скорейшего объединения. Это объединение, однако, еще не совершилось до настоящего дня.

Политическая линия нашего поведения была, однако, в общем и целом та же, что и у большевиков. Я лично выступал в своих статьях в журнале «Вперед» и в своих речах *за переход всей власти в руки Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.* Само собою разумеется, что такой переход не мог осуществиться *помимо* Совета, а тем более *против* Совета. Стало быть, главная политическая задача наша состояла в том, чтобы завоевать большинство рабочих, солдат и крестьян на сторону указанного лозунга. По самому существу дела не могло быть и речи о том, чтобы *путем вооруженного восстания меньшинства навязать большинству власть.* В этом духе я десятки раз говорил на собраниях. Во всех тех случаях, где мне приходилось слышать ответственных большевиков, они высказывались в том же смысле.

Относительно войны я считал и считаю, что никакие наступления с той или другой стороны неспособны создать выход из тупика, в который попали все воюющие народы. Только революционное движение народных масс во всех странах, и прежде всего в Германии, против войны способно приблизить час мира и обеспечить за этим миром демократический характер. Я доказывал, что только народное, подлинно-демократическое Правительство Совета способно будет показать немецким рабочим, что в случае *их* революции Россия не только не поспешит раз-

громить Германию, а, наоборот, протянет немецкому народу, опрокинувшему свое правительство, руку мира. Грубой клеветой является утверждение, будто я призывал кого-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь покидать фронт, отказываться от выполнения боевых приказов или от посылки маршевых рот. 2 июля я по этим вопросам делал доклад на совещании делегатов от 57 отдельных частей фронтов.

В № 111 «Известий» напечатан краткий отчет об этом совещании за подписью д-ра Постеева («Известия С. Р. и С. Д.», № 111, стр. 4).

Вот что там говорится:

«Выслушав на своем совещании речи идейного и одного из лучших борцов за свободу—большевика тов. Троцкого,—делегаты пришли к убеждению, что идейные люди клеймят дезертиров их именами и ничего общего не имеют с теми людьми, которые отказываются итти на фронт».

Я доказывал, что только создание «Советского Правительства» и его революционная, внутренняя и международная политика (немедленное упразднение помещичьего землевладения, конфискация военной сверхприбыли, государственный контроль над производством, ультимативное требование от союзников отказа от аннексий) способны спаять русскую армию единством целей и настроения и сделать ее способной не только к оборонительным, но и к наступательным действиям. Для того, чтобы такая политика стала возможной—доказывал я—наше течение должно стать господствующим в Советах. Пока же мы в меньшинстве, мы вынуждены подчиняться политике, опирающейся на большинство, стало быть, и политике наступления, ведя в то же время агитацию в пользу наших идей.

3. Так называемое „вооруженное восстание 3—4 июля"

Подводить события 3—4 июля под понятие вооруженного восстания значит противоречить очевидности. Вооруженное восстание предполагает организованное выступление с целью осуществления при помощи оружия определенных политических задач. Поскольку же лозунг выступления был: «вся власть—Советам!», не могло быть и речи о том, чтобы насильственно навязать им эту власть. К этому бессмысленному методу действий не призывала ни одна политическая организация. Не призывал

и я. О самом выступлении пулеметного полка и его обращении к другим войсковым частям и заводам я узнал впервые в здании Таврического Дворца, 3 июля, во время соединенного заседания Исполнительных Комитетов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Это известие, переданное по телефону, поразило меня, а также т.т. Зиновьева и Каменева не менее, чем представителей всех других партий. Т.т. Зиновьев и Каменев тут же доложили, что их Центральный Комитет немедленно предпринял все меры к тому, *чтобы удержать массы от выступления, тем более от вооруженного.* Все посылавшиеся партийными центрами агитаторы выступали, по общим отзывам, в этом именно смысле. Тем не менее выступление, как известно, произошло.

Утверждение, будто я лично призывал накануне, т.-е. 2 июля, на митинге пулеметного полка к отказу от наступления и к вооруженному выступлению против власти, является совершенно ложным. 2 июля в Народном Доме происходил открытый и платный «концерт-митинг», куда явилось много случайной, обывательской публики. На таком митинге я очевидно не мог призывать к вооруженному выступлению, если бы даже считал нужным такой призыв. В Народный Дом я отправился непосредственно с того самого совещания фронтовых делегатов, о котором говорил выше. Я не только предупредил совещание, что еду на митинг, организованный пулеметным полком, но с митинга снова вернулся на совещание. *В своей речи в Народном Доме* [171]) *я изложил свой* ответ на вопросы о пополнениях, дезертирстве и пр., данный мною фронтовым делегатам. Уже эти обстоятельства, которые очень легко могут быть проверены, исключают всякую возможность того, чтобы я на митинге в Народном Доме *призывал к восстанию и к отказу* от посылки маршевых рот. Речь моя сводилась к пропаганде развитых выше воззрений на власть и войну. Никаких криков «Смерть Керенскому!» не было.

Вечером 3 июля я неоднократно выступал перед зданием Таврического Дворца, где стояли вооруженные массы солдат и рабочих. Схема моих речей была такова: «Вы требуете перехода всей власти к Совету. Это правильное требование. Сегодня рабочая секция Совета впервые высказалась за этот лозунг. Стало быть, у нас нет никакого основания отчаиваться. Жизнь работает за нас. Если вы явились сюда с оружием, то не за тем,

разумеется, чтобы производить над кем-либо насилия, а для того, очевидно, чтоб оградить себя от возможных насилий. Я призываю вас немедленно возвращаться в ваши войсковые части, спокойно и мирно, чтобы завтра наши классовые враги не смели обвинять вас в насилиях». Многие офицеры, сопровождавшие свои части, просили меня и перед их солдатами произнести ту же речь, дабы облегчить им возможность мирно увести солдат в казармы.

В Таврическом Дворце я оставался безвыходно *с 12 ч. дня* 3 июля до раннего утра 4 июля. Во дворце Кшесинской [172]) я не был ни в эту ночь, ни вообще в течение первых дней июля и потому ни в каких совещаниях там участвовать не мог. Вообще же я в доме Кшесинской был всего два раза; первый раз—10 или 11. июня. Второй раз, в двадцатых числах июня, меня ввели во дворец Кшесинской, сперва во двор, а затем в одну из комнат, несколько слушателей моего доклада в цирке Модерн, чтоб дать мне возможность передохнуть и переждать, пока разойдется толпа, провожавшая меня после доклада и мешавшая мне ехать домой.

К помещавшейся во дворце Кшесинской *военной организации я никакого отношения не имел, в состав ее не входил, ни на одном из ее* собраний не участвовал, и состав ее мне решительно не известен. О политике большевиков я судил по «Правде», заявлениям Ц.К. и считал, что и военная организация действует в том же духе. В «Правде» я не сотрудничал, так как наши организации еще не объединились. В конце июня или начале июля я поместил в «Правде» небольшую заметку, за своей подписью, призывая к объединению обеих организаций.

Попытка арестовать В. М. Чернова была произведена десятком субъектов [173]), полу-уголовного, полу-провокаторского типа, перед Таврическим Дворцом, 4 июля. Эта попытка была сделана за спиной массы. Я сперва решил-было выехать из толпы вместе с Черновым и теми, что хотели его арестовать, на автомобиле, чтобы избежать конфликтов и паники в толпе. Но подбежавший ко мне мичман *Ильин-Раскольников* [174]), крайне взволнованный, воскликнул: «Это невозможно, это позор! Если вы выедете с Черновым, то завтра скажут, будто кронштадтцы хотели его арестовать! Нужно Чернова освободить немедленно!». Как только горнист призвал толпу к тишине и дал мне возможность произнести краткую речь, заканчивавшуюся вопро-

сом: «Кто тут за насилие, пусть поднимет руку?» — Чернов сейчас же получил возможность беспрепятственно вернуться во дворец.

На вопрос о составе Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов я могу лишь рекомендовать следственной власти обратиться за справками к председателю его, Н. С. Чхеидзе, или товарищам председателя, Керенскому, Скобелеву и др.

В состав Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов я был приглашен (с совещательным голосом) самим Исполнительным Комитетом, как бывший председатель Петроградского Совета Рабочих Депутатов 1905 г. В состав Всероссийского Исполнительного Комитета я вошел на Всероссийском Съезде Советов от фракции «объединенных социал-демократов-интернационалистов».

В дополнение к сказанному выше об организационных взаимоотношениях между объединенными с.-д. и большевиками я на соответственный вопрос г. следователя могу присовокупить, что наша организация помещалась не во дворце Кшесинской, а на Садовой № 50 («Общество спасания на водах»), и имела свой самостоятельный орган «Вперед».

О моем отношении к Парвусу, с которым я в 1904—1909 г.г. был связан единством революционной позиции и работы, могу сообщить нижеследующее: Как только телеграф принес в Париж весть в начале войны *о германофильских выступлениях Парвуса* на Балканском полуострове, я выступил в «Нашем Слове» со статьей, в которой заклеймил лакейскую роль Парвуса по отношению к германскому империализму и объявил Парвуса мертвецом для дела социализма. Вместе с тем я дважды призывал в печати всех товарищей отказываться от поддержки каких бы то ни было общественных предприятий Парвуса. Все №№ газет с этими статьями я могу представить в любое время, равно как и названную выше мою немецкую брошюру. Что касается товарища Каменева (Льва Борисовича Розенфельда), то я соприкасался с ним ближе, чем с другими, *как с мужем моей сестры*, и как с лицом, которое правильнее других большевиков посещало заседания Исполнительного Комитета.

Обвинение Каменева в призыве к вооруженному восстанию в корне противоречит всему его поведению в критические дни 3—5 июля, как и всей вообще его позиции.

С Ганецким [175]) (Фюрстенберг) я встречался *несколько раз в разные периоды* своей заграничной жизни на съездах или совещаниях. Никаких отношений с ним, ни личных, ни политических, у меня никогда не было. В переписке с ним никогда не состоял. Об его торговых операциях и связях с Парвусом узнал впервые из разоблачений печати; насколько достоверны эти разоблачения, не знаю.

О г-же Суменсон [176]) никогда не слыхал до того, как ее имя было впервые названо в русской печати. Решительно никаких ни прямых, ни косвенных, ни политических, ни деловых, ни личных связей за все время войны не имел ни с Суменсон, ни с Ганецким, ни с Парвусом, ни с Козловским [177]). Этого последнего я несколько раз видел на заседаниях Петроградского Исполнительного Комитета. При мне г. Козловский никогда не выступал. Об его прошлом я не имею никаких сведений.

Обвинение меня в сношениях с германским правительством или его агентами, в получении от них денег и в деятельности за счет Германии и в ее интересах считаю чудовищным, противоречащим всему моему прошлому и всей моей позиции. Равным образом считаю совершенно невероятными какие бы то ни было преступления подобного рода со стороны Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай [178]), которых знаю, как старых, испытанных и бескорыстных революционеров, не способных торговать совестью из корыстных побуждений, а тем более совершать преступления в интересах немецкого деспотизма. Выражая свое несокрушимое убеждение в том, что дальнейший ход следствия разрушит бесследно конструкцию обвинения, считаю необходимым указать в то же время на то, что сообщение прокурорской властью печати непроверенных и по существу совершенно противоречащих действительности сообщений никоим образом не может вытекать из потребности объективного расследования, а является отравленным орудием политической борьбы. Все протесты против неявки Ленина и Зиновьева теряют свою силу перед лицом той травли, какая ведется против этих лиц со ссылками на прокурорскую власть.

Из всего изложенного выше вытекает, что по существу предъявленных мне обвинений я виновным себя не признаю».

«Предварительное следствие о вооруженном выступлении 3—5 июля 1917 г. в Петрограде против государственной власти». Стр. 144.

ПИСЬМО ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Граждане министры!

22 июля в газетах появилось сообщение г. прокурора Петроградской судебной палаты по поводу событий 3—5 июля.

Это сообщение представляет собою документ неслыханный даже в крайне отягощенной истории русского суда и является в этом смысле достойным дополнением того сообщения, которое исходило от г.г. Переверзева и Бессарабова и сразу поставило самих сообщителей за бортом юстиции.

Я не стану здесь подвергать логической критике документа, который каждой своей строкой свидетельствует, что он рассчитан не на логическую критику, а на ее угашение, точнее—на запуганную обывательскую психологию, и имеет своей задачей воздействовать на эту последнюю в определенных политических целях. Я считаю, однако, необходимым на примере обвинения, направленного лично против меня, показать, до каких пределов небрежности и произвола доходит прокурорская власть в своих конструкциях для получения нужного ей вывода.

24 июля, следователь г. Александров предъявил мне то же обвинение, что и Ленину, Зиновьеву, Коллонтай и др., т.-е. обвинение в том, что я вошел в соглашение с агентами Германии и Австрии с целью дезорганизации русской армии, получал от названных государств денежные средства и пр. При этом, как я имел полную возможность убедиться из продолжительного допроса, г. Александров, считая «доказанным», что Ленин является агентом Германии, мою виновность выводил уже из того, что я 1) приехал вместе с Лениным из Германии; 2) состоял членом Ц. К. большевиков; 3) состоял одним из руководителей военной организации при Ц. К. Разумеется, если бы все это было верно, то из этого еще никак не вытекала бы моя связь с германским правительством, по отношению к которому Ленин и его друзья являются на самом деле более непримиримыми врагами, чем их обвинители. Но дело не в этом. Если бы г. прокурор и следователь, прежде чем арестовать меня и подвергать допросам, потрудились навести самые простые справки, они могли бы узнать, что я приехал на месяц позже Ленина,—не через Германию, а из Америки через Скандинавию, и никогда не входил в Ц. К. и не имел никакого отношения к его военной организации. Стало быть даже те

внешние организационные рамки, на которые опирается фантастическое в своей чудовищности обвинение, совершенно неприменимы ко мне.

Что судебные деятели, еще пять месяцев тому назад защищавшие «существующий строй» г.г. Романовых, Штюрмеров и Сухомлиновых, считают возможным, не дожидаясь конца расследования, оповещать мир о том, что революционеры, в течение десятилетий боровшиеся против Романовых, Штюрмеров и Сухомлиновых, продались внезапно Гогенцоллернам,—это, пожалуй, в порядке вещей. Можно, однако, сомневаться, в порядке ли вещей то обстоятельство, что именно означенным деятелям вверено дело юстиции при новом режиме, который хочет быть республиканским и демократическим. Но уж во всяком случае ни с каким порядком вещей несовместимо то положение, когда тягчайшее обвинение, какое можно себе представить, до всякой проверки, швыряется прокуратурой в массы по каналам беснующейся реакционной прессы.

Граждане министры! Наши политические противники обвиняют нас, интернационалистов, в том, что наши лозунги, преломляясь в сознании темной массы, ведут к явлениям анархии. Допустим, что это так. Но вот ваши судебные деятели, блюстители законности, бросают в наиболее темные массы наиболее тяжкие обвинения в наиболее запутанной и темной форме—против руководителей большой политической партии. «Сообщение» г. Переверзева, как вы знаете, уже вызвало не только избиения, но и убийства отдельных большевиков. Новое сообщение г. прокурора идет по тому же самому пути.

Я не уверен, имеются ли в распоряжении генерал-прокурора статьи уголовного уложения, предусматривающие эти деяния. Но я твердо знаю, что не было в истории цивилизованных стран процесса, более чудовищного по замыслу обвинения и более преступного по методам использования заведомо-ложного обвинения в интересах самой разнузданной травли против целой политической партии.

Л. Троцкий.

Одиночная тюрьма («Кресты»),
25 июля 1917 г.

«Новая Жизнь» № 88,
30 июля 1917 г.

Господину Министру Юстиции

Уважаемый Министр!

Письмо Л. Д. Троцкого из тюрьмы министру юстиции.

ПИСЬМО МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ [179])

Гражданин министр!

В дополнение к моему письму на имя Временного Правительства в целом, считаю необходимым обратить ваше, как генерал-прокурора, специальное внимание на ту неслыханную работу, которую сейчас развивает г. прокурор Петроградской судебной палаты.

Я утверждаю в полном сознании всей ответственности, какая вытекает из моих утверждений;

1. У г. прокурора нет и не может быть и тени доказательства моих связей, прямых или косвенных, с германским империализмом. Наоборот, если г. прокурор наводил обо мне хотя бы самые поверхностные справки, то он не может не знать, что я вел все время непримиримую борьбу с германским империализмом, как и со всяким другим.

2. Не располагая никакими доказательствами, г. прокурор всячески рекламирует свое чудовищное обвинение в прессе, заставляя население думать, что у него действительно имеются против меня какие-то уличающие данные. Этим г. прокурор явно и очевидно преследует политические цели.

3. Предстоящий по сообщению газет перевод нас, и в частности меня, в Петропавловскую крепость, сам по себе совершенно безразличный для меня, имеет несомненно ту же цель: внешним образом подчеркнуть уверенность г. прокурора в своей позиции, запугать сомневающихся,—и служит, следовательно, целям все той же агитации. Между тем никакой «уверенности» у г. прокурора нет и быть не может.

4. В условиях трагических событий на фронте поведение г. прокурора получает особенно зловещий характер, и последствия той отравленной демагогии, какая ведется вокруг наших имен в печати, при прямом содействии г. прокурора, неизбежно перерастут через головы г.г. организаторов чудовищного обвинения... Дело Дрейфуса [180]), дело Бейлиса [181])—ничто в сравнении с тем сознательным покушением на моральное убийство ряда политических деятелей, которое теперь совершается под знаком республиканской юстиции. Необходимо авторитетное вмешательство, гражданин министр! Необходима немедленная проверка работы г-на прокурора!

Л. Троцкий.

«Новая Жизнь» № 90,
2 августа 1917 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ПО ДЕЛУ 3—5 ИЮЛЯ

от Льва Давыдовича Троцкого

I

Для выяснения обстоятельств и условий моей жизни и деятельности в Вене необходимо допросить, в качестве свидетеля, *министра труда М. И. Скобелева*. Мы вместе с ним издавали там «нелегальную» газету «Правда», которую доставляли в Россию. М. И. Скобелев был членом редакции и кассиром издательства. Он вел значительную часть сношений с австрийскими с.-д. организациями, в том числе и с той, к которой принадлежали, по их словам, арестованные ныне чехи-военнопленные *Бенеш* и *Кнофличек*, т.-е. с организацией чехов-интернационалистов.

Относительно последнего периода моего пребывания в Вене (1913—1914 г.г.), а также относительно моего переезда из Вены в Швейцарию, моего отношения к политике Германии и Австрии, моих публичных выступлений на эту тему и пр. может дать исчерпывающие сведения *помощник главнокомандующего Московским военным округом* В. В. Шер [182]), с которым мы совместно редактировали из Вены издававшийся в Петрограде журнал «Борьба» [183]) (1914 г.).

Показания этих двух лиц дадут следствию исчерпывающий материал и обнаружат вопиющую недопустимость каких бы то ни было заподозриваний меня в связи с австро-германским империализмом, поскольку совершенно неосведомленная следственная власть считает возможным и необходимым проверять грязные инсинуации г.г. Алексинских и Бурцевых. По первому же вызову следственной власти я могу назвать десятки и сотни лиц, на глазах которых протекала моя деятельность за-границей.

Находящийся в Петрограде *австрийский военнопленный Отто Бауэр* [184]), известный немецкий писатель-социалист, может подтвердить, что я, в течение всего своего пребывания в Австрии, вел устно и в печати борьбу против национализма вождей австрийской социал-демократии и против их примирительного отношения к австро-венгерскому империализму. Разумеется, эту борьбу я вел не как защитник царской дипломатии, а как русский социалист-интернационалист.

II

Что касается показаний неизвестных мне свидетелей, будто я призывал к «вооруженному восстанию» и даже рекомендовал демонстрантам «избивать буржуев» (что-то в этом роде), то я еще раз заявляю, что такого рода явно злонамеренные показания навязывают мне поступки, прямо противоположные моим действительным действиям.

Министр земледелия В. М. Чернов слышал мою речь к демонстрантам [185]) по поводу попытки темных личностей арестовать его,—речь, которая заканчивалась словами: «кто пришел сюда, чтоб чинить насилие, пусть поднимет руку!». *Член Совета Рабочих и Солдатских Депутатов солдат-меньшевик Иоффе,* противник моей позиции, стоял у входа в Таврический Дворец во время демонстрации и призывал меня обратиться к солдатам с речами—именно потому, что все мои речи заканчивались призывом: «Никаких насилий! Мирно возвращайтесь по домам!». То же самое могут подтвердить: *член президиума Центрального Исполнительного Комитета Сакиан, социалист-революционер, член Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Лев Михайлович Карахан* [186]) и сотни других лиц, которых я могу установить при содействии следственной власти: для этого ей достаточно обратиться в Смольный Институт, в президиум ЦИК.

Во всяком случае прошу как можно скорее допросить перечисленных выше лиц.

III

Как мне сообщают, среди опечатанных бумаг, забранных в типографии «Труд», имеются рукописи двух моих брошюр, написанных до событий 3—5 июля: «Клеветникам» и «Годы великой катастрофы» [187]). Так как обе эти рукописи имеют прямое и непосредственное отношение к вопросам, составляющим предмет расследования, то прошу означенные рукописи приобщить к материалам следствия.

В заключение позволяю себе выразить уверенность в том, что *если бы следственная власть, не задаваясь целью доказать недоказуемое, сделала серьезную попытку проверить свои данные в указанном мною направлении, то она в двадцать четыре часа убедилась бы в том, что у нее нет никакого права держать меня в тюрьме.*

«Кресты», камера 487,
8 августа 1917 года.

«Предварительное следствие по делу 3—5 июля».

ПОЗОР!

*(Работа республиканской юстиции *)*

Даже поклоннику «твердой власти» невозможно отрицать, что борьба с так называемой «анархией» ведется у нас при помощи совершенно анархических мер, свирепость которых не скрывает их беспомощности. Если б кто-нибудь из министров-«социалистов» обошел теперь камеры «Крестов», он без труда убедился бы в этом. И почему бы в самом деле этого не сделать? Ведь ходил же Церетели по кронштадтским тюрьмам для ознакомления с участью заключенных контр-революционеров. Было бы очень полезно сопоставить меры революционной репрессии, применявшиеся кронштадтскими матросами, с государственными проявлениями твердой власти Керенского—Церетели. Ибо главная часть этой незавершенной работы была произведена еще при Церетели-министре...

Все знают про арест ныне освобожденного Каменева, которого заперли «на всякий случай»; а потом уж стали искать, за кем его зачислить: за разведкой, за прокурором, за Переверзевым или за Алексинским? Из напечатанного в «Н. Жизни» письма многие знают, что Троцкий обвиняется в «государственной измене» на том основании, что он приехал (будто бы с Лениным) через Германию, в качестве члена Ц. К-та... Но если по отношению к людям достаточно известным твердая власть проявляет такого рода чудовищную неряшливость, то нетрудно себе представить, как обстоит дело, когда юная республиканская юстиция (изо рта у нее впрочем торчат гнилые пеньки) накладывают свою руку на балтийского матроса, петергофского солдата или путиловского рабочего. Можно сказать без всякого преувеличения, что никогда при массовых арестах старой охранки не было столько произвола и бессмыслицы, как в работе твердой власти Керенского—Церетели.

Из семидесяти политических, содержащихся во втором корпусе «Крестов», около тридцати привлекаются за участие в выступлениях 3—4 июля. Им в большинстве случаев предъявлено обвинение по ст.ст. 100 и 51. Некоторые из них (как *Константин Русинов, Порфирий Никитин, Иван Манин, Лейзер Славкин*...) были при аресте избиты, в отдельных случаях очень жестоко. У ряда

*) Статья получена с опозданием (прим. ред. «Пролетарий»).

арестованных были казаками ограблены деньги—под тем предлогом, что это деньги «немецкие»... В какой мере меток был в каждом отдельном случае карающий удар правосудия, это еще подлежит проверке. Чище всего дело обстоит несомненно с *Левенсоном Иосифом, Медведевым Сергеем и Степановым Ассаном,* которые, так сказать, сами себя отправили «под конвоем» в штаб, как зачинщиков, для того, чтобы избежать расформирования своего (7) полка. Кстати сказать, солдаты этого полка, участвовавшие в так называемом «вооруженном восстании», взяли на себя вечером 4 июля охрану Таврического Дворца ввиду малочисленности и усталости караула...

По целому ряду статей привлекается председатель Ц. К. Балтийского флота, матрос *Дыбенко* [188]). Он явился в ночь с 6 на 7 июля на миноносце «Гремящий», в составе делегации из 10 человек, чтоб предъявить резолюцию 70 кораблей по поводу кризиса власти. 7-го был арестован вместе со всей делегацией отрядом казаков и юнкеров, которые не щадили ни ругательств, ни угроз. Когда арестованных подвезли на грузовике к Зимнему дворцу, туда же подъехал Церетели. Дыбенко, которому приходилось в прошлом встречаться с министром, окликнул его, требуя вмешательства. Но министр махнул рукой и прошел мимо... Так как вся делегация освобождена, то Дыбенко содержится, по объяснению военно-морского следователя Фелицина, в качестве заложника.

Но во всяком случае в лице этих тридцати арестованных мы имеем дело с людьми, которые может быть и не все «удачно» выбраны, но зато все отнесены к вооруженному выступлению и подведены под определенные (слишком определенные) статьи царского уложения. Гораздо хуже обстоит дело с остальными заключенными.

Около десятка из этой второй группы тоже, повидимому, арестованы в связи с событиями 3—5 июля. Но обвинения им никакого не предъявлено, статей для них все еще не подобрано, и даже неизвестно в точности, за кем они числятся. Это конечно нисколько не помешало им быть избитыми при аресте и вообще пройти через всяческие унижения. У некоторых отобраны деньги, при чем точно неизвестно, кем: представителями твердой власти или просто любителями.

Вахрамков Александр был арестован 3 июля, когда выходил из типографии «Нового Времени», был сперва избит арестовавшей

его толпою, затем вторично избит юнкерами, отвозившими его в штаб. Никакого обвинения ему до сих пор не предъявлено, и он объявил с воскресенья, 6 августа, голодовку.

Ивашин Антон, из обмундировочной военной мастерской, арестован 10 июля в бане за «разговор». Мывшиеся драгуны 14 полка говорили, что петроградский гарнизон получает от немцев деньги. Ивашин запротестовал: «разве вы видели и можете доказать?». Его жестоко избили и арестовали. Обвинения до сих пор никакого не предъявлено.

Голос Владислав арестован вообще за «большевистскую пропаганду». Известно ведь, что борьба с анархией ничуть не похожа на борьбу с идейным течением. Хорошо, по крайней мере, что Владислава, как представителя идейного течения, не били.

Штиллер Альберт арестован за распространение в команде выборных листков гор. Петрограда № 4. Тоже не били.

Зынский Б. арестован 12 июля в вагоне Финляндской ж. д. за критику наступления. Начальник 1 охранного (?) отделения на Финляндском вокзале, составляя протокол, выразился так: «я велю казакам, чтоб они тебе, сукин сын, морду побили»... Известно ведь, что мы живем в самой свободной стране в мире.

Майдан Игнатий, пулеметчик, арестован 3 июля вольноопределяющимся в трамвае «за защиту революционности своего полка». Побоев не наносили.

Пискунов Иван шел 10 июля за покупкой по Загородному пр. и остановился возле уличного митинга, где какой-то солдат утверждал, что на убитых 3 июля солдатах находили по 6.000 руб. денег. Пискунов заспорил: «этого не может быть»... Его арестовали, при чем некий штатский показывал в комиссариате, будто Пискунов утверждал, что Германия ему дороже России. Как это верноподобно, не правда ли? Должно быть, этот штатский—тот самый литератор, который сообщал во всех «Биржевках», что эмигранты развернули в Белоострове знамя с надписью: «Да здравствует Германия!». На каких идиотов рассчитана эта словесность?

Есть в «Крестах» два ударника, *Романов Василий и Кутнер Абрам*. Они были делегированы с рижского фронта в Совет Р. и С. Д. для выяснения причины отмены выборной организации в ударном баталионе. По выполнении своей миссии оба были арестованы председателем комитета по организации добровольческой армии капит. Муравьевым, Мойка, 20. Не были допро-

шены, обвинений никаких не предъявлено, хотя арестованы еще 14 июля.

Матрос *Шульгин Иван* ехал из Або в Воронежскую губ. в кратковременный отпуск, вез резолюции Балтийского флота о переходе власти и пр. Был арестован в Белоострове 7 июля «за резолюцию», обвинения никакого не предъявлено.

Панфилов Иван был арестован казаками на улице 9 июля—за что, неизвестно.

Вилистер Петр, писарь 2 Петергофской школы прапорщиков, меньшевик-интернационалист. Арестован ночью 8—9 июля юнкерами без ордера судебных властей. Никакого обвинения до сих пор не предъявлено; но совершенно ясно, что на Вилистера указали юнкерам реакционные офицеры школы, как на человека, ведущего вредную пропаганду. Арест сопровождался насилиями, так как Вилистер, член партии Церетели—Дана, отказался признать в юнкерах без ордера представителей твердой власти. Самочинные аресты «отменены», но самочинно арестованные сидят, а самочинно арестовавшие по-прежнему стоят на страже «революционного порядка».

Оскар Блюм (Ломов) арестован в июле в Архангельске по предписанию министра юстиции. Обвинения до сих пор не предъявлено.

Фомичев Федор ехал в отпуск, арестован в Белоострове пассажирами 7 июля за разговор по поводу наступления. Обвинения не предъявлено.

Пушкарев Василий и Дайлидович Иван, рабочие-путиловцы, вмешались на Английской наб. 9 июля в разговор по поводу заработка рабочих и выступления 4 июля. Чиновник утверждал, что рабочие получают 400, 500 и 700 руб. Пушкарев ответил: «А я вот получаю 150 руб. Если же вам завидно, то поступайте на завод и получайте хоть 1000». Дайлидович объяснил тут же нескольким солдатам, что путиловцев никто на выступление не призывал, а вышли они сами ввиду тяжелого материального положения и пр. Поговорив на эту тему, Пушкарев и Дайлидович пошли дальше, но их догнал какой-то шоффер и передал караулу. Сидят они оба с 10 июля, допросов не было, числятся очевидно за таинственным шоффером.

Лив Владимир, студент Моск. политехникума, арестован 25 июля, так как при нем оказался членский билет солдатского

клуба «Правда». При аресте избит милиционером. Обвинения не предъявлено.

Конунников Федор, матрос с «Республики», был захвачен юнкерами 12 июля на Сампсониевской ул., так как шел рядом с матросом Петровым, у которого была в руках «Волна» [189]). Обвинения никакого не предъявлено.

Овсеенко Владимир, он же *Антонов* [190]), арестован 15 июля в Гельсингфорсе по подложному предписанию: в подлиннике предписания имя Антонова не значится. Числился за морским штабом, потом за гражданским прокурором, затем за разведкой морского штаба, потом за Гельсингфорсской разведкой; когда же и та отреклась, то вновь за морским штабом и наконец за разведкой этого штаба. Допрошен ни разу не был, обвинение не предъявлено. После заявления министру юстиции об обстоятельствах этого ареста и заточения, с воскресенья, 6 августа, объявил голодовку.

Таковы образцы работы республиканской юстиции, которые относятся все ко второму корпусу «Крестов». А есть еще первый корпус, и есть целый ряд других мест заключения. Министр юстиции г. Зарудный [191]) не может, разумеется, вмешаться, так как он слишком «уважает независимость суда и судей и не согласен оказывать на них давление». Но где та инстанция, которая может и согласна вмешаться в пользу рабочих и солдат, арестованных неизвестным шоффером или мывшимися в бане драгунами? Где та инструкция, которая согласна оказать «давление» на тех джентльменов «революционного порядка», которые подделывают ордера об арестах?

А между тем вмешательство необходимо и притом неотложное, так как в тюрьме создается атмосфера, в которой *неизбежны всякие конфликты и осложнения.*

Большинство арестованных жестоко голодает, так как тюремной пищи совершенно недостаточно, а купить почти ничего нельзя, даже если есть деньги. Камеры целый день закрыты. По этому поводу нелишне вспомнить, что в 1906 г., при Горемыкине и Столыпине [192]), камеры были открыты целый день, и заключенные гуляли два часа в день (теперь 40—50 минут). В результате совокупного действия голода, произвола и неизвестности, настроение у многих заключенных в высшей степени нервное и возбужденное. Некоторые начинают голодовку с сегодняшнего дня. Другие предполагают начать через два-три дня, если не получат ответа.

Нужно, чтобы на воле знали, что́ происходит в тюрьмах республиканской России, при министре-председателе Керенском, при министре юстиции Зарудном, при министре вн. дел Авксентьеве и с благословения бывшего «министра революции» Церетели, который сошел со сцены, как министр репрессии.

Мы думаем, что все изложенное резюмируется одним словом: *позор!*

«Пролетарий» № 2,
28 (15) августа 1917 г.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ А. С. ЗАРУДНЫЙ ЗАНЯТ ВОСПИТАНИЕМ Т. ТРОЦКОГО

В некоторых изданиях были напечатаны в начале августа письма т. Троцкого Временному Правительству и министру юстиции [193]) по поводу агитаторских упражнений бывшего прокурора судебной палаты г. Каринского [194]), которому явно не давали спать лавры Переверзева—Алексинского. «Народно-социалистический» министр юстиции, как нам передают, ответил т. Троцкому особым отношением, в коем арестант поставляется в известность о том, что министр юстиции не может дать «движения» выше указанным «прошениям», так как в них заключаются *«неприличные»* выражения по адресу чинов судебного ведомства. «Неприличие» г. Зарудный усмотрел очевидно в утверждении т. Троцкого, что прокурор Каринский «по каналам беснующейся реакционной прессы» пускает в оборот заведомо-ложные обвинения против вождей большой политической партии, и что Каринский преследует при этом не судебно-следственные, а реакционно-политические цели. Обвинение, бесспорно, очень тяжкое, но в каком смысле его можно назвать «неприличным», мы решительно отказываемся понять. И какое право имеет министр «не давать движения» тяжкому обвинению, выдвинутому против подчиненного ему лица, это понять еще труднее. Юстиция не есть богиня хорошего тона, г. министр!

Т. Троцкому остается, на наш взгляд, обратиться к г. Зарудному с объяснением примерно такого рода: «Ваше Высокопревосходительство! Бывши воспитан в дурных условиях старого режима, ожесточавшего нравы, я, за три месяца моего пребывания под солнцем отечественной свободы, не научился еще о-

преступных действиях республиканской прокуратуры выражаться словами, которые не оскорбляли бы чувствительности народно-социалистического генерал-прокурора»...

При посещении «Крестов» Зарудный, как нам передают, пожимал руки нескольким тюремным надзирателям. Помнится, Керенский, став министром юстиции, начал с того, что пожал руку министерскому швейцару. «Жест», что и говорить, очень выразительный. Но было бы ошибочно думать, что этим исчерпывается главная обязанность демократа. Американский президент раз в год пожимает руку всем, кому не лень; однакож это не мешает ему быть верным стражем интересов финансовой олигархии. Демократизм столь же мало состоит в раздаче дешевых рукопожатий, как и в бурбонских окриках по поводу мнимого несоблюдения правил вежливости. Демократизм есть вопрос существа, а не формы. Демократический министр юстиции не отмахивается от тягчайших обвинений ссылкой на их «неприличный» тон. Демократический министр юстиции не покрывает черносотенной разнузданности ссылкой на «независимость» судей...

До какой степени фальшива позиция г. Зарудного, видно уже из того, что после того, как он отказался «дать движение» заявлению т. Троцкого, министру пришлось привести в «движение» самого г. Каринского. Бывший прокурор судебной палаты полетел... Это очень отрадно, хотя из этого факта было бы крайне легкомысленно заключать, будто в ведомстве г. Зарудного водворяется отныне режим демократического правосудия. Нет, для этого было бы необходимо радикальное обновление всего персонала, подчиненного г. Зарудному. А этому обновленному персоналу был бы необходим другой министр юстиции.

«Пролетарий» № 7,
2 сентября (20 августа) 1917 г.
(Помещено под псевдонимом П. Танас).

ПРОТОКОЛ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ 3—5 ИЮЛЯ

1917 года, сентября 1 дня, судебный следователь 24 уч. гор. Петрограда предъявил нижепоименованным согласно ст. ст. 448 и 476 у. у. суд. предварительное следствие и спрашивал их,

желают ли они чем-либо его дополнить, на что обвиняемые заявили: . . . .

6) *Лев Давыдович Троцкий.* Ввиду того, что первый же оглашенный документ (показание прапорщика Ермоленко), который играл до сих пор главную роль в предпринятой при содействии некоторых чинов судебного ведомства травле против моей партии и меня лично, является несомненным плодом сознательной фабрикации, рассчитанной не на выяснение обстоятельств дела, а на его злостное затемнение; ввиду того, что в этом документе г. следователем Александровым с явной преднамеренностью обойдены те важнейшие вопросы и обстоятельства, выяснение которых должно было бы неминуемо вскрыть всю фальшь показаний неизвестного мне Ермоленко; ввиду всего этого я считал бы политически и нравственно унизительным для себя участвовать в следственном процессе, сохраняя за собой тем большее право раскрыть подлинную сущность обвинения перед общественным мнением страны всеми теми средствами, какие будут в моем распоряжении. В соответствии с вышесказанным я не считаю возможным продолжать заслушание следственных материалов.

«Предварительное следствие о вооруженном выступлении 3—5 июля 1917 г. в Петрограде против государственной власти», стр. 135.

ПИСЬМО В ЦИК

Товарищи, вчера представитель следственной комиссии по делу 3—5 июля сделал попытку ознакомить нас со следственным материалом. Говорю «сделал попытку», потому что дело не пошло дальше первого документа, имеющего, впрочем, с политической стороны важнейшее значение: это акт допроса поручика Ермоленко [195]). Мы, подследственные, заявили, что ввиду характера «работы» г. Александрова мы отказываемся дальше входить с ним в объяснения. Суть дела такова. Ермоленко рассказывает подробно, как он завербовался в качестве немецкого шпиона (разумеется, с «патриотическими» целями). Для характеристика этого субъекта достаточно сказать, что, когда немцы дали ему ни дорогу 1.500 руб., он спросил: «почему так мало?» (по собственному показанию). Этот Ермоленко подробно рассказывает, как

он вел переговоры с немецкими офицерами о своих будущих обязанностях: шпионаже, взрыве мостов и пр., рассказывает, с кем именно он должен был сноситься в России и как. Вне всякой связи со всей этой конструкцией, он говорит, что ему сообщили, что он будет работать в России «не один», что в том же направлении в России работает Ленин со своими единомышленниками, которые посланы были «добиться отставки Гучкова и Милюкова». Никаких поручений к Ленину Ермоленко не получал, во всей его конструкции Ленин совершенно ни к чему, так сказать, насильственно введен со стороны и связан с Ермоленко не фактами и отношениями, а простой и глуповатой в своей хитрости фразой: «Вы будете не один, будет и Ленин», которому дескать поручено взрывать не только мосты, но и две крепости: Гучкова и Милюкова. Под конец еще говорится: «мне сообщили, что Ленин участвовал на совещаниях в Берлине и останавливался у Скоропись-Елтуховского, в чем я и сам потом убедился». Точка. Ка́к убедился—об этом ни слова. Таким образом, в этом единственном «фактическом» указании Ермоленки Александров не проявил никакой любознательности: ка́к убедился Ермоленко, что Ленин был в Берлине и останавливался у Скоропись-Елтуховского,— ведь, только это и имеет значение.

Одно из двух, либо Александров не следствие вел, а помогал Ермоленко вести подлую клевету против Ленина и всех нас в защиту... не отечества, а устраненных немцами от власти Гучкова и Милюкова. Я заявил, что ввиду этой явной недобросовестности следствия, рассчитанного не на выяснение дела, а на его затемнение, в интересах травли против нашей партии и ее деятелей, я считаю для себя невозможным ни политически, ни нравственно участвовать дальше в следственном процессе и сохраняю за собой тем большее право вести борьбу с бесчестным заговором пред лицом общественного мнения страны всеми средствами, какие имеются в моем распоряжении. Остальные товарищи сделали аналогичные заявления.

Прошу вас, товарищи, огласить настоящее письмо в ЦИК, который требовал, чтобы мы предстали пред судебными властями (Переверзева—Зарудного). Главным образом, прошу напечатать это письмо в «Рабочем». Хочу думать, что все честные издания в Петрограде и провинции перепечатают настоящее письмо.

В заключение скажу только следующее. Когда во время изложенного «сеанса» я взглянул на лицо нашего молодого друга,

мичмана Ильина-Раскольникова, я не мог не сделать сопоставления: следователь Александров, который «ликвидировал» нас при царизме, предъявляет Раскольникову обвинение в политической продажности. Тут находит свое завершение целая эпоха, целая система. Да будет она проклята!

Л. Троцкий.

«Кресты», 1 сентября 1917 г.

«Рабочий Путь» № 2,
18 (5) сентября 1917 г.

V

Агония мелкобуржуазной демократии

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

Л. ТРОЦКІЙ.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(Итоги и перспективы).

Цѣна 30 коп.

ПЕТЕРБУРГЪ.
1917 г.

Обложка брошюры „Что же дальше?“.

1. ПЕРЕД КОРНИЛОВЩИНОЙ

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? [196]

(Итоги и перспективы)

Вместо предисловия

Со дня наступления на внешнем фронте, с 18 июня, началось отступление революции на фронте внутреннем. Это отступление, руководимое официальной «демократией», приняло после дней 3—5 июля панический характер. Сейчас оно представляет несколько более упорядоченный вид, не приостанавливаясь, однако, ни на один час. Война на наших глазах пожирает революцию. А так как войной командуют генералы, то они же прибирают к рукам действительную власть.

На чем это остановится? Для прогноза нужно себе прежде всего отдать отчет в характере тех сил, которые борются на политической сцене или... без борьбы капитулируют на ней. Такова задача настоящего очерка.

Первые две главы написаны до Московского совещания. Мы их оставляем в неизмененном виде. Пытаясь предугадать смысл и последствия московского священнодействия, мы исходили не из заявлений лидеров и декламаций газет (никогда, кажется, лидеры и газеты не лгали, как теперь), а из классовых интересов и политических действий: этот рекомендованный Марксом метод несравненно более надежен.

Даже после того, как Временное Правительство разоружило революционный Петербург и над красным знаменем утвердило казацкую пику, оно не посмело провоцировать петербургских рабочих зрелищем совещания, которое назвали государственным, чтоб не назвать антинародным. «Живые силы» были приглашены в благочестивую и спокойную Москву. Но московский

пролетариат встретил незваных гостей стачкой протеста и презрения. Отомщенный пролетариат Петербурга вздохнул в тот день полной грудью.

С позволения московских товарищей-рабочих, посвящаю им эту брошюру.

Л. Т.

Что случилось?

Никто не говорит толком, для чего собирается Московское совещание. Более того: все будущие участники совещания заявляют, искренно или лицемерно, что они не знают, для чего собственно их приглашают в Москву. При этом почти все отзываются о совещании недоверчиво или пренебрежительно. Между тем все едут. Что за причина такая?

Если оставить в стороне пролетариат, который занимает особое место, то участники Московского совещания распадаются на три группы: представительство капиталистических классов, организации мелкобуржуазной демократии и правительство.

Имущие классы полнее всего представлены кадетской партией. За нею стоят помещики, организации торгово-промышленного капитала, финансовые клики, профессорские корпорации. У каждой из этих групп имеются свои особые интересы и политические виды. Но общая опасность со стороны рабочих, крестьянских и солдатских масс сплачивает капиталистические классы в один союз контр-революции. Не прекращая своих монархических интриг и заговоров, дворянско-бюрократические и штабно-генеральские круги считают, однако, необходимым до поры до времени поддерживать кадет. С своей стороны, буржуазные либералы, подозрительно косясь на монархические клики, очень однако ценят их поддержку против революции. Таким образом, кадетская партия превращается в обобщенное представительство крупной и средней собственности всех категорий. Все притязания имущих, все домогательства эксплоататоров сливаются сейчас в капиталистическом цинизме и империалистическом бесстыдстве Милюкова. Его политика состоит в том, чтоб подстерегать все неудачи революционного режима, все его злоключения и беды и, пользуясь до поры до времени «сотрудничеством» меньшевиков и эсеров, компрометировать их этим сотрудничеством и дожидаться своего часа. А за спиною Милюкова дожидается своего часа Гурко.

Эсеро-меньшевистская лже-демократия опирается на крестьянские массы, мелкий городской люд и на отсталых рабочих; при этом чем дольше, тем больше обнаруживается, что главная сила—в эсерах, а меньшевики—с боку-припеку. Под руководством этих двух партий, Советы, поднятые сперва полустихийным напором масс на огромную высоту, с часу на час теряют свое значение и сходят на-нет. Где причина? Маркс отмечал, что маленькие «великие люди» мещанства, когда история дает им щелчок в нос, никогда не ищут причины своих неудач в своей собственной несостоятельности, а непременно открывают чей-нибудь подвох или интригу. Как же было Церетели не ухватиться за «заговор» 3—5 июля для объяснения жалкого провала всей своей политики? Когда Либеры, Гоцы [197]) и Войтинские [198]) спасли устои порядка от «анархии», которая им, впрочем, не угрожала, эти господа искренно верили, что им, подобно гусям, спасшим Капитолий, полагается награда. И когда они заметили, что неуважение к ним буржуазии выросло прямо пропорционально их усмирительному усердию против пролетариата, они были поражены. Церетели, сам Церетели, великий маг общих мест, оказался выкинут за борт, как слишком революционный балласт. Совершенно ясно: пулеметный полк «сорвал» революцию.

И если Церетели со своей партией оказался в лагере контрразведки, Половцева и юнкеров, помогая им разоружать рабочих в интересах контр-революции, то виною тому не политическая линия Церетели, а выступление совращенного большевиками пулеметного полка. Такова философия истории политических банкиров мещанства!

На самом деле дни 3—5 июля потому стали поворотным моментом в развитии революции, что они обнаружили полную неспособность руководящих партий мелкобуржуазной демократии взять в свои руки власть. После жалкого крушения коалиционного правительства не было, казалось, другого исхода, кроме взятия всей власти Советами. Меньшевики и эсеры, однако, не решались. Взять власть, рассуждали они, значит рассориться с банкирами и дипломатами, это—авантюризм. И когда, несмотря на грозный смысл событий 3—5 июля, вожди Совета продолжали гоняться за Ефремовым, имущим классам стало окончательно ясно, что советские политики стоят перед ними так, как мелкий лавочник стоит перед банкиром: со шляпою в руке. Это именно и придало духу контр-революции.

Весь предшествующий период революции стоит под знаком так называемого *двоевластия*. Эта характеристика, исходящая от либералов, в сущности, очень поверхностна. Дело не в том только, что рядом с правительством стоял Совет, который выполнял целый ряд правительственных функций: Даны и Церетели всегда ведь готовы сделать все, что от них зависит, чтобы «безболезненно» ликвидировать раздвоение власти, передав ее целиком правительству. Но суть в том, что за Советом и за правительством стояли два разных режима, опиравшихся на разные классы.

За Советом стояли рабочие организации, вытеснившие на каждом заводе самодержавие капиталиста и устанавливавшие в предприятии республиканский режим, который однако не совместим с капиталистической анархией и требует неотвратимо общегосударственного контроля над производством. В отстаивании прав собственности капиталисты искали опоры наверху, в правительстве, толкали его со все-возрастающей энергией против Советов и заставляли его убеждаться, что ему не хватает самостоятельного аппарата, т.-е. орудия репрессий над рабочими массами. Отсюда вопли против «двоевластия».

За Советом стояли выборные организации в армии и весь вообще режим солдатской демократии. Временное Правительство, идущее нога в ногу с Ллойд-Джорджем, Рибо и Вильсоном, признающее старые обязательства царизма и действующее старыми методами тайной дипломатии, не могло не наталкиваться на враждебное сопротивление нового армейского режима. Это сопротивление на верхах преломлялось в крайне ослабленном виде, через Совет. Отсюда жалобы, особенно со стороны генералитета, на двоевластие.

Наконец, и крестьянский Совет, несмотря на жалкий оппортунизм и грубый шовинизм своих вождей, стоял под все-возрастающем давлением с низов, где захваты принимали тем более угрожающую форму, чем более им сопротивлялось правительство. До какой степени это последнее являлось орудием крупной собственности, лучше всего видно из того, что последний запретительно-полицейский циркуляр Церетели ничуть не отличался от циркуляров кн. Львова. И поскольку на местах советы и крестьянские комитеты пытались установить новый земельный режим, они попадали в жестокое противоречие с «революционной» властью, которая все более превращалась в цепную собаку частной собственности.

Дальнейшее развитие революции означало переход всей власти к Совету и использование этой власти в интересах трудящихся против собственников. Но углубление борьбы против капиталистических классов должно было неминуемо отвести в среде трудящихся масс первую роль самому решительному классу, т.-е. промышленному пролетариату. Для введения контроля над производством и распределением пролетариат имел крайне ценные образцы на Западе, прежде всего в так называемом «военном социализме» Германии. Но так как у нас эта организующая работа может быть произведена только на основе аграрной революции и под руководством действительно-революционной власти, контроль над производством и его постепенная организация были бы целиком направлены против интересов капитала. В то время как имущие классы стремились через Временное Правительство установить режим «крепкой» капиталистической республики,—полновластие советов, отнюдь еще не означая «социализма», сломило бы во всяком случае сопротивление буржуазии, и—в зависимости от наличных производительных сил и положения на Западе—направляло бы и преобразовывало экономическую жизнь в интересах трудящихся масс. Сбросив с себя оковы капиталистической власти, революция стала бы перманентной, т.-е. непрерывной, она применяла бы государственную власть не для того, чтобы упрочить режим капиталистической эксплоатации, а, наоборот, для того, чтобы преодолеть его. Ее окончательный успех на этом пути зависел бы от успехов пролетарской революции в Европе. С другой стороны, русская революция способна была дать тем более могущественный толчок революционному движению на Западе, чем решительнее и мужественнее она преодолевала сопротивление собственной буржуазии. Такова была и остается единственно реальная перспектива дальнейшего развития революции.

Но фантазерам филистерства эта перспектива представлялась «утопической». Чего они хотели? Они этого сами никогда не умели формулировать. Церетели говорил во всех падежах о «революционной демократии», явно не понимая, что̀ это такое. Не только эсеры, привыкшие плавать в волнах демократической фразеологии, но и меньшевики совершенно отбросили в сторону классовый критерий, как только он начал слишком явно уличать мелкобуржуазный характер их политики. Режим «революционной демократии» все объясняет и все оправдывает. И когда старые охран-

ники засовывают грязные пальцы в карман к большевику, то это делается не иначе, как во имя «революционной демократии»... Но не будем забегать вперед.

Предоставляя власть буржуазии или «нейтрализуя» власть путем коализации, эсеро-меньшевистская демократия фактически обезглавливала революцию. С другой стороны, отстаивая советы, как свои органы, мелкобуржуазная демократия фактически препятствовала правительству создать административный аппарат на местах. Правительство оказывалось не только бессильно на добро, но малосильно на зло. Советы, носившиеся с довольно широкими планами, ни одного из них не могли провести в жизнь. Насаждаемый сверху режим капиталистической республики и формировавшийся снизу режим рабочей демократии парализовали друг друга. Всюду, где они сталкивались, возникали бесчисленные конфликты. Министр и комиссары усмиряли орган революционного самоуправления, командиры скрежетали зубами против армейских комитетов, советы метались между массой и правительством. Кризис следовал за кризисом, приходили и уходили министры. Раздражение на низах было тем острее, чем более растерянный и бессистемный характер имели нажимы власти. А сверху вся жизнь представлялась сплошным разливом «анархии».

Ясно, что малодушно-двойственный режим мещанской «демократии» был внутренне-несостоятелен. И чем глубже были стоящие перед революцией проблемы, тем болезненнее обнаруживалась эта несостоятельность. Вся государственная постройка стояла на голове или на двух-трех головах. Неосторожный жест Милюкова, Керенского или Церетели грозил всегда обрушить ее целиком. И чем дальше, тем резче становилась альтернатива: либо Совет должен взять власть, либо капиталистическое правительство должно смести Советы. Нужен был только внешний толчок, чтобы окончательно выбить из равновесия все здание. Таким внешним толчком для внутренне-обреченной системы явились события 3—5 июля. Мелкобуржуазная «идиллия», основанная на «мирном» сожительстве двух исключающих друг друга режимов, получила смертельный удар. А Церетели получил возможность записать в свои мемуары, что его план спасения России оказался сорван пулеметным полком.

Элементы бонапартизма

Мелкий лавочник—человек трезвенный: он паче всего боится «рисковать». Но в то же время он и величайший фантаст: каждый мелкий лавочник надеется стать Ротшильдом. Это сочетание худосочной трезвенности с бесплодной фантастикой составляет самую сущность мелкобуржуазной политики. Не следует думать,—писал Маркс,—будто представителями мелкой буржуазии непременно должны быть скаредные торгаши. Нет, по своему умственному уровню они могут высоко стоять над забитым мещанством. Но «выразителями идеи мелкого буржуа их делает то, что их мысль не выходит их тех рамок, в которых заключена его жизнь, что поэтому они теоретически приходят к тем же задачам и тем же решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически».

Санхо-Пансо воплощает пошлую трезвенность. Но ему отнюдь не чужда романтика: иначе он не пошел бы за Дон-Кихотом[199]). Трезвенность мелкобуржуазной политики наиболее законченно и потому наиболее отталкивающе выражает Дан. Церетели дает сочетание этой трезвенности с романтикой. «Только дурак ничего не боится!»—сказал Церетели Мартову. Благонамеренный мещанский политик, наоборот, боится всего: он боится разгневать своих кредиторов, он боится, что дипломаты примут всерьез его «пацифизм», а больше всего он боится власти. Так как «дурак ничего не боится», то мелкобуржуазный политик считает, что всесторонней трусостью он себя страхует от глупости. И в то же время он надеется стать Ротшильдом: вставив два-три слова в дипломатическую ноту Терещенко, он надеется приблизить мир; князю Львову он надеется внушить свои вернейшие средства против гражданской войны. А кончает великий мелкобуржуазный умиротворитель тем, что разоружает рабочих, отнюдь не разоружая ни Половцева, ни Каледина. И когда вся эта политика рассыпается прахом от первого серьезного толчка, Церетели и Дан объясняют всем, кто им хочет верить, что революция отброшена назад не неспособностью мелкобуржуазной демократии взять в свои руки власть, а «мятежом» пулеметного полка.

В течение многолетних споров о характере русской революции меньшевизм доказывал, что носительницей революционной власти станет у нас мелкобуржуазная демократия. Мы доказывали, что мещанская демократия уже неспособна справиться с

этой задачей, и что довести революцию до конца способен только пролетариат, опирающийся на народные низы. Теперь история подвела дело так, что меньшевизм оказался политическим представительством мелкобуржуазной демократии, чтобы на собственном примере доказать ее полную неспособность справиться с проблемой власти, т.-е. взять на себя руководящую роль в революции.

В «Рабочей Газете», в этом органе поддельного, дановского, данизированного «марксизма», делаются попытки наклеить на нас кличку «третье-июльцев». Что в движении 3 июля мы всеми симпатиями нашими были с рабочими и солдатами, а не с юнкерами, Половцевым, Либером и контр-разведкой, это несомненно. Мы бы заслуживали презренья, если бы это было иначе. Но пусть поостерегутся банкроты «Рабочей Газеты» слишком напирать на 3 июля, ибо это ведь день их политического самоупразднения. Кличка третье-июльцев может легко повернуться к ним другим концом. 3 июня 1907 г. хищные клики царской России совершили государственный переворот, чтобы захватить в свои руки государственную власть. 3 июля 1917 г., в момент глубочайшего кризиса революции, мелкобуржуазные демократы громогласно провозгласили, что они не способны и не хотят взять в свои руки власть. С ненавистью отшатнувшись от революционных рабочих и солдат, которые требовали от них выполнения элементарного революционного долга, третье-июльцы заключили союз с подлинными третье-июньцами в целях обуздания, разоружения и заточения социалистических рабочих и солдат. Предательство мелкобуржуазной демократии, ее позорная капитуляция перед контр-революционной буржуазией—вот что изменило соотношение сил, как это уже не раз бывало в истории революции.

В этих условиях строилось последнее министерство, которое Скобелев с благодарной почтительностью подмастерья по отношению к мастеру называет не иначе, как «правительством Керенского». Безвольный, бессильный, расхлябанный режим мелкобуржуазной демократии уперся в личную диктатуру.

Под фирмой так называемого двоевластия шла борьба двух непримиримых классовых тенденций: империалистической республики и рабочей демократии. Пока борьба оставалась неразрешенной, она парализовала революцию и неизбежно порождала явления «анархии». Руководимый политиками, которые всего боятся, Совет не смел брать власть. Представительница всех

клик собственности, кадетская партия, еще не могла взять власть. Оставалось искать великого примирителя, посредника, третейского судью.

Еще в середине мая Керенский был назван в заседании Петербургского Совета «математической точкой русского бонапартизма». Уже эта бестелесная характеристика показывает, что дело шло не о личности Керенского, а об его исторической функции (деятельности, роли). Было бы неосмотрительно утверждать, что Керенский сделан из того же материала, как и первый Бонапарт; это нужно считать по меньшей мере недоказанным. Но популярность его, разумеется, не случайна. Керенский оказался ближе и понятнее всех всероссийской обывательщине. Защитник по политическим делам, «социал-революционер», который стоял во главе трудовиков, радикал без какой бы то ни было социалистической школы—Керенский полнее всего отражал первую эпоху революции, ее «национальную» бесформенность, занимательный идеализм ее надежд и ожиданий. Он говорил о земле и воле, о порядке, о мире народов, о защите отечества, героизме Либкнехта, о том, что русская революция должна поразить мир своим великодушием, и размахивал при этом красным шелковым платочком. Полупроснувшийся обыватель с восторгом слушал эти речи: ему казалось, что это он сам говорит с трибуны. Армия встретила Керенского, как избавителя от Гучкова. Крестьяне слышали о нем, как о трудовике, о мужицком депутате. Либералов подкупала крайняя умеренность идей под бесформенным радикализмом фраз. Настороже были только передовые рабочие. Но их Советы успешно растворяли в «революционной демократии».

Свобода от предрассудков доктрины позволила Керенскому первым из «социалистов» вступить в буржуазное правительство. Он же первый заклеймил именем «анархии» обострившуюся социальную требовательность масс, пригрозив еще в мае финляндцам скорпионами, и бросил свою пышную фразу о «восставших рабах», которая бальзамом пролилась на сердца всех огорченных собственников. Таким образом, его популярность представляла собою клубок противоречий, в которых отражалась бесформенность первого периода революции и безвыходность второго. И когда история открыла вакансию на третейского судью, в ее распоряжении не оказалось ближе подходящего человека, чем Керенский.

«Историческое» ночное заседание в Зимнем Дворце было только репетицией того политического унижения, которое «революционная» демократия подготовила для себя на Московском совещании. Все козыри в этих переговорах оказались в руках у кадет: эсеро-меньшевистская демократия, одерживающая победы на всех без исключения демократических выборах и на-смерть испуганная своими победами, смиренно просит цензовых либералов о сотрудничестве в правительстве! Так как кадеты не побоялись 3 июля подкинуть власть Совету и так как, с другой стороны, либералы не боятся взять в свои руки всю власть целиком, то ясно, что они являются господами положения.

Если Керенский был последним словом немощной советской гегемонии, то пусть теперь он станет первым словом освобождения от этой гегемонии.—До поры до времени мы принимаем Керенского, но с тем, чтобы вы перерезали пуповину, связывающую его с Советом!—таков был ультиматум буржуазии.

— К сожалению, прения в Зимнем Дворце не отличались содержательностью,—жаловался Дан, докладчик унижения в заседании Исполнительных Комитетов.

Трудно оценить все глубокомыслие этой жалобы со стороны парламентера «революционной» демократии, который ушел из Таврического Дворца вечером еще с властью, а вернулся к утру порожнем. Свою долю власти вожди эсеров и меньшевиков почтительно сложили у ног Керенского... Кадеты милостиво приняли этот дар: они-то во всяком случае смотрели на Керенского не как на великого третейского судью, а только как на передаточную инстанцию. Брать всю власть в свои руки немедленно было бы для них слишком опасно ввиду неизбежного революционного отпора масс. Гораздо разумнее было предоставить «независимому» отныне Керенскому при содействии Авксентьевых [200]), Савинковых и других проложить дорогу для чисто буржуазного правительства при помощи системы все более и более разнузданных репрессий.

Новое коалиционное министерство—«правительство Керенского»—было составлено. На первый взгляд оно ничем не отличалось от той коалиции, которая так бесславно развалилась 3 июля. Ушел Шингарев, пришел Кокошкин; выступил Церетели, вступил Авксентьев. Некоторое понижение личного состава подчеркивало лишь, что обе стороны смотрели на кабинет, как на переходный. Но гораздо важнее коренное изменение

«значимости» обеих групп. Раньше—в идее, по крайней мере—министры-«социалисты» считались подотчетными представителями Советов: буржуазные министры должны были служить для них прикрытием пред лицом союзников и биржи. Теперь наоборот: буржуазные министры входят, как подчиненный орган, в состав открытого контр-революционного блока имущих (кадетская партия, торгово-промышленники, союз землевладельцев, Временный Комитет Думы, казачий круг, ставка, союзная дипломатия...), а министры-социалисты входят лишь как прикрытие пред лицом народных масс. Встреченный молчанием Исполнительных Комитетов, Керенский добился оваций обещанием не допускать восстановления монархии. Так низко пала требовательность мещанской демократии! Авксентьев призывает всех к «жертвенности», неумеренно расходуя кантиански-псаломщицкий пафос, свой основной рессурс и, как полагается идеалисту у власти, он на помощь категорическому императиву усердно привлекает казаков и юнкеров. А выдвинувшие его крестьянские депутаты с изумлением озираются вокруг, замечая, что, прежде чем они экспроприировали помещичью землю, кто-то экспроприировал у них влияние на государственную власть.

Контр-революционные штабы, всячески тесня армейские комитеты, широко используют их в то же время для репрессий над массами и, подрывая таким путем авторитет солдатских организаций, подготовляют их падение. Буржуазная контр-революция имеет в своем распоряжении для тех же целей министров-«социалистов», а эти последние увлекают в своем головокружительном падении те самые Советы, от которых они ныне независимы, но которые по-прежнему зависимы от министров. После отказа от власти демократическим организациям приходится ныне ликвидировать и свой авторитет. Таким образом, все приготовляется к пришествию Милюкова. А за его спиною дожидается своего часа Гурко.

Московское совещание получает свой смысл только в связи с этим общим направлением политического развития на верхах.

Кадеты до последних дней относились к совещанию не только без энтузиазма, но прямо с недоверчивостью. С нескрываемой неприязнью к путешествию в Москву относится и «Дело Народа», орган той партии, которая представлена в правительстве Керенским, Авксентьевым, Савинковым [201]), Черновым и Лебедевым [202]). «Ехать, так ехать»,—пишет со вздохом «Рабочая Газета», подражая

тому попугаю, которого кошка тащила за хвост. Речи Рябушинских, Алексеевых, Калединых и пр. и правящей «шайки шарлатанов» отнюдь не свидетельствуют об их готовности к жертвенным объятиям с Авксентьевым. Наконец, и правительство, как сообщают газеты, не придает Московскому совещанию «решающего значения». Cui prodest? Кому же это совещание нужно и для чего?

Ясно, как божий день, что оно целиком направлено против Советов. Эти последние не идут на совещание, их туда тащат на аркане. Совещание нужно контр-революционным классам, как опора для окончательного низложения Советов. Но почему же ответственные органы буржуазии относятся к совещанию так сдержанно? Потому, что оно прежде всего нужно для упрочения «надклассовой» позиции верховного третейского судьи. Милюков боится, что Керенский выйдет с совещания слишком окрепшим, и что в результате слишком затянутся политические каникулы Милюкова. А ведь каждый патриот торопится спасать отечество на свой лад.

В результате «исторической» ночи в Зимнем Дворце получился режим Керенского, этот бонапартизм приготовительного класса. Но Московское совещание, по своему составу и по своим целям, есть воспроизведение исторической ночи, так сказать, при свете дня. Церетели должен будет еще раз на всю Россию объяснить, что переход власти к революционной демократии был бы несчастьем и гибелью революции. После этого торжественного провозглашения собственного банкротства представителям революционной демократии дано будет услышать направленный против них грозный обвинительный акт, заранее формулированный Родзянкой, Рябушинским, Милюковым, ген. Алексеевым и другими «живыми силами» страны. Наша империалистическая клика, которой правительством в Московском совещании отведен красный угол, выдвинет лозунг: «вся власть—нам!». Советские вожди, лицом к лицу с необозримостью аппетитов имущих классов, будут угрожать им возмущением тех самых рабочих и солдат, которых Церетели разоружал за лозунг «Вся власть—Советам!». В качестве председателя, Керенскому останется только констатировать наличность «разногласий» и обратить внимание «заинтересованных сторон» на то, что им никак не обойтись без третейского судьи. Что и требовалось доказать.

«Если б я был в правительстве,—признавался на заседании Центрального Исполнительного Комитета меньшевик Богданов,—

я этого совещания не созывал бы, ибо правительство не достигнет на нем того, к чему стремится: укрепления и расширения своей базы». Надо признать, что эти «реальные» политики совершенно не понимают того, что̀ происходит при их ближайшем участии. После распада коалиции 2 июля отказ Совета взять власть *исключал* возможность создания правительства на широкой базе. Бесконтрольное правительство Керенского есть по принципу правительство без социальной базы. Оно сознательно встало *между* двумя возможными базами: трудящейся массой и империалистическими классами. В этом и состоит его бонапартизм. Московское совещание имеет своей задачей, сшибив лбами цензовые и демократические партии, упрочить личную диктатуру, которая политикой безответственного авантюризма подрывает все завоевания революции.

Для этой цели оппозиция слева так же необходима, как и оппозиция справа. Нужно только, чтобы они приблизительно уравновешивали друг друга и чтобы социальные условия поддерживали это равновесие. Но этого-то именно и нет.

Древний цезаризм вырос из борьбы классов в среде свободного общества; но под всеми борющимися фракциями и их цезарем была устойчивая база рабочего труда. Новый цезаризм, выросший из борьбы пролетариата и буржуазии, ищет необходимой опоры в пассивной устойчивости крестьянства; при этом главным орудием бонапартизма является дисциплинированная армия. У нас же ни одного из этих условий еще нет налицо. Все общество пронизано обнаженными антагонизмами, достигшими высшей степени напряженности. Борьба между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками, солдатами и генералитетом, угнетенными национальностями и центральной властью не оставляет для этой последней никаких элементов устойчивости, если только правительство не решится связать свою судьбу с одной из борющихся сил. До завершения аграрной революции попытки «надклассовой» диктатуры будут неизбежно оставаться эфемерными (скоропреходящими).

Милюков, Родзянко, Рябушинский [203]) хотят, чтобы власть окончательно отождествилась с ними, т.-е. превратилась в контрреволюционную диктатуру эксплоататоров над революционными рабочими, крестьянами и солдатами. Керенский хочет демократию испугать контр-революцией, а контр-революцию— демократией и на этом утвердить диктатуру личной власти, от

которой массам будет не лучше. Но все это счеты без хозяина. Революционные массы еще не сказали своего последнего слова.

Армия в революции

В вопросе о войне и мире шла с первых же дней революции та же борьба: между рабоче-крестьянской демократией, складывавшейся снизу, и империалистической республикой, которую имущие классы пытались строить сверху.

Господа генералы поспешили «признать» республику—по крайней мере, до поры до времени—в твердом расчете на то, что республика признает их генеральство и даже возвеличит его, устранив великокняжеских бездельников. «Национальная» революция означала в их глазах дворцовый переворот: снять Николая и его Алису [204]), но сохранить целиком классовую дисциплину и воинское чинопочитание... На-днях телеграф сообщил, что греческий «вождь» Венизелос объявляет Грецию «республикой, увенчивающейся королем»! Брусиловы, Гучковы, Родзянки и Милюковы хотели, наоборот, сохранить Россию монархией, освобожденной от царя. Но движение пошло иными, более глубокими путями. Февральское восстание петербургских полков не было плодом заговора: оно явилось результатом мятежного настроения всей армии и народных масс вообще. И возмущение рабочих и солдат направлялось не только против бездарного и прогнившего царизма, неспособного вести им же вызванную войну, но и против самой этой войны. Глубочайший перелом, который производила революция в настроении и поведении солдат, грозил не только непосредственным империалистическим целям войны, но и самому орудию этих целей, старой армии, построенной на команде сверху, нерассуждающем повиновении снизу.

Сейчас генералы, полковники, третье-июньские политики и буржуазные газетчики рвут и мечут против приказа № 1. По их мнению, не приказ вырос из глубочайшего брожения в армии, а, наоборот, брожение явилось плодом приказа. В самом деле: еще до вчерашнего дня солдаты подчинялись их приказам, а сегодня перестали: не ясно ли, что они подчинились какому-то новому «приказу», который в книге исходящих записан под № 1. Этот штабно-канцелярский кретинизм заменяет сейчас историческую точку зрения самым широким буржуазным кругам.

Так называемое разложение армии выражалось в неповиновении начальству и в непризнании этой войны своей войной. Именно ввиду этих явлений Керенский бросил в лицо пробуждающейся армии своих «восставших рабов». Если буржуазия считала, что достаточно заменить Сухомлиновых Гучковыми, чтобы снова впрячь армию в колесницу империализма, то Керенский, в своей мещанской поверхностности и самовлюбленности, верил, что достаточно ему сменить Гучкова, чтобы армия снова стала послушным орудием в руках правительства. Поистине «бессмысленные мечтания»!

Революция, если взять ее со стороны массовой психологии, есть проверка разумом унаследованных учреждений и традиций. Все бедствия, страдания и унижения, какие принесла народу и, в особенности, армии война, увенчивались волей царя. Если в Петербурге сбросили самого царя, то как же могли солдаты не сбрасывать с себя власти тех офицеров, которые были наиболее ретивыми и преступными проводниками системы царизма? Как могли солдаты не поставить перед собою вопроса о смысле и цели войны, раз низложенным оказался тот, от кого зависели прежде и война, и мир?

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обратился 14 марта с манифестом к народам Европы [205]), призывая их к борьбе за демократический мир. Это тоже был «Приказ № 1» по отношению к вопросам мировой политики. В то время, как манифест явился попыткой ответа на жгучий непреодолимый вопрос армии и народа: воевать ли дальше, и во имя чего? — империалисты рисуют дело так, будто без манифеста этот вопрос вовсе не пришел бы в солдатскую голову, пробужденную громом революции.

Милюков предчувствовал, что революция пробудит критику и самостоятельность в армии и следовательно явится угрозой для империалистических целей войны. Поэтому он в четвертой Думе открыто выступал против революции. И если Милюков теперь шипит по поводу «Приказа», Манифеста и Циммервальда, будто бы отравивших армию, то у него-то это во всяком случае совершенно сознательная ложь. Милюков прекрасно понимает, что главный «яд» кроется не в тех или других «Приказах» Совета, достаточно умеренных даже в лучшую его пору, а в самой революции, которая перевела страдание масс на язык протестов, требований и открытого соизмерения сил.

Процесс внутренней перестройки армии и политической ориентировки ее солдатской массы прорвался страшной катастрофой на фронте. Прямая причина этой катастрофы—в противоречии между империалистической политикой, которая сделала своим орудием Временное Правительство, и стремлением масс к скорейшему и «безобидному» миру. Новая дисциплина и подлинный энтузиазм в армии могли развиться только из самой же революции, из мужественного разрешения ее внутренних задач и из ее столкновения с внешними препятствиями. Народ и армия, почувствовав и убедившись, что революция есть их революция, что правительство есть их правительство, что оно ни пред чем не останавливается в защите их интересов против эксплоататоров, что оно не ставит себе никаких угнетательских и грабительских внешних задач, что оно не ломит шапки перед «союзными» биржевиками, что оно открыто предлагает народам немедленный мир на демократических основах,—трудящийся народ и его армия оказались бы при таких условиях проникнуты неразрывным единством, и если бы немецкая революция не пришла во-время нам на помощь, русская армия с таким же энтузиазмом боролась бы против Гогенцоллерна, с каким русские рабочие готовы отстаивать народные завоевания против покушений контр-революции.

Империалисты боялись этого пути, как смерти,—и они были правы. Кургузые политики мещанства не верили в этот путь, как мелкий лавочник не верит в возможность экспроприации банков. Отвергая «утопии», т.-е. политику дальнейшего развития революции, эсеры и меньшевики проводили ту именно гибельную политику двойственности, которая привела к катастрофе.

Солдату сказали, и сказали правильно, что война—империалистическая на обеих сторонах, что русское правительство опутано со всех сторон финансовыми, дипломатическими и военными договорами, пагубными для народов всех стран, а потом прибавили: «а пока что воюй на основе старых договоров, рука-об-руку со старыми союзниками». Но ведь солдат, идущий в огонь, «пока что» идет навстречу смерти. Итти сознательно на высшую жертву может только такой солдат, который охвачен атмосферой коллективного энтузиазма; а этот последний возможен только при условии глубокой уверенности в правоте своего дела. Революция уничтожила психологию нерассуждающей «святой скотинки». Никакой Корнилов, никакой Каледин не повернет историю вспять и не восстановит палочной дисциплины, хотя бы на-время,

без ужасающих репрессий, которые означают длительную эпоху кровавого хаоса. Сохраниться, как боеспособная величина, армия могла, лишь получив новые цели, новые методы, новую организацию. Необходимо было сделать из революции все выводы. Тот режим половинчатости и двусмысленности, какой создало для армии Временное Правительство при содействии эсеров и меньшевиков, заключал в себе неизбежную катастрофу. Армию вооружили известными критериями и дали ей возможность гласной критики. В то же время поставили перед ней цели, явно не выдерживающие революционной критики, и во имя этих целей потребовали от нее, истощенной, голодной и разутой, сверхчеловеческого напряжения. Можно ли было сомневаться в результате, особенно при сознательно-«пораженческой» работе кое-каких штабных генералов?

Но Временное Правительство опьяняло себя патетическим празднословием. Солдатскую массу, находившуюся в состоянии глубокого брожения, господа министры считали материалом, из которого можно сделать все, что нужно опутавшим несчастную разоренную страну империалистам, своим и чужим. Керенский заклинал, угрожал, становился на колени, целовал землю, не давая, однако, солдатам ответа ни на один мучивший их вопрос. Обманув себя дешевыми эффектами, он заручился поддержкой Съезда Советов, где господствовала легкомысленная при всей своей «осторожности» мещанская демократия, и скомандовал наступление. Это был в буквальном смысле слова «приказ № 1» российской контр-революции.

4 июня мы, интернационалисты, огласили на Съезде Советов декларацию по поводу готовившегося наступления, и в ней, на-ряду с принципиальной критикой, мы прямо указывали, что при данном состоянии армии наступление есть военная авантюра, грозящая самому существованию армии. Мы оказались слишком правы. Правительство ничего не учло, ничего не предусмотрело. Правительственные партии меньшевиков и эсеров улюлюкали по нашему адресу вместо того, чтобы прислушаться к нашим словам.

Когда несчастье, предсказанное большевиками, разразилось, обвинили... большевиков. За трагедией, вызванной легкомыслием и безответственностью, развернулась мерзость трусости. Все вершители судеб торопились взвалить вину на третьего. Официозные речи и статьи тех дней навсегда останутся памятниками человеческой низости.

Травлей большевиков можно, разумеется, на некоторое время сбить с толку тупую обывательщину. Но этим отнюдь не устраняется и не ослабляется вопрос о правительственной ответственности. Виноваты ли большевики или нет, только как же правительство ничего не предвидело? Оно, значит, не имело понятий о той самой армии, которую посылало в бой. Не отдавая себе никакого отчета в том, способна ли армия перейти в наступление, оно двинуло ее вперед. Во главе правительства стояли не большевики. Как бы, следовательно, ни обстояло дело с этими последними, на правительство Керенского—Церетели—Чернова падает вся тяжесть ответственности за трагическую авантюру наступления.

Эта ответственность усугубляется тем, что предупреждения шли, повидимому, не только со стороны интернационалистов. «Новое Время», находящееся в теснейшей связи с реакционным генералитетом, рассказывало 5 августа следующее про подготовку наступления:

«Осторожный Алексеев, не желавший бросать на убой неподготовленных к бою людей, не желавший рисковать завоеванным, в поисках непрочных успехов,—уволен. Мираж победы, жажда скорого мира, который Германия «должна» была принять из рук петроградских вожаков, выдвинули Брусилова, вскоре же и смытого обратной волной».

Эти красноречивые строки разъясняют и подтверждают глухое сообщение «Речи», в момент отставки Алексеева, по поводу ухода «осторожного стратега», которому на смену идет не знающий сомнений «кавалерист». Вымогая наступление, кадеты заблаговременно отмежевывались от кавалерийской политики и стратегии, подготовляя свой демонстративный выход из министерства 2 июля. А министры-«социалисты» смену военно-начальников, вызванную потребностями авантюры наступления, объясняли на ухо «революционной демократии» тем, что монархиста-Алексеева сменяет «истинный демократ» Брусилов. Так делается история!

После того, как «бросили на убой неподготовленных к бою людей», по выражению «Нового Времени», и уткнулись лицом в страшные последствия, не осталось ничего другого, как поручить Дану, Либеру и прочим патриотическим выжлятникам открыть погромную травлю против большевиков. Это та именно часть «творческой работы» по обороне, которая как раз по плечу названным «вождям». Стараясь перекричать всех буржуазных

громил, Даны и Либеры обличали «демагогов», которые бросают в «темные солдатские массы» такие лозунги, как опубликование тайных договоров, разрыв с империалистами и пр. «Это верно,— презрительно поддерживали их буржуазные громилы,—но ведь это целиком относится и к приказу № 1 и к манифесту 14 марта, которые вы демагогически бросали в темные солдатские массы». И тогда Даны и Либеры, отирая холодный пот со лба, силятся припомнить азбуку революционного мышления в защиту своих старых грехов, но сейчас же с ужасом убеждаются, что им приходится только повторять наши слова. И это фатально: ибо наши лозунги представляют собою только необходимый вывод из развития революции, на пути которой приказ и манифест Совета были первыми вехами.

Но самое поразительное на первый взгляд это то, что, несмотря на ужасающие последствия наступления, министры-«социалисты» продолжают записывать его в свой актив и в переговорах с буржуазией ссылаются на наступление, как на свою великую патриотическую заслугу.

«Я спрошу,—воскликнул в Москве Церетели,—кому легче было двинуть войска русского революционного государства: военному министру Гучкову или военному министру Керенскому? («Браво», аплодисменты)».

Церетели таким образом открыто хвалится тем, что Керенский выполняет ту самую работу, которую должен был выполнить Гучков, но которая ему, не располагающему кредитом «революционной» демократии, оказалась не под силу. И буржуазия, несмотря на вызванную наступлением катастрофу, охотно признает заслугу Керенского.

«Мы знаем и помним,—заявил в Москве кадет Набоков,— что 2 месяца тому назад тот великий порыв русской армии, который в это страшное время вписал одну новую светлую страницу, был вдохновляем человеком, стоящим сейчас во главе Временного Правительства. Этого история ему не забудет».

Ясно, следовательно, что «светлая страница» наступления 18 июня не имеет никакого отношения к обороне, так как военное положение России в результате наступления только ухудшилось. Если буржуазия тем не менее с признательностью говорит о наступлении, то именно потому, что жестокий удар, полученный нашей армией, в результате политики Керенского, создал благоприятные условия для сеянья паники и для контр-

революционных экспериментов. Весь авторитет эсеро-меньшевистской демократии ушел на то, чтобы вызвать наступление, а это последнее в корне оборвало тот противоречиво-неустойчивый режим, на поддержание которого мещанские вожди тратили всю свою мелкую изобретательность.

И наступление и вопрос мира рассматриваются сейчас буржуазией и ее генералами главным образом под углом внутренней политики, то-есть дальнейшего развития контр-революции. Это ярче всего выразил на Московском совещании генерал Корнилов. «Мир сейчас не может быть достигнут,—сказал он,—уже по одному тому, что мы не в состоянии произвести демобилизацию... Необходимо поднять престиж офицеров». В армии сосредоточено слишком много вооруженных государством людей, которые предъявляют к государству слишком радикальные требования. Только дальнейшее продолжение войны, независимо от военных шансов, даст возможность «поднять престиж офицеров», прибрать к рукам солдатскую массу и обеспечить такую демобилизацию, при которой солдаты не смогут угрожать устоям собственности и империалистической государственности. И если на этом пути понадобится сепаратный мир, буржуазия заключит его, не моргнув глазом.

Со дня 18 июня контр-революция уверенно подвигается вперед. И она не остановится до тех пор, пока не получит могучего удара в грудь.

Что же дальше?

В тот момент, когда эти строки дойдут до читателя, Московское совещание уже останется позади. Можно почти не сомневаться в том, что нынешнее правительство, воплощающее собою шатающуюся и злобствующую несостоятельность, не выдержит московского натиска и потерпит новые изменения. Недаром ген. Корнилов разъясняет, что не нужно бояться нового кризиса власти. Этот кризис в ближайший момент может скорее всего разрешиться новым сдвигом вправо. Получит ли при этом Керенский дополнительную порцию независимости от организованного контроля демократии, который будет замещен тем более действительным закулисным контролем империалистических клик; станет ли новое правительство в определенные отношения к тому генеральному штабу имущих классов, который будет

создан несомненно Московским совещанием; какова будет примесь «социалистических» бонапартистов в новой правительственной комбинации,—это все вопросы второстепенного значения. Но если бы даже натиск буржуазии оказался отбит и Московское совещание завершилось новым выходом кадет из правительства, навязанная «революционной» демократии власть вовсе еще не означала бы революционно-демократической власти. Опутанные по рукам и ногам своими обязательствами по отношению к союзной бирже и дипломатии, с грузом репрессий против рабочих и солдат за спиною, официальные советские вожди продолжали бы свою политику двоедушия и уклончивости. Уйдя из министерства, Коновалов лишь переложил свою миссию на Скобелева. Министерство Керенского—Церетели и без кадет проводило бы полукадетскую программу. Одного ухода кадет мало. Нужен приход новых сил и новых методов...

Московское совещание подводит во всяком случае итог под целой эпохой революции, когда руководящую роль играла эсеро-меньшевистская тактика соглашения с буржуазией,—соглашения, основанного на отказе от самостоятельных задач революции, на их подчинении идее коалиции с врагами революции.

Русская революция непосредственно выросла из войны. Война создала ей свойственную форму общенародной организации,—армию. Главная масса населения, крестьянская, оказалась принудительно организованной в момент революции. Советы солдатских депутатов призвали армию к политическому представительству, при чем крестьянская масса автоматически посылала в советы полу-либеральных интеллигентов, которые бесформенность ее ожиданий и надежд переводили на язык самого жалкого крохоборства и приспособленчества. Мелкобуржуазная интеллигенция, сама кругом зависимая от крупной буржуазии, получила руководство над крестьянством. Советы солдатско-крестьянских депутатов получили численный перевес над рабочим представительством. Петербургский пролетарский авангард был объявлен темной массой. Цветом революции оказались мартовские эсеры и меньшевики из «местечковых» интеллигентов, опирающиеся на крестьян. На этом фундаменте путем двух- и трехстепенных выборов возник Центральный Исполнительный Комитет. Петербургский Совет, который выполнял в первый период общероссийские функции, стоял все же под непосредственным давлением революционных масс. Центральный Испол-

нительный Комитет, наоборот, пребывал на революционно-бюрократических высотах, оторванный от петербургских рабочих и солдат и им враждебный.

Достаточно напомнить, что Центральный Исполнительный Комитет счел необходимым призывать с фронта войска для подавления петербургской демонстрации, которая к моменту прибытия войск была фактически уже ликвидирована самими демонстрантами. Мещанские вожди погубили себя политически тем, что увидели смуту, анархию и мятеж там, где было вытекавшее из всего положения стремление вооружить революцию аппаратом власти. Разоружив петербургских рабочих и солдат, Церетели, Даны и Черновы разоружили авангард революции и нанесли удар влиянию своего собственного Исполнительного Комитета.

Сейчас, пред лицом теснящей их контр-революции, эти политики говорят о восстановлении авторитета и значения Советов. В качестве лозунга момента они выдвигают организацию масс вокруг Советов. Но такая бессодержательная постановка вопроса глубоко реакционна. Под формальным призывом к организации она хочет обойти вопрос о политических задачах и методах борьбы. Организовать массы во имя «поднятия авторитета» Советов—жалкая и бесплодная затея. Массы доверяли Советам, шли за ними, подняли их на огромную высоту. В результате они наблюдали капитуляцию Советов перед злейшими врагами этих масс. Было бы ребячеством думать, что масса сможет или захочет повторить уже проделанный исторический опыт сначала. Для того, чтобы упадок доверия масс к нынешним руководящим центрам демократии не превратился в упадок доверия к самой революции, необходимо дать массе критическую оценку всей предшествующей политической работы в революции, а это значит беспощадное осуждение всей работы эсеровских и меньшевистских вождей.

Мы скажем массам: они винят во всем большевиков; но почему же они оказались бессильны против большевиков? На их стороне было не только большинство в Советах, но и правительственная власть,—и тем не менее они умудрились оказаться жертвой мнимого «заговора» так называемой ничтожной кучки большевиков!

После событий 3—5 июля эсеры и меньшевики в Петербурге еще более ослабели, большевики еще более усилились.

То же самое—в Москве. Это ярче всего обнаруживает, что в своей политике большевизм дает выражение действительным потребностям развивающейся революции, тогда как эсеро-меньшевистское «большинство» только закрепляет вчерашнюю беспомощность и отсталость масс. И сегодня уже этого одного закрепления недостаточно: на помощь ему идет самая разнузданная репрессия. Эти люди борются против внутренней логики революции, и именно поэтому они оказываются в одном лагере с ее классовыми врагами. Именно поэтому мы обязаны подрывать доверие к ним—во имя доверия к завтрашнему дню революции.

Насколько бессодержателен голый лозунг поддержки Советов, это яснее всего видно на взаимоотношении Центрального Исполнительного Комитета и Петербургского Совета. Ввиду того, что этот последний, опирающийся на передовой отряд рабочего класса и связанных с ним солдат, все более решительно переходит на позицию революционной социал-демократии, Центральный Исполнительный Комитет систематически подрывает авторитет и значение Петербургского Совета. Его не созывают по целым месяцам. У него фактически отняли его орган, «Известия», где мысль и жизнь петербургского пролетариата совершенно не находит своего отражения. Когда беснующаяся буржуазная печать клеймит и бесчестит вождей петербургского пролетариата, «Известия» не слышат и не видят... Что может означать в этих условиях лозунг поддержки Советов? Только одно: поддержку Петербургского Совета против бюрократизированного, неизменного в своем составе Центрального Исполнительного Комитета. Нужно отвоевать для Петербургского Совета полную независимость организации, ее охраны и ее политических действий.

Это важнейшая задача, которая должна быть разрешена в ближайшую очередь. Петербургский Совет должен стать центром новой революционной мобилизации рабочих, солдат и крестьянских низов—для борьбы за власть.

Нужно всеми силами поддержать инициативу конференции фабрично-заводских комитетов по созыву Всероссийского Съезда Рабочих Депутатов. Для того, чтобы пролетариат мог завоевать для своей тактики солдатскую и деревенскую бедноту, его тактика должна быть резко и непримиримо противопоставлена

тактике Центрального Исполнительного Комитета*). Это может быть достигнуто только при том условии, если пролетариат, как класс, создаст свою централизованную организацию в обще-государственном масштабе. Мы не можем предвидеть всех уклонов и зигзагов исторического пути. Как политическая партия, мы не отвечаем за ход истории. Но зато тем более мы ответственны перед нашим классом: сделать его способным провести свои задачи через все зигзаги исторического пути—таков наш основной политический долг.

Правящие классы вместе с Правительством «Спасения» делают все от них зависящее, чтобы политическую проблему революции поставить ребром не только перед рабочими, но и перед армией и перед деревней. Эсеры и меньшевики сделали и делают все, чтобы раскрыть несостоятельность своей тактики перед самыми широкими трудящимися слоями страны. От нашей партии, от ее энергии, выдержки, настойчивости зависит теперь—сделать все необходимые выводы из положения и во главе всех обездоленных и истерзанных масс провести решительную борьбу за их революционную диктатуру.

Характер русской революции

Либеральные и эсеро-меньшевистские политики и газетчики очень озабочены социологической оценкой русской революции: буржуазная она или какая иная? На первый взгляд такой теоретический интерес может показаться загадочным. Либералы отнюдь не заинтересованы в раскрытии классового характера «своей» революции. Что же касается мелкобуржуазных «социалистов», то они, вообще говоря, руководятся в своей деятельности не теоретическим анализом, а «здравым смыслом», который есть не что иное, как псевдоним ограниченности и беспринципности. Дело, однако, в том, что вдохновляемые Плехановым милюковско-дановские рассуждения о буржуазном характере русской революции не заключают в себе ни одного золотника теории. Ни «Единство» [206]), ни «Речь», ни «День» [207]), ни скорбная главою «Рабочая Газета» не дают себе даже труда определить,

*) Из сказанного достаточно ясно видно, какой бессильно-реакционной утопией является выдвинутая «Новой Жизнью» идея о нашем объединении с меньшевиками.

что они понимают под буржуазной революцией. Смысл их упражнений чисто практический: доказать право буржуазии на власть. Хотя Советы представляют большинство политически жизнеспособного населения; хотя на всех демократических выборах, в городе, как и в деревне, капиталистические партии проваливаются с треском, но «так как наша революция буржуазная», то необходимо установить политические привилегии для буржуазии и отвести ей в правительстве такую роль, на какую политические группировки в стране не дают ей никакого права. Если бы поступать сообразно с принципами демократического парламентаризма, то ясно, что власть должна была принадлежать эсерам, одним или совместно с меньшевиками. Но «так как наша революция буржуазная», то принципы демократии отменяются, представителям подавляющего большинства народа отводится в министерстве пять мест, а представителям ничтожного меньшинства—вдвое больше. К чорту демократию, да здравствует плехановская социология!

— Разве можно буржуазную революцию делать без буржуазии?—вкрадчиво спрашивает Плеханов, ссылаясь на диалектику и на Энгельса.

— Вот именно!—подхватывает Милюков.—Мы, кадеты, были бы готовы отказаться от власти, которой явно не хочет нам давать народ. Но мы не можем итти против науки.—И при этом ссылается на плехановский «марксизм».

— Так как наша революция буржуазная, то необходима политическая коалиция трудящихся с эксплоататорами,—разъясняют Плеханов, Потресов [208]) и Дан. И в свете этой «социологии» шутовское рукопожатие Бубликов—Церетели раскрывает весь свой исторический смысл.

Беда только в том, что из буржуазного характера революции, которым теперь обосновывается коалиция социалистов с капиталистами, в течение ряда лет те же меньшевики делали прямо противоположный вывод.

— Так как в буржуазной революции,—говорили они,—правительственная власть может иметь своей задачей ни что иное, как обеспечение господства буржуазии, то ясно, что социал-демократии тут делать нечего: ее место не в правительстве, а в оппозиции. Плеханов считал, что социалисты ни при каких условиях не могут участвовать в буржуазном правительстве, и жестоко нападал на Каутского, резолюция которого допускала

на этот счет некоторые изъятия. «По времени и закону бывает перемена»,—говорили самодуры старого строя. То же самое, как видим, происходит и с «законами плехановской социологии».

Как ни противоположны, однако, дореволюционное и сегодняшнее мнения меньшевиков и их вдохновителя Плеханова, неизменной остается во всяком случае мысль, что буржуазную революцию нельзя делать «без буржуазии». На первый взгляд эта мысль может показаться аксиомой. На самом деле это только глупость.

История человечества начинается не с Московского совещания. Бывали революции и в прошлом. В конце XVIII столетия во Франции развернулась революция, которую называют, и не совсем напрасно, великой. Это была буржуазная революция. На известном ее этапе власть перешла к якобинцам [209]), которые опирались на санкюлотов, на ремесленно-пролетарские городские низы и поставили между собою и жирондистами [210]), либеральной партией буржуазии, тогдашними кадетами, четырехугольник гильотины. Только диктатура якобинцев придала первой французской революции ее настоящее значение, сделала ее великой. А между тем эта диктатура осуществилась не только без буржуазии, но непосредственно против нее. Робеспьер, который не успел ознакомиться с плехановской идеей, нарушал все законы социологии, и, вместо того, чтобы обмениваться с жирондистами рукопожатиями, рубил им головы. Это было очень жестоко, что и говорить. Но эта жестокость отнюдь не помешала французской революции стать великой, не переходя за пределы своего буржуазного характера. Маркс, именем которого у нас злоупотребляют всякие пошляки, писал, что «весь французский террор—ни что иное, как плебейский прием расправляться с врагами буржуазии»... И так как эта самая буржуазия боялась этих методов плебейской расправы с врагами народа, то якобинцы не только отбросили ее от власти, но применяли железную репрессию по отношению к ней самой каждый раз, как она пыталась приостановить или «смягчить» их работу. Ясно: якобинцы делали буржуазную революцию без буржуазии.

По поводу английской революции 1648 г. Энгельс писал: «для того, чтобы буржуазия положила себе в карман те плоды, которые тогда созрели, было необходимо, чтобы революция пошла гораздо дальше своей первоначальной цели, совсем как в 1793 году во Франции и в 1848 г. в Германии. Таков, повиди-

мому, и в самом деле один из законов развития буржуазного общества». Мы видим, что энгельсовский закон прямо противоположен плехановской отсебятине, которую меньшевики принимают и выдают за марксизм!

Можно, конечно, сказать, что сами якобинцы были буржуазией, только мелкой. Это совершенно верно. Но что́ иное представляет собою так называемая «революционная демократия», руководимая эсерами и меньшевиками? Между кадетами, партией крупных и средних собственников, с одной стороны, и эсерами,— с другой, не обнаружилось на всех происходивших выборах в городе и деревне никакой промежуточной партии. Отсюда математически ясно, что мелкая буржуазия нашла свое политическое представительство в лице эсеров. Меньшевики, политика которых ни на йоту не отличается от политики эсеров, выражают те же самые классовые интересы. Этому нисколько не противоречит тот факт, что за ними идет часть наиболее отсталых или консервативно-привилегированных рабочих. Почему же эсеры не могли взять в свои руки власть? В каком же смысле и почему «буржуазный» характер русской революции (если принять, что он именно таков) вынуждал эсеров и меньшевиков заменить плебейские методы якобинцев салонными методами соглашения с контрреволюционной буржуазией? Очевидно, что объяснений надо искать не в «буржуазном» характере нашей революции, а в жалком характере нашей мелкобуржуазной демократии. Вместо того, чтобы сделать в своих руках власть орудием осуществления собственных исторических задач, наша лже-демократия почтительно переуступила фактическую власть контр-революционным военно-империалистическим кликам, и Церетели даже хвастался на Московском совещании тем, что Советы сдали власть не по нужде, не после мужественного боя и поражения, а добровольно, как доказательство политического «самоограничения». Добродетель теленка, подставляющего свою шею мяснику, не есть то качество, которое покоряет новые миры!

Различие между террористами конвента и капитулянтами Московского совещания приблизительно такое же, как между тиграми и телятами разной степени возмужалости. Но это различие не основное. За ним скрывается решающее различие в составе самой демократии. Якобинцы опирались на малоимущие и неимущие классы, включая и тогдашний, еще неоформленный пролетариат. У нас промышленный рабочий класс успел выде-

литься из бесформенной демократии в самостоятельную историческую силу первоклассного значения. Мелкобуржуазная демократия в той же мере утеряла наиболее драгоценные революционные качества, в какой развил их в себе выделившийся из нее пролетариат. Это явление есть в свою очередь результат несравненно более высокого уровня капиталистического развития России по сравнению с Францией конца XVIII века. Революционная роль русского пролетариата, которая отнюдь не измеряется его численностью, опирается на его огромную производственную роль, которая ярче всего раскрылась во время войны. Угроза железнодорожной забастовки снова напоминает в наши дни о зависимости всей страны от концентрированной работы пролетариата. Мещанско-крестьянская партия сразу, с первых шагов революции, попала в перекрестный огонь между могущественными группировками империалистических классов, с одной стороны, и революционно-интернационалистским пролетариатом,— с другой. Борясь за свое собственное влияние на рабочих, мещанская партия все больше противопоставляет пролетарской партии свою «государственность», свой «патриотизм» и потому попадает в рабскую зависимость от группировок контр-революционного капитала. Вместе с тем она совершенно лишается возможности действительной ликвидации всех и всяких форм, хотя бы только старого варварства, опутывающих те народные массы, которые она еще ведет за собою. Борьба эсеров и меньшевиков за влияние на пролетариат все более сменяется борьбою пролетарской партии за руководство над полупролетарскими массами деревень и городов. Сдавая «добровольно» власть кликам буржуазии, эсеро-меньшевистская «демократия» вынуждена свою революционную миссию окончательно сдать партии пролетариата. Уже это одно показывает, что попытки разрешать основные вопросы тактики голой ссылкой на «буржуазный» характер нашей революции могут служить только для того, чтобы сбивать с толку отсталых рабочих и обманывать крестьян.

Во французской революции 1848 г. пролетариат делает уже героические попытки самостоятельного действия. Но он не имеет еще ни ясной революционной теории, ни авторитетной классовой организации. Его производственное значение неизмеримо ниже нынешней хозяйственной роли русского пролетариата. Наконец, за спиною 1848 года была уже великая революция, которая по-своему разрешила аграрный вопрос, и это сейчас же сказалось

в быстрой изоляции пролетариата, главным образом, парижского, от народных масс. Наше положение в этом отношении неизмеримо более благоприятно. Земельная кабала, сословные путы, гнет и кастовое хищничество церкви стоят перед революцией, как неотложные вопросы, требующие решительных и беспощадных мер. «Изоляция» нашей партии от эсеров и меньшевиков, даже самая крайняя, даже путем одиночных камер, еще ни в коем случае не означает изоляции пролетариата от угнетенных крестьянских и городских масс. Наоборот, резкое противопоставление политики революционного пролетариата вероломному отступничеству нынешних советских вождей только и может внести спасительную политическую дифференциацию (расчленение) в крестьянские миллионы, вырвать деревенскую бедноту из-под предательского руководства крепких эсеровских мужичков и превратить социалистический пролетариат в подлинного вождя народной, «плебейской» революции.

Наконец, пустопорожние ссылки на «буржуазный» характер русской революции ровно ничего не говорят нам об ее международной обстановке. А это—решающий вопрос. Великая якобинская революция имела подле себя и против себя отсталую, феодальную, монархическую Европу. Якобинский режим пал, превратившись в бонапартистский режим, под тяжестью того сверхчеловеческого напряжения, которое он вынужден был совершить, чтоб отстоять себя против объединенных сил средневековья. Русская революция, наоборот, имеет перед собою далеко опередившую ее Европу, достигшую высших ступеней капиталистического развития. Нынешняя мировая бойня показывает, что Европа достигла предела капиталистического насыщения, что она не может долее жить и развиваться на основах частной собственности на средства производства. Этот хаос крови и разрушения есть дикое восстание слепых и темных производительных сил, мятеж железа и стали против царства прибыли, против наемного рабства, против подлого тупоумия человеческих отношений. Охваченный пламенем им же порожденной войны капитализм жерлами своих пушек кричит человечеству: «Или совладай со мною, или я погребу тебя под своими развалинами!».

Все прошлое развитие, тысячелетия человеческой истории, классовой борьбы, культурных накоплений, уперлось теперь в одну проблему, и это есть проблема пролетарской революции. Нет другого решения и иного выхода. И в этом состоит огромная

сила русской революции. Это не «национальная», не буржуазная революция. Кто оценивает ее так, тот живет в мире призраков XVIII и XIX столетий. А нашим «отечеством во времени» является XX век. Дальнейшая судьба русской революции непосредственно зависит от хода и исхода войны, т.-е. от развития классовых противоречий в Европе, которому эта империалистическая война придает катастрофический характер.

Керенские и Корниловы слишком рано заговорили языком конкурирующих самодержцев. Каледины слишком рано лязгают зубами. Ренегаты Церетели слишком рано пожимают презрительно протянутый им палец контр-революции. Революция пока еще сказала только свое первое слово. У нее имеются еще огромные резервы в Западной Европе. На смену рукопожатиям реакционных дельцов и мещанских ротозеев придет великое рукопожатие русской революции и европейского пролетариата.

Интернациональная тактика

При беспримерной ясности классово-политических группировок в русской революции, в области идеологии у нас царит столь же беспримерный кавардак. Запоздалый характер исторического развития России позволил мещанской интеллигенции украсить себя павлиньими перьями самых лучших социалистических теорий. Они служат ей, однако, только для того, чтоб прикрывать свою дряблую наготу. Если эсеры и меньшевики не взяли власти ни в начале марта, ни 3 мая, ни 3 июля, то вовсе не потому, что наша революция—«буржуазная», и что ее нельзя делать «без буржуазии», а потому, что мелкобуржуазные «социалисты», кругом опутанные сетями империализма, уже неспособны выполнить хотя бы десятую долю той работы, которую якобинские демократы совершили пять четвертей столетия тому назад. Разглагольствуя о спасении революции и страны, они будут без боя сдавать буржуазной реакции одну позицию за другой. Тем самым борьба за власть становится прямой и непосредственной задачей рабочего класса, и вместе с тем революция окончательно совлекает с себя свою «национальную» и буржуазную оболочку.

Либо мы будем иметь огромный сдвиг назад, в направлении крепкого империалистического режима, который вероятнее всего увенчается монархией; при этом Советы, земельные комитеты,

армейские организации и многое другое пойдут на слом, а Керенские и Церетели выйдут в тираж. Либо же пролетариат, увлекая за собою полупролетарские массы и сметая с своего пути их вчерашних вождей (Керенский и Церетели выйдут и в этом случае в тираж!), установит режим рабочей демократии. Его дальнейшие успехи будут прямо и непосредственно зависеть от развития европейской, в первую голову германской, революции.

Интернационализм для нас не отвлеченная идея, существующая только для того, чтобы при каждом подходящем случае изменять ей (как для Церетели или Чернова), а непосредственно руководящий, глубоко-практический принцип. Прочный, решающий успех немыслим для нас вне европейской революции. Мы не можем, следовательно, покупать частичные успехи ценою таких шагов и комбинаций, которые затрудняют движение европейского пролетариата. Именно поэтому непримиримый разрыв с социал-патриотами есть для нас необходимая предпосылка всей политической работы.

— Товарищи интернационалисты,—воскликнул один из ораторов на Всероссийском Съезде Советов,—отсрочьте вашу социальную революцию еще лет на пятьдесят!..—Незачем говорить, что этот благодушный совет был покрыт самодовольными аплодисментами меньшевиков и эсеров.

Именно здесь, в отношении к социальной революции, проходит водораздел между всеми разновидностями оппортунистического мещанского утопизма и пролетарским социализмом. Есть немало «интернационалистов», которые кризис Интернационала объясняют временным шовинистическим опьянением, вызванным войною, и рассчитывают, что раньше или позже все вернется на свое место, и старые социалистические партии снова найдут утерянный ныне путь классовой борьбы. Наивные и жалкие надежды! Война—не внешняя катастрофа, временно выбившая капиталистическое общество из равновесия, а восстание разросшихся производительных сил этого общества против ограниченных рамок национального государства и форм частного присвоения. Возврата назад, к относительному капиталистическому равновесию прошлой эпохи, уже не может быть. Либо дальнейшее стихийное разрушение производительных сил путем новых и новых империалистических войн, либо социалистическая организация производства,—так, а не иначе ставит сейчас вопрос история.

Равным образом и кризис Интернационала не есть внешнее, наносное явление.

Социалистические партии Европы сложились в эпоху относительного капиталистического равновесия и реформистского приспособления пролетариата к национальному парламентаризму и национальному рынку. «В самой социал-демократической партии,—писал Энгельс в 1887 г.,—мелкобуржуазный социализм имеет сторонников. Такие члены социал-демократической партии, признавая основные воззрения научного социализма и целесообразность требования перехода всех средств производства в общественную собственность, осуществление этого требования объявляют возможным лишь в отдаленном будущем, срок наступления которого практически неопределим». Благодаря затяжному характеру «мирного» периода этот мелкобуржуазный социализм фактически стал господствующим в старых организациях пролетариата. Их ограниченность и несостоятельность обнаружились в самых отталкивающих формах в тот момент, когда «мирное» накопление противоречий сменилось величайшим империалистическим сотрясением. Не только старые национальные государства, но и сросшиеся с ними бюрократизированные социалистические партии оказались в противоречии с потребностями дальнейшего развития. Это можно было в большей или меньшей степени предвидеть и ранее.

«Задача социалистической партии,—писали мы 12 лет тому назад,—состояла и состоит в том, чтобы революционизировать сознание рабочего класса, как развитие капитализма революционизировало социальные отношения. Но агитационная и организационная работа в рядах пролетариата имеет свою внутреннюю косность. Европейские социалистические партии—и в первую голову наиболее могучая из них, германская,—выработали свой консерватизм, который тем сильнее, чем бо́льшие массы захватывает социализм, и чем выше организованность и дисциплина этих масс. В силу этого социал-демократия, как организация, воплощающая политический опыт пролетариата, может стать в известный момент непосредственным препятствием на пути открытого столкновения рабочих с буржуазной реакцией. Другими словами, пропагандистско-социалистический консерватизм пролетарской партии может в известный момент задержать прямую борьбу пролетариата за власть («Наша революция», 1906, стр. 285). Но если революционные марксисты были далеки от

фетишизма по отношению к партиям Второго Интернационала, то никто не предвидел, что крушение этих организационных гигантов будет таким жестоким и катастрофическим.

Новая эпоха создает новые организации. Революционные социалистические партии теперь везде создаются в огне борьбы. Огромное идейно-политическое наследие Второго Интернационала не пропадает, разумеется, даром. Но в этом наследии производится внутреннее очищение, целое поколение «реалистических» филистеров будет отодвинуто при этом в стороны, и революционные тенденции марксизма впервые получат свое полное политическое значение.

Внутри каждой страны задача состоит не в поддержании единства пережившей себя организации, а в действенном сплочении инициативных революционных элементов пролетариата, которые теперь же, в борьбе против войны и империализма, выдвигаются на передовые посты. В международном масштабе задача состоит не в сближении и «примирении» правительственных социалистов на дипломатической конференции (Стокгольм!), а в объединении революционных интернационалистов всех стран и в их общем курсе на социальную революцию внутри каждой страны.

Правда, революционные интернационалисты на верхах рабочего класса представляют сейчас во всей Европе незначительное меньшинство. Но именно нас, русских, это не должно пугать. Мы знаем, как быстро в революционную эпоху меньшинство становится большинством. Как только накопившееся возмущение рабочих масс пробьет окончательно кору государственной дисциплины, группа Либкнехта, Люксембург [211]), Меринга [212]) и их друзей займет сразу руководящее положение во главе немецкого рабочего класса. Только социально-революционная политика оправдывает организационный раскол; но она же и делает его необходимым. Меньшевики-интернационалисты, единомышленники т. Мартова, в противовес нам, отрицают социально-революционную постановку политических задач. Россия,—заявляют они в своей платформе,—еще не созрела для социализма, и наша задача по необходимости ограничивается установлением демократической буржуазной республики. Все это рассуждение построено на полном попрании международных связей и задач пролетариата. Если бы Россия стояла на свете одна, рассуждение Мартова было бы правильно. Но вопрос идет о ликвидации мировой войны, о борьбе с мировым империализмом, о задачах мирового, и в том

числе русского пролетариата. Вместо того, чтобы объяснять русским рабочим, что судьба России нерасторжимо связана отныне с судьбой Европы; что победа европейского пролетариата обеспечит нам ускоренный переход к социалистическому строю; что, наоборот, поражение европейских рабочих отбросит нас назад, к империалистической диктатуре и монархии, наконец, к положению колонии Англии и Соединенных Штатов; вместо того, чтобы подчинять всю нашу тактику общим целям и задачам европейского и мирового пролетариата, т. Мартов рассматривает русскую революцию в ограниченных, национальных рамках и сводит задачи революции к созданию буржуазно-демократической республики. Это в корне ложная постановка вопроса, над которой целиком тяготеет проклятье национальной ограниченности, приведшей к крушению Второй Интернационал.

Ограничивая себя на практике национальными перспективами, т. Мартов сохраняет для себя возможность уживаться в одной организации с социал-патриотами. Он надеется пережить с Даном и Церетели «поветрие» национализма, которое должно исчезнуть вместе с войною, и затем рассчитывает вернуться с ними вместе на рельсы «нормальной» классовой борьбы. Мартова связывает с социал-патриотами не пустая фракционная традиция, а глубоко-оппортунистическое отношение к социальной революции, как к далекой цели, которая не может определять постановку сегодняшних задач. И это самое отделяет его от нас.

Борьба за завоевание власти не есть для нас лишь очередной этап национально-демократической революции; нет, это—выполнение интернационального долга, это—занятие одной из важнейших позиций на общем фронте борьбы с мировым империализмом. И эта же основная точка зрения определяет наше отношение к так называемой национальной обороне. Эпизодическое перемещение фронта в ту или другую сторону не может ни приостановить, ни отклонить нашу борьбу, которая направлена против самых основ капитализма, упершегося в империалистическое взаимоистребление народов.

Перманентная революция против перманентной бойни! Такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества.

Л. Троцкий. «Что же дальше?» (Итоги и перспективы), Петербург 1917 г., изд. «Прибой».

КРОВЬЮ И ЖЕЛЕЗОМ...

Нет теперь такого государственно-мыслящего умника (а равно и дурачка), который не знал бы, что для спасения России необходима беспощадная борьба с «анархией слева и контр-революцией справа». В этом состоит в сущности вся программа «Известий», «Дела Народа», «Рабочей Газеты»... «Историческая» речь Керенского на «историческом» государственном совещании свелась к вариациям на эту же тему. «Кровью и железом против анархии слева, контр-революции справа!»

Это звучит очень хорошо, во всяком случае—симметрично. Но какой тут собственно смысл? Когда речь идет о *контр-революции*, то имеют в виду не какие-нибудь настроения или случайные беспорядочные действия, а определенно классовые интересы, несовместимые с упрочением и развитием революции. Носителями контр-революции являются помещики и империалистический капитал. Какие же классы являются носителями «анархии»?

На этот вопрос дал очень яркий ответ московский городской голова г. Руднев, эсер. Он приветствовал «государственное совещание» от имени «всего» московского населения—за вычетом тех «анархических элементов», которые устроили в Москве всеобщую стачку протеста. Но кто устроил стачку? Московские профессиональные союзы. Против воли правительства, московских военных властей, эсеро-меньшевистского большинства Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, профессиональные союзы постановили и провели всеобщую стачку протеста против того, что правительство навязало Москве парламент контр-революции. Профессиональные союзы—это наиболее чистые, беспримесные организации пролетариата, т.-е. того класса, который своим непрерывным трудом создает богатство и мощь Москвы. И вот эти-то профессиональные союзы, которые объединяют цвет рабочего класса, являющегося основной двигательной силой современного хозяйства, эти-то союзы эсеровский городской голова назвал анархическими элементами. И против них, против сознательных и дисциплинированных тружеников, должно быть направлено «железо» правительственного насилия.

Разве не то же самое мы видим в Петрограде? Фабрично-заводские комитеты—не политические организации. Они создаются не на летучих митингах. В их состав масса выдвигает тех, кото-

рые на месте, в повседневной жизни завода доказали свою стойкость, деловитость и преданность интересам рабочих. И вот эти заводские комитеты, как снова показала последняя конференция, в подавляющем большинстве состоят из большевиков. В петроградских профессиональных союзах повседневная практическая работа, как и идейное руководство, целиком лежит на большевиках. В рабочей секции Петроградского Совета большевики в подавляющем большинстве. Между тем большевизм—это же и есть «анархия». На этот счет Керенский согласен с Милюковым, Церетели—с Сувориными-сынами, Дан—с контр-разведкой. Таким образом, анархия—это организованное представительство петроградского пролетариата. И против этой классовой организации передовых рабочих обещает и впредь бороться кровью и железом г. Керенский со своими Авксентьевыми, Бернацкими, Прокоповичами, Скобелевыми и прочими Салтыковыми.

«*Против анархии слева, контр-революции справа*» означает, следовательно, если назвать все вещи своими именами: против пролетариата—с одной стороны, против помещиков и империалистического капитала—с другой. Это и есть позиция мелкой буржуазии (городского мещанства, мелкобуржуазной интеллигенции, крестьянских верхов). В своем основном лозунге эсеры и меньшевики раскрывают, стало быть, дочиста свою мелкобуржуазную, анти-пролетарскую природу. Рабочий класс для них не опора и даже не союзник; нет, это враг, «анархия слева»; с этим врагом нужно бороться—и не идейно, а кровью и железом.

Было бы, однако, непростительно верить вождям мелкой буржуазии, когда они обещают с одинаковой силой бороться направо и налево. Этого нет и этого не может быть. Несмотря на свою численность, мелкая буржуазия экономически и политически слабый класс. Она крайне разрознена, хозяйственно зависима, политически неустойчива. Вести одновременно борьбу против двух таких могущественных сил, как революционный пролетариат и контр-революционная крупная буржуазия, мещанская демократия совершенно не в состоянии. Это доказано всем опытом истории. Для серьезной политической борьбы современная мелкая буржуазия городов и деревень нуждается не только в союзнике, но и в руководителе. Выступая на борьбу с «анархией», в лице организованного пролетариата, «демократия» Керенского—Церетели, какие бы слова они ни говорили, неизбежно подпадает под руководство империалистической буржуазии. Вот почему удары

направо остаются только в проекте, а на деле заменяются униженными поклонами направо.

Временное Правительство закрыло «Правду» [213]) и десяток других большевистских газет, являющихся руководящими органами передового пролетариата. Авксентьевским ударом направо было закрытие... «Народной (Маленькой) Газеты». Но разве «Народная Газета» была руководящим органом контр-революционной буржуазии? Нет, она была лишь подзаборным органом черносотенной сволочи. Ту роль, какую «Правда» играла для революционного рабочего класса, в среде империалистской буржуазии играла газета «Речь», но не ясно ли, что при одной мысли о закрытии «Речи» у храбрейших носителей сильной власти должны трепетать все поджилки. Центральный Комитет кадетской партии является бесспорным—даже в глазах эсеров и меньшевиков—штабом буржуазной контр-революции. Тем не менее представители этого штаба заседают в министерстве, тогда как признанные представители пролетарского штаба поставлены вне закона. Вот как на деле выглядит эсеро-меньшевистская борьба на два фланга.

Но вернемся на минуту к московской стачке. «Рабочая Газета», этот жалчайший орган, примиряющий Маркса с Авксентьевым, источает из себя очередной запас брани по адресу стачечников, нарушителей воли «революционной демократии». Тут и «предательство», и «удар в спину», и «анархия». Мы уже знаем, что нарушенная московским пролетариатом верховная воля есть воля революционной демократии минус организованный пролетариат, а это значит воля мелкой буржуазии. Таким образом, «Рабочая (!!) Газета» вменяет в преступление рабочим то, что они не подчиняют своей классовой борьбы во всех ее проявлениях воле непролетарской части Московского Совета. Команда мелкой буржуазии над пролетариатом возводится в верховный принцип социал-демократической политики. Для коалиции с империалистической буржуазией Церетели и его партия готовы на чудовищные уступки и унижения, но коалиция пролетариата с мелкой буржуазией сводится для них к простому отказу пролетариата от своей классовой самостоятельности. Иначе сказать: вожди мещанства требуют от рабочих такого же отношения к мелкой буржуазии, какое они сами проявляют по отношению к представителям капитала.

Самостоятельная политика рабочего класса, на деле противопоставляющая интернационализм империализму,—вот где «анар-

хия», ненавистная имущим классам во всем мире, независимо от государственной формы, под которой укрываются интересы капитала. И в то время, как Авксентьев, который никого не поразил мудростью на Московском совещании, считается все же достаточно мудрым, чтобы громить рабочую печать и заточать «внесудебным порядком» большевиков; в то время, как Керенский упражняет свое железо на партии пролетариата,—за ними ковыляют Церетели, Чхеидзе, Даны, кропят водой меньшевизма на репрессии бесконтрольных «диктаторов» и распространяют отвратительную клевету, будто организованный пролетариат сеет «анархию» в стране и на фронте. Но политическое возмездие не медлит. В то время, как Церетели, которого меньшевистские царедворцы называли «совестью революции», униженно извиняется в Москве за демократию, которая-де по молодости и неопытности слишком поздно открыла истребительный поход против большевиков; в то время, как Церетели пожинает аплодисменты матерых врагов народа,—в Петрограде даже рабочие-меньшевики вышвыривают Церетели из списка кандидатов в городскую думу.

Возмездие не медлит. Гонимая, преследуемая, оклеветанная, наша партия никогда не росла так быстро, как в последнее время. И этот процесс не замедлит перекинуться из столиц на провинцию, из городов на деревни и на армию. Крестьяне видят и слышат, что одни и те же власти и по тем же самым причинам давят земельные комитеты и преследуют большевиков. Солдаты наблюдают дикое улюлюкание по адресу большевиков и в то же время чувствуют, как все туже затягивается на их шее контр-революционная петля. Все трудящиеся массы страны научатся в новых испытаниях связывать свою судьбу с судьбой нашей партии. Ни на минуту не переставая быть классовой организацией пролетариата, наоборот, становясь ею в полной мере только теперь, наша партия в то же время превратится в огне репрессий в истинную руководительницу, в опору и надежду всех угнетенных, придавленных, обманутых и затравленных масс...

Т.

«Пролетарий» № 5,
31 (18) августа 1917 г.

КОГДА ЖЕ КОНЕЦ ПРОКЛЯТОЙ БОЙНИ? [214]

Четвертая осень войны надвинулась на Россию. Идут дожди, свистит на перекрестках улиц и в полях осенний ветер. Сумрачно

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКІЙ.

Когда же конецъ проклятой бойни?

Цѣна 20 коп.

ПЕТЕРБУРГЪ.
1917.

Обложка брошюры „Когда же конец проклятой бойни?“.

и тревожно в городах нашей родины, не радостно в ее бедных деревнях. А там, на фронте, вдоль черной линии окопов гибнут наши братья, русские рабочие, русские крестьяне. Размокла земля от дождя и крови. Адским лаем грохочет артиллерия. Люди наступают, ревут в безумии, бегут в отчаянии, падают в беспамятстве, умирают. Без числа умирают и без счета...

И это уже четвертый год. А конца не видать. Невозможно,— говорят правители всех стран,—останавливаться на полдороге. «Нужно довести войну до конца».—Нужно раз навсегда подрезать крылья хищному немецкому коршуну!—говорят «патриоты» России, Англии, Франции, Италии и Соединенных Штатов.— «Вы слышите, мои немецкие подданные?—подхватывает кровью покрытый германский кайзер.—Наши враги хотят нас стереть в порошок. Сомкнитесь же теснее вокруг моего трона, немецкие рабочие и крестьяне: нужно довести войну до конца, до полной победы!» Так ссылаются правители обоих лагерей друг на друга и отвечают наступлением на наступление, гибелью на разрушение и смертью на смерть. «Нужно довести войну до конца!» А где он? Четвертая осень уже размывает холодными дождями поля сражений, а конца не видать.

Семь миллионов человек убито в Европе за время войны; шесть тысяч человек убивают в среднем за сутки. Да пять миллионов калек выбросила бойня во всех воюющих странах. Впереди предстоит еще зимняя кампания. И скоро-скоро каждый народ услышит от правителей своей страны: «Будущей весной откроем великое, решающее наступление... Нужно довести войну до конца!».

Уже давно генералы, дипломаты, политики всех стран стали убеждаться, что в этой войне ни та, ни другая сторона не одержит полной победы. У Германии большой перевес на суше, зато она отрезана от всех морей. А главное ни та, ни другая сторона не в силах заставить врага принять мир из рук победителя. Теперь немцы взяли Ригу, фронт передвинулся на несколько десятков верст по костям павших солдат, но война ни на один вершок не приблизилась к миру. Итальянцы ценою страшных усилий продвинулись кое-где вперед. Французский фронт ценою неисчислимых жертв с обоих сторон удерживается почти на одном и том же месте. Война без смысла и без исхода. Как слепая лошадь на мельничном круге, напрягаясь изо всех сил, топчется на одном

месте, так многомиллионные армии Европы, истекая кровью, не в силах сдвинуть с мертвой точки войну.

И все правительства видят, понимают это. Но они бессильны заключить мир. Правительства боятся мира. Они предчувствуют, что первый день мира станет днем подведения итогов.

Выйдут истощенные солдаты из кровавых ям, именуемых окопами, оглядятся в обнищавших запустелых городах и селах, и вместе с миллионами калек, с миллионами вдов и сирот, с миллионами стариков и старух, лишившихся последней опоры, поднимут с проклятьем и угрозами свои руки к правительствам: «Вы виноваты во всем, вы, кайзеры и короли, президенты и министры, буржуазные депутаты, банкиры, капиталисты, вы, лживые газетчики, вы, епископы, священники, раввины и пасторы! Это вы вызвали войну, самую кровавую и самую подлую из всех, какие когда-либо бесчестили нашу землю. Это вы подготовляли и проповедывали войну. Это вы освятили ее благословением церкви, костела, синагоги и мечети! Вы отняли у нас и наших братьев все: жизнь, здоровье, плоды наших трудов. А взамен вы дали нищету и новые цепи!». И под гнетом собственных преступлений правительства всех воюющих стран заботятся сейчас об одном: отдалить грозный час расплаты. Страшась сдавать отчет за три прошлые зимние кампании, правительства готовятся к четвертой, все равно, как проигравшийся игрок затягивает игру, чтобы оттянуть час банкротства.

Немецкие матери и жены выходят толпами на улицы городов и требуют мира и хлеба. Тревожное недовольство охватывает голодающие массы Германии. И вот кайзер заставляет свою армию сделать новое усилие. Вместо хлеба и мира немецкий народ получает телеграмму о взятии Риги. Гинденбург осчастливливает германских рабочих и крестьян вестью о том, что их братья скоро начнут трупами своими устилать дорогу на Петербург. «Вперед солдаты!—призывает Гогенцоллерн,—там, под стенами Петропавловской крепости, вы найдете желанный мир!»

А в это самое время русское правительство заявляет: теперь, когда германские войска снова наступают на нас, о мире можно говорить меньше, чем когда бы то ни было. «Будь проклят тот, кто теперь говорит о мире!»—воскликнул министр-председатель Керенский на совещании в Москве. О мире можно будет говорить только тогда,—поясняют так называемые «патриоты»,—когда мы вышвырнем врага из пределов России.

Больше трех лет прошло, пока немецкая армия, путем наступлений и отступлений, дошла до своих нынешних позиций. Есть ли у нас основания думать, что мы отбросим немцев обратно к границам 1914 года скорее, чем в течение трех лет? И в случае, если наше наступление пойдет успешно, не скажет ли немецкое правительство: теперь, когда русские войска снова угрожают границам Германии, нужно отбросить самую мысль о мире!

А если и этой зимою, и следующей весною военные действия окажутся неблагоприятными для нас? Что́ тогда? Где же и когда будет заключен мир? На что́ же надеяться русскому народу и трудящимся массам всего мира? Или же Европа, а с ней и Россия осуждены и впрямь истечь кровью? Народы вцепились, терзают друг друга, воют от нестерпимой боли и не находят спасения. А те, что стоят над народами, их правительства, монархические и республиканские, по-прежнему изо всех сил оглушают сознание и совесть своих подвластных—воинственной проповедью и кнутом дисциплины. Мы видим, как у нас в интересах войны снова вводится на фронте едва отмененная смертная казнь, а теперь, после падения Риги [215]), ребром поставлен вопрос о введении смертной казни в тылу. Война пожирает не только человеческие жизни и достояние, но и всю нашу революцию вместе с пробужденными ею великими надеждами.

Затягивание войны есть гибель для Европы и, прежде всего, для России. Все воюющие страны выйдут из войны разоренными. В течение десятилетия придется восстановлять то, что разрушается теперь. Но более богатые страны, как Германия и Англия, оправятся скорее. А наша отсталая Россия, вконец опустошенная непосильной войной, может стать добычей иноземных капиталистов—германских, английских или американских, не все ли равно? Независимо от хода военных действий на фронте, сама война, чем дольше она длится, тем вернее превращает Россию в колонию... Мир и только мир может спасти революцию, Россию, всю Европу!

«Стало быть, поклониться Вильгельму? Отдать ему все, что он успел захватить?»

Нет, мы обращаемся не к Вильгельму. Мы не ищем ни милостей, ни дружбы берлинского палача. Но мы не ждем никакого добра и от всех других правительств, которые бредут по-пояс в крови собственных народов. И мы не питаем никакого доверия к нашему собственному правительству, которое выросло из рево-

люции, но перешло на сторону ее злейших недругов. Не к правительствам мы обращаемся со словом увещания, и не пощады мы просим у врагов. Нет, мы обращаемся к народу, к рабочим, работницам, солдатам, крестьянам с призывом удвоить и утроить свои усилия в борьбе за мир.

Правительства приходят и уходят, как пена на волне. А здесь решается судьба сотен миллионов людей, судьба будущих поколений, судьба всего человечества. Хищные безумцы и потерявшие голову трусы, которые стоят во главе воюющих государств, повторяют с упрямством маниаков: «Война до конца!». Пусть же в голову этим преступникам ударит всенародный клич: «Конец войне!».

Ложь и правда

Во всех воюющих странах народные массы одинаково страдают и гибнут от войны. И всюду их обманывают сверху. Им говорят, что это война за право, за независимость, за свободу. У нас говорят, что это война за революцию. Неправда! Обман! Народы были ввергнуты в бойню не за свою свободу, а за интересы своих поработителей. И сейчас народы продолжают истекать кровью потому, что одни капиталисты все еще надеются взять вверх, а другие, не достигнув своих целей, боятся мира, как страшного суда. Если б мы, русские, действительно воевали за революцию, разве могли бы мы действовать рука-об-руку с английскими империалистами, американскими биржевиками, французскими ростовщиками, сплошь заклятыми врагами русской революции? Разве наши собственные Пуришкевичи, Родзянки, Милюковы, Гучковы, генералы Корниловы[216]) и Алексеевы требовали бы продолжения войны, если б война действительно укрепляла революцию, а не губила ее? Неправда! Обман! Мы воюем не во имя идеи, не ради народных интересов, а из-под палки, по команде империалистов, русских и союзных, как солдаты Германии и Австрии убивают и умирают из-под палки своих династий, своего дворянства и своей буржуазии. Эта война есть взаимоистребление капиталистических рабов, которых гонят в огонь рабовладельцы. Такова подлинная правда о войне!

Фальшивые „социалисты“

Эту правду имущие классы и их слуги тщательно скрывают от народной совести. Во всех странах развелось немало таких

«социалистов», которые помогают своей буржуазии пускать пыль в глаза трудящимся массам. Эти «социалисты-патриоты» в Германии поддерживают кровавую работу Гинденбурга. Во Франции и Англии они заседают в министерствах вместе с капиталистами и понукают рабочих к покорному пролитию крови. Наконец, в России эти «социалисты», на деле отрекшиеся от социализма, как будто держат в своих руках бо́льшую половину правительственной власти. Керенский, Савинков, Чернов, Авксентьев, Скобелев, Прокопович... ведь это все министры из двух «социалистических» партий: социалистов-революционеров и меньшевиков. И вот эти социалисты-патриоты не только сеют в народе ложные идеи насчет войны, но и карают смертью и каторгой тех, кто бросается против войны. Это не наши люди, не друзья народа. Нет, это дезертиры, перебежчики в стан буржуазии.

Интернационалисты

Но есть во всех странах другие социалисты, верные и честные борцы за интересы трудящихся, непримиримые враги эксплоататоров и их подлой войны. Это—социалисты-интернационалисты. Они говорят народу правду. Они называют вещи своими именами: подлую бойню не перекрашивают в революционный цвет, хищников именуют хищниками и грабеж—грабежом. Они не хотят никаких сделок ни со своей совестью, ни с бессовестностью имущих классов. Интернационалисты призывают рабочие массы всех стран к непримиримой борьбе против войны и империалистических правительств.

«Главный враг народа—в собственной стране!»—воскликнул революционный вождь немецкого пролетариата Карл Либкнехт. Чем решительнее, тверже, смелее рабочий класс внутри каждой страны станет бороться против собственной буржуазии, против ее воинственных планов и дипломатических плутней, тем скорее пробьет час мира! Такой же клич бросил австрийским рабочим Фридрих Адлер, героический борец против Габсбургской монархии и ее преступников-слуг. Во всех воюющих странах интернационалисты нашли за эти три года доступ к душе обманутых буржуазией масс. Несчастный солдат, который сидит в размытых водою окопах, голодный, покрытый вшами, среди собственных отбросов и дожидается смерти от чугунного осколка

или зловонных газов,—этот солдат всей душой своей чует правду в революционной проповеди интернационалистов.

Вдумайся, солдат, и пойми!

Нынешнее общество построено так, что ничтожное меньшинство распоряжается и трудом, и жизнью огромного большинства. Буржуазия, сильная своими капиталами, своим знанием и своим коварством, командует во всех странах. Это она, ради своих интересов, посылает армии на убой. Это она приручает многих вчерашних «социалистов», делает их своими покорными слугами и при их помощи обманывает народ. Только борьба против буржуазии и буржуазного строя может дать народам мир. Рабочий класс должен отбросить прочь буржуазию от власти и, взявши все управление делами государства в свои руки, покончить, прежде всего, с войной, а затем и со всем буржуазным строем.

Буржуазия всех стран предчувствует, что надвигается расплата за ее неисчислимые преступления. Поэтому она теперь удесятеренной ненавистью ненавидит вождей народа, революционных социал-демократов. Она арестует их, предает суду, отправляет на каторгу, а где может, расстреливает, и во всех странах изливает на них отравленную клевету. Про Карла Либкнехта буржуазные немецкие газеты писали, что он подкуплен английским правительством. Фридриха Адлера австрийские патриоты объявили агентом царской России. Английского социалиста Маклина, недавно только выпущенного из каторжной тюрьмы, английские шовинисты называли не иначе, как наемником кайзера. И у нас партию социал-демократов-интернационалистов (большевиков) за ее верность делу международного рабочего класса всякие реакционные негодяи (Милюковы, Переверзевы, Алексинские, Бурцевы) называют «германофильской» и обвиняют ее вождей в сношениях с германским правительством. И Керенский с Авксентьевым и со Скобелевым так же бесстыдно преследуют большевиков, как германский кайзер—сторонников Карла Либкнехта, наших немецких друзей.

Социалист социалисту рознь!

Это, прежде всего, должен понять каждый рабочий и каждый солдат. В Евангелии сказано, что не всякий, взывающий «Гос-

поди, Господи!», войдет в царствие небесное. И мы можем теперь сказать на основании горького опыта, что не всякий, именующий себя социалистом, является социалистом на деле.

Эсеры считаются «социалистами». Меньшевики себя называют социал-демократами. Но как сталь испытывается на кремне, так социализм проверяется на войне. Есть «социалисты», которые поддерживают войну; они братаются с буржуазией; они скрывают от народа планы и аппетиты буржуазии (ее тайные договоры и пр.); они требуют от армии слепого выполнения этих тайных планов. Социалисты на словах, они слуги буржуазии на деле. Таковы эсеры и меньшевики. Их министры ввели смертную казнь и новые каторжные законы. Их вожди, во главе с Церетели, голосуют за дальнейшее сохранение смертной казни. Меньшевики и эсеры-министры арестуют большевиков, держат их в тюрьмах без обвинения и следствия, закрывают газеты большевиков и потакают гнусной буржуазной клевете на большевиков. И все это потому, что наша партия, большевистская, непримиримо борется против войны.

Можно ли считать социалистами Керенского, Авксентьева, Церетели, Чернова? Никогда! Это прямые враги рабочего класса. Но ведь среди рабочих и особенно солдат есть еще немало эсеров и меньшевиков? Совершенно верно. Но это иное дело: рабочий-меньшевик или солдат-эсер не враги нам. Им нужно разъяснить, что они отдали свое доверие ненадежным партиям, что их вожди—изменники делу рабочего класса. И они должны будут это понять, потому что меньшевики и эсеры—за войну, а продолжение войны несет неминуемую гибель всем народам и, прежде всего, русскому, наиболее бедному и истощенному.

«Будь проклят тот, кто теперь говорит о мире!»—воскликнул социалист-революционер Керенский. Ну, что ж, мы не боимся проклятий—ни поповских, ни эсеровских. Мы не только говорим о мире, но мы ведем борьбу за мир. И вместе с народом мы проклинаем тех, которые вызвали эту войну и которые затягивают ее без конца. В нашей борьбе мы не боимся преследований: мы привыкли к ним при царизме. И мы твердо верим в нашу победу. Волна революции подняла Керенского на высоту власти, и он теперь воображает, что может распоряжаться ходом истории и командовать пролетариатом. Жалкое заблуждение! Следующая волна, которой он так противится, смоет его вниз и покажет ему, что рабочий класс—все, а он, Керенский,—только выскочка, т.-е. ничто.

„Вы призываете к дезертирству!“

Так нередко клевещут на нас. Лгут, будто мы советуем втыкать штык в землю и убегать из окопов. Какой вздор!.. Разумеется, может быть случалось, что какой-нибудь темный солдат, прочитавши в буржуазной газете, будто большевики призывают к дезертирству, поверил и бросил винтовку. Но это не наша пропаганда, а пропаганда бесчестной буржуазной печати, которая стремится подкинуть нам свои гнилые измышления. Разве дезертирство отдельных солдат или неподчинение отдельных частей может остановить войну? Солдаты дезертируют от усталости, отчаяния, страха, но не от большевизма. После двух месяцев всеобщей травли и клеветы против нас, даже управляющий военным министерством Савинков, наш враг, оказался вынужден признать, что, попадая в огонь, большевистские полки сражаются никак не хуже других, а некоторые оставляют на поле три четверти своего состава!.. А в то время, как наши солдаты гибнут без счета и числа в этой бесчестной бойне, которую не они вызвали, буржуазные газеты («Речь», «Новое Время», «Вечернее Время», «Биржевка»,«Русская Воля»,«Русское Слово»...) продолжают лгать и клеветать на распинаемую армию. Нет ничего подлее «патриотизма» этих буржуазных христопродавцев!..

Но если солдаты-интернационалисты умирают наравне со всеми другими, то зато они не обманывают себя. Они твердо знают, что эта война—не наша война. Ни в чем не доверяя правящим классам, они готовятся к тому, чтобы общими силами рабочих и солдат, вместе с солдатами и рабочими Германии и других стран, положить конец войне и посадить на скамью подсудимых ее виновников.

Мы, интернационалисты, были против наступления, мы указывали другие пути

Да, накануне наступления 18 июня мы, интернационалисты, открыто и решительно предупреждали против него. Кайзер Вильгельм, — говорили мы все время, — недаром не решался в течение четырех месяцев атаковать ненавистную ему русскую революцию: он не был уверен в своих войсках. Вот это-то время неуверенности и нужно использовать,—говорили мы.—Нужно по-

казать на деле немецким, австрийским и всем вообще рабочим, что русская революция ведет совершенно новую, честную, народную, демократическую внешнюю политику. Что она не хочет никаких захватов и насилий. Что она не признает никаких старых захватных договоров. Что она поддержит революцию в любой стране, «союзной» или «вражеской». Что она предлагает всем народам немедленный и честный мир. А для того, чтобы показать, что это не пустые слова, что русская революция собирается не шутки шутить, надо было немедленно опубликовать тайные договоры, вымести из Временного Правительства вон буржуазных министров-империалистов и отказаться от уплаты военных займов, заключенных царизмом.

Этому должна была соответствовать решительная и смелая внутренняя политика: нужно было распустить Государственную Думу и Государственный Совет; провозгласить демократическую республику; отменить все сословные различия; передать помещичьи земли в распоряжение крестьянских земельных комитетов; ввести единовременный поимущественный налог; взять в железные клещи всех государственных мародеров (казнокрадов) и пр. Такая политика подняла бы на огромную высоту не только внутренние силы революции, но и ее международный авторитет. Трудящиеся и угнетенные массы во всем мире прониклись бы величайшей симпатией к русской революции и пламенным стремлением подражать ей, итти по ее стопам. С другой стороны, русская революция вызвала бы ужас и ненависть у всех правящих классов во всем мире. Этим самым империалисты и угнетенные массы всех стран были бы сразу расколоты на два лагеря, и наша революция, врезавшись клином в войну, ускорила бы пришествие европейской революции.

Но отсталая часть наших рабочих, а особенно солдаты и крестьяне еще не понимали нас. Они посылали в Советы большинство эсеров и меньшевиков. Те объединялись с буржуазией, а буржуазия требовала и добилась наступления на фронте.

Мы, интернационалисты-большевики, предсказывали устно и печатно, что это наступление явится самым лучшим подарком для кайзера. «Смотрите,—должен он был сказать неизбежно немецким солдатам:—русское Временное Правительство наступает на нас рука-об-руку с английскими, французскими, итальянскими и американскими империалистами, которые открыто стремятся разгромить Германию; стало быть, вы не можете питать

никакого доверия к русской революции». На наше наступление Вильгельм получил возможность ответить контр-наступлением. Нравственная, духовная сила русской революции оказалась подорвана, а материальной, физической силы у кайзера оказалось больше. И в результате—колоссальные жертвы, прорыв фронта, падение Риги и грозная опасность Петербургу.

Кто же виноват?

Ответ ясен: виновато Временное Правительство, плясавшее под дудку кадетских империалистов. Виноваты партии эсеров и меньшевиков, поддержавших преступную авантюру наступления. На нашей партии вины нет. Мы были в меньшинстве. Власть была не в наших руках. Мы могли лишь предостерегать. Этот наш долг мы выполнили, и наша совесть чиста. Пусть же те солдаты, рабочие и крестьяне, которые вручали руководство и власть эсерам и меньшевикам, сурово потребуют теперь от них отчета.

Положение страны

С самого начала революции положение страны было очень тяжелым. Оно ухудшалось не по дням, а по часам из-за полной бездеятельности Временного Правительства, которое не смело провести—против воли буржуазии—ни одной серьезной реформы. К этому присоединились последствия злосчастного наступления,— и положение стало до последней степени грозным. Что принесет нам завтрашний день?

Правительство, а за ним меньшевики и эсеры кричат: «Теперь не время политики,—все силы и средства должны быть сосредсточены на обороне!». Это лицемерные слова, лживые слова. Оборона немыслима без политики. Нужна только хорошая политика. А политика обороны у Временного Правительства такая же пагубная, противонародная, как и политика наступления.

Если бы правительство было действительно революционным, народным, рабочим, оно немедленно же попыталось бы вернуть утраченный авторитет революции. Чем грознее положение, тем более смелые и решительные меры необходимы, чтобы выйти из него. Первым делом нужно было бы выполнить изложенную выше программу: развязаться с внутренними империалистами

и с союзными, провозгласить свои условия немедленного мира и подкрепить их изнутри мерами аграрной и финансовой революции. Это был бы самый сильный удар Вильгельму, какой мы теперь только в силах нанести!

Способно ли нынешнее правительство на такую политику?

Нет! Оно целиком в сетях банкиров, союзных дипломатов, контр-революционной ставки. Правительство призывает пролетариат к участию в обороне; а между тем, оно само разоружило рабочих и натравило на них казаков и юнкеров. Правительство призывает отказаться от «политики». А в то же время само оно ведет политику Держиморды: арестует большевиков, закрывает рабочие газеты, потворствует произволу, травле и клевете.

«Теперь не время политики»—говорят Керенский и Авксентьев, а в то же время ведут помещичью политику: арестуют на местах земельные комитеты за посягательства на землю дворян. И эти люди еще смеют говорить о том, что они ведут революционную, народную войну!

В таких условиях ответственность за оборону, как раньше за наступление, целиком падает на правительство и поддерживающие его партии эсеров и меньшевиков.

Нам, партии революционной социал-демократии, судьба страны, свобода и независимость русского народа не менее близки и дороги, чем партиям Керенского и Церетели. Но именно поэтому мы остаемся и сейчас, в дни величайших испытаний, в непримиримой оппозиции к политике Временного Правительства, которая подрывает и революцию, и оборону. Единственным спасением нашим остается по-прежнему борьба за скорейшее прекращение войны. А весь опыт трех лет говорит нам, что приостановить бойню можно только давлением нарастающей революции в Европе. Все ваши усилия, рабочие и солдаты, должны быть направлены на то, чтобы поддерживать революционное пролетарское движение на Западе, питать и толкать его вперед. Нужно, чтоб честные социалисты, революционные рабочие в Германии знали, что вы ведете ту же борьбу, что и они.

Падение Риги—жестокий удар. Падение Петербурга было бы несчастьем. Но падение интернациональной политики русского пролетариата было бы гибелью.

Рабочие! Работницы! Солдаты!

Мы не можем судьбу нашей страны ставить в зависимость от политики Керенского и стратегии Корнилова. Керенский может завтра так же сдать страну контр-революции, как Корнилов вчера сдал Ригу немцам. Необходима сила, которая была бы способна исправить ошибки всех Керенских и всех Корниловых. Это революционная сила международного пролетариата. В эту силу не хотят верить мелкие мудрецы, политические трусы, мещане. А для нас вне этой силы нет ничего надежного и верного. Если Гогенцоллерн, несмотря на все усилия обороны, раздавит нас перевесом своей артиллерии, своей техники, своей организации, неужели же тогда смерть русскому народу? Нет, в Европе есть управа на всех Гогенцоллернов. В нечеловеческих испытаниях этой войны накопляется у рабочих масс Европы столько гнева, сколько его еще не было видано во всей истории. Карл Либкнехт и Фридрих Адлер только предтечи поднимающегося для гигантских боев рабочего класса Германии и Австрии. И мы должны итти навстречу этим боям. Те 183 тысячи рабочих, работниц и солдат, которые в Петербурге голосовали за нашу партию на выборах в городскую думу [217]), это надежный оплот Интернационала. Московские рабочие, проведшие свою стачку протеста в дни «Государственного» совещания, это тоже славный оплот. Пока существуют, ширятся и крепнут эти оплоты, революция не погибла. Нужно только, чтобы мы и впредь непоколебимо стояли на своем посту, под знаменем нового Третьего Интернационала.

Правительства с фальшивым спокойствием говорят о неизбежности четвертой зимней кампании. А как отзовутся на это народы? Как откликнутся армии? Революционные события в Европе могут развернуться раньше, чем многие думают. У нас нет никакого права падать духом.

Передовые рабочие и солдаты! Будите отсталых, просвещайте темных. Под гром страшных событий на фронте разъясняйте народу правду, указывайте ему подлинный путь спасения. Нужно, чтобы народ сам взял власть в свои руки. А народ — это рабочий класс, революционная армия, деревенская беднота. Только рабочее правительство положит конец войне и спасет нашу землю от гибели.

Не верить буржуазным врагам! Не верить ложным друзьям,

эсерам и меньшевикам. Надеяться только на себя: — вот ваш пароль.

Вперед! На борьбу! Выше красное знамя!

Близок день, когда в братских объятиях рабочих всех стран будет задушена не только война, но и породивший ее капитализм.

Л. Троцкий. «Когда же конец проклятой бойни?», изд. «Прибой», Петербург 1917 г.

2. КОРНИЛОВЩИНА

НА ЧИСТУЮ ВОДУ!

В Московской газете «Утро России» [218]) напечатаны новые данные о переговорах Савинкова с Корниловым по прямому проводу. Эти данные представляют исключительный интерес. Из них с несомненностью вытекает то, что нам было ясно и раньше: заговор генерала Корнилова [219]) против «правительства Керенского» вырос из другого, более широкого заговора, подготовлявшегося Керенским вместе с Корниловым против революционной России.

Прежде всего—факты.

Генерал Корнилов в своих переговорах с Савинковым определенно указал на сделанное ему предложение диктатуры через посредство В. Н. Львова [220]), который, по его словам, приезжал к нему по поручению Керенского. Львов предлагал Корнилову, по словам последнего, высказать свой взгляд на три формы диктатуры, намеченные Керенским. Первая: Керенский уходит в отставку, правительство упраздняется, Корнилов овладевает диктатурой. Вторая: Керенский с Корниловым разделяют диктаторскую власть. Третья: правительство Керенского само вручает Корнилову диктатуру, после чего добровольно устраняется.

Корнилов ответил, что, по его глубокому убеждению, единственным выходом является установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении. Корнилов поручил Львову передать Керенскому, что считает необходимым участие в правительстве диктатуры, кроме себя, Керенского и Савинкова. Им обоим он «настойчиво» предлагал немедленно приехать в ставку для принятия окончательного решения, причем заявил, что, по имеющимся у него «точным сведениям» о готовящемся

в Петрограде выступлении большевиков, нахождение Керенского и Савинкова в столице представляется крайне опасным. Далее Корнилов обсуждал «общее положение дел» с верховным комиссаром Филоненко, причем *оба* пришли к окончательному выводу, что для спасения страны «*необходимо немедленное установление коллективной диктатуры в виде совета обороны при непременном участии в нем Керенского, Савинкова, Филоненко и Корнилова*».

Таково существо разоблачений, которые—повторяем снова—совершенно не кажутся нам неожиданными. Наоборот, только в свете этих данных, ход корниловского восстания и особенно его подавление становится ясным в своих основных чертах. 22 июля Керенским была получена от Корнилова телеграмма, в которой этот последний указывал, на каких условиях он готов принять верховное командование. «Во-первых, ответственность перед собственной совестью и всем народом. Во-вторых, полное невмешательство в мои оперативные распоряжения... В-третьих, распространение принятых за последнее время мер на фронте и на (соответственные) местности тыла... В-четвертых, *принятие моих предложений, переданных телеграфно* верховному главнокомандующему (Брусилову) *на совещании ставки 18 июля*». Таким образом, предъявлены какие-то особые требования, о которых Керенский не счел нужным ничего сообщить, когда передавал телеграмму печати.

Весь август прошел в непрерывных переговорах между Корниловым и Керенским, причем в качестве посредников выступали неизменно те же Филоненко и Савинков. В своем письме в газете «День» Филоненко [221]) совершенно не отрицает того, что он был посвящен в планы и замыслы ген. Корнилова. Да и как мог бы он это отрицать? Восстание подготовлялось в течение ряда недель, причем подбор офицеров, агитационная работа ставки и передвижение войсковых частей, отнюдь не вызывавшееся оперативными потребностями, происходили на глазах Филоненко. 2 августа в ставку прибыл Савинков, где вместе с Филоненко участвовал в совещании комиссаров и представителей армейских организаций. Это было за три дня до открытого восстания ставки. Савинков не мог не знать, что, согласно одному из вариантов, ему отводится одно из мест в военной диктатуре. Об этом прекрасно знала суворинская «Маленькая Газета», которая настойчиво повторяла, что диктатура в лице Корнилова, Савинкова и Керенского стала неизбежностью и должна осуществиться в

ближайшем будущем. Другая суворинская газета «Новое Время» разрабатывала другой вариант той же темы в момент поездки Савинкова в ставку. «*Все правительство, все социалисты и не социалисты*, раз они думают спасти Россию, *должны предоставить все свои силы в полное беспрекословное распоряжение Верховного Главнокомандующего*, чтобы ни одного протеста, ни одного препятствия он не встречал среди людей, которые держат в своих руках массы народные». Так писал 23 августа в «Новом Времени» некий посвященный, скрывшийся под буквами О. Б-ть. Члены правительства, с своей стороны, периодически сообщали прессе о каких-то переговорах Керенского с Корниловым, причем тема этих переговоров никогда не называлась по имени.

В своем первом воззвании генерал Корнилов прямо заявил о том, что именно Керенский вовлек его в выступление; поведение представителей Временного Правительства Корнилов назвал *провокацией*. Никто, разумеется, не обязан верить Корнилову на слово, хотя, скажем прямо, мы не видим никаких оснований доверять Корнилову меньше, чем его партнерам. Но суть дела в том, что слова Корнилова не встретили опровержения. Посредник Львов подтверждает, по словам газет, заявление Корнилова. Савинков молчит. Филоненко, корниловский кандидат в министры внутренних дел, откликнулся в «Дне» таинственным письмом, которое косвенно *подтверждает* худшие подозрения, вытекающие из слов Корнилова и, главное, из всей логики фактов. Что же касается поведения самого Керенского в отношении корниловцев, то оно таково, как если бы он видел в них не «заговорщиков» и «мятежников» а политических деятелей, которые зашли несколько дальше, чем это считал, по условиям момента, полезным сам Керенский.

Политическая позиция председателя Временного Правительства представляла, как известно, пустое место, которое в течение революции все более заполнялось империалистическим и, стало быть, контр-революционным содержанием. Уже до дней 3—5 июля Керенский всеми своими действиями обнаруживал, насколько отягощает его не только контроль «революционной демократии», но и простой контакт с нею на пути открытого империалистического перерождения его политики. Керенскому нужен был энергичный нажим на него справа, из капиталистических клик, союзных посольств и особенно из ставки для того, чтобы помочь ему окончательно развязать себе руки. Керенский хотел использовать

генеральский мятеж для упрочения своей диктатуры. В своей самовлюбленности и провинциальной простоватости он рассчитывал, что удержит генералов в рамках «благоразумия». Но буктующие генералы отнюдь не склонны были, разумеется, изображать из себя политическое «пушечное мясо» на службе диктаторских комбинаций г. Керенского. Тем более, что посредники между Керенским и Корниловым, Савинков и Филоненко, имели *свои* планы, явно играя и на сотрудничестве своих патронов, и на их конфликтах. Корнилов и его вдохновители явно рассчитывали на Савинкова и Филоненко для окончательного приручения Керенского. А Савинков и Филоненко, как показывают факты и заявления, считали себя одинаково пригодными для диктатуры военной, как и штатской.

В то время, как Керенский растерянно колебался под влиянием событий на фронте, внутренней разрухи и политических толчков, переходя от диктаторского высокомерия к плаксивой прострации, ставка безостановочно вела свою работу и 27 августа уперлась в ультиматум, причем ни Корнилов, ни сам Керенский, ни их посредники не знали точно, есть ли это ультиматум Корнилова Керенскому или их общий ультиматум «революционной демократии».

Таким представляется ход событий из всех известных до настоящего момента обстоятельств дела. Но далеко не все обстоятельства известны. И слишком ясно, что не только обвиняемые, но и нынешние официальные обвинители слишком заинтересованы в том, чтобы обстоятельства корниловского заговора не были вскрыты до конца. И этот вопрос сейчас теснейшим образом связан с вопросом о власти. Правящие бонапартисты уже по тому одному не могут согласиться добровольно на советскую власть, что это неизбежно расширило бы рамки производимого сейчас расследования, и кое-какие репутации потерпели бы при этом не только политический ущерб. С другой стороны, кто сейчас требует полного и всестороннего расследования корниловского заговора, тот тем самым исключает возможность коалиции. Это поняли шустрые публицисты «Дня»: они поставили несколько дней тому назад ряд крайне щекотливых вопросов по поводу роли Филоненко, Савинкова и Керенского в подготовке корниловского мятежа. Но после самоубийственного письма Филоненко мелкие публицистические маклера банковской газеты сразу замолчали: они мигом поняли, что их «честная коалиция» исклю-

чает не только серьезные социальные реформы, но даже и простое честное расследование военного заговора контр-революции.

Тем решительнее будет партия революции бороться за то, чтобы вывести всех заговорщиков на чистую воду.

«Рабочий Путь» № 5,
21 (8) сентября 1917 г.

ЗАПРОС БЮРО ЦИК

Мы, нижеподписавшиеся члены ЦИК, считаем необходимым и неотложным обратить внимание Бюро ЦИК на появившиеся в печати [222]) сообщения и разоблачения, касающиеся действий членов и агентов Временного Правительства в связи с подготовкой в Корниловской ставке военного заговора против революции, ее учреждений и завоеваний.

Эти разоблачения, совпадая друг с другом, находя прямое или косвенное подтверждение в известных всем объективных обстоятельствах дела и не встречая немедленного и категорического опровержения со стороны непосредственно затронутых лиц и учреждений, производят впечатление глубокой внутренней убедительности. Существо этих опубликованных документов и разоблачений сводится к нижеследующему: Бывший военный министр Савинков предлагал будто бы от имени Керенского— на рассмотрение генерала Корнилова три варианта диктатуры, причем в переговорах речь шла об участии Корнилова, Савинкова, Филоненко и самого Керенского в разных комбинациях. Провозглашение единоличной или коллективной диктатуры должно было совпасть с объявлением Петрограда на военном положении и с беспощадным разгромом петроградских революционных организаций и рабочих масс, под видом подавления мнимого большевистского заговора. С этой именно целью совершалось по соглашению Временного Правительства и ставки подтягивание 3 конного корпуса к Петрограду, причем завершение этой военной операции должно было послужить сигналом для проведения в жизнь требовавшихся Корниловым репрессий и установления военной диктатуры.

Принимая во внимание то огромное впечатление, какое эти сообщения и разоблачения производят на рабочих Петрограда и на все население страны, мы предлагаем, не дожидаясь работ

следственной комиссии, предпринять немедленно шаги к освещению политической стороны дела. В этих целях мы считаем необходимым в первую голову предложить бывшим представителям Совета в составе Временного Правительства Скобелеву, Авксентьеву, Чернову сообщить Бюро ЦИК все, что им было известно о фактах, составляющих предмет указанных выше разоблачений.

Л. Троцкий.
Ю. Каменев.

«Рабочий Путь» № 7,
23 сентября 1917 г.

3. ЗАВОЕВАНИЕ ПИТЕРСКОГО СОВЕТА БОЛЬШЕВИКАМИ

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О СОБЫТИЯХ 3—5 ИЮЛЯ

(9 сентября) [223]

Товарищи, вопрос о событиях 3—5 июля не исторический вопрос, а вопрос сегодняшнего дня. В этих событиях обвиняются большевики. Я не буду говорить о всех событиях—меня в настоящий момент занимает лишь вопрос об арестованных товарищах. Нам говорили, что 3—5 июля вооруженные солдаты и рабочие вышли на улицу для свержения Временного Правительства, но это совершенно неверно,—это ложь, так как солдаты и рабочие в эти дни вышли не для того, чтобы убивать казаков и мирных жителей, а для демонстрации своей верности революции, для демонстрации своих сил против контр-революции.

Даже партия народной свободы писала в начале, что это движение солдат и рабочих было стихией, по поверхности которой беспомощно плавали большевики, и только впоследствии она повела определенный поход против большевиков. Разве не мы остановили это движение?

Во всяком случае, в жертвах виноваты не мы, а виноваты кадеты и представители других цензовых партий, которые вместе с меньшевиками и с.-р. заключили во Временном Правительстве блок против народа.

Мы считаем, что активное выступление рабочих и солдат было бы в настоящее время ударом для нас,—но если Временное Правительство будет против нас, то мы будем опять, вместе с народом, с оружием в руках защищать свое право, свои завоевания.

Чего стоит одна гнусная клевета, брошенная в Ленина, который стоил многих голов царских министров и кое-каких министров русской республики? А арестованный прапорщик Крыленко, которого Керенский приказал числить за собой, когда выяснилось, что против него не было никаких обвинений? Когда была освобождена под залог видная деятельница рабочего движения А. М. Коллонтай, то к ее квартире, по распоряжению бывш. министра вн. дел Авксентьева, были приставлены два шпика, которые никого не пускали к ней в квартиру, и без которых она никуда не могла выйти.

После всего того, что я сказал, я должен вам заявить, что ваши вожди держали себя в высшей степени недостойно. (Шум. Крики: долой. Голос с места: «а Ленин держит себя достойно, укрываясь от суда?»)

Вы говорите про Ленина? Да, первое время я думал, что Ленин должен был бы отдаться в руки властей, но когда я посидел в республиканской тюрьме, то сказал: Ленин был прав, отказавшись сесть.

Пусть Милюковы и Гучковы день за днем расскажут о своей жизни. Они этого не сделают. Мы же в любую минуту готовы дать отчет о своих шагах, так как нам нечего скрывать от русского народа. И теперь вы должны сказать: пусть раскроются двери всех тюрем и выпустят на волю всех узников-революционеров, томящихся в тюрьмах русской республики. (Речь покрывается дружными аплодисментами левой части собрания.)

«Известия» № 168,
12 сентября 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О СОБЫТИЯХ 3—5 ИЮЛЯ

(9 сентября)

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов констатирует, что те методы расправы, которые применяются Временным Правительством по отношению к действительным и мнимым участникам июльского движения, неизгладимым пятном ложатся на юстицию и официальных руководителей страны.

1. В полном соответствии с охранно-полицейскими приемами старого режима июльское движение ложно представлено, как продукт военного заговора политической партии большевиков.

2. Правительственные власти до сих пор не опубликовали основных фактических данных об июльском движении: число убитых и раненых из состава демонстрантов, правительственных войск и посторонней публики,—между тем достаточно было бы добросовестного установления этих данных, чтобы обнаружить фальсификаторский характер обвинения демонстрантов в вооруженном восстании или мятеже.

3. Привлечение демонстрантов по 100 ст., карающей за вооруженное восстание против самодержавной неограниченной власти царя, как нельзя ярче характеризует юстицию Переверзева—Зарудного, которая, опираясь на «царские» статьи, мобилизовала против рабочей партии судебных деятелей старого режима.

4. Эта работа дополнялась еще невиданной кампанией клеветы против испытанных вождей рабочей партии, десятилетиями бескорыстной и самоотверженной работы доказавших свою беззаветную преданность делу социализма и революции. Разнузданная реакционная печать, при активном содействии судебных деятелей, как Переверзев и Каринский, и профессионалов клеветы, как Алексинский и Бурцев, изображала безупречных революционеров наемными агентами германского империализма.

5. Обвинение в уклонении от суда товарищей Ленина и Зиновьева, не соглашавшихся—в соответствии с решением ЦК своей партии—отдать себя при указанных выше условиях в руки черносотенной контр-разведки и царских следователей, является недобросовестной травлей, так как названные товарищи всегда готовы предстать на суд, как только будут обеспечены элементарные условия правосудия.

В соответствии с этим Совет требует, чтобы т.т. Ленину и Зиновьеву дана была возможность открытой деятельности в рядах пролетариата.

6. В ряду произвольных арестов, разгромов, закрытий рабочих газет, выделяется арест т. Крыленко [224]), которого по личному предписанию Керенского держат взаперти свыше двух месяцев, не предъявляя ему никакого обвинения—не взирая на то, что тов. Крыленко выехал из Петрограда до июльских со-

бытий и что как гражданские, так и военные судебные власти официально сообщили о том, что с их стороны никаких обвинений к тов. Крыленко не имеется.

7. Не менее возмутительным является тот факт, что бывшие министры Авксентьев и Савинков сочли возможным поставить стражу у дверей квартиры т. Коллонтай, выпущенной на поруки следственной властью, причем и после ухода в отставку самих министров их агенты продолжают в самой недостойной форме ограничивать свободу т. Коллонтай.

Ввиду всего вышеизложенного Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов клеймит презрением авторов, распространителей и пособников клеветы против заслуженных и безупречных революционеров, требует немедленного освобождения на поруки всех революционеров, которым предъявлены политические обвинения, и настаивает на немедленной общественно-авторитетной проверке всего следственного процесса по делу 3—5 июля с отстранением всех скомпрометировавших себя судебных деятелей.

«Рабочий Путь» № 8,
25 (12) сентября 1917 г

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ВОПРОСУ О ПРЕЗИДИУМЕ

(9 сентября) [225]

(На трибуне тов. Троцкий. Почти весь зал встречает его бурными, продолжительными аплодисментами.)

Вопрос о президиуме,—говорит тов. Троцкий,—хотят превратить в принципиальный, программный, тактический вопрос. Но ведь первым же вопросом порядка дня стоит у нас большой политический вопрос—о Демократическом совещании. Вся физиономия Совета проявится при обсуждении этого вопроса.

Но сейчас нам предлагают такой способ решения коренных вопросов по существу, когда принципиальные вопросы, например, о войне, о власти и т. д., подмениваются вопросом о семи членах президиума. Ведь что́ же получается? Принятая Советом резолюция требует немедленной конфискации земель. И вот нам предлагают: кто против этого требования, тот пусть голосует за Чхеидзе. (Бурные аплодисменты.) Кто против немедленного

опубликования тайных договоров—тот пусть подаст голос за старый президиум. Это грубый упрощенный способ решения принципиальных вопросов,—подобная постановка вопроса оскорбительна, прежде всего, для старого президиума.

Если резолюция Совета вызывает кризис, то это есть кризис, прежде всего, Исполнительного Комитета, а не президиума.

Оратор настаивает на составлении коалиционного президиума.

* * *

Вторично выступает тов. Троцкий [226]. Мы,—говорит он,—были глубоко убеждены, что после того, как Керенский не запросил мнения Совета ни по одному важному вопросу, хотя он вошел в правительство от имени Совета; после того, как он ввел смертную казнь для солдат и даже не поинтересовался вопросом: а что скажет по этому поводу солдатская секция?—после всего слишком определенного отношения Керенского к Совету мы были убеждены, что его нет больше в составе Петроградского Совета. (Бурные аплодисменты.) Но мы, оказывается, заблуждались, и между Чхеидзе и Завадье [227]) витает тень Керенского. Товарищи, когда вам предлагают одобрить политическую линию президиума, так помните, не забывайте, что вам предлагают тем самым одобрить политику Керенского. (Бурные рукоплескания.)

«Рабочий Путь», № 8,
25 (12) сентября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК О ПОСЫЛКЕ ДЕЛЕГАЦИИ В ФИНЛЯНДИЮ

(10 сентября)

Вы посылаете делегацию в Финляндию [228]) в целях установления порядка в тамошних гарнизонах, причем в числе кандидатов в состав этой комиссии был назван и я. Считаю необходимым выступить по этому поводу перед вами—не только от своего имени, но и от имени нашей партии.

Что мы считаем необходимым противодействовать самосудам, в этом не может быть никаких сомнений. И Центральный Комитет нашей партии немедленно же направит в Финляндию достаточно авторитетное лицо для того, чтобы совместно с другими представителями нашей партии в Финляндии бороться всеми доступными нашей партии средствами против убийства офицеров.

Но в то же время я считаю необходимым заявить, что ни я, ни другие члены нашей партии не можем вступить в избираемую вами делегацию по причинам принципиального характера.

Прежде всего, мы решительно отвергаем ту форму сотрудничества с правительством, которую здесь так настойчиво защищал Церетели. Совершенно независимое от революционных организаций, правительство ведет в корне ложную, противонародную и бесконтрольную политику, а когда эта политика упирается в тупик или приводит к катастрофе, на революционные организации возлагается черная работа по улажению неизбежных последствий политики шатаний и произвола. Мы считаем, что эта форма «сотрудничества» недостойна революционной демократии; только в том случае демократия может и должна нести на себе все последствия правительственной политики, если само правительство создано демократией и перед ней ответственно.

Ненормальность и фальшь взаимоотношений между властью и революционными организациями ярче всего раскрываются как раз в данном случае.

Адмирал Вердеревский [229]), который явился к нам за поддержкой, недавно привлекался, как известно, к судебной ответственности. Вместе с ним были арестованы по тому же делу матросы. Но в то время как адмирал стал министром, арестованные матросы остаются под следствием по 108 статье, а Дыбенко, председатель Комитета Балтийского Флота, пребывает в «Крестах». Какое представление об официальном правосудии может быть, ввиду таких фактов, у матросов? Какое доверие к нынешней власти? И какое право имеем мы выступать рука-об-руку с представителями нынешнего правительства и нести за них ответственность перед массой?

Смотрите далее. Вы хотите, чтобы представитель нашей партии, ввиду ее большого влияния во флоте, вступил в вашу делегацию. Одной из задач этой делегации, как вы их формулируете, является расследование в составе гарнизонов «темных сил», т.-е. «провокаторов и шпионов». Разумеется, если там имеются провокаторы и шпионы, то их нужно немедленно изловить и устранить. Но вы как бы закрываете глаза на то, что агенты того самого правительства, на помощь которому вы призываете сейчас нашу партию, взвели на вождей и работников этой партии самое гнусное из всех возможных обвинений—в государственной измене, в сообщничестве с германским кайзером, в работе на

пользу немецкого империализма. Или вы считаете, что это мелочь, случайный эпизод?

Вы хотите, чтобы я вошел в делегацию, которая будет помогать адмиралу Вердеревскому излавливать немецких агентов для привлечения их по 108 статье. Но неужели же вы забыли, что я сам привлекаюсь по 108 статье? Матросы могут мне доверять постольку, поскольку они не доверяют Временному Правительству. Вы теперь поймете, почему наша партия не может сотрудничать со следователем Александровым, с гельсингфорсской и петербургской контр-разведкой в деле установления «порядка» и «законности» в Балтийском флоте.

В борьбе с самосудами мы идем своими путями. Мы считаем эти стихийные самосуды глубоко вредными, дезорганизующими и деморализующими с точки зрения революционного самосохранения самой солдатской и матросской массы. Эту борьбу мы ведем не рука-об-руку с прокурором и контр-разведчиками, а как революционная партия, которая убеждает, организует и воспитывает.

«Рабочий Путь» № 8,
25 (12) сентября 1917 г.

4. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ [230])

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

(11 сентября) [231])

Дан говорит нам, что русская революция должна пробиваться через великие трудности, которых не знала ни одна революция. Но чем больше перед нами стоит трудностей, тем радикальнее должны быть употребляемые средства, а мы 7 месяцев не имеем даже Учредительного Собрания, чего не было ни в одной революции. Нам говорят, что мы не считаемся с трудностями и переоцениваем значение рабочих масс, а я хочу вам напомнить о заседании Петроградского Совета 3 мая, когда вам представлялись вновь испеченные министры социалисты: вы помните тот восторг, который вызвало их появление в Совете, и лишь небольшая тогда группа большевиков подвергла критике планы Скобелева и Чернова, которым мы предсказывали, что кадеты и другие представители цензовых элементов не дадут им осуществить свою программу, как земельную, так и рабочую. Мы оказались правыми, и иначе, как политическими банкротами, я этих министров назвать не могу.

Здесь Дан ссылается на Западную Европу, но там ведь не было никогда такого политического положения, в каком находится сейчас русская республика.

Есть два пути: один путь—при помощи смертной казни и других репрессивных мер создать боеспособность армии и задушить революцию; другой путь—удовлетворить запросы широких масс.

Мы говорили на Всероссийском Съезде Советов, что наступление русской армии внесет колоссальную разруху в наши войска, и вместо наступления мы будем иметь отступление, потерю новых кусков земель, разгром нашей революции. Нам напо-

минали здесь дни 3 и 5 июля, но для оценки момента есть один критерий: посмотреть, как отзывается на события масса. Плохи те политики, которые теряют массы, как меньшевики и с.-р.; мы же всегда были с народом и в народе. И с кем теперь пролетариат—с нами ли, посаженными в тюрьму за измену, или с Церетели и Данами, разоружавшими народ, разоружавшими солдат и рабочих? (Дружные аплодисменты, крик с места: а кто их вызвал?) Мне кричат,—кто их вызвал? Я отвечаю на это: их вызвала политика коалиции. Что̀ требовали массы 3—5 июля? Они говорили: не идите на коалиции с милюковцами и гучковцами, а обратите взоры на нас и с нами заключайте коалицию. Нам говорят, что наша программа несбыточна, что мы мешаем работать, но разве мы Чернову запрещали проведение земельных проектов по Временному Правительству. И разве по нашей вине арестованы многие члены земельных комитетов? Не для того вы искали коалицию, чтобы спасать Россию, а потому, что иначе вам не верила английская и французская биржа. И до тех пор, пока вы вынуждены вести войну на основах империализма, вы должны иметь коалиционное правительство. Но теперь нужно раз навсегда сказать, что эта война несовместима с русской революцией, и потому-то мы с самого начала говорили, что нужно немедленно кончить войну. А в то же время, призывая рабочих других стран порвать со своими правительствами, мы сами вводили в свое правительство Терещенок и Коноваловых.

Как же теперь должна быть создана власть? Власть теперь должна быть такова, чтобы употребить все силы на борьбу с французскими и английскими империалистами. Что̀ мы дали в руки кайзеру,—которого я ненавижу больше, чем вы,—когда пошли в наступление 18 июня? Вот его ответ: «мы не трогали русских несколько месяцев, и пусть они теперь пеняют на себя, если задумали пойти в наступление». И вы уже знаете, что̀ произошло после этого. Вы стоите теперь посредине, и вам предлагает, с одной стороны, руку буржуазия, а с другой — пролетариат Петрограда и Москвы. Если вы хотите вместе с передовым рабочим классом наложить узду на буржуазию, то предстоящее Демократическое совещание должно создать из своей среды демократическую власть солдатских, рабочих и крестьянских масс, и только эта власть сумеет создать непобедимую Россию.

«Известия» № 169,
13 сентября 1917 г.

ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(15 сентября)

В своем докладе Троцкий дал общий план той линии поведения, которую должна занять фракция большевиков на Демократическом Совещании. План этот заключается в том, чтобы по мере возможности заставить Совещание отвергнуть коалицию с цензовыми элементами и взять задачу организации власти в свои руки. По мнению Троцкого, если это удастся провести, то это будет первым этапом перехода власти в руки Советов. Очередной задачей большевиков является, по мнению Троцкого, давление на Демократическое Совещание с той целью, чтобы оно окончательно разорвало с политикой Керенского. После своего доклада т. Троцкий прочел декларацию, которая будет оглашена на Демократическом Совещании от имени партии.

«Новая Жизнь» № 122,
16 сентября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(18 сентября) [232])

Товарищи и граждане! Нас, противников коалиции, обвиняют в утопизме, но вместе с тем мы наблюдаем здесь поистине странное явление: выступали экономисты, практики и теоретики, как Череванин [233]), Громан [234]), выступали представители земельных комитетов и рассказывали историю экономической практики коалиционного правительства. С другой стороны, выступали министры-социалисты коалиционного правительства. И что же? Казалось бы, от них мы должны были, прежде всего, ждать отчета о тех преимуществах коалиционной правительственной практики, которая заставляет их отстаивать перед нами повторение уже сделанного опыта. Но вместо отчета мы слышали советы. Мы слышали совет от министра Скобелева, но он ни слова не рассказал о том, как осуществлял он свою программу с Коноваловым и Пальчинским. А ведь он обещал 100% обложения прибыли капиталистов. Мы хотели бы знать, на каком проценте

остановился Скобелев в работе с Пальчинским и Коноваловым. Министр Авксентьев также вместо отчета давал нам советы. Слушая его советы, я вспомнил о совете ЦИК в ту самую ночь, когда ликвидировалась, но еще не была ликвидирована авантюра Корнилова, когда создавалась «пятерка» из Керенского, Савинкова, Маклакова [235]), Кишкина [236]) и Терещенко. Савинков полукорниловец, Маклаков—полусавинковец, Керенский, которого вы знаете, Кишкин, которого вы знаете, и Терещенко, которого вы тоже знаете—эта пятерка слагалась тогда, и вот Авксентьев явился в Центральный Исполнительный Комитет и сказал: поддержите их; я ручаюсь за них; верьте им. Это был тоже совет,—а не отчет о том, как Савинков, входивший в состав того же правительства, в которое входил и Авксентьев, вызывал третий корпус, чтобы утопить в крови Петроград.

Даже Пешехонов, вместо отчета, прочел нечто вроде стихотворения в прозе о преимуществах коалиции. Он нам рассказал о том, что министры-кадеты в составе коалиционного правительства не занимались саботажем,—упаси боже,—а сидели, выжидали и говорили: а вот посмотрим, как вы, социалисты, провалитесь. А когда я сказал: да ведь это—саботаж, если политическая партия, буржуазная партия, самая влиятельная в самую критическую эпоху истории входит в министерство для того, чтобы извнутри наблюдать, как проваливаются представители демократии, в то время, как извне она держится рукой за Корнилова,—он обещал разъяснить мне, в чем разница между политикой и саботажем, но за краткостью времени забыл исполнить свое обещание.

Самой интересной была пожалуй речь министра Зарудного, который, помимо нескольких советов, рассказал нам, что̀ делалось в правительстве. Но самое поучительное он резюмировал словами: я тогда не понимал и сейчас не понимаю, что̀ там происходит. Я аплодировал его добросовестности и политической честности, с которой он подвел итог своему краткому министерскому опыту. Он не понимал также, почему он должен выйти в отставку, когда началась корниловщина, и министры сложили свои портфели у ног Керенского.

Другой министр из другой партии, кадетский министр, подвел также итог своему министерскому опыту, но в более решительных политических терминах. Я говорю о Кокошкине. Он мотивировал свой уход тем, что̀ чрезвычайные полномочия, предо-

ставленные Керенскому, делают остальных министров простыми исполнителями предуказаний министра-председателя, а быть в роли простого исполнителя он счел для себя невозможным.

Скажу откровенно; когда я прочитал эти строки, я внутренне аплодировал нашему врагу Кокошкину—он говорит здесь языком политического и человеческого достоинства.

Товарищи, если у нас много разногласий,—а у нас их много,—относительно прошлого министерства коалиционного и относительно будущего, то я спрашиваю вас: есть ли у нас разногласия относительно того правительства, которое сейчас правит и говорит именем России? Я здесь не слышал ни одного оратора, который взял бы на себя малозавидную честь защищать пятерку, директорию или ее председателя Керенского... (Шум. Аплодисменты, крики: «Браво!» «Да здравствует Керенский!»—раздается несколько возгласов. И шумные аплодисменты покрывают эти возгласы.)

Та речь, которую произнес...

(Протестующий шум и крики: «вон!» «довольно!»—прерывают оратора. Приходится сделать большую паузу, пока шум смолкнет.)

Вы помните, быть может, все, как тоже бывший министр Церетели, который, в качестве очень осторожного человека и дипломата на трибуне, говорил о личных моментах, сказал, что демократия сама виновата, если она подняла отдельное лицо на такую высоту, что у него закружилась голова. Он не называл это лицо, но это не был Терещенко, вы все мне поверите.

В той своей речи, которую Керенский произнес здесь перед вами, он в ответ на наше упоминание о смертной казни сказал: «Вы меня проклянпритe, если я подпишу хоть один смертный приговор!».

Я спрашиваю: если смертная казнь была необходима, та самая смертная казнь, которую Керенский отменил, то как он решается перед лицом Демократического Совещания сказать, что он из смертной казни не сделает ни при каких условиях употребления. А если он нам говорит, что он считает возможным обязаться перед демократией не делать употребления из смертной казни, то я говорю, что он превращает введение смертной казни в акт легкомыслия, лежащий за пределами преступности... (Аплодисменты.)

В этом примере, где вводится смертная казнь в революционной стране после отмены смертной казни и где безответственное

лицо превращает смертную казнь в политическое орудие в своих руках, в этом примере сказывается, я скажу, вся униженность, в которой находится сейчас российская республика, ибо недостойно великого народа, который переживает великую революцию, иметь власть, которая концентрируется в одном лице, безответственном перед собственным революционным народом... (Аплодисменты.)

И если мы все, расходящиеся по многим остальным вопросам, в чем сходимся, так это в том, что недостойно ни великому народу вообще, ни тем более народу, который переживает великую революцию, иметь власть, которая концентрируется в одном лице, безответственном перед собственным революционным народом...

Если, товарищи, многие ораторы говорили нам здесь о том, как трудно, как тяжко бремя власти в настоящую эпоху, и предупреждали молодую неопытную русскую демократию, что она не должна взваливать это бремя на свои коллективные многомиллионные плечи, то я спрашиваю вас: что же сказать об одном лице, которое, во всяком случае, ни в чем не выявило ни гениальных талантов полководца, ни гениальных талантов законодателя, каким образом одно лицо...

(Протестующий шум и голоса: «довольно!» «просим!»—заставляют оратора сделать довольно продолжительную паузу.)

Я нисколько не жалуюсь на крики этого негодования, в политической борьбе страсть есть законная вещь, но я очень жалею о том, что та точка зрения, которая находит сейчас такое бурное выражение в зале, в этих криках и протестах,—что она не нашла своего политического и членораздельного выражения на этой трибуне...

Ни один оратор не вышел сюда и не сказал нам: зачем вы спорите о прошлой коалиции и зачем вы задумываетесь о будущем, у вас есть А. Ф. Керенский—и этого с вас за глаза довольно. Ни один этого не сказал...

(Новый бурный взрыв протеста, шум и крики: «Довольно!».)

Я буду молчать, пока в зале не восстановится тишина!

(С большим трудом председателю удается восстановить тишину.)

Именно наша партия никогда не была склонна возлагать ответственность за настоящий режим на злую волю того или другого лица. Еще в мае месяце мне в частности приходилось выступать перед Петроградским Советом, где я говорил: «Вы, борю-

щиеся партии, создаете искусственно тот режим, в котором наиболее ответственное лицо, независимо от собственной воли, становится механической точкой будущего русского бонапартизма». (Шум, голоса: «ложь!» «демагогия!».)

Товарищи! здесь не может быть никакой демагогии, ибо здесь все сказано в терминах совершенно объективных, что из определенных политических комбинаций неизбежно вытекает тенденция к единоличному режиму.

Каковы эти комбинации? Мы их формулируем так: в современном обществе идет глубокая напряженная борьба. У нас, в России, в эпоху революции, когда массы, впервые поднятые с низов, впервые почувствовали себя субъективно, как классы, у которых есть глубочайшие социальные язвы, накопленные в течение столетий, когда они впервые ощутили себя, как класс политический, как юридическое лицо, и стали стучаться во все твердыни собственности,—в такую эпоху классовая борьба должна получить самое страстное и напряженное выражение.

Демократия, то, что мы называем демократией, является политическим выражением этих народных трудящихся масс: рабочих, крестьян, солдат. Буржуазия и дворянство отстаивают твердыни собственности. Борьба между демократией и имущими классами неизбежна и сейчас, после того, как революция, по выражению имущих классов, разнуздала низы. Борьба эта, в тех или иных формах, все обостряясь, проделает весь закономерный цикл развития, и никакое красноречие, никакие программы не смогут приостановить это развитие.

Когда в таком великом историческом напряжении борются классы собственности и угнетенные, когда происходит историческая схватка, то объектом ее является сознательно и бессознательно государственная власть, как тот аппарат, при помощи которого можно либо оставить собственность неприкосновенной, либо произвести в ней глубокие социальные изменения.

И вот в эту эпоху, товарищи, когда движущие силы, силы революции вырвались на волю, коалиционная власть есть величайшая историческая бессмыслица, которая не может удержаться, или величайшее лукавство имущих классов, направленное к тому, чтобы обезглавить народные массы, чтобы лучших, наиболее авторитетных людей взять в политический капкан и потом предоставить массы,—эту, как они говорят, разнузданную стихию,—самим себе, утопить в собственной крови.

Товарищи! Сторонники коалиции говорили: чисто буржуазная власть невозможна. Почему, однако, невозможна чисто буржуазная власть? Здесь Минор [237]) объяснил, что социалистическое министерство будет так же недолговечно и мало плодотворно, как коалиционное, но это одинаково плохой комплимент как для коалиционного министерства, так и для социалистического. В таком случае я вас спрашиваю: почему не передать власть буржуазии? Нам говорят: это невозможно.

Товарищ Церетели несколько раз—и правильно—говорил: это вызовет гражданскую войну. Стало быть, обострение отношений масс и имущих классов таково, что переход власти к имущим классам неизбежно означает гражданскую войну. Такова сила, острота и напряженность антагонизма, независимо от злой воли большевиков.

В такую историческую эпоху, когда буржуазия сама не может удержать власть, а народные массы еще не умеют или не сумели взять власть, в такую эпоху исторического междуцарствия, когда буржуазия тянет власть к себе, но с опаской, а демократия тянется к власти, но не смеет взять ее в свои руки, возникает потребность искать третейского судью, диктатора, Бонапарта, Наполеона. Вот почему, прежде чем Керенский занял то место, которое он занял теперь, вакансия на Керенского была открыта слабостью и нерешительностью революционной демократии. (Аплодисменты, голос: «слабо!».)

Если вы повторите опыт коалиции теперь, после того, как он завершил свой естественный цикл, после того, как кадеты дважды приходили и уходили,—при чем, товарищи, кадеты приходят и уходят для одних и тех же целей, для того, чтобы саботировать работу революционной власти,—после того, как вы пережили опыт корниловщины,—новое обращение к кадетам, я думаю, не будет только повторением старого опыта.

Здесь, правда, говорят, что нельзя обвинять кадетскую партию в том, что она была соучастницей корниловского мятежа. Здесь, если я не ошибаюсь, товарищ Знаменский не в первый уже раз говорил нам, большевикам: вы протестовали, когда мы делали ответственной всю вашу партию, обвиняя ее за движение 3—5 июля, как партию; не повторяйте же ошибок некоторых из нас, не делайте ответственными всех кадетов за мятеж Корнилова. Но в этом сравнении, по-моему, есть маленький недочет: когда обвиняли большевиков—правильно

или неправильно, это другой вопрос,—в том, что они вызвали движение 3—5 июля, провоцировали его,—речь шла не о том, чтобы приглашать их в министерства, а о том, чтобы приглашать их в «Кресты»... (Смех.)

Вот тут, товарищи, есть некоторая разница, которую, я надеюсь, не будет отрицать и А. С. Зарудный. Мы говорим: если вы желаете тащить кадетов в тюрьму за корниловское движение, то не делайте этого оптом, а каждого отдельного кадета расследуйте со всех сторон. (Смех; голоса: «браво!».)

Но вот, товарищи, когда вы будете приглашать в министерство ту или другую партию,—возьмем для парадокса, только для парадокса,—партию большевиков... (Шум, смех...—«Вам хочется в министерство!»—кричат с мест.) Я уже успокоил всех, сказав, что это только парадокс. Если бы вам понадобилось министерство, которое имело бы своей задачей разоружение пролетариата и вывод революционного гарнизона, или приглашение 3 конного корпуса, то я скажу, что большевики, запутанные в движении 3—5 июля—все или частью,—для этого дела разоружения Петрограда, гарнизона и рабочих, как партия, как целое, абсолютно не годятся (аплодисменты), ибо, товарищи, хотя 3—5 июля мы не вызывали рабочих на улицу, но все наши симпатии были на стороне тех солдат и рабочих, которых потом разоружали, расформировывали; мы были с их лозунгами—мы ненавидели то, что они ненавидели, и любили то, что они любили... —(«Они арестовали Чернова!» — раздается возглас.) Если я не ошибаюсь, Чернов здесь, он подтвердит вам это. (Чернов одобрительно кивает головой.) В насилии над Черновым принимали участие не демонстрирующие массы, а небольшая кучка явно уголовных субъектов, одного из вождей которых я узнал в «Крестах» в качестве уголовного громилы.

Но вопрос, товарищи, не в этом. Если бы речь шла о кадетской партии, о введении ее в министерство, то решающим для нас являлось бы не то обстоятельство, что тот или иной кадет находился в закулисном соглашении с Корниловым, не то, что Маклаков стоял у телефона, когда Савинков вел переговоры с Корниловым, не то, что Родичев [238]) ездил на Дон и вел политические разговоры с Калединым [239]), не в этом суть, а вся суть в том, что вся буржуазная печать либо приветствовала Корнилова, либо отмалчивалась, выжидая победы Корнилова. Эта буржуазная печать отражала на всех языках лжи мысли, чувства и желания бур-

жуазных классов. Вот почему я говорю, что у нас нет контрагентов для коалиции.

Правда, В. М. Чернов очень оптимистичен, он говорит: подождем. Но, во-первых, вопрос о власти стоит сегодня, а, во-вторых, на основании марксизма, который теперь, по иронии судьбы, стал достоянием с.-р., который уравнивает их с Церетели и Даном,—на основании этого марксизма, он говорит: подождите, может быть, разовьется в революции новая демократическая партия. Я лично в марксизме учился тому, что демократия жизненна и дееспособна на заре развития буржуазного общества; но там, где выступает пролетариат, как самостоятельная сила, там каждый его новый шаг не усиливает, а убивает буржуазную демократию. (Аплодисменты.) Вся историческая задача социалистической партии пролетариата в том и состоит, что она вырывает из-под ног мелкобуржуазной демократии и ее идеологии все более и более широкие массы и тем самым отбрасывает ее в лагерь буржуазного общества. И поэтому надежда на то, что в русской революции, которая развивается в эпоху высоко-развитого мирового капитализма, где не осталось от буржуазной демократии и следа, где слова команды принадлежат империализму, в эпоху, когда русский пролетариат, несмотря на свою молодость, является классом высшей формы концентрации революционной энергии,—в эту эпоху нам говорят, чтобы мы дожидались возрождения буржуазной демократии, ее усиления—с тем, чтобы заключать с ней блок. Это самая великая утопия, это самая великая фантасмагория, которая когда-либо могла быть создана.

Не будем же, товарищи, надеяться на то, что буржуазная демократия, в том виде, в каком ее знает старый капиталистический строй, воскреснет у нас.

Социалистические партии заняли ведь то самое место, которое во французскую революцию во всех буржуазных обществах на заре их юности занимало то, что вы называете честной буржуазной демократией. Они заняли это самое место, вытеснили буржуазию, и теперь вы пугаетесь этого, или вас пугают тем, что раз вы называетесь социалистами, то вы не имеете права выполнять ту работу, которую выполняла буржуазная демократия—честная, смелая, не носившая высокого имени социалистов и, поэтому, не боявшаяся самой себя. (Аплодисменты.)

Затем тов. Троцкий оглашает декларацию фракции большевиков. (См. ниже.)

Во время оглашения декларации, той ее части, где говорится о необходимости немедленного вооружения рабочих, со скамей правой раздается возглас: «Зачем нужно вооружение рабочих?».

Оратор дает на это достойный ответ:

«Во-первых, для того, чтобы создать действительный оплот против контр-революции, против новой, более могущественной корниловщины. А во-вторых: если будет установлена подлинная диктатура революционной демократии, если эта новая власть предложит честный мир, и он будет отвергнут, то говорю вам от имени нашей партии и идущих за ней пролетарских масс, что вооруженные рабочие Петрограда и всей России будут защищать страну Революции от войск империализма с таким героизмом, какого не знала еще русская история!..» (Бурные аплодисменты. Все встают. Голос: «Да здравствует революционер Троцкий!»)

«Рабочий Путь» № 15,
3 октября (20 сентября) 1917 г.
«Известия» № 176,
20 сентября 1917 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

(18 сентября) [240]

Революция подошла к самому критическому пункту. Дальше следует либо новый подъем, либо гибельное падение. Народ истощен войной, но едва ли не более еще он измучен нерешительностью, истерзан колебаниями политики руководящих политических партий. Через 6 с лишним месяцев после низвержения царизма, после ряда попыток построить революционную власть на основе коалиции представителей демократии с представителями цензовой буржуазии, после жалких деяний личного режима, приведшего непосредственно к корниловщине,—перед движущими силами революции снова поставлен ребром вопрос о власти.

Каждая новая правительственная комбинация начиналась с провозглашения программы государственных мероприятий и через несколько недель обнаруживала свою полную неспособность сделать хотя бы один серьезный шаг вперед. Всё новые и новые сделки с цензовиками, после того, как с очевидностью обнаружилась гибельность коалиции, поселяют величайшие не-

доумения, тревогу и смуту в сознании всех трудящихся и угнетенных классов страны. Не только городской рабочий, не только томящийся три года в окопах солдат, но и крестьянин самой глухой и отсталой деревни не могут не понимать, что нельзя разрешать земельный вопрос путем соглашательства с Львовыми и Родзянками. Нельзя поручать демократизацию армии генералам-крепостникам старого режима—Корниловым и Алексеевым, осуществлять контроль над промышленностью через посредство министров-промышленников, финансовые реформы—через посредство банкиров и военных мародеров или их прямых ставленников—Коноваловых, Пальчинских, Третьяковых или Бурышкиных. Наконец, нельзя провести в жизнь ни одной серьезной меры по урегулированию продовольствия и транспорта, ни одной реформы в области судебной, школьной и пр., сохраняя в эпоху величайших потрясений на местах и в центре старый чиновничий аппарат и состав власти с его противонародным духом и тупым бюрократизмом.

Несмотря на все усилия власти оттеснить и обессилить Советы, несмотря на самоубийственную политику официальных советских вождей-оборонцев, Советы обнаружили всю несокрушимость выражающейся через них революционной мощи и инициативы народных масс в период подавления корниловского мятежа, когда Временное Правительство навсегда опорочило себя перед судом народа и истории, в одной своей части—прямым пособничеством корниловщине, в другой—готовностью передать в руки Корнилова завоевания революции. После этого нового испытания, которого ничто более не вытравит из сознания рабочих, солдат и крестьян, клич, поднятый в самом начале революции нашей партией—«вся власть Советам,—в центре и на местах!»—стал голосом всей революционной страны.

Только такая власть, опирающаяся непосредственно на пролетариат и на крестьянскую бедноту, власть, держащая на учете все материальные богатства страны и ее хозяйственные возможности, не останавливающаяся в своих мероприятиях у порога своекорыстных интересов собственнических групп, мобилизующая все научно-подготовленные технически-ценные силы в общественно-хозяйственных целях,—способна внести максимум достижимой сейчас планомерности в распадающееся хозяйство, помочь крестьянству и сельским рабочим с наибольшей плодотворностью использовать наличные средства сельско-хозяйственного произ-

водства, ограничить прибыль, установить заработную плату и, в соответствии с регламентированным производством, обеспечить подлинную дисциплину труда, основанную на самоуправлении трудящихся и на их централизованном контроле над промышленностью, и обеспечить с наименьшими потрясениями демобилизацию всего хозяйства.

Ввиду того, что контр-революционная партия кадетов, больше всего боящаяся перехода власти к Советам, постоянно запугивает менее сознательные элементы демократии призраком вооруженного восстания большевиков,—мы считаем необходимым снова заявить здесь во всеуслышание всей страны, что, борясь за власть во имя осуществления своей программы, наша партия никогда не стремилась и не стремится овладеть властью против организованной воли большинства трудящихся масс страны. Передача всей власти Советам не упразднила бы ни борьбы классов, ни борьбы партий в лагере демократии. Но при условии полной и неограниченной свободы агитации и при постоянном обновлении Советов снизу, борьба за влияние и власть развертывалась бы в рамках советских организаций. Наоборот, продолжение нынешней политики насилия и репрессий по отношению к рабочему классу, революционным элементам армии и крестьянства с целью задержать дальнейшее развитие революции, неизбежно должно, совершенно независимо от воли революционных организаций, привести к грандиозному столкновению, каких не много было в истории.

В данных условиях коалиционная власть есть неизбежно власть насилий и репрессий верхов над низами. Только тот, кто хочет вызвать гражданскую войну во что бы то ни стало, чтобы затем обрушить ответственность за нее на рабочие массы и на нашу партию, может после всего проделанного опыта предлагать демократии заключение нового союза с контр-революционной буржуазией.

Народ жаждет мира. Коалиционная власть означает продолжение империалистической войны. Состав Временного Правительства приспособлялся до сих пор к требованиям союзных империалистов, смертельно враждебных русской революционной демократии. Гибельное наступление 18 июня, против которого наша партия так настойчиво предупреждала; корниловские приемы обуздания армии, проводившиеся при прямом участии министров-соглашателей,—все это было прямо или косвенно внушено союз-

пыми империалистами. На этом пути русская революция уже успела расточить огромную долю своего нравственного авторитета, нимало не укрепив своей физической мощи. Все яснее становится, что, подорвав внутреннюю силу русской революции, союзные империалисты не остановятся перед заключением мира за счет русского народа. В то же время дальнейшее безвольное затягивание войны, без доверия народа к целям войны и к ведущему ее Временному Правительству, дает огромный козырь в руки контр-революции, которая может попытаться сыграть свою игру на сепаратном мире с хищным германским империализмом. Создание Советской власти означает прежде всего прямое, открытое, решительное предложение всем народам немедленного честного, справедливого демократического мира. Революционная армия могла бы сознать неизбежность войны только в том случае, если бы такой мир был отвергнут. Но все говорит за то, что предложение революционной власти встретило бы такое могучее эхо со стороны исстрадавшихся рабочих масс всех воюющих стран, что дальнейшее продолжение войны стало бы невозможным. Советская власть означает мир.

Довольно колебаний! Довольно политики безволия и малодушия! Нельзя безнаказанно полгода томить и терзать крестьянство, обещая ему землю и волю и отказывая на деле в немедленной отмене частной собственности на помещичьи земли без выкупа и в немедленной передаче их в заведывание местных крестьянских комитетов до Учредительного Собрания.

Довольно шатаний! Довольно той политики двусмысленности, которую проводили до сих пор вожди с.-р. и меньшевиков. Довольно оттяжек! Довольно слов! Настал последний час решения.

В основу деятельности революционной власти должны быть положены следующие меры, выдвинутые многочисленными влиятельными революционными организациями, во главе с Петроградским и Московским Советами Рабочих и Солдатских Депутатов:

1) Отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов впредь до решения Учредительного Собрания, с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

2) Введение рабочего контроля в обще-государственном масштабе над производством и распределением, централизацией

банковского дела, контроль над банками и национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной и металлургической; всеобщая трудовая повинность; немедленные меры по демобилизации промышленности и по организации снабжения деревни продуктами промышленности по твердым ценам. Беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи.

3) Объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира.

4) Обеспечение прав наций, населяющих Россию, на самоопределение; немедленная отмена всех репрессивных мер против Финляндии и Украины.

В качестве немедленных мер должно быть декретировано:

1. Прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций; отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации и всех демократических организаций в армии. Очищение армии от контр-революционного состава.

2. Выборность комиссаров и других должностных лиц местными организациями.

3. Всеобщее вооружение рабочих и организация красной гвардии.

4. Роспуск Государственного Совета и Государственной Думы [241]). Немедленный созыв Учредительного Собрания.

5. Уничтожение всех сословных (дворянских и пр.) преимуществ, полное равноправие граждан.

6. Установление 8-часового рабочего дня и введение всестороннего социального страхования.

* * *

В виде экстренной меры, необходимой для оздоровления политической атмосферы и раскрытия язв судебного ведомства, мы требуем немедленного назначения авторитетной для демократии следственной комиссии для всестороннего расследования событий 3—5 июля и для проверки действия всех судебных властей—агентов старого режима, в руках которых сейчас сосредоточено следствие против пролетариата.

Немедленное освобождение всех арестованных революционеров и назначение скорейшего гласного суда по всем начатым делам.

* * *

Мы считаем нужным сказать, что в основу созыва настоящего совещания положены совершенно произвольные критерии представительства, которые, в своей совокупности, отводят наименее революционным, соглашательским элементам демократии такое место, на которое они совершенно не вправе претендовать по своей действительной политической роли. Армейские организации представлены совершенно недостаточно и при том лишь в лице своих далеко стоящих от солдатской массы и полгода не переизбиравшихся верхушек. Думы и земства, лишь наполовину реформированные, уже в силу своего специального назначения, в крайне несовершенной степени отражают революционно-политический опыт демократии и ее взгляды, и еще в большей степени это относится к кооперативам, где подбор руководящих лиц стоит лишь в крайне отдаленной связи с политическими возрениями демократических масс и с эволюцией их настроений. По сравнению с думами, земствами и кооперативами, крайне урезано представительство Советов. Между тем именно эти организации вернее всего отражают политическую волю рабочих, солдат и крестьян. Именно Советы овладели всем положением, а во многих местах и всей властью в критические дни корниловского восстания. Вот почему мы считаем, что только те решения и предложения настоящего совещания, направленные на полное упразднение личного режима Керенского, могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны Всероссийского Съезда Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Безотлагательный созыв такого Съезда есть сейчас важнейшая задача.

«Рабочий Путь» № 15,
3 октября (20 сентября) 1917 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПО МОТИВАМ ГОЛОСОВАНИЯ ПОПРАВОК КОАЛИЦИИ

(19 сентября)

Здесь никто не решается предложить нам голосовать за коалицию с цензовыми элементами без всякого ограничения. Нам

предлагают, с одной стороны, заранее исключить коалицию кадет, замешанных в корниловщине, а с другой—кадетскую партию в целом. Будучи сторонниками передачи всей власти Советам и непримиримыми противниками коалиции с цензовыми элементами, мы поддерживаем своим голосованием и первую и вторую формулу. Для всех ясно, что означает наше голосование. Оно не содержит ни прямого, ни косвенного признания принципа коалиции, а означает лишь отлучение от власти корниловцев и кадетской партии вообще. Мы призываем наших единомышленников голосовать...

(«Это не по мотивам!»—протестуют на местах, поднимая шум.)

Мы призываем...

(Новый шум в зале заставляет оратора смолкнуть и выждать, пока председатель успокаивает собрание.)

Мы голосуем и призываем всех наших единомышленников голосовать за формулу, означающую, что корниловцам, уличенным и не уличенным, и кадетской партии в целом не может быть места в правительстве революции. При голосовании формулы коалиции в целом со всеми поправками, мы, разумеется, будем единодушно голосовать против нее.

«Известия» № 176,
20 сентября 1917 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ПОВОДУ ГОЛОСОВАНИЯ РЕЗОЛЮЦИИ ЦЕРЕТЕЛИ (242)

(20 сентября)

По поводу этого сложного предложения у нас и у нашей группы возникает необходимость голосования его по частям, и это голосование по частям не может быть однородным.

Наша фракция будет голосовать за ту часть предложения, которая требует устранения безответственной власти. Что касается способа ее устранения путем создания представительного органа, то в принципе мы будем голосовать также и за эту часть предложения. Далее следует пункт о способе создания такого представительного органа и о его арифметическом выделении из состава данного Совещания. Ввиду нашего весьма критического отношения к способу, по которому было составлено по-

следнее, мы не считаем возможным голосовать за такой орган, ибо не считаем такой орган отвечающим интересам развития революции и правильно отражающим соотношение революционных сил внутри демократии. Но так как вместе с тем этот орган сейчас должен явиться восприемником власти из рук ее нынешних носителей, то по этому пункту мы не можем голосовать и против, а поэтому мы по этому пункту воздерживаемся от голосования. Далее, этому органу поручается создание власти, причем допускается возможность создания власти с цензовыми элементами; если пройдет эта часть предложения, допускающая создание власти с цензовыми элементами, то мы будем голосовать против резолюции в целом.

«Известия» № 177,
21 сентября 1917 г.

ДОКЛАД В РАБОЧЕЙ СЕКЦИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

(20 сентября)

Тов. Троцкий говорит о ходе работ Демократического Совещания. Речь его вкратце сводится к критике состава Демократического Совещания и к выяснению отрицательной стороны принципа куриальности, положенного в основу Совещания, взамен единственно правильного, по мнению Троцкого, порядка обсуждения политических вопросов—по партийным группировкам.

В частности, останавливаясь на тактике большевиков на Совещании и на их отношении к конструкции власти, т. Троцкий высказывается за переход власти в руки Советов, причем указывает, что, по мнению партии большевиков, такое разрешение кризиса власти не ведет к необходимости образовать какое-либо новое министерство. Власть находится в руках Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, который должен быть созван немедленно, а исполнителем его воли на местах являются местные Советы.

Идеальным разрешением создавшегося положения, до созыва Всероссийского Съезда, т. Троцкий считает ликвидацию «Совета пяти» [243]) и выделение Демократическим Совещанием Временного Комитета.

Но т. Троцкий полагает, что уклончивая политика с.-р. и меньшевиков-оборонцев все-таки приведет к созданию коали-

ции, существование которой заранее обречено на гибель. Так как при этом будет отсрочен созыв Всероссийского Съезда Советов, то возможно и даже неизбежно обострение междуклассовых отношений, а за ним гражданская война.

Тов. Троцкий призывает на предстоящем сегодня Соединенном Заседании рабочей и солдатской секций Петроградского Совета высказаться за принцип однородной власти, целиком сосредоточенной в руках Советов.

«Известия» № 177,
21 сентября 1917 г.

ЗАСЕДАНИЕ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(21 сентября)

Вчера днем в Смольном институте состоялось фракционное совещание большевиков. На обсуждении было поставлено два вопроса: 1) инцидент, происшедший в конце заседания Демократического Совещания 20 сентября [244]), и 2) отношение фракции большевиков к тому Предпарламенту, который будет выделен из состава Демократического Совещания.

Большинство ораторов, выступавших по первому вопросу, высказывалось за то, что выпад Церетели против партии большевиков ни в коем случае нельзя считать личным,—по их глубокому убеждению, это есть политический ход, направленный против партии.

Центральным местом заседания явилась речь Троцкого, который совместил оба вопроса в одно. Троцкий рассматривал слова, сказанные Церетели по адресу большевиков, как политический ход, который заключается в следующем: желание во что бы то ни стало провести коалицию с цензовыми элементами, чему усиленно препятствовала партия большевиков и заставила И. Г. Церетели войти в блок с кооперативной группой [245]), и этот блок повел к существенному изменению той резолюции, которая обсуждалась на совещании президиума. Поступая таким образом, И. Г. Церетели заранее учитывал, по мнению Троцкого, протесты большевиков. В этом собственно и была сущность политического выпада—стремление выкинуть партию большевиков за борт Демократического Совещания.

Что касается вопроса о том, должны ли участвовать большевики в организующемся Предпарламенте, Троцкий заявил, что, по его мнению, партия большевиков не должна в настоящий момент принимать участия в данном парламенте, формально, однако, не отказываясь и оставляя за собой право окончательного решения данного вопроса на Всероссийском Съезде Советов [246]), который надлежит созвать в кратчайший срок.

«Новая Жизнь» № 134,
22 сентября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДУ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

(21 сентября) [247])

Товарищи! Я, признаюсь, с некоторым удивлением выслушивал доводы меньшевиков и с.-р. против лозунга: «Вся власть Советам!». (Раздается голос: «Этот лозунг привезен из Германии!».) Нет, товарищи,—отвечает т. Троцкий,—лозунг не из Германии, а вот возглас из контр-разведки! (Смех, бурные аплодисменты.)

Вдумайтесь, товарищи, в их доводы! Не напоминают ли они вам доводов заядлых реакционеров дореволюционного времени против всеобщего избирательного права? «Как можно,—спрашивали они,—дать такое избирательное право темной, неграмотной массе?» «Как можно,—говорит т. Каплан [248]),—при темноте наших крестьян и многих солдат требовать передачи всей власти Советам?»

То же самое возражение приводится теперь против нашего лозунга. Правда, в наших руках еще никогда не было власти, у нас, говорят, нет «опыта», быть может, мы вначале делали бы ошибки... Но постепенно мы научимся управлять. Если же мы и теперь тоже не возьмем власть в свои руки, то так и останемся неопытными. Дайте народу власть, а он уж научится ею владеть!

Почему, когда у нас проводилось всеобщее избирательное право, из с.-р. и меньшевиков никто не выдвигал этого возражения?

Товарищи, на выборах в городские думы и Советы все голоса были отданы за нас, большевиков, и с.-р., с левой частью которых нам все легче и легче становится столковаться. То же самое происходит на всех других выборах. Итак, народ вручает

социалистическим партиям власть. Станем ли мы ее передавать буржуазии, как предлагают на Демократическом Совещании? Это было бы преступным неверием в свои силы.

У всех социалистов разных толков программы не так уж отличаются одна от другой, все дело в том, как программы осуществляются. Но программы ведь существуют только для того, чтобы их проводить в жизнь, и возможно полнее. Это и есть наша задача. Если же мы передадим власть буржуазии, то к чему все программы?

Когда же мы стараемся выполнять программу возможно полнее, то нам говорят, что мы себя изолируем. Да, мы изолируем себя от всех тех, кто ищет соглашательства с буржуазией. Но от народных масс мы себя нисколько не изолируем. Мы в большинстве во всех революционных организациях, между тем как меньшевики все более и более отрываются от масс.

Церетели, например, вышел из нашего Совета, и потом уже ему пришлось опираться на ЦИК, который, будучи избран на Съезде отсталыми еще тогда провинциалами, менее активен, чем Совет.

Но и в ЦИК уже торжественно провалилось его предложение коалиции с кадетами, и теперь он начинает опираться больше на кооператоров, думцев и земцев. Он движется все правее и правее и все более отрывается от масс.

Говорят, что на Демократическом Совещании есть только 4 кадета [249])... Да, товарищи, четыре откровенных кадета, и десятки кадетов, скрывающих свой образ мыслей.

Кооператоры говорят, что они выбраны миллионами. Это правда, но именно для кооперации, а не для политики. Потому они и не олицетворяют политической физиономии своих избирателей. Для политики же избраны Советы, а какое в них большинство — всем известно.

Нам бросили обвинение в том, что мы злорадствуем по поводу раскола на Совещании. Это неверно. Мы только протестуем против его состава. Не мы созывали это Совещание. Оно не справилось с созданием революционной власти, не справился с этим и представительный орган.

Товарищи, мы свергли самодержавие, потому что не хотели единоличной власти, а тут ее за нашей спиной создают вновь. Демократическое Совещание должно только, как говорится в резолюции Церетели, «содействовать» Керенскому в создании

власти. Говорится там также, что Правительство должно признавать Предпарламент, но Совещание ведь созывалось не для того, чтобы власть признала революционный народ, а для того, чтобы революционный народ признал власть.

За такими словцами нужно зорко присматривать, а то можно проморгать всю русскую революцию.

Мы запротестовали, так как мы хотим власти, ответственной перед нами, а потому мы же должны ее и создавать. Тут же получилось странное положение. Церетели сознался, что он сам составил резолюцию и предложил нам его резолюцию проголосовать.

Мы ушли из Демократического Совещания не потому, что обиделись на Церетели, а вследствие его заявления, что мы будто голосовали за его резолюцию. Если бы мы это сделали, то нас следовало бы метлой вымести из всех углов. Мы сочли необходимым резко заявить, что мы за ту власть, которую нам предлагают, голосовать не можем. Ведь дело шло о революционной власти, решалась судьба всей революции. Мы решили строго блюсти интересы революционного народа, ибо это для нас—высший закон!

Говорят, что мы, большевики, хотим захватить всю власть в свои руки... Что же тут странного? Нет партии, которая бы не стремилась к власти. Что такое партия? Это группа людей, которая добивается власти, чтобы иметь возможность выполнять свою программу. Партия, которая не хочет власти,—недостойна называться партией. Если правда, что большинство Советов не хочет власти, то они, повидимому, произвели еще недостаточную чистку в своих рядах. (Аплодисменты.) Эту чистку нужно немедленно произвести.

Т. Бройдо [250]) упрекал нас в том, что мы стремимся к власти, полагаясь на «авось», на случайную удачу. Советской власти у нас еще не было,—говорит он.—Справимся ли мы с ней?

Действительно,—отвечу я,—у нас не было еще Советской власти, но у нас ведь до 28 февраля и республики не было. Значит, мы сделали ошибку?!

Мы испробовали коалиционную власть, и ясно, что если относительно однородной власти могут быть сомнения, то во всяком случае мы убедились, что коалиционная власть никуда не годится.

Затем т. Бройдо сказал, что в Москве объединилась вся демократия... Вся ли действительно? Ведь большевиков на

Московском Совещании не было. Зато 600.000 московских рабочих бастовали, протестуя против Совещания, и господам делегатам пришлось пешечком прогуляться с вокзала в Большой театр... (Смех.) Кто же нам ближе и дороже: господа делегаты или московские рабочие?

Мы предпочитаем объединяться с рабочими.

Церетели, однако, предпочел объединиться с кооператорами, земцами и т. д. Выйдя из пролетарского Совета, он, через ЦИК, шагнул еще вправо и подает руку Бубликову [251]).

Эта линия Церетели — от пролетариата к либеральной буржуазии—изолировала его совершенно от той среды, из которой он вышел.

Только партия, которая ребром ставит все вопросы, только такая партия может содействовать сплочению всей революционной демократии. Изоляции от верхов мы не боимся, мы боимся изоляции от пролетариата.

Отбросим в сторону всякое соглашательство! Тогда только мы победим всех врагов и водрузим свободу и согласие своего народа! (Бурные, долго несмолкаемые аплодисменты.)

«Рабочий Путь» № 19,
7 октября (24 сентября) 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

(22 сентября)

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, обсудив в экстренном заседании создавшееся критическое положение вещей, считает:

1) Страна находится перед угрозой новой атаки со стороны контр-революции. Международный империализм, в тесном союзе с русской буржуазией, подготовляет совместные шаги для удушения революционных рабочих, солдат и крестьян. Контр-революционные организации капитала все еще существуют, и, даже, сейчас заседает в Москве так называемое Совещание общественных деятелей, которое являлось организующим центром Корниловского выступления. Искусственно сколоченное Демократическое Совещание, созванное в целях соглашения с цензовыми элементами, оказалось совершенно бессильным; а его правые

части ставят ультиматумы и идут на прямой разрыв с революционной демократией, на поддержку правительству в его контр-революционных шагах. Временное Правительство рядом своих распоряжений явно стремится к дезорганизации сил революции. Оно распускает демократические революционные организации флота, намеревается ввести в состав Правительства корниловско-кадетских заговорщиков, назначает изобличенного корниловца Клембовского в состав военного совета и т. д. Все это создает крайнюю напряженность положения и ставит перед пролетариатом, крестьянством и солдатами вопрос об отпоре могущим произойти в ближайшем будущем контр-революционным выступлениям.

2) Запутанного положения искусственно сколоченное Демократическое Совещание нисколько не улучшает. Наоборот, неспособное, именно благодаря этому искусственному подбору, разрешить вопрос о революционной власти, оно создает видимость бессилия революционной демократии. В то же время оно сплачивает внутри себя по существу анти-демократическое, правое крыло, ставящее ультиматумы революционной демократии и во всякий момент готовое перейти в лагерь явной контр-революции, закрепляя позиции цензовиков и открывая тем самым простор всяким контр-революционным авантюрам. Таким образом, политика соглашательства и нерешительности, вместо укрепления влияния демократии, дезорганизует ее силы и должна быть окончательно отброшена. Так называемый Предпарламент превращается на деле в организацию, где наиболее консервативным частям демократии отводится решающее место в ущерб революционным организациям рабочих, солдат и крестьян. Такой Предпарламент грозит превратиться в прикрытие для новых сделок с буржуазией, для новых оттяжек Учредительного Собрания, для дальнейшего затягивания империалистской политики, а стало быть, для дальнейшего углубления разрухи в стране.

3) Поэтому отпор контр-революции может быть дан лишь организованными центрами революционной демократии—Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и их подсобными органами, в корниловские дни уже доказавшими свою мощь в борьбе с натиском врагов революции—помещиков, капиталистов и генералов. Только Советы, представляющие силу готовых к действию революционных масс, оказались в состоянии раздавить вооруженный мятеж генерала Корнилова и кадетской буржуазии, и только они могут спасти революцию.

4) Советы должны сейчас мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контр-революции и не дать ей захватить себя врасплох. Везде, где в их руках находится полнота власти, они ни в коем случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные ими в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где Советы этой полнотой власти не обладают, они должны всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контр-революцией и зорко следить за организацией сил врага.

5) Для объединения и согласования действий всех Советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопроса об организации революционной власти необходим немедленный созыв Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

«Рабочий Путь» № 19,
7 октября (24 сентября) 1917 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ЗАСЕДАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(22 сентября)

Мы, фракция Р. С.-Д. Р. П. большевиков на Демократическом Совещании, в полном согласии с Центральным Комитетом нашей партии, заявляем:

Работы Президиума 21 сентября с участием представителей партий имели своей официально-заявленной целью: изъятие источника власти из рук безответственных лиц и передачу этого источника в руки организованной демократии. Ответственные руководители Совещания внесли, однако, на общее собрание резолюцию с дополнением, смысл которого состоит в том, что Демократическое Совещание ставит свои решения в зависимость от безответственных лиц и через них от буржуазии. Внесенные в резолюцию ее автором Церетели формулировка о «содействии в создании власти» и дополнение о «санкционировании» Предпарламента имели то крупнейшее значение, что обнаружили вполне смысл и содержание той закулисной соглашательской работы, отражением которой явились указанные части резолюции. После решительного протеста части Совещания поправки были взяты обратно. Но нашедшая свое выражение в этих поправках капиту-

ляция части Совещания на деле проводится его официальными вождями. Эти поправки, явившиеся плодом закулисной сделки и в корне противоречившие тем общим положениям, которые обсуждались и голосовались в Президиуме, были попыткой найти выход из положения, путем вынуждения у демократии окончательного отречения от права на власть.

На-ряду с этим, одним из ответственных организаторов Совещания, Церетели, было сделано заявление, представляющее дело так, будто наша партия принимала положительное участие в выработке того именно анти-демократического решения, которое внес Церетели. Когда же мы с негодованием отвергли такое утверждение, тот же Церетели сделал попытку прикрыть выяснившуюся неправильность его утверждения недопустимой выходкой против нашей партии, в лице ее представителей на совещании расширенного Президиума. Принимая во внимание, что председатель собрания немедленно же не пресек попытки Церетели, мы своим уходом показали массам, что в этой новой сделке за счет интересов народа мы никакого участия не принимали и всякие противоположные утверждения отметаем с негодованием. В виде протеста против поведения Президиума мы отозвали из состава Президиума наших представителей.

Что касается Предпарламента, или Демократического Совета, то мы констатируем: 1) что его состав подобран, как и состав Совещания, в ущерб интересам крестьян, солдат и рабочих; 2) что в связи с таким составом задачей организаторов и авторов Предпарламента является не создание демократической власти, а попрежнему поиски соглашения с буржуазией, руководимой контрреволюционной партией к.-д. Со всей силой отстаивая теперь, после опыта Демократического Совещания, необходимость передачи всей власти Советам в центре и на местах и призывая все Советы подготовить в кратчайший срок Всероссийский Съезд, мы посылаем своих представителей в Предпарламент для того[252], чтобы в этой новой крепости соглашательства развернуть знамя пролетариата, обличать всякие попытки коалиции с буржуазией и облегчить Советам создание истинно революционной власти, способной обеспечить действительный и без дальнейших оттяжек созыв не подтасованного Учредительного Собрания.

«Рабочий Путь» № 18,
6 октября (23 сентября) 1917 г.

5. ВОКРУГ ПРЕДПАРЛАМЕНТА

ЗАСЕДАНИЕ ЦИК С УЧАСТИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СОВЕТОВ (УЧАСТНИКОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ)

(*23 сентября*) [253]

По открытии заседания был намечен следующий порядок дня:

1) О созыве Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

2) О железнодорожной забастовке.

Троцкий от имени большевиков внес предложение о том, чтобы теперь же обсудить вопрос о тех взаимоотношениях, которые создадутся между ЦИК и организованным Демократическим Совещанием Предпарламентом. Троцкий предлагает принять резолюцию о том, чтобы до созыва Всероссийского Съезда Советов ЦИК не передавал ни своего имущества, ни своего политического влияния новому учреждению.

Исув категорически возражает против постановки этого вопроса.

Мартов предлагает снять этот вопрос с обсуждения, полагая, что только крайняя подозрительность, лишенная всякого основания, может дать повод думать, будто ЦИК может передать свои учреждения новому эфемерному органу. Но, конечно, свой политический престиж и свое политическое влияние руководители ЦИК могут туда перенести. С этим надо бороться, но нельзя по этому поводу выносить резолюцию, выражающую порицание ЦИК.

Троцкий, защищая резолюцию, заявляет, что ЦИК целиком находится в плену у либеральных иллюзий и все свои политические силы и влияния отдал новому органу.

Член ЦИК Абрамович заявляет, что если бы было что-либо похожее на то, о чем говорит Троцкий в своей резолюции, то мы, левые члены ЦИК, нашли бы достаточно силы и влияния для того, чтобы не допустить передачи отделов имущества Демократическому Совету.

В конце концов были внесены и проголосованы три следующие предложения: 1) Абрамовича: «Заслушав прения по вопросу, поднятому тов. Троцким, собрание переходит к очередным делам»; 2) Мартова и Дана: «Считая само собой разумеющимся, что распоряжение учреждениями ЦИК и определение его функций принадлежит Всероссийскому Съезду Советов, собрание переходит к очередным делам», и 3) — Троцкого: «Заслушав предложение о том, чтобы ЦИК сохранил до Всероссийского Съезда все свои функции и учреждения в полном объеме и считая такое положение непререкаемым, совещание переходит к обсуждению вопроса о Всероссийском Съезде Советов.

«Известия» № 180,
24 сентября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕТА [254]) ПО ДОКЛАДУ ЦЕРЕТЕЛИ О СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(23 сентября) [255])

Доклад тов. Церетели произвел на меня и, думаю, на многих других несколько странное впечатление. Можно было подумать, что докладчик старается больше убедить себя, чем других, или, может быть, считает, что если собрание сделает из его заявления вывод, противоположный задаче его доклада, то он сам с этим примирится, как с неизбежностью. Скажу точнее: убежденности и уверенности в тоне доклада и в аргументах не было. И было бы настоящим чудом, если бы Церетели мог сказать нам что-нибудь убедительное в пользу новых экспериментов на том же пути после всех проделанных опытов.

Прежде всего, я думаю, приходится констатировать, что комиссия, которой вы поручили известную работу, отступила от тех норм, которые вы ей предписали.

Демократическое Совещание отвергло коалицию с кадетами—это есть факт, которого не изменили никакие дальнейшие голосования.

Другой принцип, который был также установлен, это необходимость раз навсегда прекратить безответственную личную власть Керенского, как верховного супер-арбитра между разными партиями и классами.

Оба эти принципа, установленные на Демократическом Совещании, были демонстративно нарушены комиссией при выполнении ею той задачи, которую вы ей поручили. Произошло совещание, на котором в качестве контр-агентов выступали представители демократии, с одной стороны, промышленников и кадет—с другой, под верховным руководством привычного супер-арбитра Керенского.

Это показывает нам снова, что, когда демократия ставит себе абсолютно не подлежащую пересмотру и нарушению заповедь коалиции с кадетами, то на принципах демократии приходится поставить крест.

В. М. Чернов говорил о том, что теперь задача упрощается—у нас есть программа 14 августа, мы ее предъявляем общественному вниманию и говорим: жив человек, отзовись!

Что было на самом деле? Церетели рассказал нам об этом. Говорили об одном, говорили о другом пункте программы, говорили о контроле—между прочим, о контроле над производством. Коновалов (не знаю, впрочем, был ли это Коновалов или Третьяков, у них разные псевдонимы)—заявил, что это рабочий контроль. Церетели разъяснил ему, что это общедемократический контроль. А, общедемократический контроль!—это мы принимаем.

Мы в кулуарах по этому поводу вспомнили, что Скобелев сидел с Коноваловым в одном министерстве довольно долго и имел достаточно времени выяснить Коновалову, что̀ такое контроль: рабочий и демократический. Но плохой ли педагог Скобелев или тут произошло недоразумение, но Коновалов ушел из министерства.

Когда же Церетели выяснил ему, что это демократический контроль, а не рабочий контроль, Коновалов ответил: мы принимаем программу 14 августа.

Мы находим, что тут что-то гнило, гражданин Церетели, и строить на таком основании не приходится.

Нужно итти на чистоту и сказать прямо: отбросим всякие программы, отбросим резолюции и постановления нашего соб-

ственного Демократического Совещания, которое запрещает нам коалицию с кадетами,—потому что положение таково, что мы должны составить власть с кадетами. Это будет по совести. Такие-то дипломаты, такие-то посольства, финансисты не велят нам обходиться без кадет. Это будет понятно, будет понятна эта позиция банковских газет и банковских прислужников. Это другое дело, но демократия этого взгляда не может разделять. И Церетели, надо думать, не разделяет. Но тогда надо другие доводы привести; надо сказать, что мы действуем под дамокловым мечом, что у нас иного выхода нет. Зачем нам самим себя обманывать...

(Церетели с места: «Я так и говорил».)

Нет, не совсем так вы говорили, гражданин Церетели. Вы сказали, что осуществление программы гарантировано,—вместо того, чтобы сказать открыто, что кадеты и промышленники достаточно убедились, что никакая программа ни в чем их не стесняет, что они могут свободно входить или выходить из министерства. Программа остается целиком не реализованной, они это достаточно поняли, чтобы издеваться над нами и, издеваясь над нами, принимать эти программы.

Вот это надо было сказать. Вы этого не сказали.

Я надеюсь, что вы никого не введете в заблуждение здесь, где все мы достаточно опытные политические люди. Но, за стенами этого здания, другие могут быть введены в заблуждение. Наша партия не хочет этого, и мы призываем широкие массы не доверять всем этим переговорам.

Я не буду развивать точку зрения нашей партии на очередные задачи международной политики, в 10 минут я этого не скажу. Тот путь, на который нас теперь зовут, испробован. Он испробован до конца, и попытка уверить здесь нас, представителей рабочих, солдат и крестьян, что это есть коалиция всех живых сил страны, после того как мы знаем, как высказались действительно демократические организации на местах, партийные организации, профессиональные союзы, по вопросу о коалиции с кадетами—эта попытка есть покушение с негодными средствами. После того, как даже Демократическое Совещание, состав которого мы знаем и которое нас глубоко не удовлетворяет, высказалось большинством 100 голосов против коалиции с кадетами, можно ли еще говорить о том, что эта коалиция есть союз живых сил страны? Теперь коалиция—издевательство над нашей трагической дей-

ствительностью, эта коалиция есть союз части верхов так называемой демократии с кадетами против рабочих, против солдат и против революционного крестьянства.

Тов. Троцкий заканчивает свою речь оглашением следующей резолюции:

«Мы, фракция Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), констатируем, что официальные представители Демократического Совещания, в полном противоречии со своими собственными заявлениями на Совещании и решениями этого последнего, предлагают демократии: 1) фактический отказ от революционных прав на власть, 2) принципиальное признание безответственности Керенского и 3) коалицию с цензово-кадетскими элементами. Мы заявляем, что принятие этих условий означало бы открытое попрание воли тех самых народных масс, на которые Демократическое Совещание хочет опираться и от имени которых оно хочет говорить. Петроградский Совет Р. и С. Д., Московский Совет Р. и С. Д., Кавказский Краевой Совет Р., С. и К. Д., Финляндский Областной Совет Р. и С. Д., Уральский Областной Совет Р. и С. Д., Советы Кронштадта, Одессы, Екатеринбурга, Донецкого бассейна, Баку, Ревеля, Киева, почти всей Сибири, Петроградский Совет профессиональных союзов, многочисленные Советы крестьянских депутатов и многие другие органы революции подавляющим большинством членов заявили, что считают недопустимой коалицию с контр-революционной буржуазией, которая сейчас вся стоит под знаменем кадетской партии. Коалиционное министерство означало бы решительную победу кадетской партии над революцией и народом. Принимать в этих условиях коалицию значило бы брать на себя ответственность за ситуацию, которая неизбежно будет толкать отчаявшиеся народные массы на стихийные выступления, значит провоцировать гражданскую войну. Вместе со всеми Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, вместе с миллионами рабочих, солдат и крестьян, наша партия откажет коалиционному правительству в какой бы то ни было поддержке и будет во главе народных масс вести борьбу за создание народного правительства, опирающегося на Советы в центре и на местах. А посему мы предлагаем Демократическому Совету: 1) прервать ведущиеся под руководством Керенского переговоры с цензовой буржуазией и 2) приступить к созданию истинно-революционной власти».

«Известия» № 181,
26 сентября 1917 г.

РЕЧЬ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПОСЛЕ ВЫБОРОВ НОВОГО ПРЕЗИДИУМА

(25 сентября) [256]

Новый Президиум приступает к своим работам в момент, который приходится признать не только в высшей степени напряженным, но и трагическим.

Позвольте вам напомнить момент из 1905 года, когда мне пришлось открыть заседание Петроградского Совета вместо арестованного Хрусталева. Тогда Петроградский Совет пережил переломный момент, который кончился нашим поражением. 3 декабря 1905 г. Совет целиком был арестован солдатами Измайловского полка [257].

Но Измайловский полк в ту пору и теперь совершенно различен. Мы чувствуем себя сейчас гораздо тверже, чем тогда. Новый список министров [258], опубликованный в вечерних газетах и являющийся вызовом демократии, свидетельствует о том, что революция подошла к серьезному моменту. Мы уверены, что новому президиуму придется работать при новом подъеме революции.

Мы все люди партий, и мы будем вести свою работу, и не раз нам придется скрестить оружие.

Но мы будем руководить работами Петроградского Совета в духе права и полной свободы всех фракций, и рука президиума никогда не будет рукой подавления меньшинства.

Петроградский Совет сомкнет свои ряды, и каждый из нас на заводах и в воинских частях будет проводить в жизнь решения, принятые в Совете.

Да здравствует Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. (Шумные аплодисменты.)

«Рабочий Путь» № 21,
10 октября (27 сентября) 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

(25 сентября) [259]

Товарищи! Бывший министр труда счел необходимым напомнить, что революция начинается для него с начала, ибо он снова—в Петроградском Совете. Я вижу только, что *бывшие* министры появляются у нас охотнее, чем *настоящие*.

Те крайне редко у нас появлялись, и мы из этого делали вывод, что столь рекомендуемая Скобелевым коалиция с буржуазией плохо мирится с выступлениями сущих министров перед нами. Главное требование кадетской буржуазии—это независимость министров от органов демократии, и всегда в этом пункте кадетская буржуазия побеждала, ибо история коалиционного министерства была историей постепенного освобождения г.г. министров от контроля органов революционной демократии.

Теперь, после достигнутого освобождения, бывшим министрам даже довольно сомнительная «фактическая ответственность» власти перед Предпарламентом представляется огромным завоеванием... Вот как понизилась требовательность после того, как они растоптали свою ответственность перед Советами.

Сегодня пришел к нам Скобелев и опять, как и раньше, преподнес нам *совет*, а мы, тоже как раньше, хотели бы слышать *отчет*. (Аплодисменты.)

Почему же он нам не сказал, кем он был вынужден делать свои уступки за счет рабочих в бытность свою министром? Ясно, что коалицией, ибо коалиция—это учреждение, где Скобелевы служат Коноваловым.

Скобелев подает нам совет: сознавать свою ответственность.

Но есть двоякого рода ответственность. Есть ответственность министерская перед буржуазным государством, и есть ответственность перед пролетариатом.

Для того, чтобы замаскировать ответственность министров перед буржуазией, и был введен термин «государственности». Но мы хорошо знаем, что, когда в Западной Европе министры-социалисты переселялись в лагерь буржуазии, они тоже прикрывались «государственностью». Однако Маркс учил нас, что государство носит всегда классовый характер. Мы хотим *нашей* «государственности»—такой, которая даст власть трудящимся, землю—крестьянам. Теперь же государство—в руках наших классовых врагов, с которыми мы будем связаны не общей ответственностью, а беспощадной борьбой.

Наш Петроградский Совет, по словам Скобелева, оставлен нам сильным в наследство политикой коалиции. Нет, наш Совет развился не на прислужничестве буржуазии, а на борьбе с ней. Мы возродили Совет в духе вражды и беспощадной борьбы с надвигающейся диктатурой либеральной буржуазии.

И мы можем сказать: как царизм воспитал русскую революцию, так политика гражданина Скобелева и др. воспитала нынешний Петроградский Совет.

Мы понимаем, что наша ответственность возросла, что каждое наше слово имеет теперь больший вес, но, ставши большинством Совета, мы не становимся еще правительственной партией, мы остаемся организацией революционного пролетариата—непримиримого врага классового государства. Меньшевики же хотели превратить Совет в правительственный орган.

Поэтому-то они отвернулись от нас и объединились с... кооператорами, новой «социальной опорой» революции.

До сих пор мы не знали кооперативной демократии.

Что это за новый класс? То обстоятельство, что известные лица служат чиновниками, например, в крестьянской кооперации, еще не значит, что они выражают революционно-политическую волю крестьян, как врач, который лечит рабочих, не является еще выразителем их политической воли. Кооператоры должны быть хорошими организаторами, купцами, бухгалтерами, но защиту классовых прав крестьяне и рабочие передают своим Советам.

На деле же призвали кооператоров к созданию революционной власти, к чему их избиратели совсем не уполномачивали.

Мы уверены, что найдем большую поддержку среди крестьянской демократии, чем кооператоры. Возьмем пример. Если бы Революционное Правительство немедленно передало землю в земельные комитеты и арендная плата за землю передавалась бы солдаткам, то вся крестьянская демократия поддержала бы такое правительство. А Беркенгеймы [260]) и Прокоповичи [261]) против этого!

Выдвигая лозунг: «Вся власть Советам!», мы знаем, что он не исцелит мгновенно всех язв.

Нам нужна власть, созданная наподобие профессиональных союзов, которые дают стачечникам все, что могут, ничего не скрывают, а когда нельзя, открыто в этом сознаются.

Нужна власть, вышедшая из рядов крестьян, рабочих и солдат, на них опирающаяся, пред ними ответственная. При такой власти железнодорожникам не нужно было бы прибегать к стачке. Они знали бы заранее, что эта власть даст им все, что можно дать.

Нам грозит действительно великая опасность при демобилизации, когда истерзанная, голодная армия поплывет по стране,

но не в репрессиях средства против так называемой «анархии». Нужно, чтобы каждый честный русский солдат знал, что честная, народная власть держит в своих руках все рессурсы страны и распределяет их без обмана, без потачки мародерам. Только власть, которой верят, и верят по праву, может спасти нас от братоубийственной борьбы, от жестокого хаоса. И нам говорят, как об успехе, о том позоре,—да, позоре,—что несколько молодых людей в Зимнем Дворце торгуются с нами, в какой степени они будут перед нами безответственны! И это—ваш итог революции?!

Резолюция Скобелева сводится к тому, что, может быть, если мы поведем себя чинно в Предпарламенте—чем чорт не шутит!—министры согласятся быть ответственными, а там даже и отменят смертную казнь...

Это—полное непонимание положения и настроения народных масс. Правительство уже сформировано против нас, против народа, и завтра же оно, несомненно, объявит крестовый поход против Советов. И вот, когда Керенский с Коноваловым и Третьяковым, опираясь на Предпарламент, начнут походы против Советов, где тогда будет партия Скобелева? С карательной экспедицией против Советов или с Советами?

Мы, Петроградский Совет, призвали на прошлом заседании все Советы быть наготове против надвигающихся контр-революционных покушений.

В этой борьбе, на которую нас провоцируют, мы будем не с теми, кто громит демократические органы на местах, и не с защитниками громил, а с теми, кто защищает до конца органы русской революции и ведет ее вперед.

«Рабочий Путь» № 23,
12 октября (29 сентября) 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

(25 сентября)

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет:

После опыта корниловщины, обнаружившего, что вся цензовая Россия занимает контр-революционную позицию, всякая попытка коалиции означает не что иное, как полную капитуляцию демократии перед корниловцами.

Выражением этой капитуляции является состав формирующегося министерства, в котором решающее место отводится торгово-промышленникам, непримиримым врагам рабочей, солдатской и крестьянской демократии.

Так называемые демократические министры, ни перед кем и ни перед чем не ответственные, не способны ни нарушить, ни смягчить противонародный характер нового правительства, которое войдет в историю революции, как правительство гражданской войны.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет:

Правительству буржуазного всевластия и контр-революционного насилия мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Мы выражаем свою твердую уверенность в том, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: «в отставку!». И, опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов создаст истинно революционную власть.

Вместе с тем Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов призывает пролетарские и солдатские организации к усиленной работе по сплочению своих рядов вокруг своих Советов, воздерживаясь от всяких частичных выступлений.

«Рабочий Путь» № 21,
10 октября (27 сентября) 1917 г.

О „ДНЕ"

По поводу заметки «Дня» «нашему бывшему сотруднику Троцкому» Л. Д. Троцкий сообщает следующее:

Во время балканской войны, в 1912 г., Троцкий корреспондировал в только что возникшем тогда «Дне» в течение 2—3 месяцев, причем в своих письмах и телеграммах вел борьбу против империалистических происков царской и кадетской дипломатии на Балканах. В тот период никто не выдвигал против «Дня» обвинения в зависимости от банков, и газета, оставаясь неопределенно-демократической, не вела, однако, никакой борьбы против партии пролетариата.

Совершенно верно указание заметки «Дня» на то, что Л. Д. Троцкий, как и все почти эмигранты-сотрудники, прекратил

работу в газете по причине более чем неаккуратной расплаты ее с заграничными сотрудниками. За последние пять лет Троцкий никакого отношения к газете не имел, за газетой никогда не следил и об ее связи с банками, как и об ее злобной кампании против интернационалистов узнал только по возвращении из Америки в мае текущего года.

«Новая Жизнь» № 138,
27 сентября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ЦИК О СОЗЫВЕ СЪЕЗДА СОВЕТОВ

(26 сентября)

Когда созывалось Демократическое Совещание, мы, с левой стороны, говорили, что готовится срыв Всероссийского Съезда Советов. Нас, как водится, обвиняли в демагогии, в злостной подозрительности и прочих грехах. И не только правящие группы обвиняли. Даже т. Мартов, стоящий между нами и Даном, обвинял меня в неосновательной придирчивости, когда я высказал предположение, что против созыва Съезда готовится кампания в недрах ЦИК. Теперь Ф. И. Дан дает такие советы, которые фактически похоронят центральную советскую организацию. Ведь, мы имели четыре дня тому назад такой «опрос», где участвовало более ста местных делегатов. Дан выступал перед представителями местных Советов. Там обсуждался вопрос о сроке, о способах оповещения. Но никто—и Дан в том числе—не решился предложить местным делегатам не созывать Съезда. А теперь нам предлагают после уже вынесенного провинцией решения (кстати: почему не опубликованы до сих пор телеграфные наказы с мест Демократическому Совещанию?) сорвать Съезд Советов... дабы не мешать работе по созыву Учредительного Собрания.

Вы, как будто, считаете, что Учредительное Собрание уже обеспечено: только выбрать депутатов—и конец. Увы! мы сейчас от Учредительного Собрания гораздо дальше, чем были месяц тому назад. Новое правительство, коноваловско-третьяковское, целиком направлено против созыва Учредительного Собрания. Если есть у нас аппарат революции, органы силы, гарантия созыва Учредительного Собрания, так это Советы. Их съезд, их объединение не мешает Учредительному Собранию, а спасает Учреди-

тельное Собрание. Отбросьте либеральные иллюзии, поймите, что Учредительное Собрание—это вопрос силы.

Заканчивая речь, Троцкий говорит:

Не играйте со Съездом. Местные Советы, и в первую голову Петроградский и Московский, требуют Съезда. И если вы его не созовете конституционным путем, он будет созван революционным путем.

Бюро отклонило предложение Дана запросить местные Советы и присоединилось к постановлению провинциальных делегатов, назначив сроком созыва Съезда 20 октября. Организационную работу по созыву Съезда Бюро поручило иногороднему отделу, дополнив его представителями всех фракций и военного отдела.

*«Новая Жизнь» № 138,
27 сентября 1917 г.*

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ СОЛДАТСКОЙ СЕКЦИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ.

(6 октября) [262]

Указывая на то, что при создавшемся положении на фронте, в связи с нашими неудачами на Балтийском море и в тылу, где разлилась широкая волна разрозненных выступлений погромного характера, Троцкий утверждает, что не может быть и речи о созыве в срок Учредительного Собрания, и предлагает собранию настаивать на безусловном созыве Всероссийского Съезда Советов, который один лишь может служить гарантией своевременного созыва Учредительного Собрания.

После Троцкого выступает доктор Менциковский, который поддерживает требование Троцкого о созыве Съезда Советов, но вместе с тем указывает на необходимость принятия самых нерешительных мер к обеспечению Петрограда от опасности немецкого нашествия.

Выступающий затем ряд ораторов поддерживает эту мысль и требует от Временного Правительства самого широкого обеспечения Петроградского гарнизона всем необходимым и приведения его в боеспособное состояние и протестует против переселения Правительства в Москву.

Резолюция

В конце заседания собрание принимает следующую резолюцию:

«Солдатская секция Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов категорически протестует против плана переселения Временного Правительства из Петрограда в Москву, так как такое переселение означало бы предоставление революционной столицы на произвол судьбы.

Если Временное Правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано либо заключить мир, либо уступить свое место другому Правительству.

Переезд в Москву означал бы дезертирство с ответственного боевого поста».

«Известия» № 191,
7 октября 1917 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ЗАСЕДАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(7 октября) [263])

Официально заявлявшиеся цели Демократического Совещания, созванного ЦИК Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, состояли в упразднении безответственности личного режима, питавшего корниловщину, и в создании подотчетной власти, способной ликвидировать войну и обеспечить созыв Учредительного Собрания в означенный срок.

Между тем за спиной Демократического Совещания путем закулисных сделок г. Керенского, кадет и вождей эсеров и меньшевиков достигнуты результаты, прямо-противоположные официально-заявленным целям.

Создана власть, в которой и вокруг которой явные и тайные корниловцы играют руководящую роль. Безответственность этой власти отныне закреплена и провозглашена формально.

«Совет Российской Республики» объявлен совещательным учреждением, на восьмом месяце революции безответственная власть создала для себя прикрытие из нового издания булыгинской Думы.

Цензовые элементы вошли во Временный Совет в таком числе, на которое, как показывают все выборы в стране, они не имеют никакого права. Несмотря на это, именно кадетская партия добивалась и добилась безответственности власти даже перед искаженным в угоду цензовой буржуазии Предпарламентом.

Та самая кадетская партия, которая настаивала до вчерашнего дня на зависимости Временного Правительства от Думы г. Родзянко, добилась независимости Временного Правительства от Совета Республики.

В Учредительном Собрании цензовые элементы будут занимать несравненно менее благоприятное положение, чем во Временном Совете. Перед Учредительным Собранием власть не сможет не быть ответственной. Если бы цензовые элементы действительно готовились к Учредительному Собранию через $1^1/_2$ месяца, у них не было бы никаких мотивов отстаивать безответственность власти сейчас. Вся суть в том, что буржуазные классы, направляющие политику Временного Правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя.

В промышленной, аграрной и продовольственной областях политика правительства и имущих классов усугубляет естественную разруху, порожденную войной. Цензовые классы, провоцировавшие крестьянское восстание, теперь приступают к его подавлению и открыто держат курс на «костлявую руку голода», которая должна задушить революцию и, в первую очередь, Учредительное Собрание.

Не менее преступной является внешняя политика буржуазии и ее правительства.

После сорока месяцев войны столице грозит смертельная опасность [264]). В ответ на это выдвигается план переселения правительства в Москву. Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам нимало не вызывает возмущения буржуазных классов, наоборот, приемлется ими, как естественное звено общей политики, которое должно облегчить им их контр-революционный заговор.

Вместо того, чтобы признать, что спасение страны в заключении мира; вместо того, чтобы через головы всех империалистических правительств и дипломатических канцелярий открыто бросить предложение немедленного мира всем истощенным народам

и сделать, таким образом, фактически невозможным дальнейшее ведение войны,—Временное Правительство, под указку кадетских контр-революционеров и союзных империалистов, без смысла, без силы и без плана тянет убийственную лямку войны, обрекая бесцельной гибели все новые сотни тысяч солдат и матросов и подготовляя сдачу Петрограда и удушение революции. В то время, как солдаты и матросы-большевики гибнут вместе с другими матросами и солдатами в результате чужих ошибок и преступлений, так называемый верховный главнокомандующий продолжает громить большевистскую прессу (закрыт «Молот» в Минске) [265].

Руководящие партии Временного Совета служат для всей этой политики добровольным прикрытием.

Мы, фракция социал-демократов-большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и с этим Советом контр-революционного попустительства мы не имеем ничего общего. Той убийственной для народа работы, которая совершается за официальными кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрывать ни одного дня.

Революция в опасности! В то время, как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского—Коновалова готовится бежать из Петрограда, чтобы превратить Москву в оплот контр-революции.

Мы взываем к бдительности московских рабочих и солдат!

Покидая Временный Совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России.

Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!

Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии помогают ему.

Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу.

Вся власть Советам!

Вся земля народу!

Да здравствует немедленный, честный, демократический мир!

Да здравствует Учредительное Собрание!

«Рабочий Путь» № 31,
21 (8) октября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТ О ПРЕДПАРЛАМЕНТЕ

(9 октября)

После речей товарищей, пришедших сюда непосредственно из окопов, трудно обратить свое внимание на петроградскую политическую кухню, где старые повара изготовляют свои излюбленные политические блюда.

Говоря о Предпарламенте, оратор заявляет, что не в Мариинском дворце, и, быть может, даже не в этом зале, а там, в окопах выковывается свобода будущей России.

Сообщая собранию о том, что фракция большевиков покинула Предпарламент, тов. Троцкий подчеркивает, что в то время, как основной целью Демократического Совещания было ограничение единоличной власти Керенского, о котором даже осторожный Церетели говорил, что нельзя удивляться тому, что у человека, поднявшегося на такую высоту, закружилась голова,— в результате Совещания, благодаря попустительству оборонцев, учрежден Предпарламент, который фактически узаконивает безответственную власть! Кому же, наконец, нужен этот Предпарламент? Оборонцам, говорящим, что они идут в Предпарламент для борьбы за государственную власть, Предпарламент, очевидно, не нужен, ибо власть была в их руках в первую эпоху русской революции, и властью этой оборонцы не воспользовались. Кадетам же Предпарламент также не нужен, ибо они привыкли бороться за власть за кулисами общественной жизни. Даже Керенскому не нужен Предпарламент. Таким образом, Предпарламент созван для того, чтобы служить ширмой, прикрывающей фактическую передачу власти в руки империалистов.

Критикуя Предпарламент, тов. Троцкий говорит, что он не ставит себе задачей разрешить важнейшие вопросы нашей жизни; там не будут решаться вопросы о земле, об Учредительном Собрании и насущнейший вопрос настоящего дня—вопрос о мире. Большевики не могли оставаться в таком Предпарламенте, где сидят представители буржуазии, которая, быть может, преступно готовится сдать немцам важнейший революционный оплот—Петроград, зная, что по заключении мира буржуазии будет возвращен обратно Петроград, помятый немецкими жерно-

вами и неспособный больше быть тем, чем он является в настоящее время.

Мы ушли из Предпарламента,—заканчивает тов. Троцкий,—чтобы сказать, что только власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов может поднять лозунг мира и перебросить это через головы империалистов в демократии других стран.

Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!

Да здравствует мир всех народов! (Бурные продолжительные аплодисменты.)

«Рабочий Путь» № 33,
24 (11) октября 1917 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ПРЕДПАРЛАМЕНТЕ

(9 октября)

Главное возражение наших противников состоит в следующем: «Не давайте,— говорят они, — обманывать себя тем, что происходит в Советах. Никакая революционная власть не даст хлеба и не увеличит пайка». Не следует, по-моему, так уменьшать значение государственной власти. Власть не может создать хлеба, когда его нет, но она может увеличить в 24 часа на 100 проц. цену на него. Можно было бы достать хлеб от крестьян и без этого, но для этого необходимо приступить к централизации руководства всей экономической политики.

Наши противники заявляют, что совесть мешает им взять власть в свои руки. Но ведь каждая партия стремится к власти. Значит, у них либо программа плохая, либо совесть плохая. Если партия не имеет доверия к себе, то пусть она его не требует от народа. Если у них есть еще возможность выступать в Советах, то это только благодаря нам.

Когда идея перехода власти к Советам найдет абсолютное распространение в армии, а Советская власть означает: немедленный мир, устранение продовольственного кризиса и обеспечение Учредительного Собрания,—то это уже будет не борьба, а натиск, перед которым падут сразу все препятствия. Во имя этого мы и боремся. Предпарламент же не ведет никакой борьбы, и вообще его существование бесполезно, так как мало

выводить Милюкова на солнышко, надо у него вырвать власть. Мы стремимся к созданию аппарата власти в лице Совета, который будет на местах опорой центральной власти—Совета Советов.

«Рабочий Путь» № 33,
24 (11) октября 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ПРЕДПАРЛАМЕНТЕ

(9 октября) [266])

Предпарламент был создан в обход Всероссийского Съезда Советов путем подбора соглашателей и цензовиков.

Не доверяя рабочим, солдатам и крестьянам, соглашатели, под прикрытием Предпарламента, закрепили власть за империалистической буржуазией и ее приказчиком Керенским.

Оборонцам-соглашателям Предпарламент не нужен для борьбы за власть: ибо оборонцы несколько раз могли взять власть в свои руки и каждый раз отказывались от власти по команде империалистов.

Цензовикам-кадетам Предпарламент не нужен для борьбы за власть: именно буржуазия добилась безответственности правительства, потому что свою контр-революционную политику ей выгоднее вести за кулисами, чем на открытой сцене.

Керенскому Предпарламент не нужен для управления. Керенский—бонапартист и корниловец, временно рассорившийся с Корниловым.

Предпарламент понадобился им всем — кадетам, соглашателям, Керенскому — для того, чтобы прикрыть от глаз народа захват власти империалистами.

Предпарламент понадобился им для того, чтобы усыпить внимание революционных партий и стоящих за ними передовых масс, а тем временем осуществить свой заговор: задушить крестьянское движение, сдать немцам Петроград, задушить Советы и сорвать Учредительное Собрание.

В этих условиях обязанностью всех истинных борцов революции является полный и решительный разрыв с Предпарламентом и решительная открытая борьба против укрывающейся за этой ширмой империалистической клики.

Петроградский Совет приветствует ту часть Предпарламента, которая вышла из его состава, и приглашает всех подлинных представителей рабочих, солдат и крестьян последовать этому примеру.

Долой бонапартистов!

Долой поддельный Предпарламент!

Да здравствует борьба с узурпаторами за переход всей власти к Советам!

«Рабочий Путь» № 32,
23 (10) октября 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ВЫВОДЕ ВОЙСК ИЗ ПЕТРОГРАДА

(9 октября)

В минуту смертельной опасности для народа и революции Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет:

Правительство Керенского губит страну. Доказав свою полную неспособность вести войну, оно не решается предложить мир. Вместе с буржуазией Керенский готовится сдать немцам Петроград, главную крепость революции. Союзные империалисты явно попустительствуют движению Вильгельма на Петроград. Гибнущие герои-матросы, по собственным словам, видят в бонапартисте Керенском не друга, а врага. При правительстве, запятнавшем себя корниловщиной, при всеобщем, твердо обоснованном недоверии солдат, рабочих и крестьян к нынешней власти, Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может брать на себя перед армией никакой ответственности за так называемую стратегию Временного Правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда.

Спасение Петрограда и страны в переходе власти в руки Советов. Советская власть должна предложить всем народам немедленное перемирие и впредь до заключения мира взять на себя обеспечение боеспособности армии, обороны Петрограда и страны.

Вместе с тем Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов призывает гарнизон Петрограда принять все меры к развитию и упрочению своей боевой готовности.

«Рабочий Путь» № 32,
23 (10) октября 1917 г.

Приложения

Помещаемые ниже материалы были обнаружены нами в личном архиве Л. Д. Троцкого. Несмотря на незаконченность некоторых из них, все они вместе и каждый в отдельности представляют значительный интерес для изучения политики нашей партии в эпоху керенщины. Ряд этих приложений бросает свет на те исключительной важности моменты в истории партии, которые почти не были до сих пор освещены перед широкими кругами последней. Другие приложения интересны тем, что, благодаря им, можно проследить процесс развития партийных разногласий и формирования партийной мысли по ряду важнейших вопросов, характеризующих наиболее ответственный период исторического развития. К сожалению, большинство из этих приложений не может быть точно и ясно комментировано. Правда, большую помощь в этом деле окажут те воспоминания-замечания, которые сделал т. Троцкий на наши запросы.

Редакция.

Приложение № 1.

Монреаль. Русскому Генеральному Консулу

Мы, нижеподписавшиеся, бывшие политические эмигранты. ныне амнистированные новым русским правительством, с документами, выданными русским генеральным консулом в Нью-Иорке, на пути в Петроград были без всякого повода арестованы в Галифаксе, на пароходе «Христианиафиорд», английскими военными властями и заключены в концентрационный лагерь в Амхерсте вместе с германскими военнопленными. Мы энергично протестуем против этого неслыханного акта и считаем необходимым ваше немедленное вмешательство для защиты элементарных интересов русских граждан и достоинства правительства, которое вы представляете. Мы...

(Перевод с французского.)

Монреаль. Г-ну Русскому Генеральному Консулу

Ввиду крайне критического положения совершенно необходимо, чтобы в лагерь приехал представитель русского консульства.

Лев Троцкий.

(Перевод с немецкого.)

Настоящие документы относятся, как следует из текста, к апрелю 1917 г., когда т. Троцкий находился вместе с другими политическими эмигрантами в английском концентрационном лагере. Подробное изложение этой страницы в «деятельности» английского правительства читатель найдет в главе «В плену у англичан», помещенной в данном томе.

Ред.

Приложение № 2.

Народы очень немногому учились до сих пор из книг и из опыта своих соседей. Только те уроки истории прочно входят в сознание, которые оставили след на собственной коже.

Широкие слои русского рабочего класса теперь стараются показать, что и они не ушли из-под власти этого исторического закона. Они принимают за чистую монету опустошенные слова и поклоняются давно развенчанным идолам.

Формула «революционного» патриотизма находит сейчас широкое распространение среди рабочих масс. С новым чувством поется марсельеза—не только ее мелодия, но и ее старый текст, призывающий граждан к оружию—против внешних тиранов.

Война кажется массам продолжением или, по крайней мере, защитой революции. Между тем в руках правящих война является единственным средством приостановить революцию, совладать с ней и раздавить ее.

Не только судьба русской революции, но и судьба всей Европы и всего человечества зависит сейчас в огромной степени от того, поймет или не поймет русский пролетариат свое место и свои задачи в истории.

Что война на стороне России имела ярко выраженный империалистический характер, оспаривать это могли только глупцы или пройдохи. Весь режим 3 июня был широко поставленной попыткой примирения капиталистической буржуазии с бюрокра-

тической монархией и дворянством—на том условии, что монархия сумеет обеспечивать международные притязания русского капитала. Буржуазия давала правительству авансом полное свое содействие. Наиболее влиятельная часть либеральной буржуазии открыто благословила устами Гучкова государственный переворот 3 июня 1907 г., «печальный, но необходимый акт», и дала свое освящение виселицам Столыпина. Левое крыло буржуазии, в лице кадетской партии, вступило обоими ногами на почву третье-июньского соглашения имущих классов.

Наклеив на себя рабский ярлык «ответственной оппозиции», кадеты торжественно отказались от покушений на основы столыпинского режима и взяли на себя целиком ответственность за его внешнюю политику. Более того. Именно кадеты, пользуясь той долей свободы, которую им предоставляло их формально-оппозиционное положение, развернули в наиболее необузданной форме притязания русского капитала. Еще в то время, когда столыпинская пресса травила кадет, как злоумышленников, Милюков выполнял официозные поручения русской дипломатии.

«Дипломатическая Цусима» царского правительства после аннексии Боснии и Герцеговины (1908 г.) дала могущественный толчок развитию русского империализма новой эпохи. Буржуазное представительство не только не отказывало бюрократии в военных кредитах, но обвиняло ее в чрезмерной ограниченности расходов на вооружение. Гучков заседал с Сухомлиновым в Комиссии Государственной Обороны, как поручитель за бюрократию перед буржуазными классами. Милюков совершал дипломатические поездки на Балканы, в Англию и даже за океан и связывал в буржуазном сознании идею тройственного согласия с программой захвата Константинополя, Армении, Галиции и пр. Кадетская печать воспитывала общественное мнение буржуазно-интеллигентских общественных групп в духе грубого германофобства. Симпатии русской реакции к «крепкому» гогенцоллернскому режиму ставились при этом на одну доску с «немецко»-марксистским характером русской социал-демократии. Обывателю обещалось благотворное либеральное влияние Англии и Франции на русский политический режим. При этом либеральные демагоги и фальсификаторы, разумеется, ничего не говорили о том, что победа над революцией была обеспечена благодаря французскому золоту и международному соглашению с Англией и что, с другой стороны, весь третье-июньский режим, созидавшийся

при участии кадетов, был только камаринской подделкой под прусско-немецкий образец. В выкриках третье-июньцев против прусского милитаризма было всегда больше зависти, чем вражды.

Русский империализм, непосредственно контр-революционный характер которого был несомненен для всех русских социал-демократов, сыграл виднейшую роль в подготовке нынешней войны. Правда, военные силы третье-июньцев оказались несравненно слабее, чем их аппетиты. Поражение следовало за поражением, обнаруживая всю гниль режима. Но это нимало не меняло империалистически-хищнического характера войны на стороне России,—как и на стороне ее врагов. Вступают ли русские войска в Лемберг или же немцы занимают Варшаву, это очень важно с точки зрения успеха участников империалистского предприятия; но это не меняет его существа. Социал-демократия, поскольку она хотела оставаться революционной партией пролетариата, не имела права ставить свое отношение к нынешней войне и ведущему ее государству в зависимость от преходящих стратегических ситуаций. Да такой эмпирический критерий и на деле неприменим. Война ведется одновременно на разных фронтах, и успех на одном может сопровождаться неудачей на другом. С другой стороны, силы и средства, добровольно врученные социал-демократией на дело «самообороны», в случае военного успеха неизбежно будут употреблены государством на дело нападения. Ибо, как объяснил Плеханов, только опрокинув врага навзничь, можно надлежащим образом обеспечить «самооборону».

Политика русских социал-патриотов дореволюционной эпохи и направлялась на то, чтобы опрокинуть немцев навзничь. В этом смысле социал-патриотизм был только преломлением планов и надежд национал-либерализма. Октябристы, прогрессисты и кадеты целиком подчинили свою политику потребностям «победы». Они не только...

Революция была совершена рабочими и солдатами против воли либеральной буржуазии. Но власть почти автоматически перешла в руки либералов.

Рукопись была написана, повидимому, в мае месяце. Основные положения ее более подробно развиты в главе «Вопросы мира», помещенной в настоящем томе. Характер рукописи позволяет думать, что она является наброском ненапечатанной статьи. *Ред.*

Приложение № 3.

Резолюция о праве на имя

Ввиду того, что ряд революционных деятелей старшего поколения вынужден был условиями нелегальной работы пользоваться псевдонимами; ввиду того, что долгий период подпольной работы и эмиграции закрепил за многими эти псевдонимы, превратив их в устойчивые имена не только в сфере политических выступлений, но и в гражданском обиходе; ввиду того, что эти деятели известны массам, а многие и в социалистическом Интернационале, не под унаследованными фамилиями, а под теми именами, под которыми они в течение десятилетий вели революционную работу; ввиду того, далее, что в настоящее время ведется желтой печатью демагогическая травля против революционных деятелей, якобы «укрывающихся» за псевдонимами, тогда как на самом деле именно под этими общеизвестными политическими именами они меньше всего могут укрываться от ответственности за свое прошлое и за свое настоящее; ввиду того, наконец, что травля против «псевдонимов» имеет со стороны старых легальных партий, т.-е. партий буржуазии, своей целью лишить многих революционных деятелей их популярных имен и тем ослабить социалистические партии в политической борьбе и, в частности, во время предстоящих выборов в Учредительное Собрание,—

Исполнительный Комитет считает необходимым предложить Временному Правительству установить в отношении имен свойственный всем демократическим странам режим, обеспечивающий свободное *право на имя* и, таким образом, дать возможность всем революционным деятелям явочным порядком закрепить за собою их политические имена.

Запрошенный нами по вопросу о происхождении данной резолюции т. Троцкий сообщил следующее:

«Что касается резолюции о праве на имя, то, насколько помню, предполагалось провести ее через ЦИК. Дело в том, что буржуазная пресса бешено травила эмигрантов, выступавших под псевдонимами, сделав эту тему центральной в течение известного времени. Мне пришла мысль легализовать наши псевдонимы через посредство центрального советского органа. Относится эта попытка должно быть к концу июня. Июльские дни, повидимому, ликвидировали ее, как потому, что травля по поводу псевдонимов, как совершенно невинная, отступила на задний план, оттесненная обвинениями в связях с

немцами, так и потому, что отношение наше с эсеровско-меньшевистским ЦИК делало, по меньшей мере, несвоевременным такое обращение. Кроме того, вскоре последовал и мой арест. Так я объясняю себе судьбу этого документа».

Приложение № 4.

Краткий опыт существования Коалиционного Правительства дает уже сейчас совершенно неоспоримые доказательства того, что эта форма власти исчерпала себя прежде, чем успела развить или закрепить хотя бы одно серьезное завоевание революции.

1. Выход министра торговли и промышленности Коновалова в отставку явился только одним, хотя и наиболее ярким, проявлением внутренней несостоятельности нынешней правительственной комбинации. Рассматривать выход Коновалова, демонстративно поддержанный торгово-промышленными организациями и изданиями, как личный шаг, значило бы играть в прятки. Искать Коновалову заместителя из тех же торгово-промышленных сфер, значит заниматься политикой бессильных проволочек пред лицом планомерной капиталистической обструкции против тех мер, которые экономическим отделом признаны *неотложными* в борьбе со всё возрастающей хозяйственной разрухой. Имея в качестве контр-агента нынешнее большинство Исполнительного Комитета, которое боится власти, капиталистическая буржуазия будет несомненно и впредь шантажировать революционную демократию, ставя «министерский вопрос» во всех тех случаях, где на очереди встанут радикальные социальные мероприятия.

2. Шумиха, поднятая вокруг мнимого отделения Кронштадта от России, не может скрыть от глаз революционной демократии тот факт, что министерство князя Львова не хочет и не может дать стране народное самоуправление в порядке революционной неотложности. По свидетельству члена Временного Правительства гражданина Рожкова (см. «Новая Жизнь»), на местах, в провинции, официальные представители власти сплошь да рядом являются столпами черносотенной реакции. Между тем, князь Львов особым циркуляром объявил смещение такого рода черносотенцев органами революционного самоуправления *«анархией»* и призвал местных агентов власти, в том числе и вышеупомянутых черносотенцев, вести с этой «анархией» решительную борьбу. Равным образом к анархии сопричислено—вполне в духе старого уложения—и «натравливание одной части населения на другую

на почве классовой». Ясно, что при таком режиме революция может развиваться только *против* всего руководимого кн. Львовым административного аппарата.

3. В области внешней политики крушение возвещенных в правительственной декларации начал успело уже также обнаружиться с достаточной полнотой. Французский министр-президент категорически отверг русскую формулу мира, торжественно провозгласил необходимость войны до победы и отказал французским социалистам в паспортах на Стокгольмскую конференцию, в числе организаторов которой имеются русские министры. Итальянское правительство ответило на формулу «мира без аннексий» еще более красноречиво, подчинив своему протекторату Албанию. Таким образом, вопрос об отношении революционной России к империалистическим союзникам стоит сейчас острее, чем в эпоху г. Милюкова.

4. Политика Правительства в военно-морской области представляется немногим более успешной. Материальные и психологические причины нынешнего состояния армии слишком глубоки, чтобы их можно было устранить речами и призывами. Смена генерала Алексеева генералом Брусиловым так же мало способна внести что-либо новое в создавшееся положение, являясь мерой скорее декоративного характера, как и вся вообще нынешняя деятельность военно-морского министерства. Нервируя общественное мнение лозунгом наступления, а затем покидая этот лозунг для менее оформленного лозунга подготовки к наступлению, военно-морское министерство так же мало приближает страну к победе, как ведомство иностранных дел—к миру.

5. Исходя из приведенных выше соображений, представляется совершенно неотложным подвергнуть переоценке самые основы политики большинства Исполнительного Комитета, приведшие к образованию коалиционного министерства. Ввиду катастрофически надвигающегося нового, более глубокого кризиса власти необходимо решительно отвергнуть дальнейшие паллиативы, способные только усугубить хозяйственный, административный, военный и дипломатический кризис, в каком находится революция. Нужно ребром поставить вопрос о переходе всей полноты власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Рукопись является как бы сжатым конспектом мыслей, более подробно и обоснованно изложенных в статье «Двоебезвластие» (главным

образом, во второй ее части). Хотя она является проектом резолюции ЦИК, но в таковой не вносилась.

Т. Троцкий, со своей стороны, сообщил следующее:

«Это приложение является, повидимому, проектом резолюции, подлежавшей внесению в ЦИК. Об этом свидетельствует последний 5 параграф. Вносилась ли резолюция или нет—не помню. Время ее написания, как явствует из текста — незадолго до организованного Керенским наступления на фронте».

Ред.

Приложение № 5.

Принимая во внимание,

1) что отмена смертной казни входит в программы всех социалистических партий, как естественное требование народных масс, борющихся против кровавых методов классового варварства;

2) что международный социалистический конгресс в Копенгагене принял единогласно пламенную резолюцию протеста против смертной казни;

3) что это международное социалистическое требование получило у нас общенародное освящение в виде первого закона победоносной революции;

4) что восстановление уже отмененной смертной казни будет неизбежно воспринято трудящимися массами России и всего мира, как нравственное поражение русской революции;

5) что в условиях нынешнего острого кризиса революции восстановление смертной казни означает вооружение напирающей контр-революции орудием самой страшной кровавой расправы;

6) что только фактический отказ от революционно-демократической политики, способной спаять армию единством целей, может побуждать правительство прибегать к смертной казни, как к безнадежной попытке заменить революционное воодушевление приемами бесчеловечного милитаризма;

7) что применение смертной казни, как средства восстановления дисциплины армии, если и может в отдельных случаях дать желательные сторонникам этой меры результаты, то в дальнейшем не может не разрушить вконец нравственную связь армии, подорвав доверие к революции, ее лозунгам и методам,—

принимая все это во внимание, Соединенное Заседание ЦИК Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Исполнительного Комитета Советов Крестьянских Депутатов требует немедленного восстановления в силе первого закона революции, безусловно упразднившего смертную казнь.

Л. Д. Троцкий по поводу настоящего приложения заявил следующее: *«Резолюция вносилась, повидимому, от большевистской фракции на соединенное заседание ЦИК и Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов. Были ли в газетах следы внесения этой резолюции и ее отклонения? Я этого не помню. Момент написания можно установить, определив по газетам, когда именно произошло соединенное заседание».*

Рукопись, по всей вероятности, относится к августу месяцу, когда вопрос о смертной казни стал оживленно обсуждаться в различных советских организациях. В результате выяснения оказалось, что на соединенных заседаниях такой резолюции никто не вносил, и вообще на подобном собрании вопрос о смертной казни не обсуждался. Как отдельный вопрос, вызвавший оживленные прения, он стоял на заседании Петроградского Совета 18 августа. Но здесь от большевистской фракции никакой резолюции не вносилось. Поэтому есть основание думать, что резолюция написана к *предполагавшимся*, но не имевшим места прениям в ЦИК. *Ред.*

Приложение № 6.

Постановление

1917 года, июля 24 дня, Судебный Следователь 24 участка г. Петрограда Л. Г. Сергиевский, допросив сего числа Льва Давыдовича Троцкого, 37 лет, в качестве обвиняемого по ст.ст. 51, 100 и 108 Угол. Улож., и сообразив силу представляющихся против него улик и меру угрожающей ему ответственности, соединенной с лишением всех прав, руководствуясь ст.ст. 415, 6 п. 416, 419 и 421 Уст. Уг. Судопр., постановил: мерою пресечения Троцкому уклоняться от следствия и суда по сему делу избрать содержание его под стражей, о чем и уведомить Начальника Одиночной Тюрьмы посылкой ему копии настоящего постановления.

Судебный Следователь *Лев Сергиевский.*

В Следственную Комиссию по делу 3—5 июля

Сим честь имею просить Следственную Комиссию, ознакомившись с прилагаемым при сем документом, переслать его по назначению, дабы дать возможность членам Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, г.г. Гоц и Сакиану, немедленно осветить один из эпизодов, питающих выдвинутое против меня фантастическое обвинение.

Л. Д. Троцкий.

P. S. При сем прилагаю свое письмо в Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов от 10 августа 1917 года. *Л. Т.*

Письмо, о котором говорит в настоящем заявлении т. Троцкий, помещено в этом томе. На заявлении имеются следующие надписи: «Заявление отослано по ознакомлении Суда 18-VIII к № 417» и «Прокурор Петроградского Уголовного Суда 14 августа 1917 г. вх. № 2247».

Постановление

1917 года, августа 18 дня, судебный следователь 24 участка г. Петрограда, рассмотрев ходатайство обвиняемого Троцкого о допросе свидетелей и о приобщении к делу двух его брошюр, будто бы опечатанных и забранных в типографии «Труд», нашел, что первое ходатайство подлежит удовлетворению, что же касается второго, то следственной власти совершенно неизвестны как самый факт существования указанных обвиняемым двух принадлежащих его перу брошюр, так и факт опечатания и отобрания их по обыску в типографии «Труд», равно как неизвестно, кем отобраны эти брошюры, где находятся и где помещается типография «Труд». Кроме того, в деле не содержится абсолютно никаких указаний на то, чтобы указанные обвиняемым брошюры имели какое-либо отношение к настоящему делу, сам же обвиняемый оснований для такого приобщения не приводит, если не считать голословного заявления, что брошюры эти «имеют прямое и непосредственное отношение к вопросам, составляющим предмет расследования». А потому я, судебный следователь, постановил: указанных обвиняемым свидетелей вызвать и допросить, в приобщении же к делу двух его брошюр отказать, о чем ему и объявить через начальника тюрьмы.

Судебный Следователь *Лев Сергиевский.*

Брошюры, о которых говорится в настоящем заявлении, носили название: «Клеветникам» и «В эпоху великих потрясений». К сожалению, найти их не удалось. Настоящий документ извлечен из дела «Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3—5 июля 1917 г. в Петрограде против государственной власти».

По сообщению т. Троцкого брошюра «Клеветникам» посвящена была разоблачению обвинений, направленных против тов. Ленина и других. В брошюре подвергнута была анализу политика всех партий, как она вскрывалась на этом остром вопросе, т.-е. на обвинении большевистской партии

и ее вождя в немецком шпионаже. После разгрома юнкерами типографии «Труд» вся прилегающая улица была покрыта листами рукописей. Среди них и погибла, очевидно, брошюра «Клеветникам».

Ред.

Приложение № 7.

ЦИК констатирует, что в петроградской печати в последние дни неоднократно повторялось сообщение о том, что бывший председатель Государственной Думы г. Родзянко знал о провокаторской роли Малиновского в то время, когда этот последний еще состоял членом Государственной Думы; причем, по данным печати разъяснениям г-на Родзянко, этот последний потому не разоблачал Малиновского, что был связан «честным словом» по отношению к г. Джунковскому.

Ввиду исключительной важности этих сообщений ЦИК считает необходимым немедленную их проверку, дабы выяснить, действительно ли бывший председатель Государственной Думы стоял в таких близких отношениях к органам царской охранки, которые делали возможным сообщение ему под «честным словом» сведений о провокаторе, входившем в ту самую Думу, председателем которой состоял г. Родзянко, и действительно ли этот последний считал возможным принимать от них и скрывать от общества сведения о чудовищных преступлениях царской провокации?

ЦИК избирает специальную комиссию из трех лиц и дает ей двухдневный срок для выяснения указанных выше обстоятельств.

О происхождении настоящей резолюции Л. Д. Троцкий сообщил следующее:

«*Резолюция по поводу Родзянки, помнится, никуда внесена не была. Я ее набросал на заседании и советовался по поводу ее с некоторыми товарищами, вероятнее всего с т. Каменевым и—смутно помнится—с т. Лениным, при ближайшем свидании. В результате этих совещаний и решено было резолюцию никуда не вносить. Так мне, по крайней мере, представляется дело сейчас*».

Приложение № 8.

Соединенное заседание констатирует, что на прямо поставленный вопрос о разрушительной деятельности министерства торговли и промышленности и, в частности, руководящего им

г. Пальчинского, представителями Временного Правительства ответа не было дано. Указание министра Скобелева, что центральная власть «отстает» от провинции, есть словесный обход вопроса, так как существо несравненно более тяжкого обвинения, предъявленного от имени экономических отделов, состоит в том, что центральная власть, в лице г. Пальчинского, систематически противодействовала творческим начинаниям демократических организаций и помогала отдельным капиталистическим кликам вконец расстраивать и расхищать истощенное и без того хозяйство страны.

Соединенное заседание напоминает, что на Всероссийском Съезде Советов министр труда отрицал наличность организованного саботажа со стороны представителей капитала и объяснял уход Коновалова «личными» мотивами; что министр продовольствия внушал Съезду мысль, будто «сопротивление буржуазии уже сломлено», наконец, что все официальные докладчики, и в частности Церетели, заверяли Съезд, что во Временном Правительстве они пользуются полной свободой для проведения мер, предписанных им «парламентом революционной демократии».

Полная неосновательность всех этих утверждений и обещаний и, вместе с тем, полная несостоятельность политики коалиционного правительства глубже всего раскрывается на примере министерства торговли и промышленности, которое гнуло свою линию наперекор интересам труда и воле организованной демократии. Попытка министра труда Скобелева объяснить этот факт ссылками на «анархию» и необходимость борьбы с нею свидетельствует о явном непонимании представителями правительства того, что многие явления, которые именуются «анархией», представляют в значительной своей части неизбежный протест рабочих масс против все углубляющегося хозяйственного распада и вместе с тем против пассивности «советских» министров перед лицом гибельной политики важнейшего ведомства, ставшего оплотом паразитических клик капитала. Борьба с «анархией» при помощи министерских увещаний или репрессий только подливает масла в огонь — ввиду того, что «советские» министры мирно сожительствуют с Коноваловыми и Пальчинскими, попустительствуют их политике и защищают ее в своих выступлениях перед демократией.

Вместе с тем соединенное заседание считает, что вопрос ни в коем случае не может разрешиться простой сменой фигур,

замещением Коновалова и Пальчинского другими представителями торгово-промышленной буржуазии.

Вся политика капиталистических классов, совершенно независимо от готовности или отказа отдельных их представителей вступать в коалиционное министерство, направлена в настоящее время на то, чтобы подорвать экономическую политику демократии, взять измором революцию, вызвать отчаяние народных масс и создать на этой основе твердую власть буржуазных помещичьих верхов.

Почти трехмесячный трагический опыт коалиционного министерства осудил на смерть самую идею создания правительства на основах соглашения между представителями контр-революционных помещиков и капиталистов, с одной стороны, революционных рабочих и крестьян,—с другой.

Разрешение кризиса власти мыслимо либо на пути постепенной сдачи контр-революционной буржуазии, либо на пути установления творческой революционной диктатуры, которая, отстаивая интересы трудящихся, осуществляется через посредство их организаций. Рабочая, крестьянская и солдатская массы с восторгом встретили бы действительно революционное советское министерство и поддержали бы его против всяких покушений со стороны реакции. Как показывают все выборы эпохи революции, кадеты опираются на узкий круг населения. В то же время кадеты программой своей политики считают: продолжение войны до полной победы; отсрочку Учредительного Собрания до конца войны и отсрочку всех реформ до Учредительного Собрания. Радикально-демократическая партия имеет совершенно ничтожное значение и столь же контр-революционные тенденции, как и кадеты. В этих условиях стремление «советских» министров пополнить во что бы то ни стало министерства буржуазными представителями представлялось бы необъяснимым, если б это стремление было свободным.

На самом деле обращение к буржуазным партиям явно навязывается советским вождям *союзной дипломатией и союзной биржей*. Не может быть никакого сомнения в том, что, вымогая от русского правительства дальнейшее ведение войны на империалистических основах, союзники, под угрозой отказа в деньгах и в выполнении заказов, требуют такого состава правительства, которое гарантировало бы в их глазах ведение отвечающей их интересам внутренней и внешней политики в России.

Унизительная для большой политической партии робость с.-р., которые тем меньше решаются протянуть руки к власти, чем больше обнаруживается, что непролетарские народные массы города и деревни идут за нами, как и рассуждения меньшевиков на тему о том, что нельзя делать буржуазную революцию без коалиции с буржуазией, объясняются на деле грубой зависимостью внешней и внутренней политики этих руководящих партий от союзнического капитала.

Самая необходимость скрывать существо вопроса от народа и даже от Центрального Исполнительного Комитета свидетельствует о том, что нынешняя зависимость от союзников является не менее гибельной для интересов демократии и не менее унизительной для достоинства революции, чем явился бы сепаратный мир с Германией.

Декларация Временного Правительства по поводу трехлетия войны, не упоминающая уже ни о борьбе за мир, ни о программе мира, представляет собою шаг назад даже по сравнению с достаточно туманными прошлыми декларациями Коалиционного Правительства и в этом смысле является грозным признаком окончательного превращения революционной России в безвольного вассала империалистических союзников, которые как раз в последнее время с исключительным бесстыдством выдвигают свои захватные цели, говорят о мире, как о далекой химере (Бальфур), и угрожают социалистам преследованием за участие в Стокгольмской конференции (Соединенные Штаты).

Спасение России только в разрыве со всеми империалистическими обязательствами по отношению к союзникам, только в открытой борьбе за мир, только в апелляции к народам Европы против их правительств, только в противопоставлении программы немедленного демократического мира домогательствам обоих империалистических группировок, только в возрождении единства революционной армии и народных масс путем глубоких и неотложных социальных реформ.

На такую политику способно только крепкое революционное правительство, которое, отбросив от власти собственных империалистов, опирается на рабочих, трудовых крестьян и революционную армию.

По всем данным, эта резолюция предназначалась для соединенного заседания ЦИК и Исполкома Крестьянских Депутатов, заседавшего

I

Заявленіе

Мы, нижеподписавшіеся члены Ц.И.К. С.Р. и С.Д. и И.К. С.К.Д., считаемъ необходимымъ довести до свѣдѣнія президіума нашъ протестъ по поводу того порядка, въ какомъ была проведена резолюція по докладу т. Розанова.

Въ распоряженіи собранія было достаточно времени для широкихъ преній по вопросу. Между тѣмъ председатель собранія не только не принялъ мѣръ къ тому, чтобы дать возможность развернутымъ широкимъ преніямъ, но поставилъ собраніе въ такое положеніе, что въ моментъ внесенія неожиданной для большинства собранія резолюціи фракціи не имѣли возможности сдѣлать хотя бы краткія деклараціи и заявленія. Въ такихъ условіяхъ рѣшеніе мы не можемъ считать авторитетнымъ голосомъ Соединеннаго Засѣданія И. Комитетовъ.

Л. Троцкій, Мих. Герасимовъ, В. Милютинъ, Л. Серебряковъ, [illegible]

Заявление большевистской фракции ЦИК 20 июля.

И. [illegible]
Б. Моисеевъ.
Д. [illegible]
Н. [illegible]
[illegible]
А. [illegible]
Вас. [illegible]
С. [illegible]
[illegible]
[illegible]
Е. [illegible]
Н. М. [illegible]
Д. В. [illegible]
М. Е. [illegible]
[illegible]
[illegible]
А. [illegible]
Д. [illegible]
П. [illegible]
Н. Усатов
С. Кудрявцев
А. [illegible]
[illegible]

П. [illegible]
[illegible]
С. [illegible]
С. [illegible]
Р. [illegible]

18—19 июля. Это ясно видно как из ссылок на речь Скобелева, которую последний произнес на заседании 18 июля, так и из «экономического» характера резолюции, отражающего те прения, которые возникли по докладам Череванина, Скобелева и др. Указаний на внесение этой резолюции на данном заседании не имеется ни в протоколах, ни в отчетах газет.

Приложение № 9.

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся члены ЦИК С. Р. и С. Д. и ИК С. К. Д., считаем необходимым довести до сведения президиума наш протест по поводу того порядка, в каком была проведена резолюция по докладу тов. Розанова.

В распоряжении собрания было достаточно времени для широких прений по вопросу. Между тем, председатель собрания не только не принял мер к тому, чтобы дать возможность развернуться широким прениям, но поставил собрание в такое положение, что в момент внесения неожиданной для большинства собрания резолюции фракции не имели возможности сделать хотя бы краткие декларативные заявления. В таких условиях решение мы не можем считать авторитетным голосом Соединенного Заседания Исполнительных Комитетов.

Л. Троцкий, Фед. Другов, Мих. Герасимов, П. Старостин, Теодорович, Б. Моисеев, В. Милютин, Д. Св..., П. Залуцкий, Н. Хватов, А. Калмыков, М. Васильев, И. Сухов, Д. Кириченко, С. Салазкин, (подпись неразборчива), Казанский, Ст. Лапинский, Благонравов, А. Гринев, Т. Пл..., Е. Успенская, В. Кураев, Н. М. Кузьмин, В. Зоф, Д. Ф. Ник..., Жигур, М. Е. Пашеткин, Л. Серебряков, С. Е. Каушан, Е. Коган, (подпись неразборчива), П. Красиков, А. С..., И. Нестеров, Д. Терновский, М. Лукьянов, П. Соколов, З. Гр..., Н. Усатов, (подпись неразборчива), С. Кудрявцев, Е. Игнатов, А. Шляпников, А. В..., С. К. Киселев, А. Луначарский, П. Орлов, П. Позерн, А. Щадилов, Н. Муралов, С. Рыбин, С. Л..., С. Гусев, Рязанов.

Заявление это было сделано на пленарном заседании ЦИК и ИК С. Кр. Д. от 20 июля 1917 г., на котором был заслушан доклад т. Розанова, члена делегации в Стокгольм, по вопросу о созыве Международной Социалистической Конференции.

После доклада собранием была принята резолюция, предложенная меньшевиками.

Оглашалось ли это заявление, выяснить не удалось, так как неизвестно, было ли оно подано в президиум. *Ред.*

Приложение № 10.

Констатируя, что газета «Биржевые Ведомости» публиковала явно вымышленные сведения об уличных демонстрациях большевиков в Петрограде, Комитет народной борьбы с контрреволюцией объявляет поведение газеты провокационным и предлагает населению не доверять ей в дальнейшем.

Запрошенный по поводу настоящей резолюции т. Троцкий сообщил следующее:

«Насколько могу припомнить, эта резолюция была написана мною на странице записной книжки или блок-нота на заседании Комитета борьбы с контр-революцией, после моего освобождения из тюрьмы. Помнится, я прямо из тюрьмы приехал на заседание Комитета, где набросал проекты нескольких постановлений по отдельным поводам, и, в том числе, по поводу «Биржевых Ведомостей». Резолюция эта была, помнится, принята».

На основании этого заявления можно установить, таким образом, что резолюция написана 4 сентября (день освобождения из тюрьмы Л. Д. Троцкого). Комитет, о котором говорит т. Троцкий, был созван 31 августа и позднее носил название Военно-Революционного Комитета. Хотя председателем его был эсер Филипповский, но фактически руководство им принадлежало нашей партии. В газетах эта резолюция опубликована не была. *Ред.*

Приложение № 11.

Тов. М. Горькому.

Уважаемый товарищ!

«Новая Жизнь», разумеется, вправе критиковать и обличать нас, хотя приходится пожалеть, что газета обнаруживает крайне недостаточную осведомленность в действительном ходе событий 3—4 июля и столь удручающее непонимание их внутренней логики. Однако я не об этом хочу говорить, а о другом; об обвинении против т. Ленина. Разумеется, «Новая Жизнь» этому обвинению «не верит». Разумеется, т. Строев имеет возможность обличать клевету за своей подписью в маленьком уголке газеты. Но я думаю, что от «Новой Жизни» и особенно от Вас лично как раз в этом вопросе можно ждать большего. Обвинение выдвинуто чудовищное. Таких обвинений—по размаху,—кажется, еще не было в истории. Над организацией этого обвинения работают объединенные прохвосты нескольких государств. Сейчас, может быть, фабрикуются документы, чтобы осложнить и затянуть

дело. Все это будет, конечно, в свое время разоблачено. Но Ленин может оказаться на долгое время убит в сознании мещанских и более темных рабочих масс, если не будет открыта немедленно кампания против Милюкова, Алексинского, Бурцева мужественными и честными людьми. На обвинениях против Ленина, как в свое время на деле Дрейфуса, как у нас на деле Бейлиса—на долгое время обострится борьба реакции с революцией. Всем придется занять свое место. В этой компании Вам должно принадлежать по праву первое место...

Настоящий документ нигде, конечно, опубликован не был. Подробности происхождения его видны из следующего воспоминания т. Троцкого:

«Этот документ представляет собою черновик письма к Горькому. Весьма вероятно, что при переписке на-бело текст подвергся значительным изменениям. В частности была, вероятно, изменена последняя фраза, оставшаяся в черновике незаконченной. Почему я писал Горькому? Потому что в момент бешеной травли против Ленина, при полном разгроме нашей печати, я хотел привлечь Горького к компании морально-политического протеста. Я напоминал ему, намеком, роль Зола в деле Дрейфуса. Было ли письмо послано по адресу? Полагаю, что было, но твердо ручаться не могу».

Приложение № 12.

I. Три основные силы борются в русской революции: 1) крупная империалистическая буржуазия, выступающая бок-о-бок с помещичьим классом; 2) мелкая буржуазия и, в частности, мелкобуржуазная интеллигенция, находящая опору в верхах крестьянства и в значительной части армии, и 3) пролетариат, все больше притягивающий к себе полупролетарские низы деревни и солдатские массы армии.

II. Так называемый «общенациональный» характер русской революции является плодом буржуазной легенды. Революция рабочих и солдат разразилась и победила царизм *против* воли крупной буржуазии. Только после уже одержанной победы буржуазия встала на почву революции, чтобы приостановить ее развитие и подчинить ее силы своим империалистическим целям (министерство Гучкова—Милюкова).

III. Мелкобуржуазная демократия состоит из городского мещанства, интеллигенции и крестьянства. Революция застигла огромные массы крестьянства организованными в виде армии. Это создало для мелкобуржуазной интеллигенции, окрашенной в цвет меньшевистского или эсеровского социализма, широкую

опору, так как взбудораженная войной и революцией, но лишенная политического опыта крестьянская армия естественно передоверяла свое представительство мелкобуржуазным социалистам. Авторитетом армии и крестьянства эти последние подчиняли себе до известного времени широкие круги рабочих.

IV. Пролетарская социал-демократия оттиралась в Советах победоносным мещанским социализмом на позиции критики и обличения. Но и в этот первый период непримиримая позиция нашей партии, именно потому, что она отражала социальное недовольство масс, являлась главной движущей силой в развитии революции.

V. Выступление петроградских рабочих и солдатских масс 20 апреля явилось предостережением либеральной буржуазии, стремившейся все силы революции подчинить потребностям империалистической войны. Результатом этого стихийно вспыхнувшего движения, питавшегося лозунгами нашей партии и угрожавшего политическому господству буржуазии, явилось стремление буржуазии прикрыть свое господство сотрудничеством с мелкобуржуазными социалистами. С другой стороны, эти последние возраставшим недовольством масс и критикой нашей партии толкались к власти. Отсюда возникла первая правительственная коалиция 3 мая.

VI. Смысл этой коалиции целиком раскрылся в наступлении наших армий 18 июня, в день, с которого начинается открытое наступление контр-революционных сил, непосредственно приведшее в конце августа к корниловщине. Тупоумные заверения мещанских банкротов коалиционной политики, будто наступление контр-революции порождено петроградскими событиями 3—5 июля, не способны скрыть тот факт, что июльские события сами явились следствием продиктованного союзными и русскими империалистами наступления со всеми его последствиями, в виде расформирования полков, репрессий, травли буржуазной печати и пр. и пр. Наступление 18 июня, ставшее возможным только благодаря коалиции, явилось вместе с тем величайшим ее преступлением перед революцией.

VII. Одним из последствий наступления и последовавшего за ним отступления явилось уничтожение всякой даже и призрачной ответственности правительства перед органами демократии. Личная диктатура Керенского явилась дальнейшим результатом «коалиционной» политики, в которой вожди демо-

Тов. М. Горькому

Многоуважаемый товарищ!

[illegible]

Письмо Л. Д. Троцкого М. Горькому.

кратии, служа империализму, в то же время связывали его и мешали ему.

VIII. Московское Совещание имело своей задачей противопоставить цензовые помещичьи, промышленно-банковские и генеральские верхи органам мелкобуржуазной демократии, ослабившим себя разрывом с пролетариатом, и таким путем еще более утвердить бонапартистскую власть правительства.

IX. Цензовые элементы страны, лишенные политического влияния на народные массы, находили, однако, могущественную поддержку в лице союзных финансистов и дипломатов, влияние которых на внутреннюю русскую политику чрезвычайно возросло с момента, когда Временное Правительство, верное империалистическим обязательствам царизма, бросило революционные войска в наступление. Корниловское восстание явилось выражением нетерпеливого стремления империалистической буржуазии и командных верхов армии овладеть всей полнотой власти.

X. В то время, как мещанские вожди демократии пытались спасать революцию путем ее подчинения капиталистической дисциплине, пролетариат быстро высвобождался из-под влияния соглашателей и увлекал на путь непримиримой оппозиции режиму империалистической диктатуры широкие массы солдат. Одновременно...

Настоящий документ, как это видно из текста, не закончен. Первый тезис позволяет думать, что документ написан в тот период, когда была напечатана серия статей «Итоги и перспективы» (т.-е. во второй половине августа). Именно, в последних развита мысль о трех основных силах, борющихся в русской революции. Скорее всего они предназначались, как тезисы официального документа. *Ред.*

Приложение № 13.

Резолюция Петроградского Совета о самосудах над офицерами, принятая на заседании 11 сентября 1917 года

Пагубная политика Временного Правительства в отношении армии, систематическое противодействие демократизации ее командного состава, удержание на самых ответственных постах явных контр-революционеров, усугубление этой ложной политики с начала наступления в виде беспощадных репрессий, которые под предлогом поддержания дисциплины имели своей действитель-

ной задачей упрочение власти контр-революционной ставки и ее полной независимости от армейских организаций,—все эти условия должны были неизбежно создать и создали острое недоверие солдатской массы к офицерству не только высшему, но в значительной мере и низшему, поскольку это последнее являлось невольным проводником контр-революционной политики правительства и ставки.

Корниловский заговор, обнаруживший пред лицом всей армии, что руководство ее судьбой и все орудия репрессий были вручены заклятым врагам народа, не мог не вызвать в армии прилива самой острой подозрительности и враждебности по отношению к командному составу, причем обнаружилось, что насаждавшаяся в последний период дисциплина насилия крайне затруднила для массы в критический момент возможность различать между явными соучастниками заговора и его невольными пособниками или лицами, к нему не причастными.

В атмосфере острой тревоги за судьбы революции, которой угрожала удавная петля, в некоторых частях флота и армии вспыхнули стихийные самосуды, закончившиеся избиением ряда офицеров.

Выражая свою глубокую скорбь по поводу этих фактов, омрачивших картину беспримерной революционной бдительности матросов и солдат в дни корниловского восстания, Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет вместе с тем, что главная тяжесть ответственности за трагические случаи самосудов падает на то правительство, которое корниловскими средствами пыталось ввести в революционной армии корниловские порядки.

Считая, что только полная демократизация армии, как и всей внутренней и внешней политики страны, способна создать такие условия, при которых самосуды станут окончательно невозможными, Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обращается в то же время с горячим призывом к армии и флоту:

Товарищи солдаты и матросы! Самосуды, убийства без следствия и суда не могут быть средством революционного очищения и возрождения армии. Наоборот, они могут внести только распад и деморализацию в среду солдатской массы и вселить отчаяние в душу тех офицеров, которые всецело преданы делу народа и революции.

Укрепляйте ваши организации!

Стойте на страже революции!

Требуйте и проводите в жизнь начала демократической армии!

Заставьте вашей сплоченностью и выдержкой понять и почувствовать всех ваших офицеров, что для них остается один путь—стать всецело на сторону революции или покинуть ряды революционной армии.

Вместе с тем, всем авторитетом ваших организаций удерживайте ваших малосознательных товарищей от стихийной расправы над заподозренными офицерами.

Стойте непоколебимо на страже чести и достоинства революционной армии и революционного флота!

Как видно из заглавия, настоящая резолюция была вынесена на заседании Петросовета 11 сентября. С внеочередным заявлением о самосудах выступил представитель большевистской фракции т. Лашевич. Т. Троцкий выступал в защиту резолюции, предложенной т. Лашевичем. Запрошенный по поводу того, принадлежит ли ему настоящая резолюция, тов. Троцкий ответил утвердительно. *Ред.*

Приложение № 14.

Декларация фракции большевиков (оглашена на заседании Всероссийского Демократического Совещания 18 сентября 1917 года)

Революция подошла к самому критическому пункту. Дальше следует либо новый подъем, либо гибельное падение. Народ истощен войной, но едва ли не более еще он измучен нерешительностью, истерзан колебаниями политики руководящих политических партий. Через 6 с лишним месяцев после низвержения царизма, после ряда попыток построить революционную власть на основе коалиции представителей демократии с представителями цензовой буржуазии, после жалких деяний личного режима, приведшего непосредственно к корниловщине, перед движущими силами революции снова поставлен ребром вопрос о власти.

Каждая новая правительственная комбинация начиналась с провозглашения программы государственных мероприятий и через несколько недель обнаруживала свою полную неспо-

собность сделать хотя бы один серьезный шаг вперед *в направлении к провозглашенным целям и приводила к новому полному или частичному кризису власти и новой попытке его разрешения на коалиционном пути. После краха каждого нового опыта коалиции, подрывающего и силы революции и ее авторитет в глазах страдающих от войны и разрухи трудящихся масс, сами советские министры в коалиционных правительствах неизменно разъясняли, что все законодательные или практические мероприятия разбивались о глухое и непоколебимое сопротивление цензовой буржуазии. И тем не менее политика официальных вождей демократии, социалистов-революционеров и меньшевиков, вела до сих пор неизменно от внутреннего краха одной коалиции к попыткам создания новой из тех же социальных элементов и теми же средствами.*

Утверждения, будто население страны, в лице широких трудящихся масс провинции, не готово итти за иной властью, кроме коалиционной, являются в корне ложными. Наоборот: именно повторные эксперименты соглашательства (коалиции) после того, как с очевидностью обнаружилась гибельность коалиции, поселяют величайшие недоумения, тревогу и смуту в сознании всех трудящихся и угнетенных классов страны. Не только городской рабочий, не только томящийся три года в окопах солдат, но и крестьянин самой глухой и отсталой деревни не могут не понимать, что нельзя разрешать земельный вопрос путем соглашательства с Львовыми и Родзянками. Нельзя поручать демократизацию армии генералам-крепостникам старого режима—Корниловым и Алексеевым, осуществлять контроль над промышленностью через посредство министров-промышленников, финансовые реформы—через посредство банкиров и военных мародеров или их прямых ставленников—Коноваловых, Пальчинских, Третьяковых или Бурышкиных. Наконец, нельзя провести в жизнь ни одной серьезной меры по урегулированию продовольствия и транспорта, ни одной реформы в области судебной, школьной и пр., сохраняя в эпоху величайших потрясений, на местах и в центре, старый чиновничий аппарат и состав власти с его противонародным духом и тупым бюрократизмом.

Шесть месяцев бессильных попыток самых умеренных законодательных реформ в условиях, заранее исключавших возможность хотя бы частичного их успеха, неизбежно привели к беспримерному в истории углублению всех нужд и потребностей,

обострению всех бедствий. Если обескровленный трехлетней войною, истомленный политикой колебаний народ не отшатнулся от революции, не впал в отчаяние, то историческая заслуга в этом принадлежит главным образом, его самочинным революционным организациям, Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. . . . .

Несмотря на все усилия власти оттеснить и обессилить Советы, несмотря на самоубийственную политику официальных советских вождей-оборонцев, Советы обнаружили всю несокрушимость выражающейся через них революционной мощи и инициативы народных масс в период подавления корниловского мятежа, когда Временное Правительство навсегда опорочило себя перед судом народа и истории, в одной своей части—прямым пособничеством корниловщине, в другой—готовностью передать в руки Корнилова завоевания революции. После этого нового испытания, которого ничто более не вытравит из сознания рабочих, солдат и крестьян, клич, поднятый в самом начале революции нашей партией: «вся власть Советам,—в центре и на местах!»,—стал голосом всей революционной страны. . .

Только такая власть, опирающаяся непосредственно на пролетариат и на крестьянскую бедноту, власть, держащая на учете все материальные богатства страны и ее хозяйственные возможности, не останавливающаяся в своих мероприятиях у порога своекорыстных интересов собственнических групп, мобилизующая все научно-подготовительные технически-ценные силы в общественно-хозяйственных целях, способна внести максимум достижимой сейчас планомерности в распадающееся хозяйство, помочь крестьянству и сельским рабочим с наибольшей плодотворностью использовать наличные средства сельско-хозяйственного производства, ограничить прибыль, установить заработную плату и, в соответствии с регламентированным производством, обеспечить подлинную дисциплину труда, основанную на самоуправлении трудящихся и на их централизованном контроле над промышленностью, и обеспечить с наименьшими потрясениями демобилизацию всего хозяйства. . . . .

Ввиду того, что *буржуазно-империалистическая партия кадетов, в своем стремлении овладеть всей властью в буржуазно-империалистических целях, систематически терроризирует* сознательные элементы демократии призраком вооруженного восстания большевиков,—мы считаем необходимым *повторить*

здесь то, что мы говорили уже не раз и что вытекает из самого существа нашей партии, как организации пролетариата, что, борясь за власть во имя осуществления своей программы, наша партия никогда не стремилась и не стремится овладеть властью против организованной воли большинства трудящихся масс страны. *Для этого мы слишком глубоко убеждены, что наша программа отвечает...* Передача всей власти советам не упразднила бы ни борьбы классов, ни борьбы партий в лагере демократии. Но при условии полной и неограниченной свободы агитации и при постоянном обновлении советов снизу, борьба за влияние и власть развертывалась бы в рамках советских организаций *и, таким образом, давала бы наивысшие шансы дальнейшего мирного развития революции, без новых кровавых потрясений, без открытых столкновений с оружием в руках.* Наоборот, продолжение нынешней политики насилия и репрессий по отношению к рабочему классу, революционным элементам армии и крестьянства, с целью задержать дальнейшее развитие революции, неизбежно должно, совершенно независимо от воли революционных организаций, привести к грандиозному столкновению, каких не много было в истории.

В данных условиях коалиционная власть есть неизбежно власть насилий и репрессий верхов над низами. *Вот почему всякая попытка навязать демократии коалицию с буржуазией, при помощи искусственно подобранного совещания, была бы не только политической фальсификацией подлинной революционной воли народа, направление которой сейчас совершенно очевидно, но и означала бы, по самой логике положения, подготовку нового более грозного контр-революционного заговора—на одном полюсе, провокацию гражданской войны со стороны трудящихся масс—на другом.* Только тот, кто хочет вызвать гражданскую войну во что бы то ни стало, чтобы затем обрушить ответственность за нее на рабочие массы и на нашу партию, может после всего проделанного опыта предлагать демократии заключение нового союза с контр-революционной буржуазией.

Народ жаждет мира. Коалиционная власть означает продолжение империалистической войны. Состав Временного Правительства приспособлялся до сих пор к требованиям союзных империалистов, смертельно враждебных русской революционной демократии. Гибельное наступление 18 июня, против которого наша партия так настойчиво предупреждала *и гибельные послед-*

ствия которого сегодня у всех перед глазами, было предпринято правительством Керенского по прямой команде союзных империалистов. Корниловские методы поднятия «боеспособности» армии, одобренные в принципе и проводившиеся при прямом участии министров-соглашателей, все это было прямо или косвенно внушено союзными империалистами. На этом пути русская революция уже успела расточить огромную долю своего нравственного авторитета, нимало не укрепив своей физической мощи. Все яснее становится, что, подорвав внутреннюю силу русской революции, союзные империалисты не остановятся перед заключением мира за счет русского народа. В то же время дальнейшее безвольное затягивание войны, без доверия народа к целям войны и к ведущему ее Временному Правительству, дает огромный козырь в руки контр-революции, которая может попытаться сыграть свою игру на сепаратном мире с хищным германским империализмом. Создание советской власти означает, прежде всего, прямое, открытое, решительное предложение всем народам немедленного, честного, справедливого, демократического мира. Революционная армия могла бы сознать неизбежность войны только в том случае, если бы такой мир был отвергнут. Но все говорит за то, что предложение революционной власти встретило бы такое могучее эхо со стороны исстрадавшихся рабочих масс всех воюющих стран, что дальнейшее продолжение войны стало бы невозможным. Советская власть означает мир.

Довольно колебаний! Довольно политики безволия и малодушия! Нельзя безнаказанно полгода томить и терзать крестьянство, обещая ему землю и волю и отказывая на деле в немедленной отмене частной собственности на помещичьи земли без выкупа и в немедленной передаче их в заведывание местных крестьянских комитетов до Учредительного Собрания.

Довольно шатаний! Довольно той политики двусмысленности, которую проводили до сих пор вожди эсеров и меньшевиков. Довольно оттяжек! Довольно слов! Настал последний час решения.

[В основу деятельности революционной власти должны быть положены следующие меры, выдвинутые многочисленными влиятельными революционными организациями, во главе с Петербургским и Московским Советами Рабочих и Солдатских Депутатов:

1. Немедленное предложение всем воюющим странам всеобщего демократического мира.

2. Полное восстановление свободы слова, печати и проч., отмена смертной казни и всех ограничительных декретов, восстановление права и обеспечение руководящей роли армейских организаций, восстановление полной свободы агитации в армии, поголовное вооружение народа и, в первую голову, рабочего класса в целях обеспечения завоеваний трудящихся масс от покушений со стороны контр-революции и иностранного империализма. Выборность должностных лиц.

3. Отмена всех сословных различий и привилегий.

4. Обеспечение прав наций, населяющих Россию, на самоопределение. Немедленная отмена всех репрессивных мер против Финляндии и Украины]*)

[[5. Немедленная отмена частной собственности на помещичьи, монастырские, церковные, кабинетные земли без выкупа и передача их в заведывание крестьянских комитетов, впредь до решения аграрного вопроса Учредительным Собранием.

6. Организация рабочего контроля над производством и распределением в общегосударственном масштабе; централизация банкового дела и контроль над банками и национализация важнейших отраслей промышленности; всеобщая трудовая повинность; немедленные меры по демобилизации промышленности и организации снабжения деревни продуктами промышленности по твердым ценам, согласованным с твердыми ценами на хлеб, перестройка государственных финансов, прекращение выпуска бумажных денег, отказ от уплаты государственных долгов, введение поимущественного налога и конфискация прибылей сверх установленной нормы.

7. Немедленное установление 8-часового рабочего дня и введение всестороннего социального страхования.

8. В виде экстренной меры, необходимой для оздоровления политической атмосферы и раскрытия язв судебного ведомства— мы требуем немедленного назначения авторитетной для демократии следственной комиссии, для всестороннего расследования событий 3—5 июля и для проверки действий всех судебно-следственных агентов старого режима, властей, ведших до настоящего

*) Отмеченное в скобках принадлежит перу т. Л. Б. Каменева.

времени следствие этого дела. (Впредь до окончания следствия этой комиссии немедленное освобождение всех арестованных революционеров и назначение скорейшего гласного суда по всем начатым делам.)]]**).

Мы считаем нужным сказать, что в основу созыва настоящего совещания положены совершенно произвольные критерии представительства, которые в своей совокупности отводят наименее революционным, соглашательским элементам демократии такое место, на которое они совершенно не вправе претендовать по своей действительной политической роли. Армейские организации представлены совершенно недостаточно и при том лишь в лице своих далеко стоящих от солдатской массы и полгода не переизбиравшихся верхушек. Думы и земства, лишь на половину реформированные, уже в силу своего специального назначения в крайне несовершенной степени отражают революционно-политический опыт демократии и ее взгляды. Еще в бо̀льшей степени это относится к кооперативам, где подбор руководящих лиц стоит лишь в крайне отдаленной связи с политическими воззрениями демократических масс и с эволюцией их настроений. По сравнению с думами, земствами и кооперативами, крайне урезано представительство Советов. Между тем, именно эти организации вернее всего отражают политическую волю рабочих, солдат и крестьян. Именно Советы овладели всем положением, а во многих местах и всей властью в критические дни Корниловского восстания. Вот почему мы считаем, что только те решения и предложения настоящего Совещания, направленные на полное упразднение личного режима Керенского, могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны Всероссийского Съезда Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Безотлагательный созыв такого Съезда есть сейчас важнейшая задача.

Настоящая декларация почти целиком была написана Л. Д. Троцким. Напечатанное курсивом составляет первоначальный текст, не вошедший в официально опубликованный. В конце декларации имеются вставки, сделанные другими товарищами. Авторство их удалось выяснить через Истпарт.

**) Отмеченное в двойных скобках принадлежит т. Стасовой и еще одному товарищу, фамилию которого установить не удалось.

Приложение № 15.

Предлагаю разделить декларацию на четыре основных части:

1. Отношение к текущему моменту.
2. Отношение к Демократическому Совещанию.
3. Отношение к вопросу об организации власти.
4. Политическую и экономическую программу фракции.

При этом предлагаю:

1) В первой части указать точно причины, приведшие к корниловским дням, причины постоянных кризисов власти, причины полевения масс и поправения мелкой буржуазии (кооперативов и т. д.).

2) Во второй части разграничить вопрос об отношении к составу Совещания, как таковому, указав возможность совместной работы фракции со всеми представителями действительного пролетариата и беднейшей части крестьян,—и отношение к возможности на данном Совещании организовать власть, подчеркнув, что случайность состава и фальсификация действительных представителей масс заставляет нас признать это Совещание не представляющим мнения революционной демократии и потому

3) заявить от имени фракции о необходимости созвать Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которым и поручить организацию власти и контроль над ней. По отношению к вопросу о нашей программе надо выделить: а) вопрос об освобождении армии от контр-революционных элементов; б) вопрос о международном положении и необходимости гарантий для демократии против мира с империалистическими целями, могущими вызвать поддержанную западно-европейской буржуазией контр-революцию; в) вопрос о срочном освобождении арестованных и прекращении репрессий в армии и преследований рабочей печати и рабочих организаций.

Мих. Шефлер.

Настоящий документ написан, как это было выяснено в Истпарте, тов. М. Шефлером. Мы помещаем его, как материал, рисующий процесс выработки декларации, оглашенной 18 сентября. *Ред.*

Приложение № 16.

I

... И когда мы с негодованием отмели такое утверждение, Церетели сделал попытку наложить моральное клеймо на нашу партию, в лице ее представителей в совещании Президиума. Принимая во внимание, что председатель собрания немедленно же не пресек попытки Церетели переложить—в столь недостойной форме—ответственность за новый крутой поворот руководимой Церетели части демократии от революционного пролетариата к кадетской партии, мы своим уходом покажем массам, что мы в новой сделке за счет интересов народа никакого участия не принимаем, всякие противоположные утверждения отметаем с негодованием, и все политические обстоятельства вместе с завершившим их инцидентом доводим до сведения делегировавших нас организаций и стоящих за ними масс.

Наша партия принимала участие в Совещании, состав которого был заранее подобран против интересов представляемого нами класса и связанных с ним солдат и беднейших крестьян. Но наша партия ни прямо, ни косвенно не может покрывать закулисное соглашение с врагами народа,—соглашение, для которого это Совещание вчерашним решением превращается в ширмы.

В виде протеста против поведения президиума, своим пристрастием прикрывшего противонародный компромисс своих руководящих групп, мы отзываем...

* * *

Вопрос об участии нашей партии в Предпарламенте мы ставим сейчас в прямую зависимость от тех мер, которые предпримет Всероссийский Съезд Советов, дабы создать революционную власть, способную обеспечить действительный созыв неподтасованного Учредительного Собрания.

* * *

Коалиция с.-д. не выйдет
Тогда власть *Керенскому*
Дума и Сове
«Призыв к выступлениям». Почему.
А *неучастие* в правительстве?
Ногин: вроде 3—5 июля.

* * *

Каменев. Почему же не войти? *)
Рыков. Парламент.
Рязанов. Потребовать министра финансов.
Приход—расходы.

II

Официальной целью Демократического Совещания и создания Предпарламента было: левый блок, упразднение личной диктатуры Керенского, создание ответственной власти.

На деле Предпарламент стал опорой безответственного правительства, в котором решающая роль принадлежит контрреволюционной буржуазии.

Цензовые элементы ультимативно потребовали этой безответственности за $1^1/_2$ месяца до созыва Учредительного Собрания, в котором цензовые элементы окажутся в несравненно менее выгодном положении, чем в Предпарламенте. Один этот факт непререкаемо свидетельствует о том, что цензовые элементы совершенно не считаются с Учредительным Собранием, как с реальностью, и ставят своей задачей использовать остающиеся недели безответственного хозяйничанья для окончательного срыва Учредительного Собрания.

Внешнее положение страны ухудшается с каждым днем. Разруха углубляется. Создается атмосфера крайнего напряжения, в которой все чаще вспыхивают раздраженные выступления отчаявшихся масс (города и деревни).

Нарастающее движение масс не стоит ни в какой связи с вопросом о Предпарламенте, конструкция которого совершенно не выражает соотношения революционных сил. По своей глубине и по своему размаху это движение совершенно не может ни в каком случае регулироваться из недр Предпарламента.

И это факт—глубокое несоответствие между формально-оппозиционной политикой нашей партии, с одной стороны, и объективным положением, которое заострилось на альтернативе: либо

*) Нижеследующие пометки были сделаны на обороте листа.

См. стр. 359.

(Каменев
Петру эн. не воин?)
Рыков
парламент
Рязанов
Потребительск [illegible]
[illegible]
[illegible]-рое
[illegible]

на [illegible]

контр-революционный переворот, либо переход власти к рабочей партии.

Не вытекающий из соотношения революционных сил, искусственно скомбинированный верхами соглашателей и кадетами Предпарламент главной своей задачей имеет сейчас замаскировать революционную альтернативу власти от масс, отвлечь их внимание и облегчить контр-революции разрешение ее задачи.

Нашей задачей в этих условиях является вскрыть перед массой вопрос борьбы за власть во всей его остроте и во всей его неотложности. Нужно со всей наглядностью показать массам, что гражданская война поставлена нашими классовыми врагами в порядок дня, что Предпарламент является средством подготовки контр-революционного переворота, тогда как наша борьба за власть идет через Советы. Борьба за Съезд Советов, мобилизация масс под этим знаменем, перенесение всех наших организационных усилий в Советы,—в частности, в областной северный Съезд,—все это сейчас является нашей борьбой за власть.

Привлечь крестьян и городские низы—в условиях неслыханной и все обостряющейся разрухи—нельзя речами и декларациями в предпарламентах. Только та революционная партия, которая, опираясь на пролетариат и связанные с ним войска, возьмет в свои руки власть и даст крестьянам мир и землю, привлечет на свою сторону крестьян. Объективное положение, внешнее и внутреннее требует, чтоб рабочая партия взяла в свои руки власть. Выход из Предпарламента означает постановку вопроса о власти ребром.

Настоящие документы являются отражением внутренней борьбы во фракции Демократического Совещания. Первый документ является частью декларации фракции, оглашенной 22 сентября. Это ясно видно из заключительного абзаца этого документа, который целиком совпадает с концом упомянутой декларации.

Обрывки записей, которые здесь приводятся, были сделаны на обороте этого документа. Их значение пояснено в ниже помещаемом объяснении т. Троцкого.

Второй документ, как явствует из характера текста, не предназначался для декларативных заявлений, а являлся лишь проектом внутрипартийной резолюции. Объяснения т. Троцкого таковы:

«Самым существенным на этих листочках являются записи, явно относящиеся к прениям в нашей фракции Демократического Совещания. Здесь перечислены выступления т. Каменева: «Почему же не войти?», т. Рыкова, который, отождествляя Предпарламент с парламентом вообще, доказывал нецелесообразность бойкотирования в отношении Предпарламента совершен-

но так же, как в отношении любого буржуазного парламента, и т. Рязанова, который говорил, что мы в Предпарламенте потребуем от министра финансов предъявления приходо-расходной книги. Я не помню, сколько было присутствующих на заседании нашей фракции. Кажется, свыше 100. Прения были длительные и очень горячие. Основной доклад и контр-доклад делали я и т. Каменев. Бойкотистская позиция потерпела поражение, но разница в числе голосов была невелика. Приведенные выше мнемонические записи служили канвой моего ответа в защиту бойкота Предпарламента. Я развил в этой речи те же соображения, которые изложены в документе № 2, предназначенном для ЦК и фракции Предпарламента. Почему эта рукопись не закончена? Насколько я могу припомнить, как раз в то время, когда я писал тезисы о необходимости ухода из Предпарламента,—после того как была отклонена моя резолюция, предлагавшая бойкотировать Предпарламент,—получилось письмо т. Ленина, решительно солидаризировавшегося с тактикой бойкота и настаивавшего на выходе из Предпарламента. Письмо это дало решительный перевес сторонникам выхода из Предпарламента, и в моем письме не было уже нужды. Так оно и осталось незаконченным черновиком, который, к удивлению моему, случайно сохранился».

По поводу конечного абзаца первого документа т. Троцкий добавил следующее:

«По поводу маленькой резолюции о невхождении в Предпарламент (набросок карандашом № 1), я могу дать следующее объяснение—больше по комбинации, чем по памяти: мое предложение о бойкоте Предпарламента провалилось. Тогда я предложил, не входя пока в Предпарламент, отложить решение вопроса до Съезда Советов. По существу это было то же самое предложение бойкота, так как Съезд Советов должен был решить вопрос о захвате власти. Но по внешности резолюция получала как бы компромиссный характер в том смысле, что категорического решения о невхождении в Предпарламент не принималось, и вопрос как бы оставлялся открытым до Съезда Советов. Я не помню, голосовалась ли эта «компромиссная» резолюция, или же я путем переговоров выяснил, что она все равно не пройдет».

Ред.

Приложение № 17.

Считая, что Предпарламент превратился в прикрытие подготовки имущих классов к разгрому пролетариата и срыву Учредительного Собрания; считая, что дальнейшее участие нашей партии в Предпарламенте способно только прикрыть подлинную роль Предпарламента от масс, *ЦК предлагает фракции Предпарламента выступить из его состава,* и направить все свои усили...

Настоящий документ относится, повидимому, к периоду между 23 сентября, днем открытия Совета Республики, и 7 октября, днем оглашения на заседании Совета Республики декларации большевистской фракции о выходе из его состава. Выяснить вопрос о том, где и для чего предполагалась резолюция, не удалось. *Ред.*

6

Считая, что предпарламент превратился в прикрытие подготовки имущих классов к разгрому пролетариата и его Ц. Сов.,—

(Считая, что дальнейшее участие нашей партии в предпарламенте способно только придать подлинную роль предпарламента в от масс,)

ЦК предлагает фракции предпарламента выступить из ~~предпарламента~~ его состава, и направить все свои усил

См. стр. 362.

1) Гражд. война —

Решено
Что установило, что к-срочно пересмотреть?
о союзе Формулировка
блок левых бурж. с каким?
" " " с кадетами?

Мы — оппортунисты
Меньшев. с.-р.

У перед предприят. с Междугражд. войны

Крестьяне

Рабочий класс (массы, люди)

Откуда недовольство нашей партией

Примечания

[1]) Здесь имеется в виду массовое движение конца 1904 г.—начала 1905 г., крупнейшим звеном в котором было знаменитое шествие рабочих к царю, возглавляемое священником Гапоном. Как известно, демонстрация рабочих была расстреляна. Этот день вошел в историю, как «кровавое воскресенье» 9 января. В феврале 1917 г. царизм не мог уже направить войска против питерских рабочих.

[2]) *Пуанкаре*—крупнейший вождь французской буржуазии. В довоенное время Пуанкаре был одним из вдохновителей франко-русского союза, направленного прежде всего против Германии. В целях укрепления этого союза Пуанкаре, в качестве французского президента, и совершил свою знаменитую поездку в Россию в 1914 г. В подготовлении и проведении империалистической войны Пуанкаре играл руководящую роль, за что и был награжден лево-социалистическими кругами эпитетом: Пуанкаре-Война. В послевоенные годы Пуанкаре вместе с Мильераном возглавлял так называемый национальный блок, союз партий французской биржи и промышленных королей. В 1922 г., как лидер последнего, Пуанкаре сменил на посту премьер-министра Бриана, которого национальный блок почитал слишком мягкотелым в деле проведения экономического грабежа Германии и уступчивым по отношению к игравшему в либерализм Ллойд-Джорджу. Как известно, Пуанкаре оправдал надежды на свою «твердокаменность», организовав в январе 1923 г. знаменитую оккупацию Рурского угольного бассейна. На посту премьер-министра Пуанкаре пробыл до последних выборов (май 1924 г.), на которых национальный блок потерпел поражение. Пуанкаре уступил место радикальному лионскому буржуа Эррио.

[3]) *Стачки 1903 г.* и, прежде всего, знаменитая стачка в Ростове н/Дону являются заключительным звеном той цепи стачек, которые были вызваны промышленным кризисом начала 900-х годов; в 1900—1903 г.г. эти экономические стачки захватили весь юг, выйдя вскоре за пределы экономической борьбы. Высшей точкой этого замечательного периода является ростовская стачка. С другой стороны, стачки 1903 г. стоят у преддверия стачек революции. Стачки 1903 г. оказали громадное влияние на русских (и не только русских) с.-д., блестяще подтвердив теоретические положения революционной с.-д. о роли массовой стачки в борьбе за власть.

[4]) *«Новый Мир»*—интернационалистская газета, издававшаяся русскими эмигрантами в годы войны в Нью-Йорке. Своей непрерывной пропагандой революционного социализма газета сыграла большую подготовительную роль в деле сплочения революционных элементов американского

рабочего движения. В газете работали Бухарин, Володарский и др. По приезде в Америку Л. Д. Троцкий вскоре вошел в редакцию этой газеты.

5) Как известно, Временное Правительство, образовавшееся только 2 марта 1917 г., возглавлялось князем Львовым и состояло в большинстве из кадетов. Из правых в него входил *Гучков* (военный министр), из левых же в его составе был лишь один Керенский (министр юстиции).

6) *Родзянко*—крупнейший вождь партии октябристов, поддерживавшей царское правительство в течение 10 лет. Родзянко отражал в этой партии интересы помещиков. В 1912 году, после образования IV Государственной Думы, Родзянко занял пост председателя Думы. В последние дни перед революцией Родзянко прилагал все меры к ее предотвращению. Ему принадлежит знаменитая телеграмма Николаю, где он просит последнего, в интересах монархии, сменить кабинет министров и создать новый, опирающийся на «народное доверие». После февраля Родзянко возглавляет русскую контр-революцию, группировавшуюся вокруг Исполнительного Комитета членов бывшей Государственной Думы. После октябрьской революции Родзянко является одним из руководителей белой эмиграции.

7) *Милюков*—лидер кадетской партии, один из виднейших вождей русской буржуазии. Как и большинство последних, Милюков прошел последовательные этапы от бесформенного демократизма и сочувствия с.-д., через либеральную группу «Освобождения», до партии крупного капитала и землевладения. В 1905 году Милюков возглавлял кадетскую оппозицию, но подъем революционного движения сразу толкнул его направо. В годы перед последней войной Милюков подводит теоретический фундамент панславизма под империалистические вожделения крупного русского капитала. В дни империалистической войны Милюков возглавляет литературную кампанию за захват Дарданелл и проч., за что и получил позже прозвище Милюков-Дарданелльский. В первые дни революции Милюков стремится сохранить конституционную монархию, и только колоссальный подъем революционного движения превращает его на время в республиканца. Войдя в первое министерство Львова в качестве министра иностранных дел, Милюков, прежде всего, стремится успокоить Антанту насчет соблюдения Россией верности, как союзницы в войне до победного конца. Его нота 18 апреля сразу обнаружила империалистические вожделения Временного Правительства. В ходе революции Милюков возглавляет правую часть кадетов, в августе поддерживает Корнилова, а после Октября активно участвует в контр-революционном движении юга. Милюков делает попытку сговориться с правительством Гогенцоллерна о совместной борьбе с большевистской Россией. После победы Советской Республики он эмигрирует за границу, проповедуя все время интервенцию. В последние годы Милюков стоит во главе левого крыла кадетской партии, стремящейся путем политического блока с эсерами найти смычку между буржуазией и «крепким мужиком».

8) Здесь имеется в виду IV Государственная Дума, состоявшая в большинстве из монархистов и октябристов, оказавших полную поддержку Столыпину в разгроме II Думы 3 июня 1907 г. Роспуск II Думы завершал собой эпоху революции 1905—1907 года, являясь выражением факта временной победы самодержавия. Именно, как сигнал поражения револю

ции и был этот акт оценен в свое время Лениным, сделавшим из этого соответствующие политические выводы, в центре которых стоял тезис о необходимости участия в выборах в III Думу и работы в легальных рабочих организациях в целях собирания сил.

[9]) *Октябристы*—партия крупного капитала и помещиков. Партия октябристов образовалась в 1905 г. после манифеста Николая, изданного 17 октября, в котором царизм делал словесные уступки в политической области. После переворота (разгона II Думы) в июне 1907 года и установления режима Столыпина октябристы поддерживают последнего в черносотенно-октябристской IV Думе, выдвигают в качестве председателя своего вождя Родзянко, в годы же войны—возглавляют всю националистическую кампанию. Из рядов этой партии и вербовались главным образом министры различных белогвардейских правительств. В первое Временное Правительство от октябристов вошел Гучков. В последующих кабинетах октябристы не участвовали.

[10]) Здесь имеется в виду партия конституционалистов-демократов (кадеты), по своей социальной программе и практике соответствующая либерально-буржуазным партиям Западной Европы.

[11]) *Керенский*—присяжный поверенный—выступил на широкую политическую арену в IV Государственной Думе в качестве лидера трудовиков. Его поездка на Лену в дни знаменитого расстрела рабочих и оппозиционные выступления в Думе создали ему большую популярность в мелкобуржуазных слоях населения. После февраля Керенский вступил в первое правительство в качестве министра юстиции. Быстрый рост его популярности начался с занятия им поста военного министра вместо Гучкова. Летом 1917 года Керенский был полубогом в кругах мелкобуржуазной демократии. Принадлежа к эсеровской партии, Керенский проводит политику, часто вопреки ее ЦК, мотивируя свои действия интересами России. Насколько его государственная политика уже тогда зашла вправо, показывает факт неизбрания Керенского в ЦК на эсеровском Съезде. В августе 1917 года Керенского подозревают даже, и не без основания, в причастности к корниловщине. Несмотря на предоставленные ему диктаторские полномочия, Керенский потерпел крах в своем стремлении укрепить демократию, ибо классовая борьба развертывалась по линии обострения. В дни Октября Керенский делает попытку оказать сопротивление, но, покинутый сторонниками, бежит, переодевшись в форму матроса. Последующие годы Керенский проводит в эмиграции, вначале агитируя за интервенцию, а в последнее время—против признания СССР. В эсеровской партии Керенский примыкает теперь к правой группе Авксентьева и др.

[12]) *Гогенцоллерны*—династия бывших прусских королей, ставших с 1871 года германскими императорами.

[13]) *Габсбурги*—династия бывших австро-венгерских императоров.

[14]) *Прогрессивный блок* объединял левые буржуазные партии IV Думы. На левом фланге этого блока стояла партия кадетов, а одним из лидеров его был вождь последней—Милюков.

[15]) *Гучков*—виднейший вождь крупной русской буржуазии. Начав свою деятельность в Москве, Гучков выдвигается, как организатор партии октябристов. В лице его крупная буржуазия оказывает полную поддержку

столыпинскому режиму. В годы империалистской войны Гучков организует военно-промышленные комитеты, ставившие себе целью поддержать боевую способность армии. В созданное после февраля буржуазное правительство Гучков входит как военный министр, являясь в последнем, вместе с Милюковым, наиболее ненавистной фигурой для революционных масс. Стремление удержать режим палки вызывает против него такой взрыв ненависти, что он вынужден вскоре (30 апреля) выйти в отставку. Ныне Гучков обретается, конечно, за границей.

[16]) Выборы в III Думу происходили в конце 1907 г., в IV—в 1912 г.

[17]) *1905 годом* открывается эра буржуазно-национальных революций на Востоке. Первой страной, которая пережила такую революцию, была *Турция*. В 1908 году там был произведен переворот младотурками, организацией, состоящей, главным образом, из буржуазных офицеров. Впоследствии из рядов младотурок вышли такие крупные слуги германского империализма, как Энвер-Паша. Буржуазно-национальная революция в Турции закончена была, как известно, только после войны 1914—1918 г.г. созданием Ангорского Правительства.

Персидская революция 1909 г. закончилась неудачей, благодаря слабости национально-революционных элементов. До последнего времени в Персии не закончена борьба между ними и реакционными ставленниками английского империализма.

В Китае революция 1911 года приняла более широкий размах вследствие большей сплоченности китайской буржуазии и интеллигенции. Руководимая Сун-Ят-Сеном, вождем партии Гоминдан, революция приводит к свержению Манчжурской династии императоров и установлению республики. Через несколько лет Китай переживает затем бонапартистскую реакцию Ю-Ан-Шикая (ставленника китайских милитаристов), не сумевшую все же задушить демократический юг, в котором были сосредоточены революционные элементы.

В последние годы Китай был расчленен на Юг и Север и являлся ареной эксплоатации европейского, японского и американского империализма. Только в середине 1924 года китайское правительство (Севера) решило несколько освободиться от этой опеки и заключило договор с Советской Россией.

[18]) *Львов*—премьер первых двух кабинетов министров. Помещик нового покроя, ведущий поместье на капиталистических началах, Львов в дни самодержавия примыкал к прогрессивному кругу дворянства. Уже тогда он играл крупную роль в земском движении. В годы войны Львов был руководителем крупнейшей организации русской буржуазии—союза земств и городов (земгор). Как авторитетный представитель городской и земской «общественности», он и был выдвинут в премьеры.

[19]) Приводим выдержки из послания Синода, быстро сменившего после революции свои вехи: 9 марта 1917 года, под председательством митрополита Киевского Владимира, состоялось заседание Синода, на котором был одобрен предложенный обер-прокурором В. Н. Львовым текст послания. В последнем говорится следующее:

«Свершилась воля божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит господь нашу великую родину счастьем

и славой на ее новом пути»... «Святейший Синод усердно молит всемогущего господа, да благословит он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да укрепит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ее устроения».

Ни силы, ни крепости, ни мудрости Временное Правительство, однако, не сподобилось.

[20]) *Горемыкин*—крупнейший администратор царского самодержавия, неоднократно бывал генерал-губернатором. В 90-х г.г. Горемыкин прославился своей борьбой с разбушевавшимся рабочим движением. В качестве министра внутренних дел он все время инструктировал местные власти насчет методов борьбы со стачками и т. д. В 1905 г. Горемыкин в качестве «фигуры» был даже премьер-министром. В последующие годы Горемыкин, вследствие своей старости, не принимает активного участия в политической жизни.

[21]) *Егор Сазонов*—эсер, член террористической организации. В 1904 г. убил министра внутренних дел Плеве.

[22]) *Плеве*—в конце XIX и начале XX века был самым видным представителем дворянско-абсолютистской власти. В царском правительстве Плеве всегда отражал интересы наиболее реакционных крепостников. В 900-х г.г. имя Плеве было синонимом ненавистного самодержавия. Заменив в 1902 г. Сипягина (убитого эсером Балмашевым) на посту министра внутренних дел, Плеве усилил курс на подавление революционного движения мерами репрессии. В правительстве, где имелись и бюрократические представители интересов капитала (Витте), Плеве твердо проводил курс бюрократически-помещичьих элементов. Своими гонениями на студенчество, даже земцев, он создал невероятную ненависть к себе, и в такой обстановке был убит эсером Сазоновым в 1904 г.

[23]) Целая историческая эпоха (1789—1871 г.г.) знаменуется образованием и укреплением буржуазного, а значит и национального государства. Начатая французской революцией, эпоха эта своего кульминационного развития достигает в 60-х г.г., когда вся Европа живет под знаком национальных войн. Прусско-датская, прусско-австрийская войны в основе своей имели стремление немецкого дворянства (при явном сочувствии буржуазии) объединить разрозненные экономически и политически области Германии. Война Италии с Австрией была также войной за национальное освобождение первой. Польское восстание 1863 г. своей исторической целью имело, в свою очередь, создание буржуазного национального государства. Завершением всей указанной эпохи является франко-прусская война. Хотя руководитель Германии, Бисмарк, с большей настойчивостью подготовлял эту войну, чем Наполеон III, но объективно, исторически она была национальной войной, ибо вся внешняя политика Наполеона была построена на поддержании политической раздробленности Германии. Прямым следствием этой войны было создание Германской империи. Отныне буржуазия главных европейских наций имела свое национальное буржуазное государство.

[24]) *Поссибилизм*—течение, родившееся во Франции в 80-х г.г. Его теоретики исходили из того, что основной задачей рабочей партии является приобретение парламентских мандатов, а исходным моментом ее так-

тики должна быть ориентация на достижимое, возможное (possible) в капиталистическом обществе. Вождем этого течения был Брусс. Позже от него откололось левое крыло, во главе с Аллеманом. По своим тактическим воззрениям это течение является непосредственным предшественником немецких оппортунистов типа Фольмара, Бернштейна и др.

[25]) *Иенский* съезд немецкой с.-д. происходил в 1905 г. в разгар русской революции. Но даже на этом съезде всеобщая забастовка была признана по существу лишь орудием *обороны* завоеваний рабочего класса. На последующем же съезде в Мангейме, собравшемся после поражения русской революции, лидеры с.-д. (даже Бебель) заботились уже больше о том, чтобы доказать невозможность проведения массовой стачки.

[26]) Здесь, повидимому, вкралась некоторая неточность. Рабочая партия Англии образовалась до 1905 г., а именно: в 1902 г. на съезде тред-юнионов и социалистических организаций. Но влияние на Англию революция 1905 г. оказала безусловно; достаточно указать, что вскоре после нее многочисленные слои рабочих получили избирательное право. С другой стороны, как политическая партия, Рабочая партия Англии оформилась лишь в 1906—1907 г.г.

[27]) В действительности это писал не Маркс, а Энгельс, как это выяснил т. Рязанов (см. Собрание сочинений Маркса и Энгельса, III том «Исторические работы Маркса и Энгельса»). В момент писания этой статьи Л. Д. Троцкий не мог еще знать результатов этих работ тов. Рязанова.

[28]) Статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком предвосхитили политическую тактику революционной с.-д. Основные выводы этих статей почти до деталей совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты т. Лениным в знаменитых «Письмах издалека».

Например:

«Письма издалека», как и настоящие статьи, видят в создании Временного Правительства лишь *первый этап* революции. Исходя из предпосылки о наличии трех политических сил: царской реакции, буржуазно-помещичьих элементов и Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, «Письма» также рисуют перспективу грядущей гражданской войны, в результате которой власть перейдет к Правительству Советов. В «Письмах» еще неясно, а в тезисах т. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» более четко ставится вопрос уже не о парламентской республике и даже не о революционно-демократической диктатуре, а о Советской Республике, т. е. диктатуре пролетариата, вопрос о социалистической революции: «Кто говорит теперь только о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»)». (Собрание сочинений Н. Ленина, том XIV, часть I, стр. 29.)

«Письма издалека», как и настоящие статьи, само собой разумеющимся считают отказ от какой бы то ни было поддержки Временного Правительства, необходимость беспощадного разоблачения империалистического характера последнего и установление того факта, что ни мира, ни земли, ни

свободы оно трудящимся не даст (см. XIV том, I ч., 11 стр.). И «Письма», и статьи Троцкого исходили из того, что надежды на получение свободы через Временное Правительство носили иллюзорный характер.

Союзниками пролетариата в революции и «Письма», и статьи считают крестьянство, армию и мировой пролетариат.

Поэтому политическими лозунгами, осуществление которых возможно лишь при переходе власти к пролетариату, выдвигаются: мир, конфискация земли (см. XIV том, часть I, стр. 12, в настоящем томе статьи «Война или мир», «От кого и как защищать революцию?»).

Одновременно статьи, как и «Письма издалека», по ряду основных политических вопросов расходятся с той позицией, которую занимала «Правда» (под редакцией т. т. Каменева и Сталина) до приезда т. Ленина в Россию, а позже часть ее редакции (т. Каменев).

Эти последние товарищи исходным пунктом своих рассуждений делали положение, что задачи революции исчерпываются полной демократизацией России. Пределом революции является демократическая республика. Они отрицали социалистический характер русской революции. «Его (Ленина) тезисы—писал, например, тов. Каменев—великолепная программа... для первых шагов созданной *) революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России» (Каменев, «О тезисах Ленина», «Правда» № 30, 12 апреля 1917 г.).

Такую же, примерно, точку зрения защищал тов. Рыков на апрельской конференции 1917 г. Вот что говорил по поводу его выступления т. Ленин в своем заключительном слове: «Рыков говорит, что социализм должен притти из других стран, с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, ктò начнет и ктò кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм... Далее Рыков говорит, что переходного периода между капитализмом и социализмом нет. Это не так. Это разрыв с марксизмом» (XIV т., II ч., стр. 425, 426).

Поэтому противники ленинской позиции отвергали курс на Советскую Республику и диктатуру пролетариата, курс на свержение Временного Правительства.

«Положение страны таково, что Советы Р., С. и К. Д. неизбежно должны взять на себя решение государственно-экономических вопросов... *Но смешивать эту работу Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с «решительными шагами к свержению капитала»—непозволительно и с научной и с тактической точки зрения»* (курсив наш). (Каменев, «О тезисах Ленина», «Правда» № 30, 12 апреля 1917 г.)

В тесной связи с отказом от курса на Советскую Республику эти товарищи приходили к выводу, что на длительный период необходима для партии программа требований, предъявляемых Временному Правительству. «Правда» того периода неоднократно подчеркивала, что Временное Правительство может выступить, как фактор борьбы за мир и укрепление свободы. Это видно, например, из того, что в своей резолюции Бюро ЦК Р.С.-Д.Р.П. («Правда» № 18, 26 марта 1917 г.) требовало от Временного Пра-

---

*) Очевидно, здесь опечатка в «Правде». Вместо «созданной» должно, по смыслу, стоять «социалистической».

вительства провозглашения права на самоопределение (Ленин в это время писал: «Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых *не может*, даже если бы они искренно хотели этого, *дать ни мира, ни хлеба, ни свободы*»), что «Правда» в передовице от 30 марта считала возможным хотя бы на минуту верить князю Львову, что «цель свободной России не господство над другими народами». Это видно, наконец, и из совершенно антибольшевистской статьи Авилова в «Правде» № 15, от 22 марта 1917 г. «Та демократическая программа, которая объявлена Временным Правительством, была продиктована *не вами* (т.-е. буржуазными элементами. *Ред.)*, а революционным пролетариатом и армией. И все дальнейшие шаги Временного Правительства в этом направлении *отвечали не вашим* (т.-е. буржуазным. *Ред.)*, а *требованиям восставшего народа*» (курсив наш). Таким образом, Временное Правительство, по Авилову, делало дела не *буржуазии*, а... *пролетариата*!

Что «Правда» того периода верила в возможность *известного* сотрудничества с Временным Правительством, считала возможным в *известной мере* поддерживать последнее, видно из следующей выдержки статьи «Временное Правительство и революционные с.-д.»:

> И нам, революционным с.-д., нет надобности даже и говорить о том, что, поскольку это Временное Правительство действительно борется с остатками старого режима, *постольку ему обеспечена решительная поддержка революционного пролетариата*. Всегда и всюду, где Временное Правительство, повинуясь голосу революционной с.-д., представленной в Советах Р. и С. Д., столкнется с реакцией или контр-революцией, *революционный пролетариат должен быть готов к его поддержке* (везде курсив наш. *Ред.)* («Правда» № 8, 14 марта).

В № 2 «Правды» от 7 марта в статье «На-стороже» также проводится мысль, что у пролетариата имеется «общая почва» с Временным Правительством в деле осуществления «свободы организаций, слова, печати, собраний».

Внимательное изучение «Правды», какою она была до приезда Ленина в Россию, даст неоценимый материал для понимания всей глубины того поворота, который был достигнут апрельскими тезисами Ленина.

[29]) *«Die Zukunft»*—социал-демократический журнал, издававшийся в то время левыми кругами еврейского рабочего движения в Америке. Позиция этого журнала в вопросах войны и Интернационала была левее американской социалистической партии, руководимой центристом Хилквитом.

[30]) Февральская революция застала основные кадры руководителей русской с.-д. за границей. В то время как часть из них, жившая в Европе, успела прибыть в Россию в марте—апреле, будучи пропущена нейтральными странами, другие, жившие в Америке и поехавшие (в их числе Л. Д. Троцкий) пароходом в Европу, были задержаны английскими властями в Галифаксе. Исполком Петроградского Совета формально отозвался на этот акт английских империалистов следующим обращением:

> Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов узнал, что на пароходе *«Христианиафиорд»* в Галифаксе аре-

стованы английскими властями русские политические эмигранты: Мухин, Фишелев, Троцкий, Романченко, Чудновский и Мельничанский.

Революционная демократия России с нетерпением ждет к себе своих борцов за свободу, созывает под свои знамена тех, кто усилиями своей жизни подготовил низвержение царизма. Между тем, английские власти пропускают в Россию одних эмигрантов и задерживают других, в зависимости от их убеждения. Английское правительство совершает этим недопустимое вмешательство во внутренние дела России и наносит оскорбление русской революции, отнимая у нее ее верных сынов.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов протестует против такого поведения английского правительства, приглашает английскую демократию поддержать этот протест и призывает министра иностранных дел принять в экстренном порядке меры, необходимые для возвращения в Россию всех политических эмигрантов без изъятия.

Эта телеграмма, по решению Исполнительного Комитета от 8 апреля, отправляется английскому правительству, английским газетам, сообщается английской делегации в Петербурге и министру иностранных дел Милюкову. Но сколько-нибудь серьезных и настойчивых мер к обузданию английского произвола и, прежде всего, к прекращению сознательного саботажа Милюкова, Исполком не принимал. Наша партия в своих выступлениях на массовых собраниях везде подымала вопрос об этом акте издевательства английских империалистов. Для примера укажем на резолюцию митинга в Политехническом Институте, напечатанную в «Правде» от 12 апреля:

Освободите Троцкого и товарищей! Мы, собравшиеся в Политехническом Институте граждане в количестве около 2.000, протестуем самым решительным образом против задержки т. Троцкого Англией и требуем от министра Милюкова потребовать немедленного освобождения т. Троцкого и товарищей.

Из английского плена Л. Д. Троцкий и другие эмигранты вырвались только в конце апреля. В Петроград тов. Троцкий приехал только 5 мая. Приводим описание «Новой Жизнью» приезда Л. Д. Троцкого, бросающее свет и на жизнь в английском плену:

Вчера утром в одном поезде с Вандервельде прибыл в Петроград Л. Д. Троцкий, один из руководителей Петербургского Совета Рабочих Депутатов революции 1905 года. Друзья и знакомые Л. Д. Троцкого выехали к нему навстречу в Белоостров.

Путешествие от Нью-Иорка до Петрограда продолжалось ровно два месяца, из которых один целиком падает на арест в Галифаксе. Этот арест,—рассказывает Л. Д.,—явился для нас полной неожиданностью. Арестованные были помещены в лагере для военнопленных немцев. В течение месяца арестованные были подвергнуты общему режиму интернированных.

За это время,—говорит Л. Д.,—мы успели развить среди немецких солдат энергичную социалистическую пропаганду. Чтобы положить ей конец, немецкие офицеры обратились с жалобой на меня и моих товарищей к английским властям, и те поспешили эту жалобу удовлетворить. Мне были запрещены лекционные выступления. Это, конечно, не помешало продолжать ту же пропаганду в разговорах.

Немецкие солдаты провожали нас с чрезвычайной теплотой,—из лагеря мы вышли под крики: «Да здравствует социальная революция! Долой кайзера! Долой немецкое правительство!». При этих криках на лицах английских офицеров заметно было большое изумление.

Кстати об освобождении. Нам лишь после долгих и настойчивых требований удалось узнать, куда нас хотят вывести из лагеря. Ни слова о том, что мы освобождаемся. И лишь после того, как мы заявили, что не выйдем из лагеря, если не будем знать, куда нас поведут, офицер наконец-то сообщил, что мы поедем в Россию.

В Торнео у Л. Д. были отобраны все бумаги и газеты с обещанием доставить это немедленно по адресу Чхеидзе. Обыск сопровождался подробнейшим допросом; между прочим, офицер особенно интересовался, в какой газете Л. Д. будет работать: «Это чрезвычайно важно для нас». Вопрос, однако, был оставлен без ответа.

Несмотря на раннее утро, к поезду уже успела вновь собраться большая толпа встречающих. Л. Д. по выходе из вагона подхвачен на руки и внесен в парадные комнаты вокзала. Здесь его приветствовал представитель Междурайонного Комитета объединенных социал-демократов, представитель Петербургского Комитета большевиков и Военной Организации. У вокзала Троцкий говорил свою первую речь.

Интересно отметить, что в этом же поезде приехал и Вандервельде, о встрече которого никто и не вспомнил; он вышел с другого подъезда вокзала и одиноко сел в автомобиль.

[31]) *Ллойд-Джордж* начал свою политическую карьеру в качестве либерального реформатора. Но уже во время войны он сделался крупнейшим политиком империалистической буржуазии и при содействии консерваторов ввел милитаристский режим, основательно потрепавший былые английские «свободы». После победы над немецким империализмом Ллойд-Джордж вместе с Клемансо (французским премьером) навязали немцам в Версале грабительский мир. В годы гражданской войны в России Ллойд-Джордж неоднократно помогал белой контр-революции. После же побед Советской России и фактического краха Версальского мира Ллойд-Джордж пытался выступить в роли либерального лекаря буржуазной Европы. По его инициативе была созвана Генуэзская конференция, которая должна была выработать методы восстановления хозяйства Европы. Ее крах означал крах политики Ллойд-Джорджа. На следующих выборах, в октябре 1922 г., партия Ллойд-Джорджа терпит поражение, и с тех пор он вместо обязанностей премьера исполняет должность пессимистического вещателя.

В либеральной партии Ллойд-Джордж возглавляет сейчас правое крыло, ориентирующееся скорее на блок с консерваторами, чем на поддержку «рабочего» правительства Макдональда.

[32]) *Церетели*—видный лидер меньшевиков. В эпоху Думы был лидером с.-д. фракции и делал отчет о деятельности последней на Лондонском (V) Съезде с.-д. партии. По делу фракции был вместе с другими сослан в Сибирь. В годы войны Церетели занимал умеренную интернационалистскую, по существу каутскианскую позицию, а после февраля сразу же перешел на сторону оборонцев, возглавляя в меньшевистской партии течение так называемых революционных оборонцев. Вместе со Скобелевым Церетели входит в первое коалиционное министерство, стремясь использовать авторитет Совета Рабочих Депутатов для поддержки правительства и продолжения империалистической войны. Даже левый меньшевик Суханов вынужден в своих «Записках о революции» констатировать, что «с той поры как над головой Церетели окончательно воссияла благодать Мариинского Дворца (помещение совета министров. *Ред.)* он стал, можно сказать, официально тем, чем он был фактически и раньше: он стал *комиссаром Временного Правительства при Исполнительном Комитете* (курсив Суханова). И вся его деятельность, вся его роль, все его стремление и выступления сводились к тому, *чтобы превратить Совет с его Исполнительным Комитетом в аппарат поддержки Временного Правительства* (курсив наш. *Ред.)*—до Учредительного Собрания» (книга 4-я, стр. 52—53). Сейчас Церетели находится за границей, занимаясь разъездами по Европейским странам с антисоветской агитацией.

[33]) *Чернов*—основатель и вождь партии эсеров. Вместе с Натансоном и другими был ранее организатором партии «Народного Права», предшественницы эсеров. С начала 900-х годов, когда образовалась партия с.-р., Чернов становится ее теоретиком и политическим руководителем. Насколько народники 70 и 80-х г.г. имели крупные теоретические силы, настолько бедна ими была эсеровская партия. Чернов был ее *единственным* теоретиком. В годы перед войной, когда у эсеров стали выкристаллизовываться правое крыло (группа «Почин»—Авксентьев и др.) и левое (максималисты, журнал «Революционная Мысль»), Чернов занимает позицию центра. Лидером таковой он выступает и в годы войны, совмещая одновременно умеренные циммервальдские воззрения с нелепыми обвинениями Маркса — Энгельса в германофильстве в годы франко-прусской войны (которое, по его мнению, могло объяснить исторические корни грехопадения германского социализма). После февраля он вскоре занимает пост министра земледелия. Политическая деятельность Чернова в 1917 г. сопровождалась не только случайными скачками, но была полна и курьезными для вождя фактами, когда Чернов вообще отказывался давать ответ на злободневный политический вопрос. Достаточно указать на его поведение в дни Демократического Совещания. Несостоятельность Чернова, как политического вождя, уже тогда поставила его в положение генерала без армии, ибо ни правые ни левые элементы эсеровской партии не могли принять страусову тактику Чернова. В 1918—1919 г.г. Чернов обретается, как и многие эсеровские вожди, в лагере поволжско-уральской контр-революции. В последние годы, в связи с разногласиями эсеров, Чернов по-прежнему возглавляет «центр», который,

по существу, не менее контр-революционен, чем группа Авксентьева и др.

[34]) *Скобелев*—в 1908 году и последующие годы был одним из редакторов венской «Правды». В 1912 году был выбран в IV Государственную Думу и стал одним из лидеров меньшевистской «семерки» депутатов. После февраля Скобелев вошел в Исполком Петроградского Совета, возглавляя вместе с Чхеидзе и др. соглашательскую часть Совета. В начале мая, вместе с Церетели, Скобелев входит в первое коалиционное министерство кн. Львова, заняв в последнем пост министра труда. В последующие месяцы Скобелев был в центре критики слева, в частности, Л. Д. Троцкого. В последние годы Скобелев эволюционировал влево. В 1923 г. Скобелев был торгпредом во Франции.

[35]) *Терещенко*—крупный владелец сахарных заводов, либеральный капиталист. Был министром в первых двух составах Временного Правительства. С начала мая был министром иностранных дел, сменив своего единомышленника Милюкова. В кадетской партии Терещенко примыкал к левому крылу, что, конечно, ничуть не мешало проводить ему во внешних делах политику империализма. В течение нескольких месяцев был ближайшим соратником Керенского по правительству и директории, служа одновременно посредником между ним и торгово-промышленными кругами.

[36]) *Маклин*—старый работник английского социалистического движения. Образованный марксист (что в Англии было редким явлением), Маклин воспитал в марксистском духе целое поколение работников революционного английского рабочего движения. Особым влиянием Маклин пользовался в Шотландии, более левый характер рабочего движения которой объясняется, между прочим, и работой Маклина и его товарищей. С началом войны Маклин занял интернационалистскую позицию и непрерывно вел борьбу с социал-патриотами. Правительство Ллойд-Джорджа и Гендерсона поступило с ним по общему обычаю—посадило в тюрьму. После образования Коминтерна Маклин явился горячим его последователем, сумев правильно понять основы Ленинской тактики. В 1920—1922 г.г. Маклин энергично борется с «детской болезнью левизны» в английском коммунизме, коей охвачены и часть его учеников (Галлахер и др.). Еще до II Конгресса Коминтерна Маклин твердо выступил за участие в парламенте и вступление в Рабочую партию. К сожалению, смерть отняла у английской компартии этого ценного работника и руководителя.

[37]) *Гендерсон*—один из вождей английской Рабочей партии. Гендерсон был и остался, по существу, либералом, к тому же питающим склонность к религиозным проблемам. В Рабочей партии Гендерсон всегда отстаивал идею классового мира и в годы войны входил в буржуазное правительство, проповедуя войну до победоносного конца. В послевоенном II Интернационале Гендерсон играл крупную роль, будучи выбран на объединительном конгрессе II и $2^1/_2$-го Интернационалов в Гамбурге председателем Исполкома. Гендерсон, как и ряд других членов Исполкома, получил затем «отпуск» для вхождения в министерство Макдональда.

[38]) *Гед*—в юности бланкист, с конца 70-х г.г. становится марксистом. Вместе с Лафаргом Гед является основателем французской рабочей партии. В течение нескольких десятилетий Гед беспощадно борется с реформизмом

во Франции. Из старых вождей II Интернационала Гед был самым непримиримым защитником революционного марксизма, выступая иногда даже против Каутского. Война превратила старика Геда в социал-патриота. Его ввели даже министром без портфеля в кабинет Вивиани. В последние годы Гед физически уже не мог принимать участия в движении, а в 1923 году скончался.

[39]) *Самба*—до войны один из самых видных парламентариев французской социалистической партии. В годы войны Самба становится социал-патриотом и входит в министерство Вивиани. Во французской социалистической партии последних лет Самба стоял на правом фланге, горячо защищая идеи левого блока и правительственной коалиции.

[40]) *«Наше Слово»*—интернационалистская русская газета, издававшаяся в 1915—1916 г.г. в Париже. В этой газете вначале были представлены разные течения, от Мартова до бывших впередовцев и большевиков-примиренцев. После ухода Мартова газета стала вести более последовательную линию, тем более, что в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения «Нашего Слова» и Лениным. В 1916 г. газета была закрыта, для чего был использован провокаторский прием: к русскому солдату, убившему полковника, была подброшена газета «Наше Слово», чем был дан материал для обвинения «Нашего Слова» в разложении армии.

[41]) *Чхеидзе*—старый работник с.-д. на Кавказе, почти с самого начала раскола примкнул к меньшевикам. Чхеидзе был членом III и IV Государственных Дум. В последней он выдвинулся, как лидер меньшевистской «семерки» и постоянный оратор левой оппозиции. В годы войны Чхеидзе занимал каутскианскую позицию. После февраля он стал играть крупнейшую политическую роль, в качестве председателя Петроградского Совета, возглавляя в то же время, вместе с Церетели, Даном и Либером, так называемых революционных оборонцев. Характеристика Чхеидзе этой эпохи чрезвычайно метко дана Милюковым, в его «Истории Русской революции»:

> Этот *«революционер поневоле» давно уже носил в душе испуг перед революцией* (курсив наш) и, в отличие от многих, прикрывал его условными фразами революционного шаблона, лишь постольку, поскольку это безусловно требовалось его положением (т. I, вып. 3, стр. 38).

Ныне Чхеидзе в эмиграции ведет агитацию против Советской Грузии.

[42]) *Брошюра «Der Krieg und die Internationale»*. Для более полного освещения происхождения и содержания этой брошюры мы приводим следующее место из введения Л. Д. Троцкого к I тому «Война и Революция»:

> Я написал брошюру «Война и Интернационал», которая была издана в Цюрихе в ноябре 1914 года и, при содействии Фрица Платтена, довольно широко распространена в Швейцарии, Германии и Австрии. Предназначенная для стран немецкого языка и на этом языке изданная, брошюра была направлена в первую голову против германской социал-демократии, руководящей партии II Интернационала. Естественно, если брошюра полемически подчеркивает, что—как никак—французы все же отрубили некогда голову королю и живут в республике... Но, разоблачая подлый серви-

лизм немецкой военной идеологии, книжка не оставляет никаких сомнений насчет того, что пред лицом основного противоречия истории между империализмом и социализмом—оба воюющих лагеря, со всеми их различиями, лозунгами и программами, представляют собою вооруженную реакцию, которую нужно раздавить и сбросить с пути исторического развития. Проникнутая социально-революционным оптимизмом, брошюра встретила соответственный прием со стороны германской социал-патриотической печати. Помнится, лидер шовинистической журналистики Heileman откровенно назвал книжку сумасшедшей, хотя и последовательной в своем сумасшествии. Не было, разумеется, недостатка в намеках на то, что брошюра продиктована искусно скрытым патриотизмом и является орудием антантовской пропаганды. Германский суд оценил брошюру с точки зрения гогенцоллернской государственности и заочно приговорил автора к нескольким месяцам тюремного заключения (стр. 11).

Это не помешало затем французским властям запретить ввоз книжки во Францию.

[43]) *Либкнехт Карл*—сын основателя немецкой с.-д. Вильгельма Либкнехта. Уже в довоенные годы Либкнехт стоял на левом крыле немецкой партии, правда, не будучи столь последовательным левым, как Люксембург и другие. Свою репутацию революционера Либкнехт уже тогда заслужил своей энергичной борьбой с милитаризмом, выражавшейся в организации союзов молодежи, в опубликовании анти-милитаристской литературы (за одну такую брошюру он попал в тюрьму) и в разоблачении милитаристской вакханалии немецкого империализма. Имя Либкнехта стало символом революционного интернационализма в эпоху войны. Он первый в немецком рейхстаге провозгласил отказ от военных кредитов и изложил позицию интернационализма. В последующие годы вокруг Либкнехта группируются все революционные элементы немецкого рабочего движения, а его героическая деятельность находит живейший отклик в международном пролетариате. Правительство Вильгельма, конечно, бросает его в тюрьму. В октябре 1917 года Либкнехт из тюрьмы горячо приветствует Советскую революцию, а в дни Бреста чутьем революционера приходит к выводу о правильности тактики нашей партии. Сразу же после ноябрьской революции 1918 г. Либкнехт начинает борьбу против предательской политики шейдемановцев и половинчатой политики независимых. Вместе с Розой Люксембург, Тышко и др. он основывает немецкую компартию, порывающую неестественный союз с Гильфердингом, Гаазе и др. Меньшевистско-белогвардейская клика понимает величайшую роль Либкнехта в революционном движении, она видит, как его авторитет растет. Поэтому она решает с ним покончить. 15 января 1919 года Карл Либкнехт убит белыми при пособничестве шейдемановской полиции.

[44]) *Гессен*—адвокат, один из выдающихся руководителей кадетской партии. До последних лет был единомышленником Милюкова и соредактором последнего по «Речи». Теперь же Гессен возглавляет правое крыло эмигрантов-кадетов, редактируя белогвардейскую берлинскую газету «Руль».

[45]) *Бьюкенен*—английский посол в России в годы войны и февральской революции. В дни керенщины Бьюкенен в известной степени определял политическую линию нашей контр-революционной буржуазии. Под сильным давлением Бьюкенена проходила внешняя политика правительства Керенского. После Октября Бьюкенен активно участвовал в подготовке иностранной интервенции. Вся деятельность Бьюкенена освещается им в его «Мемуарах дипломата».

[46]) *Чудновский*—талантливый молодой работник. За исключением первоначального и кратковременного увлечения меньшевизмом Чудновский все время находился в рядах революционной с.-д. С началом войны он примкнул к группе Троцкого и являлся ближайшим сотрудником интернационалистской газеты «Наше Слово». Переехав позже в Америку, Чудновский принимает самое активное участие в издании газеты «Новый Мир», в которой работали Бухарин, Троцкий и др. Приехав в Россию, Чудновский сразу же занял руководящее положение в группе межрайонцев, одно время входя в Организационный Комитет по созыву объединительного Съезда большевиков и межрайонцев. В последующее время Чудновский принимает активное участие в Октябрьском перевороте в Питере, а позже—в гражданской войне. В 1918 г. он гибнет в борьбе с контр-революционными бандами.

[47]) *Мельничанский*—политический эмигрант, жил долго в Америке, принимал активное участие в американском рабочем движении, будучи связан с революционной организацией «Индустриальные рабочие мира» (I. W. W.). Осенью 1917 года активно участвовал в свержении московской меньшевистско-эсеровской думы. В годы гражданской войны он был на профессиональной и военной работе. С 1922 г. Мельничанский работает в качестве председателя Московского Губернского Совета Профсоюзов (МГСПС) и члена президиума ВЦСПС.

[48]) Настоящая речь была *первым* выступлением тов. Троцкого в советских организациях по приезде его в Россию. Резкое выступление его против коалиции, которая только что была рождена на свет божий, всполошило «советских» лидеров. Выступавшие вслед за Троцким новоиспеченные министры посвятили свои речи, главным образом, полемике с ним. Суханов довольно остроумно рисует эту картину:

> Были бледны Пешехонов и Церетели. Кокетничая напропалую, танцовал на эстраде Чернов, прося и умоляя не отдавать его в плен. Демонический Скобелев произнес свою сакраментальную формулу о «горячем сердце и холодном рассудке» (книга 3, 442 стр.).

Церетели в своей полемике дошел даже до следующей аргументации:

> Может ли Троцкий, возвратившийся только вчера в революционную Россию, утверждать, что когда мы захватим власть, то все нас поддержат? Ведь буржуазия не изолирована: за ней стоит часть армии и крестьянства, и они отшатнулись от революционного движения. Нужно напряжение всех живых сил страны. Без этого нельзя спасти страну.

Речь эта передается по изложению «Известий». Так как стенограммы найти не удалось, а текст явно неполон, то мы запросили Л. Д. Троцкого по поводу характера изложения речи и получили следующий ответ:

Речь эта сильно сокращена во второй половине. Рассказ о концентрационном лагере в Канаде передан еще более или менее полно, но критическая часть речи, где говорилось против вхождения социалистов в коалиционное правительство, сведена к нескольким фразам, еле связанным одна с другою; что касается «трех заповедей», то, насколько вспоминаю, они служили лейтмотивом многих моих тогдашних выступлений: во-первых, не верьте буржуазии; во-вторых, следите за вождями; в-третьих: верьте собственной революционной силе.

[49]) 7 мая 1917 года открылась общегородская конференция объединенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, всегда стоявшего за необходимость единства с.-д. сил, само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание. Настоящая конференция должна пройти под знаменем мировой социальной революции, под знаменем нового Интернационала, против оборончества, против живых трупов «горе-социализма». Затем, тов. Троцкий выступил с речью по докладу тов. Урицкого об отношении к Временному Правительству и к министрам с.-д., Церетели и Скобелеву.

[50]) На этом заседании Петроградского Совета с отчетами выступили три министра-социалиста: Скобелев, Чернов и Церетели. В то время, как Церетели рисовал «журавля в небе» в области внешней политики, Скобелев выступил с легкомысленным обещанием обложения прибыли капиталистов в размере 100%. В последующих речах, как и в настоящей, Л. Д. Троцкий не раз подчеркивает иллюзорность этих обещаний при наличии буржуазного правительства.

[51]) *Бонапартизм*—ведет свое начало с эпохи Наполеона I (Бонапарта), который, опираясь на буржуазию, установил военную диктатуру на исходе Великой Французской Революции. Политические стремления русской буржуазии в 1917 году шли как раз в направлении к установлению такой военной диктатуры. В своей подготовке бонапартизма буржуазия использовала и Керенского, которого она, конечно, убрала бы на следующий день после достижения своей цели.

[52]) *Ген. Алексеев*—генерал царской армии, фактически руководивший русской армией в войне 1914—1918 г.г. Осенью 1917 года Алексеев был назначен вместо Корнилова верховным главнокомандующим. Вскоре после Октября Алексеев проявляет свою деятельность на юге участием в организации белых армий. После чехо-словацкого мятежа Алексеев формирует на Дону знаменитую добровольческую армию.

[53]) Этот вопрос был поставлен на заседании Петроградского Совета в связи с тем конфликтом, который возник между Кронштадтским Советом и представителями Временного Правительства в Кронштадте. Первопричиной этого конфликта был тот факт, что во главе Кронштадтского Совета стояла наша партия; вполне естественно, что сожительство буржуазных уполномоченных и революционной местной власти не могло не привести к конфликтам. Нежелание Кронштадта подчиняться ряду указаний прави-

тельственного комиссара дало повод буржуазной социал-соглашательской прессе поднять вой по поводу якобы «отложения» Кронштадта от России. В целях воздействия на кронштадтцев и было устроено заседание Петроградского Совета. Этому предшествовала поездка Церетели и Скобелева в Кронштадт от имени Временного Правительства. Результатом их поездки явились нижеприводимые (см. прим. 54) резолюции.

[54]) К сожалению, всех резолюций нам найти не удалось. Приводим из них лишь следующие (от 21 мая):

В ответ на вопрос представителей Временного Правительства, министра И. Г. Церетели и М. И. Скобелева, об отношении к центральной власти Кронштадтский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет: согласуясь с решением большинства революционной демократии Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, признавшего нынешнее Временное Правительство облеченным полнотой государственной власти, общей для всей революционной России, мы со своей стороны вполне признаем эту власть. Признание не исключает, конечно, критики и желания, чтобы революционная демократия создала новую организацию центральной власти, передав всю власть в руки Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Мы надеемся, что путем идейного воздействия на мнение большинства демократии нам удастся склонить это большинство на путь, признаваемый нами единственно правильным. Но пока это не достигнуто, пока большинство с нами не согласно и поддерживает нынешнее Временное Правительство, мы признаем это правительство и считаем его распоряжения и законы столь же распространяющимися на Кронштадт, как и на все остальные части России. Мы решительно протестуем против попыток приписать нам намерение отделить Кронштадт от остальной России в смысле организации какой-нибудь суверенной или автономной государственной власти внутри единой революционной России, в противовес нынешнему Временному Правительству.

За резолюцию голосовало 195, против 26, воздержавшихся 22.

По вопросу о представительстве Временного Правительства в Кронштадте Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет, что на пост такового он избирает заведывающего по делам гражданской части, который подлежит утверждению Временного Правительства и перед ним ответственен.

За эту резолюцию голосовало 202, против 9, воздержавшихся 26.

Все военные и морские начальники руководствуются распоряжениями высшего командования. Взаимоотношения между местным командным составом и имеющимися при них контрольными организациями остаются прежними.

За—213, против 9, воздержавшихся 14.

По вопросу о необходимости немедленного введения демократических органов местного самоуправления и судебных учреждений

на общих для всей России основаниях Кронштадтский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет, что эти законы, как общегосударственные, с его стороны не могут встретить препятствий.

За—203, против 7, воздержавшихся 18.

По вопросу об арестованных офицерах Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет, что он окажет содействие следственной комиссии, назначенной высшей судебной инстанцией при совместной работе в ней представителей местной следственной комиссии от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов города Кронштадта, при производстве предварительного следствия в Кронштадте с тем, чтобы лица, которых эта комиссия предаст суду, направлялись для суда в Петроград с вызовом из Кронштадта представителей заинтересованной команды при разборе дела. Лица же, которые в процессе следствия окажутся невиновными, освобождаются в Кронштадте указанной следственной комиссией, о чем поставляется в известность Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и все части гарнизона.

За—160, против 57, воздержавшихся 16.

Ввиду распускаемых некоторыми органами печати ложных сведений, будто арестованные офицеры находятся в исключительно тяжелых условиях и подвергаются истязаниям со смертными случаями, Совет приглашает представителей партий, общественных организаций и печати путем посещения заключенных и личного осмотра убедиться в неосновательности подобных слухов. Разрешение на посещение выдает Исполнительный Комитет без замедления в любое время, кроме праздников. Посетитель должен быть снабжен удостоверением от политических партий, общественной организации или печати.

[55]) Здесь изложение речи явно неверное. Из всей позиции Л. Д. Троцкого по этому вопросу и из всего фактического положения вещей явствует, что он не мог говорить, что резолюции Кронштадтского Совета не направлены против Временного Правительства. Основная мысль Л. Д. была та, что Кронштадт вовсе не думает *отлагаться* от России, как это утверждало соглашательское большинство и рептильная пресса. Это, впрочем, ясно видно из изложения той же речи, которое дают «Известия».

[56]) К сожалению, этих резолюций найти не удалось. В «Известиях» сообщается только, что одну из двух внесенных резолюций тов. Троцкий снял, но так как председатель не хотел ставить на голосование и вторую, мотивируя тем, что вопрос о демократизации местной власти не стоял в порядке дня, то большевики и объединенные с.-д. покинули зал заседания.

[57]) Факт принадлежности т. Троцкому этой декларации Кронштадтского Совета мы устанавливаем по следующим двум указаниям: «Декларация Кронштадтского Совета о событиях в Кронштадте», в которой он выражает уверенность, что «близок час, когда вся полнота власти в стране перейдет в руки рабочих и солдатских депутатов», по словам газет (к сожалению, найти соответственные места в газетах нам не удалось. *Ред.)*, составлена

Л. Д. Троцким. (Максаков и Нелидов, «Хроника революции» вып. I, 1917 г., стр. 50.) В «Записках революции» Суханова мы читаем:

> Это превосходно написанная, горячая и полная достоинства прокламация. Я полагаю, что она написана Троцким, принимавшим очень близкое участие в кронштадтских делах. Она выдержана в очень умеренном стиле и хорошо выражает тогдашнюю «концепцию» большевистских групп ленинской периферии («Записки о революции», книга 4, стр. 164).

[58]) См. примечание 53.

[59]) Настоящая статья нигде напечатана не была и найдена нами в архиве Л. Д. Троцкого. Статья, судя по тексту, была написана в мае или начале июня. Целый ряд оснований заставляет думать, что она предназначалась для газеты, которая должна была быть тогда основана межрайонцами.

[60]) *Штюрмер*—видный царский бюрократ, бывший председателем совета министров в эпоху войны. Его не без оснований обвиняли в германофильских настроениях. Штюрмер сделался председателем совета, благодаря проискам дворцовой германофильской камарильи.

[61]) *«Вперед»*—еженедельный журнал, основанный межрайонным комитетом. В редакцию этого журнала входили Л. Д. Троцкий, Луначарский и др. Никаких разногласий по политическим вопросам между этим журналом и «Правдой» не было. Издание этого журнала отдельно от органа нашей партии объясняется тем, что работа по объединению межрайонцев и большевиков не была еще закончена. Намечавшаяся газета, о которой говорит ниже помещаемая заметка редакции (написанная, по всей вероятности, т. Урицким), так и не вышла.

> *От редакции*. Товарищи! В силу исключительных обстоятельств создаваемая нами газета до сих пор не может выйти в свет. В твердой уверенности, что через 2—3 недели мы будем иметь ежедневную газету, редакция приступает к изданию журнала. И пусть журнал не сможет откликнуться на все нужды пролетариата, ответить на все вопросы, встающие перед с.-д.,—голос наш будет все же слышен.
>
> Товарищи! В вашей поддержке почерпнем мы силы; пролетарской солидарностью укрепится наше дело. С этою уверенностью мы и начинаем тяжелую ответственную работу—служения пролетарскому делу.

[62]) *Фридрих Адлер*—сын вождя австрийской с.-д. Виктора Адлера, вышел из рядов так называемой австрийской школы марксистов. До войны Адлер главным образом занимался наукой, и только непосредственно перед войной он активно входит в австрийское рабочее движение. Капитуляция с.-д. перед войной произвела глубокое впечатление на Адлера, но не превратила его в революционного марксиста. Свою оппозицию он проявил не работой в массах, а индивидуальным террором-убийством премьер-министра Штюргка. Поражение Австрии и революция совсем почти сгладили разногласия внутри австрийской с.-д., и с тех пор Ф. Адлер употребляет свой моральный авторитет на оправдание предательской политики австрийской

с.-д. В конце 1920 года Адлер руководит созданием межеумочного 2½ Интернационала, после же слияния последнего со II Интернационалом, Адлер выбирается секретарем этого объединенного Интернационала.

[63]) *Хеглунд*—в довоенные годы был руководителем шведского союза молодежи. В эпоху империалистической войны выдвинулся, как лидер революционных элементов шведской с.-д. партии. Его работа в парламенте имела огромное значение в деле борьбы с социал-патриотизмом. Парламентскую деятельность Хеглунда, как Либкнехта и других, Ленин постоянно приводил в пример всем тем, кто отрицал пользу работы в реакционном парламенте. Активно участвуя в циммервальдском движении, Хеглунд твердо поддерживал в нем течение Ленина. После образования шведской компартии Хеглунд становится естественно ее главным руководителем. К сожалению, в последние два года Хеглунд проявил ряд центристских уклонов по организационным вопросам, одновременно поддерживал оппортунистические элементы в норвежской компартии, и возглавляет сейчас правое крыло своей партии.

[64]) Начальным пунктом этого подъема нужно считать уже конец 1911 года. Но бурный темп он проявил лишь после знаменитого ленского расстрела рабочих, происшедшего в апреле 1912 г. Это событие разбудило даже индифферентные массы пролетариата, и с того момента почти до начала войны Россия была свидетельницей массовых экономических и политических стачек. Этот подъем полностью оправдал ту ориентацию на революционный ход событий, которой придерживалась наша партия в годы реакции. Меньшевики же, которые строили свою тактику на медленном врастании России в систему буржуазной демократии, встретили этот подъем с явной опаской и выразили это в своей оценке подъема, как «стачечной лихорадки».

[65]) *Гвоздев*—лидер меньшевиков, руководитель питерских оборонцев во время войны. Особенную активность Гвоздев проявил по втягиванию рабочих в военно-промышленные комитеты, созданные крупным капиталом. В союзе с Гучковым, Гвоздев боролся против бойкотистских настроений по отношению к этим комитетам со стороны питерского пролетариата. После февраля Гвоздев, естественно, оказался в рядах правых меньшевиков. В первом коалиционном правительстве Гвоздев участвовал в качестве товарища министра труда.

[66]) *Богданов*—один из лидеров того течения меньшевиков, которое было известно в 1917 году под именем революционных оборонцев. Богданов играл крупную роль в ЦИК'е, будучи ближайшим помощником Церетели и Дана. После июльских дней Богданов, как и часть других меньшевиков, эволюционировал несколько влево, а к моменту Демократического Совещания возглавил даже оппозицию либер-дановской политике. Благодаря богдановскому крылу, совещание фракции меньшевиков, состоявшееся перед открытием Демократического Совещания, провалило резолюцию Дана о коалиции с кадетами.

[67]) *Военно-промышленные комитеты*—были созданы крупным капиталом для более организованной помощи со стороны промышленности военному снабжению армии; являлись в то же время важными опорными базами национально-либеральной оппозиции.

[68]) *Струве*—один из крупных политических вождей русской буржуазии. В эволюции Струве наиболее ярко отразились этапы развития ее политической идеологии. В начале 90-х годов Струве активно участвовал в идейной борьбе с народниками, выпустив в 1894 г. нашумевшую книгу «Критические заметки». Но уже тогда объявляя себя «критически-мыслящим» марксистом, Струве усердно призывает «на выучку к капитализму», что вызвало критику слева со стороны В. И. Ленина. В 1898 году Струве еще числится с.-д. и становится автором знаменитого манифеста I съезда партии, в котором он писал пророческие слова о том, что чем дальше на Восток, тем буржуазия делается все подлее. Через 1—2 года Струве выступает уже критиком марксизма и с.-д. по всему фронту. В политической экономии он критикует теорию трудовой ценности, в социологии и философии—материалистическую диалектику (особенно революционные «скачки»), в политике—позицию «Искры». До 1905 года Струве является лидером союза «радикальных» интеллигентов с либеральными земцами; революция же откидывает его еще более вправо. В годы столыпинщины Струве подводит идейный базис под третье-июньскую монархию и империалистические вожделения крупного капитала, ратует за союз «науки и капитала» и оплевывает революционное прошлое русской интеллигенции. Революция 1917 года сразу делает Струве активным контр-революционером. После Октября Струве занимает пост министра во врангелевском правительстве. В последние годы издает в Праге реакционно-мистический журнал «Русская Мысль».

[69]) *«Вехи»* — пресловутый сборник статей либерально-октябристской профессуры и интеллигенции, вышедший в эпоху реакции, в 1909 г. В этом сборнике оплевывалась революционная деятельность интеллигенции в прошлом, революционеры третировались, как худший враг страны и народа. Струве и К⁰ (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк) в этом сборнике открыто провозглашали, что основной задачей «настоящей» интеллигенции является идейная поддержка существующего строя помещиков и капиталистов. В свое время «Вехи» встретили резкий отпор со стороны революционных кругов, в первую голову, разумеется, со стороны нашей партии.

[70]) Здесь имеется в виду тактическая резолюция международного социалистического конгресса, состоявшегося в 1904 году в Амстердаме. Этому конгрессу предшествовал большой теоретический бой между ревизионистами и ортодоксами на Дрезденском партейтаге (съезде) немецкой социал-демократии. Принятая «ортодоксальным» большинством этого съезда резолюция была, без изменений, принята также и Амстердамским конгрессом. Ввиду исторической важности этой резолюции мы приводим ее целиком. Она лишний раз покажет забвение нынешним Интернационалом социал-предателей элементарных тактических принципов самого же II Интернационала:

> Конгресс самым решительным образом осуждает ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику, обоснованную на классовой борьбе, в таком направлении, чтобы вместо завоевания политической власти путем победы над нашими противниками, обратиться к политике уступок существующему порядку вещей.

Последствием подобной ревизионистской тактики было бы превращение партии, стремящейся к возможно скорому преобразованию существующего буржуазного общественного строя в социалистический, и, следовательно, партии революционной в лучшем смысле этого слова в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому конгресс, в противоположность ревизионистским стремлениям, выражает свое убеждение, что классовые противоречия не только не ослабляются, но все более и более обостряются, и заявляет:

1. что партия слагает с себя всякую ответственность за политические и экономические условия, проистекающие из капиталистического способа производства, и что, поэтому, она не может оправдывать таких средств, которые обусловлены поддержанием господствующего класса у власти;

2. что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на международном конгрессе 1900 года в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в пределах буржуазного общества.

Далее конгресс осуждает всякое стремление к затушевыванию существующих классовых противоречий, облегчающему сближение с буржуазными партиями.

Конгресс выражает надежду, что социал-демократические фракции будут по-прежнему употреблять ту огромную силу, которой они достигли,—как благодаря увеличению числа членов, так и благодаря сильному росту стоящих за ними масс избирателей,—для выяснения целей социал-демократии, и воспользуются соответственными основными положениями нашей программы для того, чтобы самым энергичным и ревностным образом всюду стать на защиту интересов рабочего класса, расширения и обеспечения политической свободы и других прав; для того, чтобы вести борьбу против милитаризма, против маринизма, против колониальной политики, против бесправия, угнетения и эксплоатации во всех ее формах, еще энергичнее, чем это было для нее возможно до сих пор; наконец, для того, чтобы энергично действовать в пользу создания социального законодательства и выполнения политических и культурных задач рабочего класса.

[71]) *Бурышкин*—крупный московский фабрикант, являвшийся одним из лидеров торгово-промышленной буржуазии. В эпоху керенщины Бурышкин неоднократно выдвигался в министры.

[72]) *Брусилов*—генерал царской армии, один из командующих армиями в эпоху империалистической войны. Летом 1917 года Брусилов был назначен главнокомандующим, и под его руководством прошло знаменитое наступление 18 июня. В годы гражданской войны Брусилов держал себя лойяльно по отношению к Советской власти, а в дни русско-польской войны выступил с призывом к офицерству о поддержке Советской России. В 1921 году и далее Брусилов работал в Красной армии инспектором кавалерии.

[73]) Здесь имеются в виду «июньские дни» 1848 года, когда либеральная буржуазия спровоцировала парижский пролетариат к восстанию. Февральская революция 1848 года, как и наша февральская революция, не создала предпосылок для уничтожения классовых противоречий, а лишь обострила их на новой основе, перенеся центр тяжести борьбы,—и здесь аналогия с нашей февральской революцией полная,—на отношения между буржуазией и пролетариатом. Весь период с февраля по июль 1848 года проходит под знаком беспрерывных классовых столкновений. Буржуазия, которая была сильнее пролетариата (в этом отличие той эпохи от нашей), решила спровоцировать пролетариат на восстание и потопить последнее в крови. Это ей удалось сделать путем закрытия национальных мастерских, которые давали заработок тысячам безработных пролетариев. Восставшие рабочие были разбиты национальной гвардией буржуазии и мелких лавочников в Париже. На подобный же ход развития рассчитывала, по-своему, и русская буржуазия. Но, как история показала, более зрелые классовые отношения были у нас несравненно менее благоприятны для буржуазии.

[74]) *Брошюра «Программа мира»*—является переработкой статей, напечатанных Л. Д. Троцким в «Нашем Слове» за 1915—1916 г.г.

[75]) *Временное Правительство второго состава* является в то же время *первым коалиционным правительством*. Как известно, пребывание Керенского в правительстве 1-го состава не было формально санкционировано Исполкомом Петроградского Совета, поэтому правительство формально и не считалось коалиционным, хотя, разумеется, являлось им по существу. Буржуазия прекрасно понимала, что провести только собственными руками политику продолжения войны ей не удастся. Коалиция была необходима прежде всего для буржуазии. В высокопарных словах эта мысль проводится в обращении Временного Правительства от 26 апреля. Там мы читаем:

> К сожалению и к великой опасности для свободы, новые социальные связи, скрепляющие страну, отстают от процесса распада, вызванного крушением старого строя... В этих условиях... трудные задачи Временного Правительства грозят сделаться непреодолимыми. Стихийные стремления осуществить ожидания и домогательства отдельных групп и слоев населения... грозят разрушить внутреннюю спайку и дисциплину и создать благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, с другой... для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим... Такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронтах. Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободе... Пусть все, кому дорога свобода России, поддержат государственную власть повиновением и содействием, примерами и убеждением, личным участием в общих трудах и жертвах и призывом к тому же других. Правительство, с своей стороны, с особенной настойчивостью воспользуется усилиями, направленными к расширению его состава, путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали

прямого и непосредственного участия в управлении государством...

Одновременно Керенский также начал атаку на Исполком во имя коалиции. Он вдруг вспомнил, что представлял демократию во Временном Правительстве лишь под своей ответственностью, тогда как это представительство должно-де вылиться в организованном участии вождей демократии.

27 апреля Чхеидзе получил официальное письмо от кн. Львова с предложением обсудить вопрос о коалиции. При первом обсуждении этого вопроса в Исполкоме противники коалиции получили большинство в два голоса. Естественно, что работа сторонников коалиции не прекратилась. На помощь им неожиданно пришел Гучков, наиболее ненавистная *правая* фигура в правительстве, подав в отставку. Временное Правительство возобновило свое предложение о коалиции. Собравшийся снова Пленум Исполкома имел уже другое соотношение сил. Меньшевики, мотивировавшие ранее свой отказ амстердамской резолюцией, теперь сменили гнев на милость. 44 голосами против 19 коалиция была принята, а собравшийся 2 мая Совет подтвердил это решение. На том же заседании Исполком выбрал делегацию для переговоров с Временным Правительством, в которую вошли: эсеры—Гоц и Чернов; трудовики—Брамсон и Станкевич; меньшевики—Церетели, Богданов, Чхеидзе, Дан, и от левой оппозиции—Юренев, Каменев, Суханов. Вначале делегация думала заместить советскими министрами 6—7 постов, постепенно же снизила их до трех. Торговля с Временным Правительством, вернее с ЦК кадетской партии, продолжалась несколько дней. Вначале последний не хотел жертвовать Милюковым, потом Милюкова все же убрали. Последующие разногласия возникли после того, как единогласно было признана необходимость создания особого министерства продовольствия. Представители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов заявили, что этот пост должен быть предоставлен кандидату социалистических партий, и выдвинули кандидатуру А. В. Пешехонова, одновременно предлагая к.-д. Шингареву портфель министра финансов. Шингарев, однако, не обнаружил готовности принять на себя руководство финансовым ведомством. Вместо Шингарева, к.-д. выдвинули на пост министра финансов кандидатуру Мануилова, как известного финансиста. Тогда возник вопрос о руководителе ведомством просвещения на случай ухода Мануилова в ведомство финансов; предполагалось разрешить вопрос путем назначения Кокошкина министром народного просвещения. Завязавшийся вокруг трех названных портфелей спор так и не был разрешен в течение четвертого мая.

В $11^1/_2$ часов ночи снова открылось заседание Временного Правительства и делегации. Центральный Комитет к.-д. по-прежнему признавал желательным назначение проф. Гримма министром народного просвещения, Мануилова—министром финансов, а Шингарева—министром продовольствия. Представители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов отстаивают прежнюю свою точку зрения на необходимость предоставления поста министра продовольствия кандидату «демократии». Около двух часов ночи соглашение по вопросу о министерстве продовольствия достигнуто. Первое коалиционное правительство было составлено следующим образом: председатель и министр внутренних дел кн. *Львов*, военный и морской министр—

Керенский, министр земледелия—*Чернов*, министр юстиции—*Переверзев*, министр иностранных дел—*Терещенко*, министр финансов—*Шингарев*, министр путей сообщения—*Некрасов*, министр торговли—*Коновалов*, министр продовольствия—*Пешехонов*, министр народного просвещения—*Мануилов*, министр труда—*Скобелев*, министр почт и телеграфов—*Церетели*, министр социального обеспечения—кн. *Шаховской*, министр по созыву Учредительного Собрания—*Гримм*, обер-прокурор синода—*Львов*, государственный контролер—*Годнев*.

Интересно отметить, что меньшевистские лидеры решились на коалицию за несколько дней до своей всероссийской конференции, решив поставить ее перед совершившимся фактом.

[76]) *Бриан*—когда-то видный социалист и один из лидеров французской социалистической партии. В свое время Бриан бросал упреки в оппортунизме знаменитому теоретику французского марксизма—Лафаргу. В начале 900-х годов Бриан выступает, как пропагандист теории «прямого действия» (action directe), требовавшей перенесения центра тяжести работы на внепарламентские массовые действия. Но уже в довоенные годы Бриан делает поворот на 180° и совершает обычный путь ренегата социализма во Франции—от «революционной» трибуны до кресла буржуазного министра. С тех пор Бриан делает выдающуюся карьеру, как политический вождь французской буржуазии. В 1920—1922 г.г. Бриан руководит всей ее политикой, в качестве премьер-министра. Но после конференции в Каннах (1922 г.), где, по мнению национального блока—организованного представительства крупного капитала—Бриан сделал излишние уступки либеральничавшему Ллойд-Джорджу, Бриан вынужден подать в отставку и уступить место твердокаменному Пуанкаре. В 1923—1924 г.г. Бриан выступал, как лидер умеренной оппозиции, пытался использовать левый блок, но оказался для последнего слишком правым для премьера, по крайней мере, сейчас же после «левых» выборов в мае 1924 года.

[77]) *Рибо*—министр иностранных дел в кабинете Бриана.

[78]) *Стокгольмская конференция*—была безуспешной попыткой мелкобуржуазного тогдашнего советского большинства выступить посредником для достижения мира.

Как известно, еще в марте месяце Петроградский Совет обратился с воззванием к народам всего мира, где говорилось:

> Мы, русские рабочие и солдаты, объединенные в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, шлем вам наш пламенный привет и возвещаем о великом событии. Российская демократия повергла в прах вековой деспотизм царя и вступает в вашу семью полноправным членом и грозной силой в борьбе за наше общее освобождение. Наша победа есть великая победа всемирной свободы и демократии. Нет больше главного устоя мировой реакции и «жандарма Европы». Да будет тяжким гранитом земля на его могиле. Да здравствует свобода! Да здравствует международная солидарность пролетариата и его борьба за окончательную победу!
>
> Наше дело еще не завершено: еще не рассеялись тени старого порядка, и немало врагов собирают силы против русской револю-

ции. Но все же огромны наши завоевания. Народы России выразят свою волю в Учредительном Собрании, которое будет созвано в ближайший срок на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. И уже сейчас можно с уверенностью предсказать, что в России восторжествует демократическая республика. Русский народ обладает полной политической свободой. Он может ныне сказать свое властное слово во внутреннем самоопределении страны и во внешней ее политике. И, обращаясь ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне, мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире.

В сознании своей революционной силы, российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира.

И мы обращаемся к нашим братьям, пролетариям австро-германской коалиции, и прежде всего к германскому пролетариату. С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из вас видели в этом оправдание той поддержки, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания: демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации.

Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего полусамодержавного порядка — подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластье; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, — и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы.

Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руку через горы братских трупов, через реки невинной крови и слез, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры, — мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства. В нем залог наших побед и полного освобождения человечества.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Но выпустив это весьма двусмысленное и по существу оборонческое воззвание, Совет почил на лаврах. Лишь империалистическая нота Милюкова и вызванное ею возбуждение масс вынудили Исполком предпринять кой-какие меры для подвижения дела о мире. В конце апреля Исполком начал обсуждать вопрос о созыве международной социалистической конференции по этому вопросу. 25 апреля была создана специальная комиссия.

в составе Аксельрода, Дана, Гольденберга, Мартова, Розанова, Скобелева, Суханова, Церетели, Чернова и Чхеидзе. Разговоры о конференции продолжались около двух месяцев. Против Стокгольмской конференции с самого начала высказались большевики и межрайонцы в России, на Западе же— спартаковцы (организация Р. Люксембург и К. Либкнехта) и все левые группы. Социалисты Антанты—по другим, конечно, мотивам—также решительно отказались от участия на этой конференции. Право-социалистическая пресса третировала эту конференцию, как происки немецкого империализма. Плодом усилий Исполкома явилось следующее воззвание к социалистическим партиям и профсоюзам мира:

> 28 (15) марта Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обратился с воззванием «К народам всего мира», в котором он призывал «народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира». Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, а с ним и вся демократия написали на своем знамени: «мир без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение». Российская демократия заставила первое Временное Правительство признать эту платформу и, как показали события 20 и 21 апреля, 3 и 4 мая, не позволила первому Временному Правительству отклониться от нее. Второе Российское Временное Правительство, по настоянию Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, поставило эту платформу первым пунктом своей декларации. 9 мая (26 апреля) Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил взять на себя инициативу созыва международной социалистической конференции, и 15 (2) мая Совет обратился с воззванием «К социалистам всех стран», призывая их к общей борьбе за мир. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов полагает, что скорейшего прекращения войны и водворения международного мира на условиях, требуемых общими интересами трудящихся масс и всего человечества, социалистическая демократия может добиться только интернационально объединенными усилиями рабочих партий и профессиональных организаций воюющих и нейтральных стран для энергичной и упорной борьбы против всемирной бойни. Первым же необходимым и решительным шагом в деле организации такого международного движения является созыв интернациональной конференции. Главнейшей задачей ее должно быть соглашение между представителями социалистического пролетариата, как относительно ликвидации политики «национального единения» с империалистическими правительствами и классами, исключающей возможность борьбы за мир, так и относительно путей и средств этой борьбы. Международное соглашение в целях ликвидации этой политики является вообще необходимой предпосылкой для организации борьбы на интернациональном базисе и в широком масштабе. Этот путь предуказан пролетариату всеми его международными договорами. Созыв конференции также властно диктуется общими жизненными интересами пролетариата всех народов. Партии и организации трудящихся классов, разделяющие

эти взгляды и готовые объединить свои усилия для проведения их в жизнь, приглашаются Советом принять участие в созываемой им конференции. Совет выражает при этом твердую уверенность в том, что все принимающие это предложение партии и организации возьмут на себя обязательство неуклонно проводить в жизнь все постановления, которые будут приняты конференцией. Местом конференции Совет избирает Стокгольм. Время созыва конференции—28 июня (8 июля) 1917 г.

В конечном итоге, благодаря отказу социалистов большинства от участия в этой конференции, последняя так и не состоялась.

[79]) *Шейдеман* принадлежит к той группе вождей социал-демократии, которые выросли в эпоху после «исключительного закона против социалистов», т.-е. в обстановке мирной парламентской борьбы и классовых соглашений. В предвоенные годы Шейдеман считался «ортодоксом», боролся с реформистами и ревизионистами, подтверждением чего может служить его предложение на одном из партейтагов об исключении Гильде брандта, видного оппортуниста, из партии. До войны Шейдеман был ближайшим сотрудником Бебеля и был выдвинут социал-демократической фракцией рейхстага последнего состава в вице-президенты рейхстага. После смерти Бебеля Шейдеман вместе с Эбертом становится главным руководителем партии. Вся позорная, предательская деятельность немецкой социал-демократии за годы войны проходит под руководством Шейдемана. Насколько он и его партия стали придатком Вильгельмовской монархии, достаточно видно из его собственных мемуаров. Революцию 1918 года Шейдеман, как, впрочем, и все вожди социал-демократии, встречает со страхом. «Революционное правительство», в которое входил Шейдеман, прилагало все меры к тому, чтобы потушить развертывавшееся революционное движение. Насколько тогда буржуазия доверяла Шейдеману и компании, видно из того, что он был поставлен во главе коалиционного правительства, составленного национальным собранием 1919 года. В последние годы Шейдеман уже не играет руководящей роли в социал-демократии. Его деятельность протекает теперь в гор. Касселе, где он занимает пост обер-бургомистра.

[80]) *Ренодель*—главный руководитель французской социалистической партии во время войны. На эту роль он выдвинулся с начала войны, после смерти Жореса. Политикан, делец «партийной кухни», он был вполне пригоден для эпохи предательства и политических сделок с Пуанкаре, Вивиани и К⁰. Возглавляя социал-патриотическое большинство, Ренодель руководил партией до Турского конгресса 1920 г., когда социал-патриоты остались в меньшинстве и вынуждены были пойти на раскол с коммунистическим большинством. В настоящее время, даже в рядах отколовшейся социалистической партии, Ренодель возглавляет правое крыло, открыто призывающее партию к правительственному блоку с Эррио и К⁰.

[81]) Статья эта была помещена в № 73 «Известий» от 24/V—1917 г. под названием *«Через Интернационал к миру»*.

[82]) *Циммервальд и Кинталь*—имена швейцарских деревень, где происходили конференции левых интернационалистских меньшинств в 1915 и 1916 г.г. Основная задача этих конференций состояла в том, чтобы объеди

нить отдельные группы социалистических партий, сохранившие верность принципам революционного социализма. Сами конференции эти еще не были, однако, однородны и сплочены. На каждой из них происходила борьба между умеренными элементами (Серрати, меньшевики-интернационалисты, Ледебур, швейцарская социал-демократия) и последовательными интернационалистами, во главе которых стояла делегация нашей партии, руководимая Лениным. Несмотря на умеренность и туманность лозунгов конференций, особенно циммервальдской, они сыграли большую роль в деле разоблачения социал-империалистского большинства во всех странах и выработки взглядов революционного крыла, подготовляя тем самым—через циммервальдскую левую—создание Коммунистического Интернационала.

[83]) Идея «срединной Европы» была выдвинута буржуазными и социал-патриотическими теоретиками Германии и Австрии. В Германии с этой идеей особенно носился либеральный пастор Науман, в Австрии—лидер социал-демократической партии—Реннер. Эта идея была на руку австро-германскому империализму, стремившемуся экономически и политически подчинить себе страны центральной Европы, через Болгарию и Турцию протянуть свою руку к богатым областям Азии и тем самым вбить клин между Англией и ее основной колонией, Индией, сомкнуть кольцо вокруг России, заставив ее примкнуть к этой грандиозной политико-экономической единице.

[84]) *Плеханов*—родоначальник русского марксизма, крупнейший теоретик диалектического материализма. Плеханов начал свою революционную деятельность еще в 70-х г.г. в качестве народника. В 1883 году он создает вместе с Аксельродом, Засулич и др. первую социал-демократическую группу «Освобождение Труда». В течение 80-х и первой половины 90-х г.г. Плеханов проводит блестящую идейную кампанию против народников, закончившуюся полным разгромом последних. Наиболее крупными работами за эту эпоху были: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Обоснование народничества в трудах В. В.», «К развитию монистического взгляда на историю» и т. д. Во второй половине 90-х г.г. и начале 900-х г.г. Плеханов развертывает следующую кампанию против оппортунизма «экономистов» и теоретической критики марксизма со стороны Бернштейна и Струве. Вместе с Лениным и др. он руководит «Искрой», а на 2 Съезде поддерживает Ленина против Мартова и Аксельрода. Но вскоре после Съезда Плеханов отходит к своим старым друзьям, а после московского декабрьского восстания 1905 г. провозглашает свое знаменитое сужденье: «не нужно было браться за оружие». В эпоху реакции в Плеханове снова просыпается до известной степени революционер, и в 1909—1911 г.г. он становится «певцом подполья», одновременно ведя идейную борьбу с антимарксистской философией Богданова. В довоенные годы Плеханов активно участвует также в Международном Социалистическом Бюро, выступая иногда с докладами на международных конгрессах. Война ликвидировала Плеханова, как политического вождя. Он сразу примыкает к крайнему, шовинистическому течению в социал-демократии, проповедует защиту отечества, борьбу до победоносного конца, фальсифицируя в этих целях ученье Маркса. После февраля Плеханов возглавляет наиправейшую социал-демократическую группу «Единство», не гнушаясь близостью с такими политическими него-

дями, как Алексинский. После Октября Плеханов остался противником большевизма, правда, не примыкая к активной борьбе с Советской властью. В 1918 г. Плеханов скончался.

[85]) *Вандервельде*—бельгийский социалист, крупнейший лидер II Интернационала. Вместе с Жоресом и др. Вандервельде еще до войны возглавлял реформистское крыло II Интернационала. Война превратила его окончательно в социал-предателя. Став королевским министром, Вандервельде не постеснялся агитировать среди русских социалистов (с благословения царского посла) за поддержку войны Романовых. После февраля Вандервельде приезжает в Петроград для нажима на социалистические круги в целях поддержки войны. В 1919 г., Вандервельде, кричавший перед этим о демократии, свободе наций и т. д., подписывает Версальский договор, который означал открытый грабеж Германии со стороны Антанты. По отношению к Советской России Вандервельде все время занимал враждебную позицию, что особенно ярко сказалось в его роли, в качестве защитника эсеров, на знаменитом процессе 1922 г.

[86]) *Мартов*—самый выдающийся и талантливый политик и публицист меньшевизма. До раскола сыграл крупную роль в развитии социал-демократической партии, создав вместе с Лениным «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а позже знаменитую «Искру». На 2 Съезде Мартов впервые отошел от Ленина и вместе с Аксельродом защищал такую формулировку членства в партии, которая, по логике своей, означала отказ от создания боевой партии профессиональных революционеров. С 1903 г. Мартов становится лидером меньшевиков, все время, правда, пытаясь стоять левее своих последователей. Так, в эпоху контр-революции Мартов первое время отмежевывается от открытых ликвидаторов. В годы войны сначала примыкает к интернационалистам, расходясь с основными кадрами меньшевиков. В эпоху керенщины Мартов стоит в оппозиции к официальному меньшевизму, поддерживая группу «Новая Жизнь», но и не порывая с меньшевизмом. После Октября он также не раз проявлял колебания влево, правда, всегда кончавшиеся примирением с правыми. В 1923 г. Мартов скончался. В его лице меньшевизм потерял единственного выдающегося вождя.

[87]) *Мартынов*—старейший работник российской социал-демократии. В конце 90-х г.г. Мартынов возглавлял вместе с Кричевским заграничный союз русской социал-демократии и орган последнего «Рабочее Дело», защищавший «экономистов». После раскола в социал-демократии Мартынов становится одним из видных вождей меньшевиков. Вместе с Мартовым и Аксельродом Мартынов в течение полутора десятилетий является теоретиком меньшевизма. В годы войны и после-февральские дни Мартынов вместе с Мартовым защищает «центристскую» позицию. В последние годы Мартынов эволюционировал влево, и 12 Съездом РКП был принят в ряды нашей партии.

[88]) *Ландсберг*—видный немецкий с.-д. парламентарий, занимавший в годы войны шейдемановскую позицию. После революции 1917 года Ландсберг входит в Совет уполномоченных (министров) в числе Шейдемановской тройки. Ландсберг имеет ряд работ по вопросам социализма в либерально-реформистском духе.

[89]) *Киао-Чао*—китайский остров, являющийся немецкой колонией между Японией и Китаем. В начале войны Япония, выступившая в качестве союзницы Антанты, захватила этот и другие острова (Циндау и т. д.), захваченные ранее Германией. Теперь они перешли к ней окончательно.

[90]) *Трентино*—область, расположенная на юге б. Австро-Венгрии, по границе с Италией. Население Трентино состоит, главным образом, из итальянцев. Стремление захватить эту область было одним из мотивов, побудивших Италию к войне с ее бывшей союзницей. Ныне эта область вошла в состав итальянского королевства.

[91]) *Эрве*—когда-то был видным французским анархо-синдикалистом, в годы перед войной перешел в ряды французской социалистической партии, в которой возглавлял вплоть до войны крайнее левое анти-милитаристское крыло. Эрве неоднократно критиковал тогда оппортунистические уклоны немецкой социал-демократии (и французской тоже) по вопросу об отношении к милитаризму, отечеству и т. д. Ленин, в своих довоенных статьях признавал известную долю истины в критике Эрве, что не мешало Ленину резко отмежевываться от анархистского налета в критике Эрве, всегда к тому же крикливой и поверхностной. С начала войны Эрве делает крутой поворот вправо и превращается в ярого социал-патриота, далеко опередившего даже таких матерых предателей, как Тома и К°. С течением времени Эрве эволюционировал все более вправо и ныне является доверенным публицистом Мильерана.

[92]) *Давид*—виднейший теоретик ревизионизма и реформизма, главным образом, его мелкобуржуазного крестьянского крыла. В начале 900-х годов Давид выступил с критикой аграрной программы с.-д., возбудив к себе большие симпатии наших эсеров (по этому поводу имеется статья Ленина в IV томе: «Les beaux esprits se rencontrent»). В последующие годы Давид является одним из столпов ревизионистского журнала «Социалистические Ежемесячники», усердно проповедует политические блоки с буржуазией, критикует классовый пролетарский характер с.-д. партии, считая, что последняя должна быть народной. В годы войны Давид превращается, конечно, в социал-империалиста, являясь одним из самых ярых апостолов войны до победного конца. В 1915 г. он выпускает большую работу под названием «Социал-демократия во всемирной войне» (по поводу нее см. ст. Ленина в «Правде» № 169 за 1924 г.), в которой он теоретически обосновывает оборонческую позицию немецкой с.-д. После революции Давид занимает ряд крупных административных постов.

[93]) Здесь имеются в виду польские (Люксембург, Радек и др.) и голландские (Паннекук и др.) левые, которые отрицали лозунг самоопределения народов и считали, что национальный вопрос может быть разрешен лишь при социализме. В борьбе с этими «упростителями» и отчеканилась ленинская точка зрения по национальному вопросу. Об ошибках этого течения подробнее см. в XIX томе соч. Ленина.

[94]) «Социал-демократ»—был центральным органом нашей партии, издававшимся в Швейцарии. Здесь имеется в виду статья Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (см. «Против течения», стр. 130, изд. 1923 г.).

[95]) *Вальян*—ветеран социалистического движения во Франции. Вальян начал свою деятельность еще до Парижской Коммуны, в качестве бланкиста.

Во время Парижской Коммуны Вальян был одним из руководителей ее бланкистско-якобинского крыла. После поражения Коммуны Вальян вынужден был скрыться за границу ввиду белого террора. В эмиграции он столкнулся с Марксом и Энгельсом и под влиянием последних стал эволюционировать от бланкизма к марксизму. Однако руководимая им партия вела обособленное существование от марксистской рабочей партии Геда и Лафарга. Лишь в 90-х г.г. обе эти группы сливаются в социалистическую партию Франции (не смешивать с жоресистской французской социалистической партией). В объединенной социалистической партии, как и во II Интернационале Вальян стоял на левом фланге, защищая революционную точку зрения в главнейших тактических вопросах. Война политически ликвидирует Вальяна, как и ряд других вождей II Интернационала. Вальян становится социал-патриотом, искренне веря, что Франция борется за идеи демократии против немецкого империализма. В разгаре войны Вальян умирает.

[96]) *Ленч*—до войны был видным лево-радикальным литератором немецкой с.-д., неоднократно критиковал позицию тогдашнего «центра» (например, в вопросе о милитаризме, разоружении и т. д.). С наступлением войны Ленч совершил крутую эволюцию и сделался самым оголтелым социал-империалистом. Уже в эпоху войны Ленч числился на крайнем правом фланге с.-д. партии, в послевоенную же эпоху он окончательно превращается в политического прислужника немецкой буржуазии. В последние годы Ленч служил у Стиннеса, в качестве главного редактора «Всеобщей Немецкой Газеты».

[97]) *Генуэзская конференция*—была созвана Антантой в апреле 1922 г. Официальным мотивом ее созыва было стремление английского премьера Ллойд-Джорджа установить равновесие и порядок в европейском хозяйстве. По существу же, она предназначалась для того, чтобы Антанта могла сторговаться с Советской Россией об условиях ликвидации старых долгов России и вхождения Советской России в нормальные взаимоотношения с Европой. Ободренные экономическими уступками нашей партии при переходе к НЭП'у, руководители Антанты предполагали, что им удастся заставить капитулировать Советскую Россию. Но так как эти ожидания не оправдались, то Генуэзская конференция, как и последовавшая за ней «деловая конференция в Гааге», кончилась безрезультатно.

[98]) Эту речь Милюков произнес после выступления Чхенкели в связи с отставкой Хвостова (известного царского министра). На указание Чхенкели, что вся политика царизма ведет к революции, Милюков и ответил своей знаменитой репликой о том, что лучше поражение в войне, нежели революция.

[99]) *Вильсон*—президент Северо-Американских Соединенных Штатов в 1912—1920 г.г. Во время войны Вильсон выступил с посредничеством между Антантой и Германией, предлагая заключить мир без аннексий и т. д. Принадлежа к демократической партии, которая любила заигрывать с пацифизмом, Вильсон, после того, как он вовлек Соединенные Штаты в войну, выступил со знаменитыми 14 пунктами, а также и с проектом Лиги Наций, которая якобы должна умиротворить мир. Насколько его программа была лицемерна, показывает тот факт, что само правительство Соединенных Шта-

тов отказалось вступить в Лигу Наций. Несмотря на это, пацифистские формулы Вильсона увлекли за собой мелкую буржуазию и солидные слои правых социалистов Европы. Послевоенная практика показала, что вся программа Вильсона была в сущности средством обмана мелкобуржуазных и части рабочих масс.

[100]) *«Речь»*—центральный орган кадетской партии. Главным редактором его был Милюков. В июльские и после-июльские дни «Речь» вела бешеную травлю против большевиков. Продолжением «Речи» ныне являются «Последние Новости», издаваемые Милюковым в Париже, и «Руль», издаваемый Гессеном, вторым редактором «Речи», в Берлине.

[101]) *Альберт Тома*—ближайший ученик Геда, эволюционировал уже до войны вправо. В годы войны Тома стал ярым социал-патриотом. В 1917 г. Альберт Тома приезжал вместе с Гендерсоном и Вандервельде в Петроград для уговаривания эсеро-меньшевистского Совета в пользу продолжения войны. Позднее, деятельность Тома выразилась в организации международного Бюро Труда при Лиге Наций,—организации, имеющей своей основной целью помощь буржуазии в борьбе с революционным движением рабочего класса.

[102]) Эта статья была напечатана почти целиком в Америке в начале 1917 года. Позже она была перепечатана в журнале «Вперед».

[103]) *Ювенал*—знаменитый сатирик античного Рима. Родился в г. Аквине (в юго-вост. части Лация) в первые годы правления Нерона (около 55—56 г.г. по Р. Хр.). Свои сатиры Ювенал начал писать или публиковать только при императоре Траяне, после 100 г. по Р. Хр. 16 сатир поэта разделяются на 5 книг.

«В сатирах Ювенала,—пишет Олсуфьев,—этого реалиста древнего мира, как в фотографической камере отпечатлелась вся окружавшая его римская жизнь, изображенная им в целом ряде законченных до мельчайших подробностей бытовых картин, прямо с натуры схваченных портретов, психологически тонко разработанных очерков отдельных типов и характеров, реалистически верных снимков со всей окружающей его среды, от дворца кесаря до лачуги в Субуре, от уборной знатной матроны до клети в лупанаре, от пышной приемной чванливого адвоката до дымной школы бедняка грамматика; Ювенал собрал все это разнообразие силою своего таланта в одно художественное целое, в котором, как в зеркале, отражается весь древний мир, насколько он был виден поэту».

[104]) Союз Франции, Англии и России можно считать окончательно состоявшимся после англо-русского соглашения 1907 года, которое разрешало наиболее острые спорные вопросы между Англией и Россией в отношении ближнего Востока. Что же касается взаимоотношений Англии и Франции, Франции и России, то они уже давно носили «дружественный» характер. Былая конкуренция между Англией и Францией отступила назад перед опасностью (для Англии) нового могучего конкурента—Германии. Враждебность к общему врагу объединила Францию и Англию. Что касается Франции и России, то они заключили между собою договор союзного характера еще в 90-х г. г., после обострения экономической конкуренции прусских и русских помещиков, которая положила конец немецкой ориентации царского правительства в области внешней политики.

[105]) Третья Республика ведет свое начало с момента установления буржуазного правительства на развалинах Парижской Коммуны. Третьей по счету она является потому, что ей предшествовали две республиканские эпохи: в эпоху Великой Французской Революции и после революции 1848 года.

[106]) *Каутский*—самый крупный теоретик II Интернационала, ближайший ученик Энгельса. В немецкой с.-д. начал работать с 80-х г.г., редактируя научный орган «Neue Zeit». В 90-х г.г. Каутский выступил с рядом блестящих марксистских работ («Эрфуртская программа», «Аграрный вопрос» и т. д.), поставивших его в первые ряды марксистских теоретиков. Критика Бернштейна, против ревизионизма которого Каутский выступил, правда, позднее Парвуса, Люксембург и Плеханова, сделала его общепризнанным главой марксистской школы. В эти же годы и позднее Каутский выдвигается, как обоснователь революционной с.-д. тактики. Он неоднократно выступает против немецких оппортунистов южно-германского типа и из профессионалистских кругов, против Жореса и др. 1905—1907 г.г. являются революционным апогеем в деятельности Каутского. Он не только приветствует русскую революцию, но и защищает ценность ее методов для европейского рабочего движения. В эти годы он расходится несколько даже с Бебелем. Написанная в начале 1909 г. работа «Путь к власти» заканчивает собой эту эпоху в деятельности Каутского. Как только стало необходимым конкретизировать «Путь к власти», найти практические пути в борьбе с империализмом—после поражения русской революции,—Каутский рвет со своими теоретическими выводами и делается защитником «пассивного радикализма», тактики выжидания и «измора», прилагает все усилия, чтобы дискредитировать методы борьбы русской революции. Его полемика в 1910—1913 г.г. с Люксембург, Паннекуком, Ленчем и др. показала, что Каутский уже наполовину потерян для революционного рабочего движения. Война окончательно ликвидировала революционера-Каутского. В течение ряда лет он проповедует нелепые теории об Интернационале, как инструменте мира, а не войны, повторяет буржуазные идейки о «Срединной Европе», ликвидирует основы марксистской полит-экономии своей теорией о принципиальном противоречии между финансовым и промышленным капиталом. Плоды его литературной деятельности в эти годы были охарактеризованы Л. Д. Троцким в книге «Терроризм и коммунизм»: «Я и моя путаница». Октябрьскую революцию Каутский встретил с нескрываемым неодобрением, борьбу же Советской Республики с контр-революцией осуждал, как раздувание гражданской войны. В эти тяжелые годы Каутский не стесняется писать клеветнические памфлеты против Советской России. Свой полный отказ от марксизма Каутский завершил в своей последней крупной работе «Пролетарская (?) революция и ее программа», где доказывает, что между капитализмом и коммунизмом пролегает не эпоха пролетарской диктатуры (как учил Маркс), а эпоха коалиции буржуазии и пролетариата. Политической роли Каутский ныне уже не играет.

[107]) *Брайан*—один из видных левых лидеров демократической партии Северо-Американских С. Ш. В лице Брайана мы имеем типичного представителя американского пацифизма, который по существу лишь прикрывает империалистическую политику американской биржи. Благодаря усыпляю-

щей пацифистской агитации Брайана демократической партии, являющейся одним из двух политических агентств крупного капитала, удалось безболезненно привести за собой широкие слои мелкой буржуазии и части рабочих к вмешательству в европейскую войну.

[108]) Эта резолюция нами приведена в примечании 126.

[109]) Перед Всероссийским Съездом Советов состоялось совещание всех его делегатов с.-д. Совещание открылось 1 июня, в 7 час. вечера. Присутствовало свыше 300 человек. В президиум были выбраны: Хинчук и Бройдо от фракции меньшевиков, Ногин, Шумяцкий от фракции большевиков и др. интернационалистов. В порядке дня стояли вопросы: 1) о войне, 2) о Временном Правительстве, 3) о президиуме и 4) организационные вопросы. С речами по вопросу о войне выступили: Дан, Троцкий и Ерманский. Дан выставил основной тезис, что мир должен быть только всеобщим, и что ликвидировать войну может не братанье, а международная конференция с участием социалистов всех течений. Выступивший после Троцкого Либер заявил, что «Россия не ведет империалистической политики», и утверждал, что «призывы Троцкого и Ленина к социальной революции являются утопическими».

Для характеристики Съезда Советов и его состава мы приводим интересную оценку его, данную таким «беспристрастным» наблюдателем, как Суханов:

> На Всероссийском Советском Съезде эти самые эсеры явились решающей силой. Они не имели абсолютного большинства; но вместе с правыми меньшевиками они составили пять шестых Съезда. Оппозиционные фракции, вместе взятые, включая сюда и совещательные голоса, насчитывали не больше 150—160 человек; а при голосовании против правящего блока поднималось не более 120—125 рук. Это была узенькая полоска, тянувшаяся от президентской эстрады, с левой стороны, вдоль стены, и доходившая не дальше, чем до половины зала. Если посмотреть с самой эстрады, то эта полоска выделяется и внешним своим видом из остальной массы: это почти исключительно штатские костюмы, и в частности *рабочие* куртки. Остальная масса почти сплошь военная. Это были «настоящие» солдаты, мужики; но больше было мобилизованных интеллигентов. Не одна сотня была и прапорщиков, все еще представлявших огромную часть действующей армии. И что тут были за «фигуры»! Само собой разумеется, что все они были «социалисты». Без этой марки представлять массы, говорить от их имени, обращаться к ним было совершенно невозможно. Но, смотря по вкусу, в зависимости от факторов, совершенно неуловимых, к эсерам и меньшевикам примыкали не только *тайные* кадеты, октябристы, особенно антисемиты; под видом «народников» или «марксистов» тут фигурировали и заведомо либеральные и даже не особенно либеральные адвокаты, врачи, педагоги, земцы, чиновники.
>
> За день-два до открытия Съезда я также отправился в кадетский корпус (помещение Съезда. *Ред.)* лично посмотреть на «революционную Россию». Картина была поистине удручающая. Вернувшись в Таврический Дворец, в ответ на жадные вопросы това-

рищей, я только махнул рукой и нечаянно скаламбурил: *Кадетский корпус*!.. (Суханов, «Записки о революции», кн. IV, стр. 204—205.)

[110]) *Каратаев*—тип резонирующего и в то же время твердо верующего в высшие силы, регулирующие жизнь человека-крестьянина, выведенный Л. Толстым в его знаменитом произведении «Война и Мир».

[111]) Здесь приходится снова отметить искажение «Новой Жизнью» позиции автора. Отношение Л. Д. Троцкого к войне, краху Интернационала и предательству социал-патриотов было настолько недвусмысленно, что оратор не мог не высказать резко отрицательного отношения к Стокгольмской конференции, что видно также из одновременно писавшихся им статей. Запрошенный нами по этому поводу Л. Д. Троцкий ответил следующее:

> Речь явно ретуширована; заключительный абзац отчета гласит: «Троцкий скептически относится к Стокгольмской конференции»... Слово «скептически», разумеется, совершенно не выражало моего отношения, как ясно, впрочем, из дальнейшего текста, где я, даже по отчету газеты, говорю, что мы не можем заседать с палачами, будучи заодно с их жертвами. Сама «Новая Жизнь» стояла целиком за Стокгольмскую конференцию и старалась в передаче ослабить критику ее.

[112]) В декабре 1905 г., как известно, произошло героическое восстание московских рабочих, жестоко подавленное царским правительством.

[113]) *Стаунинг*—старый реформист, вождь социал-демократической партии Дании. Еще до войны Стаунинг вместе с бернштейнианцами и жоресистами защищал идею правительственной коалиции социалистов с буржуазными партиями. В годы войны и позже Стаунинг претворил ее в дело, будучи и министром и премьером коалиционных правительств Дании. В 1917 году Стаунинг, как вождь с.-д. партии нейтральной страны, занимался посредничеством во взаимном прощении грехов антантовскими и австро-немецкими социал-патриотами.

[114]) Этот вопрос в повестке дня Съезда был формулирован так: О революционной демократии и буржуазной власти. Докладчиком по этому вопросу выступил один из лидеров меньшевиков Либер. Вместе с этим докладом переплелись вопросы, связанные с отчетами министров-социалистов. В прениях по этому докладу выступали лидеры всех политических партий, Ленин и Троцкий в том числе.

[115]) Министром продовольствия в этом составе Временного Правительства был Пешехонов. Последний не числился формально представителем Совета. По своим политическим убеждениям Пешехонов принадлежал к партии народных социалистов, был ее основателем и вождем. Пешехонов в течение двух десятилетий был виднейшим теоретиком либерального народничества. Вместе с Мякотиным и другими публицистами журнала «Русское Богатство» Пешехонов основал партию н.-с. В годы войны это крыло народников занимало патриотическую позицию. В течение 1917 г. Пешехонов и другие лидеры этой партии занимали позицию, которая, даже по словам Милюкова (см. его «Историю русской революции»), почти ничем не отличалась от позиции кадетов. После Октябрьской революции Пеше-

хонов отошел от активной политической деятельности. В 1922 г. Пешехонов, приехав за-границу, написал книгу, в которой признавал ряд заслуг нашей партии и Советской власти, в деле возрождения России и культурного подъема масс.

[116]) Запрошенный нами по этому поводу Л. Д. Троцкий ответил, что речь здесь идет о тов. Серебровском, который был правительственным директором Путиловского (кажется) завода, а в настоящее время руководит нефтяной промышленностью в Азербейджане.

[117]) *Коновалов* — богатый либеральный текстильный фабрикант, игравший крупную роль в политическом мире буржуазии. В Государственной Думе Коновалов был одним из руководителей прогрессивного блока. Еще в эпоху царизма Коновалов проявил себя предпринимателем европейского покроя, стремясь направить борьбу между рабочими и хозяевами в рамки классовых соглашений. В эпоху войны Коновалов был одним из организаторов военно-промышленных комитетов. В созданное после революции Временное Правительство Коновалов вошел, как министр торговли и промышленности. В этом буржуазном кабинете он принадлежал к «левому» крылу. В конце мая, после того, как Исполком принял экономическую программу, имевшую целью вести контроль над производством (по крайней мере, на словах), Коновалов вышел в отставку. Его уход лишний раз показал уже тогда, что идея соглашения между пролетариатом и буржуазией невозможна, что буржуазия, даже в лице своих наилевейших представителей, не допустит ограничений своих прав, как класса предпринимателей. В последующих составах Временного Правительства Коновалов занимал пост заместителя председателя совета министров. В настоящее время Коновалов живет за границей и руководит вместе с Рябушинским и др. союзом бывших фабрикантов и банкиров.

[118]) *Переверзев* — известный петроградский адвокат. По политическим воззрениям был близок к Керенскому. В июльские дни был министром юстиции и опубликовал подложные документы, направленные против нашей партии (в них, например, утверждалась связь большевиков с германским штабом и т. д.).

[119]) *Третьяков* — московский фабрикант. В 1917 г. был одним из руководителей торгово-промышленной России. Во время разных правительственных комбинаций Третьяков не раз намечался в министры. В созданное Керенским 25 сентября правительство Третьяков вошел, в качестве председателя Высшего Экономического Совета. В годы гражданской войны Третьяков играл крупную роль у Колчака. В эмиграции Третьяков является одним из руководителей союза бывших фабрикантов.

[120]) *Брамсон* — один из лидеров партии народных социалистов. По некоторым вопросам Брамсон расходился с правым большинством этой партии. В 1917 г. входил в ЦИК от н.-с.

[121]) *Шингарев* — видный земский деятель к.-д. В Государственной Думе Шингарев играл крупную роль, возглавляя вместе с Милюковым и другими так называемый прогрессивный блок. В Временном Правительстве второго состава Шингарев занимал пост министра финансов. В послеоктябрьские дни он был убит в больнице неизвестными лицами.

[122]) *Дан* — крупнейший политический вождь меньшевиков. На протяжении 20 лет, со дня основания меньшевизма до наших дней, Дан последовательно проводил и проводит реформистские идеи. В рядах меньшевиков Дан всегда был самым твердокаменным, стопроцентным оппортунистом. Не в пример Мартову, Дан никогда не делал резких уклонов влево и, на всех крупных поворотах, неизменно отстаивал против Мартова реформистские принципы. Уже в годы ликвидаторства, Дан проявил себя, как последовательный политик, став во главе открытых ликвидаторов. В годы войны Дан, хотя формально и не числился оборонцем, но по существу был таковым, что подтвердилось позже его идейной солидарностью с так называемым «революционным оборончеством». Возвратившись в 1917 г. из сибирской ссылки, Дан становится во главе партии меньшевиков и ЦИК'а. Вся политика коалиции вдохновлялась прежде всего Даном. Недаром она получила название либер-дановской. В борьбе против Мартова и даже Аксельрода, в борьбе против левых меньшевиков, Дан ведет меньшевистскую партию к коалиции и — тем самым — к политической смерти. После Октября Дан, формально не присоединяясь к сторонникам вооруженной борьбы с Советской властью, по существу поддерживает таковых. В последние годы Дан вместе с Мартовым возглавлял заграничный центр меньшевиков. После смерти Мартова Дан остался единственным крупным политиком разложившейся партии меньшевиков.

[123]) *Р. Гримм* — лидер Швейцарской с.-д. партии. В эпоху войны Гримм активно участвовал в Циммервальдской конференции, будучи по существу пацифистом, а не революционером. В 1917 г. Гримм прибыл в Россию с намерением, повидимому, принять активное участие в заключении мира между Россией и Германией и тем «спасти» русскую революцию. Вся шумиха, поднятая буржуазной печатью, возникла из-за следующего: Гримм получил в Петербурге телеграмму (перехваченную разведкой), в которой член швейцарского правительства Гофман передавал Гримму о благоприятных перспективах со стороны Германии на заключение сепаратного мира между Германией и Россией. Эта телеграмма была ответом на запрос Гримма, который, как было отмечено, тщился выступить в качестве посредника между воюющими странами. Буржуазная печать подняла бешеный вой, обвиняя Гримма, а с ним вместе и всех циммервальдцев, как германских агентов. Терроризованные ею советские вожди немедленно выслали Гримма за-границу.

[124]) Речь Милюкова, о которой говорит т. Троцкий, была произнесена Милюковым на частном совещании членов Государственной Думы 3 июня по вопросу внешней политики, состоявшемся у Родзянки. Ввиду того, что именно с этого момента начинается неслыханная травля руководителей левой советской оппозиции, в особенности Ленина и Троцкого, мы приводим полностью отрывок из указанной речи Милюкова, на которую ссылается тов. Троцкий:

> К сожалению, провокационный шаг германцев не единственный: Германия ищет сепаратного мира не только на фронте, в окопах, она ищет его и в России. И вот является в Петроград сам председатель циммервальдской конференции, Роберт Гримм, личность

очень хорошо и определенно известная во всей европейской социал-демократии. Я должен сказать, что в мою бытность министром я запретил Роберту Гримму въезд в Россию, зная, что Роберт Гримм является агентом германского правительства. Сегодня мы читаем в газетах, что Роберт Гримм выслан обратно за-границу смешанным министерством с участием министров-социалистов. Только теперь они узнали, что Роберт Гримм есть агент германской власти, и что в качестве агента он является посредником, через голову правительства, опять все по тому же вопросу,—по вопросу о сепаратном мире. Есть и еще один печальный факт того же рода. Недавно арестован, как вы знаете, довольно известный писатель Колышко, писавший под именем Баяна и Серенького в разных газетах. Его арест раскрывает неожиданные вещи. Оказывается, что г. Колышко на германские деньги очень много поработал над удалением из первого состава министерства военного министра Гучкова и министра иностранных дел Милюкова. Таким образом, германская работа не ограничивается академическими предложениями сепаратного мира. Ведется весьма энергичная и чисто практическая работа. Работая параллельно с идеологами Кинталя и Циммервальда, германские агенты достигают целей, которые приятны, с одной стороны, нашим крайним партиям, а с другой стороны,—германскому правительству. Нужно только прибавить одно,—наше Временное Правительство арестовало Колышко и выгнало Роберта Гримма. А Ленин, Троцкий, вновь проповедующие «перманентную революцию», и их товарищи, достаточно нагрешившие против всех параграфов уголовного кодекса, гуляют на свободе и вносят заразу в русское общество и в русскую армию. Я думаю, надо пожелать нашему правительству быть последовательным и перейти от агитаторов иностранных и буржуазных к агитаторам социалистическим, но однородного типа. Будем желать, чтобы когда-нибудь и Ленина с его товарищами послали туда же, где находится Колышко («Речь», 4 июня 1917 г.).

125) Вопрос о Государственной Думе не стоял специально на повестке дня Съезда, а возник в процессе трений по вопросу о Временном Правительстве. Поводом к нему послужило совещание правых членов Государственной Думы, которое пыталось выступить активно и в дальнейшем. Таким образом, реакция, которая ранее несколько утихла, снова подняла голову. Несмотря на то, что контр-революционные поползновения Родзянки и К° были очевидны, эсеро-меньшевистские лидеры не решались, под давлением буржуазного большинства Временного Правительства, распустить Думу. Церетели же в своих аргументах против большевиков дошел даже до утверждения, что Государственная Дума пользуется большим авторитетом в массах населения. Эсеры, которые вначале стояли за роспуск Думы, позднее, под влиянием меньшевиков, перешли на сторону противников ее роспуска. Съезду были предложены три резолюции. Одна — большевиками и интернационалистами, которую защищали Луначарский и Троцкий, другая — Мартовым и третья (см. ниже), предложенная Гоцем от имени

меньшевиков и эсеров, которую защищали Дан и Богданов. Эта третья резолюция и была принята большинством 491 голоса против 216 при 41 воздержавшемся. Отношение меньшевистских лидеров к Думе было настолько позорным, что даже Суханов в своих «Записках» квалифицирует его, «как образец мелкого и скверного политиканства в тогдашних правящих советских сферах».

Резолюция меньшевиков и с.-р. о Государственной Думе и Государственном Совете, принятая на заседании Съезда Советов 9 июня.

Принимая во внимание, что в последнее время группа бывших членов Государственной Думы, выступая от имени Государственной Думы и используя положение, занятое ею в первые дни революции, пытается под империалистическими лозунгами стать центром для собирания сил, действующих против революции и демократии, — Всероссийский Съезд, считая необходимым установить, что революция, разрушив основы старого режима, тем самым: а) упразднила Государственную Думу и Государственный Совет, как органы законодательной государственной власти, б) что она же лишила их личный состав звания, дарованного им старым порядком, — полагает: 1) что в дальнейшем отпуск средств на содержание и функционирование Государственной Думы и Государственного Совета, как законодательных учреждений, должен быть Временным Правительством прекращен, и 2) что поэтому все выступления бывших членов Государственной Думы и Государственного Совета являются выступлениями частной группы граждан свободной России, никакими полномочиями не облеченных.

[126]) С докладом о войне выступил Дан, горячо полемизировавший с защитниками сепаратного мира. По этому докладу выступали: Ленин, Керенский, Мартов, Каменев, Церетели, Плеханов и др. Последний произнес шовинистическую речь и, полемизируя с Троцким, заявил, что «тактика, которую предлагает т. Троцкий, есть старая тактика бакунизма». После прений огромным большинством была принята эсеро-меньшевистская резолюция, которую, ввиду ее важности, мы помещаем целиком:

Настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех стран, направленных к захвату новых рынков и подчинению своему экономическому и политическому влиянию мелких и отсталых стран. Она приводит к полному экономическому истощению всех стран и народов и ставит на край гибели русскую революцию. Поглощая миллионы жизней и миллиарды народных средств, она грозит еще более усилить разруху, оставленную стране старым режимом, толкая ее на голод и отвлекая ее от творческой работы по укреплению завоеванной свободы. Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов признает, что борьба за скорейшее окончание войны является поэтому важнейшей очередной задачей революционной демократии, диктуемой как интересами революции, так и стремлением тру-

дящихся всех стран прекратить взаимное истребление и вновь восстановить свой братский союз для совместной борьбы за полное освобождение человечества. Всероссийский Съезд признает: 1) Что окончание войны, путем разгрома одной из групп воюющих сторон, послужило бы источником новых войн и еще более усилило бы рознь между народами и довело бы их до полного истощения, голода и гибели. 2) Что сепаратный мир усилит одну из борющихся сторон, даст ей возможность одержать решительную победу над другой, усилит захватные стремления господствующих классов, не освободит Россию от тисков мирового империализма и затруднит международное объединение трудящихся, а потому Съезд категорически отвергает всякую политику, на деле направленную к осуществлению сепаратного мира или его преддверья— сепаратного перемирия. Окончательной гибелью для России была бы попытка с ее стороны добиться проведения намеченной ею программы мира путем разрыва с союзниками и объявления войны всей Европе. Ввиду того, что окончание войны возможно лишь при условии объединенных усилий демократии всех стран, «Съезд признает необходимым: а) чтобы революционная демократия России, в лице ее полномочного органа, Всероссийского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, обратилась с призывом к демократиям всех государств, чтоб они присоединились к лозунгу «мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов» и в этом направлении воздействовали на свои правительства; б) чтобы она всеми мерами содействовала скорейшему воссозданию революционного Интернационала и созыву международного социалистического съезда для восстановления международной солидарности трудящихся, выработки окончательных условий мира и мер проведения их в жизнь; в) чтобы она обратила внимание демократии всех воюющих стран на то, что их недостаточно энергичное противодействие последним заявлениям их правительств о захватных целях войны ставит в крайне тяжелое положение русскую революцию и затрудняет международное единение трудящихся. Для осуществления этих задач, необходима немедленная посылка делегаций в союзные и нейтральные страны и приглашение в Россию из этих стран делегаций от всех социалистических течений. Съезд решительно протестует против затруднений, которые ставятся империалистическими правительствами посылке этих делегаций. Признавая, что Временное революционное Правительство в основу своей международной политики положило выдвинутую русской демократией программу мира, Съезд считает необходимым, чтобы правительство в кратчайший срок приняло все зависящие от него меры для присоединения союзных России стран к этой программе. Съезд считает необходимым, чтобы правительство теперь же приняло все меры для ускорения пересмотра договоров с союзными правительствами в направлении решительного отказа от захватной политики. Для успешного проведения намеченной демократией внешней политики необходимо скорейшее обновление лич-

ного состава министерства иностранных дел и дипломатического корпуса путем его демократизации. Съезд заявляет, что до тех пор, пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям, ибо крушение русского фронта было бы поражением русской революции и тяжким ударом делу всей международной демократии. В частности, Съезд полагает, что вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто стратегической.

127) К сожалению, этого воззвания найти не удалось ни в «Единстве», ни в других газетах.

128) Принадлежность настоящего заявления перу т. Троцкого нами установлена на основании личного воспоминания т. Троцкого:

> После отмены демонстрации 10 июня, когда атмосфера первого Съезда Советов накалилась до чрезвычайности, и Церетели грозил разоружить петербургских рабочих, я с т. Каменевым отправился в редакцию и там, после короткого обмена мнений, я написал, по предложению Ленина, проект обращения от ЦК к Исполнительному Комитету («О Ленине», стр. 58).

С другой стороны, об этом говорит и Суханов в своих «Записках о революции»:

> От имени их (т.-е. большевиков. *Ред.*) фракции Ногин просит слова и оглашает заявление большевистского ЦК, адресованное Съезду. Заявление довольно длинно, весьма знаменательно и отлично написано. Легко допускаю, что непартийный большевик междурайонец Троцкий к нему руку приложил (IV т., 312—313 стр.).

Это заявление возникло в связи со следующим: 8 июня ЦК Партии и Центральное Бюро Фабзавкомов призвало прокламацией рабочие массы к манифестации на 10 июня. Эта демонстрация должна была пройти под лозунгами отпора контр-революции, решительного требования мира, организации контроля и прекращения саботажа предпринимателей и власти Совету. На Всероссийский Съезд, состав которого нам уже известен выше, этот призыв произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Мещанский Съезд был охвачен паникой. Созванное в экстренном порядке заседание приняло громовую резолюцию, в которой демонстрация характеризовалась, как «акт дезорганизаторский, способный вызвать гражданскую войну». Присутствовавшие на этом заседании представители нашей Партии заявили, что, ввиду отрицательного отношения Съезда к демонстрации, ЦК, подчиняясь последнему, манифестацию отменяет. На следующий день «Правда» вышла с белыми листами, сняв предназначенные для манифестации лозунги и статьи.

129) Факт принадлежности данного заявления перу т. Троцкого нами установлен на основании следующего места из его книги воспоминаний о Ленине:

> Помнится, мною было выдвинуто предложение потребовать на Съезде Советов постановки в первую очередь вопроса о гото-

вящемся наступлении на фронте. Ленин одобрил эту мысль, но хотел, очевидно, еще обсудить ее с другими членами ЦК. К первому заседанию Съезда тов. Каменев принес наспех набросанный Лениным проект заявления большевиков по поводу наступления. Не знаю, сохранился ли этот документ. Текст его показался, не помню уж по каким причинам, неподходящим для Съезда как присутствующим тут большевикам, так и интернационалистам. Возражал против текста и Позерн, которому мы хотели поручить выступление. Я набросал другой текст, который и был оглашен («О Ленине», стр. 56 — 57).

[130]) Наступление 18 июня было организовано Керенским под явным давлением Антанты, которая была заинтересована в том, чтобы немецкие войска были отвлечены на Восточный фронт. Подготовляя это наступление, Керенский и военное командование знали, что армия не обладает ни техническими, ни моральными предпосылками для его проведения. Еще более позорной была роль советских лидеров, которые в предшествующие месяцы заваливали Европу воззваниями о мире. Крах этого наступления в последующие недели был одной из причин, вызвавших события 3—5 июля. В конечном итоге это наступление обратилось против его организаторов, ибо новое преступно провоцированное поражение сильно революционизировало солдатские массы и тем самым создало благоприятную почву для большевистской агитации за мир. В этот же день (18 июня) состоялась грандиозная демонстрация питерских рабочих и солдат, организованная от имени происходившего тогда Съезда Советов. Лицемерные советские лидеры постановили проводить ее под лозунгами мира. Этой демонстрацией советское большинство хотело показать свой авторитет и влияние. К их полной неожиданности, демонстрация превратилась в грандиозный смотр масс, идущих за большевиками. Сотни тысяч рабочих и солдат шли под лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов», «Мир хижинам — война дворцам», «Вся власть Советам» и т. д. Вот впечатление от этой демонстрации *не*-большевика:

> Твердо и увесисто выражал свою волю авангард российской и мировой революции, рабоче-крестьянский Петербург... Положение было вполне ясно и недвусмысленно... Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами (плакаты же с доверием правительству несли бундовцы и... казаки. *Ред.*). Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила. И снова, и снова, как непреложный зов самых недр революционной столицы, как сама судьба, как роковой Бирнэмский лес, двигалась на нас: «Вся власть Советам! Долой десять министров-капиталистов!»... Удивительный, очаровательный этот лозунг! Воплощая огромную программу, в примитивно-аляповатых, в наивно-топорных словах — он кажется непосредственно вышедшим из самых народных глубин (Суханов, кн. IV, стр. 339 — 340).

[131]) *Гинденбург* — знаменитый немецкий генерал, бывший главнокомандующим немецкой армии в 1916—1917 г.г. В начале войны Гинденбург

командовал войсками в Восточной Пруссии, где погибло несколько корпусов царской армии. Эти успехи создали славу Гинденбургу. В благодарность ему, буржуазия одного города Восточной Пруссии переименовала последний в Гинденбург. Но, по несчастью для нее и Гинденбурга, в 1923 г. в этом городе большинство в муниципалитете получили коммунисты, которые постановили переименовать этот город в Ленинбург (Ленинск).

[132]) *Биссолати* — когда-то видный лидер итальянской социалистической партии. В 1911 г. Биссолати, вопреки своей партии, вошел в буржуазно-итальянское правительство, за что был исключен из последней. Этот «случай Биссолати» наделал в свое время много шума в социалистических кругах. В годы войны Биссолати был одним из ярых социал-патриотов, как и солидная часть вождей самой итальянской социалистической партии.

[133]) Вопрос об объединении большевиков и межрайонцев встал почти с первых же дней революции. В своих первых статьях т.т. Ленин, Зиновьев и другие прямо указывали на необходимость объединения со всеми действительно революционными элементами с.-д. На VI Съезде партии Свердлов в своем отчете отметил, что апрельская конференция официально подтвердила эту необходимость объединения со всеми с.-д., на деле порвавшими с меньшевиками-оборонцами. С приездом т.т. Троцкого, Луначарского и Чудновского началась практическая работа по объединению большевиков и межрайонцев. В созданное оргбюро по созыву Съезда вошли 3 большевика и 2 межрайонца. Оргбюро выступало от имени этих двух организаций. Далее Свердлов сообщил, что еще до Съезда Троцкий вошел в редакцию «Правды», и только заключение в тюрьме помешало его фактическому участию в редакции. По этим же причинам Троцкий, выставленный докладчиком по текущему моменту на VI Съезде, не смог сделать этого доклада. Межрайонцы, со своей стороны, живо обсуждали вопрос об объединении с большевиками. Уже первая конференция, состоявшаяся в начале мая, приняла по докладу Юренева следующую резолюцию по вопросу об объединении:

> Исходя из того, что переживаемый нами момент является крайне ответственным, что задачи, стоящие перед с.-д., исключительны по их важности... что ввиду этого единство с.-д. необходимо и неизбежно, но вместе с тем констатируя, что в среде социалистов всего мира произошел раскол по линии интернационализма и оборончества; что значительная часть с.-д. России изменила старому классовому знамени Интернационала, связав себя позорным союзом с буржуазией, союзом, завершившимся вступлением социалистов в ряды Временного Правительства; что пропасть между интернационалистами и оборонцами увеличивается с каждым днем; что буржуазная сущность всех оттенков оборончества, от безоговорочного до так называемого революционного, выявилась для всех с очевидной наглядностью, — конференция полагает: 1) что единство мыслится ею, как единство революционно-интернационалистических сил с.-д.; 2) что действительным средством создания единой революционной социал-демократической рабочей партии может явиться только всероссийский съезд органи-

заций и групп, стоящих на точке зрения Циммервальда-Кинталя, и 3) что объединенный съезд с.-д. интернационалистов России может явиться авторитетом для революционных с.-д. лишь в том случае, если дело созыва съезда будет передано в руки Организационного Бюро, составленного из представителей ЦК Р.С.-Д.Р.П., Польской С.-Д., С.-Д. Латышского Края, Межрайонного Комитета, представителей меньшевиков-интернационалистов России, поскольку они порвут организационную связь с оборончеством.

[134]) *Луначарский* — примкнул к с.-д. в 90-х г.г. После раскола партии стал ближайшим литературным сотрудником Ленина. Вместе с последним редактировал первую большевистскую газету «Вперед». В 1908 г. Луначарский был одним из лидеров лево-большевистских элементов, на деле отрицавших необходимость использования легальных возможностей. Вместе с этими политическими разногласиями между Луначарским, Богдановым и др., с одной стороны, и Лениным — с другой, шла в это же время ожесточенная борьба по философским вопросам, в которых первые покинули позиции диалектического материализма. В 1909 г. Луначарский входил в группу «Вперед» и, в качестве представителя последней, присутствовал на международном конгрессе в Копенгагене. В эпоху войны Луначарский примыкал к интернационалистской группе Троцкого и являлся ближайшим сотрудником газеты «Наше Слово». Приехав после революции в Россию, Луначарский, вместе с Троцким, стал во главе межрайонной организации, одновременно принимая участие в газете «Новая Жизнь». Вместе с межрайонной организацией он вскоре вошел в нашу партию. В дни Октября Луначарский был в числе тех видных большевиков, которые требовали соглашения с социалистическими партиями, а несколько позднее, даже временно выходил в отставку с своего поста наркомпроса. В течение всех последующих лет Луначарский работал на этом посту.

[135]) *Юренев* — старый работник с.-д., один из организаторов межрайонки, петербургской внефракционной с.-д. группы. В 1917 г. Юренев был одним из руководителей межрайонцев, выступал от имени последних в ЦИК'е и т. д. Будучи вначале противником объединения только с большевиками, Юренев позже энергично работал по объединению, входя в президиум VI Съезда партии, как один из двух межрайонцев. В Октябрьской революции Юренев активно участвует, как один из организаторов Красной гвардии. В начале 1918 г. Юренев возглавляет Бюро военных комиссаров; в последующие же годы выполняет ответственную политическую работу в армии. В 1923—1924 г.г. Юренев был послом СССР в Чехо-Словакии, а затем переведен послом в Рим.

[136]) *Меньшевики-интернационалисты* — группа, организационно обособившаяся в 1917 г. Ее основные кадры и вожди вышли из сторонников меньшевистского Организационного Комитета, занимавшего в годы войны умеренно-интернационалистскую позицию. Водоразделом между этой группой и либер-дановским большинством меньшевиков был вопрос о коалиции. Первая отрицала коалицию с буржуазией. Политическим органом этой партии, фактически, а не формально, была газета «Новая Жизнь», один из редакторов которой, Суханов, официально входил в эту группу.

Положительные лозунги, как этой группы, так и газеты, были чрезвычайно туманны, непоследовательны, а потому и бесплодны. Отвергая коалицию, меньшевики-интернационалисты в то же время отрицали программу нашей партии в вопросе о советской диктатуре. После Октября, когда основа разногласий между различными группами меньшевиков исчезла, группа Мартова ничем уже не отличалась от всей остальной партии, и сам Мартов уже официально защищал линию последней.

[137]) Конференция, о которой говорит т. Троцкий, открылась 2—15 июля. На ней присутствовало около 70 делегатов. Интересную характеристику ее дает Суханов в своих «Записках о Революции»:

> Было несомненно, что тут — несмотря на миниатюрность конференции — представлены подлинные рабоче-солдатские массы. Мы пришли во время «докладов с мест». Они слушались с интересом и были действительно интересны. Работа велась лихорадочно, ее успехи осязались всеми. Мешало одно: «Чем вы отличаетесь от большевиков, и почему вы не с ними?». Это твердили все докладчики, кончая призывами влиться в большевистское море (кн. IV, стр. 365).

Центральным пунктом повестки дня был вопрос об объединении всех интернационалистов. В числе других вопросов стояли: программа партии, Интернационал и др.

[138]) *«Вечернее Время»* — одна из многочисленных желтых газет, выходивших в эпоху керенщины. Особую ярость эти рептилии проявили после июльских событий, печатая бесчисленное количество подложных документов.

[139]) *Парвус* — являлся, несомненно, одной из ярких фигур во II Интернационале. Русский эмигрант, теоретически прекрасно образованный, Парвус выдвинулся в немецкой с.-д. еще в конце 90-х г.г. своей теоретической борьбой с Бернштейном, первым дав отпор ревизионизму последнего. В эти же годы Парвус выступил с рядом статей, в которых он обосновывал практику революционного марксизма и критиковал немецких оппортунистов: Ауэра, Гейне и др. В другой серии статей он защищал идею всеобщей стачки, как средства революционной борьбы. В это же время им был написан ряд блестящих экономических исследований. В русской с.-д. Парвус до 1904 г. примыкал к меньшевикам. Перед революцией он с ними расходится, защищая в 1905—1906 г. вместе с Л. Д. Троцким теорию «перманентной революции». После поражения революции, Парвус, как один из руководителей Петроградского Совета, был арестован и сослан в Сибирь. Свою деятельность, как революционера, Парвус закончил с началом войны, сделавшись германофилом, а позже — просто спекулянтом. После Октября, он пытался реабилитировать себя, но безуспешно. В последние годы он примыкал в шейдемановцам, издавая журнал, теоретически обосновывающий предательскую политику с.-д.

[140]) *Бурцев* — известный эпигон народовольчества, специализировавшийся в годы царизма на разоблачении провокаторов. Оголтелый социал-патриот, Бурцев в 1917 г. стал орудием в руках черносотенной буржуазии. Последняя использовала шпиономанию Бурцева и сделала его

одним из застрельщиков травли против большевиков. Ниже мы приводим в сокращении письмо Бурцева, о котором говорит тов. Троцкий:

> Товарищи, приехавшие из Швеции,—вещает Бурцев,—познакомили нас с сетью немецкого шпионажа, существующего в Стокгольме, Христиании, Копенгагене и Гапаранде. Оттуда сотнями посылаются в Россию немецкие агенты и им поручают: пропаганду мира во что бы то ни стало, возбуждение восстаний, борьбу с Временным Правительством, разжигание классовой борьбы в данное время и т. д. Их для этих целей осыпают немецким золотом. Тем, кто едет в Россию, рекомендуют рука-об-руку итти с ленинцами, сливаясь с их организацией и действуя в их духе. Немецкий генеральный штаб, по собственным словам его агентов, не видит для себя в России лучших союзников, как большевики. В самой Германии, с самого начала войны, даже ранее, когда она только что подготовлялась, немецкое правительство создало специальные общества для борьбы с русской армией и русским правительством. Оно, между прочим, воспользовалось для этого услугами известного ренегата, бывшего русского социал-демократа Парвуса. Вчерашний рядовой член русской социал-демократической партии сегодня стал ревностным выполнителем планов немецкого правительства и его генерального штаба. Свою деятельность Парвус распространил повсюду: в Германии, Австрии, Италии, Болгарии, Турции. Как до, так и во время войны, он всюду там находил себе послушных и деятельных помощников, как, например, бывшего члена II Гос. Думы Зурабова, Перазича и Л. Троцкого — все трое в настоящее время играют видную роль в Совете Р. и С. Д. в Петрограде, — Коллонтай, Козловского, известного публициста болгарина Х. Раковского, ныне сотрудника «Новой Жизни», проживающего в Петрограде, и мн. друг. Когда в 1915 году в литературе было брошено обвинение против Парвуса, что он — провокатор, я ответил: «Парвус не провокатор, но он хуже провокатора: он — агент Вильгельма II». К этим словам я и в настоящее время ничего не имею добавить, и, когда ко мне обращаются с вопросом, не были ли провокаторами тот или иной из его сотрудников, я отвечаю так же: «Они не провокаторы, они хуже, чем провокаторы: они агенты Вильгельма II, выполнители его воли».
>
> Народ имеет право требовать от Правительства свободной республики исчерпывающего расследования всей деятельности Ленина, и правительство обязано дать полное удовлетворение негодующему народному чувству. К изучению большевизма мы не раз еще вернемся в ближайшем будущем (Вл. Бурцев, «Речь» № 157, 7 июля 1917 г.).

[141]) *Зурабов* — видный кавказский с.-д., игравший крупную роль в с.-д. фракции II Государственной Думы. Зурабов, бывший до 1917 года левым меньшевиком, после Октябрьской революции принял активное участие в создании Советской власти на Кавказе. Умер от тифа.

[142]) Статья «Парвус» напечатана в «Нашем Слове» № 14 от 15 февраля 1915 года.

[143]) *Булат* — видный трудовик, член ЦИК'а первого созыва.

[144]) *Изгоев* — один из тех деятелей буржуазной интеллигенции, которые прошли в 90-х г.г. школу легального марксизма и отчасти соц.-демократии. Изгоев был ближайшим сотрудником Струве и вместе с последним прошел все этапы политической эволюции, от с.-д. к октябристам. В годы реакции Изгоев особенно прилежно занимался оплевыванием революции. После Октябрьской революции Изгоев занимался контр-революционной деятельностью и, в конце концов, был выслан за границу.

[145]) *«Призыв»* — политический журнальчик, основанный оголтелыми оборонцами из рядов с.-д. и эсеров. Достаточно указать, что главными руководителями этого органа были Плеханов, Алексинский, Авксентьев. За все время войны «Призыв» вел непрерывную агитацию за войну до победного конца и обливал помоями интернационалистов.

[146]) Как видно из текста, речь передана чрезвычайно обрывисто и неясно. Из отчета даже не видно, что ее центральным пунктом были июльские события. Некоторое объяснение дает следующее место из книги Л. Д. Троцкого «О Ленине»:

> Прямого решения скрыться или уйти в подполье на только что упомянутом свидании принято не было. Корниловщина раскачивалась постепенно. Я лично еще в течение двух-трех дней оставался на-виду. Выступал на нескольких партийных и организационных совещаниях на тему: что делать? Бешеный напор на большевиков казался непреодолимым. Меньшевики пытались всеми мерами использовать обстановку, созданную не без их участия. Мне пришлось говорить, помнится, в библиотеке Таврического дворца, на каком-то собрании представителей профессиональных союзов. Присутствовало всего несколько десятков человек, т.-е. самая верхушка. Меньшевики господствовали. Я доказывал необходимость профсоюзам протестовать против обвинения большевиков в связи с германским милитаризмом. Смутно представляю себе ход этого собрания, но довольно отчетливо вспоминаю две-три злорадные физиономии, поистине плюхопросящие (стр. 59).

[147]) Речь здесь идет о знаменитых «июльских днях». Непрерывное обострение классовой борьбы, под знаком которого шло все развитие революции от февраля до июля, осложнилось во второй половине июня таким громадным фактором, как наступление, а накануне июльских дней произошло бегство кадетов из правительства. Выступление питерских рабочих, прежде всего путиловцев и революционных солдат, во главе с первым пулеметным полком, произошло не по инициативе нашей партии, как это утверждала в то время белая и соглашательская печать. Но как только выступление стало фактом, а его неорганизованность и стихийность создали условия для тяжелых конфликтов, рабочая секция Петербургского Совета, по заданию ЦК, решила взять на себя руководство движением. На ее заседании от 3 июля большевики предложили избрать комиссию в 25 человек. В своем выступлении они (в том числе и т. Троцкий) указывали, что высту-

пление масс есть результат правых ошибок правительства. В результате прений была принята следующая резолюция:

Ввиду кризиса власти, рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов взял в свои руки всю власть. Рабочая секция обязуется содействовать этому всеми силами, надеясь найти в этом полную поддержку со стороны солдатской секции. Рабочая секция избирает комиссию из 15 человек, которой поручает действовать от имени секции в контакте с Петроградским иВсероссийским Исполнительными Комитетами. Все остальные члены данного собрания уходят в районы, извещают рабочих и солдат об этом решении и, оставаясь в постоянной связи с комиссией, стремятся придать движению мирный и организованный характер.

Избранной комиссии рабочая секция поручила привлечь в ее состав, если окажется возможным, представителей ушедшего с собрания меньшинства.

В комиссию были избраны: Каменев, Зиновьев, Троцкий, Жуков, Енукидзе, Ашкинази, Панов, Палеанский, Корнев, Залуцкий, Карахан, Рязанов, Юренев, Зоф, Нахимсон.

4 июля движение достигло своего кульминационного пункта. Отражая стихийное настроение масс, оно вместе с тем не могло привести к решающим результатам, поскольку в то время пролетариат в общегосударственном масштабе был еще слишком слаб для того, чтобы захватить власть. 5 июля движение пошло вспять, и улицы Питера стали постепенно очищаться от многотысячной массы рабочих и солдат. Освирепевшая буржуазия и советское большинство подняли после этих событий невероятную травлю нашей партии и вели систематические аресты и преследования ее организаций и вождей.

[148]) Поводом к отставке министров-кадетов было их несогласие с тем проектом постановления Временного Правительства об Украине, который предложила делегация Временного Правительства, посланная последним для переговоров с Украинской Радой. Кадеты заявили, что соглашение, заключенное Терещенко, Керенским и Церетели, уничтожает всякую власть Временного Правительства на Украине, что форму управления последней может выработать только Учредительное Собрание, а декларация передает выработку форм управления самой Украине. Помимо этого, министры-кадеты считали, что делегация не имела права заключать декларативного договора, ибо имела полномочия лишь для выработки соглашения. Так как Временное Правительство отклонило предложение кадетов, то тут же четырьмя из них: Шингаревым (министр финансов), Мануиловым (министр просвещения), Степановым (товарищ министра торговли и промышленности) и Шаховским (министр государственного призрения) было сделано заявление об отставке.

В действительности же причины отставки были более серьезные. Они отчасти были вскрыты председателем правительства Львовым, который заявил, что «причина кризиса лежит в расхождении точек зрения: социа-

листической и буржуазной». Отставка кадетов была политическим маневром, который имел целью взвалить всю ответственность за последствия неудачного наступления и развивавшуюся хозяйственную неурядицу на так называемую социалистическую часть Правительства. Совершенно необоснованной представляется точка зрения Суханова, выдвигающего на передний план именно украинский вопрос и утверждающего, что украинское дело было не только предлогом, но и действительной причиной разрыва коалиции. Более отвечающим действительности является объяснение, данное Троцким в его книге «Октябрьская Революция»:

> Когда кадеты, наиболее умные и дальновидные представители коалиции, поняли, что неудавшееся наступление 18 июня может тяжело ударить не только по революции, но и по правящим партиям, они поторопились отойти временно к стороне, взвалив всю тяжесть ответственности на своих союзников слева (Изд. 1918 г., стр. 23).

[149]) Речь эта была произнесена на объединенном пленарном заседании ЦИК и Исполкома Совета Крестьянских Депутатов, по докладу Дана который «освещал» от имени ЦИК события 3 — 5 июля. Первым фракционным оратором и выступил тов. Троцкий. После него были произнесены речи Мартовым, Ногиным и др. В результате пленум принял резолюцию, предложенную Либером от имени меньшевиков и эсеров.

[150]) Запрошенный нами по этому поводу Л. Д. Троцкий сообщил следующее:

> *Здесь речь идет, очевидно, о следующем: на процессе Петербургского Совета 1906 г. в моей речи перед судом я сказал: «Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать — вот что, господа судьи, с нашей точки зрения, обеспечивает в конечном счете победу народному восстанию». На эти слова сослался Дан, укоряя нас, что мы в июле 1917 г. призывали массы убивать. На это я ответил Дану, что он, ссылаясь на мои слова, сказанные 12 лет тому назад против прокурора Камышанского, сам от собственного имени повторяет обвинение, которое Камышанский выдвигал против нас в 1906 г.*

[151]) *«Русская Воля»* — контр-революционная газета, издававшаяся на средства русских банков. Одним из ее основателей был, между прочим, знаменитый Протопопов, позже фактический руководитель царского правительства.

[152]) *«Новое Время»* — монархическая газета, основанная в 70-х г.г. знаменитым Сувориным. В течение ряда десятилетий она была, по существу, официозом царского правительства. В эпоху керенщины «Новое Время» занимало первое место в контр-революционной агитации и особенно травле нашей партии.

[153]) *«Рабочая Газета»* — центральный орган меньшевиков, отражавший взгляды их либер-дановского большинства. «Рабочая Газета» стояла за продолжение войны и за коалицию. После июльских дней. «Рабочая Газета» заняла двусмысленную позицию по отношению к травле и обвинению в немецком шпионаже вождей нашей партии со стороны белой печати. Даже

Суханов вынужден признать сомнительность социалистического характера этой газеты:

> «Рабочая Газета» после корниловщины, — пишет он, — решительно не знала, куда преклонить скорбную главу; она перепробовала всего понемногу — и коалицию вообще, и коалицию без кадетов, и даже богдановское «однородное правительство». Но ни на чем окончательно так и не остановилась. Каждому свое: кто передвинулся с одного места на другое, а кто, выбитый из седла, вообще остался без места. В эти времена над почтенным органом любил потешаться Троцкий. — Посмотрите, — говорил он мне, — что пишет газета вашей партии... Знаете, что я вам скажу: эта газета вашей партии самая глупая газета. Из всех существующих — самая глупая! (Суханов, «Записки о революции», кн. VI, стр. 41).

[154]) Эта речь была произнесена в связи с заявлением Чернова об его отставке. Неожиданно для всего заседания Чернов сделал заявление, что против него пущена клевета, и в силу этого он решил сложить с себя свое официальное звание. Как выяснилось, Чернова обвиняли в пораженчестве (о, ужас для селянского министра!). Ему вменяли в вину и то, что издававшийся им журнал «На чужбине» распространялся среди русских военнопленных в Германии и Австрии тамошними властями. Собрание, конечно, отклонило эти обвинения и почти без прений приняло следующую резолюцию:

> Заслушав объяснения т.т. Чернова и Церетели о выходе Чернова из состава Временного Правительства... ЦИК выражает ему свое полное доверие и желает скорейшего возвращения его на пост, где он отстаивал и будет отстаивать интересы трудового крестьянства и всей демократии во имя спасения и укрепления революционной России.

Но, благословив Чернова на отставку, ЦИК расписался в получении политической пощечины, которую нанесла Чернову, а тем самым и ЦИК'у, контр-революционная буржуазия. Ведь тогда уже было ясно, что «клевета» на Чернова была лишь маневром для того, чтобы заставить уйти неугодного буржуазии «селянского министра».

[155]) Речь была произнесена по докладу Дана о совещании Временного Правительства с центральными комитетами политических партий (от кадетов до меньшевиков) и председателями Государственной Думы, ЦИК и Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, по вопросу о конструировании Правительства, происходившем в Зимнем дворце (22 июля). На этом совещании кадеты вели себя вызывающе, требуя составления внепартийного правительства. Меньшевистско-эсеровские лидеры по существу капитулировали перед ними, заявив в своей резолюции, что они всецело доверяют Керенскому составление Временного Правительства.

[156]) *Пальчинский* — крупный деятель буржуазной интеллигенции. В эпоху керенщины вначале прославился систематической помощью итальянской забастовке крупного капитала, в качестве товарища министра торговли и промышленности. На этом посту он сделал все, чтобы возбудить

к себе и Правительству ненависть рабочих масс. Как «деловая фигура», Пальчинский, настоящий корниловец, был назначен Керенским в дни корниловского мятежа на пост генерал-губернатора Петрограда. Первым актом деятельности Пальчинского было закрытие большевистского «Рабочего» и интернационалистской «Новой Жизни». Только организованное возмущение масс и шаткость положения Керенского привели к тому, что этот новоявленный жандарм был уволен через три дня. В дни Октября Пальчинский активно участвовал в борьбе против Военно-Революционного Комитета.

[157]) *Исув* — видный меньшевик, лидер московских оборонцев в 1917 г. На Лондонском Съезде 1907 г. вошел в ЦК от меньшевиков. Вместе с другими меньшевиками саботировал работу ЦК, активно помогая ликвидаторам. В годы войны Исув был оборонцем, а в эпоху керенщины защитником коалиции. После Октября Исув был постоянным меньшевистским оратором на Советских Съездах и Конференциях. В 1920 г. он умер.

[158]) О причинах этой отставки см. примечание 154.

[159]) Текст этого закона см. в примечании 167.

[160]) «*Воля Народа*» — орган крайнего правого крыла партии эсеров, безоговорочно поддерживавший всю политику Керенского. Политическая платформа этой газеты мало чем отличалась от либерально-буржуазной. Главные сотрудники этой газеты: Брешковская, Лебедев, Бунаков и др. позже были вдохновителями контр-революционной борьбы против Советской России.

[161]) *Алексинский* — когда-то видный большевик, лидер большевистской группы в с.-д. фракции II Думы. После поражения революции, Алексинский вместе с Богдановым и др. отстаивал по-прежнему наступательную тактику, не поняв изменившейся обстановки. В 1907 г. он является одним из лидеров бойкотистского течения по отношению к III Думе. В 1908 г. обосновывает «ультиматизм», т.-е. необходимость предъявления ультиматума с.-д. фракции III Думы в смысле проведения ею революционной политики. В 1909 г. Алексинский, вместе с Богдановым, возглавляет лево-большевистскую группу «Вперед». Политическая линия Алексинского была скрытой формой отзовизма. С началом войны Алексинский проделывает политический сальто-мортале и из левого большевика превращается в ярого социал-патриота и защитника классовой гармонии. В союзе с Плехановым Алексинский занимается воспеванием царской России, сотрудничает в монархических органах. После февраля он делается настоящим контр-революционером, редактирует журнал контр-разведки, беспрерывно ведя травлю против большевиков. За годы гражданской войны Алексинский окончательно опустился, превратившись в политического лакея белогвардейщины. Достаточно сказать, что он работал в бурцевском «Общем Деле», которое даже белые прозвали «помойной ямой».

[162]) Как известно, «Правда» была закрыта вскоре после июльских дней. В течение июля вместо нее вышел один номер листка «Правды», а с 23-го стал регулярно выходить «Рабочий и Солдат» до 9 августа. Всего вышло 15 номеров этой газеты.

[163]) *Лассаль* — великий агитатор немецкого рабочего движения на заре его развития. В конце 50-х и начале 60-х г.г., когда рабочий класс

Германии только начал пробуждаться к классовой борьбе и политической жизни, Лассаль выступил, как пламенный агитатор за политические интересы пролетариата. Стремясь освободить передовые слои рабочего класса от развращающего влияния либеральной буржуазии, которая через культурные общества, кооперативы и проч. организации прибирала к рукам авангард пролетариата, Лассаль в центре своей агитации ставит вопрос о самостоятельной политической рабочей партии и всеобщем избирательном праве, как пути к освобождению пролетариата. В 1864 г., благодаря усилиям его сторонников, создается первая социалистическая массовая организация полупрофессионального, полупартийного характера, Всеобщий Немецкий Рабочий Союз. В эти же годы Лассаль развивает усиленную литературную работу, результатом которой были его знаменитые работы: «О конституции», «Гласный ответ Центральному Комитету», «Речь перед судом присяжных» и т. д. Одновременно Лассаль выступает, как ученый и теоретик рабочего движения. Но написанные им работы по философии и политической экономии были невыдержаны с марксистской точки зрения, хотя Лассаль и называл себя учеником Маркса. Так его работа «Система приобретенных прав» была изрядно разбавлена гегелевским идеализмом, а его «железный закон заработной платы» был несовместим с теоретическими положениями «Капитала». Кипучая деятельность Лассаля была прервана его смертью, причиной которой была неожиданная дуэль из-за невесты. Его последователи продолжали его работу, правда, еще более углубляя политические ошибки Лассаля, именно, кокетничание с юнкерским правительством Бисмарка против буржуазного либерализма. В 1875 г. на объединенном съезде в Готе лассальянцы слились с партией В. Либкнехта и Бебеля, в результате чего и сложилась немецкая с.-д.

164) *«Маленькая Газета»* — появилась в мае 1917 г. Ее издателями были известные черносотенцы Суворины, которые свою контр-революционную агитацию вели под тем же примерно флагом, под которым развертывалась фашистская агитация немецких национал-социалистов осенью 1923 г. Вот, что, например, пишет о ней Суханов:

> Под видом «народности», крайнего демократизма и «независимого социализма» (точь в точь, как часть немецких фашистов. *Ред.)*, «Маленькая Газета» держала прямой и твердый курс на контрреволюционный переворот, на военно-плутократическую диктатуру. И газета читалась «простонародьем» нарасхват, расходясь в сотнях тысяч экземпляров. Любопытно, что в кандидаты на диктатора она, сначала полегоньку, а потом без околичностей, выдвигала не кого другого, как адмирала Колчака. Братья Суворины, со стоящими за ними деловыми кругами, знали, что делали: третируя Керенского, как пустого, шумливого мальчишку, они через его голову снаряжали Колчака (IV т., 220 стр.).

165) *Ген. Половцев* — в июльские дни был командующим петроградским гарнизоном.

166) Здесь имеется в виду Государственное Совещание, открывшееся 14 августа в Москве. Это совещание было созвано, главным образом, из кругов буржуазии и мелкобуржуазной демократии. От ЦИК'а, профсоюзов,

кооперативов и Исполкома Крестьянских Депутатов было по 100 человек, остальная тысячная масса состояла из представителей буржуазии, помещиков, казаков и буржуазной интеллигенции. Задача этого совещания была в том, чтобы подвести буржуазный фундамент под правительство Керенского. Буржуазная печать всячески афишировала это совещание. Наша партия отнеслась к нему резко отрицательно. В знак протеста московская организация призвала рабочих Москвы к забастовке. Торжественный день был «омрачен» этим фактом классовой ненависти. Характер забастовки интересно описан Сухановым:

> Трамваи в Москве не ходили. Да и извозчиков почти не было на улице. В Москве была забастовка. Она не была всеобщей, но была очень внушительной и достаточной для демонстрации воли масс. Бастовал ряд фабрик и заводов. Бастовали все городские предприятия, за исключением удовлетворяющих насущные нужды населения. Бастовали рестораны, официанты и даже половина извозчиков. Вся эта рабочая армия пошла за большевиками против своего (т.-е. меньшевистского) Совета. К вечеру демонстрация должна была стать еще более ощутительной: Москва должна была погрузиться во мрак, так как газовый завод бастовал в числе других предприятий («Записки о революции», кн. V, стр. 155—156).

[167]) Приводим текст этого декрета, помещенный в «Речи» от 14 июля 1917 г.

> «*Воспрещение земельных сделок.* В целях прекращения земельной спекуляции, предотвращения фиктивных сделок на земли, отягощения их закладными, продажи их иностранцам и т. п. земельных сделок, могущих затруднить распоряжение наличным земельным фондом у Учредительного Собрания, Временное Правительство постановляет:
>
> I. Совершение крепостных актов по сделкам об установлении или переходе права собственности, залога или иного вещного права на внегородские земли, занятые сельско-хозяйственными и лесными угодьями, должно в каждом отдельном случае разрешаться местными губернскими земельными комитетами с утверждения министра земледелия.
>
> II. Действие сего постановления не препятствует утверждению крепостных актов, совершенных на означенные в отд. I недвижимые имущества до 1 марта 1917 года.
>
> III. О всех земельных имуществах, назначенных к продаже с публичных торгов, доводится до сведения министерства земледелия, которому предоставляется право по сношению с местными губернскими земельными комитетами снимать их с торгов и передавать по принадлежности во временное хозяйственное управление отделений Крестьянского поземельного и Государственного Дворянского земельного банков и управлений государственными имуществами с переводом на государство текущих платежей процентов по ипотечным займам впредь до окончательного разрешения вопроса об этих землях Учредительным Собранием.

IV. Предоставить министру юстиции ввести настоящее постановление в действие по телеграфу до обнародования его Правительствующим Сенатом.

[168]) Как было уже отмечено выше, сейчас же после июльских дней начались аресты среди большевиков. В вопросе о том, арестовываться или нет, ЦК партии определенного решения не выносил. Как известно, позже, VI Съезд партии официально оправдал поведение т. Ленина и др., не давшихся в руки контр-революции. Тов. же Троцкий находился на свободе до 23 июля. В самый разгар правительственных комбинаций, в ночь на 23 июля, он был арестован одновременно с т. Луначарским. Изложение факта ареста мы приводим по газете «День»:

Арест Луначарского и Троцкого.

В ночь на 23 июля, по ордеру прокурора Петроградской судебной палаты Н. С. Каринского, арестованы Троцкий и Луначарский. Помощник начальника уголовной милиции Игнатьев совместно с субинспекторами уголовной милиции и двумя чинами контрразведки прибыли с воинским нарядом в д. № 25 по Лахтинской ул., где проживал Луначарский. Последнего застали еще в постели. Луначарский был немедленно отправлен в одиночную тюрьму «Кресты», а воинский наряд во главе с чинами милиции направился в квартиру члена Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. Лурье, у которого проживал Троцкий. Последний оказался дома и также был арестован и немедленно отправлен в «Кресты». Арестованные Троцкий и Луначарский 24 июля были допрошены судебным следователем по особо важным делам. Допрос их продолжался несколько часов. Судебный следователь заявил им, что им предъявляется обвинение по ст.ст. 51, 100 и 108 угол. улож. Из «Крестов» они были доставлены под усиленным воинским конвоем в помещение суда, Фонтанка, 16. Дела Троцкого и Луначарского будут соединены и войдут в общее производство о событиях 3—5 июля.» («День» № 118, 25 июля 1917 г.).

Вышедший через день-два орган межрайонцев «Вперед» отозвался на этот арест следующим обращением:

По распоряжению прокурора судебной палаты 23 июля арестованы и препровождены в «Кресты» т.т. Троцкий и Луначарский. Мы настоятельно просим тов. рабочих воздерживаться от каких бы то ни было активных выступлений в связи с непрекращающимися арестами революционных социал-демократов, ограничиваясь только резолюциями протеста и приветствия. Мы не сомневаемся в том, что создаваемый г. Керенским процесс, по типу процессов Бейлиса до-революционного периода, при содействии следователей старого режима и клеветников Бурцевых и Алексинских, приведет только к усилению и укреплению идей, лучшими пропагандистами которых были ныне арестованные товарищи.

В связи с арестом Троцкого и Луначарского, крупные инциденты произошли на заседании ЦИК и открывшемся после него объединенном

заседании ЦИК и Исполкома Крестьянских Депутатов. На заседании ЦИК, после того как президиум предложил обсудить разные организационные вопросы, выступил Рязанов, заявивший о «ненормальности» обсуждения организационных вопросов при таком составе:

> Президиум не счел нужным сделать нам сообщение о том, где находятся двое наших товарищей, отсутствующих в этом сегменте (указывает в сторону большевиков), Троцкий и Луначарский. Я считаю ненормальным обсуждение намеченных вопросов до тех пор, пока президиум не скажет нам, почему арестованы Троцкий и Луначарский, какие меры приняты к их освобождению и что предпринято ЦИК к освобождению тов. Каменева, которого, по нашим сведениям, без всяких причин бросают из одного места в другое.

После выступления ряда меньшевиков и эсеров, предложение Рязанова было отклонено. Через некоторое время Рязанов снова берет слово, но его перебивает председатель, и в результате собрание лишает Рязанова слова. Последний в знак протеста покидает заседание вместе с большевиками.

В своей речи на объединенном заседании ЦИК и Исполкома Крестьянских Депутатов т. Рязанов снова коснулся этого вопроса:

> Я сегодня пытался на пленарном заседании ЦИК говорить об аресте т.т. Троцкого и Луначарского. Мне воспретили говорить об этом на том основании, что вопрос этот будет обсуждаться вместе с вопросом о кризисе власти на соединенном заседании. Я хотел бы обратить ваше внимание на безответственную деятельность некоторых представителей министерства юстиции.

Этого же вопроса коснулся и Мартов, заявив следующее:

> По 108 статье не могли привлечь Николая II и Александру Федоровну, а сейчас по ней привлекают целую партию.

[169]) *«Киевская Мысль»*—в довоенные годы была одной из лучших левых газет. Обладая квалифицированным штатом сотрудников, имея многочисленных корреспондентов за границей, газета играла крупную роль в политической жизни страны и довольно смело для того времени высказывала свою оппозицию против правительства. В этой газете принимал участие ряд видных марксистов. В годы войны «Киевская Мысль» постепенно правела и сделалась оборонческой.

[170]) Здесь речь идет о левых французских профессионалистах, Мергейме и Бурдероне. Оба они в годы войны примыкали к умеренным интернационалистским течениям. Позже, как первый, так и второй снова примирились с Жуо и К°. Мергейм заболел психически и сошел со сцены.

[171]) Приводим подробные показания об этой речи, данные рядом участников этого собрания следователю по делу Л. Д. Троцкого:

Иван Алексеевич Попов:

Я явился добровольно, желая дать показание по делу товарища Троцкого.

Я присутствовал при произнесении последним речи в Народном доме 2 июля сего года и удостоверяю, что в речи Троцкого никаких призывов к вооруженному выступлению с целью захвата власти не заключалось. Всех деталей и подробностей речи Троцкого я не помню, но сущность ее сводилась к тому, что Троцкий не призывал к вооруженному выступлению и, на отдельные ему заданные вопросы, «что делать», ответил, что «если за нами нет большинства, то мы не можем взять власть, нашей обязанностью является агитация и разъяснение того положения, что власть ныне не находится в руках революционных органов», что «при подобной агитации, наконец, наступит момент, когда на нашу сторону перейдет большинство, и тогда власть примут Советы Р. и С. Депутатов». Только при этом условии, по словам Троцкого, возможна борьба за мир в международном масштабе и скорое его достижение. Наконец, насколько помню, в заключение своей речи, Троцкий предостерегал против всякого выступления, указывая, что выступление провоцируют с той целью, чтобы разбить рабочих.

Викентий Викентьевич Милош:

Я явился добровольно, чтобы дать показание по делу товарища Троцкого, речь которого в Народном доме я слыхал 2 июля сего года. Призывов к выступлению с целью передачи всей власти Советам Р. и С. Депутатов в речи Троцкого не заключалось, наоборот, Троцкий предостерегал против выступления, заявляя, что последнее будет только во вред рабочим, на пользу контр-революции, что власть может перейти к Советам Р. и С. Депутатов только тогда, когда за этот лозунг будет большинство, и что, действительно, задачей момента является исключительно только организация в указанном смысле народа и рабочих. Вместе с тем в своей речи Троцкий коснулся и наступления на фронте, указывая, что таковое явилось со стороны Временного Правительства совершенно неподготовленным, что наступлением войны окончить нельзя, а ее окончание (войны) возможно только при условии понимания ее губительности не одним русским, а и европейским пролетариатом; по поводу Германии Троцкий говорил, что Вильгельм «коронованный разбойник», что война в действительности происходит только между Германией и Англией, а остальные ее участники, в особенности Россия, являются только как бы секундантами.

Насколько припоминаю, Троцкий в своей речи, в Народном доме 2 июля, коснулся ухода Львова из министерства, указывая, что этот уход был вызван несогласием Львова, как представителя классовой буржуазии и капиталистов, нести сильные податные тяготы, и сказал, что буржуазия все время кричит о патриотизме, а когда дело доходит до жертв, то она убегает, что у буржуазии, как у русской, так и у европейской, связанной общими интересами, патриотизм одинаковый, но «нам такового патриотизма не надо, будь проклят такой патриотизм».

Эмилия Антоновна Милош:

Я явилась добровольно, чтобы дать показание по поводу выступления Троцкого с речью в Народном доме 2 июля сего года, где я присутствовала, и удостоверяю, что Троцкий не призывал рабочих к манифестации с оружием, с целью передачи всей власти Советам Р. и С. Депутатов, а говорил против такого выступления, указывая, что задачей текущего момента является исключительно организация рабочих, что, вообще, за отсутствием большинства, еще не наступило время принятия всей власти Советами и что Советы могут взять власть в свои руки только тогда, когда за этот лозунг будет большинство. Между прочим, говорил Троцкий и о войне, заявляя, что война не может быть окончена «втыканием штыков в землю», а ее окончание произойдет по воле народов, когда всюду возникнет революция. Подробностей речи Троцкого я уже не помню, при других речах Троцкого я не присутствовала и более ничего показать не могу.

Максим Корнилович Судаев:

Я состою рабочим на заводе «Новый Лесснер» на Выборгской стороне и желаю дать показание по поводу речи, произнесенной Троцким на митинге в Народном доме 2 июля сего года, где я присутствовал. Всех подробностей речи Троцкого я теперь, за прошествием времени, уже не помню, но категорически удостоверяю, что Троцкий к какому бы то ни было выступлению, а тем более вооруженному, с целью устранения Временного Правительства и передачи всей власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов совершенно не призывал; Троцкий, главным образом, говорил о необходимости организационной работы в трудящейся среде. Более я ничего показать не имею.

[172]) *Дворец Кшесинской*—дом балерины, фаворитки Николая II, был занят вскоре после революции броневым отрядом и позже был передан в распоряжение нашей партии. В нем помещались высшие партийные органы. В эпоху керенщины этот дворец был средоточием революционных сил. В этом дворце произошло первое выступление Ленина на собрании партийного актива. Буржуазия, офицерство, белый обыватель с ненавистью говорили об этом дворце. В истории революции дворец Кшесинской занял место рядом со Смольным.

[173]) История с арестом Чернова такова. В июльские дни, а именно 4 июля, когда Таврический дворец был окружен возбужденными массами, последние послали в помещение дворца делегатов, требуя, чтобы правительство выслало на улицу кого-либо из министров. Таковым явился Чернов, который вышел на улицу и стал с крыльца произносить речь. Во время последней неизвестно кто, провокаторы ли или крайне возбужденные рабочие, стащили Чернова с крыльца и посадили в автомобиль, заявив, что он будет заложником. Как только во дворце стало известно об опасности, угрожающей Чернову, советские лидеры потребовали, чтобы Л. Д. Троцкий и др. большевики вышли на улицу и утихомирили «своих». Дальнейший

ход инцидента с Черновым описан последним в его «Записках» следующим образом:

> В это время к автомобилю подошел появившийся из Таврического дворца Троцкий, который, встав на передок автомобиля, в коем я находился, произнес небольшую речь. В этой речи он сперва обратился к матросам, спрашивая их, знают ли они его, видали ли, вспоминают ли. Затем указал, что кто-то хочет арестовать одного министра-социалиста, что это какое-то недоразумение, что кронштадтцы были всегда гордостью и славой революции, что они не могут потому хотеть никаких насилий над отдельными личностями, что отдельные личности ничего не могут значить, что здесь, вероятно, никто не имеет ничего против того, чтобы министр-социалист возвратился в зал заседания, а что матросы останутся мирно обсуждать жизненные вопросы революции. После этой краткой речи он обратился к толпе с вопросом. «Не правда ли, я не ошибаюсь, здесь нет никого, кто был бы за насилие? Кто за насилие, поднимите руки». Ни одна рука не поднялась; тогда группа, приведшая меня к автомобилю, с недовольным видом расступилась; Троцкий, как мне кажется, сказал, что «вам, гражданин Чернов, никто не препятствует свободно вернуться назад», что это было недоразумение. Все находившиеся в автомобиле могли свободно выйти из него, после чего мы и вернулись во дворец.

174) *Раскольников*—начал свою деятельность в студенческих с.-д. организациях. В эпоху «Звезды» и «Правды» был секретарем редакции последней. В момент февральской революции находился во флоте, в качестве молодого морского офицера, и в эпоху керенщины был одним из руководителей Кронштадтского Совета. В годы гражданской войны Раскольников командует флотилиями. В 1922—1923 г.г. Раскольников состоял полпредом в Афганистане.

175) *Ганецкий*—в дореволюционную эпоху был одним из руководителей польской с.-д., защищая в последней точку зрения большевиков. В годы войны и после февраля Ганецкий жил в Швейцарии, будучи связан с левыми революционными интернационалистами. После Октября ряд лет был членом Коллегии НКИД, а с 1922 г. работает как член коллегии Наркомвнешторга.

176) *Суменсон*—действительно проживала в Швеции, но ни к нашей партии, ни к революционному движению вообще никакого отношения не имела.

177) *Козловский*—старый социал-демократ, активно участвовавший в революции 1905 года. Все документы о его якобы шпионаже были, конечно, подложны. Член нашей партии и активный работник Советской Республики.

178) *Коллонтай*—до войны была видной меньшевичкой. С начала войны Коллонтай примкнула к интернационалистам, участвуя в парижском «Новом Слове» и активно работая вместе с большевиками. По приезде в Россию Коллонтай примкнула к большевикам, резко критиковала оборонцев и вскоре стала одним из популярнейших ораторов в Петрограде. После июльских событий Коллонтай была арестована. На VI съезде партии она

была выбрана в ЦК. После Октября Коллонтай была первым Наркомсобесом. В последние годы Коллонтай теоретически отстаивала взгляды так называемой «рабочей оппозиции» в нашей партии. С 1922 г. Коллонтай работает в качестве полпреда (и торгпреда) в Норвегии.

[179]) Помещая это письмо, «Новая Жизнь» сопровождает его следующим пояснением:

> По этому поводу министр юстиции Зарудный заявил нашему сотруднику: Л. Троцкий обратился не по адресу. Дело ведется следственными властями, которые независимы от министра юстиции. Действия же следственных властей могут быть обжалованы только в окружный суд. Я удивляюсь, что Л. Троцкий, старый революционер, требует от министра юстиции оказать давление на следственную власть. Разве революционеры не боролись всегда за полную независимость суда от давления со стороны министра юстиции? Я всегда относился с уважением в суду. И именно поэтому, заняв пост министра юстиции, я ни в коем случае не позволю себе никакого вмешательства в действия судебных и следственных властей.

[180]) *Дело Дрейфуса*—стояло в центре политической жизни Франции в 90-х г.г. Оно возникло в результате подложного обвинения еврея капитана Дрейфуса в шпионстве. По существу же оно было лишь поводом для наступления монархических элементов против республики. Контр-революция и здесь оперировала с подложными документами. Ответную кампанию за Дрейфуса подняли все лево-республиканские круги во главе с Жоресом и известным писателем Зола. В конце концов Дрейфус был оправдан.

[181]) *Дело Бейлиса*—возникло в 1912 году в результате обвинения, предъявленного еврею Бейлису в убийстве русского мальчика Ющинского из-за ритуальных, будто бы, побуждений. Николаевское правительство пыталось использовать этот процесс для бешеной травли против демократических элементов. Для защиты Бейлиса демократическая интеллигенция, с своей стороны, мобилизовала лучшие адвокатские силы. Несмотря на подтасованный состав присяжных заседателей, Бейлис был оправдан. В конечном итоге процесс обратился против его организаторов.

[182]) *В. Шер*—начал свою революционную деятельность в студенческих кружках, примыкая с самого начала к меньшевикам. В 1917 году занимал ответственную командную должность. В последующие за Октябрем дни Шер выступал с критикой Советской власти от имени меньшевиков. В последние годы Шер—профессор Московского университета и работник экономических советских органов.

[183]) *«Борьба»*—внефракционный с.-д. журнал, издававшийся незадолго до войны в Питере. Главным сотрудником этого журнала был Троцкий. Основные кадры сотрудников журнала работали в годы войны в интернационалистской газете «Наше Слово».

[184]) *Отто Бауэр*—крупнейший теоретик австрийской социал-демократии и II Интернационала. В годы перед войной Бауэр был секретарем с.-д. фракции австрийского парламента. Как теоретик, Бауэр прosла-

вился тогда своей теорией культурно-национальной автономии, которая, будучи по существу мелкобуржуазным разрешением национального вопроса, отражала идейную зависимость с.-д. от господствующей австрийской буржуазии. В годы войны Бауэр занимает позицию каутскианства, что в австрийских условиях означало чистейшее оборончество. Русская революция застает его в России, куда он попал, как военнопленный. Не имея возможности открыто выступить, Бауэр под разными псевдонимами защищает линию либердановского Исполкома. Свое идейное сочувствие политике коалиции Бауэр подкрепляет действием: он в 1918 г. входит министром иностранных дел в образовавшееся после революции правительство с.-д. Реннера. В 1920 г. Бауэр, уже отставной министр, руководит вместе с Ф. Адлером созданием $2^1/_2$ Интернационала. В 1921 г. после введения новой экономической политики Бауэр стал пророчески возвещать, что РКП ведет Россию к чистейшему капитализму. После гамбургского объединительного конгресса 1922 г. Бауэр является одним из лидеров объединенного, т.-е. по существу II Интернационала.

[185]) Эта речь нами приведена, в изложении Чернова, в примечании 173.

[186]) *Карахан*—в начале своей с.-д. деятельности был меньшевиком. В 1917 г. видную роль играл в большевистской фракции Петросовета. В годы Советской власти все время работал в наркоминделе, будучи замнаркомом. В 1921—1922 г.г. был послом в Польше. В 1923—1924 г.г. Карахан является представителем СССР в Китае и одновременно ведет переговоры с Японией.

[187]) Несмотря на все принятые меры, этих брошюр найти не удалось.

[188]) *Дыбенко*—матрос, в эпоху керенщины пользовавшийся большой популярностью в Балтийском флоте. Возглавляя центральный орган выборных матросских организаций, Дыбенко был все время мишенью для нападок со стороны буржуазной прессы. После июльских дней он был арестован и содержался в тюрьме почти что до Октября. Одно время Дыбенко был народным комиссаром по морским делам. В эпоху гражданской войны Дыбенко занимал ряд ответственных военных постов преимущественно в армии, в которой он является одним из видных командиров революционного происхождения.

[189]) «*Волна*»—орган Кронштадтского комитета нашей партии в эпоху керенщины.

[190]) *Антонов (Овсеенко)*—старый революционер; до 1917 года формально не был членом большевистской организации, хотя в эпоху войны был главным организатором и основным сотрудником интернационалистских газет «Голос», «Наше Слово» и «Начало» в Париже. Приехав из эмиграции после начала революции, он сразу же вступил в петроградскую организацию и стал одним из активнейших членов нашей партии, как оратор, журналист и организатор. В Октябрьские дни Антонов был одним из главных руководителей Военно-Революционного Комитета и, вместе с Подвойским, руководил военными операциями в Петрограде. Под командованием Антонова (бывшего офицера) взят был Зимний дворец; им же арестовано Временное Правительство. В эпоху гражданской войны Антонов неоднократно занимал ответственные командные посты в армии, был наркомвоен Украины, а в 1923 г. был начальником Пура. В 1924 г. т. Антонов-Овсеенко назначен представителем СССР в Чехо-Словакию.

[191]) *Зарудный*—видный присяжный поверенный, неоднократно участвовавший в крупных политических процессах времен царизма, в качестве либерального защитника. По своим политическим убеждениям Зарудный примыкал к «народным социалистам». В 1917 г. он вошел во 2 коалиционное правительство, образованное Керенским в 20-х числах июля, в качестве министра юстиции. Главным делом министерства Зарудного была борьба с нашей партией.

[192]) *Столыпин*—бюрократ, бывший саратовский губернатор, затем руководитель царской контр-революции, наступившей после поражения революции 1905—1906 г.г. Решающим актом его контр-революционной политики был разгон II Думы и составление нового избирательного закона (3 июня), положившего начало новому лжеконституционному этапу монархии («июньской монархии»). Политическая линия Столыпина заключалась в том, чтобы на основе союза крупного капитала и помещиков, при поддержке «крепкого» мужика, задушить революционное движение и, прежде всего, организацию рабочего класса. В целях расширения социального фундамента царского правительства Столыпин провел ряд реформ, которые должны были способствовать росту кулацкого хозяйства за счет хозяйства остальной крестьянской массы. Крах этой политики совпал со смертью самого Столыпина, последовавшей в 1912 г., в результате покушения полуэсера, полу-охранника Багрова.

[193]) См. в этом томе «Письма» от 25 июля и 2 августа.

[194]) *Каринский*—прокурор петроградской судебной палаты, в руках которого были сосредоточены следственные материалы по делу Троцкого, Луначарского и др. Незадолго до корниловщины Каринский был убран с этого поста, по требованию Советских кругов, и был назначен на должность старшего председателя судебной палаты.

[195]) *Ермоленко*—царский контр-разведчик, использованный в 1917 г. контр-революционной буржуазией для травли против нашей партии. Им было сфабриковано (вернее—подписано) обвинение против Ленина и др. в германском шпионаже. Несмотря на возражения ЦИК'а, не очень, впрочем, твердые, эти документы были опубликованы в печати и все время смаковались белой печатью.

[196]) Отдельные главы этой брошюры печатались в «Пролетарии» и сменившем его «Рабочем». Главы: I «Что случилось» («Пролетарий» № 1 26 /13 августа); II «Элементы бонапартизма» («Пролетарий» № 2, 28 /15 августа); IV «Что же дальше» («Пролетарий» № 4, 30 /17 августа) и VI «Интернациональная тактика» («Рабочий» № 1, 7 сентября (23 августа) помещены под общим названием «Итоги и перспективы». Главы: III «Армия в революции» («Пролетарий» № 7, 2 сентября /20 августа) и V «Характер русской революции» («Пролетарий» № 8, 4 сентября /22 августа) печатались в указанных газетах, как отдельные статьи.

[197]) *Гоц*—один из основателей партии эсеров и один из главных руководителей ее с начала февральской революции. В эпоху керенщины Гоц был руководителем эсеровской фракции ЦИК и тем самым—последнего. В своей партии он возглавлял тогда правый центр, политическая позиция которого состояла в полной поддержке Керенского. В Октябрьские дни Гоц был организатором юнкерского восстания в Питере, от которого он

отрекся после его поражения. В послеоктябрьскую эпоху Гоц активно участвует в различных контр-революционных организациях («Союз Возрождения» и т. д.). В то же время Гоц ведает военной деятельностью партии эсеров, и с ведома его происходят террористические акты против вождей Советской власти. На процессе эсеров 1922 года Гоц был руководителем той группы обвиняемых, которая оставалась враждебной пролетарской революции.

[198]) *Войтинский*—когда-то был большевиком и играл видную роль в большевистской ссылке. В эпоху керенщины Войтинский был одним из лидеров ЦИК'а, руководя, вместе с Даном и др., меньшевистской фракцией последнего. За границей работал литературно против Советской России.

[199]) Эти лица являются персонажами знаменитого произведения испанского писателя XVII века Сервантеса, гениального писателя нарождавшейся буржуазии, сатирически подошедшего к старому пережившему себя рыцарству. Санхо-Пансо—тип средневекового мелкого буржуа, в одно и то же время и трусливого и любящего романтику, и плутоватого и наивного, по существу реалистического, но и благоговеющего перед подвигами рыцарей. Дон-Кихот является воплощением высмеиваемого Сервантесом рыцарства.

[200]) *Авксентьев*—один из вождей партии эсеров. На широкую политическую арену Авксентьев выдвинулся в 1905 г., будучи членом Исполкома Петроградского Совета. После поражения революции, Авксентьев вместе с Л. Д. Троцким и др. был сослан в Тобольскую губернию. С 1911 г. Авксентьев возглавляет правое крыло партии эсеров, которое свое либеральное лицо явно обнаружило уже тогда, требуя отказа от нелегальной организации во имя творческой работы в рамках самодержавного строя. Обострившиеся разногласия по вопросу об участии на выборах в IV Думу привели к тому, что Авксентьев, Воронов и др. создали свой журнал «Почин». Вполне естественно, что в империалистической войне Авксентьев и его группа заняли ультра-шовинистическую позицию. Эта группа заключила блок с плехановцами и стала издавать позорный журнал «Призыв», политически пресмыкавшийся перед царской Россией. По возвращении в революционную Россию, Авксентьев естественно стал возглавлять правое крыло эсеров, стоявшее за широкую коалицию с буржуазией и покорно поддерживавшее политику Керенского. После июльских дней Авксентьев входит в новое министерство, в качестве министра внутренних дел, одновременно будучи председателем кулацкого Исполкома Крестьянских Депутатов. Как деятеля, близкого к демократии и цензовой буржуазии, его выдвигают на пост председателя Предпарламента, разогнанного в дни Октября. С первых же дней Октябрьской революции Авксентьев уходит в активную контр-революционную деятельность. Вначале он руководит деятельностью «Комитета Спасения Родины и Революции», позже—«Союза Возрождения России», явно белогвардейской организации. После самарского переворота Авксентьев перебирается в Самару, а на сентябрьском уфимском совещании бело-эсеров его включают в состав Всероссийской директории. В качестве председателя последней, Авксентьев, вместе с остальными ее членами, едет в Омск для «обволакивания» (словечко, пущенное самим Авксентьевым) сибирского черносотенного правительства. История эта кончилась, как известно, тем,

что Авксентьев и К° получили адмиральский пинок в известное место. Уехав на пожертвованные Колчаком деньги за границу, Авксентьев там и до сих пор (1924 г.) занимается борьбой (печатной и устной) против Советской России.

Авксентьев является типичнейшей фигурой партии с.-р. На нем явственнее всего оправдывается знаменитая фраза Маркса, что политическая этикетка отличается от обыкновенной только тем, что она обманывает не только других, но и самого владельца. Этот вождь «социалистов-революционеров» не был никогда ни социалистом, ни революционером, хотя и мнил себя таковым. «По своим убеждениям,—справедливо замечает Суханов,—направлению и складу—это начитавшийся книг, размагниченный, тяготеющий к «народу» патриотически-настроенный обыватель. По своим государственным и политическим способностям—это круглый нуль, без сучка и задоринки» (III книга, 153 стр.).

[201]) *Савинков*—начал свою деятельность, как социал-демократ, и перешел к народникам-эсерам лишь в 900-х г.г. В эсеровской партии Савинков участвовал в качестве одного из руководителей «боевой организации». Будущий союзник контр-революционного генералитета и дворянства неоднократно организовывал в то время террористические акты против представителей последних. В годы контр-революции Савинков издал нашумевший роман «Конь бледный», который отразил бегство деморализованной интеллигенции из рядов революции. Несмотря на официальные заверения о принадлежности к партии, Савинков на деле прекращает свою партийную деятельность. В 1917 году Савинков работает в качестве ближайшего помощника Керенского, становясь передаточной инстанцией между первым и контр-революционным генералитетом. В эпоху гражданской войны Савинков был активнейшим участником различных контр-революционных заговоров и, прежде всего, памятного Ярославского восстания 1918 г. Как выяснилось на процессе эсеров, Савинков организовал этот мятеж для того, чтобы показать своему хозяину—Антанте, что она не зря тратит деньги на его субсидирование. В 1920—1921 г.г. Савинков служил у поляков, организовывал белогвардейские отряды, делавшие налеты на Советскую Россию.

[202]) *Лебедев*—старый эсер. Еще до войны он (под псевдонимом Воронова) был одним из идеологов правого крыла эсеров, настаивавшего на ликвидации традиционных эсеровских методов террора и на использовании всех легальных учреждений. Если, как давно уже было сказано, эсер—это либерал с бомбой, то эсер, особенно «правый», отказавшись от бомбы, тем самым превращается в либерала с некоторыми, разве лишь, народническими предрассудками. В годы войны Лебедев был ярым социал-патриотом. В эпоху керенщины он примыкал к группе «Воля Народа», будучи ближайшим помощником Керенского по военно-морским делам. В гражданской войне Лебедев был одним из руководителей поволжской контр-революции. В последние годы он возглавляет в эмиграции правое крыло, группирующееся вокруг журнала «Воля России».

[203]) *Рябушинский*—один из заправил финансовой России, владел рядом текстильных фабрик. В годы до войны Рябушинский был известен своими политическими связями с либерально-октябристскими профессорами (Струве и пр.). Свою работу по закреплению «союза науки и капи-

тала» Рябушинский демонстрировал изданием ряда работ Струве и пр. В 1917 г. Рябушинский сделался знаменитым (благодаря нашей партии!) своим пророчеством о костлявом голоде, который задушит рабочих, если они помешают капиталу руководить хозяйством. В эмиграции Рябушинский является одним из руководителей парижского союза бывших промышленников и банкиров.

[204]) Т.-е. Александру Федоровну, жену Николая II.

[205]) Этот манифест приведен нами в примечании 78.

[206]) *«Единство»*—газета, начавшая выходить в 1917 г. «Единство» было литературным органом с.-д. группы того же названия. Руководители этой группы и газеты—Плеханов, Алексинский и др.—вели политическую линию, ничем не отличавшуюся от линии «Речи». Особенно позорную роль сыграло «Единство» после июльских дней, нещадно раздувая клевету о немецких деньгах, большевистских шпионах и т. д. В дни корниловщины газета сочувствовала последней, в октябре с пеной у рта травила большевиков. В эпоху гражданской войны члены этой группы стояли на запятках у белогвардейской контр-революции. Не было почти ни одного белого союза (Союз Возрождения и т. д.), ни одного белого правительства, в котором так или иначе не участвовал бы представитель группы «Единства». Гражданской войной эта группа политически совершенно стерта с лица земли.

[207]) *«День»*—газета «социалистической мысли», начавшая выходить незадолго до войны. В эпоху последней «День» превратился в ультра-шовинистический орган плехановски-потресовского толка. Уже тогда его позиция почти ничем не отличалась от позиции «Речи». В дни керенщины «День» был литературным органом самого правого потресовского крыла меньшевиков и в общем подпевал хору буржуазной печати. Особенно ярой стала его агитация против большевиков после июльских дней. Его единомыслие с буржуазной прессой достаточно подчеркивает тот факт, что «День» высказывался даже против либер-дановского «демократического совещания».

[208]) *Потресов*—один из старых участников социал-демократического движения. Вместе с Лениным и Мартовым Потресов был организатором газеты «Искра». Но уже в рядах этой последней Потресов отражал взгляды радикальной интеллигенции. С момента раскола в партии Потресов становится виднейшим теоретиком меньшевизма, с особенной наглядностью обнаруживая, что меньшевизм является политической идеологией левого крыла буржуазной интеллигенции. Вполне естественно, что в годы реакции Потресов—теоретик ликвидаторства, а в годы войны—ярый оборонец. В 1917 г. Потресов возглавляет крайнее правое крыло меньшевистской партии, по существу ничем не отличающееся от группы Плеханова. Руководимая Потресовым газета «День» подпевала все время буржуазной прессе. После Октября Потресов является лидером того меньшевистского течения, которое все время стояло за необходимость вооруженной борьбы с Советской властью. В последние годы Потресов отошел от политической жизни.

[209]) *Якобинцы*—партия революционных мелкобуржуазных демократов, игравшая выдающуюся роль в Великой Французской Революции. Составляя в первые годы революции оппозицию по отношению к буржуазному национальному собранию, эта партия, в разгар внутренней гражданской войны и контр-революционной интервенции феодальной Европы, становится

у власти, воодушевляет народные массы, расправляется с внутренней контр-революцией, беспощадно применяет массовый террор по отношению к монархистам и, наконец, проводит жесткие государственные меры для обеспечения продовольствием народа и армии. Дни господства якобинцев были высшим пунктом революции. Падение якобинцев (1794 г.) означало вместе с тем начало эпохи контр-революции. Последующие поколения якобинцев были уже мало похожи на своих предков. В иной социальной среде, при иных классовых и политических условиях, эти якобинцы были всего лишь на всего фразерами от революции, мечтателями о демократии, в конечном итоге лишь обманывавшими себя и массы.

[210]) *Жирондисты*—партия либерально-торговой буржуазии. Свое название эта партия получила от департамента Жиронды (промышленной и торговой области в Южной Франции), подавляющее большинство представителей которой в Национальном собрании объединилось в либерально-буржуазную группу. Одно время эта партия колебалась между контр-революцией и якобинцами, но в конечном счете сдвинулась вправо, результатом чего и явился террор по отношению к ней со стороны якобинцев. Роль Жиронды в нашей революции скорее выполняли эсеры и меньшевики, чем кадеты.

[211]) *Люксембург*—начала свою деятельность в Польше. В 90-х г.г. вместе с Тышко, Мархлевским, Варским и др. она основывает польскую с.-д. партию и в тот же период ведет ожесточенную борьбу с П. П. С. (Польской Социалистической Партией), несмотря на то, что Плеханов и Энгельс далеко не одобрительно относились к этой борьбе. В конце 90-х г.г. Люксембург переезжает в Германию и с тех пор почти непрерывно работает в рядах немецкой с.-д. Выдающееся положение в последней и во II Интернационале Люксембург завоевывает после двух блестящих политических кампаний: против Бернштейна и против Жореса-Мильерана. В 1905 году Люксембург уезжает в Польшу на нелегальную работу, арестовывается там и, после побега, приезжает обратно в Германию. 1905 год для Люксембург, как и для всего левого крыла немецкой с.-д., имел огромное значение. Он помог Люксембург теоретически обосновать борьбу против пассивности официального большинства партии. Ее знаменитая работа «Всеобщая стачка и немецкая с.-д.», хотя и не свободная от ошибок, по справедливости может считаться первым произведением европейского большевизма. В годы перед войной Люксембург окончательно рвет не только с официальным центром, но и с Каутским. В течение ряда лет она возглавляет лево-радикальную оппозицию в партии. С самого начала войны Люксембург начинает свою революционную агитацию против войны, возглавляя группу «Интернационал». В 1917—1918 г.г. Люксембург почти все время в тюрьме. Оторванностью от внешнего мира и объясняется в значительной мере то критическое настроение, которое она проявила летом 1918 года по отношению к некоторым сторонам деятельности Советской власти. Но уже первые дни ее деятельности после начала немецкой революции показали, что Люксембург совершенно порвала с этими настроениями. Вместе с Либкнехтом она руководит в декабре 1918 года учредительным съездом компартии. Вдохновлявшийся ею центральный орган партии и до сих пор является образцом для эпохи бурного темпа политической борьбы. Будучи (как и Либкнехт) против сверже-

ния шейдемановского правительства, ввиду слабости компартии, Люксембург, тем не менее, приветствует начавшееся выступление берлинских рабочих в начале января 1919 г. В эти именно дни она падает от пуль шейдемановского офицерства. Первоклассный писатель, превосходный оратор, глубоко образованный человек, Люксембург навсегда войдет в историю рабочего движения, как пионер современного европейского коммунизма и организатор крупнейшей партии европейского рабочего класса.

[212]) *Меринг*—знаменитый историк немецкой с.-д. и теоретик марксизма. Свою литературную деятельность он начал в качестве буржуазного демократа, ученика Якоби. Преследования Бисмарком с.-демократии толкнули Меринга, как и ряд других честных демократов, в ряды соц. партии. Вместе с Каутским Меринг в течение ряда десятилетий издавал знаменитый журнал «Neue Zeit». В тактических вопросах Меринг, за небольшими исключениями, всегда поддерживал левое крыло. В дни расцвета бернштейнианства, он вел против него ожесточенную борьбу в «Лейпцигер Фольксцейтунг», которую он редактировал вместе с Люксембург и др. В начале дискуссии между левыми радикалами и Каутским Меринг занимал скорее выжидательную позицию, но вскоре твердо и окончательно перешел на сторону первых, резко порвав с Каутским. В годы войны Меринг, несмотря на свою старость, принимал активное участие в агитационной (печатной) деятельности левой группы («Интернационал»). После того, как Цеткин, Люксембург, Либкнехт были посажены в тюрьму, на плечи Меринга легла главная часть литературной работы группы «Спартак». После февральской революции Меринг сразу стал поддерживать большевиков, а в дни Бреста оказал нашей партии моральную поддержку рядом статей, оправдывавших Брестский мир. В дни чехо-словацкого мятежа и нашествия Колчака, когда Каутский занимался сплетнями о национализации женщин в Советской России и писал о животном характере большевистской натуры, Меринг имел мужество открыто приветствовать массовый террор против бело-эсеров. После образования германской компартии Меринг, естественно, встал в ее ряды и работал в ней вплоть до своей смерти (1919 г.). Меринг был одним из сбразованнейших марксистов. Его перу принадлежит ряд ценнейших трудов по истории, ряд этюдов по философии, не говоря уже о политических брошюрах и памфлетах.

[213]) После закрытия «Правды» до Октября выходили и закрывались несколько газет: «Рабочий и Солдат»—с 23 июля по 9 августа (15 номеров), «Пролетарий»—с 13 августа по 23 (9 номеров), «Рабочий»—с 25 августа по 2 сентября (12 номеров), «Рабочий Путь»—с 3 сентября по 26 октября (46 номеров). «Правда» же стала снова выходить лишь после октябрьской победы.

[214]) Эта брошюра печаталась отдельными статьями в газете «Рабочий», №№ 10—12 (1—2 сентября). Эта газета стала выходить вместо «Пролетария», который был прихлопнут правительством под радостный вой буржуазной печати. Правда, для объективности правительство закрыло в тот же день и суворинскую *«желтую»* газету.

[215]) *Рига*—была оставлена нашими войсками 21 августа. 22 августа появилось следующее сообщение ставки главковерха:

Утром 21 августа наши войска оставили гор. Ригу и в настоящее время продолжают отход в восточном направлении. Дезорганизованные массы солдат неудержимым потоком устремляются по псковскому шоссе.

Оставление Риги дало повод буржуазии поднять кампанию по поводу разложения армии и добиться введения Керенским смертной казни даже в тылу. Одновременно буржуазная печать начала столь же яростную, сколь и безнадежную агитацию за введение железной дисциплины на фронте.

[216]) *Корнилов*—видный царский генерал, командовавший в эпоху империалистической войны одной из армий на австрийском фронте. В июле 1917 г. Корнилов был назначен верховным главнокомандующим. С этого момента начинается непосредственная работа буржуазии и генералитета в деле подготовки контр-революционного переворота. В конце августа 1917 г. Корнилов, с согласия политических союзников Керенского—кадетов, и при полной осведомленности правой руки Керенского, Савинкова, предпринимает поход против Петрограда, сняв части с фронта под видом направления их для подавления большевистского бунта. Заключенный позже в городе Быхове, Корнилов бежал после Октябрьской революции и организовал в начале 1918 года юнкерско-казацкие части на Дону. Во время одного из военных переходов Корнилов погиб. На его место встал ген. Алексеев, предшественник Корнилова по верховному командованию.

[217]) Выборы в городскую думу, происходившие в конце августа 1917 года, показали огромное влияние нашей партии. В то время как эсеры потерпели основательное поражение по сравнению с майскими выборами, а меньшевики еле-еле собрали 20 тысяч голосов, наша партия собрала в одиннадцать раз больше последних, получив одну треть всех голосов:

> Большевики, столь недавно втоптанные в грязь, обвиненные в измене и продажности, разгромленные морально и реально, наполнявшие столичные тюрьмы по сей день... вот кто был главный и единственный победитель, отвоевавший избирателей у всех остальных партий. Ведь, казалось, они уничтожены навеки и больше не встанут. Ведь их уже почти перестали замечать... Откуда же они взялись снова? Что это за странное дьявольское наваждение?

—так передает общее впечатление от результатов этих выборов Суханов (кн. V, стр. 193—194).

[218]) *«Утро России»*—желтая буржуазная газета, выходившая в 1917 г.

[219]) *Корниловский заговор*, о котором было сказано выше (см. прим. 216), сыграл огромную роль в ходе революции. Он оказался роковым не только для буржуазии, но и для мелкобуржуазного советского большинства. Эта контр-революционная попытка неслыханно усилила влияние нашей партии в рабоче-солдатских массах. Недаром при известии о заговоре Церетели бросил фразу «Да, что ж, теперь на вашей большевистской улице праздник, теперь вы подниметесь опять». Восстание Корнилова было ликвидировано не благодаря, а помимо Временного Правительства. Последнее не только не предпринимало энергичных мер против Корнилова, но часть его тут же подала в отставку, в знак протеста против чисто словесных «мер»

Керенского. Все дело организации обороны перешло к «Комитету для борьбы с контр-революцией», в который вошло по 3 представителя от эсеров, меньшевиков и большевиков, по 5—от ЦИК'а и Исполкома Крестьянских Советов, по 2—от Петросовета и Центрального Бюро Профсоюзов. Председателем этого Комитета был избран эсер Филипповский, будущий министр Самарской Учредилки, но фактическая гегемония в Комитете находилась в значительной мере в руках большевиков. Военно-Революционный Комитет (позднейшее название Комитета для борьбы с контр-революцией) проделал очень значительную работу по вооружению рабочих, на что весьма косо поглядывал ЦИК. В процессе этой деятельности организационно окрепла связь партии с массами и была подготовлена почва для Октября. Корниловщина на момент создала видимость единого фронта «всей демократии». Этот краткий момент нашел свое отражение в известном письме Ленина и в его статье о компромиссах:

> В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?
>
> В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*:—в этом видоизменение.
>
> ... Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не *прямо*, а со стороны. И агитировать *надо сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно* против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей войны с Корниловым.
>
> ... С фразами об обороне страны, об едином революционном фронте революционной демократии, о поддержке Временного Правительства и проч. и проч. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь де время *дела*: вы, г.г. эсеры и меньшевики давно эти фразы истрепали.
>
> ... Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс—правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам.
>
> Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это.
>
> Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь и только теперь, может быть, *всего в течение нескольких дней* или на 1—2 недели такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции—возможности *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности исключительно редкой,—только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, итти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможное для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование.

Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство, целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло «новое» условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление нового демократизма в составлении Советов (перевыборы их) и в функционировании их сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Предыдущие строки писаны в пятницу, 1 сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет так или иначе и *из* партии эсеров и *от* эсеров и укрепится при помощи буржуа *без* эсеров, благодаря их бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться не безынтересно... («О компромиссах», 3 сентября 1917 г. Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 98, 99, 102).

[220]) *В. Львов*—был обер-прокурором Синода в правительстве кн. Львова. В послеиюльские дни участвовал в закулисных делах по подготовке корниловского восстания. За несколько дней до последнего Львов

обращался к Керенскому с рядом предложений от имени Корнилова. После Октября Львов принимал участие в контр-революционном движении, а позже эмигрировал за границу. В 1921 г. Львов был одним из видных сменовеховцев. В 1923—1924 г.г. Львов участвовал в церковном обновленческом движении.

[221]) *Филоненко*—в эпоху керенщины был эсеровским комиссаром ставки и сочувственно относился к корниловскому перевороту.

[222]) Запрос этот был сделан 8 сентября и носил следующее название: «Запрос фракции большевиков в Бюро ЦИК о роли членов Временного Правительства в заговоре Корнилова». Сообщение, о котором здесь говорится, разобрано в статье «На чистую воду», помещенной в настоящем томе.

[223]) Эта речь была первым выступлением Троцкого после его освобождения из-под ареста.

[224]) *Крыленко*—до войны главным образом работал среди студенческой молодежи. Во время войны был мобилизован, и сразу же после февральской революции стал во главе армейской организации. После июльских дней Крыленко был арестован. В Октябрьские дни Крыленко принимал активное участие в подготовке восстания и активно участвовал в руководстве Северным Областным Съездом Советов. После захвата власти Крыленко был назначен на пост верховного главнокомандующего и провел всю первоначальную работу по изоляции контр-революционного командного состава. В последние годы Крыленко работал в верховном трибунале, в 1923—1924 г.г. стоял на посту заместителя народного комиссара юстиции и старшего помощника прокурора республики. Известен своими выдающимися обвинительными речами в ряде политических судебных процессов против контрреволюции.

[225]) Вопрос о президиуме встал в связи с тем, что на своем заседании от 1 сентября Петербургский Совет принял большевистскую резолюцию. Меньшевистско-эсеровский президиум решил подать в отставку. Это стало известно на заседании Исполкома от 5 сентября. В ответ на предложение большевиков о перевыборах президиума, Дан объявил о решении старого президиума выйти в отставку. Вопрос был перенесен на пленум Совета. С заявлением от большевистской фракции выступил Каменев, предложивший избрать коалиционный президиум на основах пропорционального представительства. С ответом выступил меньшевик Богданов, который, наоборот, принципиально связывал вопрос о составе президиума с политической линией Совета. С контр-ответом ему выступил Троцкий. Ввиду того, что речь изложена очень сжато и неясно, нами был запрошен Л. Д. Троцкий, который ответил следующее:

Суть нашего маневра состояла в следующем: эсеры и меньшевики выдвинули свой список в президиум без большевиков и против большевиков. Мы могли выдвинуть чисто большевистский президиум, но опасались, что при таком подходе окажемся в меньшинстве. Тогда мы решили выдвинуть предложение коалиционного президиума, на основе пропорционального представительства, рассчитывая, не без основания, что таким путем мы привлечем

на сторону нашего списка колеблющийся центр. В защиту этого списка и была сказана речь.

Маневр, как известно, удался, и во главе Совета встал большевистский президиум.

[226]) Второе выступление тов. Троцкого было вызвано тем, что в прениях Церетели неосторожно упомянул, что Керенский продолжает числиться членом Президиума Петросовета и что отсутствие его имени в списке членов Президиума, подавших в отставку, объясняется только отъездом Керенского из Питера. Этот полемический эпизод оказал большое влияние на исход выборов.

[227]) *Завадье*—один из лидеров эсеровской фракции Петросовета того периода.

[228]) Вопрос о посылке делегации ЦИК в Гельсингфорс возник в связи со следующими событиями: Корниловщина вызвала в революционном флоте небывалую ненависть к офицерству. В Выборге, Або и др. городах произошли самосуды матросов над наиболее ненавистными офицерами. Вмешательство флотских организаций прекратило эти самосуды. Но так как положение оставалось по-прежнему напряженным, то морской министр Вердеревский поставил этот вопрос на заседание ЦИК. Эсеро-меньшевистские лидеры пытались использовать и большевиков против матросов, желая включить в делегацию (состоявшую из 5 чел.)—3 от ЦИК и 2 от Исполкома Крестьянских Депутатов, большевиков. Ответом на эту попытку и была речь т. Троцкого. Нашей партии были, разумеется, чужды те чисто либеральные взгляды на классовую расправу матросов над крепостниками-офицерами,—взгляды, которые были свойственны эсерам, меньшевикам или людям типа новожизненца Суханова (см., напр., кн. VII, 18—19 стр.).

[229]) *Адмирал Вердеревский*—в первый период Керенского был командующим Балтийским флотом. Одно время обвинялся правительством в том, что сообщил Центрофлоту приказ о потоплении некоторых большевистских крейсеров в случае мятежа. Позже, в августе-сентябре, Вердеревский был назначен морским министром, на каковом посту он и пробыл до Октябрьских дней.

[230]) Созыв Демократического Совещания был решен на заседании ЦИК от 31 августа. Назначенное вначале на 12 сентября, оно потом было отложено на 14-е. Необходимость его была вызвана тем, что правительство Керенского после «Государственного Совещания» в Москве оказалось еще более повисшим в воздухе. Основная задача, которая ставилась при этом большинством ЦИК, состояла в том, чтобы получить благословение на «ответственное» министерство. Состав Совещания заранее предопределялся постановлением ЦИК, которое гласило: «собрать все силы страны, чтобы организовать ее оборону, помочь в ее внутреннем строении и сказать свое решающее слово в вопросе об условиях, обеспечивающих существование сильной революционной власти». Стремясь обеспечить на Совещании большинство за сторонниками коалиции, ЦИК дал огромное число мест мещанскому земгору и кооперативам. Основные группы участников были следующие: советы раб. депутатов—230 представителей, крестьянские советы—230, земства и города—500, профсоюзы—100, кооперативы—150.

и т. д. Демократическое Совещание сразу попало в двусмысленное положение тем, что Временное Правительство отказалось признать его «государственным» совещанием и решило не участвовать на нём, как правительство. Вся же буржуазия и крайние правые «социалистические» группы подняли бешеную кампанию против Демократического Совещания. ЦК кадетской партии, напр., признал участие в нем членов своей партии нежелательным. Буржуазные газеты третировали Демократическое Совещание, как частную и притом бесполезную затею. Орган Керенского «Воля Народа» и «День» Потресова присоединяли свой голос к буржуазному хору, заявляя, что Демократическое Совещание не правомочно, как законодательный орган. Основным вопросом, который нужно было разрешить Совещанию, являлся вопрос о коалиции. Либер-дановское большинство стремилось получить для нее санкцию Совещания. Вопрос о коалиции стоял в центре борьбы партий перед Совещанием. Выше было уже отмечено, как отнесся к коалиции Петросовет. Насколько усилия Церетели и К° были не легки, показывает голосование в самом ЦИК'е, где коалиция прошла только 119 против 101 (по иронии судьбы единственный воздержавшийся был... В. Чернов), да и то с поправкой Богданова о коалиции без кадетов, сводившей по существу на-нет всю резолюцию. На самом Совещании сторонники коалиции оказались далеко не в роли победителей. Такая «надежная» курия, как города, дала почти половину противников коалиции, крестьянские советы дали 40% противников коалиции. Верными остались только земства и кооперативы. Зато профсоюзы и 2/3 советов рабочих и солдатских депутатов оказались противниками Церетели и К°. Симптоматичнее всего был тот факт, что даже меньшевистская фракция изменила в этом вопросе своим вождям, незначительным большинством отклонив коалицию. Если Совещание вначале дало перевес сторонникам коалиции, которые получили 766 против 688 (38 воздержались), то последующие поправки о характере коалиции завели Совещание в настоящий тупик. Вслед за принятием резолюции о коалиции «болото» попалось на удочку левых, предложивших исключить из коалиции кадетов, т.-е. по существу аннулировать резолюцию. Несмотря на это, поправка была принята 595 голосами против 483 при 72 воздержавшихся. Попотев еще два-три дня на этом вопросе, Церетели и К°, вовсе сняли вопрос о коалиции. Таким образом, Совещание потерпело полное банкротство, обнаружив до конца постыдные колебания мелкобуржуазной демократии. Созданный Совещанием Предпарламент (Совет Республики), хотя и мыслился как орган, которому подотчетно Правительство, остался таковым только на бумаге. Правительство было создано и работало в формальной независимости от Совета Республики.

[231]) В повестке дня данного заседания Петросовета стояло три вопроса: 1) Демократическое Совещание, 2) выборы представителей на это Совещание, 3) о президиуме. С докладом о Демократическом Совещании выступил тов. Каменев. После речи Дана выступил т. Троцкий. После прений была принята резолюция, оглашенная Каменевым. Делегатами Петросовета на Демократическое Совещание от большевиков были избраны в числе других Ленин и Зиновьев, все еще скрывавшиеся в это время. Избирая Ленина и Зиновьева на Демократическое Совещание, Петросовет достаточно демонстративно выражал свое отношение к Временному Правительству. Как

политический вызов и было воспринято буржуазной прессой это избрание:

Ух, как разъярилась буржуазно-бульварная пресса,—пишет по этому поводу Суханов.—С одной стороны, наглый вызов, пощечина, которую не в состоянии перенести русское общество. Разъискать, арестовать, посадить! Да и получены достоверные сведения, что Ленин приехал из Финляндии, сейчас здесь в Петербурге... С другой стороны, спасайте же, смольные люди,—Ленин идет, уж слышен разбойничий посвист, уже дрожит мать сыра-земля от топота дикой пугачевской рати. Ведь Демократическое Совещание—это от Ленина, это для Ленина, это—сам Ленин. Спасайте!.. Министр внутренних дел отдал приказ и просмаковал его в печати: арестовать Ленина сей же час, как только кто-либо его увидит... Газеты гадали: явится или не явится? («Записки о революции», кн. VI, стр. 91).

[232]) Демократическое Совещание открылось 14 сентября. В самом начале с большой речью выступил Керенский, а после него—военный министр Верховский. После них сразу же стали выступать фракционные ораторы. Прения продолжались несколько дней. Речь т. Троцкого была произнесена после оглашения декларации эсеро-меньшевистского советского большинства.

[233]) *Череванин* — видный меньшевик. Начал свою деятельность в 90-х г.г., неоднократно выступая по теоретическим вопросам в легальной печати под псевдонимом Нежданова. После 1905 г. Череванин прославился своей ренегатской книгой о русской революции, в которой оплевывал героическую борьбу пролетариата в 1905 г. и призывал к приспособлению к существующим (столыпинским) условиям. В последующие годы Череванин был наиболее ярким представителем того с.-д. течения, которое было награждено Лениным эпитетом—столыпинская рабочая партия. В годы войны Череванин примыкает к ярым оборонцам, литературным органом которых был журнал «Дело». В 1917 г. Череванин выступал и работал в качестве эксперта-экономиста, не играя крупной политической роли. В эпоху гражданской войны Череванин проявил себя, как злостный меньшевик.

[234]) *Громан*—старый меньшевик. В эпоху керенщины играл видную роль в Экономическом Совете, а осенью 1917 г. был председателем Центрального Продовольственного Комитета в Петрограде. При Советской власти Громан работал в целом ряде высших экономических органов; активно участвует в работах Госплана.

[235]) *Маклаков*—видный кадет. В эпоху царизма Маклаков был одним из лидеров прогрессивного блока в царской Думе и неоднократно выступал с либеральной критикой правительства. В эпоху керенщины Маклаков неоднократно намечался на пост министра, но был назначен послом в Париж. Вплоть до 1924 года Маклаков использовал там свое положение бывшего посла для контр-революционных интриг против Советской власти.

[236]) *Кишкин*—один из вождей кадетской партии. В первые месяцы 1917 г. Кишкин олицетворял «живые силы страны» в Москве, в качестве губернского комиссара, причем все время воевал с местным Советом. В периоды разных министерских комбинаций Кишкин намечался в министры.

Особенно горячо Керенский цеплялся за него в дни корниловщины и Демократического Совещания. В образованном Керенским 25 сентября кабинете министров Кишкин занимал пост министра.

237) *Минор*—старый эсер, один из основателей эсеровской партии. В дни керенщины Минор примыкал к группе Чернова, метавшейся между коалицией и чисто-социалистическим министерством. В созданном позднее Совете Республики Минор возглавлял эсеровскую фракцию и был в числе эсеровских членов президиума этого Совета.

238) *Родичев*—один из лидеров земского движения в эпоху царизма. Родичев был одним из организаторов кадетской партии, членом ее ЦК и одним из ее руководителей. После февральской революции Родичев был назначен министром по финляндским делам. В последующие месяцы Родичев принимал активное участие в закулисной подготовке контр-революционного переворота.

239) *Каледин*—казачий генерал, игравший крупную роль в контрреволюционных кругах эпохи керенщины. Опираясь на донских казаков-кулаков, Каледин еще осенью 1917 года создал на Дону контр-революционное гнездо. В среде буржуазии Каледин был одним из самых популярных генералов. На Государственном Совещании ему была устроена овация. После Октябрьской революции Каледин сразу же приступил к организации белых банд, и ему принадлежит честь командования первыми белогвардейскими отрядами, начавшими длительную гражданскую войну с Советской властью. Весной 1918 года, когда его войска были разбиты, Каледин застрелился.

240) Эта декларация была составлена Л. Д. Троцким за исключением предпоследней страницы (перечень ближайших требований), которая частью была написана тов. Каменевым, частью тов. Стасовой. Ввиду исторической важности этого документа мы в приложении за № 14 приводим первоначальный текст этой декларации.

241) Как это ни странно, но Государственная Дума не была распущена ни формально, ни фактически вплоть до Октябрьских дней. Несмотря на энергичное давление нашей партии и масс, как на первом Съезде Советов, так и позднее, ни правительство, ни советские лидеры не предпринимали никаких мер к ликвидации этих контр-революционных гнезд. Между тем, в обстановке обостренной борьбы эти организации представляли прямую угрозу для революции.

242) Как уже было отмечено выше, Демократическое Совещание зашло в тупик со своими противоположными, по политическому смыслу, голосованиями. Первое голосование дало следующий результат по различным организациям:

	За	Против	Воздерж.
1. Кооперативы	140	23	1
2. Советы Крестьянских Депутатов	102	70	12
3. Города	114	101	8
4. Продовольственные, земские комитеты, экономические организации	31	16	1
5. Военные организации	64	54	7
6. Прочие организации	84	30	1
7. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов	83	192	4

	За	Против	Воздерж.
8. Профессиональные рабочие союзы	32	139	2
9. Национальные организации	13	44	2
10. Земства	9	29	2
Итого. . .	672	698	40

(П. Н. Милюков, «История второй русской революции», т. II, вып. 3, стр. 49.)

Видя, что коалиция провалилась, эсеро-меньшевистские лидеры, в лице Церетели, решили преподнести Совещанию новую резолюцию, смысл которой, по словам Церетели, заключался в следующем: два пункта программы и ответственность объединяют огромное большинство. Другие вопросы, по которым нельзя было достигнуть соглашения, подчинены двум первым. Совещание Президиума предлагает не делать новому представительному органу никаких ограничений организации власти. Ограничение уже имеется в программе и в ответственности. Предлагается сегодня же уполномочить Президиум избрать из своей среды 5 человек, чтобы они немедленно предприняли практические шаги для проведения в жизнь этих решений. В своей деятельности они, конечно, будут давать полный гласный отчет представительному органу. Если бы оказалось, что в результате шагов, предпринятых демократией, организовалось бы правительство с участием тех или иных цензовых элементов, то представительному органу пришлось бы пополнить свой состав этими элементами, но с непременным преобладанием в нем демократии. По поводу этого предложения и выступил с репликой т. Троцкий. Ввиду того, что целый ряд групп Совещания и, прежде всего, кооператоры не смогли согласовать свое мнение, был устроен перерыв. При голосовании, происшедшем после перерыва, возник крупный инцидент в связи с формулировкой 4-го пункта резолюции. После перерыва он был формулирован следующим образом:

> Правительство должно, санкционировав этот орган, быть подотчетно ему и ответственно перед ним.

Оказалось, что момент санкционирования явился новым в этом пункте. По этому вопросу выступил Луначарский:

> Смысл резолюции после перерыва оказался значительно измененным. В резолюции появилось выражение, которое шокирует некоторых товарищей. Создаваемый орган, оказывается, содействует организации власти. Если бы орган, выбранный в каком-нибудь государстве для того, чтобы создать власть, был затем превращен в такую организацию, которая содействует власти, это называлось бы *переворотом*, а не стилистической поправкой... Мы предполагали, что вы хотите создать полномочный представительный орган... Я утверждаю, что у всех нас было твердое убеждение, что дело идет о создании такого представительного органа, который творит из себя власть. Теперь нам говорят, что этот орган содействует какому-то другому органу в создании власти, причем

степень этого содействия остается неопределенной. В такой редакции резолюция нас совершенно не удовлетворяет, и мы будем голосовать против нее в целом...

И тут речь Луначарского была прервана Церетели, который произнес следующие слова, вызвавшие колоссальный скандал:

> С этих пор, имея дело с большевиками, я буду всегда брать с собой нотариуса и двух писцов.

В заседании поднялся большой шум, а фракция большевиков полностью покинула зал заседаний.

[243]) *«Совет Пяти»*—был иным названием директории, возникшей в дни керенщины. В ее состав, помимо Керенского, входили еще военный министр Верховский, морской министр Вердеревский, Терещенко и Никитин (почти социал-демократ). Эта директория была создана Керенским на предмет решительной борьбы за утверждение целостности демократии. Фактически директория превратилась в персональную диктатуру Керенского.

[244]) Этот инцидент, как было уже сказано в прим. 242, возник в связи с выкриком Церетели о нотариусе и писцах.

[245]) Здесь имеется в виду голосование кооператоров за формулу Церетели, ибо в первые дни этого блока между кооператорами и Церетели не было.

[246]) Здесь туманно изложено разногласие, существовавшее в среде большевистской фракции Демократического Совещания. Как известно, часть большевистской фракции, во главе с т. Троцким, стояла на той точке зрения, что фракция должна уйти с Демократического Совещания, которое—в данной обстановке—является лишь орудием обмана масс, а пребывание фракции на Совещании затушевывает боевые задачи, стоящие перед партией и пролетариатом. В общих чертах об этом говорится в книге Л. Д. Троцкого «Октябрьская Революция»:

> Еще во время Демократического Совещания был поставлен в нашей партийной фракции вопрос о демонстративном уходе с Совещания и о бойкоте Демократического Совета. Нужно было действием показать массам, что соглашатели завели революцию в тупик. Борьба за создание Советской власти могла вестись только революционным путем. Нужно было вырвать власть из рук тех, которые оказались не способными на добро и, чем дальше, тем больше теряли способность даже на активное зло. Необходимо было наш политический путь—через мобилизацию сил вокруг Советов, через Всероссийский Съезд Советов, через восстание—противопоставить их пути—через искусственно подобранный Предпарламент и гадательное Учредительное Собрание.
>
> Это можно было сделать только путем открытого разрыва, на глазах всего народа, с учреждением, созданным Церетели и его единомышленниками, и путем сосредоточения всего внимания и всех сил рабочего класса на Советских учреждениях. Вот почему я предлагал демонстративный уход с Совещания и революционную агитацию на заводах и в полках против попытки подтасовать волю революции и снова ввести ее развитие в русло сотрудничества

с буржуазией. В том же смысле высказался и Ленин, письмо которого мы получили несколько дней спустя. Но на партийных верхах еще наблюдались колебания в этом вопросе. Июльские дни оставили глубокий след в сознании партии. Рабочая и солдатская масса оправилась от июльского разгрома гораздо скорее, чем многие из руководящих товарищей, которые опасались срыва революции новым преждевременным натиском масс. Во фракции Демократического Совещания я собрал за свое предложение 50 голосов против 70, которые высказались за участие в Демократическом Совете. Опыт этого участия скоро, однако, укрепил левое крыло партии. Становилось слишком очевидным, что путем близких к плутням комбинаций, которые имели своей задачей обеспечить дальнейшее руководство революцией за цензовыми элементами, при посредстве потерявших в народных низах почву соглашателей,—нет выхода из того тупика, в который загнала революцию дряблость мещанской демократии. К тому моменту, когда Демократический Совет, пополненный цензовыми элементами, превратился в Предпарламент, в нашей партии уже назрела готовность порвать с этим учреждением.

На данном заседании фракции развернулись разногласия уже не по вопросу об уходе с Демократического Совещания, так как это предложение было уже ранее отвергнуто большинством фракции, а по вопросу о том,—участвовать или нет в создаваемом соглашателями Совете Республики. С докладами выступили т. т. Троцкий и Каменев, которые защищали две столкнувшиеся точки зрения. Троцкий резко выступил за прямой бойкот парламента. Когда же выяснилось, что большинство фракции против этого, он прибегнул к обходному по внешности решению, о котором говорится в конце данной речи. Для большего освещения этого важного момента мы приводим следующие указания т. Троцкого, которые он дает по поводу документа, помещенного в приложении за № 16:

> Мое предложение о бойкоте Предпарламента провалилось. Тогда я предложил, не входя пока в Предпарламент, «отложить» решение вопроса до Съезда Советов. По существу это было то же самое предложение бойкота, так как Съезд Советов должен был решить вопрос о захвате власти, но по внешности резолюция получала как бы компромиссный характер в том смысле, что категорического решения о невхождении в Предпарламент не принималось, и вопрос как бы оставлялся открытым до Съезда Советов.

Представители же большинства горячо ратовали за участие в Предпарламенте, заявляя, что бойкотизм давно уже осужден партией, что невхождение большевиков в Предпарламент означало бы гражданскую войну и пр. Некоторое освещение происходивших прений дают замечания Л. Д. Троцкого по поводу его собственных мнемонических записей того времени, помещенных нами в приложении под № 16.

> Здесь перечислены—пишет т. Троцкий—выступления т. Каменева: «Почему же не войти?», т. Рыкова, который, отождествляя Предпарламент с парламентом вообще, доказывал нецелесообразность бойкотирования в отношении Предпарламента совершенно так

же, как в отношении любого буржуазного парламента, и т. Рязанова, который говорил, что мы в Предпарламенте потребуем от министра финансов предъявления приходо-расходной книги. Я не помню, сколько было присутствующих на заседании членов нашей фракции, кажется, свыше ста. Прения были длительные и очень горячие. Основной доклад и контр-доклад делали я и т. Каменев. Бойкотистская позиция потерпела поражение, но разница в числе голосов была невелика (примерно, 40 с чем-то на одной стороне и около 60—на другой. Возможно, впрочем, что в цифрах я ошибаюсь *). Приведенные под № 16 записи служили канвой моего ответа в защиту бойкота Предпарламента. Я развил в этой речи те же соображения, которые изложены в документе № 2, предназначенном для ЦК и фракции Предпарламента. Почему эта последняя рукопись не закончена и не оглашена? Насколько я могу припомнить, как раз в то время, когда я писал тезисы о необходимости ухода из Предпарламента, после того как отклонена была моя резолюция, предлагавшая бойкотировать Предпарламент, получилось письмо т. Ленина (см. ниже. *Ред.*), решительно солидаризировавшегося с тактикой бойкота и настаивавшего на выходе из Предпарламента. Письмо это дало безусловный перевес сторонникам выхода из Предпарламента (см. ниже прим. 263. *Ред.*), и в моем письме не было уже нужды.

Эти чрезвычайно важные разногласия явились, как известно, преддверием тех острых споров исторического значения, которые возникли внутри партии в дни Октября и непосредственно за ними. Тов. Ленин, в разногласиях по вопросу об участии в Демократическом Совещании и бойкоте Предпарламента, самым категорическим образом поддерживал бойкотистов. Его позиция, как и позиция всех бойкотистов, вполне понятна, если вспомнить, что он уже в дни Демократического Совещания ставил перед партией конкретно вопрос о захвате власти. Этому целиком посвящено его следующее письмо:

> Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки... Демократическое Совещание не представляет большинства революционного народа, *а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.
>
> Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли
>
> ... И Учредительного Собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К° всегда *могут сорвать* его. Только

*) Соотношение голосов действительно было несколько иное. На этом (21 сентября) заседании большевистской фракции резолюция о вхождении в Предпарламент была принята большинством 70 голосов против 50.

наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания, и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с *массами*.

Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактический *свой съезд*, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции*.

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: *«восстание есть искусство»* и т. д.

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский и К° не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического Совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, *за нас*. Именно теперь предложить мир народам—значит *победить*.

Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно»*... («Большевики должны взять власть. Письмо в ЦК, ПК и МК Р. С.-Д. Р. П. (б-ков)». Написано в сентябре 1917 г., в дни «Демократического Совещания». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 133—135.)

Именно с этого момента Ленин начинает подготовлять партию к усвоению того, что вопрос о власти есть вопрос о вооруженном восстании. Как и всегда, Ленин обосновывает свою точку зрения анализом объективных классовых и политических отношений. Вот, что он писал в другом письме по этому поводу:

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—5 июля с сентябрьскими днями.

3—5 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было:

1. Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции. Не было большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2. Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3. Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4. Потому 3—5 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к* Керенским *и к* Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков. Политически мы не удержали бы власти 3—5 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер. Теперь картина совсем иная. За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров *) (и от самих эсеров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции. За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эсерами. За нами верная победа, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что «Демократическое Совещание» *еще* может принять его. Компромисс предлагался от *партии* к *пар-*

---

*) Следовало бы читать: от блока с эсерами. *Ред.*

тиям; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое Совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа*,—нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию, как к парламенту, ибо, даже *если бы* оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами на-лицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами—исключительные выгоды положения, когда *только наша* победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции,—сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции. Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся «оборонцами», тогда мы становимся *во главе военных* партий, мы будем *самой «военной»* партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт. И мы отстоим тогда Питер.

Рессурсы действительно революционной войны как материальные, так и духовные в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь—это значит уже победить *весь мир*.

... Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами. Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эсеров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции... Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на *заводы* и в *казармы*: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания. Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснить нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы *правильно учтем момент для начала восстания*.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам, к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*... («Марксизм и восстание. Письмо в ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б-ков)». Написано в сентябре 1917 г. в дни «Демократического Совещания». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 136—140).

Что же касается поведения фракции на Демократическом Совещании, то ее ошибки недвусмысленно зафиксированы нижеследующим письмом Ленина:

Ошибки нашей партии *)

Пятница, 22 сентября 1917 г.

Чем больше вдумываешься в значение так называемого Демократического Совещания, чем внимательнее всматриваешься в него со стороны,—а со стороны, говорят, виднее,—тем тверже становится убеждение, что наша партия сделала ошибку, участвуя в нем. Надо его было бойкотировать. Скажут, пожалуй, какая польза разбирать такой вопрос? Прошлого не воротишь. Но это возражение против тактики вчерашнего дня было бы явно несостоятельно. Мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего «со дня на день». Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, в их причинной связи, в их результатах. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра.

В стране явно нарастает новая революция, революция *иных* классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма.

---

*) По сообщению редакции «Пролетарской Революции», это письмо перепечатано не с оригинала (рукописи В. И. Ленина), а с одной из переписывавшихся много раз копий, ходивших в то время по рукам, почему в тексте возможны некоторые неточности. *Ред.*

Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно: беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника англо-французского капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским.

Сейчас не будем останавливаться на фактах, свидетельствующих о нарастании новой революции, ибо, судя по статьям нашего центрального органа «Рабочего Пути», партия уже выяснила свои взгляды по этому пункту. Нарастание новой революции представляет из себя явление, кажется, общепризнанное партией. Конечно, сводки данных об этом нарастании еще понадобятся, но они должны составить тему других статей.

В данный момент важнее обратить наибольшее внимание на классовые различия между старой и новой революцией, на учет политического момента и наших задач и точки зрения этого основного явления, соотношения классов. Тогда, в первую революцию, авангардом были рабочие и солдаты, т.-е. пролетариат и передовые слои крестьянства.

Этот авангард *увлек за собою* не только многие из худших, колеблющихся элементов мелкой буржуазии (вспомним колебания меньшевиков и трудовиков насчет республики), но и монархическую партию кадетов, либеральную буржуазию, превратив ее в республиканскую. Почему такое превращение было возможно? Потому, что экономическое господство для буржуазии—все, а форма политического господства—дело девятое, буржуазия может господствовать и при республике, даже господство ее вернее при республике в том смысле, что этот политический строй никакими переменами в составе правительства, в составе и группировке правящих партий не задевает буржуазии.

Конечно, буржуазия стояла и будет стоять за монархию, потому что более грубая, военная охрана капитала монархическими учреждениями всем капиталистам и помещикам виднее и «ближе». Но при сильном напоре «снизу» буржуазия всегда и везде «мирилась» с республикой, лишь бы отстоять свое экономическое господство.

Теперь пролетариат и беднейшее крестьянство, т.-е. большинство народа, встали в такое отношение к буржуазии и к «союзному» (а равно всемирному) империализму, что *«увлечь» за собой* буржуазию *нельзя*. Мало того: верхи *мелкой* буржуазии и более имущие слои *демократической* мелкой буржуазии явно против новой революции. Этот факт до того очевиден, что на нем сейчас нет надобности останавливаться. Господа Либерданы, Церетели и Черновы нагляднее наглядного иллюстрируют его.

Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть.

Но те классы стоят «по одну и по другую сторону баррикады».

Это главное.

В этом и *только* в этом *научная* основа для того, чтобы говорить о *новой* революции, которая могла бы, рассуждая чисто теоретически, беря вопрос абстрактно, произойти легально, если бы,

например, Учредительное Собрание, созванное буржуазией, дало большинство против нее, дало большинство партиям рабочих и беднейших крестьян.

Объективное взаимоотношение классов, их роль, экономическая и политическая,—вне представительных учреждений данного типа и внутри них; нарастание или упадок революции, соотношение внепарламентских средств борьбы с парламентскими—вот где главнейшие, основные, объективные данные, которые надо учесть, чтобы тактику бойкота или участия вывести не произвольно, не по своим «симпатиям», а марксистски.

Опыт нашей революции наглядно поясняет, как надо по-марксистски подходить к вопросу о бойкоте.

Почему бойкот Булыгинской Думы оказался правильной тактикой?

Потому, что он соответствовал объективному соотношению общественных сил в их развитии. Он давал лозунг нарастающей революции за свержение старой власти, которая, чтобы отвлечь народ от революции, созывала соглашательское, грубо подделанное, не открывавшее поэтому перспектив серьезной «зацепки» за парламентаризм, учреждение (Булыгинскую Думу). Внепарламентские средства борьбы у пролетариата и у крестьянства были сильнее. Вот из каких моментов сложилась правильная, учитывающая объективное положение, тактика бойкота Булыгинской Думы.

Почему тактика бойкота III Думы оказалась неправильной?

Потому, что она опиралась только на «яркость» лозунга бойкота и на отвращение к грубейшей реакционности третье-июньского «хлева». Но объективно положение было такое, что, с одной стороны, революция была в сильнейшем упадке и падала дальше. Для подъема ее парламентская опора (даже внутри «хлева») приобретала громадное политическое значение, ибо внепарламентских средств пропаганды, агитации, организации почти не было, или они были крайне слабы. С другой стороны, грубейшая реакционность III Думы не мешала ей быть органом действительного взаимоотношения классов, именно: столыпинского соединения монархии с буржуазией. Это новое взаимоотношение классов страна должна была изжить.

Вот из каких моментов сложилась правильно учитывавшая объективное положение тактика участия в III Думе.

Достаточно вдуматься в эти уроки опыта, в условия марксистского подхода к вопросу о бойкоте или участии, чтобы убедиться в полнейшей неправильности тактики участия в «Демократическом Совещании», «Демократическом Совете» или Предпарламенте.

С одной стороны, нарастает новая революция. Война идет вверх. Внепарламентские средства пропаганды, агитации, организации громадны. Значение «парламентской» трибуны в данном Предпарламенте ничтожно. С другой стороны, никакого нового взаимоотношения классов этот Предпарламент не выражает и не «обслуживает»; крестьянство, например, здесь представлено хуже, чем

в имеющихся уже органах (Советах Крест. Депут.). Вся суть Предпарламента—бонапартистский *подлог*—не только в том смысле, что грязная банда Либерданов, Церетели и Черновых вместе с Керенским и К° *подтасовали*, фальсифицировали состав этой церетелевско-булыгинской Думы,—но и в том, более глубоком смысле, что единственное назначение Предпарламента—надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для *старой*, уже испытанной, истрепанной, истасканной «коалиции» с буржуазией (т.-е. превращения буржуазией господ Церетели и К° в гороховых шутов, помогающих подчинять народ империализму и империалистской войне).

Мы слабы теперь,—говорит царь в августе 1905 года своим крепостникам-помещикам.—Наша власть колеблется. Волна рабочей и крестьянской революции поднимается. Надо надуть «серячка», помазать его по губам.

Мы слабы теперь,—говорит теперешний царь, бонапартист Керенский, кадетам, беспартийным Тит Титычам, Плехановым, Брешковским и К°. Наша власть колеблется. Волна рабочей и крестьянской революции поднимается. Надо надуть демократию, перекрасив для этого в другие краски тот шутовской костюм, в котором ходят с 6 мая 1917 года, для одурачения народа, эсеровские и меньшевистские «вожди революционной демократии», наши милые друзья, Церетели и Черновы. Их нетрудно помазать по губам «Предпарламентом»...

Мы сильны теперь,—говорит царь своим крепостникам помещикам в июне 1907 года.—Волна рабочей и крестьянской революции спадает. Но мы не сможем удержаться по-старому, и одного обмана мало. Нужна новая политика в деревне, нужен новый экономический и политический блок с Гучковыми-Милюковыми, с буржуазией.

Так можно представить три ситуации: август 1905 года, сентябрь 1917 года, июнь 1907 года, чтбы нагляднее пояснить объективные основы тактики бойкота, ее связь с взаимоотношением классов. Обман угнетенных классов угнетателями есть всегда, но значение этого обмана в разные исторические моменты различно. Тактики нельзя основывать только на том, что угнетатели обманывают народ; ее надо определять, анализируя в целом взаимоотношения классов и развитие как внепарламентской, так и парламентской борьбы.

Тактика участия в Предпарламенте *не верна*, она не соответствует объективному взаимоотношению классов, объективным условиям момента.

Надо было бойкотировать Демократическое Совещание, мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не ставится. Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс, было бы серьезное размышление об объективных основах тактики.

Надо бойкотировать Предпарламент. Надо уйти в Совет Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо их звать на борьбу. Надо им дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с его поддельным Предпарламентом, с этой церетелевско-булыгинской Думой. Меньшевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам (в коих у нас тогда еще не было большинства), они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров. Беспощадная борьба с ними. Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими *друзьями Кишкиных*, друзьями корниловских помещиков и капиталистов!

Суббота, 23 сентября.

Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий!

Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое Совещание.

Да здравствует бойкот!

Ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний—не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни.

Надо во что бы то ни стало добиваться решения вопроса о бойкоте и пленумом Исполнительного Комитета, и экстренным съездом партии. Надо взять сейчас вопрос о бойкоте платформой для выборов на съезд и для *всех* выборов внутри партии. Надо втянуть *массы* в обсуждение вопроса. Надо, чтобы сознательные рабочие взяли дело в свои руки, проведя это обсуждение и оказывая давление на *«верхи»*.

Невозможны никакие сомнения насчет того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать *губительными*, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны *погубить* дело. Пока не поздно, надо всеми силами взяться за борьбу, отстоять правильную линию партии революционного пролетариата.

У нас не все ладно в «парламентских» верхах партии; больше внимания к ним, больше надзора рабочих за ними; компетенцию парламентских фракций надо определить строже.

Ошибка нашей партии очевидна. Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшны были бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления ее.

Воскресенье, 24 сентября.

Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ, при темпе, каким живет Россия. Второй раз повторяется комедия, разыгранная эсерами и меньшевиками после 20—21 апреля... («Пролетарская Революция», № 3 за 1924 год).

Какое значение придавал Ленин этим ошибкам, видно из того, что он вынес их обсуждение в печать, опубликовав в «Рабочем Пути» от 24 сентября свою статью «О героях подлога»:

«... И тут я подхожу к ошибкам большевиков. Ограничиться ироническими аплодисментами и возгласами в такой момент — является ошибкой.

Народ измучен колебаниями и оттяжками. Недовольство явно нарастает. Надвигается новая революция. Весь интерес реакционных демократов — Либеров, Данов, Церетели и пр. — *отвлечь* внимание народа на комедийное «Совещание», *«занять»* народ этой комедией, *отрезать* большевиков от массы, задерживая большевистских делегатов на таком недостойном занятии, как сидение и выслушивание Зарудных! А Зарудные еще правдивее других!!

Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов.

Большевики должны были, в числе $^{99}/_{100}$ *своей делегации, итти* на фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России и после речи Зарудного увидевших всю бездну эсеровской и меньшевистской гнилости. Там, поближе к массам, следовало бы обсудить в сотнях и тысячах собраний и бесед уроки этого комедийного Совещания.

Десять убежденных солдат или рабочих из отсталой фабрики *стоят в тысячу раз больше,* чем *сотня* подтасованных Либерданами делегатов. Использование парламентаризма — особенно в революционные времена — состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, *чтобы учить массы на примере гнилья.*»

Наконец, видя, насколько гибельным является поведение большинства фракции, т. Ленин решил поставить вопрос перед партией в полном объеме, «сделав вопрос о бойкоте платформой для выборов на Съезд и для всех выборов внутри партии» (см. выше его письмо «Ошибки нашей партии»). В конце сентября он выработал следующие «Тезисы для Петербургской общегородской конференции и наказа делегатам на партийный съезд»:

«О Предпарламенте.

1) Участие нашей партии в «Предпарламенте» или «Демократическом Совете» или «Совете Республики» есть явная ошибка и отступление от пролетарского-революционного пути.

2) Объективное положение таково, что в стране, несомненно, нарастает революция против бонапартистского правительства Керенского (крестьянское восстание, усиление недовольства и конфликтов с правительством в армии и среди национальных групп, конфликт с железнодорожниками и почтовыми служащими, полный крах соглашателей меньшевиков и эсеров на выборах и пр.).

При таком нарастании революции итти в поддельный парламент, подтасованный для обмана народа, значит облегчить этот обман,

затруднять дело подготовки революции, отвлекать внимание и силы партии от насущной задачи борьбы за власть и за свержение правительства.

3) Съезд партии должен поэтому отозвать членов нашей партии из Предпарламента, объявить бойкот его, призвать народ к подготовке сил для разгона этой церетелевской «булыгинской Думы» (Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 267—268).

[247]) 21 сентября состоялся пленум Петроградского Совета, на котором обсуждался ряд крайне важных вопросов, как-то: перензбрание членов Исполнительного Комитета Петросовета, утверждение выборов Исполкома Солдатской Секции. По 3 пункту повестки дня—о Демократическом Совещании—с докладом выступил Бухарин. После речей меньшевика Бройдо и эсера Каплана, с речью выступил тов. Троцкий. После прений была принята резолюция, оглашенная Бухариным. Меньшевики и эсеры в голосовании не участвовали.

[248]) *Каплан*—студент, видный эсер, руководивший эсеровской фракцией Петроградского Совета.

[249]) Как известно, ЦК кадетской партии официально отказался от участия в Демократическом Совещании.

[250]) *Бройдо*—видный меньшевик, бывший в то время одним из руководителей меньшевистской фракции Петросовета. В дни Советской власти Бройдо эволюционировал влево и перешел в ряды нашей партии.

[1]) Здесь имеется в виду следующее «трогательное» событие, происшедшее в дни Государственного Совещания. Крупный железнодорожный туз Бубликов, окончив свою речь, при бурных рукоплесканиях буржуазно-соглашательского зала обменялся с Церетели крепким рукопожатием. Газеты потом раззвонили этот случай, как яркое проявление единства между «живыми силами» страны.

[252]) Как мы видели выше, большинство большевистской фракции, как и большинство ЦК, высказалось за участие в Предпарламенте. Меньшинство подчинилось, что, конечно, не означало прекращения разногласий по этому вопросу.

[253]) К сожалению, подробных протоколов этого заседания найти не удалось. Приводим лишь отчет, данный в «Известиях».

[254]) Предпарламент (он же Демократический Совет, он же Совет Республики) был, как известно, выделен Демократическим Совещанием. Состав его был определен следующим образом:

I. По списку демократических организаций (социалистическая демократия):

Партии.

1.	Социалисты-революционеры	63
2.	Меньшевики-оборонцы	68
3.	Большевики	53
4.	Интернационалисты с.-д. (объед.)	3
5.	Народные социалисты	3
6.	Группа «Единство» (Плеханова)	1
7.	Украинские с.-д.	1

Организации.

1. Советы крестьянских депутатов	38
2. Земская группа	37
3. Представители фронта	25
4. Кооперация	18
и т. д.	
Всего	367

II. По списку «цензовых групп» (не-социалистическая демократия и «буржуазия»).

1. Партия народной свободы	56
2. Представители торговли и промышленности	34
3. Совет московского совещания общественных деятелей	15
4. Совет земельных собственников	7
5. Казачество	22
и т. д.	
Всего	156

III. Представительство национальностей	27
Всего	550

После ухода большевиков (53) осталось 497 членов Совета Республики (Милюков, «История второй русской революции», т. I, стр. 122—124).

Президиум Демократического Совета был составлен следующим образом: от меньшевиков—Чхеидзе, Дан и Мандельберг, от эсеров—Гоц, Авксентьев, Камков и Минор, и от нашей партии—т.т. Троцкий и Каменев (до ухода, конечно, большевиков из Предпарламента).

[255]) Данное заседание происходило при закрытых дверях. После доклада Церетели о переговорах о власти Дан предложил следующую резолюцию:

> Демократический Совет, заслушав доклад т. Церетели, признает образование Предпарламента, перед которым правительство обязано отчетностью, крупным шагом в деле создания устойчивой власти и проведения в жизнь программы 14 августа... Демократический Совет находит необходимым установить формальную ответственность правительства перед Предпарламентом и, признавая в данных условиях приемлемым намеченное соглашение, заявляет, что власть может принадлежать такому правительству, которое пользуется доверием Предпарламента.

Первым фракционным оратором выступил т. Троцкий. Предложенная им резолюция была отвергнута 111 голосами против 58. Резолюция же Дана была принята 109 голосами против 84 при 22 воздержавшихся.

[256]) На этом заседании был окончательно и формально закреплен переход Петросовета в руки нашей партии. При выборах Исполкома голоса распределились следующим образом: 230—за большевиков, 102—за эсеров, 54—за меньшевиков и 10—за меньшевиков-интернационалистов. В президиум Совета вошли: от большевиков—Троцкий (председатель), Каменев, Рыков и Федоров, от эсеров—Чернов и Каплан, от меньшевиков—Бройдо. Изменившуюся обстановку в Совете ярко подметил Суханов в своих «Записках о революции»:

Председателем стал Троцкий, при появлении которого разразился ураган рукоплесканий... Все изменилось в Совете! С апрельских дней он шел против революции и был опорой буржуазии. Целых полгода он служил плотиной—против народного движения и гнева. Это были преторианцы звездной палаты, отданные в распоряжение Керенского и Терещенко. И во главе их стояла сама звездная палата... Теперь это вновь была революционная армия, неотделимая от петербургских народных масс. Это была теперь гвардия Троцкого, готовая по его знаку штурмовать коалицию, Зимний и все твердыни буржуазии. Спаянный вновь с массами, Совет вернул себе свои огромные силы» (кн. VI, стр. 189).

Заметьте, так писал не-большевик.

[257]) Этот эпизод изложен следующим образом в книге Л. Д. Троцкого «1905 год»:

3 декабря правительство Витте, в свою очередь, заговорило «кратко, ясно и понятно»: оно окружило здание Вольно-Экономического Общества войсками всех родов оружия и арестовало Совет. В 4 часа дня собрался Исполнительный Комитет. Порядок дня был заранее дан конфискацией газет, каторжными правилами о стачках и заговорщической телеграммой Дурново. Представитель ЦК Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) вносит от имени партии предложение: принять вызов абсолютизма, снестись немедленно со всеми революционными организациями страны, назначить день открытия всеобщей политической стачки, призвать к действию все силы, все резервы и, опираясь на аграрные движения и волнения солдат, итти навстречу решительной развязке... Прения по этому вопросу прерываются известием, что сегодня предстоит арест Совета... Здание окружено солдатами Измайловского гвардейского полка, верховыми казаками, городовыми, жандармами... Бурные протесты делегатов доносятся снизу. Председатель открывает окно второго этажа, перегибается вниз и кричит: «Товарищи, сопротивления не оказывать! Мы заранее объявляем, что здесь может раздаться только полицейский или провокаторский выстрел». Через несколько минут солдаты поднимаются во второй этаж и становятся у входа в помещение Исполнительного Комитета. *Председатель* (обращаясь к офицеру): «Предлагаю закрыть двери и не мешать нашим занятиям». Солдаты остаются в коридоре, но дверей не закрывают.

Председатель: «Заседание продолжается. Кто хочет слова?..»

Дверь раскрываются, в комнату вползает, бледный, как смерть, жандармский ротмистр (он боялся пули), за ним дюжины две городовых, которые размещаются за стульями делегатов.

Председатель: «Объявляю заседание Исполнительного Комитета закрытым.»

Начинается обыск. Все отказываются назвать себя. Обысканные, описанные и занумерованные поступают под конвой полупьяных гвардейцев. Петербургский Совет Рабочих Депутатов—в руках заговорщиков Царского Села.

[258]) Последний состав Правительства Керенского, о котором говорит Л. Д. Троцкий, был образован 25 сентября. В него входили: *Керенский*—председателем совета министров, *Никитин*—министром внутренних дел, *Карташев*—министром исповеданий, *Салазкин*—министром просвещения, *Прокопович*—министром продовольствия, *Ливеровский*—министром путей сообщения, *Верховский*—военным министром, *Вердеревский*—морским, *Коновалов*—министром промышленности и торговли и заместителем министра-председателя, *Гвоздев*—министром труда, *Малянтович*—министром юстиции, *Терещенко*—министром иностранных дел, *Бернацкий*—министром финансов, *Кишкин*—министром государственного призрения, *Третьяков*—председателем экономического совета, *Смирнов* (председатель Московского областного военно-промышленного комитета)—государственным контролером.

«Рабочий Путь» по поводу нового министерства писал 26 сентября:

Уже три недели тому назад это новое министерство было вполне готово и терпеливо выжидало за кулисами, чтобы по сигналу, поданному рукой опытных политических режиссеров, выступить на сцену в роли «спасителей отечества»...

27 сентября «Рабочий Путь» писал:

6 министров-капиталистов, как ядро «кабинета», и 10 министров-«социалистов», в услужение им,—в качестве проводников их воли... Правительство Керенского—Коновалова есть правительство войны и буржуазной диктатуры... Самые ответственные посты по внешней политике переданы в руки кадетско-корниловских столпов... И эти люди—открытые враги масс—будут решать вопросы войны и мира, связанные с жизнью миллионов солдат.

[259]) На этом заседании Петроградского Совета с докладом по текущему моменту выступил Каменев, основной тезис речи которого сводился к тому, что попытка создать коалицию—это провокация гражданской войны. После выступления Скобелева речь произнес т. Троцкий. Меньшевики на этом заседании лишний раз показали свое пошло-трусливое мелкобуржуазное лицо, заявив через Богданова, что диктатура пролетариата может повлечь за собою «гибельные последствия Парижской Коммуны». В принятой резолюции Петросовет квалифицировал Временное Правительство, как правительство гражданской войны, и заявил, «что правительству контрреволюционного насилия рабочие и гарнизон Петрограда не окажут никакой поддержки».

260) *Беркенгейм*—народник-либерал, игравший крупную роль в кооперативном движении. После Октябрьской революции Беркенгейм, вместе с другими, возглавлял заграничные центры Центросоюза, отказываясь признать руководство Советского Центросоюза. Лишь в 1921 году Беркенгейм и К° увидели себя вынужденными отказаться от этого контр-революционного саботажа.

261) *Прокопович* — один из вождей либеральной интеллигенции. В 90-х г.г. Прокопович проходил школу легального марксизма, в конце десятилетия выступил, как наиболее крайний представитель «экономистов». Вместе со своей женой, Кусковой, он является автором знаменитого «Credo», в котором русскому пролетариату рекомендовался путь английского тред-юнионизма. Одновременно Прокопович пишет книги о европейском рабочем движении, долженствующие подкрепить эту основную его идею. В начале 900-х г.г. Прокопович входит в либеральную группу «Союза Освобождения», позже даже выбирается членом ЦК партии кадетов, но через некоторое время опять отходит влево и с тех пор занимает позицию кадетствующего почти-социал-демократа. В 1917 г. Прокопович, как «деловая» фигура и почти-с.-д., входит в правительство Керенского первых составов, в качестве министра торговли и промышленности, а затем как министр продовольствия, но уходит с поста незадолго до Октября, ввиду хаоса в правительственном аппарате. В годы гражданской войны Прокопович платонически сочувствует контр-революции. Свое лицо демократического контр-революционера Прокопович показывает в 1921 г., когда, войдя в ЦК Помгола (не советского, а так называемого «общественного»), вместе с Кусковой и Кишкиным (отсюда знаменитое прозвище «Прокукиш»), начинает заниматься организацией антисоветских сил вместо помощи Советской власти в борьбе с голодом. Высланный за границу, Прокопович проповедует демократию в белоэсеровских «Днях».

262) Настоящее заседание было связано с вопросом о переводе Правительства в Москву. Как указано ниже (см. прим. 264), этот вопрос был поставлен в Правительстве еще в начале октября. Решение солдатской секции означало, что солдатская масса Петрограда пойдет рука-об-руку с пролетариатом в борьбе за власть. Значение резолюции этого заседания было в свое время оценено Лениным в одном из его писем.

263) За время, протекшее с дней Демократического Совещания, соотношение сил бойкотистов и антибойкотистов в нашей партии изменилось. Под решительным давлением Ленина часть товарищей стала переходить на точку зрения бойкота Предпарламента. 7 октября произошло заседание фракции, бывшее чрезвычайно длительным и бурным. В защиту точки зрения бойкотистов выступал Троцкий; против него—Каменев и Рязанов. Представители последней точки зрения, уже не решаясь принципиально поддерживать участие в Предпарламенте, настаивали на том, чтобы выход из Предпарламента был отложен до какого-либо вопроса, который дал бы повод уйти, иначе массы якобы не поймут ухода. В результате прений, точка зрения Троцкого победила, правда, незначительным большинством. Этот факт наглядно показывает, что те настроения, которые были беспощадно осуждены Лениным в его сентябрьских письмах, еще были сильны.

[264]) Вопрос о переводе Правительства в Москву был поднят Керенским в начале октября. Правительство было решило перевести часть аппарата немедленно, и только давление революционных мас заставило Правительство отложить это бегство из революционного Питера. Насколько серьезно был задуман план этого перевода, показывает следующее сообщение «Рабочего Пути»:

> В заседании Правительства 4 октября, по инициативе Керенского, был поднят вопрос об эвакуации правительства. Официальные мотивы необходимости эвакуации правительства—стратегические. Среди членов кабинета возражений по существу этого предложения не было. Возникли прения о том, выносить ли постановление об эвакуации немедленно, или сначала осуществить все меры, необходимые по эвакуации, а затем уже вынести формальное постановление о переезде правительства в Москву. Керенский настаивал на немедленном решении вопроса. Далее возник вопрос о переводе в Москву Предпарламента. Решено, что Временное Правительство в первом заседании Предпарламента заявит о том, что перевод Правительства в Москву неминуем, и предложит Предпарламенту также переехать в Москву. Правительство предполагает немедленно вступить в переговоры с наиболее влиятельными фракциями демократии, чтобы обеспечить прохождение вопроса в Предпарламенте без больших трений. Утром 5 октября состоялось частное совещание членов правительства под председательством Коновалова. В этом заседании Кишкин сделал доклад о плане эвакуации Петрограда и Временного Правительства.

[265]) Газета *«Молот»* была закрыта 6 октября. Типография, в которой печаталась эта газета, была реквизирована.

[266]) После доклада Троцкого о Предпарламенте с речами выступили Либер, эсер Гамбаров, Коллонтай, огласившая резолюцию фракции большевиков, и Мартов. Факт принадлежности этой резолюции перу Троцкого установлен нами на основании имеющегося подлинника в архиве Л. Д. Троцкого.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

22—27 февраля. Забастовки и демонстрации в Петербурге.

27 февраля. Образование Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Возникновение Комитета Государственной Думы.

28 февраля. Выход № 1 «Известий С. Р. и С. Д.».

29 марта. Всероссийское Совещание Делегатов Совета Раб. и Солд. Депутатов.

3 апреля. Приезд Ленина в Россию.

15 апреля. Выход первого номера газеты военн. организации при ПК Р. С.-Д. Р. П. (б.) «Солдатской Правды».

24 апреля. Открытие апрельской Всероссийской Конференции Р.С.-Д. Р.П. (б.).

30 апреля. Выход Гучкова в отставку.

4 мая. Открытие Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов.

Приезд Л. Д. Троцкого в Россию.

5 мая. Образование первого коалиционного (второго Временного) Правительства.

Первое выступление Л. Д. Троцкого в Петроградском Совете.

11 мая. Первый крестьянский Съезд под председательством эсера Авксентьева.

30 мая. Выборы в районные думы в Петербурге.

1 июня. Открытие Совещания с.-д. членов Всероссийского Съезда Советов.

Открытие III Всероссийского Съезда партии с.-р.

3—24 июня. Всероссийский Съезд Советов.

9 июня. Запрещение Оборонческим Съездом Советов рабочей демонстрации в Петербурге.

Постановление ЦК С.-Д. партии большевиков об отмене демонстраций.

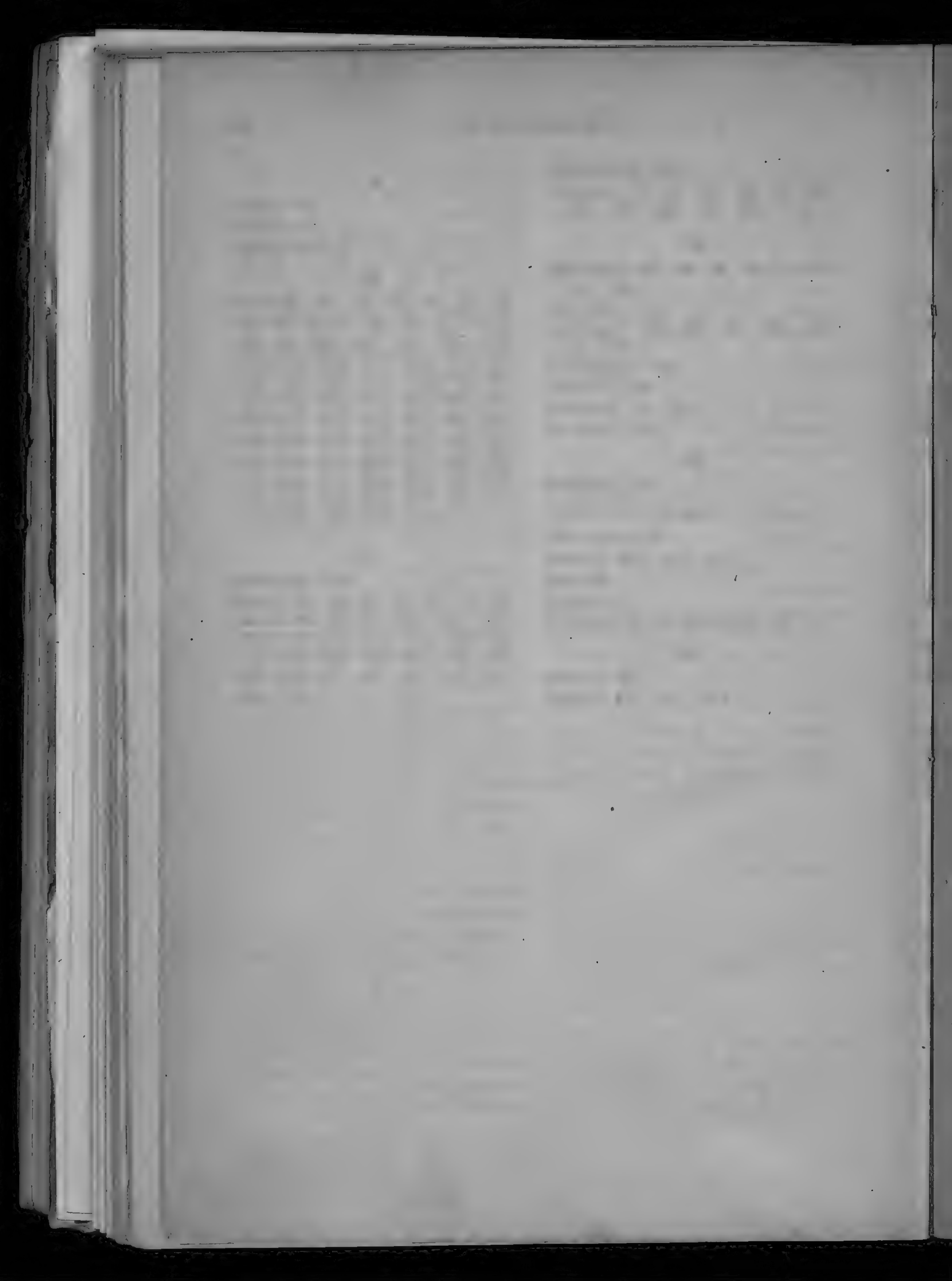
14 июня. Воззвание «Правды» к рабочим и солдатам по поводу демонстрации 18 июня.

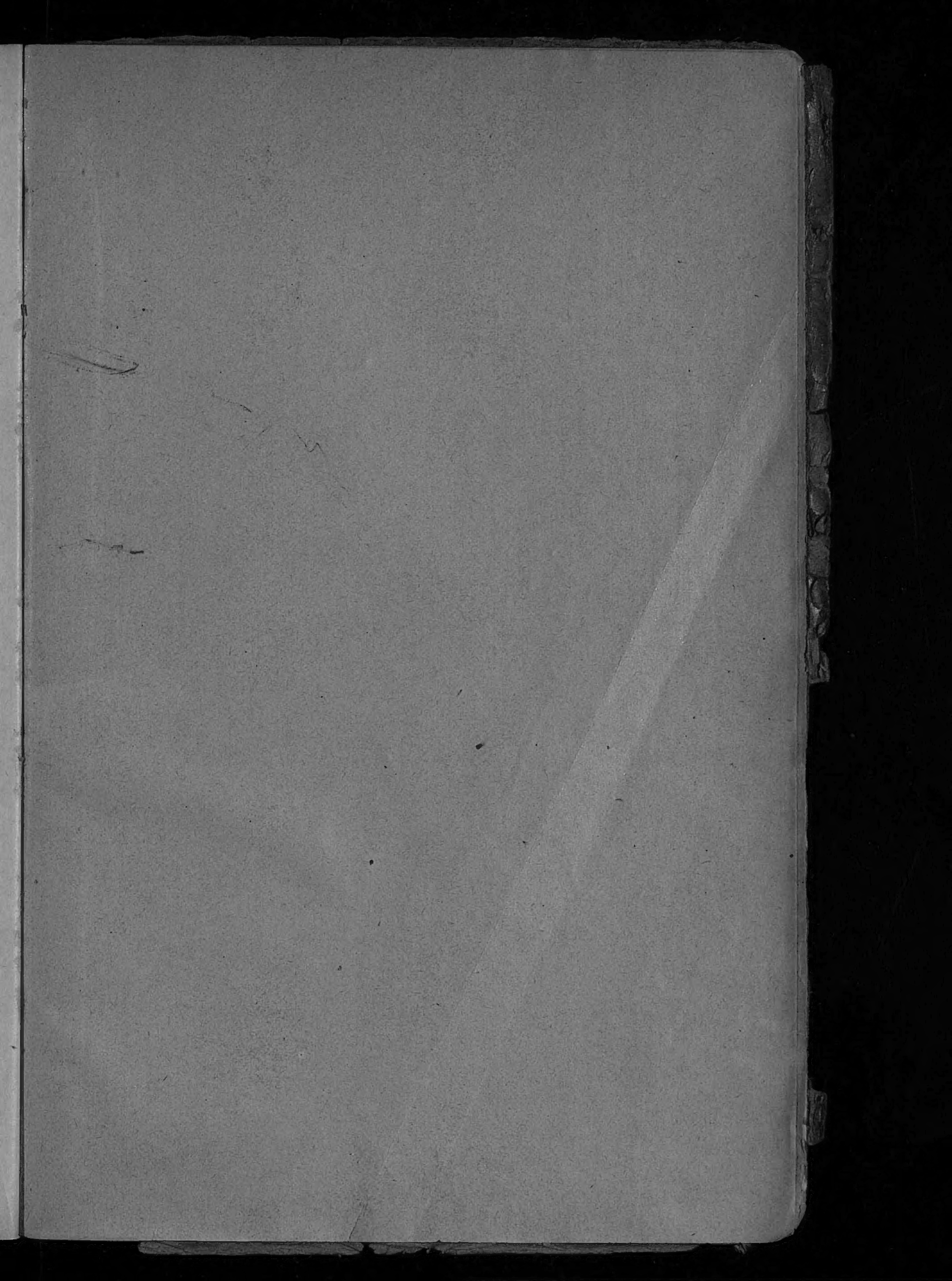
17 июня. Открытие Съезда партии народных социалистов.

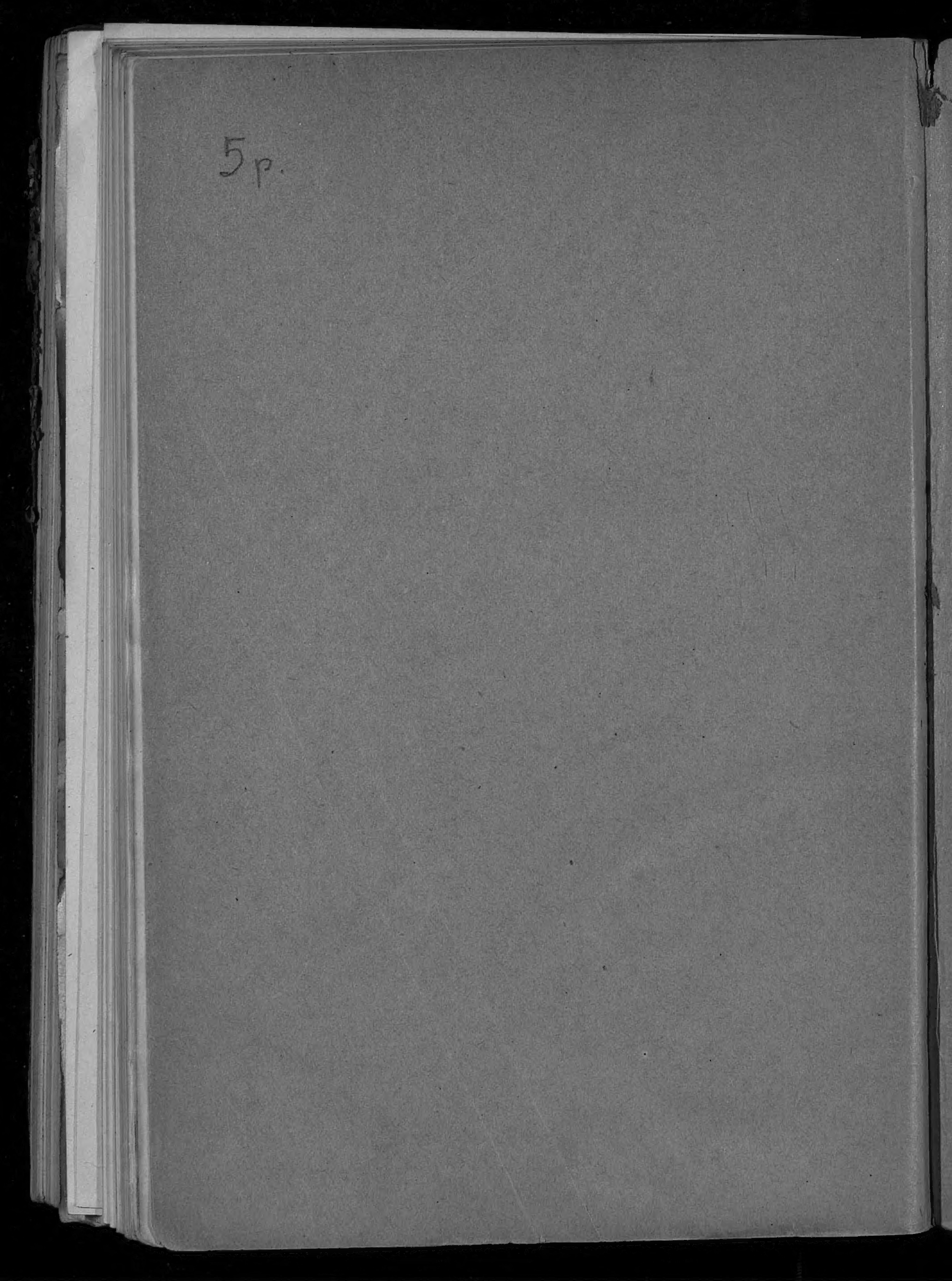
18 июня (1 июля).	Общесоветские массовые демонстрации в Петербурге и других городах, проходящие в большинстве под лозунгом «Долой министров-капиталистов».
19 июня.	Открытие VI Всероссийского Съезда трудовой группы.
	Начало наступления на фронте.
21 июня.	Открытие Всероссийской Конференции Профсоюзов.
2 июля.	Открытие конференции объедин. с.-д. (интернационалистов).
	Отставка министров-кадетов и князя Львова.
3 июля.	Вооруженная демонстрация рабочих с требованием передачи всей власти Совету Рабочих и Солд. Депутатов и ухода всех министров капиталистов.
5 июля.	Разгром редакции газеты «Правда» и типографии «Труд».
8 июля.	Образование 3-го Временного Правительства (2-е коалиционное) во главе с Керенским.
	Назначение созыва Учредительного Собрания на 30 сентября.
23 июля.	Арест Троцкого и Луначарского.
	Выход первого номера газеты «Рабочий и Солдат», органа ЦК Р. С.-Д. Р. П (б.).
26 июля (3 августа).	VI Съезд Р. С.-Д. Р. П (б.).
31 июля.	Открытие Съезда Всероссийского Крестьянского Союза.
14 августа.	Открытие Государственного Совещания в Москве. Забастовка московских рабочих в знак протеста против Совещания.
19 августа.	Открытие объединительного съезда Р.С-Д.Р.П (меньшевиков).
20 августа.	Начало выборов в центральную Петроградскую думу.
24 августа (6 сентября).	Открытие Всероссийского Совещания представителей областн. и районных Советов от 11 областей.
	Закрытие газеты «Пролетарий» орган ЦК. Р. С.-Д. Р. П. (больш.).
	Наступление Корнилова на Петроград.
	Отставка министров-кадетов.
25 августа (7 сентября).	Выход первого номера «Рабочий», органа Р.С.-Д.Р.П. (больш.).
31 августа.	Образование директории.
	Принятие Петроградским Советом первой большевистской резолюции.
Август—сентябрь.	Земско-городские выборы по России.
3 сентября.	Фронтовое совещание Р.С.-Д.Р.П (больш.) в Минске.
4 сентября.	Освобождение тов. Троцкого.
	На соединенном заседании Московского Совета

	Р. и С. Д. была впервые принята большевистская резолюция.
5 сентября.	Открытие Съезда Советов средней Сибири (Красноярск).
9 сентября.	Избрание нового президиума Петроградского Совета.
14 сентября.	Открытие Демократического Совещания в Петербурге.
21 сентября.	Правительственный кризис.
23 сентября.	Избрание Л. Д. Троцкого председателем Петербургского Совета.
	Открытие Предпарламента.
24 сентября.	Заседание ЦК Р.С.-Д.Р.П. (больш.) с участием большевистских делегатов Демократического Совещания.
26 сентября (8 октября.)	Четвертое Временное Правительство (3-е коалиционное).
30 сентября (13 октября.)	Победа большевиков на выборах в районные думы.
Сентябрь—октябрь.	Аграрное движение. Усмирение и аресты крестьян.
7 октября.	Выход большевистской фракции из Предпарламента.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

5p.

